ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Михаил Кунин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Отец Александр Мень (1935–1990) принадлежит к числу выдающихся людей России второй половины XX века. Можно сказать, что он стал духовным пастырем целого поколения и в глазах огромного числа людей был нравственным лидером страны. Редкостное понимание чужой души было особым даром отца Александра. Его горячую любовь почувствовал каждый из его духовных чад, к числу которых принадлежит и автор этой книги.

Нравственный авторитет отца Александра в какой-то момент оказался сильнее власти. Его убили именно тогда, когда он получил возможность проповедовать миллионам людей.

О жизни и трагической гибели отца Александра Меня и рассказывается в этой книге. По свидетельствам множества современников, его жизнь явила собой евангельский идеал и потому навсегда вошла в историю Церкви. Принятая им апостольская миссия намного превзошла по длительности его краткую жизнь. Ибо его проповедь, огненное слово о живом Христе обращены не только к современникам, но и к будущим поколениям людей.

Михаил Кунин
Отец Александр Мень

* * *

Предисловие

Протоиерей Александр Мень принадлежит к числу выдающихся людей России второй половины XX века. Его книги об истории религии, о Библии, о христианстве, которые с конца 60-х годов стали печататься в Бельгии издательством «Жизнь с Богом» и различными путями достигали советского читателя, становились плодотворными семенами возрождения христианской веры. Все это происходило в стране, в которой тысячи священнослужителей и мирян подвергались жестоким репрессиям с первых же дней революции 1917 года, а в 1960 году главой государства было обещано через пять лет показать по телевизору «последнего попа» и на этом с религией покончить.

В 1929 году митрополит Сергий (Страгородский), фактический глава Русской Православной церкви, пытаясь защитить Церковь от репрессий, пошел на рискованный компромисс с советской властью и издал декларацию, в которой утверждал, что в СССР нет гонений на религию, а есть только преследования за антисоветскую деятельность. С этого времени сотни епископов и священников были вынуждены уйти в подполье и нелегально продолжать свое служение. Возникла по существу «катакомбная» Церковь. Целью этой Церкви было сохранение чистоты Православия. В условиях, когда были закрыты все духовные семинарии, когда были закрыты все монастыри и почти все храмы, а на свободе осталось лишь несколько епископов, когда преподавание религии стало уголовным преступлением, христианская вера оставалась целью и содержанием жизни многих тысяч верующих, священников и мирян. Богослужения совершались тайно по домам, необходимо было соблюдать крайнюю осторожность в контактах с людьми. Но людей, сердца которых тянулись к постижению истинного смысла человеческой жизни, Бог самыми различными путями приводил к Евангелию и к Церкви.

Можно, пожалуй, сказать, что история, изложенная в предлагаемой книге, началась с того, что одна девочка из еврейской семьи с первых лет обучения в гимназии в Харькове, едва узнав о Христе, всем сердцем потянулась к Нему и к Его Евангелию. Это влечение сохранялось и росло, и когда Елена Семеновна Мень, уже в

Москве, стала женой и матерью, она приняла Крещение вместе со своим первенцем, Аликом Менем, в сентябре 1935 года. Крестил их в одном из домиков Сергиева Посада (в советское время Загорска) архимандрит Серафим (Битюков), до 1929 года настоятель храма Святых бессребреников Кира и Иоанна на Солянке в Москве. В этом доме была одна из таких «катакомбных» общин того времени. Подпольно совершались богослужения, крещения и духовное окормление членов этой общины.

Семье Меней помогала двоюродная сестра Елены Семеновны, Вера Яковлевна Василевская. Она в 1918 году закончила одну из лучших московских гимназий, затем — философский факультет МГУ и впоследствии стала кандидатом педагогических наук. Вера Яковлевна, в сущности, посвятила всю свою жизнь Леночке (Елене Семеновне Мень), при этом особенно она любила Алика, и всё свое интеллектуальное и духовное богатство стремилась передать ему буквально с первых дней его рождения. Алик Мень с раннего детства проявлял себя как необычайно талантливый ребенок. И, конечно, глубоко духовная и культурная атмосфера, создававшаяся мамой и тетушкой, легла на исключительно благоприятную почву.

Предлагаемая книга замечательно передает жизнь этой подпольной православной общины, начиная с 30-х и до середины 40-х годов, когда на совещании православных епископов в одном из лагерей ГУЛАГа было принято решение о выходе «катакомбной» церкви из подполья и возвращении в храмы Русской Православной церкви. Такое решение было связано с избранием Патриарха Алексия (Симанского) на Церковном соборе 1945 года и признанием этого избрания каноническим и законным. Конечно, гонения на Церковь и верующих не прекратились, но стали несколько мягче. Об этом послевоенном периоде жизни Церкви и верующих, о духовной атмосфере этого времени также замечательно рассказано в книге.

Алик очень рано стал читать и писать. Удивительно, что первые слова, написанные им в четыре года печатными буквами, стали заглавием всей его последующей жизни: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим.12: 21). В двенадцать лет, во время празднования 800-летия Москвы, когда в небо в лучах бесчисленных прожекторов был поднят на аэростатах грандиозный портрет Сталина, Алик, уже знавший о бесчисленных злодеяниях вождя народов, принял

решение стать священником. Знаменательно, что мальчик избрал в качестве противостояния тирану не путь политической борьбы и революций, а служение Богу и Церкви.

В этом служении будущий отец Александр уже с детства был наставляем и избрал сам не путь церковной замкнутости и изоляции от падшего мира, а путь глубокой веры в Бога, верности Священному Писанию, Церковной традиции с одновременной открытостью миру, науке, культуре и каждому человеку.

В это же время он пережил опыт глубокой встречи со Христом. Как бы ответом на его мрачные юношеские стихи стало переживание необычайной близости внутренне явившегося ему Иисуса как света, мудрости и разума. Реальность пережитого события и близости Христа сохранилась на всю жизнь и наложила отпечаток на все дела и решения отца Александра.

Книга очень хорошо передает замечательно дружную и духовную атмосферу жизни семьи Меней. Моя жизнь сложилась так, что уже в 1946 году, когда я пошел в первый класс 554-й школы, я очень скоро решил дружить с мальчиком из моего класса, Павликом Менем. С тех пор и до настоящего времени мы остаемся с Павлом самыми близкими друзьями. Мы жили на Серпуховке в соседних домах. Семья Меней стала для меня настоящей второй семьей. Я чуть не каждый день бывал у них в доме. Летом часто бывал и жил у них на даче на станции «Отдых» Казанской железной дороги. Так что могу свидетельствовать, что всё, о чем рассказывает эта книга, целиком соответствует моим воспоминаниям и пережитому времени.

Не могу не сказать об особой значимости в судьбе отца Александра Меня удивительного русского святого, преподобного Сергия Радонежского, основателя Троице-Сергиевой лавры в городе Сергиев Посад Московской области. В жизни преподобного Сергия, который, по мнению многих историков России, сыграл, пожалуй, решающую роль в объединении разрозненных русских княжеств в единое государство и освобождении от татарского ига в XIV веке, есть один поразительный факт. Он первый из устроителей монастырей средневековой Руси основал свою обитель в честь Святой Троицы. Как он сам говорил, в этом был его призыв к подражанию любви и единству Божественных Лиц в противовес ненавистной розни князей.

Именно в Сергиевом Посаде 3 сентября 1935 года семимесячный Алик принимает Святое Крещение. Именно там с этого времени принимают духовное окормление он сам, его мама и тетушка. Архимандрит Серафим сразу после начала войны, летом 1941 года, благословляет Елену Семеновну Мень с мальчиками остаться в деревне Глинково, в 5 километрах от Сергиева Посада, сказав, что немцы Сергиев Посад не возьмут. Многие подмосковные города зимой 1941 года были оккупированы немцами, но Сергиев Посад был не тронут. И, несмотря на тяжелейшие условия выживания, Елена Мень с мальчиками смогли прожить там до сентября 1943 года. В Сергиевом Посаде до 1961 года семья получала духовное окормление у схиигумении Марии, часто навещая ее.

В Пушно-меховом институте Александр знакомится со своей будущей женой, Наташей Григоренко, которая жила со своими родителями рядом с Сергиевым Посадом. С 1964 года семья отца Александра живет в доме Наташи. Наконец, 9 сентября 1990 года в 6.40 утра отец Александр был убит ударом топора в голову неподалеку от дома, когда он шел на электричку, чтобы ехать в свой храм в Пушкино служить воскресную литургию. Это случилось на той тропе, по которой преподобный Сергий ходил из родительского селения Радонеж на Маковец, где он основал Троице-Сергиеву лавру. На месте убиения в 2000 году построен храм, посвященный преподобному Сергию.

В заключение желание моего сердца привести несколько слов об отце Александре Мене С. С. Аверинцева, нашего замечательного литературоведа, философа и историка:

«9 сентября 1990 г., за день до Усекновения главы Иоанна Предтечи, топор убийцы рассек голову о. Александра Меня. Голову священника на пути в храм. Недруги столько корили его нерусской его кровью (кровью ветхозаветных патриархов), и вот теперь кровь его навсегда смешана с русской, с московской землей. С землей края преподобного Сергия. Более нерасторжимой связи и быть не может. <…> Он писал и говорил на языке века, чтобы его услышали. Он мог бы сказать о себе словами апостола Павла: „Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобресть… Для немощных я был как немощный, чтобы приобресть немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых“ (1 Кор. 9: 19, 22).

Князь мира сего никому еще не прощал такого поведения. И на вершине горы — крест». (Из книги: Памяти протоиерея Александра Меня. М.: Рудомино, 1991.)

Я горячо советую взявшему в руки эту книгу прочитать ее всю, чтобы, во-первых, осознать всю тяжесть и противоестественность советского времени, из которого мы, к нашему великому счастью, вышли после 1990 года. А во-вторых, почувствовать истинность и радость того пути христианской веры, который, наряду со многими другими служителями Христа, нам открывает личность, жизнь и труды протоиерея Александра Меня.

Прот. Александр Борисов

Выражаю искреннюю благодарность Ольге Ерохиной, Андрею Еремину и Евгении Штельмашенко, ставшим первыми читателями и редакторами этой книги и вдохновившим автора на ее продолжение; Павлу Меню, предоставившему для этой работы множество литературных источников; Лидии Мурановой, щедро поделившейся со мной своими видеоинтервью разных лет; Сергею Бессмертному, создавшему драгоценный фотоархив, посвященный герою этой книги; и всем, кто оставил свои свидетельства о жизни и духовном подвиге отца Александра Меня.

Автор

Пролог

На 800-летие Москвы, 7 сентября 1947 года, двенадцатилетний Алик Мень увидел поднимающийся над вечерним городом аэростат с огромным портретом «отца народов» в лучах прожекторов. Это было как посягательство на единственное пространство, свободное в те годы от изображений вождя, — посягательство на небо. Тогда Алик и принял окончательное решение о следовании по пути священства. Для него было очевидно, что только путь к Богу и любовь Христа могут стать для людей путеводной звездой — вопреки террору и той идеологии, которая внедрялась в стране как основа мировоззрения, но была лишь карикатурной подменой религиозности.

Впоследствии Александр Мень напишет: «Это было где-то на рубеже детства и юности, когда я очень остро пережил бессмысленность и разрушимость мира. Тогда я исписывал тетрадки мрачнейшими стихами, которые диктовались не пессимизмом характера, а открытием „правды жизни", какой она предстает, если выносят высший Смысл „за скобки". И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, какую не назовешь иначе, чем силой спасения. Тогда же я услышал зов, призывающий на служение, и дал обет верности этому призванию. С тех пор оно определяло все мои интересы, контакты и занятия. Вместе с этим пришло решение стать священником.

Неисчислимое количество раз я узнавал Руку, ведущую меня. Ее действие проявлялось даже в мелочах. Это напоминало камни мозаики, ложащиеся на заранее приготовленный рисунок. А над всем — если выражаться выспренним языком — светила звезда призвания»[1].

В тот день юбилея Москвы Алик Мень отчетливо понял, что огромное большинство населения страны, которое многие десятилетия держали в темноте и неверии, в незнании Бога, оказалось обманутым и что пастырское служение становится теперь одним из самых нужных в атеистической России.

Из его воспоминаний: «Я рано получил прививку против культа Сталина. В школьные годы на тренировке в результате несчастного

случая погиб мой одноклассник. Те, кто находился с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который „пришел взять его к себе“. Нас, его товарищей, это озадачило: прежде мы не замечали в нем какой-то особой „идейности“ (как тогда выражались). И в тот момент у меня впервые мелькнула догадка: „Ведь это религия“. В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик „отца“, которого мы привыкли благодарить за счастливое детство. С годами догадка превращалась в убеждение, подкреплялась множеством наблюдений и, в конце концов, помогла пониманию огромной исторической трагедии, ставшей фоном юности моего поколения».

Свою миссию Александр видел с тех пор в новой евангелизации тяжелобольной России…

Часть первая
Начало пути

Глава 1
Семья

Александр Мень родился в Москве 22 января 1935 года. Поколение его родителей, ровесников XX века, сформировалось в семьях дореволюционного уклада, но многие его представители были захвачены идеями революции и начала «новой жизни».

Его отец, Вольф Гершлейбович (впоследствии принявший имя Владимир Григорьевич)[2] Мень, родился в Киеве в 1902 году и в детстве учился в религиозной еврейской школе. Как вспоминал Александр, его отец помнил иврит и иногда читал наизусть пророков. Читая пророков, Владимир Григорьевич восхищался главным образом поэзией — его школьный учитель, оказавший на него определяющее влияние, принадлежал к гаскале — движению за включение европейских евреев в светскую жизнь и за отмену дискриминационных законов (что не имело ничего общего с религией). Так, будучи евреем по национальности, Владимир еще в детстве утратил веру, но настоящим атеистом не стал, оставшись человеком нерелигиозным, но с терпимостью относившимся к любой религии.

После окончания хедера, уже в годы Гражданской войны Владимир поступил в Киевский технологический институт на специальность инженера текстильной промышленности. Впоследствии он получил также диплом в области химии и стал специалистом по окраске тканей и автором ряда работ по технологии крашения.

Это был терпеливый, добрый и веселый человек. Но террор послереволюционного времени оставил в его душе след на всю жизнь: его любимый брат Яков, вышедший, как и он, из благочестивой иудейской семьи, но ставший революционером и большевиком, членом ЦК Коммунистической партии Украины, был расстрелян по наговору жены, и это произвело на Владимира неизгладимое впечатление. Возможно, что это стало причиной поздней женитьбы Владимира Григорьевича. Он много лет ухаживал за будущей женой и женился, когда ему шел уже четвертый десяток.

Сама Елена Семеновна так вспоминала об истории своего замужества:

«Мне очень хотелось выйти замуж за верующего человека, но это не было дано. Если я узнавала о человеке, что он верующий, то оказывалось, что он уже любит другую. Но в основном молодежь, с которой я встречалась, была неверующая. А некоторые просто скрывали свою веру, так как в то время к верующим было почти такое же отношение, как к врагам народа.

Один из моих знакомых, Владимир, был инженером-технологом, специалистом в области текстильной промышленности. С ним я была знакома с 27-го года. Мне было тогда 18 лет. Он работал в Орехово-Зуеве вместе с моим двоюродным братом Веничкой, инженером-электриком. По воскресеньям они оба приезжали в Москву, и Владимир Григорьевич (так я его называла, так как он был старше меня на 6 лет) часто бывал у нас. Он обычно покупал билеты в театр или кино и приглашал меня. Я с ним везде бывала, у друзей и знакомых. Многие считали меня его невестой. Но мне в то время не очень хотелось замуж. У меня в тот период были иные мысли и настроения.

Но годы шли, и бабушка начала настаивать, чтобы я, наконец, сделала выбор. „Ты всё смотришь на Веру[3], хочешь, как и она, дослужить до николаевского солдата“, — говорила бабушка. Так говорили о девушках, которые до 25 лет не выходили замуж. Мама тоже в письмах намекала, что пора замуж выходить. Меня эти разговоры очень огорчали. Владимир Григорьевич не раз делал мне предложение, но я всегда уклонялась от этого разговора. Однажды он уехал надолго из Москвы. Когда вернулся, то поселился в Москве на казенной квартире при 1-й Ситценабивной фабрике, где он работал, и снова мы стали встречаться. Кончался 33-й год. Он пригласил меня встречать с ним Новый год в его компании. Я вначале согласилась. Но вот в церкви объявили, что в 12 ночи будет Новогодний молебен. Тогда я сказала Владимиру Григорьевичу, что не смогу с ним встречать Новый год и ни с кем не буду. Он пошел один, никого не пригласив с собой. И вдруг ему захотелось в ту ночь бросить курить. Он знал, что я не люблю, когда курят, так как курильщики делаются рабами папиросы. И он бросил навсегда курение. Я была поражена. Я поняла, что так как я предпочла молитву новогодним развлечениям, Господь

положил на сердце Владимиру Григорьевичу сделать какое-нибудь хорошее дело.

Однажды он прямо поставил вопрос, почему я не хочу выходить за него замуж. Я не сразу ответила, но поняла, что дальше молчать нельзя. И сказала ему: „Потому что я исповедую христианскую веру“. Меньше всего он ожидал такого ответа. Долго мы шли молча. Наконец он сказал: „Ты теперь стала еще выше в моих глазах. А я-то думал, что ты любишь кого-нибудь другого“. На этом наше свидание закончилось. В следующий раз он сказал мне: „Но ведь то, что ты верующая, не помешает нам в нашей семейной жизни. Ты можешь ходить в церковь послушать какого-нибудь архиерея, а я буду ходить на лекции, а потом мы будем делиться тем, что нам было интересно“.

Вдруг я почувствовала, что воля Божия в том, чтобы я вышла замуж за Владимира Григорьевича, и дала свое согласие на брак»[4].

В первое воскресенье после Пасхи 1934 года, 15 апреля, Владимир и Елена поженились. В начале следующего года у них родился первенец Александр, а спустя еще три года — второй сын, Павел.

Владимир Григорьевич обещал своей будущей жене, что никогда не будет препятствовать ее христианской жизни, и твердо придерживался этого обещания. В те годы такое решение требовало большого гражданского мужества от человека, работавшего на советской фабрике в должности главного технолога, далекого от религии и вынужденного мириться с конспиративным образом жизни членов его семьи, принадлежащих к «катакомбной» церкви.

Иллюзий относительно политического режима в стране у Владимира Григорьевича и его семьи не было. Они развеялись после ареста любимого брата, в абсолютной невиновности которого Владимир Григорьевич был уверен. Он считал единственно правильным растить детей в атмосфере правды жизни, без фальши и взаимных недомолвок.

«…Несмотря на папину осторожность, дома политическая обстановка в стране не замалчивалась, — вспоминает Павел Мень. — Мнения не расходились. Мы жили в коммунальной квартире, где проживали двенадцать человек, и что-то сказать соседям было опасно. Но, невзирая на это, родители шли на то, чтобы рассказать детям о том, что происходит вокруг. Когда народ был в восторге от вождя, мы

знали о том, что масса людей пострадала в этот жуткий период репрессий. Всплывающая правда о Ленине — Сталине до нас, мальчиков, доходила наравне со взрослыми. В оценке важных внешних событий мы были едины. И это тоже работало на папино доверие».

Такая атмосфера в семье стала залогом душевного здоровья детей.

«Родителей отца помню плохо, — вспоминал отец Александр. — Дед был очень религиозным. Но я его видел мало (он жил в Киеве). Его отец был булочником (мелкий буржуа), а жена славилась своей мудростью. К ней ходили за советами».

Как рассказывал отец Александр, его предки по материнской линии, если судить по фамилии Василевские, происходили из Польши. «В начале XIX века они жили уже в России, и мой предок был артиллеристом в армии Александра I, — рассказывал отец Александр. — Сын его служил 25 лет при Николае I, в силу чего его дети получили право жительства в столицах.

Прабабушка моя, Анна Осиповна, могучая, волевая женщина, рано овдовела, однако сумела вырастить семерых детей: Николая, Владимира, Илью, Якова (отца Веры Яковлевны Василевской), Розу, Веру и Цецилию (мою бабушку). До самой смерти прабабушка командовала ими».

Анна Осиповна в молодости тяжело заболела, и ее исцелил отец Иоанн Кронштадтский. Это случилось в конце XIX века в Харькове, где она осталась многодетной молодой вдовой. Анна Осиповна исповедовала иудаизм, и ей помогала община, к которой она принадлежала. На нервной почве у нее началось вздутие живота, остановить которое известными способами врачи не могли. Смерть и сиротство семерых детей были совсем рядом. В те дни соседка рассказала ей, что в Харьков приехал чудотворец Иоанн Кронштадтский. Анна Осиповна колебалась, поскольку не была православной, но все же пошла к нему через переполненную людьми площадь. Выслушав ее, Иоанн Кронштадтский сказал: «Я знаю, что Вы еврейка, но вижу в Вас глубокую веру в Бога. Помолимся вместе Господу, и Он исцелит Вас от Вашей болезни. Через месяц у Вас все пройдет». Он благословил ее, и опухоль начала постепенно спадать, а через месяц от нее ничего не осталось. Сохранилась семейная легенда о той встрече.

Несмотря на вмешательство отца Иоанна Кронштадтского в жизнь семьи, дети Анны Осиповны стали вольнодумцами и интеллигентами. И притом никто из них не знал идиш.

В очерке «О моих предках и родителях» отец Александр так пишет о детях Анны Осиповны:

«Трое из сыновей [Анны Осиповны] были образованными, инженерами, жили в Москве. Это были мужики большой физической силы и с хорошими, светлыми характерами. Впрочем, Илья был смутьян, и его чуть не приговорили к расстрелу за оскорбление офицера: он был военным, солдатом, офицер оскорбил его в бане, и он своротил тому набок челюсть. Перед судом прабабушка в трауре пришла к генералу, упала на колени и сказала, что он у нее — „единственный“. Парня не расстреляли, отправили в ссылку в Иркутск, а вскоре произошла революция.

Все мамины дядья умерли во время [Великой Отечественной] войны от голода. Как все крупные люди, они не переносили недоедания (Илья мог съесть 20 котлет за раз).

Роза была красивой и мечтала стать актрисой, но прабабушка этого не допустила. Роза вышла замуж за землевладельца из Финляндии и осталась там после революции. Ее дети, мои двоюродные дяди, выросли там. Один из них погиб во время Финской войны. После смерти мужа Роза уехала в Израиль, где и умерла (туда же уехал и другой ее сын).

Цецилия, моя бабушка, была страстной, волевой, религиозной женщиной. Она мечтала о научной карьере, в 1905 году уехала в Швейцарию и поступила в Бернский университет. Там встретила юного одессита Соломона Цуперфейна и вышла за него замуж. У меня сохранился их брачный контракт. Дед обожал ее до конца дней. Умерли они почти одновременно. Его отец (мой прадед) был одесским контрабандистом бабелевского типа: был отчаянным, страшно пил, имел 22 ребенка, погиб по глупости, когда на спор полез в какой-то котел».

Примечательно, что бабушка Александра Цецилия из любви к мужу поменяла медицинскую специальность на одну из областей химии. Супруги окончили химический факультет университета, и уже во время учебы в Берне в 1908 году у них родилась дочь Елена. «Дед между лекциями бегал взглянуть на нее. Был он сентиментален,

постоянно говорил по-французски (его звали „французиком“, быть может, за усы). Окончив университет, они поселились в Париже. Летом 1914 года приехали в Россию навестить родственников. Дед был мобилизован, а семья поехала в Харьков, где и жила до Второй мировой войны. Дед держал потом на стене свою полевую сумку, в которой застряла пуля», — продолжает отец Александр.

В Швейцарии Цецилия Цуперфейн не раз слушала выступления Ленина и, несмотря на иудейское вероисповедание, прониклась его социалистическими идеями. После революции в России Цецилия стала искренне советским человеком, и когда ее дочь в возрасте девяти лет потянулась к христианской вере, отнеслась к этому крайне отрицательно.

Сама Елена Соломоновна (Семеновна) писала о том, что почувствовала Бога в самом раннем возрасте. Ее мать незаметно вложила в сердце дочери понятие о Боге — Творце вселенной, любящем всех людей. Когда она впервые услышала слова о страхе Божием, то с недоумением спросила маму: «Мы ведь любим Бога, как же мы можем Его бояться?» Мама ответила ей: «Мы должны бояться огорчить Его каким-нибудь дурным поступком». Этот ответ вполне удовлетворил Елену. Но душевная связь у нее была особенно сильна с ее бабушкой, Анной Осиповной, глубоко верующим человеком. Елена Семеновна так вспоминала о ней: «Я наблюдала, как она каждое утро молилась, горячо и искренне, и ее молитва как бы переливалась в меня… Бабушка меня ничему не учила, но ее пример и ее любовь ко мне действовали сильнее всяких нравоучений… У меня появилась потребность молиться. О чем я тогда молилась, я не помню, но молилась всегда перед крестом церкви Св. Николая, который был виден из нашего окна и удивительно горел перед закатом солнца. Мне это казалось чудом. Казалось, что, кроме естественного света, он сиял и каким-то иным Светом…» В частной гимназии, в которой училась Елена, она всегда оставалась на занятия по Закону Божьему, которые были свободными для посещения представителями иных вероисповеданий. Священник рассказал однажды о том, что Бог един, но в трех Лицах: Отец, Сын и Святой Дух. «Я это восприняла как аксиому, все просто и ясно уложилось в моем сердце. — пишет Елена. — В первом классе я с большим интересом слушала уроки по

Ветхому Завету. Часто брала у девочек учебник и прочитывала то, что было задано.

Мама моя в это время давала уроки французского и немецкого языков и дома занималась с отстающими учениками. Была война, папа был на фронте. Маме приходилось думать о пропитании меня с братом, бабушки и себя. Бабушка вела хозяйство и много помогала маме. И морально, благодаря своей твердой вере, она крепко поддерживала маму в самые трудные военные годы…

Однажды одна из маминых учениц оставила у нас учебник Нового Завета, а сама уехала в деревню на летние каникулы. Я начала читать этот учебник (Новый Завет в изложении священника Виноградова) и чем дальше читала, тем более проникалась его духом и тем больше разгоралась во мне любовь ко Христу. А когда я дошла до Распятия и услышала слова: „Отче, прости им, ибо не ведают, что творят“, во мне что-то вздрогнуло, со мною произошло потрясение, какого никогда не случалось ни до, ни после того момента. Я забивалась в какое-нибудь укромное местечко и часами не сводила глаз с Распятия, целовала и обливала Его слезами. Я дала себе обещание непременно креститься». Вскоре, девяти лет от роду, она сказала матери о своем решении. Мать была в ужасе, начала кричать и даже бить ее, но Елена была непреклонна и твердила о том, что всё равно примет крещение. Вскоре вернулся с фронта ее папа, и мама рассказала ему о желании дочери. Папа постарался воздействовать на Елену лаской и любовью, но она твердо сказала ему, что всё равно выполнит свое намерение. Несмотря на запрет матери, она читала взятые в библиотеке книги о первых веках христианства — «Фабиолу» Уайзмена, «Камо грядеши» Сенкевича и «На рассвете христианства» Фаррара — и эти книги дали ей силы и вдохновение для дальнейшего противостояния матери.

«Я была еще ребенком и много играла. Все мои игры были наполнены содержанием тех книг, которые я читала. Даже в школьном хоре пели такие песни, как „Был у Христа Младенца сад“. Эта песня на меня необычайно сильно подействовала. Я как бы чувствовала себя среди еврейских детей, которые сплели для Христа венок колючий из шипов», — продолжает она.

В пору взросления во всех поэтических и литературных произведениях Елена искала христианские мотивы, близкие ее душе. Позже она примирилась с родителями и переехала из Харькова к

двоюродной сестре Вере в Москву. С Верой у Елены с юных лет возникла особенная душевная близость, и родство по духу сплотило их на всю жизнь.

«В 1924 году я кончила семилетку и поехала погостить в Москву к бабушке, которая с 20-го года переселилась к сыну, потерявшему жену. У сына, моего дяди Яши, осталось двое детей: сын Веня и дочь Верочка. Все они приняли меня с большой любовью. А Верочка сразу привязалась ко мне, да и я к ней. Мы почувствовали, что души наши чем-то особенно близки друг другу, хотя характеры резко отличались: Верочка была замкнутой, большей частью грустной. Она всё еще никак не могла примириться со смертью матери, которую они с братом нежно любили.

Я была жизнерадостной, веселой девочкой, мне только что исполнилось 16 лет. Я радовалась жизни, радовалась тому, что меня окружают любовью и заботой. И когда мне предложили остаться в Москве и держать экзамен в восьмой класс, я охотно согласилась. Мама с папой тоже разрешили остаться в Москве, — вспоминает Елена Семеновна. — До 31-го года я работала и училась. В 31-м году закончила курсы чертежников-конструкторов и продолжала работать в проектной конторе „Кожпроект“. Когда я получала новое задание — чертеж или какую-нибудь другую работу, я мысленно испрашивала благословение Божие на эту работу и благодарила Бога, когда кончала работу: никто меня этому не учил, это была у меня внутренняя потребность. Иногда мне очень хотелось помолиться. Тогда я уходила на плоскую крышу нашего учреждения (большой дом у Устьинского моста, который мы сами проектировали) и там находила место, где меня никто не видел. Никто из сотрудников, кроме моих близких подруг Ани[5] и Лины, не догадывался о моем мировоззрении. Только однажды, на Пасху, один из наших инженеров, как бы в шутку, обратился ко мне с праздничным приветствием: „Христос воскрес, Елена Семеновна!“ Я ему так ответила: „Воистину воскрес!“, что он попятился назад с открытым ртом».

Определяющее влияние на становление Александра Меня оказали именно мать и ближайший круг ее единоверцев, которые в те тяжелые годы сохранили светильник веры и раскрыли перед ним Евангелие. Удивительный дар сердца, которым обладала Елена Семеновна, — дар ясного и глубокого понимания христианского мироустройства и

нравственных основ человеческих отношений — благотворно повлиял на Александра, дал ему внутренний стержень.

Вера Яковлевна Василевская, двоюродная тетя Александра Меня, была на несколько лет старше Елены, и ее внутренний мир был более сложным, чем у сестры, а восприятие окружающей действительности — более печальным и порой трагичным. Вера росла замкнутой и грустной девушкой и в этом отношении была полной противоположностью жизнерадостной и веселой Леночке (как называли близкие Елену Семеновну). «Счастлив тот человек, который на всю жизнь сохранил чувство реальности мира, вечно воссоздающегося благодатью Божией и покоящегося в лоне своего Творца. Это чувство непосредственно дано ребенку, но, не освещенное верой, оно быстро гаснет и сменяется мучительными исканиями, которые находят свое выражение в бесчисленных детских вопросах. Большая часть этих вопросов остается не только не отвеченной, но и не заданной: почему увядают цветы? Почему умирают люди? Почему злой ветер гонит листочки? Почему так много страшного в злом непонятном мире за пределами детских сказок и игр?»[6] — писала Вера Яковлевна в воспоминаниях о своем детстве. Она часто размышляла о греховности и неотвратимости греха в окружающей ее мирской жизни.

«Религиозное чувство родилось у меня в душе очень рано, оно возникло вместе с чувством истории, осознанием своей принадлежности к народу, который „открыл“ Бога для человечества. Люди жили во тьме язычества, когда в Израиле „открылся“ Единый Истинный Бог. Другие народы открыли вращение земли, электричество, закон тяготения и многое другое, но то открытие, которое было дано еврейскому народу, было самым важным. Мысль об этом наполняла детскую душу чувством большой нравственной ответственности», — писала Вера Яковлевна.

Самым душевно близким для Веры человеком с детства была ее мама. Мать Веры жила как будто «у крайнего небесного круга» — настолько мало привлекало ее всё материальное и настолько одухотворенной любовью она любила своих близких. Она умерла, когда Вера была еще совсем юной и училась на философском отделении Московского университета. Смерть матери стала огромным потрясением для Веры. Мир для нее опустел, утратил не только

привлекательность, но и реальность. «Занятия философией и психологией в университете, хотя и глубоко захватывали, но не давали той пищи, которую просила душа», — писала Вера Яковлевна.

С восемнадцати лет каждое воскресенье Вера испытывала необъяснимую печаль. Однажды утром, когда Вера работала в летнем детском лагере, она услышала вдали колокольный звон. «У всех воскресенье, а у тебя не воскресенье», — сказал неожиданно один из малышей, окружавших Веру.

Вскоре она поступила работать в детский сад, продолжая занятия в университете. В общении с детьми Вера в большей степени чувствовала возможность собственной реализации и взаимного понимания, чем со взрослыми. И действительно, у нее открылся большой дар общения с детьми, понимания их нужд и душевных потребностей. Впоследствии Вера Яковлевна стала специалистом по педагогике и детской дефектологии. А в те годы, работая в детском саду, она познакомилась с девушкой, благодаря которой впоследствии попала к своему будущему духовнику, отцу Серафиму (Битюкову)[7], что стало поворотным моментом в ее жизни. Ее путь к крещению был трудным и полным глубоких переживаний. Мешали противоречия, которыми в то время была раздираема Церковь, необходимость конспирации и фактического обмана даже самых близких людей ради встречи с духовным отцом, воспоминания о еврейских погромах, начинавшихся с крестного хода, тяжелые исторические ассоциации, которые вызывали у Веры еврейские слова «авойдо зоро» — чужое служение.

У Веры Яковлевны не было собственной семьи. Приняв крещение, она полностью отдала сердце Богу и стала вторым духовным наставником детей Елены Семеновны, полюбив их всей душой. После рождения Алика Вера Яковлевна долгие часы проводила у его колыбели. Ее вдохновенная поэтическая натура нашла выражение в написании чудесных стихов-песен, посвященных маленькому Александру и полных внутренней, глубинной музыки. Многие образы, содержащиеся в песнях, написанных Верой Яковлевной в первые два месяца жизни Алика, нашли отражение в ряде последующих событий жизни Александра Меня, заставляя задуматься о ее прозорливости. Не вызывает сомнения то, что заряд любви и света, вложенный в эти песни, сопровождал Александра Меня всю его жизнь.

Родственная и духовная связь Веры Яковлевны с сестрой уже не прерывалась.

Глава 2
Крещение в «катакомбной» церкви

3 сентября 1935 года в семимесячном возрасте Александр Мень был крещен священником «катакомбной» церкви архимандритом Серафимом (Битюковым) в тайном храме маленького неприметного дома в Загорске. Вместе с сыном приняла крещение и Елена Семеновна.

Вот как отец Александр описывал развитие событий в Русской Православной церкви после революции:

«После Октябрьской революции в России существовало два официальных направления Русской Православной Церкви: „обновленческая“ Церковь, впоследствии вносившая изменения в обряды и открыто сотрудничавшая с властями, державшими курс на искоренение религии как „предрассудка“, и „тихоновская“. Патриарх Тихон стремился к мирному сосуществованию с государством, но при этом старался избегать тех компромиссов, которые подрывали бы основы церковной жизни.

В 1925 году патриарх Тихон умер. В конце 1920-х годов начались массовые репрессии. Храмы и монастыри закрывались, а многие тысячи священников, епископов, монахов и ревностных мирян отправляли в тюрьмы, лагеря и ссылки под предлогом „борьбы с контрреволюцией“. В это время заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сергий (Страгородский) выступил с официальным заявлением, отрицая наличие религиозных гонений в стране. То есть он, как и обновленцы, пошел по пути сотрудничества с государством, гнавшим Церковь, и полного подчинения ему».

В действительности же, как писал Александр Мень, «натиск, обрушившийся на Церковь, превзошел по своей силе всё, что знала история от времен римских императоров и французской революции».

В декларации митрополита Сергия говорилось о вредительской и диверсионной деятельности «наших зарубежных врагов». «Необходимо показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и Правительством», — заявил Сергий. Кроме того,

из тактических соображений он фактически шел на целый ряд компромиссов с советской властью с целью сохранения контроля над жизнью Церкви.

Духовенство, не приемлющее проводимую митрополитом Сергием политику лояльности советской власти и отказавшееся поминать богоборческую власть за богослужениями, образовало временные автокефалии епископов на основании разрешения, данного в свое время патриархом Тихоном на случай чрезвычайных обстоятельств. Фактически эти временные автокефалии, как и священники, не принявшие политику митрополита Сергия, оказались в оппозиции к Церкви и советской власти. Они приняли на себя основной шквал репрессий тех лет. И хотя большинство непокорных священнослужителей были арестованы, они продолжали руководить своими духовными чадами из ссылок и лагерей. Те же, кто остался на свободе, перешли на нелегальное положение, тайно руководя своей паствой и совершая тайные богослужения в частных домах. После 1927 года в России возникло явление, получившее впоследствии название «катакомбной» церкви. Ее представители ставили своей целью сохранить в чистоте дух Православия, не сдаваться, вопреки расколам и разномыслиям в церковной среде, и не идти ни на какие компромиссы. Большинство таких священников были людьми удивительной внутренней цельности и духовной силы, оказавшими колоссальное влияние на паству, оставшуюся под их крылом в поисках подлинной веры и бескомпромиссного служения Христу.

В Московской области к «катакомбной» церкви принадлежали архимандрит Серафим (Битюков), отец Петр Шипков (бывший секретарь патриарха Тихона), иеромонах Иеракс (Бочаров), отец Дмитрий Крючков, отец Владимир Богданов и др. Большинство из них признавало своим архиереем епископа Афанасия (Сахарова).

Вот что отец Александр Мень пишет о Сергее Михайловиче Битюкове (архимандрите Серафиме):

«С ранних лет он почувствовал призвание к церковному служению, однако сан принял в зрелые годы. Получив техническое образование, Сергей Михайлович работал на одном из столичных предприятий. В то же время он стал посещать Оптину пустынь, слушал лекции в Московской духовной академии, изучал богословие и

святоотеческую литературу. Это был человек разносторонне одаренный, с широкими интересами, всецело преданный Церкви.

Подобно двум другим выдающимся деятелям русской Церкви, о. Сергию Булгакову и архиепископу Луке Войно-Ясенецкому, он был рукоположен в самое тяжелое для Церкви время, в 1919 году, и несколько месяцев служил в храме Воскресения в Сокольниках вместе с о. Иоанном Кедровым — строителем храма и основателем „сокольнической“ общины.

Перед тем о. Сергию предложили настоятельство в церкви Вознесения у консерватории. Но он, пожалев молодого священника о. Дмитрия Делекторского, который должен был ехать в село на верную гибель, уступил ему место[8].

В 1920 году о. Сергий был вызван Патриархом Тихоном и назначен в церковь свв. бессребреников и мучеников Кира и Иоанна на Солянке. В 1922 году он принял монашество с именем Серафим, а в конце 1926 года был возведен в сан архимандрита. По слухам, его готовили к архиерейскому служению.

Вскоре о. Серафим был арестован по обвинению в укрытии церковных ценностей. То было время, когда множество духовных лиц и мирян пострадало, защищая свои святыни. Но впоследствии дело против о. Серафима было прекращено, так как выяснилось, что ценности увезли сербы (их подворье находилось в церкви свв. бесср. мчч. Кира и Иоанна).

Декларация митрополита Сергия вызвала у архимандрита отрицательную реакцию. В июле 1928 года он удалился из храма и перешел на нелегальное положение. По этому пути пошел и другой священник „солянской“ церкви иеромонах Иеракс (в миру Иван Матвеевич Бочаров), который служил там с 1929 по 1932 год. С этого времени все духовные лица, отказавшиеся принять линию митрополита Сергия, были арестованы (если не успели скрыться), а храмы их были закрыты».

Из воспоминаний прихожанки «солянского» храма начала 1920-х годов Веры Алексеевны Корнеевой:

«Никогда, ни раньше, ни после, я не переживала того, что испытала в тот день (когда впервые пришла к о. Серафиму). Во-первых, я почувствовала, что моя жизнь и судьба никому на свете так не дороги, как ему, и уже одно это обязывало меня к послушанию. А

еще то, что после исповеди я испытала такое успокоение, такую радость и легкость на душе, которых забыть нельзя. Этот день решил мою судьбу.

Так как этот храм был не приходским — это бывшее „Сербское подворье“ — там царили особые порядки, которые установил о. Серафим. Во-первых, служба была, как в монастырях, без всяких сокращений, много времени уходило на исповедь, а народу все прибывало. Батюшка относился к храму и богослужению с великим благоговением, для него это был Дом Божий не на словах, а на деле. Такого же отношения требовал от всех, начиная с алтаря и певчих. Не допускал никакого шума, никаких разговоров и толкучки…

Особенностью Солянки было и то, что никогда, в отличие от Маросейки, там не ощущалась граница между „своими“ и пришлыми. Всякий пришедший чувствовал себя „своим“, желанным гостем. В этом — заслуга о. Серафима и сослужащих священников.

Поскольку это был храм „бессребреников“, то батюшка постановил за правило — ни за что и ни с кого в церкви денег не брали. Все требы совершались бесплатно. Платили только за просфору и за свечку. С тарелкой никогда не ходили — при входе у дверей стояла кружка. В то время церкви душили налогами. Вот и нам прислали большой налог. Прихожане стали упрашивать, чтобы он разрешил ходить с тарелкой — и так его доняли, что он сказал: „Ну, если вам так хочется, то стойте на паперти, а в храме не разрешу“. И эта женщина с тарелкой стояла позади всех нищих. Я думаю, что ей клали больше, чем при обычных сборах. Как-то потребовался большой ремонт, а денег не хватало, прихожане охали и ахали, а батюшка помолился святым бессребреникам, и нашлись люди, которые помогли и работой, и материалами. Всё сделали и все налоги уплатили.

Батюшка так любил церковную службу, так умел сделать ее торжественной и доходчивой, что заражал этим и певчих, и народ. Все, кто работал в храме, — уборщицы, певчие, прислуживающие в алтаре, — все работали бесплатно. На клирос попадали только по его благословению, а направлял он туда людей, не считаясь со слухом, а только для духовной пользы.

<…>

В 1927 году прошла полоса повальных арестов среди верующих. Очень много попало певчих, церковных старост и помогавших в

церкви.

Запомнился самый печальный день в нашей жизни. В 1932 году накануне Благовещения арестовали наших священников о. Дмитрия (Крючкова) и о. Алексея (Козлова), и некому было служить[9]. Дьякона Виктора Щеглова арестовали раньше, в 1930 году. Побежали просить по другим церквам, но и там было опустошение. Нигде не смогли найти священника. Народу — полна церковь, горят лампады и свечи, певчие на клиросе, а священника нет! Решили служить всенощную при закрытых Царских вратах. Народ стоял и плакал. Это была последняя служба в нашем храме»[10].

Мария Витальевна Тепнина, прихожанка того же храма, вспоминала:

«Церковь на Солянке была очень маленькая, туда ходили люди одни и те же, духовные дети отца Серафима. К нему относились уже как к старцу, службы были такие, что, действительно, стоишь и не знаешь, где ты, на земле или на небе. И люди жили этими богослужениями. <…> Мой отец очень строго следил за нашим воспитанием, в частности, за мной больше всех. И когда он узнал — я не скрывала этого — о том, что я прилепилась, как это называлось, к одной церкви, он побывал там и заявил: „Ходи куда хочешь, только не туда. Это скрытый монастырь“.

<…> А другая община была „мечевская“[11], она такая была известная, гораздо многочисленней. Я, когда несколько раз туда попала, то не захотела туда ходить. Потому что, несмотря на то, что все взгляды, обстановка, всё было совершенно одинаковым, — там чувствовалась община. Свои — это одно, а к посторонним отношение совершенно другое. <…> А в храме на Солянке было гораздо свободнее. Там такого разграничения особого не было.

В 28-м году отец Серафим уже ушел в затвор. Так что я его знала всего три года его служения там. Если бы он не ушел, его бы, конечно, моментально арестовали, потому что тут же арестовали молодого священника, отца Алексея Козлова, и дьякона, и послали в ссылку. Оставался еще отец Владимир Криволуцкий.

Отец Серафим ушел в подполье не из-за боязни быть репрессированным. Нет. Это был раскол церковный. Митрополит Сергий заключил союз с советской властью, подхватив то, что не сумели, вернее, не успели сделать „обновленцы“. Он сделал заявление,

что вся масса осуждаемого и репрессированного духовенства преследуется не за религиозные убеждения, а только за политические. Репрессии сразу же усилились, Соловки были переполнены духовенством. Тогда ведь осталось 19 епископов на всю страну. Остались лишь какие-то группы. И когда митрополит Сергий объявил в церквах о поминовении властей, — вот тогда разделились: Маросейка отошла, Солянка, еще Даниловский монастырь…

В церкви, которые признали руководство митрополита Сергия, я не ходила. Для меня это было целой драмой, ведь богослужение стало для меня жизнью. Я иду, вижу — идет богослужение, и прохожу мимо. Страстная неделя, богослужение совершается, — я прохожу мимо, потому что там была эта „поминающая“ церковь. Такую установку давал митрополит Кирилл, который был назначен патриархом Тихоном первым местоблюстителем[12]. Он говорил, что кто понимает, кто знает Истину, тот должен стоять в оппозиции, потому что это единственный для нас способ свидетельствовать об Истине. Я эту свою линию выдержала»[13].

Тем временем священнослужители, отказавшиеся принять линию митрополита Сергия и не успевшие скрыться, постепенно были арестованы, а храмы их были закрыты.

Отец Серафим, чудом избежавший ареста, тайно жил в разных местах и со временем поселился в Загорске, неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, у монахини Дивеевского монастыря Сусанны (Ксении Ивановны Гришановой), где жил в затворе. В неприметном домике в центре города[14], в маленькой комнате перед иконой Иверской Божией Матери был поставлен алтарь, перед которым служил литургию отец архимандрит. Этот дом стал одним из островков подлинного христианства, куда стекались духовные чада отца Серафима и где совершали богослужения близкие ему по духу священнослужители. Поразительно то, что в условиях красного террора, доносов и тотального угнетения личности в стране этот церковный очаг сохранялся нетронутым вплоть до самой смерти архимандрита Серафима в 1942 году.

Отец Серафим называл себя последователем оптинского старца Нектария и был продолжателем традиций старчества. Его подход к людям был всегда глубоко индивидуальным, любые советы касались только конкретной личности и не могли относиться к другим людям. С

каждым из своих прихожан он беседовал и переписывался отдельно, внимательно следя за каждым душевным движением своих подопечных.

«Встреча с о. Серафимом, общение с ним, крещение и последующее его руководство моей жизнью — для меня самое подлинное и великое чудо и, в то же время, самая неопровержимая, центральная реальность моего существования. Видимое руководство о. Серафима началось в 1935 и окончилось в 1942 году с его смертью, но в действительности оно началось еще в 1920 году, т. е. продолжалось более 20 лет, а незримо, несомненно, продолжается и сейчас, так как та духовная связь, которая создалась при крещении, не может быть расторгнута концом земного существования», — написала впоследствии Вера Яковлевна.

Работая в годы студенчества в детском саду, она познакомилась с давней прихожанкой «солянского» храма Тоней Зайцевой, через которую значительно позже узнала отца Серафима и которая 14 лет спустя стала ее крестной матерью. Тоня была ровесницей Веры и так же, как и она, потеряла недавно любимую мать. Общим было и то, что обе они чувствовали себя чужими в окружающем их мире и находили радость и утешение в общении с детьми. Христос часто приходит к людям посредством общения родственных душ.

«Я знала, что Тоня живет совсем особенной жизнью, резко отличающей ее от всех остальных. Я чувствовала в ней большой ровный свет, который озарял ее душу и жизнь и как бы переливался за пределы ее личности. Я не умела и не решалась спрашивать об этом, она не умела и не решалась рассказывать. Лишь один раз, когда мне было особенно грустно, Тоня сказала: „Есть люди, с которыми можно говорить, как с мамой“. Эти слова глубоко запали в мое сердце, но об этом я не решалась спросить. Это была тайна, которая должна была раскрыться когда-нибудь сама собой», — писала Вера Яковлевна.

И тайна эта постепенно ей приоткрылась. Через некоторое время обстоятельства жизни Тони изменились, она уехала в другой город, и Вера стала писать ей письма в поисках своего духовного пути и истины. Постепенно на письма стали приходить ответы, и часто в этих ответах содержалась такая проникновенная глубина и сила веры, что трудно было представить себе, что они написаны совсем молодой

женщиной. Тоня постепенно вводила подругу в круг паствы отца Серафима, и он принял духовное руководство в отношении Веры.

Личность Тони произвела большое впечатление также и на Елену Семеновну. Ее тоже поразила обстановка Тониной комнаты. Все стены были увешаны иконами. «Я почувствовала трепет и благоговение, которые бывают, когда заходишь в церковь, — пишет Елена Семеновна в воспоминаниях о своем жизненном пути. — О чем мы тогда беседовали, не помню, я почти все время молчала.

Тоня была девушкой глубоко верующей, и это отражалось во всем ее поведении, во всех ее словах. Я знала, что у нее был духовный отец — старец. Как-то я прочитала „Братьев Карамазовых“. Эта книга произвела на меня очень сильное впечатление. Всё, что говорилось в ней о старце Зосиме, поразило меня. Достоевский так сказал о старце: „Это человек, который берет вашу душу в свою душу и вашу волю в свою волю“. Я остановилась на этих словах и подумала: „Как хорошо было бы мне иметь такого старца!“ Алеша Карамазов стал моим любимым литературным героем, а Достоевский — моим любимым писателем».

Однажды Тоня попросила у Елены их совместную с Верой фотографию, и Леночка дала ей любительское фото. При следующей встрече Тоня сказала Леночке, что показывала эту фотографию своему духовному наставнику и он сказал ей, что сестры «прошли половину пути». Лена поняла, что есть человек, который следит за их духовным ростом и молится за них.

Поскольку в январе 1935 года у Елены Семеновны должен был родиться первенец, а ни она, ни Вера еще не чувствовали себя готовыми к крещению, Тоня предложила сестрам крестить сначала ребенка, на что они обе с радостью согласились. «Таким образом, вопрос о крещении Александра был решен задолго до его рождения по указанию и благословению о. Серафима. После рождения Алика батюшка прислал письмо, в котором давал Леночке указание о том, чтобы во время кормления ребенка она непременно читала три раза „Отче наш“, три раза „Богородицу“ и один раз „Верую“»[15]. Так он считал необходимым начинать духовное воспитание с самого рождения.

«Бабушка наша и другие родственники настаивали на совершении ветхозаветного обряда над ребенком, но Леночка протестовала, —

вспоминает Вера Яковлевна. — Пришлось просить Тоню специально поехать к о. Серафиму спросить, как поступить. Ссылаясь на слова апостола Павла, о. Серафим благословил уступить в этом вопросе.

Крещение Алика и Леночки было назначено на 3 сентября 1935 года. Я поехала провожать их на вокзал. Странное чувство овладело мною: тревога и неизвестность сочетались с чувством радости о том, что должно совершиться. На вокзале я сказала Тоне: „Я ничего и никого не знаю, но во всем доверяюсь тебе“. „Можешь быть спокойна, — ответила она, — но если хочешь, поезжай с нами“. Этого я не могла сделать!..»

«Евангелие я читала постоянно, — вспоминает период своей беременности Елена Семеновна. — Некоторые места действовали на меня с огромной силой. Но сильнее всего меня потрясали слова: „Кровь Его на нас и на детях наших!“ Когда читала это место, я почти теряла сознание. Верочка часто ездила ко мне и оберегала с особенной заботливостью.

Нам всем казалось, что родится мальчик, и я заранее выбрала ему имя — Александр. А мама в письмах называла его Аликом задолго до рождения. Я ушла в декретный отпуск за полтора месяца до рождения ребенка, а мама приехала в Москву за месяц до родов.

22 января 1935 года я родила моего первенца — Александра. Роды были тяжелые, длительные, тянулись почти сутки. Но зато когда мне впервые принесли кормить крохотного, беспомощного младенца, я была счастлива. На ручке у него был браслетик с надписью: „Мень Елена Семеновна. Мальчик“».

О своем решении креститься Елена Семеновна вспоминает так:

«Тоня спросила, не хотела бы я крестить Алика. Я сказала, что очень хочу крестить его, но не знаю, как это сделать. Тоня вызвалась помочь мне в этом. Потом она спросила, не хотела бы и я креститься. Тут вдруг на меня напал какой-то страх, и я отказалась. „Значит, будем крестить одного Алика“, — сказала Тоня. Она еще немного побеседовала со мной и отправилась домой. Я пошла ее провожать. На обратном пути сильный порыв мыслей и чувств охватил меня. С девятилетнего возраста я собиралась креститься. И вот прошло 18 лет, и когда передо мной этот вопрос встал вплотную, я испугалась, смалодушничала и отказалась. Почему? Как это могло произойти? Тут

же я села писать Тоне покаянное письмо и, конечно, сказала, что с радостью приму крещение.

Через некоторое время Тоня снова ко мне приехала. Она показала мое письмо своему старцу, и он сказал, что как только мой муж уедет в отпуск, я могу сразу с Аликом и с Тоней к нему приехать. Володя второго сентября должен был быть уже на Кавказе. На этот день я и назначила Тоне приехать в Москву, к Верочке, и сама с Аликом приехала туда из Томилина. Бабушка моя в этот день была особенно нежна со мной и долго меня обнимала и целовала перед отъездом. А Тоня в это время потихоньку мне говорит: „Прощайся, прощайся с бабушкой — другая приедешь“. Эти слова болезненно прозвучали в моем сердце. Верочка ужасно волновалась, не зная, куда я еду с ребенком, хотя о цели нашей поездки я ей говорила. Тоня предлагала ей ехать с нами, но Верочка не решалась. Я взяла с собой сумку с пеленками. Тоня купила по дороге две рыбки и пять булочек, и мы поехали на Северный вокзал. Сколько я ни спрашивала у Тони, куда мы едем, она не отвечала. И лишь выйдя из вагона, я поняла, что мы в Загорске. Я там была с экскурсией в 29-м году. Тоня взяла Алика на руки, а я взяла сумки. Тут меня охватило сильное волнение. Я знала, что иду к Тониному старцу, и знала, зачем иду. Я волновалась все больше и больше. Сумки с пеленками и булочками стали непомерно тяжелыми. Тоня быстро шла с Аликом на руках. (Она потом мне призналась, что боялась, как бы я не передумала и не вернулась.)».

В Загорске Леночка впервые встретилась с отцом Серафимом, который уже давно «держал души сестер в своей душе».

Вот как пишет об этой встрече Елена Семеновна:

«Алик был спокоен и как бы предчувствовал всю значительность того, что должно было совершиться, хотя ему было только семь с половиной месяцев. Я стала задыхаться и умоляла Тоню остановиться. Но она всё летела вперед. Наконец, я села на какую-то скамейку в полном изнеможении. Тоня села рядом со мной. „Ну расскажи мне хоть, как он выглядит внешне“, — сказала я. Ведь мне не приходилось даже беседовать со священниками. Тоня сказала, что у него седые волосы и голубые глаза. „Глаза эти как бы видят тебя насквозь“, — добавила она.

Тут мы встали и пошли, и вскоре дошли до его дома. Тоня позвонила, и нам открыла дверь женщина средних лет, очень

приветливая, в монашеском одеянии. Она ввела нас в комнату, чистенькую, светлую, всю увешанную иконами. Там, по-видимому, нас ждали. Но самого батюшки не было, и он долго не появлялся. Я поняла, что он молится, прежде чем нас принять. Наконец он вышел к нам. Тоня с Аликом подошла к нему под благословение, и я вслед за ними. Я по незнанию положила левую руку на правую. Батюшка это сразу заметил и переставил руки. Затем предложил: „Садитесь“. Если бы он этого не сказал, я бы грохнулась на пол от волнения и напряжения. Некоторое время мы сидели молча.

Наконец батюшка спросил меня: „Знаете ли вы русскую литературу?“ Я удивилась этому вопросу, но, вспомнив „Братьев Карамазовых“ и старца Зосиму, поняла, почему он меня об этом спросил. Задал мне еще несколько житейских вопросов. Потом мы сели ужинать. Пища была постной, и батюшка подчеркнул, что это имеет непосредственное отношение к нашему крещению.

Затем Алика взяла на руки женщина, которая открыла дверь. Алик был тих и спокоен, как бы понимая всю серьезность происходящего. Батюшка увел меня в другую комнату и просил рассказать всю мою жизнь. Я ему всё рассказала, как умела. Потом нас уложили спать. Алик спал крепко, а я не спала всю ночь, и, как умела, молилась.

Утром, на рассвете, совершилось таинство крещения. Крещение было совершено через погружение. И каждый раз, когда батюшка погружал меня, я чувствовала, что умираю. После меня батюшка крестил Алика. Тоня была нашей восприемницей. Накануне о. Серафим показал мне три креста. Один, большой, серебряный, с надписью „Да воскреснет Бог и расточатся врази Его“, предназначался для Верочки, второй, поменьше, золотой, для меня и третий, серебряный, с синей эмалью и распятием, со словами „Спаси и сохрани“ — для Алика. Но моя душа вся потянулась к кресту с Распятием Спасителя. И вдруг батюшка по ошибке надевает этот крест на меня. Он увидел в этом волю Божию и так и оставил. Алику достался золотой крест. Я очень обрадовалась, что мне достался тот крест, который я хотела. Вслед за этим батюшка начал меня исповедовать за всю жизнь. Вскоре началась литургия. Пели вполголоса, чтоб не было слышно на улице. Крестная пела очень хорошо, с душой, хотя голос у нее был небольшой и несильный. Когда настал момент причащения, она поднесла Алика, а я подошла вслед за

ней. В сердце у меня звучали слова: „Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем“. После окончания службы все подошли поздравить нас. Весь день я оставалась в белой вышитой крещальной рубахе (до полу и с широкими длинными рукавами), а сверху батюшка велел надеть белое маркизетовое платье без рукавов.

После трапезы о. Серафим позвал меня в свою комнату и дал ряд указаний.

Во-первых, он дал мне тетрадку с утренними и вечерними молитвами и сказал, чтобы я выучила их наизусть. „Тогда они будут всегда при вас“, — добавил батюшка.

Во-вторых, когда кормлю Алика грудью, читать три раза „Отче наш“, три раза „Богородицу“ и один раз „Верую“.

Интересно, что Владимир Григорьевич, когда вернулся с Кавказа, привез мне свой снимок на фоне пещеры Симона Кананита. 2-го числа, под день нашего крещения, он видел сон: идет множество народа, а впереди несут как бы большое полотно, на котором изображен Христос.

Когда мы уезжали от батюшки, он истово благословил нас со словами: „Благословение Божие на вас“. Ударение было на слово „Божие“».

О дне крещения маленького Алика Меня сохранился и рассказ Прасковьи Ивановой, племянницы тех монахинь, в доме которых жил тогда отец Серафим:

«Была дивная осень. Сентябрь 1935 года. Золотая такая, как писал Пушкин: „Очей очарованье…“ Я жила в Загорске со своими тетушками Прасковьей Ивановной и Ксенией Ивановной. (Прасковья была монахиня Никодима, а Ксения — монахиня Сусанна.) Это были родные сестры моего отца, Матвея Ивановича, который умер очень рано, когда мне было три месяца. Мама вышла замуж второй раз, а я осталась жить со своими родными тетками. Некоторое время, в раннем детстве, я жила с бабушкой. Меня несколько раз брали жить в мамину новую семью, но я убегала обратно и хотела жить только с тетей Пашей и тетей Ксенией. Мы жили на улице Пархоменко, 29, она и сейчас так называется. Вместе с нами тайно жил архимандрит Серафим (Битюков). И вот однажды мне сказали, что завтра надо натаскать воды, т. к. будут крестины. Батюшка Серафим будет крестить молодую мать и младенца в один день.

Приехали Леночка с Аликом и Тоня (подруга Верочки, Антонина Ивановна). Батюшка их очень ждал, волновался. Алика крестил первого. Двери в обе комнаты были открыты, все иконы смотрели на Алика, везде горели свечи и лампадки. Мы очень старались все украсить по-праздничному ко дню крестин. Когда о. Серафим погружал Алика в воду, то появилось необыкновенное благоухание. Все замерли, потому что это не был запах ни цветов, ни сада, а какой-то другой, особенный (духами тогда никто из нас не пользовался). <…>

После крещения Алика завернули и дали мне на руки, чтоб я гуляла с ним в саду, пока крестят Леночку. Крестным отцом был сам батюшка Серафим, а крестной матерью, кажется, Тоня, Антонина Ивановна. <…>

После крестин был простой обед и чай, пришло несколько человек, вместе со всеми нами было двенадцать человек. Леночка с Аликом в этот же день уехали, и Тоня тоже уехала с ними. Меня поразило необыкновенное лицо Леночки после крещения. Оно было как ангельское».

Спустя год крещение приняла и Вера Яковлевна.

Вот как Елена Семеновна вспоминает об одном из знаковых эпизодов, предшествующих крещению Веры Яковлевны:

«Однажды мы с Аликом причастились у батюшки и приехали на 1-й Коптельский пер. в квартиру Верочки. Алику шел 11-й месяц. Верочка встретила нас с большой любовью, обняла и поцеловала нас. Вдруг Алик, сидя у меня на руках, пытается снять с меня крест. Я вижу, что он хочет что-то сделать, и помогла ему в этом. Неожиданно он надевает крест на Верочку. Верочка была потрясена. Она перекрестилась и с благоговением приложилась к кресту…»

Пройдя свой путь духовного роста, сомнений и поисков, Вера Яковлевна направила отцу Серафиму такую записку: «Вторая половина пути близится к концу. Длительная и тяжелая была борьба. Многое трудно и больно сейчас, но колебаний больше нет. Как хорошо быть побежденным, когда победитель — Христос!»

После крещения в комнате для богослужений, украшенной любимыми Верой белыми хризантемами, батюшка подвел ее к окну, из которого виднелись купола Троице-Сергиевой лавры, и сказал: «Вас принял преподобный Сергий».

В жизни семьи была открыта новая глава.

Глава 3
Раннее детство

Алик появился на свет в родильном доме Грауэрмана на улице Большая Молчановка[16].

«С появлением моего первого сыночка у нас началась новая жизнь, — вспоминает Елена Семеновна. — В центре нашей семьи стал Алик. Я снова почти переселилась к Верочке, так как у нее была большая квартира. Верочкин отец — дядя Яша — охотно принял нас к себе и с любовью относился ко мне, Володе и маленькому Алику. <…>

Дома старалась выполнять все указания о. Серафима. Особенно трудно было учить утренние и вечерние молитвы. Память у меня была хорошая, и я быстро учила стихи и все заданное в школе. Но тут я встретилась с неожиданным препятствием: кто-то явно мешал мне учить молитвы. И дело было не в славянском языке, который я, конечно, недостаточно освоила. Но я на любом языке быстро все выучивала, а тут мне мешало что-то странное, необъяснимое. В этот период я не имела никакого понятия о темных силах. Наконец, с огромным трудом всё выучила и стала читать наизусть.

В начале следующего года к нам поступила домработница Катя. Она была глубоко верующей, духовно настроенной девушкой. Она мне много дала в отношении ознакомления с православной верой. Наступил Великий пост. Батюшка сказал мне, чтобы я постилась 1-ю, 4-ю и Страстную недели. Алику не давать только мяса. Мужу я продолжала готовить мясное.

Мы с Катей часто ходили в церковь — иногда по очереди, иногда вместе, оставляя Алика на Верочку. Мне постепенно открывалась красота церковной службы. Постом служба бывает особенно хороша. Владыка Афанасий писал, что по силе воздействия на душу человека нет ничего равного постовской службе во всем мире.

Мне достали стихиры постной и цветной триоди, и я каждый день их читала. С Катей мы иногда вместе читали утренние и вечерние молитвы. Чаще всего это происходило у Верочки, так как у нее была отдельная комната и никто нам не мешал.

…Летом 1936 года мы жили в Тарасовке, на даче. Вдруг приезжает Тоня и говорит, что сейчас, временно, батюшка живет у них в Болшеве и хочет нас видеть. Мы взяли маленькую тележку, посадили туда Алика и пошли пешком. Я была очень рада повидаться с батюшкой, особенно в Тонечкином доме. Алик был во дворе. Батюшка подвел меня к окну и, указав на Алика, которому тогда было полтора года, сказал: „Он большим человеком будет“. Позже он сказал мне: „В нем осуществятся все наши чаяния“».

Сохранилась тетрадь, в которой Вера Яковлевна вела дневник наблюдений за развитием Алика с года до двух лет. Будучи специалистом по педагогике, детской психологии и дефектологии, она особенно внимательно фиксировала малейшие движения души маленького племянника. На основании ее записей можно сделать вывод о том, что определенные черты будущего священника начинают выявляться в очень раннем возрасте — в частности, его ярко выраженный интерес к природе и животному миру, интенсивность и осознанность эмоциональных переживаний, стремительность развития образной речи.

Примечательна история, рассказанная Еленой Семеновной детям о том, как в начале 1935 года ее свекор, Герш-лейб, приехал из Киева навестить новорожденного внука. Он был ортодоксальным иудеем, строго соблюдавшим всю обрядовую сторону религии, и перед его приездом Елена Семеновна купила новую посуду для соблюдения им кашрута[17]. Владимир Григорьевич пожаловался отцу, что «Леночка увлекается христианством, а ведь это не наше». «Христианством? — ответил благочестивый иудей. — Надо бы почитать Евангелие. Я никогда не читал…» После прочтения Евангелия он сказал: «Не волнуйся, сын. Иисус был настоящим евреем, он соблюдал весь закон. Он наш». Таким образом, терпимость Владимира Григорьевича к религиозной жизни жены и детей возникла не без влияния его отца.

До двухлетнего возраста Алик с родителями жил вместе с Верой Яковлевной, ее отцом и братом в их четырехкомнатной квартире в Коптельском переулке в Москве. Дом располагался за полукруглыми зданиями больницы Склифосовского. Окна выходили в глубокий колодец двора, и Алик навсегда запомнил серую бездну, развервшуюся под окнами.

Позднее он вспоминал: «Есть такие дворы — серые колодцы (в Москве их, правда, мало). Окна дома, где мы тогда жили, выходили в такой колодец. Я в него смотрел, и было совершенно жуткое чувство: как будто я смотрю в ничто, в бездну. И из нее поднимались гигантские черные птицы (голуби, которые прилетали клевать зернышки на окне). Это был такой ужас, но не страх — я не боялся этого, нет. Ужас. Понимаете, вот серая бездонная пропасть — и из нее поднимается огромная черная птица… Это было не только ощущение! Это было почти на грани misterium tremendum — то есть тайны, которая потрясает. Врезалось навсегда: огромные птицы, летящие из бездны, не с неба — неба-то не было, — а из колодца… С тех пор у меня всегда было особое отношение к птицам, которые парят; хищная птица — летящая, парящая — всегда совершенно особенным образом на меня действовала».

Примерно к этому времени относится сближение Елены Семеновны и Веры Яковлевны с Марией Витальевной Тепниной, через несколько лет ставшей духовной наставницей маленького Александра Меня.

Вот как вспоминает об этом Мария Витальевна: «И о Вере Яковлевне, и о Елене Семеновне я знала из уст Тони Зайцевой — задолго до нашего знакомства. А с Тоней у меня было знакомство по церкви. Я была прихожанкой солянского подворья, где был отец Серафим. Он еще там служил, был настоятелем; а она там была, кажется, помощницей старосты. Мы с ней познакомились там, встречались часто, и вот она мне рассказывала о них всю их историю, всё это я знала от нее. А им она рассказывала обо мне — было заочное знакомство. Потом наступило такое время, когда солянское подворье было закрыто, отца Серафима уже не было, а все его духовные чада ходили по его благословению в греческую церковь на Никольской. И вот однажды, это было под Рождество, во время вечерней службы у меня сделалось такое полуобморочное состояние, потому что я перед тем угорела. Вдруг я чувствую, что кто-то ко мне подходит, старается меня привести в чувство, потом даже выходит со мной из храма. Это была Елена Семеновна. Так состоялось наше знакомство. Отцу Александру в это время было полтора или два года. Ну, и с этого знакомства началась близость наша. Так что фактически мы в течение 40 лет жили одной жизнью».

Племянница Марии Витальевны Анна Корнилова так описывает атмосферу в семье Меней в тот период: «С первых дней жизни Алик оказался среди людей, для которых христианство было в первую очередь призванием, а уже потом — мировоззрением. Ничто не делалось само по себе, а всё — по благословению. Летом 1937 года отец Серафим благословил Елену Семеновну пожить на даче в Лосинке (станция Лосиноостровская Ярославской железной дороги). Это казалось удобным еще и потому, что на той же даче, на втором этаже скрывался отец Иеракс, который служил в церкви на Солянке после отца Серафима, с 1929 по 1932 год, и также вынужден был перейти на нелегальное положение. Первый этаж дачи занимали люди, которые не должны были знать о существовании отца Иеракса. И когда по утрам хозяева верхнего этажа уезжали на работу, священник вынужден был вести себя так, чтобы о его присутствии нельзя было догадаться. Передвигался он совершенно бесшумно, а из дому выходил лишь под покровом ночи. Полная риска жизнь требовала большого напряжения, и в любую минуту конспирация могла быть раскрыта, поэтому появление „дачников“ с ребенком во многом облегчало положение, отвлекая внимание от отца Иеракса. Да и у Елены Семеновны с Аликом появилась возможность ежедневно посещать богослужение. Для этого была отведена небольшая комната с балкончиком».

Из рассказов, записанных духовной дочерью отца Александра Меня Ольгой Ерохиной: «Летом жили в Лосинке у Веры Корнеевой как дачники. Вера тоже принадлежала к кругу духовных детей отца Серафима. У нее на чердаке 8 лет скрывался священник Иеракс Бочаров. Комната, где он жил, на время богослужения становилась храмом. Говорят, там особенно чувствовалось небо. У о. Иеракса был антиминс из закрытого храма Отрады и Утешения при Боткинской больнице, где он прежде служил. И вот в эту чердачную церковь Отрады и Утешения приходили, приезжали — и соседи не должны были ни о чем догадываться, и дети понимали, что это тайна. Маруся[18] рассказывала мне, как однажды в конце литургии о. Иеракс давал крест таким образом: у него на руках был трехлетний Алик, который держал крест, и люди прикладывались к этому кресту, который держал Алик, сидящий на руках о. Иеракса».

«Оставаясь целыми днями один, отец Иеракс много заботился о благолепии своего маленького храма, который был всегда таким чистым, светлым, украшенным цветами, так что, поднимаясь неслышно наверх по узкой деревянной лестнице и входя туда, сразу можно было почувствовать себя в другом мире, где царила какая-то тихая радость, как в праздник Благовещения: нежное цветение фруктовых деревьев за окном сливалось воедино с внутренним убранством комнаты. Враждебные стихии мира, казалось, не могли найти сюда дороги, — писала Вера Яковлевна. — Полгода жила Леночка в Лосинке. Я часто приезжала туда после работы и на ночь уезжала домой. Алик подрастал. Я всё больше привязывалась к нему, и эта привязанность отдавалась в сердце непонятной тоской. Однажды я приехала к батюшке и рассказала ему всё. „Может быть, мне лучше уехать от них теперь? — спросила я. — А потом я буду уже не в силах сделать это“. — „Хорошо, что вы поставили этот вопрос, это вы сделали правильно, — сказал батюшка, — только этого не нужно, совсем не нужно. Вот Леночка жила у вас столько лет, а что вы делали? — Вы душу ее берегли. Вы поняли меня? Живите вместе. Мы не будем пока говорить ни о монастыре, ни об одиночестве“».

Анна Корнилова так продолжает свой рассказ: «Алику не было еще и двух лет, а он уже окунулся в атмосферу „катакомбной“ церкви. Когда ему шел четвертый год, он вновь оказался с отцом Иераксом, теперь уже в Малоярославце, куда указал поехать на лето отец Серафим. Если в Лосинке они прожили полгода, то здесь два-три месяца. В Малоярославце никто не знал отца Иеракса. Он мог свободно выходить из дому и прогуливаться по окрестностям. Заботы окружающих, общение с людьми были для опального священника светлым периодом, небольшой передышкой на подвижническом пути. Стояло лето, и совершать богослужение можно было в лесу. Нашли уединенную поляну. Отец Иеракс брал с собой богослужебные книги и… лес становился храмом. Казалось, все обитатели леса воздают хвалу Божьей Матери. Однажды белка спустилась с дерева и, не шевелясь, стояла рядом с нами».

Вот как вспоминает об Алике в Малоярославце Нина Владимировна Трапани, прихожанка «катакомбной» церкви тех лет:

«Окружающая природа очаровала нас. Местность была холмистая, перелески, открытые поляны, наши среднерусские, милые

сердцу картины. Погода стояла хорошая, и мы целые дни проводили под открытым небом. Столовались все вместе. <…> О. Иеракс, облюбовав одну светлую безлюдную полянку, совершал там доступные в этих условиях богослужения.

Мы брали с собой термос, кое-какую закуску и устраивали завтрак. Алик забирался ко мне на колени и свертывался клубочком, как котенок.

<…> Подошел праздник Успения Божией Матери. Мы все собрались на излюбленной полянке. Прочитали дивный канон „Да провождают невещественнии чинове небошественное в Сион Божественное тело Твое…“.

О. Иеракс начал читать акафист. Молоденькие березки стояли вокруг, как свечи, легкий ветерок колыхал травинки. Вдруг на одном из деревьев зашелестела крона, и из кудрявой листвы высунулась любопытная мордочка рыженькой белочки, которая некоторое время рассматривала нас; потом она быстро спустилась на землю и застыла под деревом, как бы прислушиваясь к словам песнопения. Она довольно долго пребывала в таком положении, и мы затихли, боясь спугнуть доверчивого зверька. Потом снова взбежала на дерево и долго еще качалась на ветвях.

Говорили, что после нашего отъезда, когда приехал отец Верочки, дядя Яша, как называли его, Алик безошибочно привел его на нашу полянку и сказал: „Вот здесь мы все сидели, и нам было очень хорошо. Как жаль, что тебя не было с нами…“ Алик очень любил дядю Яшу. Когда были назначены выборы в Верховный Совет и по их округу кандидатом выдвинули профессора Бурденко, он сказал матери: „Ну и голосуй за Бурденку, а я буду голосовать за дядю Яшу“. Но он знал, что есть вещи, о которых и с дядей Яшей говорить нельзя».

«Он лучше меня понимал слово „конспирация“, — поясняет этот эпизод Вера Яковлевна, — и как ребенок не боялся ее».

Нечего и говорить о том, какой любовью был окружен мальчик, как заботились о его душе, направляя и оберегая ее.

Алику было два года с небольшим, когда семья переехала в коммунальную квартиру в доме на Большой Серпуховской улице, 38. Отец Веры Яковлевны женился вторично, и возникла необходимость разъехаться. Владимиру Григорьевичу удалось получить для семьи другое жилье.

«Наш дореволюционный дом был красного кирпича, — вспоминает Павел Мень. — Мы жили на втором этаже в четырехкомнатной квартире, занимали комнату 20 кв. м. Папа как будто гордился, что у нас такая большая комната. Еще было три семьи — точнее: муж с женой и трое детей, муж с женой и одинокий пожилой мужчина из бывшего купеческого сословия — Иван Иванович Кудин, вдовец. До революции была известна его мануфактура — „Кудинские платки“. (Его сын получил 10 лет за то, что предложил тост „За Россию“ плюс происхождение. Помню, наверное, уже на поселении, он приезжал с Колымы. Все зубы у него были стальные.) Однажды — я был еще маленький — ему похвастал: „Я родился 1 декабря, в день смерти Кирова. А брат мой родился 22 января, на следующий день после смерти Ленина, как будто ему на смену…“ Старик, по-волжски налегая на „о“, ответил: „Довольно одного“ и оглянулся, не услышал ли кто.

Вторая семья — муж, жена и трое детей. Муж крепко зашибал. Спился на наших глазах. И дети тоже стали попивать. А еще была пара: Агафья Ивановна и Василий Иваныч. Милые люди. Василий Иваныч, по профессии слесарь, тоже употреблял. Но строго по норме: четвертинку в день.

Отопление в доме было, естественно, печное. Я помню, как мама боролась с печкой. Это была именно борьба. Когда что-то закипало, нужно было хватать кастрюлю и переставлять на плите в другое место, не такое горячее. Кухня была большая, тоже метров 20. Выход из нашей комнаты был прямо на кухню, где был единственный кран с водой, здесь же умывались. И на 12 человек один туалет с ржавой трубой, так что утром всегда в общественных местах было людно и весело. Но я помню, что в соседнем Арсентьевском переулке наши школьные товарищи жили в деревянных домах, и воду носили из колонки с улицы».

«В 38-м году у меня должен был появиться второй ребенок, — пишет Елена Семеновна. — После гриппа у меня было осложнение: инфильтративный туберкулезный процесс в правом легком. Врач настаивал на прерывании беременности, но я отказалась. Как врач ни убеждал меня, пугал, что я заражу старшего сына и мужа, даже заподозрил меня в толстовстве, настаивал на применении вдувания, что несовместимо с беременностью, я ни за что не соглашалась. Тогда

муж созвал консилиум, и врачи решили, что меня надо отправить в деревню, усиленно кормить и каждый месяц делать рентгеновские снимки. Мы с Верочкой и Аликом уехали в Малоярославец. Верочка усиленно кормила меня, а сама похудела ужасно. Через месяц рентген показал, что инфильтрат уменьшился, а еще через месяц все зарубцевалось. Я выздоровела окончательно и 1 декабря родила совершенно здорового ребенка. Профессор и врачи изучали мои снимки и удивлялись. Они смотрели на это как на чудо. Когда я приехала осенью к о. Серафиму, он одобрил мое поведение».

«Алик рос чутким ребенком, — вспоминала Вера Яковлевна, — и мы с Леночкой часто делились с ним своими переживаниями, забывая о его возрасте. Так Леночка еще в Малоярославце рассказала ему о своей беременности. Он по-своему пережил это известие и находился в состоянии напряженного ожидания. Ребенок, который еще не родился, представлялся ему каким-то таинственным незнакомцем, упоминание о котором внушало ему страх. Когда для будущего ребенка купили одеяло и другие вещи, Алик боялся зайти в комнату или обходил эти вещи на большом расстоянии. Когда я рассказала обо всем этом батюшке, он был очень недоволен: „Не следовало заранее говорить ему ничего. Ожидание в течение полугода трудно и для взрослого, а не только для такого маленького ребенка. Разве можно держать его в таком напряжении! Только после того, как ребенок родился, надо было сказать Алику: ‘Бог послал тебе брата’, и у него было бы легко на душе“».

Когда Елену Семеновну перед вторыми родами увезли в роддом, Алик оставался с бабушкой Цецилией, но контакта между ними не было. Слишком различны были уклады семей и духовные устремления мамы и бабушки Алика. Однажды Алик заявил бабушке Цецилии: «Спасибо, бабушка, что ты мне маму родила, а больше сказать мне нечего». По воспоминаниям Елены Семеновны, эти слова внука произвели сильное впечатление на Цецилию.

Брат Алика появился на свет 1 декабря 1938 года. Когда Павлика привезли домой из роддома, Алик долго разглядывал его и спросил: «А мысли у него есть?» Павлика также хотели крестить у отца Серафима, но сложилось так, что поехать к отцу Серафиму в тот период возможности не было, и, не желая откладывать такое важное дело, Елена Семеновна решила крестить Павлика у отца Иеракса, который

жил в это время в Болшеве. Крестной матерью была Вера Яковлевна, а крестным отцом (заочно) — отец Серафим. Он постоянно следил за духовным развитием обоих мальчиков. Вера Яковлевна вспоминала, как он говорил о детях, об отношении к ним: «Они всё глубже будут вам на душу ложиться. А у них на душе должен остаться ваш внутренний облик. Как картина, которую видим однажды в художественной галерее». («Я поняла, — пишет Вера Яковлевна, — что он говорил о том, что будет после моей смерти».)

«…Батюшка большое внимание уделял вопросам воспитания и часто давал мне различные советы, — продолжает Вера Яковлевна. — Я всегда сама гуляла с Аликом, уделяя этому почти всё свое свободное время. Батюшка придавал этим прогулкам большое значение. „Не надо много говорить с ним. Если он будет задавать вопросы, надо ответить, но если он тихо играет, читайте Иисусову молитву, а если это будет трудно, то ‘Господи, помилуй’. Тогда душа его будет укрепляться“. В качестве примера воспитательницы батюшка приводил няню Пушкина Арину Родионовну. Занятая своим вязанием, она не оставляла молитвы, и он чувствовал это даже тогда, когда был уже взрослым и жил с ней в разлуке, что отразилось в его стихотворении „К няне“».

Однажды Алика решили сводить в действующий храм, но он почувствовал себя там нехорошо. «Поедем лучше к дедушке или в Лосинку», — просил мальчик. Узнав об этом, отец Серафим сказал: «Если он чувствует это и разбирается, то и не надо водить его теперь в церковь».

Батюшка не разрешал водить Алика в театр или кино в дошкольном возрасте. «Если вы хотите доставить ему удовольствие, лучше купите ему игрушку», — говорил он. Живя в подполье, отец Серафим был хорошо осведомлен о мирской жизни: в театрах и кино в это время шли насквозь идеологизированные спектакли и фильмы. Когда уже в школьном возрасте Алика впервые повели в кино на просмотр фильма «Доктор Айболит», то его восторгу и радости не было предела. Любовь к кинематографу осталась у него на всю жизнь.

Елена Семеновна вспоминала:

«Воспитывать детей в такой сложной обстановке, в трудное время было нелегко. Да я и не умела быть воспитательницей. Тогда я обратилась к Божией Матери с просьбой, чтобы Она воспитала моих детей. И Она услышала мою молитву. <…>

Когда Алику исполнилось 4 года, я отдала его в дошкольную французскую группу. Дети легко воспринимают иностранный язык в раннем детстве, а я особенно любила французский язык, поэтому я отдала его именно во французскую группу. Маленький коллектив менее утомителен для нервной системы, чем большой. Алик пробыл в этой группе два года. Руководила этой группой приятная, интеллигентная женщина, детей было всего шесть человек. Алик выяснил, что трое детей было верующих, а трое — неверующих. Однажды Алик обратился к неверующей девочке: „Кто же, по-твоему, создал мир?“ — „Природа“, — ответила девочка. „А что такое природа? Елки, курицы? Что же, они сами себя создали?“ Девочка стала в тупик. „Нет, Бог сотворил всё, и Он управляет всем миром“.

Руководительница очень любила Алика. „Никогда я не встречала такого талантливого ребенка, — сказала она однажды, — он всегда будет душой общества“. Ее предсказания сбылись. Я понимала, что это дар Божий, и не позволяла себе гордиться им».

Руководительницей дошкольной группы, в которую попал Алик, была немка по имени Надежда Карловна. Группа была организована в ее квартире на улице Маркса и Энгельса[19]. Детей приводили утром и забирали вечером. Надежда Карловна учила их французскому языку и старалась всячески развивать своих воспитанников. Алик сразу же запомнил названия животных по-французски и очень полюбил ежедневные прогулки по Гоголевскому бульвару с его скамейками и староарбатскими особняками. Иногда во время прогулки они заходили в небольшую церковь, превращенную к тому времени в музей, в котором были выставлены изображения уже взорванного храма Христа Спасителя и макеты задуманного на его месте Дворца Советов.

Четырехлетний Алик мог подолгу рассматривать свою любимую книгу — «Жизнь животных» Брэма со множеством прекрасных гравюр. Его захватывал загадочный животный мир, история жизни отдельных зверей и птиц, удивительные проявления разума и привязанности животных к людям, готовность приходить на помощь в минуту опасности и даже рисковать собственной жизнью во имя спасения человека. Любимой настольной игрой маленького Алика на долгие годы стало подаренное ему зоологическое лото с рисунками замечательного художника-анималиста Василия Ватагина. С этой

игрой он не расставался даже тогда, когда через несколько лет большая часть карточек была утеряна.

Примерно в те же годы Алик начал осознанно рисовать. Сохранился рисунок, на котором в три или четыре года он изобразил евхаристическую чашу.

Тогда же Алик научился хорошо ориентироваться на центральных улицах Москвы, запомнив близкие его сердцу изображения животных — у дома номер 15 на улице Кирова (ныне Мясницкой), где лев держит в лапах геральдический щит, у Музея революции (сегодня Музей современной истории России) на Тверской улице — с двумя львами, стерегущими вход в здание, у особняка Рекк на улице Пятницкой, 64 — с одним спящим и одним бодрствующим львами и у памятника Гоголю в начале Гоголевского бульвара со стилизованными львиными масками у подножия фонарей… Но настоящим праздником для Алика были походы в зоопарк, вход в который в то время украшали великолепные, как будто живые, скульптуры животных работы анималистов Ватагина и Горлова. Любовь к животным сопровождала Александра всю жизнь.

Близкой подругой Веры Яковлевны (а через нее и Елены Семеновны) со студенческих лет была Роза Марковна Гевенман, закончившая Московский университет по отделению истории искусств. Ее старший сын, Роальд Пратусевич, будучи на несколько лет старше Александра Меня, так вспоминает о их встречах в детстве: «Алик быстро, не по дням, а по часам, развивался. Он был чрезвычайно любознательным, смышленым и увлекающимся. Особый интерес и любовь у него вызывали животные. Мы часто ходили в зоопарк, уголок Дурова, Зоологический музей. Он уже в 4–5 лет по возвращении из этих мест рисовал зверей и птиц, собирал рисунки в маленькие книжечки. Вера Яковлевна воспитала в нем любовь ко всякому творчеству, а я, когда бывал у них, помогал ей. <…> После войны он год или два занимался рисунком у Ватагина и Трофимова. Помимо „Жизни животных“, он уже перед войной любил читать „Евангелие для детей“ и взрослое Евангелие и рисовал не только животных, но и сцены из Священной истории».

«Расхождения во взглядах Леночки и ее мужа Володи никогда не препятствовали их любви и привязанности друг к другу, — дополняет этот рассказ Роза Марковна Гевенман. — Этот миролюбивый дух

передался их детям — Алику и Павлику. Никогда я не слышала об их ссорах. Чудная фотография маленьких мальчиков — Алик, обнимающий Павлика, — всегда встречала меня при входе в небольшую уютную комнату на Серпуховке, где долго жила Леночкина семья».

«У отца была необыкновенная широта и терпимость, которую унаследовал Александр, — вспоминает о Владимире Григорьевиче Павел Мень. — Для мамы важно было помолиться перед едой и после. Если папа присутствовал, то надо было делать это или молча, или выйдя из комнаты, обменявшись взглядами».

Уже с детства все отмечали особую просветленность Алика и его удивительную способность дружить и улаживать любые конфликты. Мария Витальевна Тепнина рассказывала, как в день рождения маленького Алика разные гости подарили ему двух одинаковых слоников. Алик не только не огорчился, увидев второй экземпляр только что полученного подарка, но, наоборот, захлопал в ладоши и немедленно объявил, что эти два слоника будут дружить, и придумал целую историю их будущих приключений.

Игрушечные машины, технику и конструкторы Алик не любил, зато много рисовал и лепил. Не проявлял особенных склонностей к устному счету и математике, но уже с детства много читал и делал зарисовки, записывал свои наблюдения. А главное — с раннего возраста проявлял недетскую разумность и чуткость к окружающим.

Анна Корнилова вспоминает такие эпизоды из жизни маленького Алика:

«Детей водили в лес и на речку. Как-то стояли они на берегу и смотрели, как коровы по колено в воде переходят на другую сторону. „А кто же будет потом вытирать им ножки?“ — спросил Алик. Он заботился обо всех.

В другой раз, когда он сам вел себя не как подобает, ему сказали, что „надо же себя уважать!“. Он задумался, а потом ответил: „А я думал, что надо уважать других“…»

Вот как рассказывает о своем раннем детстве сам отец Александр:

«Отец был постоянно занят своими делами; он был человеком очень честным, очень работоспособным и весь, целиком, отдавался работе. Поэтому больше я общался с матерью, человеком глубокой веры, большого оптимизма и жизненной силы, и ее сестрой. Тетя была

специалистом по дефектологии, по умственно отсталым детям, занималась с олигофренами и т. п. Они были христианки, глубоко убежденные, и в самые трудные годы я был воспитан в традициях Православной церкви. И потом уже я это воспринял сам, как каждый человек должен воспринять встречу с Богом — личную; это уже не только традиция, а внутреннее.

<…>

В возрасте детском, дошкольном (может быть, в пять лет), особенно меня тяготила бессознательность поступков. Я сам ощущал, что многие поступки делаю несознательно, совершенно механически: я иду куда-то — меня ведут, я что-то делаю… Меня это ужасно удручало и обременяло, я хотел из этого состояния выйти, я хотел ясно отдавать себе отчет: что, зачем и почему. На самом деле это борьба между сознанием и подсознанием. Мне это не нравилось, но выходить на сознание тоже было несколько болезненно. Я остро помню момент, когда я осознал это свое, как говорят экзистенциалисты, бытие в мире: я потерялся в Серпуховском универмаге, вышел оттуда и вынужден был идти пешком домой один… И ощущение собственного одиночества для меня символизировалось в моей тени, которая шла передо мной. Я был в валенках, маленький, и тень была очень несчастной. Мне казалось, что это путешествие очень длинное…»

Очевидно, что неуправляемая стихия детства тяготила маленького Алика. В нем созревал сильный ум, который восставал против подсознательных элементов детской психики и вызывал к жизни стремление к ясности, пониманию, владению собой и окружающей ситуацией.

В начале 1941 года был арестован Владимир Григорьевич.

Вот как вспоминает об этом Елена Семеновна:

«…Как технорук фабрики он имел право подписи наравне с директором и якобы подписал бумагу, по которой кто-то мог класть деньги в свой карман. В середине января у нас был обыск. Это произвело на меня тяжелейшее впечатление. Я воззвала к Господу и вдруг слышу какой-то внутренний голос: „Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после“. Это меня успокоило, тем более что то, что было у меня под матрацем, — огромная богослужебная книга, — они не увидели, даже не полезли туда, а шкафчик с иконами открыли и тут же закрыли, так что сосед — понятой — ничего не видел. Володю

взяли и в тот же день выпустили, но через 2 недели посадили надолго. Я боялась ездить к батюшке, чтобы не подвести его. Вместо меня ездила Верочка.

Батюшка велел мне написать молитву „Взбранной Воеводе“ и отдать Володе. Я так и сделала. К моей радости, Володя молитву взял, прочел и оставил у себя. Через несколько месяцев я увидела во сне, что мне дают свидание с Володей. В комнате много людей, а мне надо с ним остаться наедине. Наконец мы остались вдвоем. Я спросила его: „А молитву у тебя забрали?“ — „Нет, — сказал Володя, — она осталась при мне“. На этом я проснулась. О. Серафим сказал, что этот сон послан мне в утешение. Он благословил меня особо молиться за Володю, и дети тоже должны были кратко молиться за него. На детей он наложил строгий пост в период Великого поста.

Когда я была у следователя, увидела полкомнаты, заваленной делами той фабрики, где Володя работал.

Жизнь у нас резко изменилась. Я устроилась надомницей и вышивала портьеры. Детей устроила в детский городок, а сама вышивала с утра до вечера. Я никогда не была рукодельницей, но так как я, как и в юности, брала благословение на каждую работу, всё у меня получалось удачно, не было никакого брака».

«В 1941 году муж Леночки был арестован по обвинению в каких-то служебных злоупотреблениях, — вспоминает Вера Яковлевна. — Обвинения эти впоследствии не подтвердились. Батюшка видел внутренний смысл всего происходящего и принимал самое горячее участие. Когда ему рассказали о том, что составлено 16 книг обвинения, батюшка сказал: „Матерь Божия их все закроет“. Так и случилось год спустя».

По воспоминаниям близких, до пяти лет Алик причащался совершенно спокойно, но к этому возрасту он почему-то начал сильно волноваться перед причащением Святых Христовых Тайн. Тогда отец Серафим решил, что настало время систематически знакомить его с содержанием Священного Писания, так как он уже в состоянии отнестись ко всему сознательно.

«Так как ни я, ни Леночка не решались взять этого на себя, батюшка поручил это дело Марусе[20] — одному из самых близких нам людей, которая прекрасно справилась со своей задачей», — вспоминает Вера Яковлевна.

«Надо было знать Марусю, чтобы представить себе, как проходили эти занятия, — пишет Анна Корнилова. — Маруся была небольшого роста, худенькая, очень стройная, с правильными чертами лица, большими голубыми глазами и строгой прической. К делу она относилась истово. Занятия, прежде всего, отличались систематичностью. Так же как молиться надо было непременно утром и вечером, до еды и после еды, — кроме всех других случаев, — так и этим занятиям отводилось строго определенное время. Сейчас можно себе представить, как нелегко все это давалось, ведь работала она за городом, в Рублеве, зубным врачом в поликлинике при больнице Рублевской водопроводной станции. Автобус, — маленький, „коробочка“, всегда до отказа набитый рабочим людом, медленно поспешая, достигал Москвы где-то через час с лишним и останавливался на площади у Киевского вокзала, откуда надо было столько же добираться до Серпуховки (ведь метро тогда еще не провели)».

Вот как вспоминает об этом сама Мария Витальевна:

«…Елена Семеновна смотрела на него (Александра) как на свое чадо, которое она посвящает Богу. Это было заложено в начале его существования.

Отец Серафим непосредственно следил за ростом этого младенца, посвящаемого Богу. Он даже говорил Елене Семеновне, что он будет большим человеком. Елена Семеновна соответственно своим убеждениям создавала дома атмосферу проникновенной христианской жизни, которая продолжалась каждый момент. И это безусловно была та атмосфера, в которой воспитывался отец Александр. Вера Яковлевна, хотя она тем же дышала, была воспитательницей его в другой области — она развивала его умственные способности. Следила за его умственным развитием, преподавала ему языки, знакомила с литературой, с искусством. Духовной воспитательницей отца Александра считается его мать. Я постоянно там бывала, и многие разговоры велись в присутствии детей, и общая молитва, и препровождение праздников. Такая была живая атмосфера. Алик рос на моих глазах. Он был удивительным ребенком, очень талантливым. В нем рано обнаружилась способность к обобщению. И я была непосредственной свидетельницей — когда ему было около 4-х лет, то в моем присутствии, едва научившись писать печатными буквами, —

первое, что он написал — „Не будь побежден злом, но побеждай зло добром“. В таком возрасте и такая формулировка! Конечно, он не раз слышал, когда читали послания апостолов и Евангелие.

С Евангелием он познакомился через чтение, такая была очень полезная книга, „Евангельская история“. Эта книга была у меня, я с ним ее читала. Потом он очень скоро черпал уже из непосредственных источников — Библии, Евангелия».

Из воспоминаний Анны Корниловой: «Занимались вначале по книге Б. И. Гладкова „Евангельская история“. Текст был составлен из высказываний евангелистов и богато иллюстрирован воспроизведениями картин русских и западноевропейских художников. Перекладывая содержание отдельных сюжетов на язык, доступный детям, Маруся делала акцент на духовном — так запомнилось „Введение во храм Пресвятой Богородицы“: восхождение трехлетней девочки по высоким ступеням храма. Рассказ сопровождался рассматриванием иллюстрации с одноименной картины Тициана. В других случаях акцент переносился в нравственную сферу: особенно поучительной представлялась „Лепта вдовицы“. На картинке были изображены богатые жертвователи, которые опускали в церковную сокровищницу крупные суммы денег, и бедная молодая вдова с ребенком на руках, та, что положила последние две лепты. Но ее жертва на весах вечности превысила все остальные, „ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое“. Именно в этом евангельском ключе и объяснялось нам, как надо творить добро: если ты отдал просто лишнее или не крайне нужное тебе, — это не считалось добродетелью, а вот отдав самое необходимое, поделившись последним, — ты сделал доброе дело. И это объяснение — прочно, на всю жизнь — входило в сознание».

Глава 4
Об отце Серафиме (Битюкове)

Трудно переоценить значение духовного руководства отца Серафима для маленького Алика Меня и самых близких ему людей. Ни Елена Семеновна, ни Вера Яковлевна после крещения не принимали без его совета и благословения ни одного важного решения. Его горячее участие в их жизни началось задолго до их встречи и продолжалось в очной или заочной форме до конца его жизни. Его любовь и благословение чувствовали они и после его смерти… «Удивительное понимание чужой души было у батюшки не только чуткостью душевной, но и духовным дарованием», — сказала об отце Серафиме Вера Яковлевна, выразив ту важнейшую черту своего духовника, которую в полной мере воспринял и унаследовал и Александр Мень.

«Батюшка отец Серафим служил всегда медленно, торжественно, очень спокойно. Черная мантия, епитрахиль, белоснежная волна волос. Он стоял перед аналоем, иногда в свете одной только лампады, перед образом Божией Матери (Владимирской) как олицетворение жизненности той Церкви, которую пытались переделать или уничтожить. Каждый новый день был под вопросом, каждый стук в дверь или в окно отзывался в сердце началом мученического пути», — вспоминает о нем Мария Желновакова, дочь неоднократно побывавшего в заключении духовного писателя Сергея Иосифовича Фуделя.

Вот рассказ Веры Яковлевны:

«Приехав к батюшке, я чувствовала, что весь мир остается где-то в стороне. Во время богослужения, кроме меня, присутствовало часто всего два-три человека. Батюшка стоял совсем близко, и всё богослужение от начала до конца проходило передо мной. Батюшка служил в этой своеобразной обстановке так же, как он служил прежде в большом, переполненном народом храме. И это поразительное несоответствие между совершаемым богослужением и внешней обстановкой, в которой оно совершалось, с чрезвычайной остротой подчеркивало глубокое, объективное, космическое значение литургии,

которая должна была совершаться независимо от того, сколько человек на ней присутствует, так же как прибой морских волн не может приостановиться из-за того, что нет свидетелей. <…>

Совершая богослужение в своих „катакомбах“, батюшка выполнял какую-то большую историческую миссию: он охранял чистоту Православия. Это убеждение придавало особый колорит всей его деятельности: он не был изгнан — он ушел сам, он не выжидал, а творил, он трудился не для этой только узкой группы людей, которые могли видеться с ним в этих условиях, но для Церкви, для будущего. Но он ни на минуту не забывал и живых людей. Стоя возле батюшки во время богослужения, я знала, что он чувствует мое состояние в каждый момент и старается помочь мне. Мне было спокойней от того, что он понимает всё и не дает мне ошибиться.

Слова псалмов и молитв оживляли маленький домик, так что казалось, что самый воздух, предметы и стены участвуют в богослужении. Звуки поднимались ввысь, окружали образ Божией Матери и наполняли собой всё. <…>

Приходилось удивляться широте его сердца. Он, кажется, готов был принять всех. Отношение батюшки к каждой человеческой душе можно было бы определить одним словом — „бережность“. Когда придешь, бывало, к батюшке с неразрешенными вопросами или с большой тревогой в сердце, батюшка прежде всего перекрестит это самое волнующееся сердце и тревога исчезнет, а затем начнет объяснять непонятное с ласковым обращением: „Чадо мое родное!“ И так станет на душе от этих слов, что, кажется, готов встретить все испытания.

Вместе с тем батюшка никогда не старался смягчить трудности внешние и внутренние. „Когда Алик был маленький, мы кормили его манной кашей, а когда стал подрастать, стали давать ему и твердую пищу, — говорил мне батюшка. — Так же и вы. Сейчас вам многое трудно, а дальше еще труднее будет“. Это было просто и понятно.

<…> Помимо своих духовных занятий, старческого руководства, пастырских и богословских литературных трудов, батюшка в своем уединении принимал активное участие в жизни Церкви, встречался со многими из своих единомышленников среди церковных деятелей и вел постоянную переписку. Вместе с тем не было, казалось, ни одного вопроса, которым бы он не интересовался. Он следил за текущими

событиями и переживал всё со всеми. Благодатная сила его благословения была так велика, что покоряла себе душу каждого человека, с которым он встречался. <…>

В праздничные дни, когда за столом у батюшки собиралось довольно много гостей, он бывал таким веселым и приветливым, шутил и радовался маленьким радостям своих духовных детей, так что все чувствовали себя совсем свободно и непринужденно. Казалось почти несущественным, что каждый незнакомый стук в дверь, каждый случайно зашедший человек, будь то почтальон или кто-нибудь другой, могли нарушить покой маленького домика, и его хозяин должен был скрываться. Подобные инциденты бывали довольно часто. Это знали и чувствовали все, но страха не было. Находясь возле батюшки, каждый чувствовал над собою Покров Божией Матери и ничего не боялся. <…>

Любя жизнь во всех ее проявлениях и труд умственный и физический, батюшка никогда не оставлял и „память смертную“. Однажды Леночка по просьбе батюшки привезла ему гвоздей для каких-то строительных работ. Рассмотрев гвозди, батюшка отложил самые лучшие и дал К. И.[21], чтобы она спрятала. „Эти гвозди дорогие“, — многозначительно сказала Леночке К. И., но Леночка не поняла, к чему это относится. Когда Леночка пришла в день кончины батюшки, она увидала эти гвозди. Они должны были послужить для сколачивания гроба. Батюшка за несколько лет до этого приберег их на день своего погребения.

Батюшка придавал большое значение благоговейному отношению к смерти. Он очень сокрушался, когда во время войны в народ был брошен лозунг „презрения к смерти“. „Куда же еще дальше идти?“ — говорил он.

Ничто не казалось батюшке мелким или неважным. Он вникал во все интересы, зная, что за каждой вещью, принадлежащей человеку, скрывается какое-то движение его души. Иногда привезешь батюшке что-нибудь, например, яблоко или апельсин. Он с благодарностью принимал всё и затем часто возвращал привезшему как свое благословение, и вещь эта доставляла получившему ее особенную радость и утешение. Ведь в нашем повседневном быту мы почти постоянно утрачивали чувство, что всё, что имеем, каждый кусок хлеба — дар Божий. Без благословения Божьего вещи становятся

мучительно мертвыми, перестают радовать, становятся или безразличными, или враждебными. Батюшка одним своим словом, одним прикосновением, даже своим присутствием восстанавливал правильное отношение к вещам. Призывая благословение Божие, он возвращал вещам жизнь, а людям — радость жизни.

Однажды, когда я была больна, батюшка прислал мне наклеенный на картон засушенный цветок под стеклом. Передавая его, он сказал: „Эту вещь подарила мне одна раба Божия с большой любовью“. Я не знала, кто была эта „раба Божия“, но было что-то глубоко ценное в том, что батюшка захотел передать мне через этот цветок любовь неизвестной мне души.

За столом батюшка сам делил и раздавал пищу, выслушивая рассказы всех, иногда сам что-нибудь рассказывал или читал вслух. Когда кто-нибудь рассказывал о ранних дарованиях или особенно интересных проявлениях у детей, батюшка всегда говорил: „Беречь, беречь надо!“ Говоря о ребенке, батюшка как будто имел в виду не только данный период его развития, но и всю жизнь его в целом. Как-то батюшка сказал мне: „Хорошо, что вы так внимательны к Алику, но, привыкнув к этому, он такого же внимания будет требовать от своей жены“. Мне показалось, что батюшка шутит (Алику было всего 5 лет), но он говорил серьезно. <…>

С детства я любила поэтов, поэзия была стихией моей души. Батюшка глубоко понимал и любил поэзию, но, насколько я могу заключить из того, как он вел и воспитывал меня в этом отношении, он понимал поэзию как некоторую подготовительную ступень в развитии души. Я говорю „воспитывал“, потому что батюшка был воспитателем в самом высоком смысле этого слова: в смысле искусства устроения души, искусства, материалом которого является не мрамор, не краски, но тончайшие движения души, то стремление к божественному, которое вложил Господь в Свои разумные создания.

В своей переписке с батюшкой до крещения я часто использовала мысли и слова поэтов, и батюшка всегда горячо на них откликался, давая понять, что здесь только намеки, а полнота — в мире духовной жизни, в мире религии, где эти намеки раскрываются до конца и становятся реальностью.

Между прочим, батюшка очень ценил Гоголя и, упоминая об его статье „Размышление о Божественной Литургии“, говорил: „Даже не

верится, что это написал светский писатель“.

После крещения батюшка стал подводить меня к иному пониманию взаимоотношений между поэзией и религией. Я понимала их односторонне, только как близость, согласно мысли Жуковского: „Поэзия — религии небесной сестра земная“. Противоположность между поэзией как искусством падшего человека и религией как средством спасения я поняла позднее и только благодаря батюшке.

Батюшка не советовал читать поэтов во время уединенного пребывания среди природы. Вернувшись домой после поездки в Саров, где стихи были уже совсем неуместны, я по привычке открыла Блока и прочла хорошо известное мне стихотворение „К Музе“, но открывшиеся мне строки я читала теперь иначе. Обращаясь к музе, поэт говорит:

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.

„Да, — подумала я, — там весть о гибели, а здесь — весть о спасении…“

В то же время, когда речь шла о брате, о том, как приблизить его к духовной жизни, батюшка сказал: „Читайте ему стихи“.

Такова „диалектика“ жизни души.

Я рассказала батюшке, что одна моя знакомая часто обвиняет меня в неискренности и даже фарисействе. „Не оправдывайтесь, — сказал батюшка, — вы будете спокойны“.

Батюшка никогда не отказывал в помощи, хотя бы заочной, и тем людям, которых он лично не знал. Когда Наташа[22], жившая в Ленинграде, прислала своим подругам письмо, в котором высказывала свое крайне тяжелое душевное состояние, приведшее к тому, что вместо подлинно духовных ценностей стала гоняться за „зелеными изумрудами“, т. е. весьма сомнительными, а в сущности — демоническими образами, которые европейское искусство XIX–XX вв. так часто пыталось представить в привлекательном виде, батюшка сам взялся написать ей письмо с тем, чтобы кто-нибудь переписал его и послал от своего имени.

Батюшка строго относился ко всякой экзальтированности, которую он рассматривал как нарушение строя души, духовного целомудрия, как „прелесть“, чрезвычайно опасную для духовной жизни. Когда приехала А., она потребовала, чтобы Леночка ехала с ней

смотреть на то „чудо“, которое, по ее словам, с ней произошло. Она нашла стоявшую в церкви икону Спасителя и, почувствовав, что она предназначена именно для нее, взяла ее себе и временно поместила у меня в комнате. Когда батюшке рассказали обо всем этом, он возмутился поступком А. и сказал: „Это не чудо, а воровство“.

<…> Батюшка высоко ценил труд и считал клеветой на христианство разговоры о том, что труд является проклятием для человека. Труд, как и наука, по словам батюшки, имели свое начало еще до грехопадения, когда Бог дал человеку Эдем для того, чтобы его „хранить и возделывать“.

Батюшка считал вполне естественным живой интерес к работе и даже увлечение ею. Помню, как-то на исповеди говорила о том, что, придя в день праздника Рождества Христова после ранней обедни на работу, я совершенно забыла, что сегодня Рождество, и вспомнила об этом только тогда, когда вышла на улицу по окончании работы. Батюшка сказал, что если бы можно было в этот день не работать, было бы очень хорошо, но раз надо работать, то это вполне естественно.

Батюшка очень отрицательно относился к тем, кто свое недобросовестное отношение к работе пытался прикрыть „принципиальными“ соображениями. Ни при каких обстоятельствах он не допускал мысли о вредительстве или обмане при исполнении гражданских обязанностей. Но когда духовное лицо слишком горячо занималось общественной деятельностью, батюшка считал это явление довольно грустным. „Несмотря на мое глубокое уважение к о. Павлу Флоренскому, — говорил он, — мне было грустно, когда я однажды встретил его на одной из центральных улиц Москвы, очень спешившего по делам ГОЭЛРО (государственного плана электрификации) с пачкой бумаг в портфеле“[23].

Батюшка был очень любознателен. Однажды я пришла на исповедь с тяжелым чувством. Под праздник, вместо того, чтобы пойти в дом, где служили всенощную, куда усиленно звали меня, я предпочла пойти на лекцию об обучении слепоглухонемых — вопрос, который был тогда для Москвы новинкой. Батюшка ответил: „Это очень интересно. Несмотря на свой сан, я охотно прослушал бы такую лекцию“.

Вообще я часто чувствовала, что нет у меня такого рвения и таких высоких полетов, как у Маруси и Леночки, и это меня смущало. „Не смущайтесь этим, — сказал батюшка. — У каждой птички свой полет. Орел под облаками летает, а соловей на ветке сидит, и каждый из них Бога славит. И не надо соловью быть орлом“.

Однажды батюшка дал мне свечу и сказал: „Когда у вас на душе будет тревога, зажгите эту свечу и почитайте канон Божией Матери ‘Многими содержимь напастьми’“. Через несколько дней поздно вечером папу вызвали на допрос (как оказалось потом — по делу незнакомого ему человека, который случайно зашел к нему на работу). Я зажгла свечу, которую дал мне батюшка, и читала канон непрерывно до 4-х часов утра. В 4 часа папа вернулся. С тех пор этот канон является для меня неизменным спутником во все трудные минуты жизни.

Батюшка стремился ежечасно обращать к Божией Матери сердца и мысли своих духовных детей. Он молился Божией Матери и при встрече, и при прощании с каждым из приезжавших к нему.

Батюшка не любил насиловать чью-либо волю, послушание должно было быть добровольным. Те, кто думал иначе, не понимали сущности его руководства.

— Она по неразвитости так говорит: „Батюшка велел, батюшка не велел“, — говорил он одной своей духовной дочери. — Батюшка ничего не велит.

Однажды одна девушка, расстроившись от того, что батюшка не дал ей благословения ехать к жениху в ссылку, сказала: „Больше, батюшка, я к вам не приеду!“ — „Сама не приедешь, Матерь Божия силком приведет“, — ответил батюшка.

Однажды я спросила, что означают слова „память вечная“, ведь память человека и даже человеческая не может быть вечной?

— „Вечная память“ — это память Церкви, — ответил батюшка.

Исповедь батюшка обычно начинал словами: „Ну, как мы с вами живем?“ Так что она носила характер обсуждения всей жизни, всего того, что могло в правильном или искаженном виде дойти до сознания. Но батюшка видел глубоко и знал лучше меня, что происходило в моей душе, и освещал темные для меня стороны моих же собственных поступков или переживаний.

„Вот видите, как трудно разобраться“, — говорил он, указывая на то, какую опасность для души представляет жизнь без руководства, как легко увлечься стихиями мира или соблазнами свойственного человеку самообмана и самообольщения. Иногда, если долго не удавалось бывать у батюшки, я излагала свою исповедь в письменном виде и передавала через близких. Приехав к о. Серафиму, я находила это письмо у него в руках, подчеркнутым в разных местах красным карандашом. Он заранее знакомился с ним и отмечал те места, на которые считал необходимым обратить мое внимание».

В этой атмосфере бережного и внимательного отношения духовного отца рос маленький Алик.

Глава 5
Начало войны

«22 июня 1941 года был воскресный день и праздник всех русских святых, — вспоминает Вера Яковлевна. — Погода была прекрасная, и я в самом хорошем расположении духа собиралась в Загорск. Перед самым моим уходом Алик попросил меня: „Узнай, пожалуйста, у дедушки, будет ли война, когда я вырасту“.

У о. Серафима также всё было спокойно. <…> Часам к 12 к батюшке стали съезжаться люди. Кто-то сказал слово „война“. Оно показалось чужим, лишенным смысла, но каждый из приходивших, а их было всё больше, приносили те же вести, за которыми вырастала невероятная, чудовищная реальность внезапного вражеского вторжения вглубь страны.

Хотелось проверить еще и еще раз. Молотов[24] говорил по радио, были названы города, занятые неприятелем, города, на которые были уже сделаны налеты вражеской авиации. Война! Москва на военном положении! Москва вдруг показалась далекою от Загорска. Какая милость Божия, что я оказалась в этот день у батюшки! Духовные дети батюшки приезжали из Москвы, из окрестных мест, чтобы получить указания, как быть, что предпринять, куда девать семью, детей, имущество; оставаться ли на месте или уезжать в эвакуацию и т. п. Батюшка должен был взять на себя всю тяжесть их решений, он должен был взвесить и определить место и судьбу каждого, успокоить всех, внушить веру и уверенность и правильное отношение к грядущим испытаниям по мере сил каждого. Наконец очередь дошла и до меня. <…> Я была очень возбуждена и говорила о том, что охотно бросила бы всё и пошла бы сестрой милосердия на фронт. Батюшка остановил меня. „В вас говорит увлечение, — сказал он, — ваше место не там. Вы должны оберегать детей. Завтра же перевезите Леночку с детьми в Загорск, найдите где-нибудь комнату в окрестностях. В Москве дети могут погибнуть, а здесь их преподобный Сергий сохранит“.

Прощаясь, батюшка особенно горячо благословлял каждого из своих духовных детей. Он знал, что каждого ждали тяжелые

испытания: одних — смерть, других — потеря близких, третьих — болезни и скитания, многих — тюрьма, всех — лишения, голод и опасности.

„Начинается мученичество России“, — сказал батюшка.

И в этот страшный день особенной непреоборимой силой прозвучали слова: „Заступи, спаси, помилуй и сохрани Твоею благодатью“».

Так запомнился Вере Яковлевне первый день войны. Когда вечером 22 июня она вернулась в Москву, то обнаружила резкую перемену. Город стал неузнаваем. Не было нигде веселых и приветливых огней, всё было погружено во мрак. Ей вспомнились слова патриарха Тихона, который сказал, засыпая в последний день своей жизни: «Ночь будет темной и длинной». Именно такими казались ей долгие ночи военного времени без огней.

«Леночка была с детьми одна, — продолжает Вера Яковлевна. — Они нетерпеливо ждали моего возвращения. Так изменилась вся жизнь с утра до вечера этого бесконечно длинного дня. И Леночка, и Алик очень обрадовались тому, что батюшка благословил ехать в Загорск.

Ночь провели с детьми в бомбоубежище, так как с вечера дана была воздушная тревога, причем мы так и не узнали, была ли эта первая „тревога“ действительной или учебной. Утром начали собирать вещи». Шестилетний Алик в бомбоубежище взял с собой книги и большую часть ночи читал.

Недалеко от Загорска в деревне Глинково жили друзья Елены Семеновны. На следующий день после ночи в бомбоубежище она поехала в Глинково, где ей чудом удалось снять комнату. Она вернулась в Москву и вместе с детьми и Верой Яковлевной снова отправилась в Глинково.

«Была уже ночь, — вспоминает Вера Яковлевна, — когда мы добрались до деревни Глинково, в трех верстах от Загорска. Мы были, вероятно, одни из первых „переселенцев“ из Москвы, и наш кортеж производил странное впечатление. Все вещи мы тащили буквально на себе, Алик устало брел за нами, а Павлика приходилось время от времени брать на руки. На ночь мы устроились кое-как в первой попавшейся избе, так как было уже поздно, а на следующий день обосновались уже более прочно.

Устроившись в Глинкове, мы вчетвером направились к батюшке. Пройти три километра с маленькими детьми в жаркий день было нелегко. Когда мы добрались до Загорска, батюшка сказал: „Начинается паломничество к преподобному Сергию“.

„Вы будете жить здесь, как отроки в пещи огненной“, — сказал батюшка. И действительно, подле батюшки нельзя было чувствовать себя иначе. Кругом была паника, население металось, эвакуировали детей, угоняли скот, увозили машины. Вражеские самолеты проносились иногда так близко, что можно было различить изображенную на них свастику; по ночам над Москвой пылало зарево от бросаемых неприятелем зажигательных бомб. Но Леночка и дети чувствовали себя в безопасности. Когда я бывала в Москве, а Леночка уходила в бесконечные очереди за хлебом, дети оставались одни. Простодушные соседи говорили детям: „Вашу маму и тетю убьют, и вам придется пойти в детский дом“. — „Мы не пойдем в детский дом, — шептал Алик Павлику, — мы пойдем к дедушке“.

Родственники, знакомые и сослуживцы не понимали нашего „легкомыслия“ и глубоко возмущались им. „Почему не увезли детей в глубокий тыл? Какое право вы имеете рисковать жизнью детей?“ — говорили они. Но мы знали: их сохранит преподобный Сергий. „Сюда неприятель не придет, даже если он будет совсем близко, даже если ему удастся захватить Москву“, — говорил батюшка».

В тот период начала войны, в Глинкове, в неуютной деревенской избе, шестилетний Алик начал писать книгу «О происхождении животных». Это был очерк по эволюции с описанием доисторических ископаемых животных, которых он лепил и рисовал по ходу повествования. В качестве справочника у Алика имелся учебник зоологии, но в большей степени он полагался на свою память и те знания, которые получил раньше. Мария Витальевна Тепнина, которая в довоенные годы училась на зубного врача, не раз брала Алика с собой на лекции. В стоматологическом училище был кабинет зоологии с учебными пособиями, и маленький Алик уже тогда восхищал студентов и преподавателей тем, что мог безошибочно назвать всех ископаемых чудовищ и редких современных животных, которых он к тому же рисовал и лепил. Теперь он писал и иллюстрировал книгу, содержание которой было тесно сплетено с иллюстративным

наглядным материалом, так хорошо ему знакомым. Этот принцип Александр будет использовать и в более поздних своих работах.

«В дни всенародных бедствий воздвигается Сергий», — писал историк Ключевский. В те дни Елена Семеновна и Вера Яковлевна почувствовали, что преподобный Сергий вновь встал на страже своего отечества. Их глубокая вера в Бога и абсолютное доверие к духовному наставнику, отцу Серафиму, многократно умножили их силы и решимость во что бы то ни стало остаться «под сенью преподобного Сергия»[25]. И действительно, большинство подмосковных городов были захвачены неприятелем, в то время как Сергиев Посад (тогда Загорск) никогда не был оккупирован.

Отец Серафим говорил, что война эта не случайно началась в день всех русских святых и значение ее в истории России будет очень велико. На вопрос, кто победит, который часто ему задавали, он отвечал: «Победит Матерь Божия», а на вопрос, как молиться об исходе войны, его ответ был таким: «Молитесь: „Да будет воля Твоя!“».

«Институт наш спешно эвакуировался, — продолжает Вера Яковлевна. — Тяжкое впечатление производило паническое бегство людей, которые, еще не испытав ничего, действительно „погибали от страха грядущих бедствий“, внезапно переоценив все, разрушая материальные и культурные ценности, которые создавали своим же трудом, забыв, казалось, в тот момент даже о родине и ее будущем. Никто не понимал, почему я не уезжаю.

Через несколько дней после эвакуации института я поступила работать в библиотеку завода „Красный богатырь“. Раз в неделю мне надо было дежурить в библиотеке ночью, и после ночного дежурства я уезжала на два дня в Загорск. Недостаток в продуктах питания становился все чувствительней. Мы с папой собирали за неделю всё, что могли достать, и я отвозила в Загорск. „Мне ничего не надо, отвези детям“, — неизменно говорил папа, передавая мне потихоньку от всех и то, что приносили для него лично.

Почти в каждый приезд я старалась бывать у батюшки. Однажды, когда мы беседовали, началась воздушная тревога. Батюшка прервал разговор и начал молиться. „И вы всегда во время тревоги читайте ‘Взбранной Воеводе’, и на заводе во время ночного дежурства, тогда и завод не разбомбят“, — сказал он.

Ночные дежурства превратились для меня в часы удивительных переживаний. Я была одна в огромном четырехэтажном пустом доме на верхнем этаже. Внизу были только старик-сторож и цепная собака. Вокруг был наполовину опустевший, погруженный во мрак город, ночь, которую часто пронизывал вой сирен и свист сыпавшихся с воздуха осколков снарядов. Я не знала — попаду ли домой, увижу ли еще своих близких. Но мне не было страшно. Я спала совершенно спокойным сном, а когда начиналась тревога, вставала и молилась Божьей Матери, как сказал мне батюшка, а потом опять засыпала до следующей тревоги. Утром я узнавала, что поблизости упала зажигательная бомба, сгорел рынок. Я вспоминала слова батюшки: „И завод не разбомбят“.

В те дни, когда я могла ночевать дома, мы с братом дежурили на чердаке, где могли наблюдать воздушные бои во всей их страшной и вместе с тем увлекательной величественности. Война как бы приоткрывала завесы потустороннего мира. Война шла не только между армиями, между народами, война была где-то глубже, в сердце человека, в сердце мира. Казалось, все силы света и тьмы вышли в бой…

„Матерь Божия победит!“…

„Всем нам надо будет умереть, но только мы с вами не умрем насильственной смертью, — сказал батюшка в один из моих приездов. — И с голода мы с вами не умрем, хотя и мало у нас сейчас хлеба, и еще меньше будет“.

Я рассказала батюшке, что везла детям несколько булок, которые мне с большим трудом удалось достать, а когда встретила знакомую старушку-монахиню, мне очень захотелось дать ей одну булку, но я не знала, правильно ли я поступаю и имею ли право так делать… Батюшка сказал: „Если вы везли булки для детей, то давать их кому-нибудь не было вашим долгом, но, если вы по расположению сердца отдали одну из них, Господь вернет вам пять“. Так всегда и бывало, как сказал батюшка.

Господь питал нас в это тяжелое время самым чудесным образом. Всё необходимое появлялось совершенно неожиданно и тогда, когда, казалось, помощи ждать было неоткуда. Евангельское чудо с умножением хлебов, казалось, повторялось ежечасно.

Однажды совершенно незнакомая женщина передала мне десяток яиц в такой момент, когда я ничего не могла достать для детей. Она везла яйца своим родственникам. Оказалось, что их нет в Москве, везти яйца в деревню было неудобно, и она отдала их мне, так как я попалась ей на дороге в этот момент.

В Рождественский сочельник я собиралась ехать в Загорск с пустыми руками. Однако меня не покидала уверенность, что Господь пошлет что-нибудь для детей. Когда я уже направлялась к вокзалу, неожиданно встретила девушку, которая до войны была няней Павлика. Она с радостью отдала мне только что полученные на заводе продукты, так что можно было не только накормить наших детей, но и устроить Рождественскую елку, пригласить деревенских ребятишек. Этой первой военной елки я никогда не забуду».

Случилось так, что в период больших испытаний снялись какие-то покровы и обнажились глубины вещей, через которые виднее стала таинственная связь между людьми. Война обострила все чувства до небывалых пределов. Когда неприятель занимал города, казалось, что гибнут близкие люди, и когда воздушный налет разрушал дома в Москве, то ее жителям казалось, что разрушаются части собственного тела. Так жила семья Меней в эти тяжелейшие месяцы начала войны.

«Неприятельские войска были настолько близки к Москве, — вспоминает Вера Яковлевна, — что железнодорожное сообщение было затруднено, а проезд, даже на такое расстояние, как до Загорска, мог быть допущен лишь по особому разрешению. Мои поездки в Загорск продолжали быть регулярными, но каждая из них становилась чудом — чудом, которое совершал преподобный Сергий по молитвам батюшки.

К запрету ездить по частным делам по железной дороге присоединилась резкая физическая слабость, вызванная развивавшейся дистрофией. Когда меня спрашивали: „Вы завтра едете в Загорск?“ — это звучало как насмешка. Это было совершенно невозможно.

А на следующий день начиналась борьба, которая происходила не во мне, не в моем сознании и воле, борьба между стихиями мира сего, которые бушевали в Москве, и благодатными силами, которые шли из Загорска. Я сама была почти пассивна, стараясь лишь чаще повторять молитвы, вспоминая слова батюшки: „Держитесь за ризу Христову!“

Жизненно важное значение этих слов ощущалось в те трудные дни с особенной, недоступной нам в обыденной жизни остротой. Весь мир вокруг был как бы покрыт толстым слоем непроходимых льдов, и единственным ледоколом была молитва. Без нее нельзя было в буквальном смысле сделать ни шагу. Это было совершенно очевидно. <…>

Но на каждом этапе приходила неожиданная и нечаянная помощь, и препятствия рушились одно за другим. Когда проезд был совсем закрыт и допускался лишь с разрешения коменданта города, я спросила батюшку: „Как я приеду в следующий раз?“ — думая только о земном, как апостол Петр в тот момент, когда Господь назвал его „маловерным“. Батюшка ответил: „С Божьей помощью!“

Сила батюшкиных слов заключалась в том, что они полностью согласовались с жизнью, и вся жизнь становилась постепенным раскрытием того смысла, носителем которого являлся он сам».

В конце 1941 года дальнейшее развитие получило дело Владимира Григорьевича.

«В начале войны Володю перевели в Тулу, — вспоминает Елена Семеновна. — Там питание было хуже, чем в Москве, и у него начали отекать ноги. 18 декабря, под Николин день, состоялся суд. Подпись, из-за которой Володю забрали, оказалась фальшивой (ее сфотографировали, увеличили и обнаружили подделку). Сразу же после суда Володю выпустили, но в Москве ему жить не разрешили и предложили любой другой город. Он выбрал Свердловск, где жили его родители и замужние сестры.

Когда я получила телеграмму об освобождении Володи, я полетела к батюшке. Он взял у меня телеграмму и заплакал. Как он молился Божией Матери и как благодарил Ее! Я почувствовала, что именно за его молитвы Володю освободили. „Вот видите, — сказал батюшка, — полкомнаты было дел, и все Божия Матерь закрыла“.

В 42-м году начался голод. Немцы наступали, положение становилось опасным. Всё труднее было добывать продукты. Володя вызывал меня в Свердловск. Я, конечно, пошла к батюшке, чтобы выяснить этот важный вопрос. Но батюшка на этот раз не дал определенного ответа, а предоставил мне решать самой. „Скорбь будет и тут, и там, но там скорбь будет дольше“, — сказал батюшка. Володя бомбардировал меня письмами и телеграммами, даже писал Алику

(хотя ему было только 7 лет). Немцы были очень близко, и нас бы они, конечно, не пощадили. Я даже заплакала, но всё же решила остаться на месте».

Вот как вспоминает об этом решении Вера Яковлевна: «В один из тревожных дней надо было выяснить волновавший всех нас вопрос. Муж Леночки настойчиво требовал переезда ее с детьми в Свердловск, где он работал в это время на военном заводе (он считал дальнейшее их пребывание под Москвой чрезвычайно опасным). Я отправилась к батюшке с Аликом и Павликом. Павлика пришлось большую часть дороги нести на руках. Увидев нас, батюшка очень обрадовался. „За вашу заботу Матерь Божия вас не оставит“, — сказал он.

Когда все сели за стол, батюшка посадил Алика и Павлика рядом с собой. Народу за столом было довольно много. „Чьи это мальчики?“ — удивленно спросила незнакомая мне женщина, войдя в комнату. „Мои“, — ответил батюшка».

«Не буду рассказывать о тех мытарствах, которые мы перенесли в Глинкове в первый год войны, — вспоминает Елена Семеновна, — но батюшка был рядом, в 4,5–5 км от нашего дома. Можно было всегда пойти к нему посоветоваться, и это меня успокаивало».

Глава 6
Смерть отца Серафима

«Однажды, когда я пришла к батюшке, — вспоминает Вера Яковлевна, — у него сидел незнакомый мне человек и что-то писал. Это был о. Петр. „Возьмите благословение“, — сказал батюшка. Я подошла к о. Петру. Он встал и благословил меня. После батюшка говорил мне: „Вы одни не останетесь: не будет меня, будет о. Иеракс, не будет о. Иеракса, будет о. Петр“».

В начале 1942 года здоровье отца Серафима резко ухудшилось.

«В это время батюшка уже начал чувствовать себя больным, — рассказывает Вера Яковлевна. — Мы долго не знали ничего о характере его болезни, думая, что он страдает малярией. Теперь я понимаю, что он не хотел омрачать жизнь своих духовных детей ожиданием близкого конца.

Однажды батюшка сказал мне: „Вы не знаете, как я к вам отношусь (он имел в виду нас с Леночкой). Вам это не открыто. Только там вы узнаете. Вы ближе мне, чем родные сестры“.

За время своего пребывания в Загорске я еще раз была у батюшки вместе с детьми. „Удивительно хорошие у вас дети. Они ведь и ваши дети“, — сказал батюшка. Мы сидели вместе у батюшки в садике. Алик принес какой-то цветок и, показывая его батюшке, говорил: „Вы только посмотрите, какой он хороший“. — „Да, да, душечка, — ответил батюшка, — такой же хороший, как и ты“.

Батюшка выразил желание сам исповедовать Алика в первый раз, хотя ему не было еще семи лет (он, очевидно, знал, что не доживет до того времени, когда ему исполнится 7 лет).

После своей первой исповеди у батюшки Алик так передавал свои впечатления: „Я чувствовал себя с дедушкой так, как будто я был на небе у Бога, и в то же время он говорил со мной так просто, как мы между собой разговариваем“».

Уже во взрослом возрасте отец Александр говорил, что помнит исповедь у отца Серафима и комнату в Загорске на квартире у Сергея Иосифовича Фуделя, в которой она происходила, во всех подробностях.

Примечателен рассказ Веры Алексеевны Корнеевой:

«Мне хочется рассказать два случая из последних дней жизни о. Серафима в 1942 году.

Батюшка был уже очень тяжело болен зимой 41 года. Я приехала к нему в Загорск. И Пашенька (мать Никодима) говорит, что ему очень хочется пить, что-нибудь кисленькое. А ведь война, голод, ни у кого ничего нет. И она вспомнила, что у какой-то матушки (не помню теперь, как ее звали) очень большой запас варенья, и, может, что-нибудь осталось. А живет она по Щелковской ветке, кажется, станция Загорянка, точно не помню. Вот они дали мне адрес и попросили съездить и достать баночку варенья для питья. Я охотно согласилась.

Поехала туда. Мороз был здоровый, 25 градусов. Нашла этот дом, но она уже там не живет. Прихожу на станцию с пустыми руками — уже темно. Поезда не идут. Платформа открытая, спрятаться некуда. Ждала я часа два. Замерзла ужасно — прямо даже до отчаяния — что делать? Пешком тоже не дойдешь. Наконец пришел поезд, и я добралась домой. Рассказала маме свои неудачные похожденья, а дня через два приходит наша соседка и дарит нам две баночки варенья (семья уезжала в эвакуацию). Мама сейчас же посылает со мной это варенье о. Серафиму. Я очень рада. Приезжаю. Батюшка уже лежал в постели, не подымался. Говорю, что матушка там не живет, а вот нам такое счастье привалило, что соседи дали. О том, что я мерзла, ни слова не говорю. Вдруг батюшка говорит: „Какое счастье, что ты приехала! Я так мучился, так беспокоился, ведь ты там чуть не замерзла! Как я мог из-за своей прихоти послать тебя на такое мученье! Я не могу себе этого простить“.

Я говорю: „Батюшка, да что вы об таких пустяках расстраиваетесь. Ничего со мной не было, ничего я не мерзла. Я вот рада, что баночку вам достали“. А он всё свое, что он не может себе этого простить, так каялся, точно он и вправду что-то плохое сделал. А я потом думала: как же он почувствовал душой, как я там замерзала, и какое приносит покаяние за свой невольный грех; ведь он же не знал вперед, что так получится.

Последнее мое свиданье с батюшкой было зимой 42-го года. Совсем уже незадолго до его смерти. Я уже это понимала. Стою на коленях у его кровати и невольно плачу, не могу удержаться. Он рукой приподнимает мне голову и говорит: „Запомни, что я тебе говорю: как

бы тебе тяжело ни было, что бы ни случилось, никогда не отчаивайся и не ропщи на Бога“.

Я думаю, что он мне говорит про тогдашний голод: положенье было очень тяжелое. На моих руках семья — старые да малые, но я тогда держалась бодро и возражаю ему: „Да мне совсем не тяжело, это всё не важно, вот вас только очень жалко, что вы так болеете“. А он опять настойчиво повторяет мне свое завещанье, как бы вкладывая в мою голову. Больше мы не виделись».

Тем временем болезнь о. Серафима усиливалась. Большую часть времени он уже не вставал с постели. За ним постоянно ухаживала дивеевская монахиня, в миру Ксения Ивановна, в доме которой он жил. По воспоминаниям очевидцев, делала она это с такой исключительной мягкостью, терпением, предупредительностью и какой-то особенной сосредоточенной деловитостью, которая свойственна только людям, прошедшим большую школу духовной жизни.

Вера Яковлевна рассказывает о таком замечательном эпизоде, относящемся ко времени болезни батюшки:

«Однажды в день святителя Спиридона батюшка попросил Параскеву, сестру Ксении Ивановны, принести ему с базара свежей рыбы. К. И. предупредила батюшку, что достать свежую рыбу сейчас почти невозможно, на что батюшка уверенно ответил: „Не беспокойся, мать, тебе святитель Спиридон пошлет“.

Когда Параскева пришла на базар, она увидела небольшую группу женщин, окруживших старика-торговца. Старик принес для продажи немного свежей рыбы. Заметив Параскеву, он отдал ей свою рыбу и скрылся в толпе, к удивлению и негодованию окружавших его женщин.

Вернувшись домой, Параскева рассказала об этом удивительном происшествии батюшке. Батюшка попросил ее описать наружность старика, отдавшего ей рыбу. Когда она это сделала, они убедились в том, что это был не кто иной, как святитель Спиридон».

Зима подходила к концу. Первые весенние зори загорались над Лаврой преподобного Сергия, над полями и дорогами, по которым он ходил, молился и благословлял людей, — смиренный инок и собеседник ангелов.

«Батюшка радовался за нас, — вспоминает Вера Яковлевна, — что мы имеем возможность встретить раннюю весну в Загорске. Он говорил мне о том, что это время года необыкновенно прекрасно в этих местах. Какая-то особенная благодать разлита в воздухе, напоминая об ином, высшем мире и умиротворяя все чувства, как песня жаворонка в минуты душевной тревоги. Приближались и дни „духовной весны“ — Великого поста».

За несколько дней до смерти отец Серафим самостоятельно вел вечернее богослужение — встречу Великого поста.

«Слабым, но чистым голосом батюшка сам начал пение ирмоса Великого канона „Помощник и покровитель бысть мне во спасение“, — продолжает Вера Яковлевна. — Необычайной силой звучали эти слова в устах умирающего. Это был не только итог земного пути, эти слова, которыми Церковь начинает ежегодно Великий пост, открывая всем верным дверь покаяния, открывали перед ним в этот час врата жизни вечной».

«Жизнь его близилась к концу, — пишет Елена Семеновна. — Когда я пришла к нему в следующий раз, он был очень слаб и почти не вставал с постели. „Господь ведет меня и куда-нибудь выведет. Может быть, к смерти“, — тихим голосом сказал батюшка.

Незадолго до смерти он сказал мне: „Жизнь у вас будет хорошая, но чтобы никогда не было ни тени ропота“. Однажды ночью я вижу о. Серафима во сне, очень ярко. Он предложил мне прочесть Евангелие от Луки. Я достала это Евангелие.

Он сказал: „Нет, не это. Надо взять Евангелие на славянском языке“. Когда проснулась, я рассказала Алику свой сон и тут же решила идти в Загорск. Меня встретила М. А. На мой вопрос: „Как здоровье батюшки?“ — она ответила: „Теперь ему хорошо, теперь ему совсем хорошо“.

Я поняла ее и заплакала. Она в утешение дала мне письмо Володи, но я не хотела даже смотреть на него. Но вот я почувствовала, что батюшка не позволяет мне плакать о нем. Из соседней комнаты раздавалось чтение Евангелия. „Сейчас и вы будете читать“, — сказал мне кто-то.

Я вошла в комнату, где лежал батюшка, покрытый пеленой. Лицо было тоже покрыто. Мне предложили читать Евангелие. Передо мной была 1-я глава Евангелия от Луки. Я вспомнила свой сон, и меня

охватил трепет. Я прочла первые 10 глав. Потом подошла Ксения Ивановна и приоткрыла лицо усопшего. „Как мощи“, — сказала К. И. Она сказала, что похороны будут ночью. Я хотела прийти, но К. И. сказала, что не надо. „Я ведь вас утешила, как могла, и лицо его показала вам“. Я решила послушаться, хотя мне было очень горько. И хорошо я сделала, что не пошла. На похоронах оказалась женщина-провокатор, которая сообщила обо всех присутствующих. И почти всех потом арестовали.

Когда я вернулась домой и сказала Алику о смерти о. Серафима, он ответил: „Я так и знал. Он умер, ушел в Царство Небесное, и это совсем не страшно“. В течение нескольких дней Алик отказывался от всяких игр».

Отца Серафима похоронили в его «катакомбах», под тем местом, где находился алтарь, — так, как это делали в Церкви первых веков. С тех пор при посещении Загорска Елена Семеновна и Вера Яковлевна с детьми всегда спускались к могиле отца Серафима, чтобы помолиться на ней.

«Батюшка подумал перед смертью обо всех своих духовных детях, никого не забыл, — вспоминает Вера Яковлевна. — Каждому он дал в благословение образ Божией Матери. Мне, Леночке и Алику — „Всех скорбящих Радость“, а Павлику — „Нечаянную Радость“. Свое духовное руководство он передал о. Петру, о. Иераксу и о. Владимиру, распределив между ними сам своих духовных детей. Нас он поручил о. Петру».

Внутренняя связь с батюшкой продолжалась.

Глава 7
Отец Петр Шипков

«После смерти о. Серафима нашим духовником стал о. Петр (Шипков). Это был бодрый, жизнерадостный человек 52-х лет, — вспоминает Елена Семеновна. — Он работал бухгалтером, а в свободное время служил и совершал требы на дому. Духовная настроенность светилась в его лице, и я сразу почувствовала к нему расположение и полное доверие».

«…Редкая цельность души, „простота сердца и ума“… вместе с горячей ревностью о Боге и славе Его составляли его сущность, — писала об отце Петре Вера Яковлевна. — Он нашел свое место в Церкви и твердо верил в свое призвание. Церковь с ее человеческой (а не мистической) стороны он понимал как единую семью, в которой никто не может быть одинок. Идеалом Церкви для него было общество людей, единых по духу, которые могут с чистой душой сказать: „Христос посреди нас!“».

Отец Петр (1881–1959) начал окормлять семью Меней в той же глубоко близкой ему традиции духовного наставничества, воспринятой им от патриарха Тихона и отца Серафима (Битюкова). Александр Мень вспоминал, что отец Петр Шипков был человеком неиссякаемой жизнерадостности и какого-то необыкновенного духовного света. Годы тяжких испытаний не наложили на него печати горечи и ожесточения. Ему суждено было надолго пережить отца Серафима и после ссылки окончить свои дни настоятелем собора в городе Боровске.

Вот как рассказывает об отце Петре Нина Владимировна Трапани:

«Сын замоскворецкого купца, он сам некоторое время занимался торговлей. Но душа его горела и стремилась к Богу. Был он женат и, кажется, по любви, но жена оставила его. С той поры о. Петр отрешился окончательно от всех житейских попечений и обратил мысленные очи к небу, куда переключились вся любовь и всё устремление его души. <…> О. Петр принял священный сан в 1921 году от святейшего Патриарха Тихона, и началось его служение Богу и людям. Одно время он был даже секретарем святейшего и был глубоко

предан ему как при жизни, так и после смерти. О. Петр часто заходил на Сербское подворье к о. Серафиму, пользуясь его руководством <…>

Вскоре начались аресты, в основном среди „тихоновского“ духовенства. Был арестован и выслан на Соловки и о. Петр. В то время в Соловецких лагерях был весь цвет Русской Православной Церкви. Множество священнослужителей, целый сонм епископов: еп. Иларион (Троицкий), еп. Мануил, еп. Платон (Руднев), который еще недавно служил священником на Сербском подворье (в заключении он исполнял должность капитана парохода, курсировавшего по Белому морю), и многие другие. В 1928 году к о. Петру присоединились священнослужители Сербского подворья о. Алексей Козлов и диакон Виктор Щеглов.

К голосу соловецкого епископата прислушивалась вся страна. На Соловки поступали все сведения о перипетиях церковной жизни, и верующие люди с нетерпением ждали отзыва соловецких узников. Так, на опубликование знаменитого воззвания митрополита Сергия от 29.07.1927 соловецкие иерархи ответили посланием, в котором очень сдержанно, но твердо указывали заместителю на его неканонические действия.

В соловецком лагере о. Петр заведовал каптеркой, в помещении которой духовенство собиралось для обсуждения церковных дел. Там писались и подписывались знаменитые соловецкие воззвания. В то время на Соловках еще совершались богослужения. Подъем духа был велик. Какой же молитвенный столб поднимался оттуда к небесам, огненный столб!»

По окончании срока ссылки отец Петр вернулся в Москву и поселился в Загорске. Он устроился работать на игрушечную фабрику в должности бухгалтера. Богослужения он совершал дома и сразу же вошел в сношения с отцом Серафимом. Отец Серафим стал духовником для него, так же как и для отца Иеракса.

В это время вернулся из ссылки епископ Афанасий (Сахаров) и вошел в сношения с московским духовенством. Поскольку все непоминающие иерархи были в ссылках, то верное митрополиту Петру[26] духовенство примкнуло к освободившемуся из ссылки епископу. Владыка Афанасий бывал в Загорске у отца Серафима, виделся с отцом Петром, служил в домовой церкви отца Иеракса.

«Люди, соприкасавшиеся с о. Петром в житейских делах, не всегда были довольны им, — продолжает Нина Владимировна Трапани. — Он мало думал о себе, о своем благополучии, о самом необходимом в жизни, чем раздражал окружающих, не умевших понять его. <…> Помню случай еще на Сербском подворье. В воскресный день Великого поста о. Петр перед литургией пришел повидаться с о. Серафимом. На паперти, где толпились нищие, он снял калоши и через переполненную церковь прошел в алтарь. Я шла следом и удивилась, увидев пару калош, доверчиво стоящих на видном месте. Калоши по тем временам были дефицитом, их получали по ордеру, и вряд ли они бы уцелели. Я подобрала их и сдала за свечной ящик старосте. Вскоре пришел о. Петр. Лицо у него было огорченное и растерянное: калош не было. Узнав, что их припрятали, о. Петр оживился и, молча взяв сверток, удалился и только на паперти обулся.

Этот маленький эпизод очень характерен для о. Петра — он весь в этом поступке. С одной стороны, большая непрактичность, полное отсутствие внимания к внешней стороне жизни, с другой — величайшее благоговение к святыне, к храму Божию, даже порог которого он не помыслил переступить в грязных калошах.

„Иззуй сапоги от ног твоих, место, идеже стоиши, земля свята есть“ (Исх. 3: 5).

Всю свою жизнь он прожил именно так.

У о. Петра были родственники, но он жил среди своих духовных чад. Всем смыслом его жизни стало служение. Это не просто служба церковная, которая в наше лукавое время иногда превращается в ремесло. Это было истинное служение Богу — непрестанное предстояние и бескорыстное служение людям, не вызванное необходимостью, но — сознанием долга.

Вот в таком служении пребывали священники, лишенные возможности внешне участвовать в церковной жизни, но продолжавшие свое пастырское служение, тесно соединившись с паствой в одну общую семью под нависшими грозовыми тучами.

19 февраля 1942 года в Загорске умер о. Серафим. О. Петр совершил над ним чин погребения. <…> О. Петр, приняв на себя руководство частью паствы, сам как-то вырос, прошла его застенчивость. Пришло время применить весь накопленный им в

молитвенной тиши духовный опыт. Насколько он был мудр и духовен, свидетельствуют его духовные чада.

Сам лишившись духовника, о. Петр стал приезжать в Болшево, где в это время жил о. Иеракс. Его приезд всегда вызывал радостное чувство. Он был каким-то очень мягким, и со всеми у него установились очень теплые отношения. Всех объединяло одно общее дело, одинаковое положение и сознание того, что в каждый час наши пути могут разойтись и каждый должен будет в конце концов один понести свой крест».

Глава 8
Жизнь в Загорске в годы войны

«С продуктами становилось всё хуже и хуже. В сельских местностях совсем не давали карточек, только хлеб по списку. О. Серафим еще при жизни сказал своим близким, что меня надо переселить в Загорск. Скоро представился случай», — вспоминает Елена Семеновна. С жильем в Загорске было трудно, и ей с детьми пришлось несколько раз переезжать с одного места на другое.

«В этот период я познакомилась с матушкой — схиигуменией Марией[27], — продолжает Елена Семеновна. — К ней я стала обращаться за решением всех вопросов, так как о. Петра я видела лишь изредка. Когда я впервые привела к ней Алика, ему было 7 лет. Она спросила его: „Алик, кем ты хочешь быть?“ Алик ответил: „Зоологом“. — „А еще кем?“ — „Палеонтологом“. — „А еще кем?“ — „Художником“. — „А еще кем?“ — „Писателем“. — „А еще кем?“ — „Священником“, — тихо ответил Алик. Все его пожелания постепенно исполнились…

Было ужасно тяжело часто менять квартиры, каждый раз искать что-то новое и мотаться по всему Загорску с детьми и вещами. Я пошла в дом батюшки, стала перед иконой Иверской Божьей Матери (икона эта удивительная, Божия Матерь на ней как живая) и заплакала. Вдруг я вижу, что на полу, на ковре, мои слезы легли в виде креста. Меня это так поразило, что я приняла это как ответ на мою молитву. „Это твой крест“, — как бы сказала мне Божия Матерь.

На этот раз комнату мне нашел о. Петр, и я переехала в Овражный переулок. Жить я там должна была за дрова. За полгода я купила хозяйке 6 возов дров, и все они доставались мне каким-то чудом. Если дров было мало, то мы ходили с хозяйкой в лес и несли на себе вязанки.

Я купила санки, чтобы на них возить дрова; Алик с Павликом были от них в восторге. Однажды Алик приходит ко мне с горящими глазами: „Мама, знаешь, что произошло? Мы с Павликом катались с горы на санках. Являются ребята и отнимают у нас санки. Я помолился, и вдруг появились большие ребята, отняли у мальчишек

санки и отдали мне“. Я была рада, что он на опыте почувствовал силу молитвы.

Я сама старалась привыкать все делать с молитвой. Надо было мне нести на крутую гору два ведра на коромысле — весь этот путь я читала Иисусову молитву. Когда с хозяйкой пилила и колола огромные бревна — всегда чувствовала помощь Божью. Все у меня получалось, я даже не чувствовала усталости. Ни я, ни дети в этот период ничем не болели, хотя питание было очень скудное. Как-то еще осенью дома не было никакой еды, и я пошла в лес за грибами. Рядом с дорогой была разоренная церковь, в которой была мастерская, а вокруг церкви небольшое кладбище. Снаружи на церкви кое-где сохранилась роспись. На одной из стен было очень хорошо изображено Распятие: у подножия Креста Мария Магдалина обнимает ноги Спасителя. Я остановилась перед Распятием и помолилась. Затем я пошла в лес и нашла там немного грибов и щавеля. На обратном пути я опять подошла к Распятию и увидела у подножия Креста большой пучок свекольной ботвы. Я его взяла, обняла и понесла домой — как дар неба. Дома я сварила в русской печке щи из ботвы, грибов и щавеля. Мне казалось, что более вкусной пищи я никогда не ела.

Однажды после причастия друзья предложили мне пойти с ними в лес за грибами. Я зашла домой переодеться, а когда пришла — никого уже не было. Я немного огорчилась, но Ксения Ивановна подсказала: „Если ты пойдешь по этой дороге, то, может быть, встретишь их. Они пошли за Благовещение“. Я пошла и после причастия как бы летела на крыльях. Шла я довольно долго, но никого не встретила. По дороге спрашивая у редких прохожих, правильно ли я иду к Благовещению, я пришла, наконец, в какой-то лесок, где оказалось много белых грибов. Сравнительно быстро набрав свою корзинку, я пошла обратно, полная благодарности Господу за посланное мне чудо.

Пища нам посылалась только на один день — как говорил мне батюшка, что преп. Сергий прокормит во время голода меня и моих детей. Ели мы тогда крапиву, подорожник, корни лопуха, из отрубей варили кашу на квасе или на морсе. Я вспомнила, что в древние времена к преп. Сергию шли сотни, тысячи людей, и все питались в Лавре, всех кормил преподобный Сергий.

В субботу вечером к нам продолжала приезжать Верочка и привозила нам продукты, которые она получала на себя по карточкам».

Алик запомнил: война, они с матерью идут по Загорску, мать здоровается на улице с женой Флоренского и потом говорит: «Вот эта женщина несет огромный крест». И объясняет ему, что она уже несколько лет не знает, что с ее мужем[28]. «Отец мой в это время только что освободился из заключения, и я, хотя и был достаточно юн, понимал, что это значит», — рассказывал впоследствии Александр Мень.

Вот как вспоминает о том времени Павел Мень:

«Мои первые яркие детские воспоминания: деревня, вечер, замерзшее озеро, мы с братом следим за воздушным боем: на фоне заката видно, как два маленьких самолетика, один со звездочкой, другой с крестиком, перестреливаются. Наш самолет стреляет в хвост противнику, тот дымится и падает. Мы счастливые бежим рассказать маме, что наш победил. Я помню чувство, что со мной рядом брат. Это чувство уверенности я испытывал всегда.

Примерно в это же тревожное военное время: мама ушла добывать еду, она продавала вещи, чтобы купить немного хлеба и сахара. Уже начинает темнеть, а мамы всё нет. Алик уходит ее искать, я должен запереть за ним дверь, но обратно возвращаться в комнату страшно — длинные темные сени. Александр говорит: „Не бойся, просто молись по дороге!“ И я возвращаюсь с молитвой и с чувством полной безопасности — страх исчез. Это был первый урок молитвы, который я тогда, конечно же, не осознал. Но зернышко упало…

Кроме того, мы с мамой без молитвы за стол не садились. Молитва перед едой и благодарственная после. Неукоснительное правило. А если при гостях, „внешних“, то обязательно про себя, мама знаками напомнит.

Глубина маминой веры была поразительна — спокойная, без всякой экзальтации. Одно то, что она доверилась духовнику и осталась под Москвой, под носом у немцев, говорит о многом. Немцы евреев не жаловали…»

Приведем здесь несколько фрагментов писем военного времени Веры Яковлевны Розе Марковне Гевенман. Сохранившаяся переписка показывает душевное состояние Веры Яковлевны и быт семьи Меней в этот период.

28.05.1942

«Розочка, дорогая! Пишу тебе во время ночного дежурства, около четырех часов утра. Хорошо в этот предрассветный час: гаснут последние звезды, светлеет небо, как всегда об одном напоминает отдаленное пенье петуха. При свете утренней зари открываю любимую книгу. Где-то совсем близко все муки и надежды людские. <…> Мы живем, не думая о завтрашнем дне. Дети собирают крапиву (Леночка делает из нее щи и лепешки), березовые почки, иглы сосен, хворост для топки. Это новая форма сближения с природой, более тесного, может быть, чем когда-либо. <…>».

07.07.1942

«…Помнишь, Розочка, звездную ночь в Верее, когда мы вместе вышли в поле и ты сказала, что звезды кажутся ближе, чем земля? И теперь, в этот исключительно суровый, небывалый в истории человечества год, разве ты не чувствуешь, как близки стали звезды, как ярко разгораются они в сгустившейся тьме, и тьма, как и прежде, не может объять свет? Словно ближе стала сущность вещей и мелочи утратили свою мелочность. Так, например, когда в мирное время приносили больному пирожные, в этом была суетность, и когда теперь делятся последней луковкой или коркой черствого хлеба — в этом открывается настоящая любовь. Ближе и конкретней стала закономерность чудесного, с которой сталкиваешься буквально на каждом шагу, и в крупном, и в так называемых мелочах. Ближе стали люди и вещи, жизнь и смерть.

На днях ночевала у Тони. Как и везде, было затемнено, опущены синие шторы на окнах. И когда я вышла на волю, меня встретило такое ослепительное утро, что невольно пронзила мысль: так же чудесен будет и тот миг, когда окончится жизнь, а вместе с нею и смерть и откроется вечность…

<…> Рада, что Миша[29] вспоминает Алика. Знаешь ли ты о последнем разговоре между ними накануне вашего отъезда? Дети часто бывают скрытны и с самыми близкими людьми. Миша хотел найти ответ на волнующие его детскую душу вопросы у „специалистов по жизни“, как он сам выражался, и услышав этот ответ от своего маленького товарища, был поражен и даже возмущен, что „деда“, который так много рассказывал ему, ничего не сказал ему о самом главном.

Подумай, как это чудесно: взрослые люди стараются погасить свет, но он возгорается сам собой, с новой силой, в чистом и чутком сердце ребенка! И это в такое время, когда колеблется и стонет опустошенный мир…»

24.09.1942

«<…> Леночка с детьми живет все так же, в тихом уголке, не имея ничего на завтрашний день, но под чудесной охраной и в полном мире, среди неисчислимых забот. По воскресеньям бываю у них. <…> Алик занимается дома по программе первого класса. Приходили предлагать записать его в школу, но он ответил: „Когда война кончится, поступлю в школу, а пока буду маме помогать“».

«Алик очень рано научился читать, — продолжает Елена Семеновна. — Еще до войны моя подруга Маруся (М. В. Тепнина) показала ему буквы в акафисте, который мы читали каждую пятницу, и первой фразой, которую он прочел, было его название: „Акафист Страстям Христовым“.

В 43-м году Алику исполнилось 8 лет. Он к этому времени уже хорошо читал. Помню, с каким восторгом он говорил мне о том, как прекрасна „Песнь о Гайавате“. Я записала детей в библиотеку и брала им интересные детские книжки, которые Алик читал Павлику вслух. Это помогало им не думать о пище.

Однажды я ушла добывать пищу детям, а их оставила у Ксении Ивановны. Когда я вернулась, там был о. Петр. Дети бросились ко мне: „Я голодный, я голодный, мы голодные!“ О. Петр посадил Алика к себе на одно колено, Павлика — на другое, вынул из кармана два белых сухаря и отдал ребятам. А сам обнял обоих и с любовью прижал к себе.

Наступил Великий пост. Провели мы его довольно строго, так как с едой было скудно. В Великую Субботу я поменяла ботики Павлика на полкило творогу и купила на два дня полторы буханки хлеба. Из одной буханки я сделала кулич: положила на него печенье и ириски (которые давали на детские карточки вместо сахара) в виде букв Х. В. Неожиданно моя приятельница принесла мне костей, которые ей достала знакомая на бойне, и я сварила прекрасный бульон. Я об этом пишу потому, что мы воспринимали это как чудо. Из творога я сделала пасху и поставила рядом с куличом. Дети ходили вокруг стола и вздыхали, но ни к чему не прикасались.

На ночь мы пошли к заутрене к батюшке. Служил о. Петр. Настроение у всех было особенно торжественное. Рано утром, на рассвете все разошлись по домам. Там мы разговелись — съели кулича и пасхи — и пошли в гости к Н. И. Она тоже всю войну провела в Загорске с двумя младшими детьми. Они очень голодали, хотя сын ее работал в мастерской и получал рабочую карточку. Мы им принесли бидончик бульону, а они нас угостили суфле. Это был необыкновенно вкусный напиток, особенно по тем временам. Вдруг приходит о. Петр. Они и его накормили бульоном и суфле. О. Петр умилился: „Одна достала продукты, другая принесла их детям, третья сварила и понесла четвертой. Пятый пришел в гости, и его накормили вкусным праздничным обедом. Вот что значит любовь!“

Все свои более или менее ценные вещи я продала или сменяла на Загорском рынке. Моя бывшая хозяйка тетя Нюша даже смеялась надо мной: „Вы как пьяница — все вещи спускаете на рынке“. Но мне важно было сохранить детей и самой не остаться без сил. Так жили многие в Загорске…

Муж посылал мне ежемесячно немалую сумму, но хватало ее только на 10 дней. Ведь буханка хлеба стоила тогда 200–250 рублей. Иногда я покупала кусочек пиленого сахару за 10 рублей и делила его на 3 части, а каждую часть — на нас троих. Дети раскалывали 1/9 часть на мелкие кусочки, и нам хватало этого куска на весь день. Иногда моя приятельница Л. Ф. постучится рано утром в окошко и скажет: „Вот я поставила на окно горшочек с вареной ботвой. Покорми детей, пока горячая“. Как-то она мне подарила целую грядку свеклы, совсем мелкой. Но как она нам пригодилась в те времена! Ксения Ивановна часто кормила меня, когда я к ней заходила. У сестры ее, Ирины, жила моя хорошая приятельница Е. Н. У нее два сына и дочь были военными и кое-что доставали матери. И всегда она делилась со мной. Так преподобный Сергий и добрые люди мне помогали и не давали совсем ослабеть от голода. Дети росли в благодатной атмосфере, освященной молитвами преподобного Сергия, среди хороших верующих людей. Это содействовало их духовному росту…»

Война продолжалась, но опасность дальнейшего вторжения неприятеля вглубь страны миновала. Москвичи понемногу возвращались из эвакуации. Весной 1943 года Вера Яковлевна

возобновила работу в институте дефектологии, а в начале сентября в Москву вернулась и Елена Семеновна с детьми.

«Комната наша была никем не занята и забита двумя гвоздиками, — вспоминает Елена Семеновна. — Одно время в ней жили старик со старухой, но им потом дали другую комнату. В моей комнате они ничего не тронули. Соседи говорили мне, что приходили из домоуправления и удивлялись, что у нас ничего не взяли: „Это единственная комната во всем нашем домоуправлении, которую не обворовали“. Недаром о. Серафим предложил оставить шкафчик с иконами в Москве, а с собой взять только самые любимые иконы. „Господь тогда сохранит вашу квартиру“, — сказал батюшка. И я оставила.

Вскоре я устроилась на работу лаборанткой на кафедру сурдопедагогики и логопедии в Педагогический институт им. Ленина на полставки и стала получать карточку служащего. <…>

Алика я устроила в школу. Тогда принимали в 1-й класс детей с 8 лет. Павлика отдала в детский сад, который находился напротив нашего дома».

«Время оставалось голодным, — вспоминает Павел Мень. — Уходя на работу, мама оставляла каждому из нас немного еды. Я съедал ее тут же после ухода мамы и через некоторое время начинал канючить: „Я голодный!“ Алик подождет, подождет и отдает мне свою порцию, а сам погружается в книжки или начинает что-нибудь рассказывать, чтобы отвлечь нас (от мыслей о еде)».

«О. Петр глубоко уважал матушку[30], — вспоминает Вера Яковлевна. — Незадолго до своего ареста он приехал к ней и со слезами просил принять его духовных детей, когда он будет далеко. „Уж моих-то вы приими́те“, — говорил о. Петр. Узнав о том, что Алик (тогда еще школьник) сблизился с матушкой и проводит у нее каникулы, о. Петр писал: „Я очень рад, что Алик познакомился с матушкой. Где бы он ни был, знакомство с человеком такого высокого устроения будет полезно ему на всю жизнь. Таких людей становится всё меньше, а может быть, больше их и совсем не будет“».

14 октября 1943 года отец Петр был арестован. Была также арестована и монахиня, хозяйка дома, в котором служили отец Серафим и отец Петр. Сотрудники госбезопасности выкопали гроб с телом архимандрита и увезли, вскрыли и сфотографировали его. Гроб

был отправлен на кладбище, и тело предано земле. Люди, близкие к отцу Серафиму, проследили место погребения и поставили над могилой крест. Много лет спустя тело было перенесено на другое кладбище в Загорске, где оно покоится и ныне. На этом же кладбище похоронена и схиигумения Мария.

Из писем отца Петра Вере Яковлевне и Елене Семеновне видно, с каким смирением он отнесся к аресту и ссылке, как принял свое одиночество и разлуку с храмом и близкими.

«Всё то тяжелое, что пришлось ему перенести, — пишет Вера Яковлевна, — нисколько не омрачило его дух. Любовь и радость духовная не покидали его ни при каких обстоятельствах. Вдали от рукотворного храма, который он так любил, он всей душой погружался в „величественный храм природы, бессловесно возносящий непрестанную хвалу Создателю“.

Расставшись с близкими, он не только вспоминал их и молился за них. Он писал: „Я продолжаю их видеть, с ними беседовать, с ними молиться. Радуюсь их радостями и печалюсь их печалями“. Нет места унынию, тоске, чувству одиночества. Даже принудительный труд для него только „скромное послушание“, а лагерь — многолюдная обитель. Ни в письмах, ни в личных беседах после возвращения из ссылки о. Петр не упоминал о тех ужасах, грубостях, жестокости, насилии, какие ему пришлось пережить и какие происходили у него на глазах.

Когда думаешь об о. Петре, вспоминаются стихи А. С. Хомякова:

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных.

Он осуществил, быть может, высший подвиг в этом страшном мире, потому что он исполнил слова апостола: „Всегда радуйтесь!“

Любовь о. Петра к людям со всеми их слабостями и немощами основывалась на его несомненной уверенности в милосердии и снисхождении Божьем. Для него Бог был прежде всего Deus

caritatis[31], об этом о. Петр говорит и в своей последней, прощальной беседе. Он не предъявляет к людям больших требований.

„Искренние огорчения, ошибки, — говорит он, — неизбежны в нашем мире печали и слез“. О. Петр только предостерегает нас от уныния, от омрачения, и говорит: „Лишь бы они не проникали в самую глубину души и мир Божий не оставлял нас немощных совершенно“».

Глава 9
Схиигумения Мария

Огромное влияние на становление и мировоззрение будущего отца Александра оказало общение со схиигуменией Марией (Сарычевой), принявшей на себя духовное руководство семьей Меней после ареста отца Петра Шипкова.

Вот как отец Александр Мень вспоминал о ней после ее смерти: «Мое детство и отрочество прошли под сенью преподобного Сергия. Там я часто жил у схиигумении Марии, которая во многом определила мой жизненный путь и духовное устроение. Подвижница и молитвенница, она была совершенно лишена черт ханжества, староверства и узости, которые нередко встречаются среди лиц ее звания. В ней было что-то такое светлое, серафимическое. Всегда полная пасхальной радости, глубокой преданности воле Божией, ощущения близости духовного мира, она напоминала чем-то преподобного Серафима или Франциска Ассизского. Она недаром всегда, в любое время года, напевала „Христос воскресе“.

Матушка впервые дала мне читать Библию. Конечно, я имел достаточно ясное представление об общем ходе священной истории: раньше у меня была „Священная История“, я читал какие-то отрывочки — мама мне читала. А матушка мне принесла большой том и сказала: „Ну вот, читай“. Я говорю: „А как?“ — „Прямо так вот, бери с начала — и читай“. И я стал читать… К тому же у нее оказался альбом картин Доре, и картинки мне очень помогали. Тогда меня особенно привлек Апокалипсис, я даже написал на него „толкование“.

Что я извлек из общения с ней? Она была монахиня с ранних лет, очень много пережила, много испытала в жизни всяких тягот, но она сохранила полностью ясный ум, полное отсутствие святошества, большую доброжелательность к людям, юмор и, что особенно важно, — свободу. Никогда не забуду: когда я был маленьким, матушка говорила: „Сходи в церковь, постой, сколько хочешь, и возвращайся“, — она никогда не говорила: „Стой всю службу“. И я шел в Лавру и стоял довольно долго. Наверное, если бы матушка сказала: „Стой всю службу“, — то я бы томился. Я не очень любил

длинные лаврские службы. <…> Но чаще всего я стоял всю службу, потому что мне была дана возможность уйти когда угодно. Матушка редко, так сказать, морализировала. Она мне всегда рассказывала какие-то бесконечные истории — фантастические и реальные, бывшие с ней или еще с кем-то. Они были как притчи — из каждой можно было извлечь какой-то урок.

Тогда, в сороковые годы, я считал ее (да и сейчас считаю) подлинной святой. Она благословила меня и на церковное служение, и на занятия Священным Писанием. У матери Марии была черта, роднящая ее с оптинскими старцами и которая так дорога мне в них. Эта черта — открытость людям, их проблемам, их поискам, открытость миру. Именно это и приводило в Оптину лучших представителей русской культуры. Оптина, в сущности, начала после длительного перерыва диалог Церкви с обществом. Это было начинание исключительной важности, хотя со стороны начальства оно встретило недоверие и противодействие. Живое продолжение этого диалога я видел в лице о. Серафима и матери Марии. Поэтому на всю жизнь мне запала мысль о необходимости не прекращать этот диалог, участвуя в нем своими слабыми силами».

Сергей Иосифович Фудель, автор книги о Павле Флоренском, называет схиигумению Марию «духовной наставницей многих». Начиная с 1930-х годов в Загорске она являлась главой тайной монашеской общины, не признавшей митрополита Сергия (Страгородского) и считавшей своим епископом владыку Афанасия (Сахарова). Сергей Иосифович посещал ее в 1950-е годы и, по его словам, получил от нее большую поддержку в этот период его «большого одиночества». Вот что он записал с ее слов о начале ее духовного пути:

«Схиигумения Мария пошла в монастырь лет 16-ти. Отец ее был богатый купец, а матери она не помнила. Была у нее добрая и верующая по-настоящему няня. И вот отец решил, что пора ее выдавать замуж. Был назначен день, когда придет сваха с женихом и будут „смотрины“. В этот день она, печальная и о замужестве своем не думающая, должна была надеть какое-то особенное парадное платье из красного атласа. В этом платье она и сидела одна в большом двухсветном зале, ожидая гостей и жениха. Гости задержались, а она, положив руки на стол, а на руки голову, неожиданно заснула. И вот она

видит, что открываются двустворчатые двери, и в комнату входит высокая Госпожа в таком сияющем одеянии, что ей стало страшно. Госпожа прямо подошла к ней, взяла ее левую руку и трижды намотала на нее четки со словами: „Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа“. Девушка проснулась и бросилась к няне с рассказом о видении. Няня сразу и твердо сказала: „Никаких женихов! Пойдем наверх к себе“. Там она велела повязать щеку платком, а сама пошла к отцу и объявила, что „у девочки заболели зубы“. Смотрины были отменены, а вскоре отец, устрашенный видением, сам отпустил ее в монастырь».

Известно, что во второй половине XIX века в городе Вольске Саратовской губернии была основана женская монашеская община. В 1892 году церковные власти преобразовали ее в женский монастырь в честь Владимирской иконы Божьей Матери. В монастыре был принят общежительный устав, предусматривающий общий для всех сестер ритм молитвенной и трудовой жизни и общность имущества. В середине 1890-х годов в обитель поступила девушка Пелагея, происходившая из купеческой семьи. Позднее, при постриге в малую схиму, она получила имя Арсения, а в начале XX века стала игуменией монастыря, в котором было около пятисот монахинь.

Мать Арсения была духовной дочерью старца Ионы. После революции 1917 года Владимирский монастырь был разгромлен, и отец Иона благословил Арсению перебраться ближе к Троице-Сергиевой лавре. Вероятно, именно в эти тяжелые годы Арсения была пострижена в великую схиму с именем Мария. Матушку преследовали с особенной настойчивостью, поскольку у нее было много духовных детей и она была очень известна. Но духовные дети ее прятали и в конце концов помогли ей оформить документы на чужое имя. Постепенно вокруг нее сплотился небольшой круг монахинь.

Духовность матушки Марии, как говорил отец Александр, можно назвать пасхальной. И в этой пасхальности — источник ее удивительной отзывчивости. Для схимницы не существовало перегородок, делающих людей врагами. Люди из самых разных мест приезжали к ней в Загорск за советом или утешением. Матушка Мария равно принимала православного, мусульманина, еврея. В свете Воскресения барьеры рушились.

Замечательное свидетельство о жизни схиигумении Марии и ее насельниц оставила монахиня Досифея (Елена Владимировна

Вержбловская):

«<…> Я обратилась к своему духовнику (о. Петру Шипкову) с просьбой, чтобы он принял мои обеты и сделал так, как это делают католики. Он улыбнулся и сказал, что у нас этого нет, что сделать этого он не может. Но я не унималась. Видя мое упорство, о. Петр, наконец, сказал: „Хорошо, я вас отвезу в такое место, где вы получите то, чего ищете“. Он повез меня в Загорск, к уже многим тогда известной матушке — схиигумении Марии. <…> Обычно с ней жило несколько человек, но фактически в ее маленький домик приезжало много людей, которые скрывались. Они находили здесь совет, поддержку и убежище. Это было удивительное место — приют для многих гонимых. Сама она (я потом узнала ее ближе) была изумительный человек. Вот к такой матушке о. Петр и решил меня привезти.

Я поехала с о. Петром в Загорск и перешагнула порог этого маленького домика. И сразу попала в совершенно другой мир. Мне показалось, что я в книгах Мельникова-Печерского[32]. Маленький домик, низкие комнаты, крашеные полы, какой-то особенный запах меда и воска и горящих лампад. И вообще все это было удивительно: и манера разговаривать, и здороваться. „Благословите… простите…“ — раздавалось все время. И когда к матушке подходили, то кланялись ей в ноги, и она давала целовать свою руку…

Когда мы вошли в домик, нам навстречу вышла небольшого роста старушка, с первого взгляда ничем не примечательная. Она молча и как-то тихо выслушала почтительные вступительные слова о. Петра, что вот-де, мол, матушка, я привез свою духовную дочь… уж вы не откажите, вы ее примите, вы с ней поговорите… и т. д. и т. д. Она взглянула на меня искоса, и это был такой взгляд… Он будто пронизал меня насквозь — я почувствовала это физически. Небольшие серые глаза и с такой силой… Она протянула с некоторой иронической интонацией: „Из образованных?“ — „Да, — ответила я открыто и покорно, — из образованных“. — „А что ж, ты меня, дуру необразованную, будешь слушать?“ — „Буду“, — решительно ответила я.

Послушание — это единственное, что, быть может, было для меня знакомо и близко в том странном мире, в который я готовилась вступить. „Если за это держаться, то, может быть, можно пойти

дальше“, — подумала я и еще раз ответила совершенно уверенно: „Да, я буду слушаться“. — „Ну что ж, — сказала матушка, — посмотрим“.

Жизнь в маленькой общине в Загорске была совершенно необыкновенной. Это был островок среди общей жизни тогдашней Советской России. И не чувствовать этого было невозможно. Здесь было какое-то особенное сочетание жизни „бытового“ монашества конца XIX века и вместе с тем жизни глубоко мистической, сокровенной, органически связанной с первыми веками христианства, когда не было никакого разделения церквей, — от начала до IV века, и потом, когда составлялись известные книги „Добротолюбия“. Как будто параллельно шли две жизни в нашей маленькой общине: с одной стороны, быт, полный юмора и лукавства, смешного и иногда просто детского, а с другой стороны — молитва и мистическая связь с невидимым миром, который через матушку ощущался особенно близким.

Иногда матушка бывала вспыльчива и горяча. И тогда она говорила нам: „Никуда вы не годитесь! А все-таки в ад вы не попадете. Бесы-то готовы вас тащить в ад, таких негодниц. А Божия Матерь скажет: ‘Не трог! Они точно — свиньи, но они — Мои свиньи. Не трог!’… В ад вы не попадете — Божия Матерь не допустит“.

Матушка была полна юмора, бытового, простонародного юмора, сочного и здорового. И притом она немного юродствовала — это был ее стиль, ее способ общения с людьми.

Иногда я говорила: „Матушка, я не успеваю… У меня не хватает сил…“ Она всегда отвечала мне с улыбкой: „А я и не хочу, чтобы ты успевала… чтоб ты не думала, что можешь справиться…. Вот-вот, не успевай, а все-таки надо…“

<…> Наша матушка была живая и энергичная. По натуре она была очень деятельный человек. Когда я встретилась с ней, она уже была схимницей, поэтому у нее были очень большие молитвенные правила. Когда она облачалась в схиму, это было необыкновенное зрелище: она вся преображалась — это был человек как бы из иного мира.

Снова и снова я мысленно рядом с матушкой — после ее причастия. Мы все стоим в маленькой комнате около закрытой двери. Стоим и ждем: мы не смеем войти в эту комнату, где она причащается. У нее было особое разрешение от нашего епископа держать у себя

Святые Дары, и она могла причащаться сама, без исповеди. Мы ждали. Наконец дверь открывается, и матушка стоит — совершенно преображенная. Она, маленького роста, вдруг сделалась такой большой, такой светлой, что на нее было больно смотреть.

Смогу ли я как следует описать свою матушку? Думаю, что нет. Как передать ее глубину и детскость? Ее прозорливость и вместе с тем наивность и частое недоумение и непонимание того, что делается в нашей стране? А наряду с этим какое-то удивительное знание будущего многих людей. Я знаю, что те, кто обращался к ней как к старице и следовал ее советам, не ошибались и получали то, что искали. Она была и ребенком, и взрослым, и очень-очень мудрым и удивительно широким человеком. Я всегда поражалась ее широте.

К ней приезжало очень много людей, особенно с Поволжья, где она провела всю жизнь в Вольском монастыре. И люди эти были обычно больше из простого народа. Они приезжали со своими нуждами, невзгодами и удивительными рассказами о всяких чудесах. У многих были какие-то видения; обязательно кто-то видел Божью Матерь или кого-нибудь из великих святых. Матушка, которая была очень мудрой и широкой, в то же время как ребенок очень любила все эти истории и верила всему тому, что рассказывали ее гости. Вместе с тем к ней приезжала и интеллигенция, в особенности из Москвы. Там я впервые встретилась с семьей Меней — с матерью и тетей отца Александра Меня.

Когда я в первый раз увидела его родных и его самого, ему было только 8 лет. Пришел он вместе со своей мамой и тетей. Это был очень красивый мальчик. Я помню, как он присел на корточки в углу и смотрел на всё широко раскрытыми глазами, как будто вбирал в себя всю атмосферу этого маленького домика, всю таинственную и удивительную жизнь, которой он был пропитан. Впоследствии, когда он подрос, он часто беседовал с матушкой и так долго, что пожилые монахини удивлялись, как может матушка часами разговаривать с ребенком.

Наше правительство она всегда называла „разбойнички“, и это „разбойнички“ у нее звучало почти ласкательно. Потому что она не умела по-настоящему осуждать или возмущаться: любовь, которой она любила всех людей, как велел Христос, побеждала всё. Однажды я ей сказала: „Матушка, я ведь беспокоюсь — я работаю без документов и

когда состарюсь, мне пенсии-то не будет. Как я жить тогда буду, когда не смогу работать?“ Матушка посмотрела на меня насмешливо и сказала: „Что-о-о? Ты от кого ждешь пенсию-то? Ты от разбойничков ждешь пенсию?“ И она подняла руку и показала на небо: „Вот тебе пенсия. Вот Кто даст тебе пенсию. Бог тебе даст всё. О чем ты думаешь? Что же тебе разбойнички могут дать?“ И так она мне сказала это убедительно, что я перестала думать о пенсии. И она оказалась права: Бог дал мне всё.

<…> Матушка старалась ничего не делать без благословения своего старца, о. Ионы. Матушка получала от него письма с наставлениями и указаниями, как поступать в том или ином случае.

Я была послушницей три года. В 1946 году матушка решила, что меня пора постричь, запросила в письме благословение от о. Ионы и спросила относительно Марен[33]. Ей хотелось, чтобы Марен тоже постриглась. Ответ пришел: меня — постричь, а Марен — остаться в миру. <…> Вскоре после письма о. Ионы меня постригли в рясофор, но с произнесением всех монашеских обетов и с переменой имени»[34].

Архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий вспоминал: «Свет трудно скрыть среди тьмы времени. Люди тянулись к такому духовному человеку, как монахиня Мария, получая поддержку в вере, которую подмывает окружающий мир своими прелестями. Мне тоже выпало счастье бывать у матушки неоднократно, беседовать с ней, слышать о том, что еще не вмещала моя душа, — о сокровенной жизни здесь, несмотря на тяжкие обстоятельства земной юдоли, которая переходит в будущую вечность. Она не сходила со своего одра, будучи болезненной, но вся светилась в лице своей верой и внутренней молитвой. У нее было правило — творить беспрестанно молитву „Богородице Дево“, т. е. Богородичное правило, что осеняло ее свыше. Келия ее небольшая была полна икон и лампад. Все невзгоды, гонения, несчастья земные прошли перед ней, как одна лишь тень, не заслонившая света ее веры, чем высок и свят каждый человек».

Схимница в любое время литургического года пела пасхальный тропарь, превратившийся в ее непрестанную молитву, творимую во всех обстоятельствах жизни. Те «бесконечные истории», бывшие «как притчи», которые мать Мария рассказывала маленькому Алику Меню, во многом заложили основы его нравственной жизни. При этом она никогда не поучала своего воспитанника. Из рук матери Марии юный

Александр впервые взял Библию, по ее совету впервые прочитал всё Священное Писание, сидя в саду ее домика в Загорске… Завидев маленького Александра Меня в окне, Мария говорила сестрам: «Наш отец архимандрит идет!» Его высокое призвание было открыто ей с их первых встреч в годы войны…

Глава 10
Окончание войны и первое послевоенное время

Вот как Анна Корнилова вспоминает уклад жизни семьи Меней в первое время после возвращения в Москву из Загорска:

«Москва сороковых годов… По Большой Серпуховке ходят трамваи. Остановка возле больницы Семашко — и здесь, совсем недалеко, — дом номер 38. Трехэтажный, темно-красный, кирпичный. Елена Семеновна, мать отца Александра Меня, в те далекие годы была для нас просто тетя Леночка. Имя ее почти всегда произносилось рядом с именем ее сестры — тети Верочки. Итак, Леночка и Верочка, Алик и Павлик, и отец мальчиков Владимир Григорьевич — дружное и теплое семейство.

Чтобы Павлик, тогда еще совсем небольшой, не потерялся и знал свой адрес, Алик придумал для него стихотворение:

Вас запомнить очень просим
Дом наш, номер тридцать восемь,
И четырнадцать квартира, —
В ней найдете бригадира.

Почему именно „бригадира“, так навсегда и осталось загадкой. Как остался загадкой и „неудачник-мышелов“. Когда, бывало, засидевшись у тети Леночки, мы уходили домой с черного хода (в Москве в войну все ходили с черного хода), то Павлик из светлого пятна двери напутственно возглашал: „До свиданья! Будь здоров, неудачник-мышелов!“

Покидать этот дом никогда не хотелось. И не только потому, что из тепла и уюта ты попадал на холодную пустынную улицу… Но тепло еще долго оставалось внутри, как воспоминание о том особом мире и ладе, который царил в доме на Серпуховке.

Душой этого дома была тетя Леночка. Ее лучезарная улыбка, обращенная, казалось, прямо к тебе, ее ласковый мелодичный голос,

мягкие движения — всё было проникнуто любовью, озарено каким-то внутренним светом, который изливался на окружающих и согревал всех и каждого. Лишь много лет спустя я смогла осознать, как нелегко было ей в эти годы. Владимир Григорьевич был далеко, и тете Леночке приходилось нести на себе все тяготы военной и послевоенной жизни. Двое маленьких детей, неустроенный быт, недостаток продуктов, „лютая коммуналка“, которая встречала вас темной холодной кухней, уставленной керосинками и примусами, — и никогда, ни разу не помянула она недобрым словом ни одну из соседок — о них либо просто не говорили, либо — со страхом и сочувствием. Теперь-то можно себе представить, что это значило. В те годы, когда доносы и аресты стали чуть ли не обыденным делом, а люди исчезали бесследно один за другим, в каждом соседе можно было невольно подозревать потенциального осведомителя, тем более что поводов к тому находилось предостаточно. Хотя и повода зачастую не нужно было, а просто всеобщий страх порождал цепную реакцию доносительства. По счастью, эта беда миновала дом на Серпуховке, но были арестованы ближайшие друзья и единомышленники Елены Семеновны, те, кто, как и она, принадлежали к так называемой „катакомбной“ церкви…»

«После войны наш дом надстроили, — вспоминает Павел Мень. — Появились еще два этажа. Был капитальный ремонт дома с неполным отселением. Папа остался со шкафами и с ремонтом, Алик жил у Веры Яковлевны. Она поменяла свою большую комнату на 8-метровую во дворе на пятом этаже без лифта, чтобы быть рядом с нами. От доплаты, между прочим, отказалась: „Я не торгую квартирами“. А мы с мамой жили у маминой тети на Сретенке, откуда я ездил в школу.

Это тянулось несколько месяцев. Провели отопление. На месте печки сделали тамбур, присоединили его к нашей комнате, и теперь выход из нашей комнаты был через тамбур в коридор. Однако дом скрипел, давал осадку, трубы в туалете продолжали течь. К нашему дому пристроили соседний, он немного отступал вглубь и наполовину закрыл одно из наших окон.

Когда меня определили в детский сад, я получил свою первую и единственную партийную принадлежность — меня приняли в октябрята и прицепили на грудь значок: маленький Ленин с кудрявой головой. Я с гордостью объявил дома о посвящении в октябрята. Мама

погладила меня по головке, ласково так открепила значок от курточки и… выбросила в помойное ведро. „Нам это не нужно, — сказала она, — и про помойное ведро никому не говори“. Я маме во всем доверял, почувствовал что-то очень важное в ее словах и значок нисколько не пожалел. К слову сказать, больше в моей жизни никаких партийных принадлежностей не было — ни пионерских, ни комсомольских. А брат даже октябренком не был.

Миру богослужений, церковному кругу праздников мама придавала большое значение. Этот мир, с точки зрения воспитания, перевешивал то, что давалось в официальном школьном воспитании и по радио. Всю жизнь я понимал необыкновенную ценность и важность богослужебной практики.

Вместе с нами (в разное время) в комнате жили и четвероногие обитатели — кошка, собака и три поколения белых мышей. Собачка была маленькая, беленькая — Пух, дворянской породы, дворняжка».

«В 44-м году вернулся из Свердловска Володя, — пишет Елена Семеновна, — но я своих установок не изменила. Духовная жизнь всегда занимала центральное место в нашей семье, и так это продолжалось все последующие годы. Общалась я почти исключительно с верующими людьми.

Володе, конечно, хотелось, чтобы дети были больше под его влиянием. Тем более что они его любили и уважали. Особенно переживал он по поводу соблюдения детьми постов. Но они были настолько устойчивы в своем мировоззрении, что он ничего не мог сделать. А вообще он был очень кроток и терпелив, и одна моя приятельница сказала: „Попадете ли вы в Царство Небесное — неизвестно, но что Владимир Григорьевич попадет, — я не сомневаюсь“».

«Когда (из Свердловска) вернулся Владимир Григорьевич, дом на Серпуховке зажил хотя и не прежней, но все же более устроенной жизнью, — вспоминает Анна Корнилова. — Кругом всё еще было голодно и холодно, а здесь царило тепло, которое исходило от его обитателей. Собственно, комната, где жило семейство, была малопримечательна: довольно большая, метров двадцать с лишним, с двумя окнами, выходящими во двор, и входом из коммунальной кухни, — она ничем, казалось, не отличалась от других, ей подобных. Недалеко от двери, возле ближайшего окна, стоял детский письменный

стол, — Алик уже учился в школе, — а напротив, на подоконнике, помещался аквариум. На дне его жил аксолотль. Его бледно-розовое, студенистое тело занимало всю длину аквариума. Алик объяснял, что кормить его следует особым способом: кусочки пищи надо бросать так, чтобы они обязательно попадали ему на нос, иначе он не сможет проглотить.

Алик любил животных, и время от времени в доме появлялись то кролик, то ежик, то еще какой-нибудь житель, не нашедший себе иного пристанища. С едой было плохо, и в зоологических кружках зверья не держали. Интерес к животному миру не ослабевал с годами.

Возвращаясь к дому на Серпуховке, вспоминая его, казалось бы, обычное убранство — зеркальный шкаф у стены, напротив двери, обеденный стол посредине комнаты, диван за ним, кровать, буфет, детские кровати, — мысленно задерживаешься у маленькой тумбочки, которая помещалась между буфетом и кроватью тети Леночки. Это была особая тумбочка. На ней стоял шкафчик с иконами. При посторонних дверца его закрывалась, при своих — была распахнута. Но даже и при закрытой дверце перед шкафчиком оставался небольшой фаянсовый сосуд в виде амфоры. На белой выпуклой его поверхности была изображена яркая красная рыбка — символ христианства.

В необходимости закрывать шкафчик сказалась не только привычка к конспирации, но и забота о Владимире Григорьевиче, который занимал должность главного инженера текстильной фабрики и мог пострадать за других, так как сам он ни к „катакомбной“, ни к официальной Церкви не принадлежал.

Возле заветного шкафчика, перед иконами, с зажженной лампадкой, звучали слова молитв, произносимых тихим задушевным голосом тети Леночки или глуховатым, глубоким — тети Верочки; помню и быстрые, „летящие“ слова Павлика, когда, обычно до еды или после еды, говорили: „Павлик, читай ты“».

«В шкафчике было три полочки, — дополняет этот рассказ Павел Мень. — На верхней — Спаситель, Рождество, Крещение, на второй — Богородица и разные образы, на нижней — святые. Мы ведь молились с мамой, когда папы не было, перед этим припрятанным иконостасом. Мама зажигала лампадку, читала правило… А шкафчик по сию пору жив. Когда-нибудь займет свое место в музее…

После возвращения в Москву папу повысили в должности.

Он стал главным инженером текстильной фабрики и получал по тем временам приличную зарплату. Он вообще был ценным работником, вносил рационализаторские предложения, писал брошюры о технике производства кожзаменителей, дерматина. Администрация пошла на риск, назначив беспартийного еврея главным инженером.

Папа был человеком с безотказным чувством юмора. Дома, если и возникали некоторые внутренние несогласия, он всегда гасил их юмором. Тетя Вера, наш почти пятый член семьи, иногда решительно заявит что-то свое непререкаемое, папа улыбкой или беззлобной шуткой ее на миг приостановит. А в следующий миг всё уже решается само собой. Юмор — великая целительная сила. Не зря Александр так умело им пользовался.

У нас, между прочим, был холодильник, стоял на кухне. Главный инженер мог себе позволить такую роскошь. Иногда из холодильника исчезал какой-нибудь продукт. И, разумеется, не возвращался. Мама никогда вслух пропажи не обнаруживала, не намекала соседям. Коммуналка, а, кажется, жильцы не мешали друг другу. Даже у печки, где порой одновременно на четырех конфорках булькало несколько кастрюль. Газ провели только в 1950 году. Скандалы за стенками у соседей случались, разной накаленности, но наружу не выплескивались.

Родители между собой жили душа в душу, хотя папа не разделял наших христианских убеждений. Но мы ему их не навязывали. Он был театралом, следил за театральной афишей. Ценил игру выдающихся артистов, с мамой всегда обсуждали спектакль, на котором побывали. А бывали всегда вместе. Папа просто, но элегантно одетый, на маме вечернее бордовое платье. Она была интересная женщина, папа это умел заметить».

В 1945 году кончилась война. Долгожданное слово «победа» было у всех на устах. Событие огромной значимости произошло и в церковной жизни страны. Прошедший в начале года Поместный собор Русской Православной церкви избрал патриархом Московским и всея Руси митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. На Божественной литургии во время запричастного стиха было оглашено первое послание патриарха к чадам Русской церкви, в котором он

сказал, в частности, о долге патриарха «охранять вверенную ему Поместную церковь от разделений и расколов».

«Вначале мы не совсем отдавали себе отчет в том, что произошло, — пишет Вера Яковлевна, — и не знали, можно ли доверять тому, что написано в газете. Вскоре мы узнали из газет и еще одну радостную весть: „Патриарх поехал в Иерусалим, чтобы отслужить благодарственный молебен у Гроба Господня“. Но практически для нас ничего не изменилось. Мы по-прежнему не посещали церковь. Духовное одиночество продолжалось.

Однажды, вернувшись с работы домой, я застала Алика очень взволнованным. „Приходила Надежда Николаевна, — сказал он, — она говорит, что получено письмо из Сибири, подписали его епископ Афанасий[35], о. Петр и о. Иеракс. Нам можно теперь ходить в церковь и причащаться. Она просила, чтобы вы зашли к ней на работу, и она вам сама все расскажет“.

После разговора с Н. Н. мы решили пойти в церковь. Чтобы не обращать на себя внимания, сестра вошла в одну церковь с Аликом как старшим, а я в другую с младшим его братом. Алик был поражен, увидев полный храм народу и услышав общее пение Символа веры. Ничего подобного он раньше не видел и не слышал. Павлик тоже был захвачен тем, что происходило вокруг.

Причащаться во вновь открытых храмах мы еще не решались: шли слухи, что подписи в письме могли быть подделаны. Долго оставаться в таком недоуменном состоянии было невозможно, и я решила поехать к матушке Марии, которую так ценил и уважал о. Петр. Пусть ее слово будет последним. Матушка встретила меня словами: „Ну, а Вы в какую церковь ходите?“ Вместо ответа я расплакалась. Матушка успокоила меня и сказала, что в подлинности письма сомневаться нет оснований. И о. Петр через кого-то передал: „В храмы ходить можете и причащаться, но с духовенством сближаться подождите“».

Впоследствии в письме к духовной дочери епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) так вспоминал о событиях того времени: «…когда в 1945 году, будучи в заключении (в Мариинских лагерях), я и бывшие со мной иереи, непоминавшие митрополита Сергия, узнали об избрании и настоловании Патриарха Алексия, мы, обсудивши создавшееся положение, согласно решили, что так как кроме

Патриарха Алексия, признанного всеми Вселенскими Патриархами, теперь нет иного законного Первоиерарха Русской Поместной Церкви, то нам должно возносить на наших молитвах имя Патриарха Алексия как Патриарха нашего, что я и делаю неопустительно с того дня»[36]. Эта группа священнослужителей послала патриарху Алексию поздравительное письмо с просьбой принять их в общение. Кроме того, епископ Афанасий направил отдельное послание в «катакомбные» общины и скиты с призывом «вернуться в лоно» Патриаршей церкви. Сам он был освобожден из заключения только в мае 1954 года.

В московских храмах началось оживление: появились хорошие проповедники, в некоторых церквах проводили целые циклы бесед на определенные темы. Беседы сопровождались диапозитивами, иллюстрирующими тексты Ветхого и Нового Завета.

«Итак, раскол длился 17 лет, и после избрания собором (епископов самолетами доставляли на него из лагерей) патриарха было решение восстановить единство, гонимая церковь присутствует в РПЦ как соль. Это был смиренный, незаметный шаг — и это всё определяет», — пишет об этом судьбоносном моменте истории Ольга Ерохина.

«В субботу, в воскресенье и в праздники мы с Верочкой и детьми ходили в церковь, — вспоминает Елена Семеновна. — Сначала мы все ходили к Иоанну Воину, а в дальнейшем дети одни ходили в церкви, которые им больше нравились. Павлик после второй смены, с ранцем за плечами, чаще всего ходил к Скорбящей Божией Матери. Алик ходил в разные церкви. Изредка ездили в Загорск, примерно раз в месяц приобщались. К нам приходили наши друзья, и мы старались приучать детей к церковному богослужению и вообще к жизни в Церкви. Мы все как бы погрузились в церковную жизнь, и это нам давало огромную радость. Детей я с раннего возраста приучала к праздничным песнопениям, они быстро выучили тропари всех двунадесятых праздников, а рождественские ирмосы знали наизусть. Алик был очень устремлен к духовной жизни и с любой темы мог перейти на духовные темы. Павлик не отставал от него. Евангелие я читала им ежедневно».

«Жили они духовной атмосферой, — вспоминает об отце Александре Мария Витальевна Тепнина. — Елена Семеновна жила

церковной жизнью, то есть все праздники, все даты отмечались самым углубленным образом. Они постоянно во все праздники, в субботу, в воскресенье обязательно бывали в церкви. <…>

…Мы жили общей жизнью. Значит, если какой-то праздник отмечается — сообща. Конечно, у каждого соответствующее настроение, состояние, всё это передается друг другу. Он безусловно это чувствовал и во мне. Он меня звал, несмотря на мой возраст, Марусей, Марусенькой. Это продолжалось до дня кончины. У нас совпадали дни рождения — и когда он был маленький, он спрашивал Елену Семеновну, как же это так — мы родились в один день, а она большая, а я маленький. Когда мы были вместе, то это было одно чувство, одно стремление, одни впечатления. Как-то это неделимо. Он меня воспринимал как крестную мать. Ну, а для меня он был такой же родной. Я также была заинтересована в каждом движении его души. Так же и Елена Семеновна, и Вера Яковлевна, потому что это было единое у нас.

…Как я его помню. Я помню его так же, как в течение всего его детства и отрочества, то есть мальчика, который воспитывается в определенной духовной атмосфере, постоянно бывает в церкви. В церкви мы всегда были вместе, соответственно всё воспринимали, чувствовали обоюдно. А он себя проявлял всегда очень вдумчивым, постоянно занятым чем-то и очень чутко всё воспринимающим и чувствующим».

«16 апреля 1946 года арестовали Марусю, — вспоминает Анна Корнилова. — Ее взяли по пути из церкви Илии Обыденного, возле станции метро „Дворец Советов“. Прием в поликлинике в этот день начинался в три часа, но пациенты так и не дождались ее, как не дождались и мы — дома. Когда Маруся не вернулась ни вечером, ни утром, ни на следующий день, тревога и беспокойство переросли в уверенность, что случилось непоправимое. В те годы люди исчезали именно так, причем бесследно. Из дома вышел человек… И с той поры исчез…

Недаром тетя Верочка вспоминала, что как-то, уходя от них, прощаясь, Маруся сказала: „Увидимся здесь или не здесь!“ В тот раз обошлось, а вот сейчас — свершилось…

Об исчезновении Маруси мы узнали через день, когда дедушка приехал за мной в Москву, и мы вместе с ним отправились в Лесной

поселок. Никто уже не надеялся на ее возвращение. Так продолжалось три дня. На четвертый к дому подъехала большая черная машина. Вошли какие-то строгие, одетые в темное люди, их, кажется, было трое. Проследовав в Марусин кабинет, они разделились: один занялся книжным шкафом, другой письменным столом, — помню его согнутую спину, когда он перебирал содержимое нижних ящиков, — третий принялся за фотографии, иконы и картины на стенах.

Все было непонятно, и никто ничего не объяснял. Впрочем, меня довольно быстро выпроводили на улицу. Возле окон стояла толпа любопытных. Они переглядывались и переговаривались. У дверей замерла длинная черная машина, к которой даже бойкие мальчишки боялись подступиться, так грозно и необычно было ее появление; да и взрослые вели себя тихо. Прошло порядочно времени, пока я нашла способ снова проникнуть в дом. Здесь царствовали хаос и неразбериха. Все суетились и уже заметно устали. Один из приехавших занимался теперь Марусиной кроватью. За нею, возле стены, стояло что-то вроде большой картины, обшитой холстом и прислоненной к стене. „Что это?“ — спросил приехавший. — „Это старинная вышивка в чехле, — сказала бабушка, — еще моя мама вышивала…“ Приехавший задумался, видимо, размышляя, распороть холст или так оставить. Но час был уже поздний, все спешили, и „картину“ не тронули.

На самом деле это была, конечно, не вышивка и не картина, а Плащаница — изображение Христа, лежащего во гробе. Плащаница принадлежала одной из закрытых церквей, имущество которой хранили у себя дома прихожане, сберегая от разграбления. Подобное хранение классифицировалось властями как преступление, поэтому каждый рисковал, подвергая себя и свою семью постоянной опасности. Если бы при обыске у Маруси нашли Плащаницу, неизвестно, увидели ли бы мы ее когда-нибудь…

После десяти лет отсутствия, которые для нее обернулись тюрьмой, лагерем и ссылкой, мы встретились и вспомнили эти первые четыре дня после ее ареста.

С арестом Маруси, — а вскоре после этого арестовали и старшую ее сестру, Галю, — для нас началась новая жизнь. Мало того, что не стало „кормильца“, так как ее жалованье зубного врача было единственным источником нашего существования, главной стала теперь забота о передачах в тюрьму. Время разделилось — от передачи

до передачи, — причем собрать эти передачи — а в основном для них нужен был хлеб — стоило больших усилий. Помогали друзья.

Помню, когда надежды на то, чтобы собрать что-либо, почти не было, приехали тетя Леночка и тетя Верочка. С их появлением стало светлее. Бабушка достала из буфета гарднеровские чашки, красные с золотом, мы пили чай, а потом оказалось, что они привезли всё для передачи. Забота спала с плеч, — Маруся и Галя не остались обделенными.

Однажды тетя Леночка и тетя Верочка извлекли из сумки нечто блестящее: это были маленькие рыбки, завернутые в фольгу. Нам сказали, что это шоколадки. Тогда мы не знали, что это такое, так как кроме сахара и, в лучшем случае, подушечек, ничего (сладкого) не пробовали, но память о блестящих рыбках осталась. Много лет спустя я поняла, что в тюремную передачу было принесено то, что могли отдать детям. Алик и Павлик не получили этих шоколадок, зато в тюремной камере появились серебряные рыбки — символ христианства, символ общинности и духовной поддержки людей, принадлежавших „катакомбной“ церкви».

В том же году были арестованы и другие прихожане «катакомбной» церкви, а отец Иеракс Бочаров и Нина Владимировна Трапани были арестованы еще в 1943 году.

«В 46-м году многих из моих друзей арестовали, — вспоминает Елена Семеновна. — Но мы продолжали ездить в Загорск к матушке Марии, и она до самой своей смерти руководила нами. Верочка, я и дети с самыми сложными вопросами обращались к ней, и она всегда давала правильный ответ, хотя была человеком малообразованным. Всё исходило из ее духовного опыта, любви к людям и всецелой преданности воле Божьей».

Мария Витальевна Тепнина, как и большинство прихожан «катакомбной» церкви, была арестована за «участие в антисоветской церковной организации и антисоветскую агитацию». Арест человека, регулярно читавшего Евангелие с Аликом и Павликом и входившего в круг ближайших друзей Елены Семеновны и Веры Яковлевны, ставил под удар всю семью Меней, включая Владимира Григорьевича. Однако «чаша сия» их миновала. Елена Семеновна и Вера Яковлевна независимо друг от друга были вызваны на допрос на Лубянку, где провели много часов, и обе были выпущены на следующий день.

Следователи допрашивали их о церковных знакомствах. Поскольку отец Серафим никогда не знакомил между собой своих духовных детей, у сестер были все основания не называть при допросе никого из своих знакомых. Алик, не сомкнувший глаз всю ночь и молившийся о своих самых близких людях, знал, что всё произошло по воле Божией. Как стало известно позже, ни один из арестованных друзей также не назвал Меней в числе прихожан «катакомбной» церкви.

С тех пор в комнате Меней появилась коробочка, в которую при каждой возможности откладывались деньги для отправки посылок с продуктами друзьям в заключении.

Вот что рассказывает об этом Павел Мень, в те годы ученик младших классов школы: «В доме хозяйство вела мама. Папину зарплату распределяла так, чтобы оставалось и на помощь другим. У нее была специальная коробочка, куда складывались деньги для репрессированных, для бедных, для больных. Мы знали, что это за коробочка, и папа тоже знал. На эти деньги покупались продукты, вещи, и затем упакованные посылки отправлялись по адресам — в лагеря, к ссыльным.

Из Москвы продуктовые посылки не принимали. Именно я ездил в Мытищи и отправлял их — иеромонаху Иераксу, Нине Трапани… К маленькому мальчику не пристанут: куда едешь, что везешь? А в Мытищах очереди на почте по нескольку часов. Помощь другим для мамы и для нас была привычным делом».

Павел навсегда запомнил слова мамы: «Если тебя кто-нибудь о чем-нибудь просит, ты знай, что это как Христос к тебе пришел, старайся все, что можно, сделать».

Глава 11
Школьные годы

В 1943 году Алик Мень был зачислен по месту прописки в первый класс московской мужской школы № 554 («ппч», как ее называли в семье Меней) по адресу Стремянный переулок, дом 33/35. Школа представляла собой довольно печальное зрелище — грязного цвета здание, казарменные порядки, духовно бедные и голодные учителя. В первом классе многие ученики еще занимались по азбуке, в то время как Алик запоем читал «Фауста» и «Божественную комедию» и постигал глубинный смысл этих полюбившихся ему книг. Он анализировал смысловые оттенки и расхождения в переводах этих произведений и одно время даже планировал выучить итальянский язык, чтобы прочесть Данте в подлиннике. Затем начал читать и запоминать фрагменты из книги «Изречения Конфуция». Неудивительно, что с первых же недель школа стала для него мукой, и он томился от скуки и безделья. Возник колоссальный диссонанс между привычной Алику средой глубоких образованных людей, у которых он учился думать, читать серьезные книги, писать очерки и рассказы, и пустым времяпрепровождением в школе. Поэтому учился он по преимуществу плохо, обитая в параллельных школьному образовательному процессу мирах. «Математик считал его безнадежным двоечником, — пишет Александр Зорин на основе рассказов отца Александра о своей учебе в школе, — и любил выговаривать вслух: „Садись, Мень, ты — дурочкин…“»[37]. В начальной школе его не раз выставляли из класса за невнимательность, но благодаря своей неизменной общительности и легкому характеру Алик поддерживал хорошие отношения со всеми одноклассниками и даже был выбран старостой класса.

На фотографии учеников второго класса школы № 554, сделанной в 1944 году, лицо Алика светится радостью и полнотой жизни. Читатель может догадаться об истоках этого внутреннего света…

Внешкольная жизнь Алика Меня была наполнена до предела. Примерно в десятилетнем возрасте Вера Яковлевна объяснила ему, что жизнь не делится на детскую и взрослую: жизнь едина, и того, чего не

успел в детстве, уже не восполнишь никогда. Поэтому нужно с детства ставить перед собой серьезные задачи и решать их по мере сил. С тех пор Алик отгородил ширмой уголок в общей комнате, в котором помещались его кровать и тумбочка, битком набитая книгами. Вечером он ставил себе задачи на утро, рано ложился спать, чтобы встать рано утром и читать, пока все спят. Никакие искушения — будь то гости или увлекательные радиопередачи — не могли заставить его изменить заведенный однажды распорядок дня. В часы этих утренних занятий он осваивал научные и религиозно-философские книги, о которых его ровесники и одноклассники не могли даже догадываться.

Вот как Александр Мень вспоминает о своей школе:

«Я учился в 554-й Московской мужской школе (напротив Плехановского института). Воспоминания о школе (1943–1953) довольно мрачные: я учился в школе, где были голодные учителя, где ученики собирали крошки хлеба, где совершенно дикий директор был похож на Карабаса-Барабаса, где учителя часто походили на садистов — у нас учителя литературы так и назывались: „фашисты“. Школа и сейчас существует. Она внешне очень похожа на тюрьму. Я не помню большего отвращения в жизни, чем хождение туда, — самое гнусное впечатление за всю жизнь.

А школа была обыкновенная: палочная дисциплина, нас водили всех „шагом марш!“ — война… Мы школу ненавидели! Всеми фибрами души. Сколько хватало сил.

Поскольку я кое-что почитывал, то уже во втором классе что-то соображал. Я спросил у нашей учительницы (когда она нам описала штурм Зимнего), что такое „юнкера“. Она ответила, что „так назывались собаки Временного правительства“. Я понял, что глухо дело…

Я слышал от учителей глупости, я понимал, что говорят чепуху. Это было крушение. Я сталкивался с учителями духовно нищими, которым нечего было нам сказать. Помню, учитель истории, чудесный человек, — он приходил, вытаскивал из кармана тетрадочку и прочитывал по ней то, что было написано в учебнике. А поскольку наш учебник был переписан с дореволюционного, с некоторыми искажениями, то получалось очень смешно: я приносил старый дореволюционный учебник и следил по нему… Но я его не сужу, он

был хороший человек. Это было такое время, он боялся отступить куда бы то ни было.

Всё, что в школе говорилось, я воспринимал наоборот. Но ни на чем не настаивал — потому что понимал, что это рабская мертвящая система, что мы все — идиоты, начиная с директора и кончая последним учеником, что нам деваться некуда и что всё от начала и до конца ложь.

В четвертом классе я жил уже в полной оппозиции. Не вступал даже в пионеры: будучи старостой класса, я надеялся избежать этой унизительной процедуры, и потом, когда меня потащили насильственно и поставили перед классом, все сделали „зиг хайль“ и произнесли эту клятву, — я просто стоял, опустив руку, и молчал. И, надо сказать, в школе испугались шума, потому что время было сталинское — смели бы всех вместе со школой; поговорили — и так и заглохло. Вызывали маму, она мне сказала: „Поступай как хочешь“, — она же понимала, что это формализм; и я понимал, но всё равно не хотел — у меня слишком велико было какое-то инстинктивное отвращение.

Из учителей с благодарностью вспоминаю двух-трех человек. В четвертом классе была пожилая учительница, разведенная. Мы всегда к ней ходили домой — у нас там был „Клуб Совершенно Знаменитых Капитанов“. Она как-то растворилась в этих детях. Это на всю жизнь осталось.

Я их всех водил в церковь, вместе с ней во главе. Но это было недолго. Потом она мне сказала: „А ты знаешь, Алик, я в церковь перестала ходить“. И я почему-то счел неудобным спросить ее почему. Я понял, что это скорее из страха. Тогда было неопределенное время, сталинское; неизвестно было вообще, куда повернет колесо истории. Все-таки она продолжала собирать ребят.

Я окончил школу в год смерти Сталина и сказал себе, что моя профессия любая, только учителем не быть: трудно, чтобы тебя так ненавидели — потому что мы все ненавидели учителей, и им тяжело было с нами…

Но все-таки из нашей школы вышли Тарковский и Вознесенский, которые учились на класс старше; младше меня был будущий священник Александр Борисов… Еще кое-кто: очень известный кардиолог Серегин, который работает в институте Вишневского;

арабист-востоковед Озолин (с ним мы в одном классе учились). А так от школы — ничего, кроме негативных воспоминаний. Учился я без особого энтузиазма, было неинтересно…

У меня были учителя другие, не в школе; у меня были живые примеры, живое общение с людьми, которые были ровесниками моих родителей. Это люди, которые в то время прошли уже через лагеря, через всё. И я, будучи ребенком, общался с ними, наблюдал, беседовал, видел. На них и воспитывался».

В послевоенной Москве часто приходилось жить впроголодь, и близкие делали всё возможное, чтобы отправить детей в санаторий или пионерский лагерь, где помимо организованных походов в лес и на речку дети получали питание.

Сохранились воспоминания десятилетнего Алика о его двухмесячном пребывании в подростковом лагере санаторного типа, в который Вера Яковлевна определила его в конце первого послевоенного года для поправления здоровья и улучшения питания (от Института дефектологии, в котором она работала). Эти подростковые записи интересны тем, что дают представление об открытости характера их автора, его наблюдательности, формирующемся писательском стиле и популярности среди детей в новой для него среде. Обращает на себя внимание абсолютная незлобивость, доброжелательность Алика и отсутствие даже тени иронии или насмешки по отношению к некоторым детям с особенностями в развитии.

В 80-е годы отец Александр Мень рассказал своему духовному сыну Александру Зорину о тех замечательных людях, которые работали в этом санатории и которые вошли в круг его учителей и наставников тех лет:

«В 45 году, кажется, еще шла война, а может быть, в 44-м я попал в детский санаторий в Сокольниках. Так вот, в этом санатории работали воспитатели не простые. Например, сестра Флоренского. Или Татьяна Ивановна Куприянова[38], ученица Челпанова — философа-идеалиста. Она потомок Липранди, имела черты разительного сходства с пушкинским современником. В свое время окончила философское отделение факультета общественных наук МГУ, была подругой Веры Яковлевны Василевской и прихожанкой отца Алексея Мечева. У нее на квартире собиралась молодежная религиозная группа. Это были 46–

47-й годы. Она сама вела катехизаторские занятия с детьми от 7 до 14 лет. Ее муж, Борис Александрович Васильев[39], находился в ссылке, был ученым, но научную деятельность сломала тюрьма. Книга о духовном пути Пушкина — его.

На занятиях с Татьяной Ивановной разбирали Ветхий Завет. Но основное внимание уделяли богослужению, праздникам и т. д. Я для себя нового ничего не находил в этих занятиях, потому что жил в это время уже церковной жизнью. Татьяна Ивановна была женщина высокой культуры и широких воззрений, в юности дружила с великим князем Олегом. Советскую власть не признавала. В адрес правительства высказывалась резко. О приходе Мечевых говорила: „У них кастовость…“ Что это была базовая община, я понял сразу. Все всё друг про друга знали, шушукались. Открытость была, но как бы прикровенная. У нее же на квартире проводились систематические вечера, на которых зачитывались рефераты филологического, исторического и религиозного содержания. Я, конечно, не пропускал ни одного вечера, но всегда задавал каверзные вопросы. Например, ей — экклезиологические: „Вот вы всё говорите — Церковь, Церковь. А что такое Церковь?“ Она не могла ответить. Она была, кажется, 1900 года рождения. Но общались мы с ней на равных. Она меня очень любила, и я, разумеется, ее тоже.

Собирались в доме у Татьяны Ивановны специалисты высокого класса: историки, биологи, химики, антропологи. Один из них, священник отец Николай Голубцов, в будущем меня благословил на священство.

Чему мечевцы были открыты — это культуре. Татьяна Ивановна прочитала критику на Виппера, который в очередной своей книге доказывал, что в I веке христианства не было. Будто возникло оно во II веке, как теория каких-то коммерсантов… Советская наука отмалчивалась по этому поводу, но книги Виппера печатались вовсю. Так вот, Татьяна Ивановна дала отпор. Ее реферат послужил толчком к написанию моей книги „Исторические пути христианства“. Это был мой первый серьезный исследовательский труд.

Конечно, этот круг оказал на меня косвенное влияние. Я увидел и запомнил, как живет базовая община. Елки, религиозные праздники. Им был свойствен интеллигентский традиционализм, ностальгия по отнятой России. Великий князь Олег олицетворял для Татьяны

Ивановны золотой век. Как им было объяснить, что это — идеализация прошлого, в котором золота было на грош…»[40]

«Отцу Александру не впервые было удивлять больничный персонал. — рассказывает его племянница Мариам Мень. — Однажды в детстве его положили в больницу с воспалением. Время было послевоенное, иммунитет ослаб. Его горло было завязано повязкой. Моя бабушка Лена (мать Александра и моего отца) отправилась проведать его. Приходит в больницу, идет по коридору, видит: нет никого, тишина. Ни персонала не видно, ни пациентов. Странно, куда все подевались? Заходит в палату Алика и видит картину: полно народу, весь персонал с пациентами набился в эту палату. Сам Алик стоит на своей кровати, театрально завернувшись в больничную простыню. С завязанным горлом, в простыне, он что-то вдохновенно рассказывает и представляет своим слушателям, иллюстрируя не то Понтия Пилата, не то какого-то героя античности, а „публика“, позабыв обо всем, внимает его речам, не дыша!»

«У отца Александра с детства всегда было горячее желание поделиться тем, что он знает, с другими, — вспоминает священник Александр Борисов, учившийся в школе № 554 в одном классе с Павлом Менем. — В той форме, которая им доступна. Помню, на вопрос: „Алик, что это ты там читаешь?“ — он отвечал: „Ну, ребята, вам некогда будет эту книжку читать — я вам сейчас про нее расскажу“. Это мог быть какой-то американский или английский автор, или даже „Война и мир“. Он кратко рассказывал, в чем основная идея, чтобы нас заинтересовать, а не чтобы заменить собой книгу. Он приготовил для нашего учителя ботаники и зоологии Сергея Федоровича целый реферат о животных по Брэму. Уже где-то с 6–7 класса он начал писать книгу „О чем нам говорит Библия?“, которая переросла, собственно, в последующие книги».

«В моей жизни отношения с братом были уникальными, было абсолютное понимание, — вспоминает Павел Мень. — У нас были такие отношения, что мы могли говорить при ком-то намеками так, что никто не понимал, о чем мы говорим. Была близость необыкновенная.

Брат был очень общительным, и в доме у нас всегда толпились ребята. Я не могу представить себе брата замкнутым, с проявлениями какого-то подросткового самоанализа, надрыва. Жизнерадостный, деятельный, много читающий, он охотно и щедро делился своими

впечатлениями. Был один период в двенадцатилетнем возрасте, когда брат писал мрачноватые стихи. Любил Лермонтова и находился под влиянием романтической поэзии. Ходил в массу кружков.

А быть рядом с ним — это праздник! На даче как с ним жилось весело!

В детстве он слыл очень хорошим рассказчиком. Как-то в пионерском лагере ребята, узнав, что я тоже Мень, стали меня просить: „Ну расскажи что-нибудь!“, и я узнал, что после отбоя он увлекал ребят бесконечными прочитанными им историями. Это было настолько щедро, что я до 9-го класса почти ничего не читал, а предпочитал его слушать.

Брат запросто мог взять меня на вечеринку с одноклассниками и девочками из соседней школы. У нас не было никаких секретов. В школьные годы у него было несколько тетрадок со стихами и рисунками. Одна, стилизованная под дантовский „Ад“, сохранилась у нас дома. Там витязь путешествует по реальному „аду“ — по школе № 554, где учился брат. Целую поэму сочинил. Очень весело. Алик и мои тетрадки по истории разрисовывал. Шаржи, карикатуры у него получались замечательно. Но главным увлечением Алика стало не рисование, а биология. Путешествуя с энтузиастами из Общества охраны природы, он делал зарисовки, писал пейзажи. В 11 лет написал маслом библейского пророка Иезекииля. Картина сохранилась у нас.

Однажды на Павелецком рынке брат увидел роскошно изданную Библию с рисунками Доре́. Покоя не находил, боялся, что кто-то купит ее раньше. Родители купили — и вот она дома, в красном кожаном переплете с тиснением!.. От такой книги не оторвешься.

Читать Алик начал рано. Он перегнал своих сверстников: в первом классе прочел „Фауста“, Данте. В 12 лет „проглотил“ „Братьев Карамазовых“ Достоевского. Видимо, книга потрясла его существо — он целую неделю болел, температура поднялась…

Помню, как классная руководительница Александра Фаина Израилевна Фурманова приходила к нам домой и при мне тараторила с папой на идиш. Я понимал только часто повторяющееся „гейн комсомол“, то есть она убеждала папу в том, как важно Алику быть комсомольцем. Папа прекрасно понимал ложь коммунистической идеологии в СССР. Его позиция была проста: „Хочешь в пионеры, комсомол — вступай, не хочешь — не вступай“. На уговоры Фаины

Израилевны он смотрел с юмором, повторяя ей и нам: „Пусть делают как хотят“. Но от мамы и тети мы знали, что „борьба с религиозными предрассудками“ — это формулировка атеизма, а мы каждое воскресенье ходили в храм и не хотели вступать в атеистическую организацию. Но нас не выгнали из школы, ведь директор тоже не хотел громкого скандала».

Картина Алика Меня, написанная в 1946 году масляными красками и упомянутая его братом, не оставляет зрителя равнодушным. Пророк Иезекииль стоит в поле среди разбросанных по нему мертвых человеческих костей, на фоне мрачных туч и парящих в них черных птиц. Весь его образ дышит силой и властностью, которыми он облечен по воле Божией. Еще немного — и встанет перед ним «велик собор» восставших из гробов, облекшихся живой плотью мертвых костей… Образ пророка Иезекииля, так выразительно данный одиннадцатилетним Аликом, впоследствии будет дополнен отцом Александром в книге «Вестники Царства Божия»: «Душа пророка жила в постоянном напряжении, рождаемом чувством близости иных миров. Благодаря своему дару тайновидения он смог стать восприемником новых глубин Откровения».

Продолжим рассказ Павла Меня воспоминаниями близких друзей его семьи.

Вот что рассказывает об этом периоде жизни Алика Мария Витальевна Тепнина:

«Я считаю, что то, что он впервые начертал („Не будь побежден злом, но побеждай зло добром“), было девизом всей его жизни. Это он и осуществлял — и в младенческом возрасте, и в школьном, несмотря на то, что о школе он вспоминает с омерзением, — такая советская школа у нас была, — тем более что у него было чутье духовное, и уже тогда он понимал, что с нами сделала бездуховность; он сам, наполненный этой духовностью, конечно, чувствовал, как вытравляется она из школьников и как вообще к ним относятся, обезличивая ребенка, отнимая у него то, что заложено в нем. Несмотря на это, в этой среде он мог быть всегда принятым. И преподаватели к нему относились очень хорошо несмотря на то, что чувствовали в нем протест, — и товарищи. У него не было никогда никаких конфликтов. В каждом он умел именно даже и зло победить добром. И его все любили, и он всех любил. Вот так проходило его отрочество.

Во время моего пребывания в лагере они со мной не переписывались. Это всё передавалось через мои письма моими родными. В то время Вера Яковлевна очень сблизилась с моими родителями, оставленными мною, постоянно к ним ездила, и ей подробнейшим образом прочитывались все мои письма моим родным. Но они непосредственно мне не писали. Почему? Потому что это было опасно. Тем более что, когда это так называемое дело мое разбиралось, Елену Семеновну вызывали. Как свидетельницу. В общем, ее вполне легко было причислить к этой самой группе, поэтому это требовало от нас осторожности. Антисоветская группа — то есть „контрреволюционная группа, занимающаяся антисоветской агитацией во время войны“. Вот как это формулировалось… Сначала мне готовилось место руководителя ленинградского филиала московской контрреволюционной организации. Ни больше ни меньше. Но они (Елена Семеновна и Вера Яковлевна) всегда умели дать знать о себе. Вот у меня до сих пор есть фотография иконы Божией Матери „Нечаянная Радость“, которую они прислали мне туда. И она прошла со мной весь лагерь. И до сих пор у меня находится».

Продолжает Анна Корнилова: «Вскоре Алик и Павлик начали прислуживать в церкви Иоанна Предтечи на Красной Пресне. Их детские фигурки в длинных стихарях, большие зажженные свечи в руках и торжественное шествие от Царских Врат на середину храма, куда выносили Евангелие, производили сильное впечатление. Духовная устремленность мальчиков, благоговейное отношение к церковному служению уже тогда позволяли заглядывать в их будущее.

Особенно памятны елки, которые устраивала тетя Леночка на Рождество. Тогда это было совсем непросто. Все вокруг ставили елки на Новый год, первого января, а у тети Леночки, у нас и в домах других верующих елки появлялись лишь неделю спустя, седьмого января. Это нельзя было скрыть, особенно в коммунальной квартире, где любопытство и подозрительность соседей на фоне всеобщего доносительства делали подобное мероприятие просто опасным. Тем не менее каждое Рождество мы с нетерпением ждали елку у тети Леночки.

Было радостное ощущение праздника. Елка, украшенная восьмиконечной звездой, игрушки, горящие свечи и пение

рождественских молитв. Дети пели хором вместе со взрослыми, и чувство единения и радости соединяло всех.

Тетя Леночка еще успевала приготовить всем подарки, а в военное и послевоенное время никто из нас не был ими избалован. Помню, как на одной из елок у тети Леночки мне подарили игру „Поймай рыбку“. Выбирая подарок, взрослые всё продумывали: христианский символ рыбы должен был в игре напоминать о главном.

Точно так же выбирались для нас и вещи или платья. Чаще всего они были голубого цвета — „с детства он мне означал синеву иных начал…“.

В нашем воспитании большая роль принадлежит Вере Яковлевне. Ее крохотная комнатка на Серпуховке в том же дворе, где жила тетя Леночка с детьми, была исполнена особого духовного аскетизма. Большой книжный шкаф с серьезной религиозно-философской литературой, иконы, письменный стол, на котором стояла открытка с картины художника Веле, изображающей Христа, идущего по полю в сопровождении учеников, — эту открытку в свое время освятил отец Серафим, — узкая, застеленная белым покрывалом кровать и маленький столик для еды, — составляли скромное убранство этой не столько комнаты, сколько кельи.

Особенностью комнаты был голубой абажур. Его тихий успокаивающий свет делал голубым и окно. Его было видно от тети Леночки, и свет был как бы сигналом, что всё в порядке, всё спокойно. Тетя Верочка специально обменяла свою лучшую и большую комнату на эту крохотную, чтобы быть рядом с детьми и тетей Леночкой.

Здесь прошли многие часы наших занятий, были прочитаны по-английски „Оливер Твист“ и по-французски — „Приключение Нильса с дикими гусями“, а позднее — Эдгар По и Оскар Уайльд. Однажды, уже в 1950-е годы, тетя Верочка привела с собой девочку моего возраста, смуглую, с черными живыми глазами и длинными волнистыми волосами. „Не знаю, как мне вас и познакомить“, — сказала она.

Мы сами познакомились. Девочку звали Варенька Фудель. Теперь книги ее отца С. И. Фуделя — о Павле Флоренском, о Достоевском и другие — издаются, а в то время Сергей Иосифович отбывал лагеря и ссылку, мать Вареньки, Вера Максимовна, также была в местах весьма

отдаленных. Девочка жила в семьях людей, близких „катакомбной“ церкви.

Во время наших занятий, а теперь мы стали заниматься вместе с Варенькой, в комнате тети Верочки часто появлялся Алик. Всегда стремительный, оживленный, вдохновенно серьезный, он охотно общался и с теми, кто был младше его, — а в том возрасте разница в шесть лет почти непреодолима. Стоило обратиться к нему, как лицо его озаряла приветливая улыбка; казалось, он рад видеть и слышать именно тебя и готов всё для тебя сделать. Его „налеты“ в комнату тети Верочки были всегда неожиданны и молниеносны. Тогда наши занятия прерывались, дверцы шкафа распахивались. Он брал оттуда нужные ему книги и удалялся так же стремительно, как приходил. „Вот видите, — говорила тетя Верочка, — Алик читает не одну книгу, как мы, а сразу пять“. Действительно, и на даче в „Отдыхе“ он раскладывал на садовом столике несколько книг и занимался так, как мы тогда еще не умели».

Монахине Досифее (Е. В. Вержбловской) запомнилось пребывание Алика в гостях на даче во второй половине 40-х: «Однажды — Алику было тогда 12 лет — матушка (схиигумения Мария) прислала его к нам на дачу пожить. Он прожил у нас недолго: недели две, может быть, три. Помню, что это был мальчик, который всё время сидел с книжкой, хорошо рисовал, был очень покладистым и тихим. Сначала, когда он приехал, я приняла его с внутренним неудовольствием — у меня была масса обязанностей, и я подумала: „Ну вот, еще и с мальчишкой возиться…“ Но он был очень тактичен и даже незаметен, и если я его иногда спрашивала: „Алик, ты хочешь то-то или то-то?“, он быстро скороговоркой отвечал: „Как хотите, я молчу“. Как будто уже тогда он сознательно вводил в свою жизнь слова Христа „откажись от себя“. Он очень много писал, и это было уже началом его работы над книгой „Сын Человеческий“.

Мы жили тогда на „Правде“, и я повезла Алика на „43-й км“, куда мы впоследствии переселились, знакомить его с детьми наших друзей. Они приняли его, но не совсем — считали его немного „воображалой“. А он был просто другим: он был, с одной стороны, совсем ребенком, а с другой — совсем взрослым, глубоким, наблюдающим и все понимающим человеком.

В моей памяти остался один эпизод, который я не могу забыть до сих пор. Неожиданно для всех нас приехала наша „казначея“ Лида, человек очень быстрый и несколько резковатый. Она вошла в калитку и крикнула: „Алька, собирайся домой“. Я не помню, чем он в это время занимался. Я была в саду и перебирала овощи. И вдруг он бросился ко мне, уткнулся головой в колени, совсем как маленький ребенок, и — зарыдал. Я положила руку ему на голову и почувствовала странную тревогу. Во мне возникла молитва, которая была направлена прямо к Богу: „Господи! Что за душа у этого ребенка? Господи, сохрани ее… что за душа у этого ребенка?..“ Его рыдания продолжались, может быть, несколько секунд. Потом он поднял голову, сразу овладел собой, спокойно попрощался с нами и — уехал. Заплакал как маленький ребенок, а ушел как взрослый и всё понимающий человек.

Моя молитва — она унеслась с быстротой птицы, я это чувствовала, потом вернулась через много лет подобно бумерангу. Я часто вспоминала этот эпизод, когда Алик, уже отец Александр, клал руку мне на голову и этим жестом успокаивал и снимал с меня все мои болезни, и физические, и душевные. И я думала, что вот та молитва, с которой я от всего сердца обратилась к Богу, она вернулась ко мне через его руки. Когда-то я гладила его голову, и вот сейчас он кладет свою руку как священник мне на голову, отпускает мои грехи и помогает мне в моих немощах».

Открытость и общительность Алика касались всех окружающих — все в какой-то степени получали частичку его позитивного внутреннего заряда. Так, в одну из смен, проводимых Аликом в пионерском лагере, он познакомился с группой глухонемых детей. Алик легко выучился азбуке глухонемых и с удовольствием разговаривал с ними языком мимики и жеста.

Увлеченность Алика биологией, отмеченная его младшим братом, находила выход и в написании им очень неординарных научно-популярных очерков. Сохранилась его тетрадка с названием «Из жизни природы (очерки). 1947 г. Москва» и следующим содержанием: «Вступление. 1. Самозащита и окраска. 2. Колонии и общества животных. 3. Переселение. 4. Взаимопомощь. 5. Великая любовь. 6. Превращение. 7. Ночная жизнь природы. 8. Четвероногие летуны. 9. Птица в воде и рыба на суше. 10. Отважные путешественники. 11.

Гнезда и логовища. 12. Птицы-мухи. 13. Как растения сеют. 14. Как растения поедают насекомых. 15. Заключение». И хотя последний раздел и заключение этого очерка остались незавершенными, уровень повествования и эрудиции двенадцатилетнего автора, его живая любовь к природе и философский подход к ее явлениям дают представление о растущей зрелости Алика как писателя и исследователя. Очерк этот вполне заслуживает того, чтобы читать его младшим школьникам как захватывающую и гармоничную книгу о природе. Вот его начало:

«Нас окружает прекрасный и интересный мир. Он незаметен для глаза городского жителя, привыкшего видеть всё в ярком и крупном виде. Многое остается скрытым от внимания человека. Но стоит пристальней присмотреться и глубже вникнуть в жизнь природы, как перед нами откроется таинственный мир во всей его красоте. Вы увидите маленьких паучков, которые неподвижно висят целыми гроздьями, крепко сцепившись друг с другом. Мельчайших микробов в капле росы, дрожащей на зеленом листе. Майских жуков, которые с тихим жужжанием проносятся темным вечером над полями и рощами, потонувшими в серо-фиолетовой мгле… Много животных представляют для нас загадку. Но вдумайся хорошенько, и ты начнешь постепенно понимать тайну этих загадочных существ». Так Алик Мень приглашает нас в увлекательное путешествие в мир живой природы, который он видит цельно и глубоко.

«Бог дал нам две книги, — писал он впоследствии, — Библию и природу. С детских лет созерцание природы стало моей „теология прима“[41]. В лес или в палеонтологический музей я ходил, словно в храм. И до сих пор ветка с листьями или летящая птица значат для меня больше сотни икон. Тем не менее мне никогда не был свойствен пантеизм[42] как тип религиозной психологии. Бог явственно воспринимался личностью как Тот, Кто обращен ко мне».

В то же время чтение Библии пробудило в Алике любовь и жгучий интерес к истории. Читая Священное Писание, Александр старался досконально изучить те исторические сведения и детали, которые позволяли ему прояснить библейские события. Чтобы лучше понять Библию, он изучал римскую античность и Древний Восток.

Из письма отца Александра Меня Зое Масленниковой: «Занятия естествознанием (начавшиеся очень рано) воспринимались мной как

приобщение к тайнам Божиим, к реальности Его замыслов. Изучая препараты или наблюдая в микроскоп жизнь инфузорий, я как бы присутствовал при некой мистерии. Это осталось навсегда. То же было и с историей, интерес к которой пробудило чтение Священного Писания. Мне была дорога каждая черта, которая могла пролить свет на библейские события. Отсюда любовь к древнему Востоку и Риму, служившим фоном священной истории.

Не меньше волновала меня и история Церкви, в которой я искал реальных путей и способов осуществления евангельского идеала. Прочтя в детстве Жития, я понял, что в них много декоративного, легендарного, не связанного с действительностью. Это привело к поиску подлинных источников, который стимулировался чтением неоконченной рукописи о. С. Мансурова[43] (я познакомился с ней году в 50-м, теперь она опубликована в „Богословских трудах“)».

«Я получил христианское воспитание в семье. Но если бы всё этим ограничилось, вера была бы для меня лишь дорогой сердцу традицией, вроде воспоминаний о детстве. Каждый воспитанный в религии человек в какой-то момент жизни сам встречает Бога на своем пути и делает выбор. Со мной это произошло в ранние школьные годы», — писал Александр Мень. В возрасте двенадцати лет Алик услышал личный призыв ко Христу и принял решение служить Богу как священник. Схиигумения Мария благословила его на этот путь. «Ты знаешь, все-таки христианство и все, что связано с ним, — это не наше», — сказал ему отец. — «А я докажу, что наше», — мягко ответил Алик.

В 1947 году, когда отмечалось 800-летие Москвы, он вместе с мамой впервые пришел в только что организованную Московскую духовную семинарию, чтобы узнать, по какой программе будут заниматься семинаристы и что требуется для зачисления. Его принял Анатолий Ведерников[44], бывший в тот момент инспектором семинарии, то есть, по сути, заведующим учебной частью. Ведерников, человек незаурядный и открытый, принимавший самое активное участие в возрождении московских духовных школ, пообещал Александру внести его в списки семинаристов по достижении им совершеннолетия. Вектор развития на ближайшие годы был определен.

Алик до предела уплотнил свое время, исключив любые отвлечения от намеченного им курса. Он продолжил активно читать и развиваться по плану, который с тех пор наметил для себя как основу основ. Читал философско-религиозные книги, изучал научно-популярную литературу. Выяснив программу духовной семинарии, он начал самостоятельно систематически заниматься предметами, входящими в эту программу.

Помимо изучения природы и биологии Алик был крайне увлечен астрономией. В возрасте тринадцати лет он исследовал взаимосвязь между библейским текстом о Сотворении мира и теорией эволюции. В его тетради, датированной 1948 годом и озаглавленной «Дни творения», читаем следующие заключения:

«Какой же мы можем сделать вывод из Библии и научных исследований?

1) Первоисточником миробытия является высшая разумная Сила, то есть Бог.

2) Мир возник не сразу, а в течение определенного времени.

О втором свидетельствует как сама Библия, так и исследования геологических пластов, которые даже дают приблизительное представление о тех промежутках времени, которые составили дни творения».

Далее юный автор рассматривает библейские дни от момента Сотворения мира. Со ссылкой на богословские тексты он поясняет, что «небо и земля», сотворенные Богом в День Первый — это «неведомый духовный мир» и «первобытная материя». Алик ссылается на теорию Канта — Лапласа и гипотезу Джинса о возникновении и развитии Солнечной системы, на идеи Энгельса, выраженные им в этой связи в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы», и кончает эту главу восторженной хвалой Творцу.

В описании Второго и Третьего Дня (азойская эра) Алик красочно рассказывает о формировании земли из массы расплавленного и газообразного вещества, проводя параллель между теорией эволюции в этой связи и Священным Писанием. В рассказе о Дне Четвертом (протерозойская эра) он говорит о том, как «в первых океанах, освещенных лучами солнца, образовались сложные вещества, близкие к белкам. И прошло очень много времени, пока из них — сложных органических веществ — не возникли простейшие организмы». По его

убеждению, «сложный процесс перехода от минеральных веществ к органическим и переход от органических веществ к организмам не мог произойти без участия Мирового Духа, держащего в Своих руках все законы природы». Таков окончательный вердикт автора исследования, в котором тщательно разбирается история теории самозарождения жизни, начиная с трудов Аристотеля.

К четырнадцатилетнему возрасту Алик создал многие замечательные рисунки и ряд икон, был автором стихов, поэмы об апостоле Павле, фантастического романа, пьес о святом Франциске Ассизском и о жизни ранних христиан, очерков по истории Церкви и Древнего Востока, рассказов из жизни природы. Примерно в этом же возрасте он прошел через период увлечения творчеством философа XIX века и вдохновителя движения славянофилов А. С. Хомякова[45]. Однако постепенно Александр пришел к выводу о необъективности взглядов Хомякова на католицизм и Западную Церковь в целом.

При своих разнообразных увлечениях Алик не оставался в стороне от жизни. «Однажды батюшка рассказал историю о том, — вспоминает Олег Степурко, — как после войны в Загорске хулиганы забавлялись тем, что раскачивали толпу в Успенском соборе, и старушки, зажатые, как сельди в бочке, всю службу раскачивались взад-вперед. „И вот я, — говорил отец Александр, — четырнадцатилетний подросток, останавливал эти волны. Я изо всех сил упирался и нажимал в противоположную сторону“».

Своей духовной дочери Зое Масленниковой отец Александр рассказывал, что в 1950 году часто ходил слушать музыку в консерваторию по абонементу. «Однажды он пришел с только что купленной книгой о Гегеле, — пишет она. — Он не утерпел и весь антракт читал ее в фойе. Когда началось второе отделение, он сел на свое место в зале, но продолжал читать книгу, не в силах от нее оторваться. Соседи с недоумением смотрели на него: как можно читать на концерте! А он читал запоем и одновременно с полным вниманием слушал музыку. У него вообще стала развиваться способность заниматься несколькими видами деятельности одновременно. В дальнейшем, в частности, он будет слушать пластинки, работая над своими книгами».

«Для многих людей этот возраст (15 лет), — писал впоследствии о. Александр, — оказывается моментом, когда они заново открывают

то, о чем узнали от родных и учителей. Вещи, которые раньше принимались на веру как отвлеченная теория, через живой личный опыт становятся реальностью. Этот перелом охватывает огромный круг вопросов, и особенно важен он для веры. Станет ли она личным опытом, откроет ли человек ее заново для себя, — вот что является главным. До тех пор, пока это не произойдет, пока душа не встретит Бога на своем пути и не потянется к Нему, религия остается для нее системой взглядов, принимаемой в силу безотчетного доверия к авторитетам».

В возрасте пятнадцати лет Алик начал глубокое и последовательное изучение религиозной философии. Тогда же он написал свое первое богословское эссе.

В мировоззрении Владимира Соловьева близкой Александру оказалась мысль о том, что в центре реальности действует динамизм, соединяющий в единый процесс природу, человека и Бога. Стремление Соловьева к целостному христианскому видению мира, охватывающему все стороны жизни, его отказ от идеализации церковного прошлого нашли горячий отклик у Александра. В то же время учение Соловьева о софиологии и теократии, в котором София является Душой Мира, понимаемой как мистическое космическое существо, Александр не разделял. Ему также не был близок пессимизм последних работ философа, в которых Соловьев рассматривает всю историю человечества как поражение.

Вот как Александр Мень вспоминал о своем открытии мира философско-религиозной литературы и о волнующих его вопросах евангельской истории: «Именно в сталинское время на рынке, среди гвоздей и морских свинок, я нашел старые книги Владимира Соловьева, Сергия Булгакова и читал… с дрожью. В то время, когда не было ни самиздата, ни „тамиздата“, когда в сфере философии печаталась только ахинея, которую нельзя было брать в руки, я открыл мир великих мыслителей…

В юности мы гонялись за книгами. Я школьником работал, ездил в Крымский заповедник, чтобы заработать на книги и приобрести их. Я начал собирать библиотеку, когда был еще в пятом классе.

В то время почти все храмы были закрыты, Лавра была почти закрыта (кроме двух церквей), я черпал свое видение внутрицерковной картины из литературы, из поэзии, из того, что создавал Нестеров, из

всего, что вокруг этого… Это видение не было основано на реальности. Представляете, Нестеров, Флоренский, Булгаков, Загорск… — создавалась легендарная картина, такой град Китеж, некое идеальное царство. Картина прекрасная, и она, конечно, отражала что-то идеальное в жизни Церкви. Но она не соответствовала реальности. Когда я увидел действительность ближе, я понял, что это всё где-то в сердцах людей, и не надо искать этого на земле…

Еще лет в двенадцать прочел полные „Жития“ и тогда же понял, что сейчас нужно иное изложение. Особенно волновали меня проблемы евангельской истории…

Однажды в юности я пошел в Третьяковку, и мне попалось несколько картин Поленова — художника, который написал серию эскизных картин из жизни Христа. Среди них была одна: „Благословение детей“. Я вспомнил виденную мною в Николо-Кузнецкой церкви на стене живопись „Благословение детей“, где были изображены Христос в такой хламиде и дети — сияющие херувимчики, — ну, что-то такое сказочное, необычайно фантастичное, украшенное. А на картине Поленова — хижина с плоской крышей, белье висит, Христос, усталый, согнувшись, сидит на завалинке, и женщины робкие жмутся, ведут Ему за ручки детей. Я вдруг подумал, что так это происходило, именно так, без зримой помпы, без величия. Православные богословы для характеристики явления Христа употребляют даже специальный термин — они называют это „кенозис“ (по-русски это слово можно перевести как „умаление“, „уничижение“). Кенозис — это закопченное стекло, которое стоит между нашим глазом и солнцем: чтобы видеть солнце, надо смотреть в закопченное стекло. То же самое — когда Тайна Божия является нам: она должна настолько погасить, правильнее, „пригасить“ свой свет, чтобы мы могли ее увидеть».

«В 15 лет я уже осмысленно видел перед собой цель, которую атеисты могли бы назвать „религиозной пропагандой“, — рассказывал Александр Мень. — Знал весь курс духовной семинарии и академии. Но хотел получить настоящее образование. К тому же понимал, что семинария в то время была рассадником невежества».

Тогда же, в возрасте пятнадцати лет, по благословению матушки Марии Алик Мень начал прислуживать в алтаре церкви Рождества Иоанна Предтечи на Пресне, священником которой был отец

Димитрий Делекторский, сохранивший добрую память об отце Серафиме (Битюкове). В те годы увидеть подростка прислуживающим в московском храме было событием исключительным… Впоследствии в этом храме Алик подружился со своим ровесником Кириллом Вахромеевым, семинаристом из Загорска, пришедшим в этот храм тоже в качестве алтарника. Этот семинарист станет впоследствии епископом Филаретом[46] — предстоятелем Белорусской Православной церкви. Теплые отношения сохранятся у них на долгие годы.

Библиотека, которую собирал Алик, включала множество редких книг, найденных им на рынках, в букинистических магазинах и раздобытых через ближний и дальний круг знакомых. В эти годы, помимо религиозно-философской литературы, Алик увлекался биографиями великих людей, особенно ученых. Постепенно ему удалось собрать бóльшую часть из вышедших двухсот выпусков дореволюционной «павленковской» серии «Жизнь замечательных людей», которой он неизменно восхищался. На книжных полках в семье Меней эта серия соседствовала с купленными Аликом собраниями сочинений философов и мыслителей — например, с полным собранием сочинений Владимира Соловьева, портрет которого впоследствии всегда висел у него в кабинете.

София Рукова, бывшая регентом храма Сретения в Новой Деревне, рассказывает такой эпизод со слов отца Александра: «Школьником он очень любил службы в храме. Однажды, будучи учеником уже 9-го или 10-го класса, он один стоял на всенощной в любимом им храме Иоанна Воина, что на Большой Якиманке. Был поздний час 31 декабря, когда все люди заняты приготовлениями к встрече Нового года. А он просто забыл об этом!

Неожиданно он почувствовал на себе руку служившего священника и услышал его тихий голос: „Это хорошо, что ты любишь Бога, храм и богослужение. Но никогда ты не станешь настоящим пастырем, если радости и скорби тех, кто живет в миру, будут тебе чужды…“ Внезапно мир словно заново раскрылся перед ним. Он еще постоял немного, а затем вышел, полный невыразимой радости, словно Кто-то позвал его… С того дня он как бы заново родился: для людей страдающих, озабоченных, умирающих, лишенных веры, надежды и любви, и — для радующихся».

Основной круг общения пятнадцати-шестнадцатилетнего Алика Меня, помимо семьи, церковного круга и схиигумении Марии, составляли замечательные люди, его воспоминания о которых мы приводим ниже. Так, старинным другом семьи Меней, оказавшим большое влияние на Алика, был Борис Александрович Васильев. «Его приход был всегда своего рода праздником, — продолжает Александр Мень. — Хорошо помню его высокую фигуру, внушительные интонации, спокойную логику его рассуждений. Трудно было поверить, что над ним постоянно висит дамоклов меч. Это был не только человек глубокой веры, но и подлинный ученый. Все интересующие его проблемы он исследовал обстоятельно, неторопливо, придерживаясь строго выверенных методов и фактов. Он не изменял своим установкам, о чем бы ни шла речь: о Древнем Востоке, этнографии или литературоведении. Великолепно знал культуру Египта и Вавилона и часто рассказывал мне, тогда еще школьнику, о связи между Востоком и Библией. Помню, как однажды он читал мне древнеегипетский текст и объяснял, чем он отличается от Священного Писания и что у них общего. На суд Борису Александровичу я приносил и свои первые юношеские „опусы“.

Он работал в университете, на кафедре этнографии; преподавал историю Древнего мира, читал лекции по Древнему Египту и Вавилону. Именно он поддержал мой интерес к Древнему Востоку, у него я брал книги. Борис Александрович был из прихода Мечевых. У него были периоды и ссылки, и тюрьмы. Потом был реабилитирован, принял сан, но служить не мог: были разные внешние препятствия, и так до конца, до пенсии… Никто в университете не знал, что Борис Александрович — священник.

Будучи антропологом, Васильев признавал обоснованность эволюционной теории происхождения человеческого тела и психики; но как богослов он был убежден в особом высшем происхождении духа в человеке. Для него не существовало противоречия между наукой и религией, которые, с его точки зрения, лишь дополняют друг друга. Духовную жизнь, которую Васильев обрел в маросейской общине, он считал важнейшей школой, которую не могут заменить никакие знания.

Он опубликовал только одну работу: о культе медведя на Дальнем Востоке, у орочей. Работа касалась дальневосточных народов и

тотемизма. Когда Борис Александрович был в ссылке, он собрал там материал, довольно неплохой. Это было где-то на Востоке. Потом он туда ездил, принимал участие в экспедициях. Больше он почти ничего не писал. Любовью его жизни был Пушкин. Он всю жизнь изучал Пушкина и в конце своих дней начал писать книгу о Пушкине <…>

Борис Александрович высоко ценил наследие русских религиозных мыслителей. Именно он привил мне любовь к Вл. Соловьеву, С. Булгакову и Н. Бердяеву в те далекие годы, когда о них у нас почти никто не знал.

Б. А. Васильева и его жену, Татьяну Ивановну, тонкую одухотворенную женщину (она была логопедом, лечила детские дефекты речи), всегда окружали друзья из маросейской общины. Эта община не распалась даже десятилетия спустя после смерти отца и сына Мечевых. В конце 40-х и начале 50-х годов у Бориса Александровича в старинном доме на Молчановке, близ Арбата, систематически устраивались чтения и семинары по вопросам духовной культуры, занятия для детей. Вспоминаются вечера, посвященные Пушкину, Чехову, раннему христианству, уроки Закона Божия, которые вела Татьяна Ивановна. С ней мне приходилось много общаться, и она тоже очень много мне дала…

А ведь все это происходило в зловещие сталинские годы! Однако Васильев и его близкие слишком ясно сознавали свой долг — донести эстафету до новых поколений, не отступить под давлением страха. Пережив многие невзгоды, всегда ожидая новых репрессий, они, не колеблясь, шли по выбранному пути. И мы — младшие — обязаны им больше, чем это можно выразить…

Работы Василия Алексеевича Ватагина, скульптора-анималиста, были мне дороги с раннего детства (иллюстрации к „Маугли“ и др.). Я видел, что он понимает саму душу животного. В его скульптурах и рисунках была та зоологическая мистика, которая была мне родственна всегда. И еще я чувствовал (как потом и подтвердилось), что он раскрывал образ животного „изнутри“ с помощью средств древневосточного искусства, которым я увлекался.

Впервые мы с ним встретились в 1950 году (привела меня к нему впервые сестра академика Баландина). Меня поразила сначала его скромная внешность: сухонький старичок с редкой бородкой, с дребезжащим голоском, в тюбетейке (было в нем что-то от Рериха).

Это казалось контрастом с той первобытной мощью, которая жила в его творениях. Я стал еженедельно ходить к нему на уроки. Он писал картины в Зоологическом музее на Герцена. С жадностью следил я за самим процессом его работы. Это дало мне больше, чем любые слова и книги.

Он был простой, добрый, задушевный, какой-то детский. Было сталинское время. Все друг друга боялись. Но он был со мной, пятнадцатилетним мальчишкой, откровенен. Помню, с какой иронией он отзывался о заказе написать орла в подарок Сталину от музея (помню и орла этого). Рассказывал он много о своей жизни и понимании зверей. Они его любили. Один раз даже на улице воробей сел к нему на руку. Помню, он говорил, как похожи оказались новооткрытые мозаики Софии на Врубелевские картины.

Его мастерская была чудом. Все эти животные были не только живы, но и казались одухотворенными. Он учил меня видеть в фигуре животного основную конструкцию, скелет, лепку мускулатуры. Я по четвергам рисовал скелеты вымерших тварей в Палеонтологическом музее, а в пятницу шел к нему. Он сам показывал мне, как делается реконструкция.

Во всем, что он делал и говорил, меня удивляла простота. Позднее я узнал, что он увлекается теософией, и уже будучи священником, я с ним говорил о вере. Он не был фанатиком, просто очень любил Индию и охотно принимал все, что от нее исходит. Как-то он в недоумении спросил меня: а что с этим будет в Царстве Божием? Он имел в виду свои произведения. Я высказал мнение, что всё прекрасное, созданное человеком, причастно духу и в каком-то смысле приобщено бессмертию (эту мысль я нашел и у Д. Андреева). О Царстве Божием мы говорили в связи с различием взгляда на мир и его динамику в Индии и в Библии. Он слушал внимательно и не возражал. Догматиком в теософии он не был. И не создавал своих концепций, как Рерих.

Была еще одна замечательная женщина — Валентина Сергеевна Ежова, которую я считаю для себя очень дорогим человеком, оказавшим на меня влияние в детстве. Это была пожилая дама, детский психиатр и педагог; она никогда не работала, поскольку в юности, после университета, перенесла туберкулез костей. Она очень долго лежала. Потом, когда встала, частным образом воспитывала трудных детей. Валентина Сергеевна рассказывала, что подняла и

подготовила в институт девочку, которая имела болезнь Дауна, что, конечно, является чудом. К Валентине Сергеевне приходили разные „идиотики“, не говорящие, не умеющие даже одеваться… Она их „вытягивала“.

Конечно, талантище был огромный. Но мировоззрение у нее было крайне спутанное. В юности Валентина Сергеевна училась вместе с моей теткой в университете. Была ученицей Челпанова и других видных психологов того времени. Она очень увлекалась литературой йоги, преимущественно по книгам Рамачарака и других авторов, которые тогда выходили. Она создала собственное мировоззрение, такое самодельное, оно было слеплено из кусков йоги и чего-то еще. Но в чем-то она мне помогла — мы с ней без конца диспуты вели. Мои родители были в ужасе от этого, потому что она совершенно забывала, что мне двенадцать лет, и начинала на меня давить (представьте себе: такая мощная женщина с лицом Эммануила Канта — белые волосы, огромного роста, очень резкая). Я помню, как я с ней спорил — прямо на равных! И это давало мне возможность выяснить некоторые проблемы. Она говорила о перевоплощении, о сатане, о тайне дьявола, но я уже сам начинал разбираться, быстрее соображать.

В ее мировоззрение входил психоанализ, Фрейд. Тогда никто слыхом про это не слыхал, а она читала Фрейда в годы своей молодости. (Как раз в двадцатые годы, когда она училась, выходил Фрейд в переводах Ермакова. Конечно, она это всё читала и изучала.) И она меня во всё это толкала.

Так вот, эта Валентина Сергеевна Ежова подарила мне первую книжку по библейской критике. Какой это был год? Я думаю, год сорок восьмой или сорок девятый, а может быть и раньше. Это была книга о Ренане: „Ренан и его ‘Жизнь Иисуса’“ Ряшенцева[47]. Мои родители очень возмущались: „Что же это Вы такую гадость ему даете?“ Но не давили — возмущались, но всё это разрешали мне читать. Я радостно вцепился: оказалось — вовсе не гадость, а хорошая книга.

Валентина Сергеевна жила с племянницей. Детей у нее не было, замуж не выходила. Была интересной художницей — рисовала такие стилизованные картинки. У меня одна висит дома, „Созерцание деятельности“ называется. Звучит мрачно, но у нее всегда так.

Потом я к ней приезжал, ее причащал. Внешне она уже была внутри Церкви, хотя с перевоплощением никак не могла расстаться.

Всегда мне говорила: „Куда же деть все души?“ Я ей отвечал: „Что же, у Бога мало места, что ли? Если души раскидать по Млечному пути — если даже они вещественны, эти души, — то всё равно он пустым останется. Пусть, допустим, каждая душа в пространстве величиной с футбольный мяч. Сколько миллиардов душ?! Да одной галактики не займут!“

Когда мне было лет 15, произошло короткое знакомство с отцом Андреем Расторгуевым[48], который служил в храме в Сокольниках; оно очень много мне дало. Это был человек искренней веры, ума, добротных знаний и без ханжества (увы, Левитин[49] пишет о нем иное, но я тогда этого не чувствовал).

…К Николаю Евграфовичу Пестову[50] я пришел уже с какими-то определенными взглядами. Он был профессором Менделеевского института, химиком, доктором наук. Тоже духовный сын отца Алексея Мечева. Тип богоискателя. Обратили его, кажется, баптисты. У него бывало много людей, с которыми он общался. Вообще у него было призвание к священству, но поскольку он имел какие-то канонические препятствия (второй брак, кажется), он не стал священником. Когда я к нему пришел впервые, вошел в кабинет, где была масса икон, и вдруг увидел на столе Терезу, Маленькую Терезу[51]. Это было как бомба! Тогда (это был, может быть, пятьдесят второй или пятьдесят первый год) никто о ней слыхом не слыхал. На стене — иконы католических святых. Сам он, когда писал книгу об Апокалипсисе, в основном питался антирелигиозной литературой о Ватикане. То есть у него было некое экуменическое настроение, когда и слова „экуменизм“ у нас никто не знал. И на этом мы с ним как-то сблизились и сошлись. Правда в последние годы он, кажется, от этого отошел (и Терезу убрал, как мне говорили). Уже тогда это был пожилой человек — он умер сильно за восемьдесят.

Николай Евграфович написал многотомную книгу о христианской нравственности, которая называлась „Путь к совершенной радости“; она ходила по рукам. Книга эта как раз мне не очень понравилась, хотя там было много материала; она в основном состояла из цитат, взятых у различных писателей. Есть там разные аспекты — например, христианский брак, много хороших цитат, но просто, как всякое нравственное богословие, оно всегда немножко более скучное, чем нравственность сама.

Но все-таки он в чем-то укрепил мое экуменическое настроение, потому что до этого я не встречался ни с одним человеком, который бы эти вещи как-то понимал. И, кроме того, в области истории Церкви он первый четко заговорил о том, что надо отличать существующую церковь внешнюю от той тайны, которая в ней живет. И я это чувствовал, но для меня это было проблемой в те годы.

Я приходил к нему за книгами раз в неделю. Конспирации ради он не знакомил своих гостей друг с другом. Случалось, приходил кто-нибудь неожиданно. Тогда он оставлял прежнего гостя в одной комнате, а новопришедшего вводил в другую, чтобы они разминулись. Так он сохранил и своих многих друзей, и себя. От него я многое узнал по историографии Церкви. Он был, пожалуй, самый открытый и самый свободный из мечевцев, мне тогда известных.

…Вся окружающая меня церковная среда резко осуждала мои экуменические настроения. И тем не менее этот круг был моим духовным Отечеством, противостоящим официальной церковности. У баптистов, между прочим, этого нет. Они блестяще знают Писание. А там все сказано, кого любить, а кого изгонять. У баптистов религия зиждется на Писании, здесь — на иконе. Это архетип культурного порядка.

В общем, у меня, на самом деле, было много учителей. Но в школе учителей таких не было».

К этому перечню необходимо добавить Петра Петровича Смолина[52], человека энциклопедических знаний, универсального зоолога и неутомимого исследователя, который в 1950 году в Дарвиновском музее создал новый кружок — «Клуб юных биологов» юношеской секции Всероссийского общества охраны природы (ВООП), активным членом которого немедленно стал Алик Мень. Ученики и коллеги звали Смолина «ППС». Его любимый девиз «Ближе к природе и жизни» был очень созвучен мировоззрению Алика. Впоследствии в одном из своих писем П. П. Смолин отмечал: «Самым большим делом своей жизни… я считаю именно эту работу. За КЮНовский[53] период жизни и за период последних (ВООПовских) лет мне удалось вырастить более сотни биологов — от докторов наук до начинающих ученых. Это больше, чем что-либо другое, дает мне удовлетворение».

При этом способность Алика обзаводиться новыми друзьями с возрастом никуда не пропала. Его неизменная доброжелательность, исключительное чувство юмора и восхищающие окружающих способности рассказчика делали его душой любой компании. В подростковом возрасте он также стал обладателем приятного баритона, а однажды брат Елены Семеновны, ненадолго приехавший в Москву из Новосибирска, за несколько уроков показал Алику основные гитарные аккорды и научил его аккомпанировать себе на гитаре. С тех пор ко всем компанейским качествам Алика добавилось еще и умение играть на гитаре, которая неизменно сопровождала его в походах.

Каждый день недели у Алика Меня был расписан по минутам. По вторникам он занимался в биологическом кружке П. П. Смолина, по пятницам рисовал с В. А. Ватагиным в Зоологическом музее (где Алик был допущен в специальную комнату, отведенную скульптору для рисования и лепки), по воскресеньям прислуживал в алтаре церкви Иоанна Предтечи во время литургии, пел на клиросе, читал. Иногда в выходные дни он ходил в увлекательные загородные походы с Петром Петровичем.

Полтора года занятий с Ватагиным дали ему почти профессиональные навыки анималистического рисунка. Эскизы животных он делал в зоопарке, а потом оттачивал детали в Зоологическом музее под руководством Ватагина. «Любимые техники мои были акварель и темпера, — рассказывал он позднее своему прихожанину Александру Зорину. — Я и сейчас в массе рисунков отличу ватагинских зверей. В его работах явлен не просто стиль, хотя и это есть, но — ориентация на душевную ипостась. Он видел в животных перевоплощенных людей. Это, конечно, чисто индуистские представления. Так или иначе, а душа в ватагинском животном чувствовалась. Впрочем, многие зоологи признают, что у зверей есть душа. Сам старик Дуров гипнотизировал животных. И таким способом добивался дрессировочного эффекта.

Очень меня занимали обезьяны. Больше половины наших проблем — обезьяньего происхождения. Известен случай с канистрами, создавший в обезьяньем стаде „революционную ситуацию“. Маленький обезьяний заморыш вдруг наткнулся на две пустые канистры. Поднял их и ударил друг о дружку. Раздался шум. Ударил еще раз — понравилось. Ударил со всей силой, стадо

притихло, замерло. Потом он угрожающе стучал этими железяками всякий раз, когда хотел заявить о своей воле и величии. Стадо признало его вождем, и он оставался им до тех пор, пока кому-то из администрации не наскучил шум и злосчастные пустые канистры не были выброшены. После этого никто не стал пугаться бывшего вождя, и он опять превратился в заморыша»[54].

В Музее палеонтологии Алик рисовал скелеты ископаемых чудовищ и учился методам реконструкции. Впоследствии еще один год он занимался рисунком у известного анималиста Трофимова[55].

В летние каникулы Алик любил проводить время на даче на станции Отдых по Казанской железной дороге, где Владимиру Григорьевичу Меню как главному инженеру предприятия еще до войны отвели участок земли и помогли построить дом.

«Папа получил участок в 1938 году, — рассказывает Павел Мень. — Купили сруб, и начался долгострой с перерывом на войну. В войну его оккупировали наши военные. Что-то подремонтировали, что-то порушили. Слава Богу, не сожгли. На террасе у них была вешалка, помню, под каждым гвоздиком — фамилия. Дисциплина.

Словом, дом и большой участок (до войны давали большие участки) в соснах — это было летнее отдохновение. Переезд на дачу — целая эпопея. Участвовали друзья, родственники, многие из которых потом гостили. На зиму дом оставался абсолютно пустым. Вывинчивали даже электрические лампочки. Непрошеные гости (а таковые наведывались каждую зиму) подметали всё до иголки. Так что в мае грузовая машина, с верхом наполненная всяким скарбом — чемоданы, стулья, одеяла, коробки, посуда, книги, — отчаливала от дома № 38 по Серпуховской улице в направлении станции „Отдых“ на улицу Горького № 3, угол Жуковского.

По воскресеньям и праздникам мы ездили в Удельную, в деревянную Троицкую церковь. (Церковь была построена в 1897 году без Никольского и Серафимовского приделов и колокольни, а приделы были достроены позже — в 1903 году.) До Удельной было две остановки. И мне запомнилось: мы бежим на электричку, не успеваем взять билеты, едем „зайцами“. Мама отсчитывает деньги, которые должны были заплатить за билеты, и дает нам со словами: „Раздайте нищим, это не наши деньги“. И так всегда, когда мы не успевали взять билеты.

На даче у нас с братом была отдельная комната. Он, конечно, много читал, а я играл в крокет, купался, гонял на велосипеде, несказанное удовольствие. Очень хотел научить брата кататься на велосипеде, но он был погружен в другие заботы. Плавать я научился сам, а Александр научился только на море.

Без гостей не жили. Иногда наезжало до 20 человек: школьные товарищи, дяди и тети с детьми из Харькова, Свердловска, Караганды и Новосибирска.

Мама самоотверженно трудилась, радостно принимая гостей. Ее подручные средства — керосинка, примус, погреб.

Участок затененный, сосновый лес, поэтому сажали не много: грядки клубники, кусты крыжовника. После войны достроили второй этаж, сдавали друзьям и знакомым, но дом требовал постоянного ремонта. То лестница прогнила, то крыша потекла. Мы с папой ездили за материалами. Всегда приходилось что-нибудь латать. Папа умел найти и пригласить нужных рабочих… Ни я, ни брат этому ремеслу так и не выучились».

Алик очень любил этот просторный деревянный дом и большой заросший сад. Жили там весело и, как всегда, очень гостеприимно. Сохранились фотографии дачных праздников и спортивных занятий тех лет, в которых Алик принимал самое непосредственное участие. Елена Семеновна и на даче была чудесным организатором застолий и создателем одухотворенной и праздничной атмосферы.

Впрочем, в школьные годы Алику мало пришлось жить на даче. Книги, которые он поставил себе целью прочитать, необходимо было раздобыть и купить, а на это требовались деньги. После восьмого класса летом 1951 года Алик уехал на заработки в Воронежский заповедник, где по заданию руководства вел учет бобров и летучих мышей. «Общество охраны природы оформило нам документы, а по прибытии туда нам поручили учет количества бобров на дальних лесных кордонах в заводях реки Усманки, — рассказывает друг Алика по ВООПу Виктор Андреев[56]. — Это была наша первая самостоятельная экспедиция. С собой Алик вез тяжелейший чемодан с книгами и гитару. Жили мы с Аликом в здании местной начальной школы — финском домике из двух комнат. Спали и ели на деревянных топчанах. Алик ходил с кожаной полевой сумкой времен войны, в которой носил книгу, читаемую на привале, и поквартальный план

заповедника с компасом, чтобы не заблудиться. По вечерам сидели на крыльце школы и Алик с удовольствием пел». В экспедиции Алик делал множество зарисовок бобров и возводимых ими «хаток», а также летучих мышей. «Загадочные существа — летучие мыши, — рассказывал он впоследствии. — Ночной образ жизни, кровососы, очень близкие по эволюционному ряду к человеку. Залезешь на дерево, накроешь дупло ладонью и вытягиваешь по одной».

После девятого класса Алик отправился в Крымский заповедник, где впервые пробовал писать акварелью пейзажи. Но стихия моря в то время показалась ему неблизкой и полной хаоса, поэтому морские пейзажи получались у него не такими гармоничными, как анималистические зарисовки, портреты и иконопись. Во время этих поездок он жил «на подножном корму», а все заработки уходили на покупку книг.

С пятнадцатилетнего возраста в свободное от школы время Алик часто бывал в Приокско-террасном заповеднике, который он воспринимал как вторую родину. Здесь он впервые обдумывал план написания истории духовных поисков человечества, который впоследствии оформился как шеститомная история мировых религий. Соприкосновение с природой и миром животных всегда давало ему ни с чем не сравнимые радость и вдохновение.

Несомненный интерес представляют стихи, написанные старшеклассником Александром Менем. Сохранившиеся тетради с его стихами дают читателю возможность не только почувствовать растущий уровень поэтического мастерства автора, но и мощное поступательное движение юного поэта к главной цели его жизни — Христу. Символично, что рукописные тетради стихов юного Алика Меня заканчиваются стихотворением о Христе — так же, как лекцией о Христе и христианстве заканчивается последний цикл лекций, который прочитал протоиерей Александр Мень накануне своей мученической кончины.

Поражает всеохватность программы саморазвития, которую Александр Мень с неукоснительной последовательностью выполнял в юношеские годы, начиная с двенадцатилетнего возраста. Вот как он описывает ее:

«1947–48

Читаю: Брэма и прочую зоологию, Дарвина, Достоевского (без успеха), Конфуция (в переложении Буланже, толстовца) и массу толстовских брошюр, к которым подхожу резко полемично. Ренан „Жизнь Иисуса“, но раньше прочел критику на него арх. Варлаама Ряшенцева, впоследствии епископа-исповедника (1908, книга у меня до сих пор).

Очерки о природе. Пьеса о Франциске Ассизском (читаю его древнее житие). Изучаю историю Древнего Востока З. Рагозиной (дореволюционную). Тогда же под влиянием Бориса Александровича Васильева начинаю работать над „Библейской историей“, поскольку прочитанная у м. Марии огромная книга Лопухина (3 тома, конец века) устарела. Семинар Н. Ю. Фиолетовой по раннехристианской литературе у Б. А. Васильева. Семинар по Чехову у Л. Е. Случевской, первой жены мужа Елены Александровны Огневой[57], — не понравился. Читаю о католических святых (Бернадетта, Доминик), узнаю о св. Терезе. Книга о преподобном Сергии Радонежском всегда сопровождает.

Принимаю решение стать священником. Знакомлюсь с инспектором Московской Духовной Академии Анатолием Васильевичем Ведерниковым, который посоветовал учиться дальше [кончить школу]. Занимаюсь живописью.

1949

Изучаю богословие по курсу П. Светлова[58], протоиерея. Книга очень насыщенная идеями, литературой, критикой, полемикой. Дала много. Обильный антисемитский материал книги пропустил мимо ушей. Изучаю жизнь Отцов Церкви по Фаррару[59]. Читаю Григория Богослова и Иоанна Златоуста.

1950

Собираю биографическую библиотеку Павленкова[60]. Это мой университет. Особенно ценны книги о философах. Увлекаюсь Спинозой и Декартом, прихожу к выводу, что рациональное не всегда плохо. Всякий грех иррационален в корнях. Спинозу начал читать с „Богословско-политического трактата“, который поколебал во мне теорию авторства Моисея (взял ее из Толковой Библии, т. 1). В философию ввел меня в 50-м году Лопатин[61] (его книга философских и критических очерков).

…Первое посещение Киева. Владимирский собор впечатлил, но чем-то и разочаровал (пестрота?), думал, он лучше (по репродукциям росписей).

Тогда же изучал „Золотую ветвь“ Фрэзера[62], которая много помогла в „Магизме“[63].

1951–52

Потом в Воронежском заповеднике изучал „Этику“ Спинозы и письма. Потом пошли Лейбниц и Платон. Платон был менее созвучен. К этому времени уже был сделан первый набросок синтетического труда (о науке и вере, о Библии, Ветхий и Новый Завет, Евангельская история, Церковь). Читаю „Добротолюбие“. Большое погружение, но уже ощущение двойственности (что-то соответствует, а что-то оторвано от нашей жизни). Посещаю костел, баптистов, синагогу. Понравилось только в костеле.

Первая (неудачная) попытка читать Якоба Беме[64]. Экхарт[65]. Первое чтение Блока и символистов. Купил Соловьева, начал изучать. Пока отдельные тома. Множество книг по истории Церкви и ветхозаветная история Ренана[66] и Киттеля[67]. Пишу заново Библейскую историю (уже исследую с большим материалом). Постоянно изучаю антропологию и происхождение человека. Фаррар — „Жизнь Христа“. Гладков[68] — „Толкование Евангелия“.

1953

Отцы, Отцы, Отцы. Подвижники и классические. Перевожу (увы, наугад, с русского подстрочника) стихи Григория Богослова. Иногда интуитивно угадываю размер (как выяснил потом). Последние стихи[69].

Ценил Гарнака[70], хотя и не разделял его взглядов. Прочел его „Историю догматов“. По-настоящему оценил Достоевского. Прочел всего, залпом. Но „достоевщины“ как психологической атмосферы был всегда чужд (больше всего ценил главы о Зосиме). Впечатлялся Нестеровым, хотя потом понял, что не то. Знал досконально Музей изобразительных искусств, очень часто там бывал.

Изучал Флоренского. Глубоко потрясен им. Лодыженский — „Сверхсознание“[71]. Знакомлюсь с йогой и теософской литературой. Еще живут стихи.

В школьные годы и в начале института основательно изучил толстовство и теософию. Они вызвали резко отрицательную реакцию».

Из месяца в месяц, из года в год он исследовал, открывал, обдумывал и постигал, перерабатывая целые пласты религиозно-философских трудов, за каждым из которых стоит наисложнейшее мировоззрение. Именно в эти годы он находился в поисках Пути, Истины и Жизни (так назовет он впоследствии и свою шеститомную работу по истории религии). В этот период Александр выкристаллизовал свое кредо, в основе которого лежит воспринятая им с раннего детства картина взаимоотношений человека с Богом. Формулируя впоследствии это кредо, он скажет, что воспринимает христианство «не столько как религию, которая существовала в течение двадцати столетий минувшего, а как Путь в грядущее».

В эти же годы он пришел к важному выводу об устройстве собственной жизни.

«Я мальчишкой еще, слава Богу, догадался, что жить надо просто и крупно, — сказал он однажды Владимиру Леви. — Не усложнять, не мельчить жизнь, не дробить — ее и так на куски дьявол дерет…»

Таким был путь духовного развития Александра Меня в школьные годы.

Глава 12
Период учебы в пушно-меховом институте

«После окончания школы в 1953 году поступил в Московский пушно-меховой институт. Выбор был продиктован любовью к биологии, но уже задолго до того было принято решение о церковном служении. Поступил сначала на заочный, но со 2-го семестра перевели на очный. Учился с увлечением, обстановка была очень хорошей. Большинство товарищей — энтузиасты дела. (Дружбы не потеряли и сейчас, почти 30 лет спустя.) Студенты знали о моей вере и относились прекрасно», — писал отец Александр в начале 1980-х годов.

Почему выбор Александра пал на Пушно-меховой институт? Родители и Вера Яковлевна настаивали на том, что светское образование ему необходимо. Его горячей любовью с детства были биология и животный мир. Поступить на биологический факультет МГУ человеку без комсомольского значка и с «пятым пунктом» в паспорте было невозможно — в последние годы сталинского правления государственный антисемитизм достиг небывалого ранее уровня. В то же время о «пушмехе» Александр много знал и раньше — с ним были связаны друзья по ВООПу, раньше в этом вузе работал Петр Петрович Смолин, а к моменту окончания Александром школы там преподавала мама его близкого друга Виктора Андреева, окончившего школу годом раньше и уже учившегося в этом институте. Виктор с восторгом рассказывал Александру о программе вуза и атмосфере дружбы, царившей в нем. Учеба в «пушмехе» освобождала от армии, поскольку в нем училось много так называемых нацкадров — студентов из самых отдаленных уголков страны. Кроме того, по воспоминаниям Виктора Андреева, в «пушмехе» была всего одна идеологическая лекция в неделю, то есть жесткая советская пропаганда в нем почти отсутствовала. В итоге Александр поступил на охотоведческий факультет этого института.

Преподавательский состав в «пушмехе» был сильным. Традиции дружбы подкреплялись совместными поездками в заповедники на практику, а иногда и охотой. По воспоминаниям Александра Меня,

курс был интернациональным — пять якутов, четыре калмыка, украинцы, русские и единственный еврей.

Институт располагался в подмосковной Балашихе, и зачастую там поселялись как студенты, так и преподаватели. На охотоведческом факультете было немало выходцев из тайги и заповедников, их характеры напоминали героев Джека Лондона, а надежность в дружбе ценилась особенно высоко.

Первые два года учебы в институте были особенно счастливыми для Александра. Природа вокруг здания института, организованного в бывшем имении, построенном по проекту Бажова, а к началу 1950-х реконструированном под служебные корпуса института и общежитие, была чудесной. Учебные корпуса окружал большой старинный парк, хотя и поврежденный новыми постройками. За парком начиналось поле, за которым виднелся лес. На поле из леса часто выходили лоси, отстрел которых в те годы был запрещен, что помогло значительному росту их численности. Рядом с институтом располагался зверосовхоз, а в охотничьем хозяйстве «Серпуховское» институт разводил пятнистых оленей. Учебные практики часто проводились в учебно-охотничьем хозяйстве в Калужской области, где находилась первая в СССР лосиная ферма и под руководством преподавателей института велись исследования по одомашниванию лосей.

Мест в общежитиях студентам-москвичам не давали, и первые два года учебы Александр с кем-нибудь из знакомых студентов снимал комнату на двоих в ближайшей деревне. Как это всегда бывало, его комнатка стремительно заполнялась книгами. Свой день в деревенской комнате он начинал с чтения утреннего правила — здесь было тихо и уединенно. Одновременно с углублением в биологию и зоологию Александр продолжал религиозно-философское самообразование.

Занятия в институте профильными предметами, лабораторные работы и поездки в заповедники были в радость для Александра. Изучение физики и химии давалось труднее и казалось менее значимым, чем исследование созданных Творцом форм жизни.

В первые дни занятий в институте Александр познакомился с Глебом Якуниным, учившимся в «пушмехе» на курс старше, вместе с Виктором Андреевым. Юноша с огненно-рыжей шевелюрой подсел к Александру в электричке, обратив внимание на книгу по истории папства, которую читал Алик в перерывах между общением с

однокурсниками. Глеб интересовался восточными религиями, что было очень нетипично в то время. Александр предложил ему книгу по истории Древнего Востока. Обозначились общие интересы.

«Сверхсознание» Лодыженского, о котором Александр упоминает в «программе саморазвития» за 1953 год, дал ему прочесть именно Глеб. Александр с интересом читал и конспектировал Лодыженского, но теософия, историю которой исследовал в то время Глеб, не была близка Александру. Лодыженский в своей книге устанавливает апологетическое значение мистических явлений. Александр же через дискуссии с Валентиной Сергеевной Ежовой и Ватагиным давно пришел к тому, что теософское учение о возможности постижения Бога с помощью мистического откровения и интуиции, доступных избранным людям, уходит корнями в потусторонние явления, в то время как сам Александр отчетливо ощущал присутствие в мире Живого Бога и Его постоянное участие в событиях своей жизни. Тем не менее глубокий интерес Глеба к истории теософии вызывал уважение и симпатию Александра. Они стали друзьями. Впоследствии несколько лет они снимали комнату на двоих, и Александр написал немало страниц своих произведений под звуки кларнета, которым со времен музыкальной школы увлекался Глеб.

Студенты группы, в многонациональном составе которой оказался Александр, быстро сдружились. Александр с его открытостью и живым интересом к людям дружил со всеми.

Вот как вспоминает об Александре в студенческие годы его однокурсница Валентина Бибикова:

«…Он был и биолог, а самое главное — отличный человек, умный, добрый, веселый, наш друг. Все мы, неверующие, никогда не влезали в его церковные дела: они не мешали нам очень любить его.

На охотоведческом факультете мы получали очень разностороннее образование. Помимо занятий, работали и кружки. И вот на одном из заседаний зоологического кружка с докладом выступил худенький черноглазый первокурсник-заочник Алик Мень. Он говорил о роли руки в развитии и становлении человека. Преподаватели обомлели: Алик развивал свою теорию, которая отличалась от теории Энгельса. Время было уже не сталинское, но еще лысенковское. Думаю, что преподавателям стало страшновато, и поэтому они попробовали поспорить. И вдруг выяснилось, что спорить трудно: Алик уже много

знал, читал книги, о которых преподаватели только слышали, и доказывал всё так убедительно, что было невозможно не согласиться. В 18 лет мы ничего этого не знали, но когда свой брат „кладет на лопатки“ преподавателей… Восторг!»

Этот эпизод его студенческой жизни со слов самого отца Александра Зоя Масленикова описала так:

«На первом курсе с согласия заведующего кафедрой зоологии Александр прочитал цикл лекций о происхождении человека. В институтских кладовых он разыскал груду наглядных пособий, а главное, аппарат, позволявший показывать в увеличенном виде на экране любые иллюстрации и тексты из книги. Народу набилась полная аудитория. Александр быстро овладел вниманием слушателей. Он старался вести свой двухчасовой рассказ остро и динамично и, не дожидаясь, когда восприятие притупится, заставлял студентов смеяться, чтобы вызвать разрядку. Он сразу размежевал научную и религиозную постановку вопроса и придерживался строго биологического подхода.

На лекциях Александра присутствовал заведующий кафедрой зоологии. На второй лекции он „навострил уши“. Александр говорил о том, что пятипалая конечность свойственна более примитивным видам животных, что „специализация“ конечностей завела соответствующие виды в тупик эволюции. — „Э, батенька, это вы что-то не туда гнете“, — стал возражать зоолог. На счастье Александра, мимо открытой двери аудитории проходил заведующий кафедрой общей биологии и заглянул в переполненную комнату. — „Скажите, ведь пятипалая конечность примитивней копыта?“ — окликнул его Александр. — „Конечно, примитивней, что за вопрос?“ — пришел спасительный ответ. К чести зоолога, потерпевшего публичное поражение в споре, он не только дал Александру дочитать цикл, состоявший из трех лекций, но и вообще исключительно хорошо относился к нему все годы учебы. „Из тебя выйдет настоящий ученый“, — не раз говорил он Александру, не догадываясь о его настоящем призвании».

Хорошо поставленная речь Александра производила впечатление не только на студенческие аудитории. Монахиня Досифея (Елена Вержбловская) вспоминает следующий эпизод того времени: «Алику было тогда лет восемнадцать. В тот день (это был день Марии

Магдалины — 4 августа) мы праздновали именины дочери одной из наших подруг. Собралась компания молодых верующих людей. И они отправились гулять. Подошли к станции, и тут они встретились с небольшой кучкой каких-то хулиганов, которые стали к ним приставать. В общем, завязалась драка. Каждый из компании наших ребят вел себя так, как ему было свойственно. Самому маленькому — Саше — было, по-моему, лет восемь. Он в ужасе спрятался в кусты и горячо молился Богу. Другой — его звали Колей, — вел себя как „непротивленец злу“, и когда его начали бить, он покорно лег на землю и даже не сопротивлялся. Еще один, кажется, ввязался в драку, и на нем разорвали рубашку и наставили ему синяков. Алик выступил с проповедью… Может быть, это была одна из его первых проповедей, где он спокойно и убедительно объяснял этим подвыпившим и разгулявшимся парням, что нужно разойтись по-доброму. Такая увещевательная проповедь, как это ни странно, подействовала, и все разошлись».

«Нельзя сказать, что Алик чем-то особенно выделялся, — продолжает свой рассказ В. Бибикова. — Учился он так же, как и основная масса охотоведов: биологические дисциплины — отлично, физика и ей подобное — с трудом. Но учиться было интересно, и учились мы, надо сказать, с упоением, так как на охотфак поступал народ, одержимый охотой и биологией.

Началась эпидемия сочинения своих гимнов и песен. Алик оказался незаменимым: он отлично играл на семиструнной гитаре, у него был могучий голос и, самое главное, он сочинял хорошие стихи. Появились „Биолого-охотоведческая“ („Нам ли бояться холода…“) и „Неолитическая“ („Помнишь первобытную культуру?“) песни. Слова „хобот мамонта вместе сжуем…“ и „ты была уже не обезьяна, но, увы, еще не человек…“ быстро вошли в наш обиход. Песню эту поют до сих пор — и не только охотоведы. Так вот: эту песню в 1953 г. сочинил Александр Мень. Алик прекрасно рисовал, и скоро выпуск стенгазет и бюллетеней охотфака без его участия стал немыслим.

…Мало кто подозревал, что Мень верующий. Даже Громашевский, с которым он одно время снимал комнату возле института, этого не знал. Мы бывали у Алика дома, встречались с его отцом, мамой, тетушкой, братом, но так ни о чем и не догадывались. <…> Алик всё время что-то читал и конспектировал. У него была

полевая дерматиновая сумка-планшет на длинном ремне — такие в ту пору носили военные. Говорили: „Полевая сумка с Менем“. По-моему, он даже спал, не снимая ее. Там были книги и тетрадь…»

Впоследствии Александр начал делиться своими религиозными убеждениями с некоторыми из однокурсников.

В «пушмехе» были приняты студенческие застолья в самой дружеской атмосфере. Охотоведы — бывалые люди, многим приходилось выживать в экстремальных условиях тайги и Крайнего Севера, поэтому спиртное «для веселья и бодрости» было у них припасено. Александр никогда не был спортсменом, но был здоров и вынослив. Был неутомим в работе и в ходьбе, мог с однокурсниками много выпить без последствий. Он не пьянел, а становился еще мягче и весело-ласковее в общении, щедро раздавая любовь к жизни и людям.

Были и другие направления студенческой жизни, в которых Александр Мень оставил добрый след. Отец Александр Борисов вспоминает, что Алик активно участвовал как карикатурист и оформитель во всех институтских стенгазетах. Сохранились фотографии его карикатур. «Запомнился один забавный стишок с его шутливой иллюстрацией, — пишет отец Александр Борисов. — Представьте: столовая, много народа, все проталкиваются, пытаясь взять себе еду, а тут человек лезет по головам с пирожком. И внизу — подпись: „Если сила, парень, есть — приходи в буфет поесть!“».

Александр не переставал бесконечно много читать. Программу духовной семинарии он самостоятельно изучил еще в школьные годы. Теперь он продолжал изучать богословие по курсу Духовной академии. Во время учебы в Балашихе он написал свою первую книгу — «О чем говорит и чему учит нас Библия».

Духовным наставником Александра в период студенчества стал отец Николай Голубцов, давний прихожанин отцов Мечевых. К нему Александр приезжал, чтобы исповедаться. Николай Александрович Голубцов (1900–1963) окончил Московскую сельскохозяйственную академию, получил диплом агронома-полевода. С детства он был верующим человеком, а его духовным наставником был священник Сергий Успенский, расстрелянный в 1937 году и позднее причисленный к лику святых. Как православный верующий, Николай Александрович отказался от получения высшего гуманитарного

образования, которое становилось сильно идеологизированным. Он всегда стремился к церковному служению, но в 1920-х духовник сказал ему: «Сейчас есть другие, а придет время, когда ты нужен будешь». «Время пришло» в послевоенные годы, когда Церковь переживала новую волну гонений. Николай Александрович был рукоположен в 1949 году и с тех пор служил в Донском монастыре, а жил в небольшом окруженном садом деревянном домике в Измайлове. Все его братья были священниками, а сестры — монахинями. Как вспоминал об отце Николае С. И. Фудель, «это был действительно пастырь добрый, отдавший всего себя заботе о своих многочисленных церковных детях. Их было множество со всех концов Москвы… А он был со всеми ровен, со всеми тих, каждого принимал так, как будто только и ждал его прихода, чтобы отдать ему со всею щедростью свое драгоценное время и все душевные силы… Он мог, например, даже в Великий Четверг, после долгой обедни, на которой бывала чуть ли не тысяча причастников, ехать без перерыва, без отдыха через всю Москву, на метро, в автобусах, чтобы навестить больных, а потом, не заезжая домой, возвращаться в церковь на двенадцать Евангелий…».

Среди его духовных чад были многие представители интеллигенции, в том числе пианистка Мария Юдина. Как рассказывали об отце Николае, он проповедовал с таким горячим убеждением, мольбой, просьбой, что на его слова отзывались даже самые черствые сердца. Незадолго до смерти он крестил дочь Иосифа Сталина Светлану Аллилуеву, которая впоследствии так вспоминала об отце Николае: «Я никогда не забуду наш первый разговор в пустой церкви после службы. Подошел быстрой походкой пожилой человек с таким лицом, как у Павлова, Сеченова, Пирогова — больших русских ученых. Лицо одновременно простое и интеллигентное, полное внутренней силы. Он быстро пожал мне руку, как будто мы старые знакомые, сел на скамью у стены, положил ногу на ногу и пригласил меня сесть рядом. Я растерялась, потому что его поведение было обыкновенным. Он расспрашивал меня о детях, о работе, и я вдруг начала говорить ему всё, еще не понимая, что это — исповедь. Наконец я призналась ему, что не знаю, как нужно разговаривать со священником, и прошу меня простить за это. Он улыбнулся и сказал: „Как с обыкновенным человеком“. Это было сказано серьезно и проникновенно. И все-таки перед тем как уйти, когда он протянул мне

для обычного рукопожатия руку, я поцеловала ее, повинуясь какому-то порыву. Он опять улыбнулся. Его лицо было сдержанным и строгим, улыбка этого лица стоила многого».

Отец Николай был человеком демократичным и открытым к общению, в том числе и с людьми неверующими. Несомненно, Александр Мень многое воспринял из опыта пастырства отца Николая. Более того, есть несколько видимых параллелей в их судьбах, которые очень сближают их. Оба они получили светское образование в области биологии, прежде чем стать священниками, что помогало обоим находить общий язык с широким кругом людей, и в частности с интеллигенцией. Оба были широко образованными людьми. Отец Николай, будучи сыном профессора Московской духовной академии, с детства перечитал значительную часть книг из его профессорской библиотеки, в то время как отец Александр самостоятельно собрал редкостную по качеству и разнообразию библиотеку и сам внес весомый вклад в мировую духовную литературу. Оба они часто обращались к книгам в общении с духовными чадами, предлагая им осмыслить духовный опыт Отцов Церкви и писателей разных эпох. Отец Александр и отец Николай были сторонниками открытого христианства, в котором важны личность человека и спасение его души, а не формальная, обрядовая сторона религии. Центром и смыслом жизни обоих был Христос. Оба священника избрали пастырский путь в атеистическое время «выжженной земли» в России и постоянно ощущали на себе давление со стороны власти, но при этом бесстрашно несли людям свою проповедь Христа, наставляя и укрепляя в вере. «Со студенческих лет особенное значение имели для меня пример и установки моего духовника о. Николая Г., который до самой своей смерти не оставлял меня своим попечением и дал мне еще один высокий образец „открытости“ к миру, служения в духе диалога», — указывает Александр Мень в письме к Е. Н.[72]

Впоследствии, наставляя Александра на путь священства, Николай Александрович говорил: «С интеллигенцией больше всего намучаешься (это он знал из своего опыта)». «Но он был именно пастырем этого духовно заброшенного сословия, и мне его завещал», — вспоминал впоследствии протоиерей Александр Мень.

В первый год студенчества Александр открыл для себя Флоренского. «Я никогда не забуду, — писал он значительно позже

художнице-иконописцу Юлии Николаевне Рейтлингер, — то впечатление, которое произвел на меня „Столп“[73] в 53 г. Он был для меня окном в мир необычайных прозрений». На скучных лекциях Александр читал труды Флоренского, разрезанные на отдельные листки, чтобы это не было заметно, и параллельно с легкостью отвечал на вопросы преподавателей по теме лекций. На втором курсе, помимо глубокого изучения биологии и антропогенеза, он посвятил значительное время творчеству и проектам будущих работ. Вот как он фиксирует основные направления самообразования в 1954 году:

«Первый том „Исторических путей христианства“[74] (Древняя Церковь) написан. Антропогенез. Новый толчок дала лекция Я. Рогинского[75] в Политехническом музее. Много хожу на концерты. Складывается концепция шеститомника (в Приокском заповеднике, где бывал раз семь)».

Каждое воскресенье он по-прежнему ездил в церковь Иоанна Предтечи, прислуживал в алтаре, читал и пел. Здесь образовался круг духовно близких ему друзей.

В семье Кирилла Вахромеева, уже упомянутого ранее, часто звучала музыка. Его отец, представитель старой культурной интеллигенции, преподавал в Московском музыкальном техникуме имени братьев Рубинштейн, был директором музыкальной школы имени Прокофьева и автором ряда музыковедческих работ. Мать была религиозным человеком, воспитавшим Кирилла в вере. Впоследствии Кирилл строил церковную карьеру, но сохранил глубокое уважение к деятельности приходских священников и самые теплые чувства к отцу Александру. Благодаря ему отец Александр мог брать домой книги из обширной библиотеки при Московской духовной академии, что давало неоценимое преимущество в работе. Иногда Кирилл (впоследствии митрополит Филарет) привозил из-за границы важную для работы отца Александра богословскую литературу, а также помогал организовать переводческие заработки для нуждающихся из его паствы. Став в 1989 году Патриаршим экзархом всея Белоруссии, Филарет организовал публикацию ряда статей отца Александра в ежемесячном православном журнале «Stimme der Orthodoxie», издававшемся в Берлине местной епархией Московской Патриархии.

Владимир Рожков, второй товарищ Александра из прихода, был послушником Троице-Сергиевой лавры и также в те годы прислуживал

в церкви Иоанна Предтечи. После окончания Московской духовной семинарии и Ленинградской духовной академии он стал диаконом в этой же церкви. Впоследствии отец Владимир был назначен настоятелем Николо-Кузнецкого храма в Москве. Он обладал проповедническим даром и принимал участие в работе Христианского церковно-общественного канала, рассказывая в своих радиопередачах о современной жизни западных христиан. С отцом Александром его сближало и то, что он был противником многих предубеждений против католичества в православной среде.

Близким Александру по духу был и третий молодой человек, прислуживавший в церкви Иоанна Предтечи в те годы и также впоследствии ставший приходским священником — Сергей Хохлов. После воскресной службы друзья часто собирались у него дома для общения.

Ранней весной 1954 года Александр познакомился со своей будущей женой — Натальей Григоренко.

«Мы учились на разных факультетах в одном институте: я на товароведческом, а он на охотоведческом, — вспоминает Наталья Федоровна Григоренко. — И у них были одни мальчики, а у нас почти одни девочки. Институт был в Балашихе, и прямо за зданием института шла дорога на Москву. Можно было пройти через лесок на станцию и доехать до Москвы на электричке, но мы обычно выходили на дорогу и голосовали, тогда было принято ездить автостопом. Нас довозили до метро, так было и быстрее, и веселее. И вот как-то мы, девочки с товароведческого, стояли кучкой, а мальчишки другой кучкой неподалеку. Остановилась машина, мы влезли в крытый кузов, и за нами мальчишки попрыгали туда же. Ну и будущий отец Александр, а тогда Алик, подошел к нам с подругой и говорит: „Девочки, вот вам билеты, у нас будет вечер охотоведческий, приходите!“ Так мы и познакомились.

Он очень чудил тогда. Никто не ходил в сапогах. А он ходил в сапогах и в галифе. В шляпе и с полевой сумкой через плечо. А потом еще и бороду к этому отрастил, что по тем временам было очень экзотично. Меня это не пугало, но ребята из нашей группы говорили мне: „Чего ты с ним встречаешься? Смотри, какой он чудак“. А он с этой полевой сумкой не расставался, у него там была Библия, и он ее за собой таскал и читал везде. Его даже прозвали в институте — „Мень

сумчатый“. А еще на вечеринках, если ему там надоедало, он залезал под стол, клал под голову свою полевую сумку и спал. Он меня предупредил, что он верующий, сказал, что „в планах у меня стать священником“. Я ему сказала: „Если ты этого хочешь, то давай“».

Как вспоминает прихожанин новодеревенского храма Михаил Завалов, отец Александр рассказывал ему о том, что с юных лет очень ответственно относился к режиму: «В молодости, — говорил он, — я в любой компании, что бы интересное там ни происходило, в какой-то момент говорил: „Ну, я пошел“. Иногда я казался из-за этого монстром. Но — только благодаря этому мог многое совершить. Впрочем, был и у меня один день в неделю — для лирики, когда я ложился во сколько угодно. Это когда я ухаживал за своей будущей женой».

Семья Натальи переехала в Подмосковье с Украины перед самой войной. Ее отец стал работать агрономом в совхозе недалеко от станции Хотьково Ярославской железной дороги, где они и обосновались, мать пела в одном из московских церковных хоров. Наталья, как и все ее подруги, была тогда неверующей. Воспитание и семейный уклад Александра и Натальи были совершенно различными, но их объединила любовь. Александр увидел в Наталье верность, трудолюбие и житейскую мудрость. Он понял, что такая женщина будет хорошей матерью его детям и заботливой хозяйкой дома. В спутнице жизни он не искал помощницы в своих трудах. С глубокими религиозно-философскими вопросами бытия, творческими поисками и служением он привык разбираться самостоятельно.

Александр был убежден в том, что в момент влюбленности любой человек переживает состояние вечности, переживает встречу с Богом.

Вот как впоследствии отец Александр говорил о любви новобрачным, которых он венчал: «…Только одно важно — найти и вырастить любовь. Любовь появится у вас примерно месяцев через 16 после совместной жизни. Признак будет: спокойно, без напряжения молчите вместе. Без смущения. Просто спокойно молчите. Это значит — уже есть любовь. Любовь — это когда дышишь другим человеком, как воздухом, и даже иногда этого не замечаешь. Но когда этот воздух отнимается, ты начинаешь задыхаться. На свете нет ничего из земных вещей более стоящего, чем любовь. Все остальное — пыль дорожная…»

В жизнь Александра вошла любовь, и полнота его жизни была ощутима для всех окружающих. Наступил период расцвета. Свое настроение того периода он формулировал так: не будет цветов, не будет и плодов. На это светлое настроение накладывалось и ожидание перемен к лучшему в стране, витавшее в воздухе после смерти Сталина.

Глава 13
Иркутский период

«Осень обрушила на нас новость, — вспоминает Валентина Бибикова. — Институт расформировывали. Хрущеву подсказали бредовую идею отправлять институты на периферию, так как учиться надо якобы там, где будешь работать, а не там, где хорошо учат. От блестящего профессорско-преподавательского состава (который, естественно, работал не только в МПМИ, был обременен семьями и квартирами и ехать никуда не собирался), от библиотек, музеев, коллекций, учебных баз, наконец, традиций охотоведов отправляли в Иркутский сельскохозяйственный институт, где было охотоведческое отделение; другие факультеты — в другие города. Нельзя сказать, что мы запаниковали. Сибирь! Тайга! Байкал! Охота! Едем!»

Из письма Веры Яковлевны Розе Марковне Гевенман, написанного летом 1955 года: «…Алик вернулся из своей поездки в Ленинград. Сейчас он интенсивно готовится к отъезду в Иркутск: переплетает книги, переписывает и укладывает свою библиотеку. Трудно мне отпускать его в такую даль и на такой неопределенно долгий срок, да ему и самому это не легко. Но он умеет смотреть вглубь вещей, в тот неведомый нам смысл, которым строится и направляется наша жизнь на пути к своему наиболее полному осуществлению. А в моем сердце так остро переплетаются все нити настоящего, прошедшего и будущего, что иногда не умею с собою справиться… Прости, Розочка, пишу тебе об этом оттого, что ты всегда так хорошо, чутко понимаешь всё…»

«В августе 1955 г. мы погрузились в общий вагон почтового поезда Москва — Иркутск (институт оплачивал только сидячие места), помахали родителям и пятикурсникам и поехали, — продолжает Валентина Бибикова. — Тогда паровоз, дымя на всю округу, тянул вагоны до Иркутска шесть суток, останавливаясь на полустанках, а иногда и в поле. У нас было несколько гитар, два аккордеона и неограниченное количество крышек от котелков. Думаю, что пассажиры других вагонов нас побаивались.

Иркутск встретил нас малым количеством асфальта, большим количеством копоти в воздухе, извозчиками, концертами Вертинского и Козина, изумительной резьбой деревянных наличников, еще сохранившимися бревенчатыми особняками Трубецкой и Волконской и древним зданием института, на фронтоне которого сквозь побелку проступала надпись: „Сиропитательный дом госпожи Медведевой“. Сиротами мы себя не чувствовали и допущенные (только после бани) в стены бревенчатого общежития, побросали пожитки и поехали работать на уборку урожая в колхоз (до станции Тыреть, дальше — грузовиком)».

Александр заранее отказался от общежития — возможность работать в уединении была для него крайне важной. С Глебом они приняли решение жить вдвоем. У знакомого верующего нашлись друзья в Иркутске, поэтому по прибытии туда отправились к духовной дочери отца Сергия Орлова (под началом которого Александр впоследствии будет служить диаконом в Акулове). Она отвела их в семью, у которой для них сняли комнату. Это была замечательная семья верующих церковных людей, духовным центром которой была мать, малограмотная женщина большой внутренней культуры, ума и такта. Александр с Глебом вскоре почувствовали себя там как дома.

Факультет товароведов было решено оставить в Балашихе. Алик и Наташа три года вынуждены были жить в разных городах. В своих письмах он постепенно раскрывал Наташе свое мировоззрение, готовил ее к будущей совместной жизни. Вот как Александр описал ей дорогу в Иркутск:

«Здравствуй, Наташенька! Вот я и приехал. Посмотрел на Урал, на Саяны, на Енисей, Обь, Иртыш, целину и пр. и пр. Всю дорогу мы ехали с шумом и песнями, причем довольно заунывными. Привезли нас в какой-то мрачный двухэтажный сарай. Это здесь лучшее общежитие… Только одно мне, моя милая, спасение: это воспоминание и книги. Ребятам лучше. Они вместе. Я рад был бы с ними, но нельзя. Мои тома ни в какое общежитие не влезут, да и заниматься я не смогу в такой обстановке. Улочка, на которой я живу, такая, как в Загорске…»

«Месяц в колхозе прошел как сказочный сон, — пишет Валентина Бибикова. — Мы жили в каком-то сарае под названием „клуб“, где были только нары с соломой и стол. Готовили еду на костре и активно

засыпали хлеб в „закрома Родины“. Было три бригады в три смены: одни вкалывали, другие спали, третьи бежали на охоту, так как колхозное начальство почему-то считало, что есть нам необязательно. Так что надо было самим добывать еду. Вокруг были золотые сентябрьские сопки, великолепная охота, а ежедневные тетерева и дикие утки иногда разбавлялись домашними гусями, опрометчиво отошедшими от деревни на далекое расстояние.

Жизнь была замечательная. Все слегка одичали. Алик Мень вместе со всеми отрастил бороду. В телогрейке, с полевой сумкой и при бороде он был весьма импозантен. От всей этой оравы парней (в Тырети я была единственной девчонкой) он отличался лишь тем, что если не работал на „закрома“ и не спал, то читал и писал. Он ухитрялся читать и писать даже во время работы. Как-то раз я обнаружила его в картофелехранилище, где он отгребал картошку от лука. В промежутках между подъезжающими машинами он что-то писал, положив сумку на колено».

И снова — письмо Алика Наташе:

«Здравствуй, Наташенька! Сегодня, наконец, я вернулся в Иркутск и получил твое письмо… В колхозе жизнь наша текла превосходно. Жили мы 20 человек в хибаре, на нарах с соломой. Сначала все радостные. А тут уже давно холод… Кругом тайга, сопки, марь. Вообще, мне здесь нравится. Работали мы в общем мало. Мешки таскали в роли грузчиков на пристани. Или же в темном подвале сыпали картошку. Если бы не холод, второе легче и лучше. Дело в том, что я сейчас со страшным напором изучаю Византию. Вот погребешь, погребешь картошку — сядешь, попишешь, почитаешь. А когда работа только физическая, то голова очень свежая. Я каждую свободную минуту использовал, даже в обеденный перерыв писал».

«Через месяц мы вернулись в Иркутск, — рассказывает Валентина Бибикова. — Большинство поселилось в общежитии. Мень снял комнату. Затем к нему перебрался и Глеб Якунин, который учился курсом старше и тоже приехал в Иркутск.

Надо сказать, что в Иркутске к москвичам было повышенное внимание. Оказалось, что большинство преподавателей гораздо слабее московских. Безусловно, были и очень хорошие, но мало. Первую же сессию московские охотоведы сдали почти только на 4 и 5. Даже слабые студенты вдруг заблистали знаниями. В институте это почему-

то не понравилось. Преподавателей охотоведческого отделения обвинили в завышении оценок. Они стояли за нас горой. Мы же вдруг стали думать о самообразовании. Началось судорожное чтение спецлитературы. Успеваемость поползла еще выше. Безусловно, помогали и преподаватели, среди которых были и блестящие ученые. Беспокойства от нас было много, особенно деканату. Мы, естественно, и развлекались, задавая очень сложные или просто идиотские вопросы, и смотрели, что получится. Например, вперед выдвигали Меня, который спрашивал: „А существует ли черт?“ Преподаватель лез на стенку, что-то доказывал, объяснял, запутывался, а поняв, что насмехаются, зверел. К концу года кафедра политэкономии стала нашим врагом.

Полной неожиданностью оказалось отношение к нам горкома комсомола. Шел обмен комсомольских билетов, а нам их не хотели менять, так как мы были объявлены „стилягами“. Дело в том, что фасоны московских швейных фабрик сильно отличались от иркутских. Парадные брюки наших мальчиков (порой одни на двоих), по мнению местных комсомольских лидеров, были *у*же нормы. И фокстрот мы танцевали неправильно, а джаз, да с саксофоном — просто криминал! Больше всего их раздражало, что во время танцев Мень щелкал языком — получался звук пастушьего бича. К тому же мы ходили на охоту, осваивали берега Байкала, упивались сибирской тайгой. Чем в свободное от занятий время был занят Мень, мало кого интересовало. А он читал, конспектировал, писал. К этому времени Алик заканчивал книгу „Сын Человеческий“. Первая „ласточка“ из КГБ появилась в конце учебного года. То одного, то другого стали вызывать в деканат, и безликие молодые люди наедине пытались выяснить, чем занят Мень. Об этих разговорах все помалкивали, но, как потом выяснилось, дружно заявляли, что понятия не имеют.

Именно в это время мы узнали, что Мень — верующий и связан с церковью серьезнее, нежели обычный прихожанин. Реакция была единодушной: это его дело, а мы его всё равно любим. Пожалуй, к нему стали относиться даже теплее и не потому, что верующий, а потому, что умнее и целеустремленнее. К тому же появилось желание прикрыть от опасности — к этому времени мы стали особенно дружны, он никогда не проповедовал среди нас религию, но перестал скрывать, что верит. Мы так и остались атеистами, хотя кое-кто из

журналистов и утверждает, что весь охотфак вместе с преподавателями стройными рядами пошел за Менем в церковь. В церковь с охотфака пошел только Глеб Якунин».

Вновь письмо Алика Наташе:

«Здравствуй, Наташенька!

Сегодня получил твое письмо во время того, как ушел с лекции. Сейчас у меня замечательная жизнь. Мы с Глебом чувствуем себя превосходно. Знакомые дали мне напрокат приемник и энциклопедию. Можно жить спокойно и быть в курсе всех дел… Я в результате совершенно махнул рукой на занятия и занимаюсь тем, чем нравится. Хозяйка меня кормит, и поэтому я даже в столовой не бываю. Одно нехорошо. Приходится поздно ночью брести по темным закоулкам домой (мы во 2-ю смену). Если я долго не буду писать, то знай, что меня зарезали где-нибудь. Здесь это явление повседневное. А у меня даже ножа приличного нет».

Недалеко от дома, в котором жили Александр и Глеб, находился большой лагерь для заключенных, огороженный колючей проволокой, с вышками и вооруженными охранниками. Дважды в день на работу и с работы проходили колонны одетых в тюремные робы заключенных под охраной. Некоторые из них, как узнали Александр и Глеб, отбывали срок за веру. Большую часть населения Иркутска составляли ссыльные или бывшие ссыльные, которые и формировали атмосферу города тех лет.

«Иркутск дал мне картину абсолютной ясности того, что происходит в стране», — скажет отец Александр в одной из бесед.

Дружба Александра с Глебом Якуниным крепла. Вдохновленный целеустремленностью друга Глеб также все больше склонялся к христианскому мировоззрению, оставаясь при этом страстной и ищущей натурой. Однако поле для проявления темперамента открылось Глебу позднее, а пока что на первом месте были учеба и тесное общение с Александром.

«Мы учились на одном факультете и жили в Иркутске вместе с Глебом Якуниным, — рассказывал впоследствии Александр Мень. — Однажды чуть не год нам пришлось жить с ним в… свинарнике. Хозяйка, у которой мы снимали угол, женила сына, и угол отошел к молодым, а постояльцев не гнать же на улицу. Наскоро подновили свинарник, где ранее обитала съеденная на свадьбу свинья, и поселили

нас. От института было довольно далеко. Вставали до света, или он чуть брезжил сверху в узенькое окошечко. Стояло, конечно, амбре, но куда деваться?»

Сравнительно недалеко от Иркутска, на берегу Байкала, была расположена замечательная деревянная церковь. Усилиями местных верующих ее удалось спасти от разрушения во время строительства плотины на Ангаре и перенести в другое место неподалеку. Александр и Глеб стали бывать в этом храме, тем более что в нем служил умный и образованный священник, которому до появления двух новых прихожан часто приходилось служить литургию без хора и псаломщика. Александр стал по возможности прислуживать и здесь.

«Весной я поехала в Москву на практику, — продолжает Валентина Бибикова. — Ехали мы с Юрой Лапиным, как всегда, почтовым поездом. В рюкзаке я везла рукопись Меня. На первой же станции появился мой безликий „друг“ и, уведя в пустое купе, попросил показать рукопись. Я вернулась к себе, пособоражала, потом сделала идиотское лицо, пошла и сообщила, что не могу это сделать, так как там Юра. Ведь придется объяснить ему, чем это я занята, что это за куча бумаги и куда это я ее потащила. „Друг“ попытался объяснить, что КГБ интересует только содержание рукописи и это для блага Меня. Я предложила свой вариант: все прочитаю, а потом подробно расскажу, так как это, видимо, что-то ужасное. На том и порешили.

В Москве на вокзале я отдала рукопись Елене Семеновне. „Друг“ появился, когда я ехала обратно. „Ой, Вы знаете, я ничего не поняла!“ — „Ну хоть читала?“ — „Конечно! Но ничего не поняла!“ — „Морочишь мне голову?“ — „Как можно?! А что, Алик — шпион?“ — „Ты хоть никому не рассказывай, что мы встречались“.

Учиться было интересно. Интересно было и Алику. Он изучал биологию, пожалуй, более углубленно, нежели мы, и знал то, что, казалось, выучить студенту просто невозможно, например, систематику мышей, злаков (причем с латынью) или тонкости теории Дарвина. Учеба в институте не была для Меня просто необходимостью получить высшее образование; это была страсть к биологии, возможно, и способ, метод познания человеческого бытия».

«…Напротив института находилось епархиальное управление, где я работал истопником, — вспоминал впоследствии Александр

Мень. — Под землей работал, а всё же заметили. Меня тогда интересовали межконфессиональные проблемы. В Иркутске была сильная баптистская церковь. Я к ним ходил. В четверг, помню, специально молодежный день. Конечно, относился к ним с предубеждением, но видел — вот это Церковь, вот это жизнь! А в нашем храме архиерей один раз в месяц скажет проповедь, вроде политинформации; старушки, полумрак…»

В феврале 1956 года в Москве прошел XX съезд партии, который многое изменил в атмосфере страны. Решения съезда были встречены ликованием как в Москве, так и в Иркутске. Через несколько месяцев начались освобождения из ссылок и лагерей невинно осужденных людей. Казалось, что зло отступает.

Вот еще несколько фрагментов писем Алика Наташе из Иркутска:

«Здравствуй, Наташенька! Письмо твое пришло, когда каникулы у меня на исходе. Да и можно ли назвать 6 дней каникулами? Я решил воспользоваться этой неделей, чтобы объездить Иркутскую область. Одна знакомая предоставила свою „Победу“, и я три дня ездил, останавливаясь у знакомых, которые у меня уже появились. Знаешь, какая тут картина! Снега лежат, домишки маленькие, сопки, столбы и мачты, ширь и даль, дороги унылые. Кажется, — спокойное болото одичания. А это только кажется. И здесь есть хорошие и интересные люди. Сибирь, оказывается, гораздо теплее запада. Здесь климат замечательный. Фотография твоя мне очень понравилась, может быть, даже просто потому, что это твое лицо. Я очень обрадовался, что ты будешь в Москве в июле. Если Бог даст, я попаду на практику в Московскую область, и мы можем скорее увидеться, а я этого дня уже никак не дождусь.

Я понемногу занимаюсь, читаю, пишу, рисую на досуге и делаю кое-что для будущего. Предпринимаю разные меры, кажется, горизонты просветляются. Одна препона — распределение. Но его я не боюсь. Пару лет можно и отработать, а там я вольная птица. Главное — это не попасть под пяту погони за материальным благополучием. Это большой тормоз. Засосет запросто. Эх! Только бы вырваться! Всегда помню о тебе, и ты меня не забывай. До свиданья, милая, целую. Алик».

«…Чувствую я себя прекрасно и не болел ни разу. Здесь такой хороший воздух, что заболеть трудно. Я много пишу (в смысле рисую),

так что может и хватать на жизнь. Беру реставрировать картины и прочее. Особенно много занимаюсь своей работой и изучением вообще.

Скоро приедет Глеб и привезет мне много важных вещей и книг. Он, наверное, заходил к тебе. Если всё будет благополучно, то мы встретимся скоро — через 2 месяца. Я хочу спросить тебя одну вещь: любишь ли ты меня еще? Ты не обижайся на этот вопрос — он вполне естественен после такой долгой разлуки.

Я вчера сравнивал твою последнюю фотографию с той, где ты совсем девочка, и пришел к выводу, что ты за короткое время очень похорошела. Я хочу, чтобы ты и душой хорошела, хотя это труднее, тем более в вашей обстановке».

«…Знаешь, я чем-то переменился за это время. Чем, не могу понять, но чувствую, что стал немного другой. Это, возможно, от моего образа жизни. Ведь я общаюсь с очень ограниченным кругом людей и в институте почти не бываю. Ты можешь об этом судить даже по такому факту: три месяца я здесь, а толком на Байкале не побывал. Каково? Ты, наверное, это изменение во мне сразу заметишь. У меня сейчас такое предотъездное настроение, что хочется всё рассказать уже, а не писать, так сказать, донести в чистом виде. О многом в письме не хочется писать. Я сейчас сижу дома. У меня тихо, светло (стены белые), приемник и куча книг. Здесь, где я живу, нет пыли и более или менее прохладно. Ночью здесь ниже нуля. Днем — душно. Я систематически читаю американский охотничий журнал. Если бы ты знала, что это за колосс. Дикие сцены, охота на львов, лосей, бросающихся на охотников. Охотники, бросающиеся на пум, собаки, ружья, рекламы, машины, — в общем, что угодно, ярко, шумно и красочно. На этом фоне наш новый журнал „Охота“ выглядит как пачка туалетной бумаги или обоев. В городе сейчас новый взрыв бандитизма… Иногда мне среди этой человеческой гадости становится очень мерзко. Хочется уйти куда-нибудь, пожить хоть недолго среди нормальных. Но слава Богу, в Иркутске есть нормальные (единицы). Может быть, тебе покажется, что я преувеличиваю, но ведь у каждого своя мерка и свой подход. Я соскучился по умным лицам и нормальным культурным людям, которым подобает быть в XX веке. А что здесь? Я расскажу тебе потом. Я узнал здесь больше, чем за всю жизнь, и потерял 50 % своей веселости. Но всегда, когда я думаю о

тебе и о Москве, у меня поднимается настроение, но потом я начинаю думать: „Что я тебе могу дать?“ и убеждаюсь, что, наверное, очень мало. Сделаю ли я тебя счастливой?»

В Иркутске, как и везде и всегда, Алик продолжал собирать библиотеку. Однажды уборщица иркутской церкви отвела его на колокольню, где обнаружилось множество небрежно сваленных в беспорядке старых книг. Александр с привычным чувством кладоискателя и благоговейным интересом начал их разбирать. Уборщица разрешила ему взять что захочет, и Александр разыскал отдельные экземпляры богословских журналов «Паломник» и «Странник» начала века, которые впоследствии бережно переплел. Но главной находкой оказался большой фрагмент издания «Руководства к благочестивой жизни» Франциска Сальского[76], изданный в 1819 году. Содержание «Руководства» поразило Александра и показалось ему невероятно близким по духу. Впоследствии он раздобыл полную версию этой книги на французском языке, Вера Яковлевна перевела ее на русский, и этот перевод в самодельном переплете отец Александр нередко давал почитать новообращенным в своем приходе.

«В Иркутске жила интеллигентная семья Крашенинниковых, — вспоминает Глеб Якунин, — они были друзьями моей тетушки Лидии Иосифовны Здановской, в будущем жены церковного историка и публициста Анатолия Эммануиловича Краснова-Левитина[77], который проповедовал идеи реформации в Церкви, о чем я впервые услышал от него. С этими людьми мы говорили о религии. Во время учебы на предпоследнем, 4-м курсе института под влиянием отца Александра я перешел в христианство, и мы стали вместе ходить в кафедральный собор Иркутска, что в Знаменском монастыре. Таким образом, я вошел в церковную жизнь».

Библиотека Александра стремительно пополнялась, и перед пятым курсом он решил переправить ее в Москву. «Охотоведы охотно пошли помогать ему упаковывать книги в чемоданы, — вспоминает его однокурсник Анатолий Четвериков. — Пока в садике накрывался стол, мы укладывали книги. Их было много, и большинство из них — с одинаковыми переплетами. Александр подсказывал, какую книгу класть в какой чемодан. „Эту не сюда!“ — сказал он мне. „Алик, как ты различаешь их, ведь они одинаковые?“ — спросил я и узнал, что

большинство книг он знает даже по запаху. Упаковали десятка два чемоданов».

После окончания сборов, сидя за садовым столиком, Александр разговаривал с друзьями о том, что христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам, но одновременно ответило на чаяния большинства из них. По словам Александра, запомнившимся Анатолию Четверикову, самое сильное в христианской духовности — это не отрицание, а утверждение, охват и полнота. В христианстве, как и в буддизме, присутствует стремление к избавлению от зла. Как и в исламе, несомненна абсолютная преданность человека Богу. Христианство не противоречит и пантеизму, утверждающему, что Бог присутствует в каждой капле мироздания. Но главное в христианстве — это Христос, в Котором явлено соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным. Александр говорил о победе христианства над злом, начавшейся в ночь Воскресения и продолжающейся, пока стоит мир. «В этот раз, — заканчивает свой рассказ Анатолий Четвериков, многие узнали, насколько глубоки его знания в вопросах религии, и еще более прониклись уважением к нему».

«Вспоминаются и смешные случаи, — пишет Валентина Бибикова. — Из института наши мальчики выходили лейтенантами запаса. Была военная кафедра, были военные лагеря в Бурятии. В лагерях на марше запевали Мень, Мамаев и Вострокнутов. Хорошо пелось, когда шли из столовой, а когда натощак — не очень».

«Старшина решил проучить нас, — продолжает Анатолий Четвериков. — Перед этим прошел редкий в это время года дождик, и на дорогах образовались лужи. Суровый старшина приказал запевать, но запели только несколько человек в строю. Тогда было приказано: „Бегом марш! Стой! Ложись!“ Все обежали лужу, но Алик не сворачивал и при сигнале „Ложись!“ плюхнулся в лужу. Больше старшина не пытался становиться против большинства, и вскоре мы стали друзьями. Он стал всегда защищать нас перед старшими офицерами. Службу Алик нес исправно, стрелял из всех видов стрелкового оружия хорошо, но броски у него не получались. Учебная граната далее полутора-двух метров у него не летела. Капитан не верил этому и заявил, что боевую-то он бросит далеко. Дошло дело и

до боевых гранат. Когда Меню вручили гранату, он вежливо спросил маленького капитана: „Вы действительно хотите, чтобы я ее бросил?“ — „Бросай!“ Александр вырвал чеку и аккуратно положил гранату на край бруствера. Маленький капитан не растерялся и сбил с ног могучего Меня, закрыв его своим телом. Мы все лежали на дне окопа. Взрыв не принес никому вреда, но изрядно всем засыпал песку за воротники. Больше Алику гранат не давали, даже во время учебных боев и марша на сорок километров в расположение „противника“. Но вместе со мной Александра отправляли в разведку. Мень, как и все, дал военную присягу».

Вот как Александр рассказывал Наталье о занятиях на военной кафедре:

«Здравствуй, дорогая Наташенька! Вот уже две недели, как я действую в роли солдата. Не сказал бы, чтобы это было похоже на курорт, но не так уж это ужасно, как рассказывал Глеб. Жизнь наша примерно такого характера. В семь часов орут подъем. Нужно моментально встать, одеться, умыться и пр. Потом 45 минут бегать и на турнике. Это не доставляет мне никакого удовольствия. Счастье, что погода не очень жаркая. Потом — учения. Бесконечные маршировки по пыльным дорогам, с шинелью, лопатой, автоматом и противогазом. В кирзовых сапогах. 14-го числа приняли военную присягу. Всё время на стрельбище. Палим из всех видов оружия. Целые дни на полигоне. В долине между гор часто ночные занятия. Стрельба, ракеты, атаки, танки и пр. Это довольно интересно.

Личного времени нет. То оружие чистим, то муштра, то учения. Но я умудряюсь и читать и даже писать. Приходится урывать по 5 минут в окопах. Выроешь, замаскируешься, поставишь автомат и понеслась. Без сумки очень плохо. Даже Библию мою портативную некуда класть. Но теперь ношу ее с разрешения командира взвода под гимнастеркой. Даже ходил с ней раз пять в атаку. Атака — вещь забавная. Сначала рота ползет по полю со всем снаряжением, а со стороны противника палят холостыми. Потом окапываешься, делаешь себе ямку в полный рост. Стрельба. Потом командир орет: „В атаку вперед!“ Вылезаем с криками „Ура“, стреляя на ходу, бежим. Бежать надо быстро, кидать гранаты, а тут газы. Надо надевать противогаз и бежать, и так с километр. А потом всё снова. Танки впереди.

Кормят нас плохо. Одни каши пшенные. Несколько прижимает. Ко мне офицеры относятся пока хорошо, даже бороду не тронули. Она здесь производит даже эффект…»

Из писем Наташе о жизни вне военных сборов:

«Здравствуй, Наташенька! Сегодня у меня решающий день. Декан, видимо, сломился. Уже записал нас в Приокский. В этом случае я на этой неделе или в начале той покину Иркутск. Уже начал собирать вещи, хотя и сессия не кончилась. А на горах Хамар-Дабси еще на сотни метров снег. Очень-очень красиво выглядит. Их видно с того берега, на котором я стою. А расстояние 60 км. Они как будто в воздухе висят. Очень красиво.

Прочел изумительную книгу „Путешествие на Кон-Тики“[78]. Она прошумела по всему миру. Миллионы экземпляров. Понимаешь, один швед в 1947 году на 9 бревнах переплыл Тихий океан. За ней у нас гонялись все, но достать ее в Иркутске было невозможно. Мне ее подарила дочка Скалона. Если ты ее встретишь, прочти обязательно. У меня за этой книгой установилась очередь.

Тут у нас, наверное, реактивные самолеты будут ходить. Если их рейсы начнутся до моего срока, то обязательно полечу. Интересно попробовать. 6 часов вместо 6 суток!

В общем, куча всего интересного. Целую, твой Алик».

«Здравствуй, Наташенька! Получил твою телеграмму. Спасибо. Я сейчас прекрасно себя чувствую. Скоро уже будет мало времени, поэтому забаррикадировался дома и чрезвычайно доволен. Только раз вылез в общежитие и ходил в кино. Ты смотрела „Неоконченную повесть“? Если нет, то посмотри. Давно у нас таких нормальных и естественных фильмов не было. Живые люди, живые отношения и чувства и без лозунгов.

Между прочим, я с каждым днем всё более и более убеждаюсь, что попал лет на 25 назад. Такие здесь дикие представления, предрассудки и нравы. Даже в местных газетах появляются такие статьи, которые позднее 1930 года в Москве не могли бы появиться.

После долгих размышлений и наблюдений я принял окончательное решение: после института, приблизительно, официально посвятить себя тому делу, которое влекло меня всю жизнь. Биология остается как любительство. Если мы хотим в дальнейшем быть вместе, то возникают следующие трудности (если же нет, то всё

решится само собой): во-первых, я хочу видеть в тебе и друга, который бы разделил мои взгляды, убеждения и идеалы. Во-вторых, переход мой на официальное положение естественно отразится на твоем положении. В-третьих, возможные трудности во всех отношениях, которые встретятся мне, будут касаться и тебя.

Разрешение этих трех вопросов может, по-моему, быть следующее: во-первых, или ты сразу откажешься от всего, и тогда твое ответное письмо мне будет последним, и мы больше не встретимся. Или же ты сразу будешь согласна на всё, что я себе с трудом представляю. И, наконец, третий вариант, если ты, дав предварительное согласие, постепенно разберешься сама (помочь я тебе на расстоянии могу мало) во всех вопросах и подойдешь к ним более сознательно. Это до какого-нибудь срока, хотя бы до моего возвращения этим летом. Почему я ставлю всё это ребром? Потому что я решил окончательно, а наши с тобой отношения требуют от нас каких-то обязательств, поэтому мы должны решить сразу. Я тебя очень прошу, милая, сразу же ответь мне и ясно вырази свою мысль. Жду с нетерпением. Теперь уже „посмотрим“ говорить нельзя. Целую, Алик».

Приведенное выше письмо датировано 7 ноября 1955 года. Вопрос о будущей семье Александра Меня решался в те недели и месяцы…

Наталья ответила пониманием и согласием. На четвертом курсе института в один из приездов Александра в Москву в 1956 году Александр и Наталья обвенчались в храме Иоанна Предтечи, где Александр прислуживал в прежние годы. Их венчал настоятель, отец Дмитрий Делекторский, в присутствии друзей Александра по приходу и Бориса Александровича Васильева. Вскоре последовало и официальное бракосочетание. В сентябре 1957 года у Александра и Натальи родилась дочь Елена, по-домашнему — Ляля. Жить еще некоторое время пришлось в разных городах — с семьей Алик встречался только во время студенческой практики. Переписка супругов продолжалась.

Попытаемся теперь воссоздать основные контуры внутреннего наполнения жизни Александра в этот период.

Вот краткое описание его программы саморазвития в годы студенчества в Иркутске, последовательно продолжаемой им после

окончания школы и первых двух курсов института:

«1955

Иркутск. Начинаю второй том „Исторических путей [христианства]“. Пишу брошюру против баптистов (вполне ортодоксально и мирно). Нахожу Франциска Сальского. Привлекает больше, чем восточные авторы на эту тему (ближе к реальной жизни). Решаюсь найти всю книгу (были две последние части). Потом нашел у Татьяны Ивановны [Куприяновой], жены Бориса Александровича [Васильева]. Вера Яковлевна перевела, и перевод вышел в издательстве „Жизнь с Богом“ [1967]. Пишу очерк критики диамата.

1956

Продолжаю второй том. Собираю материал по шеститомнику. Читаю Вл. Соловьева, Лопатина[79], Лосского[80], массу художественной литературы (Мережковский[81] и пр.). Изучаю теософию. Учусь у одной женщины йоговским упражнениям.

1957

Заканчиваю второй том, довожу до XV в. Начинаю книгу „О чем говорит и чему учит Библия“. Изучаю библейскую критику. Велльгаузен[82]. Читаю много из русской религиозной философии. Особенно поражает Трубецкой, „Умозрение в красках“[83] — об иконах. Киприан[84]. Палама[85].

1958

Изучаю Соловьева, „Историю католической церкви“ (автора не помню, по-моему, поляк; по-русски). Работаю в епархиальном управлении. Изнанка. Знакомлюсь с бывшим католическим священником. Тоже не сахар. Резкое отталкивание. Но благодаря предыдущим работам уже прочно стою на экуменической позиции. К. Доусон[86] „Прогресс и религия“.

В Иркутске еженедельно занимался в общей библиотеке, где доводил свое образование до нужной мне полноты. Прошел почти весь курс духовной академии. Рассчитывал, что поступлю туда после отработки трех лет. Об этом была договоренность с инспектором — архимандритом Леонидом (Поляковым)».

В иркутский период своей жизни Александр, для которого рукоположение было только вопросом времени, смог окончательно сформулировать те задачи, которые он ставил перед собой как будущим священником.

«Наставниками моими (кроме родителей) были люди, связанные с Оптиной пустынью и „маросейской“ общиной отцов Мечевых, — писал Александр Мень. — С самого начала в этой традиции меня привлекла открытость миру и его проблемам».

Еще в возрасте семнадцати-восемнадцати лет, когда Александр интенсивно готовился к церковному служению и много изучал патристику, он видел, что к вере начинают тянуться люди преимущественно образованные, то есть те, кто имеет возможность независимо мыслить. Отсюда он сделал вывод о том, что священник должен быть во всеоружии. Он не видел в этом ничего от «тактики» или «пропаганды». Пример Святых Отцов оказался для него достаточно красноречивым. Александр понял, что усвоение культуры нужно не просто для того, чтобы найти общий язык с определенным кругом людей, а потому что само христианство есть действенная творческая сила.

Когда в возрасте девятнадцати-двадцати лет Александр изучал раннехристианскую историю и писал о ней, он убедился в том, что в его мыслях нет надуманного реформаторства, поскольку они следуют по пути, проложенному традицией. «Традиции святоотеческой христианской культуры противостоял апокалиптический нигилизм, вырождавшийся в секты, а также бытовой обрядоверческий консерватизм, который питался языческими корнями, и, наконец, лжегуманизм, пытающийся осуществлять призвание человека вне веры», — писал он. Под знаком этого противоборства Александр и пытался понять (и описать) историю Церкви. Когда он познакомился с «новым религиозным сознанием» начала XX века в России, стало ясно, что «новизна» его относительна, что оно уходит корнями в ранние времена и само Евангелие. Хотя Новый Завет прямо не касался вопросов культуры (ибо по своей природе он глубже ее), но в его духе содержалось всё, что должно было породить линию, ведущую через апостола Павла к святым Юстину, Клименту и далее к классическим Отцам.

О католической церкви в то время Александр больше всего сведений получал из антирелигиозной литературы, но как только стали доступны более объективные источники, он увидел, что в ней, если говорить о послепатристических веках, творческая и открытая к миру тенденция получила широкое развитие (при этом слепая идеализация

католичества была всегда ему чужда). Это открытие послужило исходной точкой для его экуменических убеждений.

В самый разгар изучения католичества (в возрасте 21–22 года) Александр в свободное от занятий в институте время работал в епархиальном управлении истопником и близко соприкоснулся с разложением околоархиерейского быта, которое очень его тяготило. Он понял, однако, что, с одной стороны, церковный маразм есть порождение уродливых условий, а с другой — он уже слишком хорошо знал (изучая Средние века) теневые стороны жизни и истории западных христиан и пришел к выводу о том, что маразм есть категория интерконфессиональная, а не свойство какого-то одного исповедания.

Его отношение к протестантам (и в частности к баптистам) было сложнее. Александр очень ценил евангелический, профетический, нравственный дух, присущий протестантизму. Приехав в 1955 году в Иркутск, он в один день посетил православный собор и баптистское собрание. Контраст был разительный. Полупустой храм, безвкусно расписанный, унылые старушки, архиерей, рычащий на иподиаконов, короткая проповедь которого напоминала политинформацию, а с другой стороны — набитый молитвенный дом, много заводской молодежи, живые, прочувствованные проповеди, дух общинности; особые дни молодежных собраний, куда Александра приглашали. У других протестантов Александр нашел сочетание веры и библейской критики. Он не был согласен с основными установками «Истории догматов» Гарнака, которую тогда изучал, но находил в ней много ценного. При этом Александр, безусловно, не мог примириться с тем, что протестанты оторвались от единства Церкви, считая, что иерархический строй (не говоря уж о таинствах) необходим, ибо создает возможность для Церкви быть реальной силой в мире.

Конфронтации внутри Церкви Александр уделял не меньшее внимание, чем конфликту веры с атеизмом, который был закономерен и предсказан Спасителем. Впрочем, предсказана была и борьба внутри (он помнил слова Христовы о волках в овечьих шкурах, слова апостола Павла о «лжебратиях» и т. д.). По мнению Александра, обличение Господом фарисеев было «внутрицерковной» борьбой, ибо они находились на почетном месте в ветхозаветной Церкви, к которой Христос обращал Свое слово.

В связи с этим вопросом и готовя материалы к истории Церкви Нового времени, Александр стал собирать материалы по обновленчеству, чтобы понять, есть ли в этом какое-то ценное зерно. В Сибири он нашел письма епископов, относящиеся к периоду раскола, прочел книгу Введенского[87] «Церковь и государство». Всё это подтвердило худшие предположения: обновления — на грош, одно властолюбие, политиканство, приспособленчество. Но позднее, во время каникул, в Москве Александр встретился с Анатолием Эммануиловичем Левитиным, и тот рассказал много интересного о Введенском. Будучи участником обновленческого раскола в 1933–1946 годах, Левитин близко знал лидеров обновленческой церкви, а в декабре 1942 года переехал в Ульяновск, где в то время жил обновленческий первоиерарх Александр Введенский. Благодаря общению с Левитиным Александр понял Введенского не только как зловещую, но и как трагическую фигуру, которая в другое время принесла бы Церкви много пользы.

В своей рукописи книги «О чем говорит и чему учит Библия» Александр остановился на XV веке. Как он писал впоследствии, отход от церковно-исторических вопросов был обусловлен тем, что он отчетливо услышал призыв перейти к делам, имеющим прямое отношение к проповеди веры, к уяснению людьми смысла Библии и Евангелия. В те годы Священное Писание стало всё чаще попадать в руки людей. В иркутском соборе лежали на прилавке и довольно медленно расходились экземпляры Библии — чтение ее было трудным для рядового читателя, даже образованного. Рукопись Александра стала черновым прототипом и планом для шеститомника «В поисках Пути…» и в первую (по времени) очередь для «Сына Человеческого».

Зимой 1957/58 года Александр впервые ясно увидел, что такое «христианский гуманизм» и «христианский Ренессанс», которые противостояли Ренессансу языческому. Это движение началось с эпохи Франциска и Данте и завершилось святителем Григорием Паламой, Кватроченто, Рублевым, преподобным Сергием. В отличие от «темных веков» Средневековья (X — XI века), оно заговорило о ценности человека и мира как творений Божиих. Однако, по мнению Александра, этот гуманизм не получил внешнего преобладания, а остался полускрытым ручьем под горой языческого гуманизма, создавшего светскую идеологию Нового времени. Он пришел к выводу

о том, что христиане должны стремиться к развитию линии христианского гуманизма. Как писал отец Александр, «если Бог отдал Сына Своего ради человека, то сама Благая Весть возносит человека на недосягаемую высоту, то есть является гуманистической в лучшем смысле этого слова».

«В Иркутске жилось голодно, — вспоминал впоследствии отец Александр. — Как-то нам выделили лицензию на отстрел одного оленя. Пошли в тайгу с карабинами, всё как полагается. У меня 1-й снайперский по стрельбе. Разошлись в разные стороны. Снег глубокий, иду — восхищаюсь, щурюсь на солнце. Вдруг в десяти шагах — косуля. Справа от меня… Чуть боком… Ушки остренькие, ножки втыкает в пуховой снег — грациозная, палевая… Я про ружье забыл… Хотя греха, конечно, не было бы. Есть-то надо что-нибудь. Когда сошлись в круг, друзья были с добычей, а я про свою не сказал. Я, признаюсь, за свою жизнь не убил ни одного животного. Убил однажды — шмеля. Очень мучился».

Приведем здесь же фрагмент письма Александра Наталье, датированного 15 февраля 1957 года:

«Здравствуй, дорогая Наташенька! Думаю, что это письмо застанет тебя уже дома. Собственно, практика моя подошла к концу. Пока я доволен. Приехал в Улан-Удэ и на следующее утро отправился по распределению в Прибайкальский район. Это наиболее глухие места, но там есть те объекты, которые, как ты знаешь, меня интересуют. Тут на счастье я нашел одного из наших — Липатова, который собирался в тайгу с егерем. Егерь оказался хорошим парнем. Он уговорил меня отправиться с ними. Через день двинулись в тайгу. 12 км мы шли вдоль лесорубного поселка. Сопки уходили в самое небо. Тайга на них казалась мхом. Егерь объяснил, что это самые маленькие, а нам нужно подняться на сопку в 3 раза большую. Заночевали у лесорубов. Утром опять в путь. Ни звука. Только снег и пихты. Шли по целине, но снег был мелкий, до колена. Кругом свежие следы волков и рыси. С трудом, но в обход поднялись в нужное место. Там заночевали в лесной юрте. Это домик в полчеловеческого роста, с дырой в крыше. В центре костер, и дым частично уходит вверх.

Но тут подвернулось неожиданное приключение. Два охотника собрались на медведя. Я решил отправиться с ними. На ноги мы надели подобие лыж, широкие обмотанные доски[88]. Снег был более

метра. Подъемы крутые. 2 км поднимались почти по отвесной сопке. Забравшись на вершину, я ужаснулся, куда меня занесло. Кругом сопки, тайга, пихты. Температура 43 град. Но самое ужасное было впереди. Это спуск. Он густо зарос лесом и был так крут, что не видать низа. Охотники как-то съехали, лавируя между деревьями, но я с непривычки, боясь размозжить голову, ехал с трудом. Прокатившись около 100 м, я врезался по горло в снег и так и остался. Снег набился всюду. Я весь обледенел. А тут солнце стало садиться. Кругом тишина. Думаю — если станет темно, меня не найдут. А двигаться дальше не могу. „Лыжи“ застряли, ремни замерзли. Придется ночевать так. Но это значит — почти наверняка замерзнуть. Мне говорили, что сейчас одному быть в тайге нельзя. Закоченелыми руками развел костер, малость согрелся и, взяв в руки лыжи, двинулся вниз. Был по пояс в снегу. На каждом шагу почти полз на четвереньках. Но упорно полз и в конце концов в полной темноте достиг низа и увидел юрту. Там меня ждали охотники. На утро отправились на берлогу, но она оказалась пустой. Медведь не лег. На следующий день удили рыбу в проруби. Прошли км 15 и потом еще 6 км и вышли на тракт. Там, к счастью, поймали машину. 100 км в кузове открытом в 40-град. мороз. — это не Рио-де-Жанейро. Сейчас я в Турунтаево пишу отчет. Жду, когда вернусь, от тебя писем. Чем ты занимаешься. Как себя чувствуешь? Видела ли Павла? Пиши обо всем и чаще. До свиданья. Целую. Алик».

Итак, новый жизненный опыт Александра порой был связан с выживанием в экстремальных условиях сибирской тайги. А красота животного мира открывалась перед ним во всем ее удивительном разнообразии, питая его давнюю любовь к зоологии всё новыми яркими впечатлениями.

Вспоминает преподаватель биологии и систематики птиц Иркутского сельскохозяйственного института в те годы Т. Н. Гагина-Скалон:

«Осень 1956 года. Начались учебные занятия охотоведов. Новые студенты на меня произвели очень хорошее впечатление, которое не изменилось и впоследствии. Этот курс был самым активным, особенно бывшие москвичи. Они на лекции всегда задавали вопросы, посылали записки, на которые я отвечала в конце лекции.

И вот, придя домой, я, как всегда, поделилась своими впечатлениями с Василием Николаевичем[89]: „Они мне понравились,

влилась живая струя. Среди них есть один студент, по фамилии Мень. Он отличается от всех. У него необычная красота, матового оттенка лицо и очень похож на изображение Иисуса Христа. Как из прошлых веков“.

Александр Мень был душой курса. Всегда мягкий, спокойный, он хорошо учился, был активистом во всяких студенческих делах. Хорошо играл на гитаре и был хорошим собеседником. Великолепно рисовал, выпиливал из дерева различные фигурки животных и как-то подарил Оле Скалон, старшей дочери Василия Николаевича, чудесного носорога, сделанного им самим. Этого темно-бурого шерстистого носорога хранит она и теперь.

Студенты называли его не Сашей и не Шурой, а начальной половинкой его имени, т. е. Аликом. И так его называли все, и даже позднее, когда приезжали к нему в Подмосковье. И у нас в доме его звали так же.

Шло время. Алик жил у какой-то старушки на квартире. Там часто собирались ребята. Молодые, веселые, но не только. Играли на гитаре и пели песни. Мень собирал большую литературу, которую читали и студенты. Литература была необычная для тех времен, больше богословская. Не помню сейчас, когда Александр Мень стал бывать у нас. Чаще всего он приходил после занятий под вечер. Мы пили чай и разговаривали. Василий Николаевич был очень начитан в вопросах религии. Он был верующим христианином до конца жизни.

Приход Александра Меня и разговор с ним вносили новую струю в повседневную жизнь. Он часто приносил книги и статьи, выходившие у нас или за границей, которых В. Н. не мог ранее видеть и был рад с ними познакомиться. Александр великолепно знал, что делается в Церкви у нас, что происходит в Ватикане и т. д. Иногда возникали спорные вопросы. Например, о преемственности у нас благодати и многое другое.

После 4-го курса всех ребят отправили на военные сборы на 3 месяца, после чего им присваивалось офицерское звание. Руководил военной кафедрой ИСХИ огромного роста и крепкого телосложения генерал, фамилию его я забыла. Так вот, к нему обратились наши партийные товарищи с кафедры марксизма-ленинизма и истории партии, чтобы А. Меня не допустить до сдачи экзаменов. Генерал выслушал и сказал, что его не интересуют мелочные институтские

дрязги, что ему нужны подготовленные офицеры, а так как студент Мень сдал всё, что положено, то он не намерен вмешиваться. И Александр Мень всё сдал.

Не все преподаватели относились к Меню одинаково. Особенно злобствовали преподаватели на кафедре истории партии и марксизма-ленинизма — и прежде всего доцент Гантимуров, А. А. Кузьмина и Большаков. Все трое были чем-то похожи между собой. Пожилого возраста, плотные и маленького роста, не более 155 см. Они почему-то кипели злобой. Были и у меня с ними (кроме Большакова) неприятные столкновения. Донимали они своими подозрениями и Василия Николаевича, подглядывая и подслушивая разговоры у дверей кафедры, подговаривая студентов и т. д. Зло выступали на собраниях, обвиняя в разных грехах.

Так вот, однажды к нам пришел Александр Мень, весьма грустный и рассказал, как его экзаменовали по философии. Он взял билет, набросал конспект ответа, хотя мог бы отвечать и сразу. Принимала Кузьмина и отправила снова учить, поставив в ведомость два. Он возразил, что не согласен с ее оценкой знаний. Она расшумелась. Дело дошло до декана и парткома. Решили назначить комиссию.

Прошло несколько дней, назначили комиссию. Мень стал отвечать. Он знал великолепно не только работы Ленина и Маркса, но и читал непосредственно Дюринга, Гегеля и других. Он мог с ними спорить и доказывал с полной аргументацией. Они его внимательно слушали, т. к., вероятно, для них кое-какие вопросы были преподнесены ясно, понятно и четко.

Я не помню, кто был в комиссии, но они, похвалив его глубокие знания, поставили оценку удовлетворительно. „Хорошо“ поставить не решились, тем более „отлично“, заявив так, что он предмет действительно знает неплохо, разбирается, но… все же нутро у него не марксистское.

Александр Мень зашел к нам и, смеясь, рассказывал эту комедию с экзаменом. Тройка — все же отметка. А то хотели отчислить за неуспеваемость, о чем хлопотал декан факультета Свиридов.

После этого на факультете появились стенгазеты в ватманский лист, где изображали Меня в рясе с крестом и с мыслями о черной „Волге“ и т. п. Комсомол и деканат продолжали нападки».

Вот как вспоминает эту историю один из преподавателей института, зоолог Борис Кузнецов:

«В институте знали, что Мень — верующий. Сверху поступил приказ любыми способами избавиться от верующего студента. Предстоял госэкзамен за 4-й курс. На всю жизнь запомнилось. Экзаменационный листок, на котором студент может записать тезисы своего ответа. Сверху — штамп Иркутского сельхозинститута. И каллиграфическим почерком выведено: политическая экономия. А ниже, вместо тезисов к ответу или конспекта, во весь лист — рисунок. Замечательно исполненный. По небу летит женщина полуобнаженная, а ей в бок вцепился (вгрызается) черт. Вокруг звезды, полумесяц, херувимчики летают. И всё. Никаких тезисов. Предмет-то Мень знал великолепно. Листок этот я видел у Алика (так его звали в семейном и дружеском кругу), будучи у него в гостях. И взял его себе на память. К сожалению, листок потерялся, столько было переездов…

Экзамены по политэкономии, марксизму-ленинизму были, как правило, публичными, то есть открытыми, тем более госэкзамен. Приглашались желающие поприсутствовать, и сидела почтенная комиссия — райкомовские, обкомовские работники и люди из университета, спецы по марксистским наукам. Процесс проходил в актовом зале. Зал светлый, просторный. Комиссия сосредоточенна. Интересно, что будет говорить Алик. Он пошел в числе первых. Все знали, что он достаточно эрудирован. Взял билет и тут же сказал: „Я готов“. Чем вызвал неудовольствие комиссии: „Садитесь, надо же подготовиться“. Он взял этот листок для подготовки, сел и начал на нем что-то рисовать. А что — мы увидели позже. Через 20 минут, отведенные на подготовку, его спросили: „Вы готовы?“ „Да, давно готов“ — и начал отвечать. Всего было три вопроса, на ответ десять минут. Педагоги с кафедры марксизма-ленинизма крутят головой, важно обмениваются взглядами, вот мол, каких специалистов мы выпускаем, как грамотно чешет… И нацелились ставить „отлично“, уже написали букву „О“. Но Алик говорит: „У меня на первый вопрос есть свое особое мнение“. Они ему: „Ну, что вы, этого достаточно, у вас прекрасные знания“. — „Нет, все-таки, разрешите“. „Ну, хорошо, отличник… Пожалуйста“. Что тут началось!

Мы сидели, разинув рты. Разумеется, ничего не знали из того, что он говорил. Обычно же шпаргалками обходились. Экзаменаторы

оторопели, потом побледнели, потом покраснели… Разгневались. Кто-то пытался возразить. И тут случилось самое смешное. Александр Мень сказал: „По этому вопросу в берлинском издании Ленина, страница такая-то, напечатано следующее…“ и процитировал. Возникла пауза. Никто ведь из них не читал берлинского издания… на немецком языке… Кто-то задал вопрос, вероятно из тех, кто над этой темой работал. Задал, пытаясь оспорить мнение студента. На что Мень возразил: „В хельсинкском издании Ленина это высказывание звучит совсем по-другому. В русском оно сокращено и искажено“.

Взрыв возмущения, обвинения, обсуждения оценки. Председатель комиссии сказал: „Вы, конечно, обладаете хорошими знаниями, но… за мировоззрение вы больше тройки не заслуживаете“. Двойку поставить не осмелились. В зачетке, сам видел, у него было выведено: „О. Удовлетворительно“».

Этот эпизод дополняют воспоминания еще одного однокурсника Александра, Владимира Латышева:

«То же самое произошло и на экзамене по историческому материализму. (Мень) Отвечает на все вопросы. Задают разное, по поводу и без повода. Ставят „неуд.“. Завалил экзамен. Он говорит: „Я буду пересдавать“.

Тогда весь курс написал заявление в деканат о нежелании признать „неуд.“ за экзамен А. Меня, который отличался блестящими знаниями по всем предметам. Посоветовал нам это сделать профессор Василий Николаевич Скалон, замечательный человек (его тоже потом выжили): „Немедленно пишите заявление на переаттестацию, они обязаны принять“. Переэкзаменовку разрешили. И снова собралась комиссия: обком, партком, декан, преподаватели. Студентов на сей раз не пустили. Но там была наша лаборантка.

Мень подходит к столу, спрашивает — как отвечать: беседовать или брать билет? — „Берите билет“. Первый вопрос, второй, третий… Все ответы — блестящие. Посыпались вопросы, в том числе провокационные».

«Он знал первоисточники, изучив, в отличие от них, не только Маркса, Энгельса и Ленина, но и Гегеля, Мальтуса, Вейсмана и многих других, — уточняет Валентина Бибикова. — Члены комиссии выглядели полными дураками».

«И при этом Свиридов, декан ф-та, ему попенял: — „Да, Мень, Вы обладаете незаурядными знаниями, но Вы применяете свои умственные способности не по назначению“, — заканчивает Владимир Латышев. — Завалить, поставить „неуд.“ не удалось. Отвечал-то отлично, м. б., боялись повторной реакции студентов. Все-таки это было хрущевское время. Но кафедру после такого позорного провала разогнали».

«…Сдал госэкзамен, а к диплому не допустили, — рассказывал впоследствии Александр Мень. — Две группы нашего курса решили в мою защиту объявить забастовку. Насилу уговорил их этого не делать. Ректор мне доверительно прошептал: „У нас есть верующие, но ты — уж ни в какие ворота не лезет!“ И правда, не терялся. На лекциях „Кролиководство“, „Организация труда“ вовсю писал основную свою книгу „Как и чему учит Библия“. Этот труд — первоатом всего последующего 6-томного цикла „В поисках Пути, Истины и Жизни“. Основные идеи уже были здесь заложены.

Книгу „Как и чему учит Библия“ я сам иллюстрировал картинками из мировой живописи. Некоторые иллюстрации вошли в печатные книги, некоторые — даже в диафильмы. В 50-х годах в эмбрионе был явлен весь свод».

«Вообще, „прижать“ его на чем-либо было трудно, — вспоминает Валентина Бибикова. — Учился Алик хорошо, прогуливал меньше других, религиозную пропаганду среди студентов не вел, открытых учеников-последователей не имел. А „прижать“ не терпелось. Удалось только на пятом курсе…

На четвертом курсе на Иркутскую пушно-меховую базу приехала группа студенток-товароведок. Конечно, ехали те, у кого в Москве была любовь с охотоведами. Приехала к Алику и Наташа. Вскоре они обвенчались. Наташа стала верной, преданной, умной женой на всю его оставшуюся жизнь, готовая в трудную минуту подставить свое плечо. Это была удивительно красивая пара. Они любили друг друга всю жизнь, любили нежно, оберегая друг друга, как в первый год жизни.

На пятом курсе у нас была большая шестимесячная практика. Алика Меня послали в Тюмень, а там места для практики не оказалось, и он уехал в Дубненское охотничье хозяйство в Подмосковье, где охотоведом работал уже окончивший институт

Габузов. Конечно же, Алик не все дни проводил в хозяйстве — хотелось побыть с Наташей. Тем не менее практику он прошел, хороший отчет был написан. Но у кормящей в это время ребенка Наташи пропало молоко, и Алик опоздал в институт на три дня. Потребовали объяснение. Я, к примеру, опоздала на две недели из того же хозяйства — никто и не заметил.

Как-то вызвал меня декан и спросил, почему Меня второй день нет на занятиях. Я тут же лихо соврала, что Алик болен: температура 38°, озноб — кошмар! Свиридов улыбнулся: оказывается, Алик улетел на два дня в Москву по каким-то церковным делам. И надо же такому случиться, в самолете с ним летела проректор института и видела его.

И вот тогда-то и была вытащена на свет его объяснительная записка об опоздании с практики. Появилась резолюция декана: „Учитывая низкую учебную дисциплину на 5-м курсе охотоведческого отделения, в которой немалую роль играют студенты, подобные Меню, считаю необходимым поставить вопрос об отчислении его из числа студентов ИСХИ…“ И ректор начертал: „Считаю невозможным дальнейшее пребывание т. Меня в числе студентов института…“ Алика исключили. Мы скандалили, доказывали, что делать этого нельзя, что он — талантливый биолог, и уже напрямую говорили, что если его исключат, он уйдет служить в церковь, а сдаст госэкзамены — пойдет работать охотоведом. Мы говорили, что партийные руководители, борясь с влиянием церкви, должны уводить от нее, а не толкать его туда. Всё впустую. Нас не слушали. Теперь, умудренные долгой жизнью, мы понимаем, что декан и ректор отнюдь не были „кровожадны“. Скорее всего, не было у них желания любыми средствами сжить со света юношу-пятикурсника. Им приказали — они нашли способ. Время было такое — ослушаться было нельзя».

Продолжает Т. Н. Гагина-Скалон:

«…Прошло всего несколько дней, и декан Свиридов с довольной усмешкой заявил А. Меню, что им уже подписан приказ о его отчислении за пропуск занятий по неуважительным причинам.

И тут же Свиридов направил бумагу от института в военкомат, что в связи с отчислением А. Меня институт просит призвать его в солдаты. Александру Меню пришла повестка из военкомата. Что делать? Военную подготовку он прошел, стал офицером запаса. „Иди сейчас прямо к начальнику военкомата округа, — посоветовал ему

Василий Николаевич. — Возьми все нужные документы. Расскажи всю историю. Он назвал ему фамилию генерала. — Я думаю, все дело устроится по справедливости“.

Действительно, генерал удивился действиям институтского начальства. Заверил его, что он свободен и призыву не подлежит, разве что в военное время как офицер.

Александр появился радостный и веселый. Но как-то уже перед отъездом он зашел к нам. Я помню его разговор перед уходом.

— Василий Николаевич, я очень вам всем признателен, но я опасаюсь навести на вас большие неприятности. Я часто прихожу к вам в дом. Вероятно, это не остается незамеченным. Я бы не хотел, чтобы у вас были неприятности из-за меня. Я теперь на подозрении. Думаю, что скоро уеду.

Он распрощался, поблагодарил за приятный прием его, советы и помощь.

„Какой талантливый парень! — часто восхищался им Василий Николаевич. — Далеко пойдет. Если он не женится, то займет высокое положение в Русской Православной церкви. Ему только двадцать два, а какая широта ума, какая эрудиция!“».

Александр Мень был отчислен из института в соответствии с приказом за подписью и. о. директора ИСХИ Шерлаимова и декана зоологического факультета Свиридова.

«Книг со мной в Иркутске было много, — рассказывал впоследствии отец Александр. — Мировую философию в основном проштудировал там, в тайге, на практике. <…>

Провожая меня на вокзал, ребята тащили тринадцать чемоданов книг. Это была процессия гномов. Я мог оттуда же, из Иркутска, загреметь в армию. Пришел в военкомат. Объяснил, что женат, что уже родилась дочь… Усталый военком, фронтовик, посмотрел на меня понимающе и — отпустил домой к семье. А ведь должен был вручить повестку „с вещами“».

«Провожала Алика в Москву большая толпа, — заканчивает свой рассказ Валентина Бибикова. — На квартире набралось, наверное, два десятка неподъемных чемоданов с книгами. Их торжественно приволокли на вокзал. Отвлекая проводницу, рассовали по полкам купе, обняли, расцеловали, похлопали по спине Алика, и он уехал. А

мы вдруг почувствовали, что жизнь не такая уж радужная, что стали мы взрослыми и расправляются с нами уже по-взрослому».

Глава 14
Рукоположение

События, описанные в предыдущей главе, происходили на фоне серьезных перемен в жизни страны после смерти Сталина и последовавшего в 1956 году XX съезда партии, приоткрывшего правду о культе личности и методах сталинского правления.

Постепенно из тюрем и лагерей стали выпускать невинно осужденных и в том числе заключенных, пострадавших за веру. В то же самое время начинался период «хрущевских гонений» на Церковь, проходивших под знаком «научного атеизма» и подкрепленных соответствующими правительственными постановлениями 1954 года об усилении научно-атеистической пропаганды среди населения.

В те годы вернулись из заключения и ссылок дорогие для семьи Меней люди, с которыми были связаны долгие годы совместных молитв в «катакомбной» церкви.

Мария Витальевна Тепнина весь срок заключения провела в Кемеровском женском лагере, после которого была отправлена в ссылку в Красноярский край и была освобождена по амнистии в 1954 году. Вот как она вспоминает о встрече с Александром Менем в Москве после своего возвращения из ссылки: «…Мы встретились, как будто бы вчера виделись… „Марусенька!“ — „Алик!“ Ну и… очень трудно сказать, радость была, конечно, всепоглощающая».

Всем своим существом она разделяла тревоги и радости судьбы Александра, став его духовной дочерью и пережив его на два с половиной года.

Александр вернулся из Иркутска в Москву со справкой о том, что он прослушал пятилетний курс Иркутского сельскохозяйственного института и отчислен в мае 1958 года. До этого момента он знал, что по окончании института по закону должен три года отработать по специальности зоологом. После работы по гражданской специальности он планировал поступить в Загорскую духовную семинарию. В обстоятельствах, сложившихся весной 1958 года, он увидел Божью волю и понял, что настало время осуществить свое призвание.

«Помню, брат был серьезно обеспокоен, когда его изгнали из института, — вспоминает Павел Мень. — Решался вопрос о его рукоположении. Он приехал из Иркутска, понимая, какие трудности его ждут. Однако он все решал гармонично. И на этот раз тоже. Впрочем, в одном откровенном разговоре, когда мы были вдвоем, брат признался, что ему очень тяжело дается этот выбор. Нашего отца его намерение принять сан не радовало. Вместе с тем самые близкие и ценные люди, которых Александр знал в Иркутске, были православные, отсидевшие за веру».

«Лет 25 назад я первый раз побывал в Киево-Печерской лавре, и меня поразила надпись у входа в пещеры, — писал отец Александр художнице Ю. Н. Рейтлингер в 1975 году. — Там говорилось о молитвенниках-подвижниках. „Не забывай их, — писал неведомый автор надписи, — и они тебя не забудут“. Это многому меня научило. И в один из труднейших, катастрофических моментов моей жизни 17 лет назад я это пережил с необычайной силой. И их иконы для меня действительно некий знак присутствия святых. Как это происходит, я не берусь, да и не хочу объяснять. Сам по себе внутренний факт важнее всех объяснений».

В письме идет речь о том состоянии, которое пережил Александр весной 1958 года, когда, будучи исключенным из института без диплома и имея в Москве жену с грудным ребенком, он по настоянию деканата получил повестку в военкомат для прохождения службы в армии. Узнав в военкомате, что он не подлежит призыву, и обратившись к иконам молитвенников-подвижников и к зову собственного сердца, Александр последовал по пути, намеченному им еще в ранней юности.

Отец Николай Голубцов благословил его на рукоположение. Помощница отца Николая Наталья Соболева[90] привела Александра к Анатолию Ведерникову, с которым Александр встречался еще в юношеские годы, когда приходил в Московскую духовную семинарию для выяснения программы курса. В 1958 году Ведерников был ответственным секретарем «Журнала Московской Патриархии», сотрудницей которого была Екатерина Крашенинникова[91]. С ней познакомил Александра Глеб Якунин, и она была хорошо знакома с Соболевой. Ведерников, Соболева и Крашенинникова были из тех людей, которые на своих плечах несли невзгоды, выпавшие на долю

Церкви при советской власти. Все трое были высоко одухотворенными людьми и привыкли к незамедлительной помощи нуждавшимся в ней.

Анатолий Васильевич, запомнивший Александра с момента их первой встречи, обратился к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю[92] и рассказал ему о молодом человеке, фактически имевшем полное богословское образование и много лет прислуживавшем в храме.

Митрополит Николай, одним из первых выступивший против антирелигиозной волны, поднятой государством, и видевший резкое уменьшение притока образованных молодых людей в духовные семинарии, спросил Александра, любит ли он полученную в институте профессию. Получив утвердительный ответ, благословил рукоположение, невзирая на то, что Александр не окончил семинарии. Он также спросил Александра, знает ли он иврит. «Надо бы вам его выучить, — сказал владыка, узнав, что еврейский язык Александр не знает, — это очень помогает пониманию Священного Писания. Я со студенческих лет запомнил, как нам объясняли в академии. Из русского перевода неясно, почему Господь, сотворив женщину, сказал: „Она будет называться женой, ибо взята от мужа“. А если прочесть на иврите, все становится ясно: „муж — иш, жена — ишша“»[93].

Незадолго до распоряжения владыки Николая о рукоположении Екатерина Крашенинникова представила Александра архиепископу Макарию[94], настоятелю храма Ризоположения Господня в Успенском соборе в Москве на Донской, где служил отец Николай Голубцов. К нему и обратился Александр с прошением о рукоположении. Свою жизненную задачу в этом прошении он определил словами: «посвятить себя на служение Церкви Божией»[95]. «Удобно ли отнимать вас у государства? Ведь все-таки вы пять лет учились в институте», — спросил его архиепископ. — «Государство само от меня отказалось, владыко», — ответил Александр, показав справку о своем исключении из института.

1 июня 1958 года, на праздник Святой Троицы — менее чем через месяц после исключения из института, — Александр был хиротонисан во диакона. Торжественное рукоположение состоялось в храме Ризоположения на Донской. Рядом с Александром были в этот день его близкие и друзья. Елена Семеновна и Вера Яковлевна были счастливы тем судьбоносным стечением обстоятельств, которое позволило

Александру так скоро начать свое служение. Александр глубоко пережил рукоположение как мистическое событие. При этом принятие сана не стало переломным моментом в его жизни, поскольку было органическим продолжением пути, по которому он шел уже много лет. Место рукоположения Александра символично — в Донском монастыре был похоронен патриарх Тихон.

Вот как отец Александр вспоминал события того года:

«…Был отчислен из института в мае 1958 года, когда уже сдал первый госэкзамен. Три года необходимой отработки отпали.

Через месяц был рукоположен. Был посвящен в дьяконы 1 июня 1958 года, на Троицу, в храме Ризоположения преосвященным Макарием Можайским (без экзамена) и направлен в приход села Акулово (под Одинцово).

Тогда же поступил в семинарию, она мне мало что дала. Служил со священником-уставщиком. Это был хороший урок. Убедился, что часто „типиконство“ соседствует с помраченным нравственным сознанием и узостью (такова была вся обстановка в храме).

Уже дьяконом заканчиваю книгу о Библии [„О чем говорит и чему учит Библия“]. Пишу очерк „Единство Церкви“, прокатолический. Вычленяю из „Библии“ [„О чем говорит и чему учит Библия“] (440 страниц) главы о Христе и делаю „Сына Человеческого“. Использую катехизические беседы, которые каждое воскресенье по просьбе настоятеля вел с новокрещаемыми.

В акуловский период много занимался катехизацией (было много крещаемых в церкви). Написал первый вариант „Сына Человеческого“, а также ряд статей.

Начинаю учиться иконописи у Ведерниковых.

Ленинградская семинария (1958–60-е годы).

Работаю над вторым вариантом „Сына Человеческого“. Начинаю печататься в „Журнале Московской Патриархии“ (всего около 40 статей). Основополагающие книги: Ельчанинов[96] „Записки священника“ (только что вышли) и „Пастырство“ [„Введение в пастырское богословие“] Киприана Керна[97]».

В церкви Покрова Божьей Матери в селе Акулове на западе от Москвы по Белорусской железной дороге началось церковное служение Александра Меня. Его вместе с женой и грудным ребенком поселили в ветхий одноэтажный домик, в котором, по преданию,

останавливался Наполеон при наступлении на Москву в 1812 году. Зимой стены внутри дома от пола до окон из-за сырости покрывались наледью. С помощью друга из церкви на Пресне Владимира Рожкова Александру удалось подготовить дом к приезду семьи, но тесноту и сырость исправить было невозможно. Зато можно было гулять в маленьком палисаднике при доме, где росла сирень, а по стенам спускался плющ.

Зарплата молодого дьякона составляла 100 рублей в месяц, что никак не позволяло содержать жену и ребенка, ремонтировать дом и покупать дрова. Возможность печататься в «Журнале Московской Патриархии», предложенная Ведерниковым, была в этой ситуации спасительной. Начиная с 1958 года Александр регулярно публиковал в журнале свои статьи.

Настоятель храма отец Сергий Орлов был рукоположен в возрасте 56 лет, а в прошлом работал счетоводом и учителем и считал исполнение церковного устава главным в своей деятельности. В прошлом священниками в Акулове служили также его отец и дед. Отец Сергий был ценим церковным начальством, считался знатоком Типикона и вел, как правило, многочасовые службы по монастырскому уставу.

Олег Степурко так передает рассказы о настоятеле храма в Акулове: «Один священник называл его членом секты „типиконщиков“, ему ничего не стоило выбежать на всенощной из алтаря и закричать на весь храм хору, который находился на балконе напротив алтаря: „А где задостойник 8-го гласа?“ Служба прерывалась, на балконе клирошане судорожно хватались за книги и начинали в панике разыскивать злополучный задостойник. И таких „великих выходов“ из алтаря могло быть несколько. Посредственный бухгалтер, решивший во времена благополучные переменить счеты на епитрахиль, так и остался бухгалтером, скрупулезно высчитывающим дебет и кредит в службе по своему Евангелию — по Типикону, где описан порядок служб».

Во время одного из визитов в церковь Покрова владыка Антоний (Мельников)[98], ставший впоследствии митрополитом Ленинградским и ректором Ленинградской духовной академии, разговорился с молодым дьяконом и был очень впечатлен обширностью его знаний. В частности, Александр узнал отца Павла Флоренского на репродукции в

новом альбоме Нестерова, который показал ему владыка. Труды Флоренского были в те годы недоступны, и на имени его уже много лет лежала «печать запрета». «Этот будет вторым Флоренским», — сказал владыка отцу Сергию. Такой отзыв восстановил настоятеля против дьякона, и впоследствии Александра перестали приглашать к именитым гостям. Более того, свое недоброжелательное отношение к Александру настоятель транслировал и церковному руководству.

Таким образом, обстановка в храме была далека от благоприятной и скорее тяготела к фарисейству, поэтому Александр в этот период старался удерживать новообращенную жену от посещения служб. Постепенно он начал изменять сложившуюся атмосферу. Помимо рутинной обязанности составлять годовые служебные указания к церковному календарю, Александр получил от настоятеля поручение вести с новыми прихожанами храма подготовку к крещению. Александр начал с бесед о жизни Христа. «Отец Сергий поставил меня катехизатором, — рассказывал он впоследствии. — Тогда много крестилось взрослых людей — два-три человека каждое воскресенье. Передо мной стояла задача объяснить человеку с нулевыми знаниями, во что он крестится. Храм с внешней стороны был разрисован библейскими и евангельскими картинками. Я и водил вокруг храма новообращаемых в течение 10–15 минут, а потом их крестили».

Акулово расположено недалеко от промышленного центра Одинцово, и в церкви нередко появлялись молодые рабочие одинцовских фабрик и заводов. Глубина и сердечный интерес к людям, с которыми Александр общался на своих занятиях, стали привлекать всё новых прихожан. Окружающие видели в нем мудрость и одухотворенность. Сочетание этих качеств с простотой и искренностью в общении притягивало к нему людей. Его умение видеть непостижимый обычному человеку смысл вещей, который лежит в основе наиболее полной реализации человека, его движения навстречу Богу еще тогда, в первые же годы служения Александра, обратили на себя внимание всех, кто бывал в церкви Покрова в Акулове.

И внешне Александр не старался выглядеть «уставщиком». В отличие от отца Сергия, который даже дома носил рясу и подрясник, Александр часто ходил в цветастой рубашке навыпуск, а в солнечную погоду носил темные очки (в том числе на панихидах).

При этом Александр никого не призывал к вере — его катехизаторские занятия были именно беседами, на которых прихожане храма чувствовали себя очень свободно. Александр всегда ценил внутреннюю свободу человека и никогда не навязывал готовых решений. Но его любовь ко Христу творила чудеса — он был наполнен ею с первых лет своей жизни, и прихожане храма часто принимали решение о крещении, вдохновившись его обликом и примером.

Еще в подростковом возрасте Александр сделал наброски и рисунки к своей книге «Сын Человеческий», первая редакция которой была полностью оформлена в период его служения в Акулове. «Тогда, будучи еще совсем юным, начал он писать свою первую книгу „Сын Человеческий“, — пишет Анна Корнилова. — Первый вариант ее в машинописном виде в матерчатом темно-вишневом переплете до сих пор бережно хранится мною рядом с таким же самодельным изданием книги Сергея Иосифовича Фуделя „Наследие Достоевского“».

«Он написал эту книгу в двадцать один год, — продолжает Павел Мень. — Самая главная задача этой книги в том, чтобы наш современник, не имеющий специального духовного и исторического образования, после ее чтения смог открыть Евангелие и понять его. И эта задача была выполнена. „Сын Человеческий“ переведен на многие европейские языки. Александр сумел достучаться до сердца человека, чтобы тот понял евангельскую Радостную Весть».

Как указывает отец Александр в своих записях, книга «Сын Человеческий» была выделена им в те годы из его масштабной работы об исторических путях христианства. Как самостоятельный труд «Исторические пути христианства» были впоследствии значительно переработаны и дополнены автором, результатом чего стало появление шеститомника «История религии». От первоначального варианта остались лишь разрозненные черновики, а написанную в тот же период книгу «О чем говорит и чему учит Библия» Александр не стал сохранять как отдельное произведение. «История религии» включила в себя материалы и этой его ранней книги. Первыми читателями, комментаторами и горячими поклонниками его литературных трудов стали Николай Евграфович Пестов и Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин.

Впоследствии Александр рассказывал также о биологе и богослове Владимире Дмитриевиче Коншине[99] и его отношении к

книге «Исторические пути христианства» в то время: «…Каста в нем сказывалась. Как-то я увидел у него на столе альбом икон дореволюционного издания. Впился, разумеется. Он, недоумевая: „Что, тоже интересуетесь?“ Это была область, куда вход был открыт не всем. А в отношении ко мне уже была настороженность, что ли, нет, не настороженность, а мизерная, едва уловимая нота недоверия. Я всё не мог понять почему. Возможно, потому, что в это время я пустил читать свою книгу „Исторические пути христианства“, написанную, между прочим, как бы параллельно „Историческому пути Православия“ Шмемана. Невольно шла полемика. Все мои сегодняшние мысли о единстве Церкви там уже были, но — выраженные с горячностью 19-летнего юноши».

Над книгой «Сын Человеческий» Александр работал в состоянии особого духовного подъема — сбывалась его давняя мечта донести евангельскую весть в массы самым доступным и современным языком. На страницах этой книги Александр необычайно ярко воссоздал евангельскую эпоху и показал читателю образ Иисуса Назарянина таким, каким Его видели современники. Он построил жизнеописание Христа на основании Евангелий и лучших имеющихся комментариев к ним, используя также множество других литературных источников, чтобы показать жизнь Иисуса доступным даже для непросвещенного человека образом.

«…Нельзя забывать, что путь Христов проходил среди людей определенного времени, что к ним в первую очередь было обращено Его слово, — пишет отец Александр в предисловии к „Сыну Человеческому“. — Св. Иоанн Златоуст рекомендовал, читая Евангелие, представлять себе конкретную обстановку, служившую фоном священных событий. Теперь мы можем следовать этому совету успешнее, чем во дни самого Златоуста, поскольку располагаем более подробными сведениями об Иудее I века. Увидеть Иисуса Назарянина таким, каким видели Его современники, — вот одна из главных задач книги о Нем».

С первых же страниц книги читатель погружается в захватывающую панораму истории, нарисованную автором. Это описание настолько кинематографично, что книга не раз впоследствии становилась основой для документально-художественных фильмов: «Весной 63 года до н. э. на дорогах Палестины показались колонны

римских солдат. За ними со скрипом тянулись обозы, грохотали тяжелые осадные орудия, в тучах пыли блестели панцири легионеров и колыхались боевые знамена. Командовал армией сорокатрехлетний полководец Гней Помпей…»

Автор пишет настолько убедительно, уделяя настолько пристальное внимание географическим и политическим реалиям и быту той эпохи, что читатель ясно видит Палестину времени рождения и жизни Иисуса, как будто бы переживая всё происходящее вместе с автором, только что вернувшимся оттуда в наше время.

Каждая тема повествования, затронутая Александром Менем в «Сыне Человеческом», наполнена его поэтическим восприятием: «Самое непостижимое в пророках — тайна их вдохновения. Они не строили гипотез, не создавали умозрительных систем, Бог непосредственно через них возвещал Свою волю. Речи пророков обычно начинались словами: „Так говорит Яхве“. Дух Господень овладевал ими с покоряющей силой, и люди внимали их голосу как голосу Неба. Это чудо потрясало самих пророков».

Важно и то, что при написании «Сына Человеческого» автор ставил перед собой задачу описать происходящие в книге события предельно достоверно с научно-исторической точки зрения. Вот, например, как он описывает в своей книге эпизод избиения младенцев после получения царем Иродом известия о рождении Мессии: «…Ирод безрезультатно ждал вестей: маги предпочли идти на родину другим путем, минуя Иерусалим. Убедившись, что его план не удался, царь решил разом покончить с предполагаемой опасностью. В Вифлеем был направлен отряд солдат с распоряжением умертвить там всех младенцев моложе двух лет. В какой степени приказ был выполнен, неизвестно. Ирод несомненно давал его в глубокой тайне. Даже Иосиф Флавий, писавший о тех временах, не упоминает о вифлеемской трагедии».

В «Сыне Человеческом» необычайно глубоко показаны психология и внутренний душевный мир героев книги. Вот, например, как автор пишет о становлении Иисуса как личности: «Становление любой личности, а особенно необыкновенной — всегда загадка, тем более не дано нам проникнуть в тайну души Иисуса. Можем ли мы знать, о чем думал Он, работая в маленькой мастерской, о чем молился? Одно только кажется бесспорным: Он был свободен от

конфликтов, которые с детских лет терзают человека; над Ним не имели власти демонические стихии. Если и знал Он внутреннюю трагедию, то рождали ее лишь одиночество, сострадание, боль от соприкосновения с миром зла, а не муки греха и борьбы с темными инстинктами. Об этом свидетельствует всё, что известно о характере Иисуса. Даже такой враждебный христианству ученый, как Давид Штраус, после длительных размышлений над Евангелием признал, что гармоничность духа Иисусова была не следствием внутреннего кризиса, а результатом естественного раскрытия заложенных в Нем сил. <…> В Нем не было чувства греховности, которое присуще каждому святому, не было ничего ущербного. Пусть даже часто Он оставался непонят и одинок, это не омрачало просветленности Его духа; Иисус постоянно был с Тем, Кого Он называл Своим Отцом».

Александр Мень наглядно показывает причину безусловного приятия Иисуса окружающими: «Притчи издавна были известны в Израиле, но Иисус сделал их основным способом выражения Своих мыслей. Он обращался не к одному интеллекту, а стремился затронуть все существо человека. Рисуя перед людьми знакомые картины природы и быта, Христос нередко предоставлял самим слушателям делать выводы из Его рассказов. Так, избегая абстрактных слов о человеческом братстве, Он приводит случай на иерихонской дороге, когда пострадавший от разбойников иудей получил помощь от иноверца-самарянина. Подобные истории западали в душу и оказывались действеннее любых рассуждений. <…>

Есть глубокий смысл в том, что проповедь Евангелия оказалась тесно связанной с этой страной. Весть о Царстве Божием впервые прозвучала не в душных, пыльных столицах, а у берегов лазурного озера, среди зеленеющих рощ и холмов, напоминая о том, что красота земли есть отражение вечной красоты Неба».

Автор неоднократно показывает глубинную символику того факта, что учение Христа было впервые открыто простым, малообразованным людям: «Если бы Благая Весть была сначала вручена „мудрецам“, возникла бы опасность, что ее суть останется затемненной. Так произошло сто лет спустя, когда новую веру приняли восточные оккультисты и переплели христианство с гностической теософией. В подлинной же чистоте Евангелие смогли сохранить именно простецы, чуждые гордости и „лидерства“, не отравленные

сухой казуистикой и метафизическими теориями, люди, которые внесли в учение Иисуса минимум своего. Личность, мысль, воля Господа были для них единственным и самым дорогим сокровищем».

Отец Александр подчеркивает, что проповедь Христа была обращена не к безликому «народу», а к личности: «…В толпе духовный уровень людей снижается, они оказываются во власти стадных инстинктов. Поэтому Христос придает такое значение отдельным судьбам. В любом человеке заключен целый мир, бесконечно ценный в очах Божиих. Если Иисус и пользовался словом „стадо“, то в Его устах оно звучало совсем иначе, нежели в наши дни. Для Его слушателей оно ассоциировалось с предметом любви и постоянной заботы: на овец смотрели почти как на членов семьи. „Добрый пастырь, — говорил Иисус, — каждую овцу зовет по имени“ и готов „положить за нее жизнь“».

Привычные для нас евангельские истины при прочтении этой книги звучат совсем по-другому. Они полностью применимы к современной жизни, к нашим реалиям.

Отец Александр напоминает в своей книге о важности той жизни, которую мы ведем здесь и сейчас: «Бессмертие, воскресение, Царство Божие неотделимы от того, что совершается в этом мире. Если человек станет пренебрегать своим земным служением, это будет изменой его призванию. С другой стороны, тех, кто все силы отдает только материальному, ждет неминуемая катастрофа. Жизнь коротка. В любой момент от нас могут потребовать отчета».

В значительной степени автор пересказывает в книге содержание Евангелий, но делает это современным языком, по ходу снабжая повествование множеством интереснейших комментариев и подкрепляя их ссылками на философские и исторические труды авторитетных авторов. При этом, как комментировал содержание этого произведения Александр Мень в одном из своих писем, книга «Сын Человеческий» — «не очерк догматического богословия и даже не катехизис. В ней даны только „подступы“ к учению Церкви. <…> Есть вещи, о которых говорить сразу и в жестких формулировках бессмысленно и даже вредно. Усвоению этих формулировок должно предшествовать пробуждение веры и любви ко Христу. Только тогда, как говорил о. П. Флоренский, догматы через живой религиозный опыт раскроют человеку свою глубину».

В заключение отец Александр подводит итоги жизни Спасителя: «Много непостижимого хранят анналы истории, но можно смело сказать, что самое невероятное в ней — жизнь Иисуса Назарянина и тайна, которой Его жизнь увенчалась. Справедливо считают, что эта тайна выходит за пределы, доступные человеческому знанию. Однако есть и осязаемые факты, находящиеся в поле зрения историка. В тот самый момент, когда Церковь, едва зародившись, казалось, навсегда погибла, когда здание, возведенное Иисусом, лежало в развалинах, а Его ученики потеряли веру, — всё внезапно коренным образом меняется. Ликующая радость приходит на смену отчаянию и безнадежности; те, кто только что покинул Учителя и отрекся от Него, смело возвещают о победе Сына Божия».

Замечательный писательский талант Александра Меня и редкостная интуиция историка делают его книгу совершенно особым, выдающимся историческим и художественным произведением. Эту книгу, главную из написанных им, отец Александр дорабатывал несколько раз на протяжении своей жизни, в ней он старался донести до читателя всю свою любовь ко Христу. Рассказывая о своей работе над «Сыном Человеческим», отец Александр говорил: «…я молился, чтобы она [книга] была полезна тем, кому я ее посвятил: всем ищущим истину. И даже если она побудила хотя бы одного человека прочесть Евангелие с благоговением, мне было бы не жаль затраченного труда и времени». Несомненно и то, что эта книга — одно из самых значительных богословских произведений нашего времени. Ведь истинное богословие — это живая и действующая проповедь Христа, что в полной мере относится к труду Александра Меня.

Осенью 1958 года Александр, продолжая служение в Акулове, по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) поступил на заочный сектор сразу на третий курс Ленинградской духовной семинарии[100] (в Загорской семинарии под Москвой отделение заочного обучения тогда отсутствовало).

Вот как он описывал вехи своей жизни в эти годы:

«1959

Читаю новых философов — Джеймса, Бергсона.

1960

Пишу „Истоки религии“, в них еще входят главы о первобытных религиях. Иконопись. Бердяев массой. Булгаков. Гегель.

Рукоположен [во священники] в 1960 году, 1 сентября, в Донском монастыре епископом Стефаном (Никитиным), из „маросейских“.

Окончил Ленинградскую духовную семинарию.

[После рукоположения] в Алабино был назначен сначала вторым священником, а через год — настоятелем. Провел ремонт, с местными властями отношения были хорошие. Даже помогал им в хозяйственных вопросах. Основные, почти ежедневные, требы проходили в Наро-Фоминске (была церковная машина). Жил при приходе… Посещаемость была хорошая. Появились первые помощники, молодые. Некоторые остались и по сей день. Дружил со многими молодыми священниками. И с теми, кто потом был рукоположен».

Вопрос о рукоположении Александра во священника встал после двух лет службы в качестве дьякона. Его духовник отец Николай Голубцов рекомендовал ему из соображений этики сообщить отцу Сергию о своей готовности служить под его началом. Однако настоятель храма в Акулове ответил, что бюджет храма не позволяет иметь еще одного священника. «Когда я хотел, будучи рукоположен, остаться в храме на больший срок, о. Сергий сказал, сожалея: „Нет, на двух священников нам не хватит зарплаты“. Это была — царство ему небесное — ложь. Сам он получал 600 рублей, хотя жил один, без семьи, в большом деревянном доме из 8 комнат», — рассказывал отец Александр Мень Александру Зорину.

Поскольку для рукоположения во священники полагалось иметь заранее определенное место служения, то епископ Стефан (Никитин) [101] предложил Александру несколько церквей на выбор. Александру особенно пришелся по сердцу храм в поселке Алабино по Киевской железной дороге.

1 сентября 1960 года в Малом Донском соборе владыка Стефан хиротонисал диакона Александра во пресвитера. Побывав на первой литургии молодого священника, владыка сказал, что тот знает службу лучше многих «академиков».

Начинался новый этап жизненного пути Александра Меня.

Часть вторая
Пастырь

Глава 1
Служение в Алабине

Церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в середине XIX века, расположена на территории бывшего дворянского имения князей Мещерских в селе Петровском Наро-Фоминского района, неподалеку от станции Алабино Киевской железной дороги. В ней началось служение отца Александра в качестве священника.

Он был назначен вторым священником к недавно пришедшему в храм настоятелю, случайному в Церкви человеку, которого через несколько месяцев сменил другой. Новый настоятель имел легкий и дружелюбный характер, но через несколько месяцев он подал прошение о переводе по домашним обстоятельствам. Таким образом, через год после принятия священнического сана, в 1961 году, отец Александр был назначен настоятелем алабинского храма.

На вопрос о том, что изменилось для него, когда он стал священником, отец Александр ответил, что после рукоположения стал значительно сильнее физически, стал способен выносить нагрузки в пять раз большие. «За каждой литургией получаю таинственный квант Божественной энергии, — добавил он. — Чувствую близость Божию, которую раньше не ощущал».

Вторым священником в храме на короткое время стал отец Владимир Рожков, давний друг отца Александра по церкви Рождества святого Иоанна Предтечи на Пресне, где они оба с 1950 года прислуживали в алтаре. Когда через два месяца отцу Владимиру предложили место настоятеля в храме Николая Чудотворца в подмосковном Пушкине, отец Александр, уже начавший создавать определенную атмосферу в приходе, пригласил вторым священником в Алабино другого своего товарища по пресненской церкви, отца Сергия Хохлова. Отец Сергий с большой радостью согласился. «Но одновременно попросился на это место отец Серафим Голубцов[102], которого я не знал, — описывает этот момент в своих воспоминаниях отец Александр, — а, как впоследствии выяснилось, это был, как говорят на советском языке, „матерый провокатор“, человек, посадивший массу людей. Всё висело на волоске, но я самым

невинным образом этого не подозревал. Нас вызвал митрополит Питирим[103]. Сидит Голубцов — я напротив. Митрополит говорит: „Мы вам назначаем отца Серафима, но он старше вас и по службе больше, а вы настоятель…“ Голубцов поспешно говорит: „Я пойду вторым“. Я отвечаю: „С удовольствием бы его взял, но вот староста у нас хочет такого-то, Хохлова…“ „Ну, раз староста хочет, — отвечает митрополит, — мы ничего сделать не можем…“ Тогда ведь только что вышло это постановление… И Серафим „накрылся“, так что встретились мы с ним только через много лет»[104].

Вместе с отцом Сергием Хохловым отец Александр прослужил до конца алабинского периода своей жизни; это время было очень счастливым для них обоих. Отец Сергий стал замечательным помощником отцу Александру. Он любил богослужение и ревностно служил. Отец Александр выбирал ему хорошие тексты для проповедей, и отец Сергий ставил аналой (оба проповедовали с резной деревянной кафедры, специально для этого изготовленной) и зычным голосом начинал говорить, подражая по интонациям владыке Антонию[105]. Отец Александр также поручал ему беседовать с прихожанами храма, и отец Сергий с радостью это делал.

Постановление, упомянутое в воспоминаниях отца Александра, касалось реформы приходского управления, принятой на Архиерейском соборе 1961 года[106]. В результате давления государства Церковь вынуждена была пойти на отстранение настоятеля от управления приходом. Все права священников на приходах были переданы церковным советам, состоявшим исключительно из мирян. Так называемые «двадцатки»[107] (которыми фактически управляли уполномоченные Совета по делам религий, то есть Комитета госбезопасности) принимали на работу и увольняли священников, назначали им зарплату и распоряжались всеми приходскими делами.

Уже в самом начале служения отца Александра в Алабине в 1960/61 году до него дошли первые слухи о том, что Патриархия решает все права и полномочия по отношению к приходам передать так называемым церковным советам, или «исполорганам». Это решение вызвало некоторое смятение среди духовенства. Возникли протесты, которые особенно усилились, когда появился указ патриарха о том, что отныне вся хозяйственная часть и практически вся власть —

вся административная сторона — переходит к светским лицам, которые якобы избраны от лица «двадцатки».

В итоге в 1961 году был действительно собран Архиерейский собор, который и принял решение о переменах в управлении церковной общиной[108].

Против реформы выступил архиепископ Ермоген[109], который в период хрущевских гонений на Церковь не закрыл ни одного храма и впоследствии по этой причине был отстранен от кафедры. «Сам он — выпускник нашей Академии, учился еще у Флоренского и писал кандидатскую работу на тему „Психология мученичества по раннехристианским текстам“, — рассказывал о нем отец Александр. — Человек аристократичный, высокого роста, худой, с длинными седыми волосами, архиепископ Ермоген имел очень высокое мнение о епископском звании и считал, что епископ действительно должен быть владыкой Церкви. Юной он был души, несмотря на свои преклонные годы, всерьез принимал многое, что на самом деле вообще-то даже не стоило принимать всерьез». Ермоген собрал нескольких епископов и совместно они написали патриарху письмо с протестом против принятых решений. Последовали вызовы к патриарху и давление на всех, поставивших подписи под письмом. В итоге все, кроме Ермогена, сняли свои подписи.

По мнению отца Александра, иереи, собравшиеся на Архиерейском соборе 61-го года, даже не понимали, о чем идет речь. Их оторвали от текущей работы, собрали и дали быстро подписать постановление, преподав ситуацию в том ключе, что хозяйственными делами должны заниматься старосты. Поскольку многие из иереев того времени никогда в жизни не служили на приходах и в приходской жизни разбирались слабо, то новое постановление большинством из них не было воспринято глубоко, и реформа была согласована. Те же, кто заведомо не пошел бы на это, — например владыка Лука (Симферопольский)[110] — под тем или иным предлогом не были допущены до собора.

Отец Александр понимал, каким образом реформа может ударить по приходам, поскольку заключение договоров со священниками и предоставление старостам таких серьезных полномочий выглядело вульгарно и нелепо. Но уже имея опыт работы в епархиальных управлениях и хорошо представляя себе другую сторону этой

ситуации, отец Александр видел, что, когда настоятели были хозяевами положения, это было ненамного лучше. Большинство из них не имели достаточно вкуса для того, чтобы украсить храм должным образом, и отнюдь не были идеальными управляющими своими приходами. Многие бесконтрольно захватывали церковные кассы, от чего происходили непристойные обогащения… Вспоминая свои наблюдения за бытовой стороной церковной жизни в юные годы, отец Александр писал: «Всё было бесконтрольно, и временами мне, тогда совсем юному существу, казалось, что они превратили веру в фабрику по производству денег». Поэтому, по его мнению, всё, что случилось на Архиерейском соборе 61-го года, было в определенном смысле провиденциально…

«Когда впоследствии отец Николай Эшлиман[111] и отец Глеб Якунин[112] выступили с резкими нападками на собор 1961 года, — говорил отец Александр, — я думаю, что они должны были бы так же резко нападать на собор 1945 года, который создал фиктивную демократию в приходе». Фиктивное положение вещей, по мнению отца Александра, заключалось в том, что старосты и их помощники не имели никакого значения, а настоятель имел всю полноту власти. Существовавшие порядки привели к тому, что «двадцатки», то есть общины, стали фиктивными уже давно. В их состав боялись записываться обычные люди и потому входили старики и старухи. В результате «двадцатки» были недееспособны и не могли представлять церковную общину. Таким образом, собор заменил одну недееспособную систему управления приходом на другую.

«Признаться, на нашем приходе это не отразилось роковым образом, — вспоминал отец Александр, — потому что староста у меня только что умерла, и я посодействовал избранию женщины, которая целиком на меня полагалась. И только благодаря этому нам удалось произвести в храме полную революцию — во внешнем смысле».

Приход алабинской церкви Покрова был очень велик. Исторически сложилось так, что эта церковь никогда, даже в советское время, не закрывалась, в то время как в ближайшем к ней относительно крупном городе Наро-Фоминске с многотысячным населением действующих храмов на тот момент не было. Верующие из города и нескольких десятков окрестных поселков и деревень приезжали в алабинский храм. Практически ежедневно отец

Александр ездил на дальние требы. Его известность в приходе и окрестностях быстро росла. Он неустанно проповедовал и продолжил практику проведения разъяснительных бесед об основах вероучения, начатую им в Акулове. «…Я, став священником, пытался объединить приход, сделать из него общину, а не случайное соединение лиц, едва знакомых между собой. Старался, чтобы они помогали друг другу, молились вместе, вместе изучали Писание и основы веры, вместе причащались. Мне хотелось, чтобы вера не отгораживала их от жизни, не гасила умственных и культурных запросов, чтобы, став христианами, они стали духовно богаче, а не бедней, чтобы в них не слабел интерес к профессиональной и общественной деятельности, чтобы вера освящала все позитивные стороны их жизни. Я не хотел, чтобы их церковность носила ущербный характер, превращала их в аутсайдеров, своего рода „клерикальных хиппи“, как это порой случается. В этом я прошел хорошую школу у духовных наставников, которые направляли меня с юных лет», — писал отец Александр.

Церковь, расположенная недалеко от станции в прекрасном живописном парке, привлекала к себе внимание многих дачников и случайных людей, которые часто «втягивались в орбиту» прихода под влиянием ярких проповедей и открытости местного батюшки.

В первый год служения отца Александра в Алабине у него родился второй ребенок — сын Миша. Сначала семья снимала две комнаты в деревенском доме, а после назначения Александра настоятелем переселилась в сторожку при храме. Отец Александр смог организовать в ней маленький кабинет для литературной работы, в котором едва помещались письменный стол и стул, а на стенах висели полки с книгами. К молодому священнику тянулся непрерывный поток посетителей, не менее пяти — семи человек в день. Помимо духовенства к нему стремились прихожане, мастера-ремонтники и местные жители, искавшие духовного просвещения или просто мудрого совета в различных бытовых ситуациях. Его дом был открыт для всех заинтересованных, каждый мог прийти и задать вопрос. Для семейной жизни священника это, конечно, создавало трудности. Со временем выход был найден — бывшая крестильня со временем была переоборудована в небольшую приемную для отца Александра с отдельным входом, а в церкви для крещения отвели отдельное пространство за занавеской.

Примерно в то же время о священническом служении сына узнал Владимир Григорьевич. Вот как рассказывает об этом Павел Мень: «…Наша соседка по квартире Агафья Ивановна была верующая, православная, ходила в церковь. И вот, однажды, встретившись с папой на кухне, она доверительно и радостно оповестила: „Владимир Григорьевич, а я и не знала, что Алик ваш служит священником в Алабине. Люди говорят, хороший батюшка“. Папа опешил. Мы его в свою христианскую жизнь не посвящали… Он опасался и за маму, и за нашу судьбу, как мы, верующие, сможем адаптироваться в современном мире. Уже начались хрущевские гонения на Церковь. Обожженный революцией, — брата расстреляли по оговору, за веру сажали беспощадно, — он беспокоился о нас, как мы устроимся в этой жизни. И мы его щадили, защищали от рисковой реальности. Не сказали и о том, что Алик вернулся из Иркутска без диплома. Рукоположенный в дьяконы, он жил при церкви. А папе говорили, что работает биологом и за городом снимает жилье. У Алика уже родилась дочка… И вдруг откровенье от Агафьи Ивановны… Наверное, это был удар. Но он его перенес потому, что у нас была крепкая семья. Любящая, трудолюбивая, общительная. Взгляды, для него неприемлемые, любви не разрушали. И это был главный аргумент в нашу пользу».

Как вспоминает отец Александр, алабинский храм он в шутку называл «аббатством», потому что при этом приходе он жил, в саду был столик, за которым он писал свои книги, и тут же был весь народ. Была даже церковная машина, которую оставили церкви лишь потому, что район был большим (20–30 километров в диаметре), и в день бывало по пять-шесть отпеваний. Свою миссионерскую деятельность отец Александр начал с того, что всегда обращался с проповедью к народу, в том числе во время исполнения треб — на кладбищах и в частных домах.

Когда вышло запрещение ездить по домам отпевать, то отец Александр воспользовался тем, что надо было отпевать человека в доме сотрудника райисполкома. Тот принес батюшке бумажку, подтверждающую, что райисполком, в порядке исключения, не возражает. С того момента каждый раз отец Александр «документировал» таким образом все требы, исполняемые в частном порядке. И когда впоследствии отца Александра вызвал

уполномоченный, разгневанный доведенной до него информацией об исполнении священником треб в неположенных местах, то отец Александр вытащил сотни разрешений «в порядке исключения».

Вот как вспоминает о том времени прихожанин алабинского храма Александр Юликов: «Я познакомился с о. Александром в августе 1962 года в Алабине. Мы приехали туда с Женей Барабановым[113] с Николиной Горы, где его родители снимали дачу. В ограде церкви — парк, сад; там стояла беседка, в которой мы и встретились с о. Александром. Ему было тогда 27 лет. Отец Александр был в рубахе-расписухе — они тогда были в моде, — похожей на картину Джексона Поллока[114], залитую кляксами, что, конечно, совершенно не соответствовало привычному облику священника… Это многое предопределило в моей жизни, потому что я, наверное, по-другому относился бы к Церкви, если бы не этот исключительный человек. <…>

Отец Александр отличался тем, что он почти всегда улыбался, контакт с любыми людьми был у него окрашен радостью, а это не соответствует расхожему понятию (тогдашнему, во всяком случае), потому что чаще всего священник — это такой сумрачный человек, серьезный. Я не говорю, что о. Александр был несерьезный — он был весьма серьезный, но при общении с людьми он всегда был очень доброжелательный, очень светлый и улыбчивый. <…>

После знакомства мы с Барабановым приезжали к нему, и он читал нам — двум молодым людям, студентам — лекции, давал литературу из своей библиотеки. Всё это было тогда недозволенной деятельностью. Официально не было такого закона, но для всех граждан Советского Союза было совершенно очевидно, что это запрещено. Священник, который у себя дома читает лекции о христианстве двум молодым людям, был в глазах властей преступником, заслуживающим наказания. <…>

Очень важное для меня событие произошло на Пасху 1963 года. Ну что значило тогда прийти в храм на Пасху? Вокруг стояло оцепление: дружинники и милиция пропускали в церковь только пожилых людей, а молодых — ни под каким видом. Поэтому я приехал довольно рано. До начала службы было еще далеко. Мы беседовали, как обычно, и о. Александр спросил: „А что, собственно, вам мешает креститься?“ Я говорю: „Ничего“. Он: „Ну тогда это грех!“ И мы

прошли в другую комнату, где он меня крестил. При этом присутствовали только мы двое, у меня не было, конечно, крестика нательного, и, когда дошло дело до этого, он просто снял с себя крестик и надел мне».

Жена Евгения Барабанова Наталья Комарова вспоминает, как в жаркий день после службы в алабинском храме отец Александр пригласил их искупаться. Они подошли к пруду, и отец Александр, не пробуя воду, сразу вошел в нее. «Он шел и отдавался стихии так, как отдавал себя в руки Всевышнего всегда и во всем»[115].

«…Помню, как в 1963 году мой друг Евгений Барабанов впервые взял меня познакомиться с „очень интересным человеком“, — рассказывает Михаил Аксенов-Меерсон. — Я удивился, что он привез меня к священнику — это была моя первая встреча с православным священником. И отец Александр поразил меня своей легкостью и естественностью обращения, и самое главное (я тогда учился на историческом факультете) — он поразил меня огромным, намного превосходящим мое знанием предмета. Он говорил со мной об истории, о которой, как я тогда понял, я имел очень приблизительное представление.

Отец Александр произвел на меня неизгладимое впечатление своим благодушием, жизнерадостностью, эрудицией и общительностью. Но религия меня тогда еще не интересовала. Я обратился через два года в ходе собственных исканий и под действием собственного внутреннего опыта. Но сразу стал его прихожанином и, смею даже сказать, другом. Отец Александр сыграл огромную роль в моей жизни, равно как и в жизни многих других, кому посчастливилось встретиться с ним на жизненном пути и сблизиться. В нем была сила жизни преизбыточествующей, некая концентрированная биомасса, как теперь говорят. Эта благодатная сила духа в нем кипела, привлекая к нему толпы народа, в их числе и меня. Глядя на него, я стал подумывать о священстве».

Став настоятелем, отец Александр первым делом принялся за обновление храма. Благодаря его неиссякаемой энергии в 1962 году был произведен полный капитальный ремонт. В частности, построена котельная, откуда в храм, прежде отапливаемый печами, провели отопление. Затем отопление провели и в сторожку, где жила семья отца Александра. После этого молодой настоятель взялся за росписи стен

храма. Как вспоминал об этом сам отец Александр, он замазал все безобразные изображения на стенах и дал лучшим иконописцам заменить почти все иконы. Так, иконописец и реставратор Мария Соколова[116] написала для алабинской церкви храмовую икону. Однако стены отец Александр не решился расписывать фресками, считая, что в результате трехсотлетнего отсутствия иконописи в храмах простой человек иконописных изображений не понимает и не любит. Поэтому он составил эскиз и расписал стены «под Васнецова», пригласив для этого художника из МОСХа Бориса Мухина[117]. Впрочем, даже такой безобидный проект требовал определенной конспирации — во время росписи стен храма всегда был дежурный из прихожан, предупреждавший художника о появлении в поле зрения незнакомых людей. Если такое случалось, то храм с работавшим в нем художником запирали на ключ. Но в целом всё прошло благополучно, и стены храма были постепенно расписаны. Сзади во всю стену был написан «Страшный Суд» — копия с картины Васнецова, киоты были позолочены, иконостас полностью переписан, решетки заменены. Были изготовлены латунные подставки, на которые поставили лампады, сделанные из хрустальных чешских ваз в виде чаш.

В окна были вставлены витражи. Алтарь соорудили из мраморных плит, которые в прошлом использовались для столиков в кафе. Их почистили и отполировали, резчики вырезали на них крест. Они также сделали новые аналои и кафедру со ступеньками для проповедей. Вышедшие из употребления массивные стеклянные двери метрополитена были превращены в новые двери для притвора, которые с большим вкусом расписал тот же Борис Мухин.

Неподалеку от поселка Голицыно, который также относился к приходу алабинского храма, отец Александр обнаружил церковь, используемую местной администрацией в качестве овощехранилища. Изуродованная многолетним советским хозяйствованием, она все же сохранила фрагменты удивительной красоты интерьеров и, в частности, облицовку стен цветным итальянским мрамором. Значительная часть колонн и киотов была разбита, но две колонны и мраморные киоты администрация согласилась передать алабинскому храму Покрова. Будучи встроенными в стены храма на новом месте, они обрамляли расширенный проход в придел.

Отец Александр помог деньгами сельсовету на строительство местной дороги и, в порядке помощи, со своей стороны попросил разрешения построить на их территории церковный туалет (храм был расположен через забор от территории клуба и сельсовета). Так недалеко от храма был построен кирпичный туалет.

Батюшке дарили для храма старые иконы, многие из которых поместили в храме после реставрации. В отремонтированной колокольне при храме устроили запасник. Отец Сергий Хохлов оказался незаменимым помощником отцу Александру не только в служении, но и в проведении ремонтных работ. Будучи мастером на все руки, он мог достать нужные материалы, договориться с любыми рабочими, а часто и работал с ними на равных. Весь церковный причт и подсобные служащие также были очень сплочены вокруг настоятеля и помогали в его кипучей деятельности. Проектируя и продумывая каждую деталь убранства, отец Александр воплощал в жизнь свою давнюю мечту о том, как должен быть устроен храм.

Затем, как рассказывал отец Александр, он осуществил «изгнание торгующих из храма». «Ящик» был удален из церкви в притвор. Уголок старосты отгородили сплошной деревянной стеной, в которой вырезали небольшое окошко. Таким образом, бренчание монетами происходило вне храма. А в храме на месте «ящика» устроили канун для служения панихид. По субботам отец Александр объяснял прихожанам значение «Символа веры», молитв и службы. В этом начинании принял деятельное участие и отец Сергий.

Благоустройство храма, задуманное отцом Александром, носило не только внешний характер. Например, красивыми большими буквами были написаны на листах все молитвы, после чего их вставили в рамки высотой с полметра и повесили в притворе храма. На противоположной стене поместили правила поведения в храме.

На крестные ходы для Пасхи собирали множество старых икон, укрепляли их на шестах, и когда начиналось шествие, это выглядело очень необычно для того времени: отец Александр собирал молодежь, которая торжественно шла впереди процессии. Староста храма никак не препятствовала, а, напротив, полностью полагалась на настоятеля.

Работы по реставрации храма продолжались все три года служения отца Александра в Алабине в качестве настоятеля и были закончены в 1964 году.

Во многих отношениях первые годы священнического служения отца Александра в Алабине стали для него такими же счастливыми, как первый год его студенческой жизни в Балашихе до отъезда в Иркутск. Это было время независимости и полноты жизни. К тому же кончилась нужда. Будучи настоятелем храма и постоянным автором «Журнала Московской Патриархии», он дополнительно брал иногда заказы на написание кандидатских и магистерских диссертаций в Московской духовной академии, в которой и сам вскоре начал заочно учиться. В этот период в полной мере стали реализовываться его таланты проповедника, писателя, семьянина и организатора. Он стремительно завоевывал симпатии и легко находил общий язык с людьми любого социального статуса.

Правящий архиерей митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) до конца своей жизни очень тепло относился к отцу Александру. Гостями в его храме бывали архиепископы Киприан[118] и Леонид[119].

В 1961 году умер отец Николай Голубцов. Несмотря на обширность его паствы, глубокого общинного единства внутри ее не было, и со смертью отца Николая связи, существовавшие между его духовными детьми, распались. Духовником Александра Меня с этого момента и до самой своей смерти в 1976 году стал отец Борис Васильев.

Праздниками для отца Александра, начиная еще со времени его служения в Акулове, были собрания по четвергам у Анатолия Васильевича Ведерникова в Переделкине. В доме редактора «Журнала Московской Патриархии» собиралось множество духовно одаренных людей. Именно здесь Александр познакомился со священником Дмитрием Дудко и с Евгением Бобковым, будущим старообрядческим священником. Зачастую в этот дом приезжали на весь день. Здесь разгорались оживленные диспуты по самым насущным проблемам церковной и общественной жизни, здесь обменивались книгами, слушали музыку. Сын Анатолия Васильевича Николай и его жена Нина Аркадьевна были выпускниками консерватории и прекрасными пианистами. Николай Анатольевич, будущий священник, великолепно знал церковную музыку и виртуозно импровизировал на любую заданную тему.

Сотрудничество отца Александра с «Журналом Московской Патриархии» в эти годы было особенно активным. Он публиковал статьи по целому кругу богословско-исторических вопросов, а также отдельные главы «Сына Человеческого». Редакция журнала, располагавшаяся тогда в башне Новодевичьего монастыря, была местом редкого свободомыслия, где сотрудники редакции и авторы публикаций за чаем обсуждали множество богословских и общехристианских проблем.

Примечательна такая история. В ноябрьском номере «Журнала Московской Патриархии» за 1961 год вышла статья отца Александра под названием «Последние дни и мученическая кончина Иоанна Крестителя». Он излагал в ней современное мнение западных теологов о причинах, побудивших Иоанна Крестителя послать своих учеников к Иисусу с вопросом: «Ты ли Мессия, или ждать нам другого?» После выхода статьи тайный недоброжелатель послал патриарху Алексию донесение о неправославном мнении отца Александра. Патриарх потребовал к ответу ответственного секретаря журнала Анатолия Ведерникова, и тот предложил отцу Александру написать объяснение. В своей докладной записке патриарху отец Александр сообщил, что среди экзегетов и историков не существует единого мнения о причине, побудившей святого Иоанна Крестителя послать учеников к Спасителю. «Многие толкователи, как православные, так и западные, — писал отец Александр, — считают, что в данном случае св. Иоанн Предтеча хотел ответить на недоуменные вопросы своих учеников, оставаясь сам выше всех сомнений и колебаний. Такого толкования придерживается св. Иоанн Златоуст и другие Отцы Церкви». Далее он пояснил, что данное толкование сталкивается с рядом существенных трудностей, важнейшие из которых следующие. 1. В случае, если бы ученики обратились к Иоанну с вопросом о Лице Иисуса Назарянина и если бы Иоанн не имел в этом плане никаких колебаний, было бы естественным и достаточным, чтобы он произнес свое веское суждение сам и тем положил конец всем сомнениям. 2. Из самого евангельского текста совершенно не видно, что вопрос исходил от учеников, напротив, из него явствует как будто, что вопрос исходит именно от пророка, который просто передает его через учеников. Исходя из этих и некоторых других соображений, ряд толкователей, как новых, так и древних (среди последних надо указать на

Тертуллиана), склонились к иному пониманию смысла посольства святого Иоанна Предтечи.

В своем комментарии отец Александр опирался на точку зрения большинства западных и ряда православных богословов о том, что Иоанн задал этот вопрос Иисусу, усомнившись оттого, что, будучи человеком Ветхого Завета, ждал Мессию в блеске земной славы. Однако официальная церковная точка зрения состоит в том, что пророк не мог усомниться, а усомнились ученики Предтечи, задавшие вопрос от собственного имени.

Ведерников, будучи опытным дипломатом и церковным политиком, добавил к докладной записке от имени автора следующий абзац: «Существует и еще ряд толкований посольства Иоанна ко Христу. Однако мне следовало бы сравнить их с традиционным толкованием, принятым нашей Церковью, и тогда я несомненно предпочел бы его всем другим. А теперь, признавая свою ошибку, я считал бы возможным поместить в журнале статью о посольстве Иоанна Предтечи ко Христу другого автора, который мог бы дать традиционное толкование этого текста, упомянув и о других. Прошу Ваше Святейшество простить мне невольное отклонение от церковного понимания посольства Иоанна Предтечи».

На приведенную записку 18 марта 1962 года были наложены две резолюции Святейшего. Первая гласила: «Все это — так, но нам, малым богословам, следует твердо держаться толкований святоотеческих, а на рассуждения рационалистов-протестантов смотреть как на умствования, не подлежащие подражанию». Второй резолюцией патриарх согласился с предложением Ведерникова поместить в журнал статью с традиционным толкованием посольства Предтечи с условием предварительного просмотра им содержания данной статьи. Такая статья была заказана и написана, но всю полемическую часть патриарх из нее убрал, чтобы показать единство мнений по данному вопросу в церковной среде.

Глава 2
Ближайший круг и общецерковная жизнь в начале 1960-х годов

Отец Александр вспоминал о том, что в первой половине 60-х в общецерковной жизни все время происходили кризисы и потрясения. Так, в 1961 году умер митрополит Николай (Ярушевич). «Смерть его была трагической, — рассказывает отец Александр, — потому что он сделал всё для того, чтобы стать угодным в глазах власть предержащих, но в тот момент, когда он перестал быть нужным, он был просто отставлен. Лежал и говорил: „Я ничего не понимаю, не понимаю!..“ — он не мог смириться с тем, что человек, которого показывают в советских фильмах, который представлял Советский Союз на бесчисленных конгрессах, постоянно выступая в качестве одного из лучших ораторов, речи которого печатались в „Правде“, вдруг лежит в своем деревянном домишке на Бауманской, никому не нужный».

В 1963 году Анатолия Васильевича Ведерникова в редакции «Журнала Московской Патриархии» сменил митрополит Питирим (Нечаев)[120], после чего публикации отца Александра в журнале постепенно прекратились. Митрополит Питирим сказал отцу Александру прямо: «Нам не нужна религиозная философия. Зря вы увлекаетесь Флоренским, Сергием Булгаковым, Бердяевым. Читайте лучше Макария Булгакова»[121]. «Православно-догматическое богословие» Макария (Булгакова) было написано в XIX веке и не отвечало тем просветительским задачам, которые ставил перед собой отец Александр.

По воспоминаниям отца Александра, он чувствовал в этот период, что положение ненормально: с епископатом, с «официальной» Церковью у духовенства возникает внутренний раскол, утрачивается доверие, поскольку практически все епископы согласились с реформой. В конце 1962 года отец Александр задумывается о том, как изменить такое положение дел. К этому времени у него было несколько друзей-священников, которые не кончили духовных

академий; сам он еще только учился в академии заочно. И отец Александр предложил своим друзьям иногда собираться вместе и обсуждать богословские вопросы, которые их интересуют, а также обмениваться пастырским опытом. Все согласились, тем более что, независимо от предложения, собирались по праздникам и бывали друг у друга на именинах. В этот круг общения входили отцы Дмитрий Дудко, Николай Эшлиман, Глеб Якунин и еще несколько батюшек, всего около десяти человек. Чаще встречались в Алабине у отца Александра, иногда собирались у других участников общения. Тематика разговоров действительно оставалась в рамках, предложенных отцом Александром. Некоторые делились проблемами, которые у них возникали на исповеди, другие поднимали богословские вопросы. Эти беседы, во время которых обсуждалось и положение церкви, отец Александр называл «нашей академией». Обсуждение церковной жизни в отсутствие епископов было одной из самых горячих тем. «Сказать, что епископы нас предали, было бы слишком сильно… — рассказывает отец Александр. — Но я все время настаивал на том, что церковь без епископа — что-то ненормальное. Все-таки преемник апостолов — епископ, а мы только его помощники». В результате отец Александр написал епископу Ермогену письмо, в котором выразил глубокую солидарность с деятельностью владыки по защите храмов от разрушения и с его позицией в отношении Архиерейского собора. И, несмотря на принадлежность к другой епархии, отец Александр от лица четырех священников (Дмитрия Дудко, Николая Эшлимана, Глеба Якунина и себя) обратился к епископу Ермогену с просьбой стать их не административным, а духовным архипастырем, чтобы они могли «чувствовать себя более нормально в своем церковном положении». Эта потребность возникла у них в связи с тем, что архиереи их епархий безоговорочно приняли положения Архиерейского собора 1961 года и никак не выражали неудовлетворенности существовавшим положением дел.

Владыка (тогда калужский епископ) ответил им очень приветливо и обещал приехать. И, действительно, он приехал в Алабино как раз тогда, когда ремонт храма был в разгаре. Он внимательно осмотрел храм, после чего состоялась беседа. Во время встречи владыка сказал много суровых слов в адрес Московской патриархии, считая, что ее

программа и дух остаются обновленческими и приспособленческими. Отец Александр и его друзья всё это понимали и сказали владыке о том, что у них нет намерения критиковать Патриархию, но что они просят его стать «их» епископом, чтобы для них было возможным обращаться к нему с теми проблемами, с которыми нужно обращаться к епископу. Владыка ответил на это согласием, и после теплого расставания жизнь потекла дальше.

Отец Николай Эшлиман стал в это время крайне популярным священником. Как и отец Александр, который был на несколько лет его младше, отец Николай тоже был сравнительно недавно рукоположен. Они познакомились еще в 1956 году и очень понравились друг другу. Отец Александр сразу почувствовал в Эшлимане интеллигентного умного человека. «Николай был аристократ в душе, — рассказывал о нем отец Александр, — человек с величественными аристократическими манерами, в нем было что-то артистичное. Он свободно играл на фортепьяно, что-то лепил, рисовал — в нем было что-то от богемы. У него один предок был какой-то знаменитый шотландский деятель, другой — грузинский князь[122]. Мать его — дворянка, тоже из знатного рода. Яблочков, который изобрел электрическую лампочку, — его двоюродный дед… Его жена Ира, очень живая и симпатичная светская особа — внучка известного деятеля Витте. Их комната в доме на Дмитровке — на Пушкинской улице, напротив Колонного зала — была чем-то вроде салона, где всегда собирались разные интересные люди — пили, говорили, как это в Москве было в те годы принято… Поразительно, кого там только нельзя было встретить».

Николай Эшлиман прошел сложный путь богоисканий, занимался мистикой, оккультизмом, пел в храме — у него был прекрасный бас. По воспоминаниям отца Александра, разнообразные знания Эшлимана были достаточно поверхностными; при этом он был разносторонним и исключительно обаятельным человеком, к нему тянулись люди. Но, как всякий человек барственного уклада жизни, Эшлиман никогда ничего не доводил до конца. Он не закончил своего художественного образования, хотя до определенного момента числился художником и расписывал храмы. Он немного, но очень талантливо, даже захватывающе играл на фортепиано, немного писал и немного пел. Всё у него было понемногу, но всё у него получалось очаровательно.

«Много читал и быстро схватывал: пролистает „Науку и жизнь“ и уже рассказывает так, как будто он специалист. Это человек, от которого все были без ума. И мы тогда с ним очень подружились», — рассказывал отец Александр.

Когда архимандрит Пимен, любивший Эшлимана и ценивший его истовое служение, стал епископом Костромским, он рукоположил его в диаконы. Позже Эшлиман был переведен в Москву и в 1961 году рукоположен во иереи Пименом, ставшим к тому времени митрополитом.

В священстве Эшлиман преобразился, стал гораздо глубже. Его служение, по мнению отца Александра, было просто потрясающим. Сочетание сильного голоса и глубокого молитвенного настроя, пробудившегося в нем после рукоположения, дало мощный эффект. Отец Николай был человеком, всегда склонным к мистическому видению мира, в то время как отец Александр относился к этому снисходительно, любя его, но часто повторяя, что от мистики до мистификации всего один шаг.

Отец Николай стал прекрасным проповедником, и народ его очень полюбил. Он служил в Куркине, где у него был большой приход, а потом был переведен в Москву. «Я сам присутствовал на его службах и видел, как народ его любит — потому что он был барин в хорошем смысле слова, — рассказывал отец Александр. — Прихожане как-то чувствовали в нем „господина“ — это сразу психологически ощущалось. Он действительно был господин, и он естественно принимал такое к себе отношение. Понимаете, у нас, интеллигентов, психология другая. Вот мы с ним приходим в кафе (это было, когда стали вводить самообслуживание), и я говорю: „Ну, пойдем с подносами“. А он: „Нет уж, я этого не могу“, — и зовет девушку: „Девушка, идите сюда!“ Вся публика стоит в очереди с подносами, а он договаривается с девушкой, чтобы она пришла и обслужила. Не потому, что ему лень было встать, а это было для него органично — я не могу даже сказать, что это было хоть сколько-нибудь дурно. Некий шарм был органически присущ этому человеку».

В то время они общались постоянно. По словам отца Александра, не было никого, с кем бы он был так тесно связан тогда. Как это иногда случается у близких людей, их связь стала почти телепатической. Иногда они сравнивали, какие проповеди говорили в один и тот же

день, и оказывалось, что говорили они одно и то же. Создалось исключительное единство, несмотря на то, что, в сущности, они были очень разными людьми. Отец Николай был обращенным, а отец Александр был с детства церковным человеком. Эшлиман был аристократом, а отец Александр никогда им не был. Между ними было множество других существенных различий, но они действительно стали очень близки. Начало 60-х стало периодом их близкой дружбы, единства, совместной работы, совместных встреч и обсуждений всех приходских и церковных дел. Отец Александр всегда настаивал на том, что решение церковных и приходских вопросов входит в обязанности священника в Церкви.

Отец Глеб Якунин был человеком совершенно другого склада. Он прошел через увлечения йогой, оккультизмом и антропософией, пока судьба не свела его с Александром Менем, под влиянием которого он обратился в христианскую веру еще в период их совместной жизни в Сибири. Глеб был рукоположен во священника Русской Православной церкви в августе 1962 года. «Но это человек темпераментный и страстный, которого всегда в основном интересовала борьба, — говорил о нем отец Александр. — Больше ничего — борьба, и борьба, и борьба! И если когда-то можно было противника сокрушить — для него не было большей радости. Хотя вообще человек он милый и чистой по-своему души».

«На все нападки, гонения и клевету отец Глеб всегда отвечал с воодушевлением воина, — пишет биограф Глеба Якунина Елена Волкова. — Глаза загорались, в голове зрел план защиты или нападения. Он говорил, что воевать за свободу и возрождение России — это его призвание. „Я же из рода военных! Битва так битва“. Военными были его дед и отец. Павел Иванович[123] был штабс-капитаном в царской армии, а затем музыкантом в кавалерийской бригаде Буденного. Его сын не махал шашкой и не стрелял — оружием отца Глеба было слово и только слово. Глеб с детства был антисоветчиком и не понимал, почему его отец не присоединился, например, к армии Деникина. Когда умер Сталин, Клавдия Якунина плакала, а ее сын смеялся от радости»[124].

В конце 50-х годов начались самые бурные, самые активные антирелигиозные выступления. Если первое постановление Хрущева, направленное против религии и Церкви, увидело свет еще в 1954 году

и было посвящено анализу «крупных недостатков в научно-атеистической пропаганде и мерам по ее улучшению», то с 1958 года давление на Церковь осуществлялось не только политически, но и посредством финансового гнета. Так, в октябре 1958 года Совет министров СССР выпустил два постановления — «О свечном налоге» и «О монастырях» — с целью подорвать материальное положение Церкви и сократить число действующих монастырей. С этого момента религиозным объединениям запрещалось продавать свечи по более высоким ценам, чем они приобретались в свечных мастерских, использовать наемную рабочую силу или добровольный и безвозмездный труд паломников. Кроме того, были введены высокие налоги на здания и монастырские угодья. Начало этой хрущевской атаки совпало с рукоположением отца Александра. В это время начались закрытия храмов, пресса была полна враждебных выпадов, и появились первые ответы на эти выпады в самиздате. Так, отец Сергий Желудков[125] написал блестящее открытое письмо отрекшемуся священнику Дарманскому[126], в котором последовательно разбил все навеянные советской пропагандой сомнительные аргументы отреченца. «Вчитываясь в Вашу статью, — писал отец Сергий, — я сделал открытие: да ведь Вы и *не были* в христианской религии. Вы верили, что Христос — не человек и что человек не свободен, что Ветхий Завет не отменен, что Библия — учебник естествознания, что небо — шатер, что диавол — с хвостом и т. д. <…> Это была религия страха и невежества. Понятно, она стала разваливаться от посещений лектория»[127].

С отцом Сергием Желудковым отец Александр познакомился в 61-м году. Однажды вечером он сидел в домике при церкви, в сторожке, и вдруг постучался человек: небольшого роста, в шляпе, с короткой седой бородой, с очень знакомым, как показалось отцу Александру, лицом. Он приподнял свою шляпу и коротко сказал: «Здрасте, я — Желудков». И они сразу почувствовали душевную близость. «И я вам скажу по своему опыту (за многие годы общения с десятками, сотнями, а может быть и больше, людей), — вспоминал отец Александр, — этот человек своим общением давал удивительно много! Разговор с ним обогащал! Это была совершенно неповторимая личность. Потому что он пробуждал в собеседнике то, что в том еще дремало. Мне он всегда напоминал Сократа; не только своей, так

сказать, внешностью, но его способностью стимулировать мысль другого человека, его способностью быть открытым к другому. Это редчайший дар… — как доброта, веселая ирония, смелость суждений»[128].

С тех пор отец Александр начал систематически видеться с отцом Сергием. Желудков прошел сложный, зигзагообразный жизненный путь. Будучи старше отца Александра на четверть века, кем он только не был. Работал бухгалтером, занимался архитектурой под руководством известного московского зодчего Жолтовского, работал вольнонаемным при лагере, наблюдал лагерную жизнь; считал, в частности, что Солженицын отразил только черные стороны лагерной жизни, и рассказывал отцу Александру о многих светлых сторонах жизни в лагере.

После окончания Ленинградской семинарии Желудков начал служить. При этом он постоянно стремился найти современную форму выражения для христианского благовестия. Но в это время никакой эксперимент не проходил безнаказанно. Отца Сергия постоянно снимали с одного места и бросали на другое — то настоятель, то уполномоченный. Это был вечный странник! Его служение навсегда закончилось тогда, когда он решил сделать достоянием общественности чудо исцеления женщины на могиле Ксении Блаженной в Петербурге, и это стало известно уполномоченному.

Отец Александр считал его оригинальным мыслителем, блестящим стилистом, неутомимым искателем истины, вносившим в Церковь дух пытливого вопрошания, экспериментаторства, творческих поисков. По воспоминаниям многих прихожан Новой Деревни, в отце Сергии была какая-то наивная детская чистота, и отец Александр, будучи значительно младше отца Сергия, относился к нему с отцовской нежностью.

Отец Сергий решил экспериментально создать некую модель «христианства для всех». Для этого он вел переписку с несколькими корреспондентами на различные социальные, философские, нравственные, богословские и литургические темы, а затем готовил брошюры из фрагментов этой переписки. Впоследствии на основании всей проблематики, поднятой в этой переписке, отец Сергий создал одну из своих первых книг, которая называлась «Почему и я христианин». Ему казалось, что можно найти совершенно

рациональные, простые, понятные каждому слова, для того чтобы выразить общую евангельскую истину. «И это была трудная, может быть, в каком-то смысле безнадежная задача, — считал отец Александр. — Но она была благородная, и я понимал нравственную глубину, сердечную глубину его устремлений. Его отзывчивость душевным движениям людей была огромна».

Тем временем разгромы продолжались. Бывший диакон Всехсвятской церкви в Москве А. Чертков, отрекшись от христианства, стал активно выступать против Церкви в журнале «Наука и религия». В 1962 году он опубликовал статью «Святой рождественский обман»[129] с критикой статьи Александра Меня «Тайна волхвов», опубликованной в том же году в «Журнале Московской Патриархии»[130]. В статье Черткова библейские пророки названы «пигмеями духа», а Александр Мень — «православным фальсификатором».

«Я подсчитывал, — вспоминал отец Александр. — В эти годы антирелигиозная пропаганда дошла до того, что в день выходило по шесть-семь десятков названий книг, каждая из которых имела миллионный тираж. В день! Прямо стрельба из „катюш“, из минометов… Храмы закрывались при самых безобразных обстоятельствах: вламывались, входили, надевали шапки и бросались тут же все ломать. Я не могу сказать — я это даже отрицаю, — что непосредственно свыше было дано указание закрывать церкви хамски. Было сказано: закрывайте культурными способами, щадя чувства верующих. Но эти олухи на местах — раз начальство велит — стали душить людей».

На фоне этих событий начались выступления многих активных людей, одним из которых был Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин. Отец Александр познакомился с ним еще летом 1956 года. Они случайно встретились в редакции «Журнала Московской Патриархии», куда Александр Мень пришел к Анатолию Васильевичу Ведерникову. Тогда, будучи уже на третьем курсе института, Александр приехал в Москву, чтобы прозондировать почву по поводу своего поступления в семинарию. Анатолий Васильевич был тогда ответственным секретарем редакции «Журнала Московской Патриархии» и давал Левитину писать статьи для журнала, пытаясь таким образом его поддержать. Когда Александр вышел после

разговора с Ведерниковым, он увидел сидящего Левитина. «В очень сильных очках, видимо, очень плохо видящий, черный такой, взъерошенный, очень подвижный, весь какой-то изломанный — он сразу заговаривает со мной и рассказывает мне „тысячу и одну ночь“ про себя: сообщает мне с ходу, что он только что вернулся из лагерей, что он был обновленческим дьяконом, что он был учителем, что он сейчас работает учителем, сообщает тут же, что он под псевдонимом пишет статьи в „Журнал Московской Патриархии“», — рассказывал отец Александр.

Из редакции они пошли пешком — и прошли от Новодевичьего монастыря до Кремля. Левитин рассказывал Александру всю эпопею, которую он впоследствии запечатлел в своей книге «Очерки по истории церковной смуты». История церковного раскола глубоко интересовала Александра с юности, поскольку всё его окружение с детства было причастно к этой теме. Никаких книг об обновленчестве тогда не было, и вот Александр встретил живого свидетеля тех событий. Говорить об истории раскола Левитин мог бесконечно. «Да, кстати…» — произносил он между двумя рассказами и начинал следующий рассказ. Левитин показался Александру очень живым. Его поразило, что, пройдя через лагерь и через такие жизненные испытания, он сохранил оптимизм и бодрость. Отец Левитина был евреем, официально крестившимся до революции, но не ставшим христианином и плохо относившимся к религии вообще, а мать была русской, терпеть не могла евреев и быстро ушла от отца. Сам он с детства был религиозен, родился христианином и с рождения находился как бы между молотом и наковальней. Мать ненавидела своего сына за то, что тот сын еврея, а отец не принимал православия сына. Это создало надлом в его психике, и, по воспоминаниям отца Александра, чувствовалось, что Левитин психически потрясен. Его личная жизнь также не сложилась.

В 1943 году Левитин, состоявший тогда в обновленческой церкви, был рукоположен в сан диакона и назначен в клир Неопалимовской церкви в Ульяновске. В 1946 году принес покаяние патриарху Московскому и всея Руси Алексию I и был принят как мирянин. Работал школьным учителем. В 1949 году был арестован и приговорен к десяти годам заключения за то, что в частном разговоре назвал Сталина «обер-бандитом». Реабилитировали его только в 1956-м.

Левитин с тех пор проводил в Москве миссионерскую деятельность среди оппозиционной молодежи. Без молодежного окружения представить его в этот период практически невозможно. Один раз в неделю в 1967–1969 годах он устраивал в своем доме «журфиксы», куда мог прийти любой желающий. На них он в основном рассказывал о своей жизни, которую впоследствии подробно описал в изданных в эмиграции мемуарах, и вел политические беседы о положении в СССР и преследовании диссидентов, а также объяснял основы православия.

«Мы с ним расстались друзьями и часто встречались потом, — рассказывал отец Александр. — Единственный раз в жизни у нас была тяжелая ссора, потому что он, благодаря своему невероятному языку, меня сильно подвел, так что некоторое время у нас было охлаждение. Но потом мы снова помирились. Анатолий Эммануилович был человек резкий, но добрый, с очень твердыми, ясными христианскими принципами. У него была некоторая примитивность, прямолинейность взглядов, которая полностью искупалась их цельностью. Люди утонченные, снобы, люди, так сказать, богословски изощренные, считали его ограниченным, чуть ли не пошлым, но это все неверно: его „примитив“ был гораздо выше их изощренности, потому что он был очень цельный человек. Это было целостное мышление, целостное сознание, целостная вера, целостный духовный опыт, целостная личность».

Отец Александр считал Анатолия Эммануиловича человеком ортодоксальным, а Желудков назвал его «агнцем в догматическом смысле», считая, что у него не было левых «загибов». При этом Левитин был очень социалистически настроен, полагая, что христианство и социализм необходимо соединить. Его мысль о том, что христианин должен бороться с общественной неправдой, казалась отцу Александру совершенно естественной. Травлю Левитина отец Александр связывал в первую очередь с его еврейским происхождением и резкостью его выступлений. «Это был один из самых светлых людей, которых я встречал: живой, активный, искренне религиозный, хорошо понимающий, что в Церкви есть проблемы, пытающийся как-то на них ответить», — говорил он об Анатолии Эммануиловиче.

Фактически Левитин стал первым автором религиозного самиздата: начиная с 50-х годов он стал писать апологетические статьи

и брошюры, выступив в первую очередь против ренегатов. Когда в конце 50-х вышла брошюра отреченца Дулумана[131] «Почему я перестал верить в Бога», Левитин немедленно ответил на нее самым решительным образом. Так начался самиздат. Затем он стал писать резкие, обличительные статьи. Почти на каждое заметное антирелигиозное выступление в прессе он отвечал собственным выступлением в духе советского памфлета, написанным в таком же советском стиле. Очень существенным был его вклад в дело защиты Почаевской лавры, монахов и богомольцев которой в 61-м году жестоко травили местные органы власти. Памфлет Левитина привлек внимание общественности к этому беззаконию, а впоследствии был опубликован на Западе.

Однажды, в разгар описываемых событий, отец Александр и отец Николай Эшлиман прогуливались по парку в Петровском, неподалеку от алабинского храма. «Мы гуляли в парке, я сказал отцу Николаю: „Собственно, а почему вот таким несчастным людям писать? Давай соберем факты и напишем конкретно, адекватно и авторитетно, чтобы люди знали“, — вспоминает отец Александр. — Ну что ж, — он настолько пришел в экстаз от этой идеи, что стал меня целовать и вообще вознесся духом горе». Во время очередной встречи с отцом Дмитрием Дудко и с другими священниками эта идея стала обсуждаться в деталях. И в конце концов этот разговор привел их к тому, что говорить о конкретных эпизодах беззаконий власти мало, следует искать корень. Корень зла они увидели в том, что все происходит от попустительства архиереев. Те представители Церкви, которые должны отстаивать дело Церкви, не борются за него. В результате после передачи власти старостам любая староста может в любой момент закрыть храм по своему желанию или по указанию райисполкома. Таким образом, первопричину сложившейся ситуации отцы увидели в реформе 1961 года и стали думать о том, каким образом выступить против нее.

Немаловажно отметить основные вехи внутреннего развития и творчества, изложенные отцом Александром в записях об алабинском периоде его служения:

«1961–62

Пишу „Магизм и Единобожие“. Изучаю Фрейда. Символистов, особенно Белого. Много антропософии. Пушкин. Лескова начал читать

много еще в Иркутске. Ибсен. Метерлинк. Познакомился с трудами Тейяра де Шардена[132]. Нашел в нем родную душу.

В церковно-исторической сфере учителями были Болотов[133], Гарнак[134], Дюшен[135].

1963

Поглощен строительством. Пишу индийские главы „Магизма“. Индия идет полным ходом. Пишу „У врат молчания“».

Итак, с 1960 года отец Александр работает над шеститомной историей религии. «Сейчас, — писал отец Александр, — когда многие люди захвачены духовными поисками, мне казалось важным показать, как человек прошлого искал Бога». Его цель — по возможности доступно изобразить драматическую картину духовного развития дохристианского человечества. Общее название цикла, объединяющее все шесть томов — «В поисках Пути, Истины и Жизни». В этом труде отец Александр осуществил нереализованный замысел Владимира Соловьева и обратился к христианскому осмыслению религиозной истории. «Для каждого, кому близки и дороги вопросы духовной культуры, проблема происхождения христианства должна представлять огромный интерес, — пишет в предисловии отец Александр. — Она всегда приковывала внимание людей: ее пытались понять с самых разных позиций и под различными углами зрения. Но, удивительное дело, даже сторонники весьма далеких друг от друга взглядов обращали внимание главным образом на ту эпоху и среду, в которых христианство возникло. Даже богословская литература, как правило, ограничивалась этим подходом. Между тем Благая Весть, принесенная евангельской проповедью, явилась ответом не только на чаяния людей эпохи Августа и Тиберия. В христианстве завершился длительный всемирно-исторический процесс религиозных исканий человечества».

Первый том, «Истоки религии», посвящен вопросу о сущности и происхождении религии. «Еще в античные времена, — пишет отец Александр, — считалось, что нет ни одного народа, который был бы совершенно лишен веры. Это утверждение сохраняет силу и поныне. Как верно заметил Н. Бердяев, даже атеистов нельзя считать людьми по-настоящему неверующими. В их воззрениях проявляется смутное религиозное чувство, хотя и направленное на земные объекты, личности и идеи. Антирелигиозные доктрины нередко бывают связаны

с внутренними порывами мистического характера; идеологические мифы, принимаемые на веру, есть по существу перелицованная религия. <…> Не случайно материалисты, хотя в теории и признают примат экономики, на практике предпочитают апеллировать к „сознанию“, „идеям“, „вере“». Анализируя высказывания и опыт множества ученых и философов разных времен и народов об их понимании Божественного Начала, отец Александр показывает всю многогранность духовных поисков величайших умов человечества. Он приходит к выводу о том, что вера есть «сила, связующая миры, мост между тварным духом и Духом Божественным. И укрепленный этой связью человек оказывается активным соучастником мирового созидания. <…> Религия — это связь человека с самим Источником бытия, которая делает его жизнь полной смысла, вдохновляет его на служение, пронизывает светом все его существование, определяет его нравственный облик».

Примечательна история написания отцом Александром одного из фрагментов «Истоков религии», о которой рассказывает Павел Мень: «…На участке[136] построили еще один маленький домик, который за символическую плату сдавали папиному знакомому Якову Андреевичу Абрамову. Он был из старообрядческой семьи, что сказывалось в языке, но никак не в поведении. С ним случилась беда. Он страдал воспалением тройничного нерва, и ему была сделана операция с трепанацией черепа. Он умер на операционном столе. Но врачи электрическим током заставили сердце биться. Клиническая смерть длилась семь минут.

Яков Андреевич рассказал нам, как вышел из своего тела, как проник сквозь закрытую дверь на балкон, как увидел необычное небо и сияющее золотыми лучами солнце (а день тогда был пасмурный), что пережил необычайную легкость, тишину в сердце, покой и радость.

Его рассказ слышала вся наша семья, а потом мой брат полностью поместил его в своей книге „Истоки религии“, в разделе „Парапсихология и неразрушимость духа“. Яков Андреевич пришел из больницы совершенно другим человеком. Мы были потрясены его изменившимся душевным состоянием».

Таким образом, при написании своих трудов отец Александр опирался не только на огромную научно-исследовательскую базу, но и на факты, которые предлагала ему окружающая жизнь.

Второй том повествования, «Магизм и Единобожие», дает читателю глубокое видение истории религии в древнейших цивилизациях. «В мировом религиозном спектре, — отмечает отец Александр, — можно усмотреть и некое существенное единство. Оно определяется самой природой религии, которая опирается на живой опыт веры. Вера же есть, прежде всего, состояние духа, рожденное переживанием реальности Высшего. В ней пробуждается особого рода интуитивное знание, совершается нечто подобное встрече, звучит таинственный призыв». В этой книге отец Александр с предельной ясностью говорит о несовместимости веры с магизмом и язычеством и отвечает на вопрос о том, почему нравственность и Единобожие всегда были тесно связаны. Он рассказывает о путях, которыми человечество выходит из рабства Магизма к свободному Богопознанию. «В магизме более всего выразилось эгоистическое самоутверждение человека, его воля к власти, — пишет отец Александр. — Он всё больше прилеплялся к плотскому, посюстороннему. Поэтому обожествленная природа — Богиня-Мать — легко вытесняла Бога из его сердца. Человек ждал от нее пищи, побед, наслаждений и готов был поклоняться ей и ее детям — богам. Таковы корни натуралистического идолопоклонства». По сути, словом «магизм» отец Александр называет не только языческие устремления людей, но и все механистические формы религиозности. Магизму противостоит уникальное библейское сознание человека, рождаемое контактом личности человека и Бога. Автор «Магизма и Единобожия» говорит не о древних временах, а о современности, о том, что каждого из нас сегодня и всегда на пути подстерегает опасность спутать ориентиры и заменить заботой о материальном или даже внутреннем благополучии стремление к Богу и Истине. Показывая масштабную панораму первобытных религий, отец Александр убеждает читателя в том, что у истоков материальных крушений всегда стояло духовное обнищание.

В третьем томе истории религии, названном отцом Александром «У врат молчания», автор рассказывает о духовной жизни Китая и Индии в середине первого тысячелетия до нашей эры. «В той величественной эпопее, какой является странствие человека на путях к истине, мир Юго-Восточной Азии составляет особую главу, полную глубины и значительности». Этим захватывающим введением открывает отец Александр еще одну страницу духовной истории

человечества. Он вводит читателя в загадочный мир восточных религий и показывает, что знакомиться с древними учениями Индии и Китая следует не по современным толкованиям, а по первоисточникам: Конфуцианскому канону и Упанишадам, Бхагавад-Гите и буддистским сутрам. Глубокий анализ древних рукописей, а также эпохи их создания и биографий создателей позволяет автору — а вместе с ним и читателю — понять самую суть восточных учений и их роль в духовных исканиях человечества. «Из всех попыток человека приблизиться к Вечному опыт Индии — один из самых серьезных и знаменательных, — пишет отец Александр. — В этой загадочной стране духовные созерцатели приблизились к самому порогу священного Молчания. Но, пораженные неисповедимой безмерностью Божественного, они оказались не в силах увидеть в Его свете Лика, в Его молчании не услышали Слова… Именно поэтому учения о Брахмане и нирване не стали последней истиной, открывшейся дохристианскому миру, и именно поэтому они разделили общую судьбу: брахманизм вылился в индуистское язычество, а философию Гаутамы заслонил популярный буддизм. <…> И все же жизнь и проповедь Гаутамы были одним из величайших событий в истории духа. Значение его отнюдь не исчерпывается нравственным или философским содержанием учения Просветленного. Величие Будды и его предшественников заключается в том, что они провозгласили *спасение* главной целью религии».

Таков, по мысли отца Александра, итог религиозных исканий великих мудрецов и духовных учителей Юго-Восточной Азии на пути восхождения человечества к Богу.

Глава 3
Окончание алабинского периода. Переход в тарасовский храм

Самый безмятежный и счастливый период священства отца Александра длился около трех лет, до 1964 года. Удар по «аббатству» нанесло неожиданное происшествие.

В какой-то момент по совету знакомых в храм к отцу Александру приехал историк Лев Лебедев[137]. Он работал тогда научным сотрудником истринского музея «Новый Иерусалим», стал православным и думал об уходе с работы и поступлении в семинарию. Лев хотел начать с того, чтобы стать псаломщиком, и попросил отца Александра взять его к себе. Отец Александр увидел в Лебедеве интеллигентного человека и начал учить его петь и читать, но лишь позднее узнал о том, что он… алкоголик. Лебедев продолжал жить на территории музея-монастыря «Новый Иерусалим» и ездил в алабинский храм в качестве штатного псаломщика. На работе у него был коллега, Александр Клибанов [138], который люто ненавидел Церковь и веру. Как впоследствии узнал отец Александр, Лев Лебедев в пьяном виде похвалялся Клибанову, что привезет священников и освятит весь музей, потому что это — оскверненная святыня. Отец Александр ничего об этом не знал, а Клибанов, видимо, готовился к такому визиту.

И вот как выглядят последующие события в описании самого отца Александра.

За несколько дней до происшествия Лев в отсутствие отца Александра, пьяный, принес в алабинский храм куски керамики, которые валялись у них в музее. Лебедев настаивал на том, чтобы вделать их в алтарь. Лев также подарил для библиотеки алабинского храма несколько старинных книг. Никаких печатей на книгах не было, хотя они были явно из музея. Все эти артефакты остались у отца Александра.

Так случилось, что вскоре отец Александр и отец Николай Эшлиман решили поехать в Новый Иерусалим, где отец Александр

никогда до того не был, на праздник Боголюбской Божией Матери. Они отправились на церковной машине. Эшлиман был со своей женой, а семья отца Александра в это время отдыхала на юге.

Во время осмотра гостями местных достопримечательностей Лев успел отлучиться. И когда священники собрались уходить, он положил в чемодан к отцу Александру еще какие-то осколки, которые могли бы пригодиться для ремонта алабинского храма. Когда отец Александр вышел из кабинета Лебедева с этим чемоданом, он неожиданно увидел во дворе милицию и общее смятение. В этот момент во дворе появился пьяный Лев Лебедев и нанес несколько оскорблений действием Клибанову, который, как выяснилось впоследствии, вызвал милицию и заявил, что попы приехали отбирать музейное имущество и совершать другие противозаконные действия. Лебедев был немедленно увезен в милицию для составления протокола, а священники сели в автомобиль и отбыли.

Приехав в Алабино, отец Александр осмотрел обломки, которые принес ему Лебедев, и ликвидировал их, поскольку понимал, что история только начинается. И действительно, ровно через день приехала оперативная группа с визой прокурора на обыск по изъятию ценностей, которые отец Александр якобы похитил в музее Нового Иерусалима. Вместе с опергруппой приехал и Клибанов, который, рассматривая библиотеку, говорил с отцом Александром в издевательском тоне: «О, мы-то думали, что это мы так, а на какую мы щуку-то напали!»

Опасность состояла в том, что в храме имелись неучтенные свечи, которые староста использовала, чтобы добывать деньги для ремонта храма. Если бы Клибанов, находившийся совсем близко от свечей, обнаружил их, то старосте храма вменили бы нарушение закона «О свечном налоге», что грозило суровым наказанием. Однако эта опасность их миновала.

Но Клибанов и бывший с ним молодой гэбэшник не сдавались. У отца Александра забрали машинописные выписки из «Доктора Живаго» Пастернака, взяли две иконы, посчитав, что они музейные, те старые книги, которые подарил отцу Александру Лебедев, и несколько обломков керамики — как вещественное доказательство того, что Лебедев украл и передал Меню краденое.

И всё же гэбэшник решил продолжить. «Мы пришлем специалиста осмотреть вашу библиотеку», — сказал он и опечатал помещение, сказав, что приедет на другой день. И отец Александр решился: пошел к одному административному лицу деревни Алабино, с которым был в большой дружбе, и рассказал ему о том, что произошло. Тот ответил: «Они были у нас, допрашивали, мы сказали о вас самое хорошее, что никакой антисоветчины у вас нет и не было, и вообще они не имеют права оставлять дом опечатанным — они должны были закончить обыск».

На следующий день отец Александр решил поехать в местное отделение КГБ. Поскольку того представителя, который опечатал дом, в отделении не оказалось, отец Александр оставил ему записку, указав в ней, что не дождался его, а тем временем из отпуска вернулась его семья и он просит больше его не беспокоить. Но оказалось, что во время отсутствия отца Александра тот гэбэшник приезжал в Алабино и обнаружил, что дом закрыт на замки; их предусмотрительно повесил отец Александр, узнав, что гэбэшники не имели права оставлять дом опечатанным.

Вскоре отец Александр получил повестку в прокуратуру. Было решено устроить грандиозный процесс, для ведения которого привлекли генерального прокурора Руденко[139]. Для начала в районной газете «Ленинское знамя» была опубликована статья «Фальшивый крест»[140], в которой Лев Лебедев был изображен в карикатурном виде. Далее в статье было написано следующее: «Отец Александр (в миру А. В. Мень) и отец Николай (в миру Н. Н. Эшлиман) сажали Лебедева в церковную легковую машину (№ ВП39–01) и, прихватив с собой „святой“ сорокаградусной и совсем не святых девиц, катались по дорогам Подмосковья». Заодно, как указывал автор статьи, священники ограбили музей, украв из него свитки Торы, и пели «Шумел камыш». «Девицами», таким образом, была названа жена Эшлимана.

На допросе отец Александр указал, что из музея он ничего не брал. На следующем допросе была приведена экспертная оценка стоимости книг, привезенных Лебедевым отцу Александру, и было доказано, что их суммарная ценность составляет 10 или 15 рублей, что было несерьезной суммой. Для масштабного процесса с привлечением генерального прокурора материала оказалось недостаточно.

Но одновременно с этой историей случилось еще одно происшествие. В алабинском храме появился заведующий охраной памятников Лясунов и указал отцу Александру на ряд сломанных белокаменных колонн. В колоннах действительно были выбоины: во время войны, когда шли бои, в них попадали осколки, и в процессе ремонта храма было решено заделать эти выбоины известкой и штукатуркой. Таких колонн, высотой 15 метров, в храме было много — ими по всему периметру была окружена колокольня. Лясунов потребовал извлечь из колонн известку и штукатурку и заделать выбоины белым камнем. Выполнить его требование, причем в назначенный короткий срок, было совершенно невозможно. Но когда отец Александр увидел выразительное лицо Лясунова, то ему стало понятно, что он имеет дело с обычным взяточником. Лясунов обозначил размер «взноса» в три рубля, и отец Александр вручил ему эту сумму.

Чувствуя свою полную безнаказанность, Лясунов объехал восемь или десять церквей, успешно повторяя эту операцию. Но один из священников, с которого Лясунов потребовал более существенную сумму (аппетиты его всё возрастали), заметил номера переданных ему купюр и сообщил о прецеденте в милицию. В результате Лясунов был взят с поличным и начался процесс. По мнению адвоката, всех священников следовало посадить как взяткодателей. Так несколько неблагоприятных для отца Александра обстоятельств наложились одно на другое. Лясунову, набравшему, как выяснилось, колоссальную сумму, впоследствии дали восемь лет.

«Наступает отпуск, и я чувствую, что надо посмотреть мир, пока тебе не дадут смотреть через маленькое окошко, — рассказывал отец Александр. — И мы с женой отправились по Волге на пароходе. Я был уже спокоен, потому что „У врат молчания“ было закончено, и я уже обдумывал, как мы начнем греков[141] и, самое главное, — где мы их начнем. И тут — приезжаю я, по-моему, в Астрахань или еще в какой-то город — телеграмма от Сережи[142], моего сослужителя: „Приезжал Трушин[143] (это уполномоченный по делам Церкви), срочно выезжай“. В общем, пока я ехал по Волге, я в каждом городе находил отчаянные телеграммы: „Приезжай срочно“. Оставив Наташу и мешок с книгами, которые я брал с собой, я в Саратове сел на самолет и прилетаю сюда».

В Алабине отец Александр обнаружил полный разгром. Уполномоченный по делам религии уже приезжал, чтобы встретиться с «уголовником и злодеем Менем», но выяснил, что Мень в отпуске. «Никаких отпусков не полагается!» — решил Трушин. В ГБ он работал с 45-го года и имел высокое звание. «Человек не из приятных, — рассказывал о нем отец Александр, — хотя, впрочем, я с ним, как говорится, чай не пил. „Что с вами делать?“ Я говорю: „Ничего“. — Он говорит: „Вот, написано: ‘Шумел камыш’ и прочее“. — „Знаете, — говорю, — я столько не пью, в чужих домах тем более. ‘Шумел камыш’ я даже текста не знаю“».

Трушин пребывал в полном замешательстве в отношении дальнейших действий с отцом Александром. Никакого состава преступления в упомянутых историях, кроме мелкой взятки чиновнику из общества охраны памятников, он не видел, и отец Александр твердо стоял на том, что публикация в «Ленинском знамени» — это выдумка чистой воды, а взятка Лясунову была единственным возможным ответом на невыполнимые требования. Но в 64-м году каждый номер «Науки и религии» выходил с рубрикой «Факты обличают», направленной против священников и религии, и журналисты каждой местной газеты готовы были на всё, лишь бы получить новый факт для низкопробной антирелигиозной статьи. «Что с вами делать?» — повторял Трушин уже который раз. «Ну, не служите пока…» — наконец определился он.

Отец Александр еще не пропустил ни одной службы, когда был созван съезд уполномоченных по делам религии. Материалы съезда отцу Александру остались неизвестны, но вскоре его вызвал секретарь епархии и посоветовал ему «погулять месяц-другой», пока ему найдут новое место: «Не беспокойтесь, всё будет в порядке — Трушин хороший человек». Когда отец Александр напомнил секретарю епархии о предстоящем скоро празднике Успения, то секретарь посоветовал попросить уполномоченного разрешить ему служить на праздник. И действительно, Трушин разрешил отцу Александру послужить на Успение, но рекомендовал искать затем другой приход. Таким образом, «в верхах» решили отказаться от процесса, но перевести отца Александра из Алабина.

Поскольку секретарь епархии сказал отцу Александру, что освобождается место в Покровской церкви неподалеку от станции

Тарасовка, отец Александр сразу после Успения поехал туда. Выбирать ему не приходилось, и вскоре он заключил договор. Новая церковь показалась отцу Александру грандиозной.

А в Алабине тем временем продолжался разгром: старосту сняли с должности, всех священников перевели, в результате чего началось постепенное запустение прихода. «Аббатство» было разрушено. Так в 1964 году закончился алабинский период служения отца Александра. Впоследствии у него никогда уже не было таких благоприятных условий.

В хронологии основных вех жизненного пути, записанной им, этому эпизоду соответствует следующая запись:

«1964

Летом заканчиваю „У врат молчания“. Последние строки написал после обыска 3 июля 1964: из-за Льва Лебедева едва не попал под суд, но чудом Божиим избежал его. Отделался фельетоном в „Ленинском знамени“, все было неосновательно. Переведен в Тарасовку на Успение в 1964 году (еще до падения Хрущева)».

Глава 4
Начало служения в Тарасовке. Письмо священников-диссидентов

В сентябре 1964 года отец Александр был назначен вторым священником в краснокаменную с голубыми куполами церковь Покрова Божией Матери в поселке Черкизово неподалеку от станции Тарасовка Ярославской железной дороги.

Переход из Алабина в Тарасовку стал несомненным испытанием для отца Александра. По воспоминаниям Зои Масленикoвой, рассказывая впоследствии о событиях того времени, он сказал: «Я только сейчас вспомнил, как это тяжело было, какой катастрофой и падением казалось. Но память правильно работает. Это нормально, что я не помнил до сего дня об этих переживаниях…»

В Тарасовке, кроме настоятеля, отца Николая Морозова, полагались по штату еще три священника, одним из которых и стал отец Александр. Отец Николай был уже очень немолодым человеком с тяжелым характером. Отцу Александру он поручал исполнение всех треб и большей части рутинной работы, постоянно придираясь к нему. Через полгода после начала служения отца Александра в Тарасовке отец Николай был переведен в другой храм, и настоятелем назначили отца Серафима Голубцова, который оказался душевнобольным человеком, не переносившим растущей популярности отца Александра среди прихожан.

Посреди всей этой «невнятной публики, — вспоминает Людмила Улицкая, — появляется совершенно определенное лицо красивой еврейской породы, образованный, остроумный, веселый, и ко всему — православный священник! И он — знает! И знание его такого свойства, что подходит деревенским старушкам (он служит в ту пору в подмосковной Тарасовке), но также оно годится для Сергея Аверинцева, Мстислава Ростроповича и Александра Солженицына — в разные годы они приезжали к нему побеседовать о важном. И, конечно, его знание годится и нам, молодым людям, рассматривающим христианство как одну из концепций. В чем-то привлекательную, в чем-то неприемлемую».

«На свое счастье, летом 1965 года я познакомилась с отцом Александром Менем, — рассказывает Наталья Трауберг. — Мои родители жили тогда в Москве, я часто приезжала, да и переводила для московских издательств. Тем же летом я увидела Шуру Борисова, Женю Барабанова и Мишу Меерсона. Миша и Женя были очень активны, и они предъявили мне религиозное возрождение в чистом виде, поскольку они были людьми, активно возрождавшими… Оказалось, что эти мальчики всё время что-то печатают и перепечатывают, всё время что-то распространяется, читается… А я тогда много переводила Честертона, я дала им свои переводы, и они мигом разлетелись и стали распространяться.

Я жила в Литве, поэтому прихожанкой его не стала, но очень подружилась и, приезжая, каждый раз с ним виделась. Он был веселый, скромный, простой и чрезвычайно ортодоксальный: никакого „специального“ впечатления на меня он не произвел. И я могу засвидетельствовать: милый, смиренный, разумный и исключительно традиционный церковный человек. Целиком обращенный к Богу. Прямо как в Библии. А как он был погружен в Ветхий Завет! Невероятно любил пророков. Он, конечно, сугубо антиохийский богослов: весь в иудейской традиции приходящих к Христу.

В 1966 году мы с отцом Александром уже сидели и обсуждали план нашего самиздата. Но людей из прихода, участвующих в этой „живой жизни“, было совсем немного, спасибо, если десять человек. Каждый приходил каким-нибудь своим, неожиданным путем. Новые люди появлялись промыслительно, все по-разному. Это распространялось само собой, „как огонь бежит“»[144].

После творчески обустроенного дома в алабинском «аббатстве» вся семья отца Александра была вынуждена перебраться в переоборудованную мансарду родительского дома Натальи в Семхозе[145], поскольку в Тарасовке не было жилья для священника. Небольшой финский щитовой домик поставили в виде второго этажа над основным домом в Семхозе и за месяц до переезда постарались привести его в жилое состояние. Жилье было спартанским. В центре — полутемная комната с выступом-«аппендиксом», двери из которой вели в кухню и в две маленькие спальни для супругов и детей. Готовили на электрической плитке, воду носили в ведрах, постоянно топили печь, поскольку дом продувался из всех щелей.

Но жизнь продолжалась. Наталья умело обустроила мужу кабинет в выступе проходной комнаты — в нем поместились письменный стол и рабочее кресло, а рядом — стул для посетителей. Под скошенным потолком прибили полки для книг и отделили закуток плотной темной портьерой.

В тарасовском храме места для приема посетителей не было. Для ночевок отца Александра после Всенощной староста храма снимала угол у своей знакомой, и ему приходилось ночевать в одной комнате с хозяйкой. К счастью, при этом доме был сад, где летом отец Александр имел возможность принимать свою паству.

Поездки на электричках стали для батюшки нормой жизни. Дорога в одну сторону занимала около часа, и это время отец Александр использовал для общения с прихожанами и для работы над книгами и письмами многочисленным адресатам.

Зарплата второго священника в тарасовском приходе была втрое ниже зарплаты настоятеля в Алабине. После вычета налогов на семью из четырех человек получалось критически мало. Некоторое время отцу Александру приходилось продавать книги из своей библиотеки. Но постепенно жалованье увеличилось и быт наладился.

Еще через несколько лет Наталья смогла провести в пристройку водопровод и канализацию, газ и центральное отопление. С изнурительным печным отоплением было покончено. Над сараем, примыкавшим к дому с северной стороны, устроили веранду. В этом летнем кабинете отец Александр любил работать в теплые месяцы года. Впоследствии веранда была перестроена в теплую жилую комнату — рабочий кабинет отца Александра, где разместилась его разраставшаяся библиотека.

С родителями Натальи жили дружно. Вечерами спускались к ним смотреть телевизор — почти единственный вид отдыха, который разрешал себе отец Александр.

«Все замечали, что у них в доме сплошные клички: Билина, Мамуха, Папуха, — вспоминает Владимир Юликов, зять отца Александра, ставший впоследствии издателем христианской литературы. — Но это очень мило было, потому что действительно Наташа носилась по дому, как муха жужжала… Я уже к этому времени разные семьи видел — видел, как живут музыканты, я жил в коммунальной квартире, — родственников, знакомых. Эта семья сразу

поразила совершенно полным отсутствием каких-то перегородок, которые создают в семье раздражение, склоки, скандалы, трудности. И вот это их совершенное общение и легкость и явные взгляды, которые он на нее бросал всегда — влюбленные, такие ласковые, такие ужасно ласковые…

Столько забот. Крыша, которая течет. Это делала Наташа. Она всё время конструировала, непрерывная переделка была. То вот здесь были только терраски, здесь жил отец Александр Борисов. А позже надо было Надежду Яковлевну туда поселить. Мандельштам. Она жила на другой терраске, а значит, опять конструировалось. Придумали сарай снести и перестроить терраску. Сделали большой ему кабинет — это Наташа всё придумывала».

«Александр обладал даром моментально улавливать душевное состояние членов своей семьи и гасить „волны“, порой неизбежные в быту. Он делал это самым уместным для каждой конкретной ситуации образом — мягко или твердо, но всегда исключительно деликатно», — дополняет этот рассказ Павел Мень.

Летом участок превращался в благоухающий сад с цветником, огородом, ягодником и фруктовыми деревьями — о нем очень заботилась мама Натальи, Ангелина Петровна, которую внуки прозвали Билиной. В беседке, стоявшей посреди сада, на пишущей машинке было напечатано немало страниц из произведений отца Александра.

«Похороны Федора Викторовича (тестя отца Александра. — *М. К.*). И Ангелина Петровна встает и говорит (уже поминки, уже мы вернулись с кладбища): „…вы знаете, вот мы живем с моим зятем, с моей дочерью и с Федором Викторовичем столько лет…“ — продолжает вспоминать Владимир Юликов. — И как-то она коротко обозначила — вот сколько мы знаем семей, где так часто ссоры между детьми и родителями, когда они вынуждены жить вместе. А здесь, сказала она, вот поверьте, за все эти годы ни разу никто из нас даже не повысил голос. Я сижу за столом. Я-то это знаю. Мне не нужно было кивать головой или поддакивать. Я просто запомнил ее слова, потому что они подтвердили то, что я видел за эти годы. А значит, и до того было так же. Вот в такую семью потрясающую я попал.

Ну как ведь жили? Огород. Федор Викторович с Ангелиной Петровной всегда накрутят помидоров, огурцов, эти банки, картошка

своя, огурцы, помидоры, всё свое — полный погреб. Это же чудесно вкусно все было. В общем, вкалывали. И у них было очень уютно, вкусно, хорошо дома, и это всё делала вот эта семья. Простая русская еда. Студень был на Пасху всегда. Прекрасные были варенья, всякие соленья. Всё это было великолепно. Они привезли из Украины эти рецепты. Я там увидел впервые, что в огурцы надо положить листы черной смородины, еще что-то, какую-то там чепуху они накладывали. Такие огурцы, как у Ангелины Петровны… Это изумительно. Остановиться абсолютно невозможно. А уж ее сок, который она делала, березовый сок — и, оказывается, туда нужно положить несколько изюминок и чего-то еще, какой-нибудь кардамон, я не знаю, и это закупоривалось и ставилось в погреб до Нового года — шикарный напиток, газированный, оказывается, да еще как газированный, вкусноты необыкновенной! Итак, я попал в дом, где тепло, уютно; а через несколько лет провели отопление… Я же был молодой — поел, выпил — вот тебе и тепло. Но помню, что первое время в морозы было довольно-таки прохладно у них… В кабинете у отца была жуть какая-то зимой, как холодно. Ну просто колотун, а он сидел там и работал. На машинке. Иногда даже накинув на себя плед какой-то… Народ ехал непрерывно. Гостей иногда было трудно принимать из-за холода. А он терпел. Да он кипел там, работал! Работал практически непрерывно. Он мне давал эти книги. Все до единой книги у меня были с его автографом. Дело не в автографе. Я их все получил из его рук»[146].

«Если б спросили: как чувствует себя душа, попавшая в рай? — я ответил бы: точно так, как в доме отца Александра, — пишет Владимир Леви. — Ничего особенного, просто хорошо. Как никогда и нигде. Свободно. Светло. Тепло. Ничего лишнего. Всё заряжено чистотой. Высота местонахождения не замечается. Волшебная гармония, надышанная хозяином, исходила из каждого уголка и предмета».

Тем временем отец Николай Эшлиман и отец Глеб Якунин продолжали думать об обращении, направленном против реформы 61-го года и существующего в Церкви положения вещей. Через некоторое время после ранее описанного разговора отца Александра и отца Николая Эшлимана в Петровском состоялась встреча у отца Александра в Семхозе: приехали отец Николай и отец Глеб,

А. Э. Краснов-Левитин и отец Дмитрий Дудко. Причем Анатолий Эммануилович сразу привез десятистраничный проект письма к патриарху, в котором было написано о том, что все постановления Архиерейского собора 1961 года незаконны. Необходимо отстаивать эту позицию, заявил он, вопреки любому возможному противодействию. Однако отец Александр и отец Дмитрий образовали «правую фракцию»: действовать без епископа они считали невозможным. Позиция отца Николая и отца Глеба осталась неопределенной. И тогда отец Александр предложил обсудить вопрос соборно.

Для этого обсуждения на даче у Эшлимана собрались десять человек. Всем было предложено высказать свое мнение. Закончилось же это собрание тем, что решили пригласить кого-нибудь из людей старшего поколения — в частности Анатолия Васильевича Ведерникова. Некоторые не соглашались с его кандидатурой; в итоге решили пригласить и его, и владыку Ермогена.

По итогам расширенного собора было решено подготовить проект послания церковным иерархам и светским властям. Анатолий Васильевич даже предлагал, чтобы текст этого послания был зачитан лично патриарху в Елоховском соборе во время службы, что одобил и владыка Ермоген. Отец Александр написал трехстраничный текст, обозначив в нем главное. Смысл предложенного им послания состоял в том, что реформа 1961 года противоречит не только церковной практике, но и государственным законам. В частности, отец Александр указывал на возникшее противоречие в статусе священника, который, в соответствии с существовавшим порядком вещей, мог быть избран членом местного совета, но не был допущен к членству в церковном совете. Предложенный отцом Александром текст обращения содержал множество риторических вопросов о том, насколько совместимо нынешнее положение вещей с церковной практикой.

Действительно, с момента реформы 61-го года священнослужители по-прежнему оставались в положении наемных работников, привлекаемых приходскими советами для совершения религиозных служб. Советские власти имели право отвода членов приходских советов и назначения проверенных ими людей. «Главным человеком» в приходе оставался староста. Введение в 1962 году специальных регистрационных книг делало обязательным внесение в

них паспортных данных тех прихожан, которые заказывали в церквях совершение любых треб, что давало властям контроль над верующими и тем самым подвергало людей риску столкнуться на работе с нежелательными для них последствиями посещения церкви.

Отец Глеб не согласился с текстом, предложенным отцом Александром. «Нет, это для них слишком непробойно, — сказал он. — Их надо долбить! Долбить так, чтобы до них дошло». Но примерно в это время состоялся октябрьский пленум ЦК 1964 года, на котором Хрущев был освобожден от всех занимаемых им должностей, а на должность первого секретаря ЦК КПСС был назначен Брежнев. Анатолий Васильевич Ведерников обсудил сложившуюся ситуацию с отцом Всеволодом Шпиллером[147] и предложил прекратить подготовку письма, ставшего, по его мнению, несвоевременным. В новых условиях, считал Ведерников, необходимо дождаться стабилизации политической ситуации в стране и затем прояснить позицию властей по отношению к решениям Архиерейского собора 1961 года. Того же мнения придерживался и владыка Ермоген.

Тогда отцы Глеб Якунин и Николай Эшлиман решили написать письмо самостоятельно. Но они оба были очень заняты служением и работой на приходах, и работа над письмом могла продолжаться довольно долго, если бы не произошло «роковое стечение обстоятельств и пересечение судеб», как называл отец Александр новый поворот событий. К составлению письма в этот момент подключился Феликс Карелин[148], который в прошлом был связан с КГБ, но, будучи внедрен в качестве осведомителя в студенческий литературно-богоискательский кружок, обратился в христианство, покаялся перед членами кружка и в дальнейшем отказался сотрудничать с органами, за что отбыл срок в заключении. Карелина разыскал и привел в приход к отцу Александру Глеб Якунин.

Феликс, как рассказывал о нем отец Александр, был удивительным человеком — крайне темпераментным, страстным, умеющим много часов говорить «как по книжке». Имея схематический строй ума, он мог бы принести много пользы и для Церкви, и для дела, если бы не его безудержная натура.

По мнению отца Александра, роль Феликса оказалась роковой. Поскольку и Глеб Якунин, и Николай Эшлиман по обстоятельствам своей жизни, общей занятости и непривычке составлять подобные

документы оказались не готовы к написанию подробного обращения, они попросили об этом Феликса[149]. Участие отца Глеба Якунина в подготовке письма ограничилось высказыванием ряда общих идей. Основная часть литературной работы была сделана Карелиным, хотя каждая формулировка обсуждалась и принималась ими втроем. Однако заслуга Эшлимана и Якунина заключалась, прежде всего, в том, что они поставили свои подписи и отказались снять их, несмотря на оказываемое на них впоследствии давление. Подпись Феликса, как бывшего заключенного, решено было не ставить, чтобы не давать формального повода для отказа в рассмотрении документа.

Когда отцы Глеб и Николай принесли письмо владыке Таллинскому Алексию[150], который был управделами Патриархии, то, по их свидетельству, глаза его потеплели. У них появилась надежда, что письмо произведет благоприятное впечатление, хотя они и подозревали, что будут репрессии. Отец Александр был против того, чтобы они отправляли это письмо, и не исключал, что Эшлимана и Якунина запретят в служении немедленно по прочтении документа. В день подачи письма отец Александр встретил Карелина, который торжественно произнес: «Началось!» Отец Александр рассказывал, что он был мрачен, и высказал Карелину сожаление по поводу того, что такие священники выпадают «из наших рядов», на что Карелин ответил, как Каиафа[151]: «Что стоят два человека в сравнении с великим делом!»

Таким образом, 25 ноября 1965 года отцы Эшлиман и Якунин обратились к патриарху Алексию (Симанскому) с «Открытым письмом», копии которого были разосланы всем епископам внутри страны. Вскоре после этого было также отправлено заявление на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного[152], которое, по мнению отца Александра, было более удачным. В этих письмах авторы подробно говорили о неблагополучии во внутрицерковной жизни и в отношениях между Церковью и гражданской властью. Было приведено множество фактов нарушения законности в отношении Церкви. Письмо патриарху отмечало заслуги Русской церкви перед русской государственностью и культурой, а также упоминало о насильственном закрытии храмов в 1959–1964 годах. Акцент во втором письме был сделан на попустительстве Патриархии, епископата и духовенства закрытию

храмов и на требовании немедленно созвать Поместный собор и отменить постановление Архиерейского собора 1961 года о реформе приходского управления.

В сущности, «Открытое письмо» было крайне дерзким шагом, поскольку никто и никогда не осмеливался говорить так с патриархом, со Священным синодом и с высшими государственными чиновниками. Местами письмо было написано в поучающем тоне и больше напоминало обличительный документ, чем письмо священников патриарху. При этом конструктивных предложений в письме не содержалось.

Как рассказывал отец Александр, реакция патриарха была противоречивой. Сначала он сказал: «Вот, все-таки нашлись порядочные люди!» — после чего добавил: «Они хотят поссорить меня с властями». При этом ни патриарх, ни архиереи не пригласили Эшлимана и Якунина для разговора, чтобы познакомиться с ними. Тем временем документ читали в верхах, печатали за границей и передавали по Би-би-си[153], и авторы письма с удовольствием озвучивали его всем своим друзьям и знакомым. Отец Александр часто оказывался в общей компании с Эшлиманом и Якуниным, слушал, упражняясь в терпении, это бесконечное чтение и уже знал письмо наизусть.

В среде духовенства письмо Эшлимана и Якунина вызвало широкий отклик. К ним приезжали священники из самых разных концов страны, собирали для них деньги и были крайне вдохновлены их действием. Отношение изменилось лишь потом, когда выяснилась их диссидентская позиция, заключавшаяся в непризнании действующих церковных властей.

Энтузиазм множества священников, прочитавших письмо, был связан с тем, что они видели в нем отражение собственных надежд, связанных, в том числе, и со сменой руководителя страны, проводившего жесткую антицерковную политику. «Ожидали: вот-вот „что-то начнется“, — писал отец Александр, — но никто не шел дальше словесной и материальной поддержки священников, не решаясь подвергать опасности свое служение или семью. Ничего не „началось“, да ничего и не могло начаться: переговоры с государственными органами должны вести Патриарх и епископы, а не рядовое духовенство. Между тем Патриарх, Синод и епископат в

условиях тех лет и не помышляли о возможности каких бы то ни было переговоров»[154].

Наступил решительный момент. Отец Александр считал, что Эшлиману и Якунину очень важно сделать всё, чтобы сохранить себя на приходах, и не поддерживал диссидентский настрой своих друзей. По его мнению, они совершили акт своей гражданской и церковной честности, но должны были продолжать служить Церкви. Однако авторы «Открытого письма» прочно заняли диссидентскую позицию. «Тут причины были разные, — рассказывал отец Александр. — Феликс Карелин был просто экстремист, его несло. Фантастический человек. А Глеб — человек искренний и горячий. Что касается Николая Николаевича, то он — человек безапелляционный, и, заняв какую-то позицию, он всегда говорил: „Вот так, так и так“, — авторитарный был человек и признать какую-то свою ошибку он не мог (в тот момент его это страшно подвело)». «Мы выполняли императив нашей совести, — говорил спустя много лет в эфире радио „Свобода“ Глеб Якунин. — И мы на тот момент писали в надежде, что если мы уж не перевернем всю ситуацию, чтобы Церковь могла действительно освободиться от ига государства и возродиться, то, по крайней мере, сделать попытку этого».

Через некоторое время Якунина и Эшлимана вызвал митрополит Пимен[155] и предложил им написать объяснительную записку и дать в ней ответы на три вопроса: не изменили ли они своих взглядов; что они собираются делать дальше и не собираются ли они извиниться перед епископатом за нанесенное оскорбление. Отец Александр считал, что в этой ситуации уместно было бы написать вежливое письмо, пояснив, что авторы никого не собирались оскорблять и написали свое письмо как с церковных, так и с гражданских позиций, указав при этом на то, что письмо — это скорее вопрошание, нежели обличение. Но Якунин и Эшлиман отказались писать такое объяснение. Они, напротив, пошли к Феликсу Карелину, который, по мнению отца Александра, вдохновил их на резкий ответ в том ключе, что их взгляды не переменились и в «Открытом письме» мысль выражена точно.

На следующий день после этого, 13 мая 1966 года, митрополит Пимен временно запретил их в священнослужении. Якунин и Эшлиман ответили обличением Патриархии, протестуя против

незаконного запрета. Тогда их запретили в служении постановлением Синода. Причем члены Синода, подписавшие постановление, ни разу не видели авторов письма и плохо их себе представляли.

После того как улеглись первые страсти вокруг «Открытого письма», отец Александр на свой страх и риск пошел к митрополиту Никодиму[156], считая, что это единственный человек из архиереев, который способен вести диалог. Отец Александр сказал Никодиму, что хорошо знает Эшлимана и Якунина и ручается за их честность и искренность. Он также сказал, что, по его мнению, в интересах владыки, как председателя Иностранного отдела, ликвидировать этот инцидент, добавив, что личные контакты делают больше, чем любые взаимные проклятия и тексты. Он попросил Никодима встретиться с опальными священниками. Митрополит немедленно выразил готовность встретиться с ними, и отец Александр отправился к Якунину и Эшлиману. «А там у них, как всегда, было сборище, — рассказывает отец Александр, — у них непрерывно было заседание кворума, в который входили Капитанчук[157], Регельсон[158] и другие. Я докладываю: „Отцы, Патриархия в лице митрополита Никодима хотела бы с вами поговорить. Я был там“ — и так далее. Они говорят: „Ну зачем ты был! Вообще незачем с ними разговаривать, мы не желаем с этими типами иметь дело и вообще разговаривать с ними“». Отцу Александру пришлось вернуться к Никодиму и сказать об отказе Эшлимана и Якунина вести переговоры.

В дальнейшем Николая Эшлимана и Глеба Якунина вызывали в Совет по делам религии, но власти не решились их арестовать.

Многие считали, что текст «Открытого письма» был написан Александром Менем, в результате чего власти начали за ним наблюдение. В реальности же он высоко ставил моральное значение выступления своих друзей, но свое собственное призвание видел в проповеди Слова Христова и в ответе на те духовные запросы, которые стали к этому времени созревать в обществе.

Впоследствии, когда различные официальные лица говорили отцу Александру о том, какие злодеи Эшлиман и Якунин, он всегда отвечал, что злодеи те, кто спровоцировал их на это письмо, и в первую очередь виновны хрущевские инструкции. По сути, «Открытое письмо» стало реакцией на давление, которому в конце 50-х и начале 60-х годов подверглась Церковь со стороны гражданской и административной

власти. «Нравственный подвиг, — писал отец Александр, — даже не принесший видимых результатов, есть всегда невидимая победа, и потому „Открытое письмо“ останется вехой в истории Русской Православной Церкви».

Глава 5
Новые встречи. Участие в съемках фильма Калика. Кризис в группе Эшлимана и Якунина

Во второй половине 60-х годов в Тарасовке произошел первый «демографический взрыв», как называл отец Александр увеличение численности своих духовных чад. Ввиду того, что в тарасовском храме у отца Александра не было никакого отдельного помещения, где он мог бы поговорить с человеком, он много разговаривал с людьми в дороге, во время прогулок и даже на хорах. Отец Александр не ставил тогда никаких барьеров, и приход рос как на дрожжах. Люди приходили самые разные.

В приходе появился в это время молодой математик Лев Покровский со своей женой Ксенией, ставшей впоследствии иконописцем. Тогда же принял крещение от отца Александра физик Сергей Хоружий, впоследствии — известный богослов. В эти годы в Тарасовку часто приезжал специалист по кибернетике, а впоследствии историк и диссидент Мелик Агурский[159]. Часто бывала двоюродная сестра отца Николая Эшлимана филолог Александра Цукерман, супруга правозащитника Бориса Цукермана. Искусствовед и иконописец Елена Огнева, дочь историка-медиевиста Александра Иосифовича Неусыхина и одна из самых преданных отцу Александру прихожанок, перешла в тарасовский приход из Алабина и впоследствии привела к отцу Александру скульптора Зою Масленикову. Среди воцерковляемых молодых людей появились композиторы Олег Степурко и Валерий Ушаков. Здесь же начала помогать отцу Александру в редактировании его книг искусствовед Евгения Березина, ставшая близкой подругой переводчицы Натальи Трауберг.

«Зимой 1966 года я остановилась на даче у Ксении Михайловны Покровской в Перове, — вспоминает Светлана Долгополова. — Там мне дали прочитать одну из книг отца Александра Меня. Читая, я увидела тот живой свет, который спасает мир.

В августе того же года Евгений Барабанов отвез Ксению и меня в Тарасовку, где в храме Покрова Божьей Матери служил отец Александр. Ему шел тридцать второй год. Вокруг него было несколько прихожан из старой интеллигенции и группа молодых художников и ученых: физиков, биологов, математиков, историков и философов. А потом уже пошли тысячи современников, искалеченных социализмом.

Меня всегда изумляло, что отец Александр не уставал наполнять благодатью наши „дырявые сосуды“. Как-то он сказал моей подруге Элле Лаевской: „Думаешь, наконец-то — друг, нет, оказывается, опять — пациент“».

«Я прекрасно помню атмосферу тарасовского периода, поскольку мое воцерковление в августе 1967 года началось именно там, — пишет Сергей Бычков. — С одной стороны — постоянные мелочные придирки и доносы настоятеля, священника Серафима Голубцова, запрещение встречаться с прихожанами в сторожке, с другой — немыслимая атмосфера свободы и постоянная радость общения с отцом Александром, знакомство с новыми прихожанами. <…> В моей памяти запечатлелись следующие образы: после литургии прихожане — Михаил Аксенов-Меерсон и Женя Барабанов — дожидаются отца Александра на берегу Клязьмы, над обрывом. Он выходит из храма, и все направляются к даче, которую снимала в Тарасовке Ксения Покровская с семьей. Общение продолжается и по пути к даче, и на самой даче. Отец Александр сыпал направо и налево афоризмами, дарил идеи. Причем это не был водопад, обрушивавшийся на всех без разбору. Его дары были адресными и предназначались конкретным людям. Одна московская церковная дама метко подметила важное его свойство: „Проницателен до прозорливости“. Он прозревал в окружающих его людях скрытые для них самих дарования и сократовским методом майевтики[160] помогал им раскрыться».

«У отца Александра редко было время, чтобы поговорить о чем-то, хотя исповедовал он очень долго, — вспоминает Лев Покровский. — К нему на исповедь всегда была длиннющая очередь. Чувствовалось неудовольствие начальства, клира, поэтому во время исповеди старались не обременять его „посторонними“ проблемами».

И всё же отец Александр был неизменно бодр, деятелен и доброжелателен ко всем окружающим, а паства его росла не по дням, а по часам.

«Мы венчались в 1967 году в Тарасовке, — дополняет воспоминания супруга Ксения Покровская. — А на венчании отец Александр всегда говорил очень важные и новые вещи. Нам с Левой на венчании он говорил на тему претворения воды в вино в Кане Галилейской. Каждый раз он брал совершенно новый ракурс. Он говорил, что наша жизнь будет таким трудом, прозой, которые могут претвориться в вино только каким-то духовным усилием. К проповедям отец Александр, бывало, и готовился. Не всегда, но готовился: что-то просматривал — Лосского посмотрит, или Златоуста, или Бердяева. А на венчаниях и на отпеваниях он говорил совершенно экспромтом».

Но экспромты отца Александра были основаны на его энциклопедической образованности. Он был готов мгновенно переключиться с религиозных и богословских тем на философию, искусство, политику. Его реакции на любое слово, любой поворот разговора были стремительными и, как правило, краткими. «Обо всем, даже очень важном, можно сказать кратко», — говорил батюшка.

В этот период отец Александр познакомился со многими интересными людьми. Тогда он впервые встретил Марию Вениаминовну Юдину[161]. Случилось это на выставке работ скульптора-анималиста Василия Алексеевича Ватагина, который был дорог отцу Александру с детских лет. Выставка проходила на Кузнецком Мосту, и отец Александр получил пригласительный билет с трогательной надписью: «Отцу Александру иже и скоты милующему, от зверолюбца Ватагина…» На вернисаж он пришел с мамой. «Вдруг подходит к нам странная женщина, похожая на композитора Листа в старости (или что-то в этом роде), беззубая, с горящими глазами, огромная голова, белый воротничок пастора и черная хламида, — вспоминал отец Александр. — Я посмотрел на нее с полным изумлением. Это оказалась Юдина, знаменитая пианистка. „Мне говорили, что вы хорошо обращаете людей“. — Это о нас с мамой. Я ответил, что не очень люблю это слово, что обратить (словно завербовать) никого нельзя. Что это происходит в самом человеке. Мы же можем только помочь». Вскоре Юдина приехала к отцу Александру в церковь. Сначала она с горячей симпатией отнеслась к настоятелю, отцу Серафиму Голубцову, поскольку он был родным братом покойного отца Николая Голубцова, духовника Юдиной и отца

Александра. Но затем отец Серафим оттолкнул ее своим резким осуждением письма Эшлимана и Якунина. Мария Вениаминовна была всегда на стороне тех, кто гоним. Однако в тарасовский храм продолжала ходить.

Православие Юдина приняла в 1919 году, в возрасте двадцати лет. С тех пор, кроме музыки, центром ее жизни стало христианское служение. Собираясь с концертами в блокадный Ленинград, она повесила на московских столбах объявления: «Лечу с концертами в Ленинград. Принимаю посылки весом до 1 кг». В глазах большинства современников Мария Юдина выглядела крайне экстравагантно, почти юродивой. В разгар религиозных гонений она выходила на сцену с крестом поверх одежды, а во время травли Пастернака читала со сцены его стихи. «Я единственная, кто работает за роялем с Евангелием в руках», — повторяла она.

С отцом Александром они подружились. Она была, несмотря на свои причуды, исключительно умна, и ее огромный музыкальный талант поражал даже далеких от музыки людей. Известен случай, когда Сталин услышал по радио идущий в прямом эфире 23-й фортепианный концерт Моцарта в исполнении Юдиной, позвонил в Радиокомитет СССР и попросил прислать ему на дачу запись этого концерта, после чего Юдину срочно пригласили для повторного исполнения и записали на пластинку, изготовленную в единственном экземпляре за одну ночь.

Когда Юдина приезжала в Тарасовку, они с отцом Александром часами гуляли вокруг церкви и нередко вместе ходили по требам. «Странная это была пара, — вспоминал отец Александр. — Тридцатилетний священник и женщина с палкой, в кедах, в черном балахоне, похожая на старого немецкого музыканта, выходца из какого-то другого века. Характер у нее был порывистый и экзальтированный, но ум ясный и тонкий. Говорить с ней было одно удовольствие, потому что мысль ее была живой, ясной, полной искр. Она всё понимала с полуслова, всем интересовалась, была, как говорят, молода душой». Отец Александр, бывший редкостным миротворцем, легко снимал невероятную нетерпимость Марии Вениаминовны, связанную с самыми различными эпизодами жизни прихода.

Юдиной очень хотелось провести цикл концертов «для Церкви» с пояснениями. Как рассказывал отец Александр, ее представления об официальном церковном мире были довольно наивными. Но все же он поговорил с секретарем совета Московской Духовной академии отцом Алексеем Остаповым, человеком широким, любящим искусство и очень влиятельным. Тот с готовностью согласился устроить концерт в Академии. Концерт прошел хорошо, все были в восторге. Юдина прекрасно говорила, но в ее словах были уколы в адрес атеистов, что привело к табу на ее дальнейшие выступления в Московской Духовной академии, бывшей под постоянным надзором Совета по делам религий.

Как-то много лет спустя в разговоре с Софией Руковой отец Александр показал на стену своего кабинета в «сторожке» при храме в Новой Деревне, на которой уже висели фотографии тех, кто ушел в иной мир и был ему особенно дорог. «Мне бы очень хотелось, — сказал он, — поместить сюда фотографии еще нескольких людей. Когда они рядом, то перестаешь верить, что человека уже нет». И вскоре он передал Софии для пересъемки портрет Марии Юдиной на конверте пластинки с исполняемой ею музыкой. «Она была очень мужественной женщиной», — добавил отец Александр.

В 1965 году после долгих скитаний и жизни в постоянной опасности ареста переехала в Москву Надежда Яковлевна Мандельштам, посвятившая себя сохранению поэтического наследия мужа. Будучи крещенной во младенчестве, она заново «христианизировалась» в послевоенные годы, когда начала работу над книгой воспоминаний. «Работая над своими воспоминаниями, — рассказывает друг и душеприказчик Надежды Мандельштам Юрий Фрейдин, — Надежда Яковлевна стремилась как можно глубже вникнуть в духовный мир Осипа Эмильевича. А этот духовный мир во многом был миром христианского размышления и чувствования». В конце 50-х — начале 60-х Надежда Яковлевна прочла множество книг русских религиозных философов и, по всей видимости, на этой почве познакомилась с отцом Александром Менем. Впоследствии их общение переросло в дружбу. Так, по инициативе отца Александра Надежда Яковлевна сделала перевод книги Антония Блюма «О молитве» и нескольких фрагментов книги Реймонда Моуди «Жизнь после жизни». Со своей стороны, отец Александр очень заботился о

Надежде Яковлевне, не только с радостью предоставляя ей возможность жить у него в Семхозе, но также регулярно мобилизовывая своих прихожан для помощи ей. Он смог вместить ее сложную духовную сущность в свое огромное сердце.

«Отец Александр был священником-виртуозом: то, как он тебя видел, как он говорил, как он протягивал руку, благословляя, как касался сквозь епитрахиль, крестя после исповеди, как давал причастие — это всё было действиями мастера, наполненными смыслом, — рассказывает Никита Шкловский-Корди, с детства знавший и отца Александра, и Надежду Мандельштам. — Они не оставляли места сомнениям. Такими же, не вызывающими сомнения, были его отношения с Надеждой Яковлевной. Хотя Н. Я. была очень самостоятельна и решительна, с отцом Александром у нее, на мой детский еще взгляд, были совсем другие отношения. Н. Я. на него опиралась, ее отпускала напряженная прямизна. Они не служили друг другу, Н. Я. становилась как бы конгруэнтной, „вписанной“ в о. Александра фигурой. Если бы я умел рисовать, я бы изобразил Н. Я. как младенца на руках о. Александра — есть, говорят, такие иконы: Иосиф с Младенцем, пока усталая Мария спит».

«Наденька с ним очень дружила, — продолжает Варвара Шкловская-Корди рассказ сына. — Несколько лет жила у него на даче в Семхозе. Помню диспут на кухне у Надежды Яковлевны между Львом Гумилевым[162] и Менем. Спор шел о дьяволе и о том, как к нему относиться. Это была их первая встреча. Устроенная Наденькой. Гумилев стрелял всякими своими знаниями, на которые находились более полные знания и более квалифицированный ответ. Он со всех сторон на отца Александра прыгал и обстреливал его, но тот с мягкой улыбкой отражал все его залпы… Наконец Гумилев сказал, что, если дьявол действует, значит, Бог попустительствует злу, потому что сказано ведь: ни одного волоса с твоей головы не слетит, чтобы не было на то воли Божьей. „Тут я с вами согласен“, — сказал Мень… Изящный был спор… А закончился тем, что Гумилев сказал отцу Александру: „Ну, я не ожидал такого собеседника встретить. Не ожидал! Но, скажите, ведь и вы такого, как я, не ожидали“. Мень ответил: „Конечно, ничья, по нулям“. А Надежда Яковлевна молчала, сидя в уголке. Это была дуэль».

«Почему жива память о Надежде Яковлевне Мандельштам? — спросил отец Александр слушателей много лет спустя на одном из вечеров ее памяти, проходившем в начале „Перестройки“ в клубе трамвайщиков. — Потому что она не боялась смерти и выполнила свое предназначение».

В этот же период отец Александр познакомился с Александром Исаевичем Солженицыным, которого в целях конспирации называл тогда «Костей». Случилось это так. Отцу Александру попала в руки рукопись книги Солженицына, которая произвела на него впечатление и вызвала желание встретиться с автором. Солженицын в то время учил математике детей одного из коллег отца Александра, и тот обещал устроить встречу. Переговоры шли через отца Дмитрия Дудко. И вот встреча состоялась, хотя и с соблюдением всех условностей конспирации. «Я ожидал по фотографиям увидеть мрачного „объеденного волка“, но увидел очень веселого, энергичного, холерического, очень умного норвежского шкипера, — вспоминал отец Александр, — такого, с зубами, хохочущего человека, излучающего психическую энергию и ум. Задает быстрые вопросы, смеется, возбужден, но голова ясная. Умный человек, наэлектризованный, полный энергии. Спрашивал меня о „катакомбах“, об обстановке, людях. Поговорили о его книге. Он сказал, что сейчас весь в работе, что мало читает — только то, что ему нужно. Поэтому отказался взять предложенные ему книги. Настроен оптимистически. Как полководец, уверенный в победе. Рассказывал, как одно высокое лицо молча жало ему руку. Верил, что перелом совершился и всё идет в нужную сторону. Мы тогда все на это надеялись».

Как рассказывал отец Александр, ему приходилось и раньше встречаться с писателями, но они не производили впечатления умных людей. Многие из них были интереснее в том, что они писали. А Солженицын показался отцу Александру более интересным как человек, сам по себе. Он быстро схватывал, понимал, в нем было что-то мальчишеское, он любил строить фантастические планы. По словам отца Александра, у Солженицына была очаровательная примитивность некоторых суждений, происходившая от того, что он сразу брал какую-то схему и в нее, как топором, врубал продолжение созревшей у него мысли… Между ними состоялся очень живой разговор, в процессе которого отец Александр с одобрением отметил то, что Солженицын

очень сильно сфокусирован на важнейших для него темах: он мог всё равнодушно пропускать мимо ушей, но едва только раздавались слова, бывшие для него позывными сигналами, — он сразу оживал. Когда Дудко, присутствовавший на встрече, сказал, что сидел в таком-то лагере, то Солженицын сразу сосредоточился и начал задавать уточняющие вопросы и записывать в свой блокнот.

По мнению отца Александра, на момент их встречи (это был 1966 или 1967 год) Солженицын был, скорее всего, толстовцем, и христианство для него было некоей этической системой. Он читал некоторые книги отца Александра и, в частности, с одобрением отозвался о книге «Откуда явилось всё это» (тогда она была сделана в виде фотокниги)[163]; а когда речь зашла о книге «Небо на земле», то оказалось, что тематика этой книги совершенно не знакома Солженицыну. Поэтому отец Александр объяснял ему устройство и символику православного храма. Надежде Мандельштам Солженицын сказал, что ценит Конфуция. (Она со свойственной ей язвительностью спросила, где он читал о Конфуции — не в отрывном ли календаре?) Его «христианизация» происходила на глазах у отца Александра. Солженицын начал тогда впервые знакомиться с русской религиозной философией и был поражен. «Помню, как в его деревне, на даче, он мне с восторгом говорил о только что прочитанных Вехах», — рассказывал отец Александр.

Солженицын не стал духовным сыном отца Александра или прихожанином его храма. Пути их были различны, но взаимодействие в тот период — достаточно регулярным. В какой-то момент у Солженицына возникла идея построить храм: он должен был получить деньги за свои работы и говорил, что завещает их отцу Александру на строительство храма. Затем они вместе объездили на машине область и выбрали под Звенигородом очень красивое место — Скоротово. Солженицын решил, что здесь будет стоять храм, и отца Александра очаровала его уверенность в том, что всё «будет по воле моей». «Он просто, как пророк, видел все это очень близко, — рассказывал о Солженицыне отец Александр, — ему казалось, что завтра — уже „с вещами“. Мы уже чуть ли не измеряли место». Солженицын просил отца Александра найти ему архитектора для создания проекта, который стал бы мемориалом пострадавшим.

Думая об исполнителе любого проекта, отец Александр всегда руководствовался как профессиональными качествами кандидата, так и возможностью морально поддержать человека в трудной жизненной ситуации в надежде, что работа над проектом поднимет его над собственной болью и даст творческий результат. В данном случае отец Александр предложил для создания проекта художника-абстракциониста и экспрессиониста Юрия Титова. Увы, предложенный им проект храма оказался, по мнению отца Александра, «совершенно шизофреническим».

Отец Александр неоднократно помогал Солженицыну, который в то время был мало известен. Его книги еще не были опубликованы, но КГБ активно разыскивал его машинописные труды. Не раз объектом обысков со стороны КГБ на предмет обнаружения работ Солженицына оказывался дом отца Александра. Но помощь автору — в том числе в работе над его историческим трудом — продолжал оказывать и сам отец Александр, и несколько его ближайших помощников. Так, отец Александр помог Солженицыну отправить его тексты за границу. Когда был опубликован первый труд Солженицына на Западе, батюшка прочел и написал ему сдержанный критический отзыв. Сам он был в то время, по словам Солженицына, «по горло в опасности». «Его труд я воспринимал как миссию, имевшую провиденциальный смысл, — говорил о нем отец Александр. — Именно такой человек, который бил в одну цель, мог всё это осуществить. <…> Он был высшей точкой той волны, которая пришла в послесталинский период».

Во второй половине 60-х отец Александр впервые принял участие в киносъемке. Известный режиссер Михаил Калик[164] решил снять фильм о любви. Этот фильм вышел на экран в 1968 году под названием «Любить». Четыре киноновеллы о любви объединены были в лирическую киноповесть кадрами хроники конца 60-х годов. В промежутках между сценами фильма режиссер этой хроники Инесса Туманян[165] берет интервью у людей на улицах и в домах и задает вопрос о том, что они думают о любви. Были засняты молодые люди на танцплощадке, журналисты, профессора, студенты, рабочие у станка. И в рамках этого фильма Калик решил снять монолог священника.

«Бригада-„ух“ явилась ко мне в церковь, — вспоминает отец Александр, — (это было как раз в то время, когда мы встречались с

„Костей“), и говорят: „Так и так, мы снимаем; но мы сделаем исключение: мы всех снимаем скрытой камерой, а Вы будете видеть камеру, магнитофон и будете говорить“. „Конечно, — сказал я, — с удовольствием вам скажу всё, что нужно, но, разумеется, не надейтесь, что эти кадры пройдут“».

Операторская группа прибыла к отцу Александру через несколько дней, опутала проводами весь огромный храм в Тарасовке, и в течение сорока пяти минут он рассказывал и отвечал на вопросы режиссера хроники. Таким образом, размышления батюшки о любви складываются в фильме в своеобразный философский монолог. «Спрашивали меня не только о любви, — рассказывал отец Александр. — Я сказал: „Никаких вопросов заранее, всё сразу, с ходу, чтобы не было ничего надуманного, придуманного мною, а прямо так“. В частности, они меня спрашивали: „Почему сейчас упадок нравов?“ Я говорю: „А вы считаете, что раньше было лучше? Я до революции не жил, поэтому не знаю. Но если вы считаете, что раньше было лучше, то я вам отвечу: если это так, то, с моей точки зрения, это духовный упадок“ — и дальше объяснил, в чем он заключается. Они уже, конечно, про любовь забыли и спрашивали обо всем на свете. Я это знал и воспользовался — и не зря, потому что все это было отснято и много раз пускалось на студии Горького крупным планом».

Вот как вспоминает о работе с отцом Александром режиссер хроники Инесса Туманян: «Так что же тянуло к Меню? Там все было от того мира, который я не принимала (и который казался ханжеским, обедненным и убогим, при всех возвышенных словах!), — и все было естественно.

Увидели красивого молодого мужчину. Внутренний голос: „Господи, зачем в рясе, зачем тратит на это жизнь?!“ Сначала сожаление, потом любопытство: „А почему он сюда попал?“ Сначала безапелляционное осуждение — эк ведь обманули человека эти попы! А потом: „Ну-ну. Умен, образован…“ Кстати, скоро поняли: образован — не нам чета! Что удивительно — современен. Что удивительно — оперирует научными категориями (вот тебе и религиозное мракобесие)! И бесконечное человеческое обаяние — ума, манеры говорить, улыбаться, общаться, слушать, возражать. Он всё время с тобой в контакте, к тебе пристроен — и все время сам по себе… Появляется ощущение равенства: мы оба из одного мира (а не то что

он — из „потустороннего“). <…> Как ни провоцировали его на „сложные“ и „щекотливые“ темы, а попросту говоря, на антисоветчину — что-то скажет? как выйдет из положения? — ни разу не удалось. Выходил из положения блестяще, и говорил при этом правду! Полное удивление!

„Я буду сниматься, готов разговаривать, но давайте договоримся: вы не будете использовать это в антирелигиозном контексте“. Договариваемся честно — и покажем материал и фильм. <…>

Манера говорить — светская, интеллигентная, интонация удивительно… культурная, что ли, — не уныло-проповедническая, как мы себе представляли проповеди… И дальше это поражало всё больше — словно на лекции сидишь.

И курить нам разрешал, и выпил с нами сухого вина…

А как мы снимали! Наша нехитрая техника — и „забытая камера“. Он знал, что снимаем, не знал — когда. И вдруг — камера не заработала. „Что такое, ребята? Мы на работе, в чем дело?“ „Погоди, черт с ней, с камерой, дай послушать!“ Вот это первое было: нас взяло!»[166]

Впоследствии отец Александр был приглашен на студию Горького и посмотрел, что получилось. Фрагменты съемки в Тарасовке были врезаны в фильм, всё было сделано корректно. «Нашей картиной остался доволен, — продолжает Инесса Туманян свой рассказ об отце Александре. — И с контекстом все в порядке. „Пропустят?“ — улыбается. Бодро ответили: „Будет только так“. Куда там… Министр Романов[167] орал: „Все не́люди у вас в картине — один человек настоящий, и тот священник! Убрать!“».

До широкого экрана этот фильм так и не дошел, но его пускали узким экраном. В частности, он был показан в нескольких академических институтах. На некоторых актеров, принимавших участие в съемках, и на многих людей, узнавших отца Александра позже, этот фильм и последующие встречи с батюшкой произвели неизгладимое впечатление, что привело к полной перемене всей их жизни.

«Впервые я увидел отца Александра Меня на экране, — вспоминает Николай Каретников. — В 65-м году режиссер Инна Туманян, с которой я тогда дружил, снимала для фильма М. Калика документальные эпизоды. Она сказала, что у нее есть замечательный

материал, который я должен обязательно увидеть. Мне показали две заснятые ею проповеди совсем еще молодого отца Александра. Первую проповедь „О любви и браке“ отец Александр произносил перед храмом в Тарасовке, а не в Новой Деревне, куда его перевели позже, вторую — „О добре и зле“ — в храме. Проповеди потрясли меня, каждое слово на вес золота, и я сразу попросил Инну меня к нему отвести. С первой встречи я отдал ему свое сердце, и наши отношения, отношения пастыря и пасомого продолжались до дня его трагической гибели. Для меня в знакомстве с отцом Александром был Божий промысел».

«От всего фильма в памяти осталось только это — легкость, блеск, точность, духовная высота, непередаваемый юмор отца Александра (я только потом узнал, что это был он). Все остальные сюжеты померкли», — рассказывает Владимир Илюшенко, который впоследствии также стал духовным сыном отца Александра.

Фильм Калика «Любить» показали и в НИИ азотной промышленности, где работал Павел Мень. Он вспоминал: «У нас была группа демократически настроенных людей, которые приглашали на концерты в институт тех, кто был в немилости у властей. Например, у нас бывали Высоцкий, Ростропович и Калик (я держался тихо, общался с нашими культуртрегерами, но не входил в приглашающую группу). После показа был написан донос в райком партии членом парткома НИИ Петуховой, что фильм идеологически не выдержан, поскольку „самым умным в фильме оказался священник“. Фильм запретили. Органами КГБ были изъяты все копии, кроме одной, спрятанной режиссером фильма Инной Туманян».

Через некоторое время после запрещения показов фильма «Любить» режиссер Элем Климов пригласил отца Александра для участия в съемках цветного широкоэкранного фильма «Спорт, спорт, спорт», авторы которого показали историю развития спорта и его связь с политикой и культурой. На этот раз в процессе съемки батюшка стоял во весь рост на фоне храма и говорил о спорте. По отзывам, отец Александр получился в этом фильме еще более удачно, чем в фильме Калика. Но, как выяснилось через некоторое время, запись фрагмента фильма с участием Александра Меня оказалась размагниченной.

Жизнь отца Александра уже в этот период была до предела насыщенной.

Для того чтобы избежать большого наплыва людей, он выбрал один день для регулярного приема гостей, и теперь по средам к нему домой приходили по двадцать пять — тридцать человек. Полноценного кабинета у батюшки тогда не было, и он принимал гостей в «аппендиксе», чувствуя, что возможностей для глубокого общения с людьми при таком формате встреч остается всё меньше. Как всегда, люди к нему приходили самые разные — те, которые остро нуждались в его духовной поддержке, и те, кто относился к разряду «праздных совопросников», как называл их отец Александр. Иногда приходили и совсем посторонние люди, которых приводили знакомые… Через пару лет отец Александр прекратил «клубный» формат встреч со всеми желающими. Однако впоследствии он получил за эти «среды» своего рода возмездие: один эмигрант написал статью «Отец Александр Мень», где описал «журфиксы», и это, несомненно, привлекло к батюшке пристальное внимание «компетентных» органов.

Тем временем Эшлиман и Якунин вместе со своим ближайшим окружением начали порицать Русскую Православную церковь все больше. Патриарха они называли только по фамилии — Симанский и считали его незаконным на том основании, что митрополит Сергий был незаконным патриархом. Отец Александр был убежден, что незаконность одного патриарха не влияет на законность другого. Он говорил о том, что не существует общепризнанных канонов, устанавливающих порядок избрания патриарха, а значит, никто не может претендовать на законность или на каноничность. Однако Эшлиман и Якунин отказывались признать патриарха и предпочитали с тех пор Грузинскую церковь. При этом, по воспоминаниям отца Александра, они постоянно вели воспламеняющие друг друга разговоры «за сухим или мокрым» и постепенно приходили в состояние крайнего возбуждения: «Вот поднимется, вот начнется». В такой среде быстро развиваются апокалиптические веяния. Отец Александр ожидал, что у его друзей вот-вот может произойти душевный срыв. Для того чтобы отвлечь Эшлимана и Якунина от уводящего их от реальности образа жизни и мыслей, отец Александр предложил им вместе с несколькими прихожанами тарасовского храма организовать кружок и совместно изучать богословие. Предложение это немедленно нашло в них живой отклик, но на первом же собрании Карелин торжественно сказал, что открывается «частная духовная

академия» и что он — «ректор академии». Отец Александр не одобрил такую пафосную презентацию богословского кружка и больше не приходил на лекции кружка, сославшись на занятость.

Впрочем, примерный план занятий был представлен ему на утверждение. По названиям всё было похоже на богословие. Но вскоре после начала занятий отец Александр увидел, что посещавшие их люди теряют ориентацию в предмете. Как он рассказывал, Феликс, будучи очень способным и талантливым человеком, быстро всё схватывал и из обрывков того, что читал, строил очень своеобразное, схематическое и даже параноидальное, апокалиптическое богословие. В какой-то момент Феликс выступил в роли цензора и не разрешил к распространению одну из религиозных книг, рекомендованных отцом Александром для прихожан тарасовского храма. Как говорил отец Александр об «академии» Феликса Карелина второй половины 60-х, «всё катилось в сторону какого-то патологического фанатизма».

Вскоре состоялся их неизбежный к тому времени разрыв. Прихожан тарасовского храма, посещавших кружок Карелина, отец Александр поставил перед выбором: остаться либо с Карелиным, либо в приходе храма. С Карелиным, кроме Глеба Якунина и Николая Эшлимана, остались только Виктор Капитанчук и Лев Регельсон; все остальные вошли в приход тарасовского храма. Отношения отца Александра с Якуниным и Эшлиманом с тех пор стали более прохладными, хотя оба продолжали бывать в Тарасовке.

«Году в шестьдесят седьмом или шестьдесят восьмом, кажется, на каком-то торжестве мы разговариваем с Николаем, — рассказывал отец Александр, — и он говорит: „Феликс — человек Божий, посланный свыше“. А через три месяца он приехал ко мне и сказал: „Это сатана, и вообще я с ним порвал“».

Такой крутой поворот в их отношениях был связан с неожиданным событием. Эшлиман, Якунин, Карелин, Капитанчук и Регельсон продолжали встречаться на даче у Эшлимана и вести долгие разговоры. «Обсуждали, горячились, выпивали, мечтали… Жили мифами, полностью оторвавшись от действительности. Оперировали вымышленными ситуациями, слушали западное радио, которое еще больше подогревало фантастические картины: что всё православие поднимется и так далее, — рассказывал отец Александр о своих впечатлениях от этих дачных встреч. — Вдруг на них сошло озарение,

что скоро приближается конец света и что в этом году будут те знамения, которые описаны в Апокалипсисе: будут землетрясения и так далее». Карелин и его последователи собрали массу людей и стали убеждать их в неизбежности скорой и страшной развязки. По словам отца Александра, Лев Регельсон ходил по домам знакомых и говорил им, что скоро будет конец света или, по крайней мере, Москва погибнет.

Отец Александр не придал значения предсказаниям Феликса и уехал в отпуск на озеро Селигер. Однако немалое число людей поддалось на эту провокацию. Трое священников и двадцать мирян распродали свое имущество и уехали из Москвы на Новый Афон. Вокруг Нового Афона был создан миф, что это место святое и там нет нечестивых… Один из поверивших в «конец света» священников без всякого объяснения бросил свой приход и впоследствии был снят со службы. Карелин и его сподвижники ждали грандиозных событий, которые подвигнут к крещению массы, и взяли с собой мешочки с крестиками, чтобы крестить толпы паникующих людей.

Все участники этой истории пережили тяжелый стресс, но никаких апокалиптических событий не случилось. Когда отец Александр вернулся в Москву из отпуска, то с горечью узнал о смятении, которое пережили люди. Он спросил Глеба Якунина, отдает ли тот себе отчет в иллюзорности всей философии Феликса Карелина. Но Якунин упорствовал — ему хотелось верить в реальность этих теорий. В итоге, по мнению отца Александра, Якунин не отказался от философии Карелина, но постепенно стал терять к ней интерес. Его спасли солдатская стойкость и крепкая натура, и впоследствии он принял руководство группой по защите прав верующих. Как считал отец Александр, эта деятельность оказалась самой подходящей и родной душе отца Глеба. С отцом Александром они впоследствии продолжали изредка встречаться и относились друг к другу с большим теплом, хотя внешне их пути разошлись.

Эшлиман, в свою очередь, полностью порвал с Феликсом, сказав отцу Александру о том, что все его представления о нем как о «божьем человеке» никуда не годятся. Однако степень катастрофичности пережитого оказалась для Эшлимана непосильной. Отец Александр пытался поддержать Николая Николаевича, но он настолько изменился, что стал совершенно другим человеком. «Я никогда в

жизни не встречался с подобного рода метаморфозой личности, — рассказывал отец Александр. — Весь слой его духовности — очень значительный, насыщенный мистицизмом — смыло начисто, и обнаружился изначальный слой, весьма поверхностный, и мы с ним, будучи перед этим по-настоящему близкими друзьями, — оказались людьми совершенно чужими, которые не только не понимали друг друга, но которым не о чем было говорить». У Эшлимана начались тяжелые депрессии, приглушить которые ему удавалось только с помощью алкоголя. По мнению отца Александра, Эшлиман не был готов к покаянию, не был той открытой русской душой, которая способна на это. Его аристократизм не позволял ему встречаться ни с кем из своих церковных друзей, это было для него тяжело и неприятно — чувствовать себя «в своей тарелке» он мог, только будучи «на коне». «Необычайной одаренности пастырь получил здесь непоправимый удар, который сшиб его с ног совершенно. И это было самое тяжелое крушение человеческой судьбы, которое я когда-либо видел в жизни», — говорил об Эшлимане отец Александр, считавший, что в этой ситуации в значительной степени повинен Феликс. Эшлиман, склонный к экзальтации, не выдержал ежедневного ожидания конца света, знамений и знаков — той истерической атмосферы, которую создал Карелин.

В итоге Феликс остался с Капитанчуком и Регельсоном, но вскоре, как рассказывал отец Александр, по очереди с ними разругался и оказался один. Впоследствии он примкнул к неославянофилам.

Из этой истории отец Александр сделал два существенных вывода. Во-первых, оппозиция возможна только тогда, когда есть на что опираться, а во-вторых, для нее должны быть условия. В случае оппозиции, созданной группой Эшлимана, Якунина и Карелина, наличие этих факторов оказалось иллюзорным. Слишком тонкой была пленка из активных мирян и активных священников. Видя реальную ситуацию, отец Александр считал, что эта деятельность преждевременна, что ничего еще не сделано для того, чтобы можно было выступить. После того как в течение десятилетий церковную жизнь разрушали, а в течение столетий в нее вносились различные искажающие ее изменения, — возрождение требовало совместной, упорной и терпеливой работы в приходах, работы с людьми — христианского труда.

И поэтому отец Александр всё это время был полностью занят приходской и литературной работой. Политику он считал вещью преходящей, а работать хотел в сфере непреходящего. По мнению отца Александра, Церковь воскресала после тяжелейших кризисов только потому, что в ее основании находились не люди, а Бог.

Глава 6
Окончание тарасовского периода. Переход в Новую Деревню

В период служения в храме Покрова Божией Матери в Тарасовке отец Александр пишет два новых тома своей шеститомной истории религий «В поисках Пути, Истины и Жизни».

Четвертый том, названный им «Дионис. Логос. Судьба», посвящен греческой религии и философии — от эпохи колонизации до Александра Македонского. «Эллинистический мир, окружавший со всех сторон Иудею, стал первым полем жатвы апостолов, когда они обратились с проповедью к язычникам. Вышедшее из библейской страны слово было принято людьми античного общества и культуры, и на этой почве возрастала Вселенская Церковь. Мученики и апологеты, учители и Отцы Церкви в большинстве своем были сынами греко-римского мира», — поясняет отец Александр в предисловии к книге причину своего обращения к теме Древней Греции. Он пишет о том, что в эпоху появления первых христиан античный мир переживал кризис мировоззрения, который, по сути, подготовил античного человека к принятию христианства. «Прежде всего, многие античные идеи подготовили умы к восприятию Евангелия. Как не для всех иудеев оно было „соблазном“, так и не все эллины видели в нем „безумие“. Когда греки и римляне, искавшие истину, приходили к христианству, они обнаруживали в нем немало того, чему учили их философы. Это облегчало им приобщение к Церкви, и, в свою очередь, сами они, возвещая Слово Божие, прибегали к системе античных понятий». Отец Александр терпеливо и последовательно ведет читателя по путям поиска Истины в Афинах и Спарте, Милете и Эфесе за древнегреческими поэтами и философами. И постепенно нам становится очевидным, что материализм и идеология тоталитаризма, метафизика и оккультизм, агностицизм и вера в Судьбу вошли в наше сознание и европейскую культуру именно из древней Эллады. Подводя читателя к философии Платона, автор указывает, что «…платонизм был для многих образованных греков и римлян прологом к Новому Завету, как об этом свидетельствует один из первых христианских

философов св. Иустин. <…> Платоново учение о высшем Божестве, духовном мире и бессмертии духа, несомненно, способствовало осмыслению Евангелия античным миром и помогло формированию христианской философии». Отец Александр показывает, что мудрецы Эллады первыми на Западе провозгласили примат духовных ценностей, и их поиски привели к идее высшего Божественного Начала. И впоследствии, пишет он, «…эллинистический мир захватит религиозный порыв такой силы, какой никогда не знала история».

Пятый том истории религий Александра Меня повествует о ветхозаветных пророках, «вестниках Царства Божия». Перед написанием этой книги отец Александр в течение нескольких лет учил иврит и переводил фрагменты из библейских пророков. «Еще в эпоху, когда у греков только появились первые философы, в Израиле в полную мощь уже звучал голос пророков — проповедников учения, существенно отличавшегося от всех религий Востока и Запада. Это учение говорило не об абстрактном космическом Начале, но о Боге Живом, Лик Которого обращен к человеку. Вера пророков была проникнута сознанием того, что Бог открывается людям, возвещая им Свою волю, что в конце времен Он явится в полноте, доселе неведомой миру, — рассказывает отец Александр. — Книги пророков составляют в Ветхом Завете лишь около четверти всего текста; по содержанию же им принадлежит центральное место в дохристианской части Библии». Автор говорит о том, что во многих изложениях Ветхого Завета пророки тем не менее изображались безликими фигурами, единственным назначением которых было предсказать пришествие Мессии. «На самом же деле, — пишет отец Александр, — пророки в первую очередь были предтечами евангельского Откровения; пролагая путь Богочеловеку, они возвещали высокое религиозное учение». Отец Александр подчеркивает огромную значимость их роли: «Пророки жили в эпоху духовного пробуждения человечества, которую Ясперс удачно назвал „осевым временем“. Именно тогда почти во всем мире возникали движения, окончательно определившие облик дохристианского религиозного сознания. Авторы Упанишад и Бхагавад-Гиты, Будда и Лао-цзы, орфики и пифагорейцы, Гераклит и Сократ, Платон и Аристотель, Конфуций и Заратустра — все эти учителя человечества были современниками пророков, и в известном смысле профетическое движение явилось составной частью

общего стремления людей найти новое миросозерцание, обрести высший смысл жизни». Отец Александр так дополняет видение миссии библейских «вестников Царства Божия»: «У пророков нет ни сознания своей гениальности, ни чувства достигнутой победы; и это не потому, что они были лишены творческих сил, и не потому, что не испытали духовной борьбы, но потому, что знали, что их провозвестие исходит от самого Бога. <…> Пророки первыми увидели несущееся вперед время, им открылась динамика становления твари. Земные события не были для них лишь пеной или скоплением случайностей, но историей в самом высоком смысле этого слова. В ней они видели исполненную мук и разрывов драму свободы, борьбу Сущего за свое творение, изживание демонического богоборчества». С огромным вдохновением раскрывает отец Александр человеческую сущность пророков: «Поражает многогранность этих удивительных людей. Они — пламенные народные трибуны, заставляющие толпу замирать в молчании; они — смелые борцы, бросающие обвинение сильным мира сего; в то же время они предстают перед нами как лирические поэты, как натуры чуткие, легко ранимые и страдающие. С одной стороны, они любят поражать воображение масс странными жестами и словами, их легко принять за безумцев или пьяных, но с другой стороны — это мыслители с широким горизонтом, мастера слова, хорошо знакомые с литературой, верованиями, обычаями и политикой своего времени. <…> Речи пророков богаты эмоциональными интонациями: в них слышатся ирония и мольба, торжествующий гимн и сетование, риторический пафос и задушевность интимной беседы».

Отец Александр дает множество цитат из творений пророков. Цитируя эти творения, он предлагает читателю знакомство с ними в своем собственном переложении, сделанном на основе синодальной Библии, но в облегченном для понимания рядового читателя виде и в тесной связи с событиями жизни пророков, что позволяет нам проникнуть в смысл их писаний. В этих переложениях также реализовалась огромная творческая роль автора книги. Со свойственной ему силой проповедника и удивительным талантом рассказчика отец Александр раскрывает читателю библейское учение о Спасении и Искуплении, говорит о библейском Откровении и Богоявлениях, рассказывает о многовековой борьбе пророков за идеалы библейской этики против обрядоверия.

В период служения в тарасовском храме отцом Александром была также закончена работа над книгой «Небо на земле», позднее переименованной им в «Таинство, слово и образ». Эту книгу «…можно было бы назвать „Богослужебным катехизисом“ — так внимательно автор касается всех сторон церковной молитвы, ведет читателя по всему кругу двухтысячелетних молитв Церкви Христовой, льющихся от человечества к Небу. <…> Читателям его книги открывается возможность лучше понять вселенскую молитву Церкви и погрузиться в высокий мир ее символов и реальностей, ведущих нас от временного к вечности», — пишет в предисловии к изданию архиепископ Иоанн Шаховской. Сам отец Александр так поясняет цель написания этого труда: «Предлагаемая книга написана для „новоначальных“. Цель автора — помочь им полюбить храм, понять смысл Литургии, оценить красоту священнодействий и сделать церковную молитву частью своей жизни». Таким образом, «Таинство, слово и образ» знакомит читателя с обустройством храма, ходом богослужения, праздниками, церковными правилами и основами православной веры. В книге предельно четко и выразительно описаны церковные таинства и их истоки, сакральное значение церковных обрядов. Каждый термин, приводимый автором, пояснен особым и вдохновляющим образом. Вот, например, как отец Александр объясняет значение названия «благовест»: «Большой смысл заключен в названии „благовест“, ибо колокольный звон — своего рода музыкальная проповедь, вынесенная за порог церкви; он возвещает о вере, о жизни, пронизанной ее светом, он будит уснувшую совесть. Недаром у Гете перекличка пасхальных колоколов заставила Фауста отбросить кубок с ядом…» Невозможно остаться равнодушным, прочитав такое глубокое и образное толкование церковных понятий. Действительно, каждый, кто, познакомившись с молитвами «Символ веры» и «Отче наш», стремится расширить свой кругозор и узнать чуть больше о православном богослужении, откроет в этой книге источник удивительных знаний.

Одновременно с церковным служением и написанием книг в период с 1964 по 1968 год отец Александр заочно учился в Московской Духовной академии и по окончании ее защитил кандидатскую диссертацию по теме «Элементы монотеизма в дохристианских религиях и философии». Выбранная им тема диссертации полностью

созвучна идеям и выводам, изложенным отцом Александром в его многотомной истории религий.

А в 1968 году отец Александр, не веря своим глазам, впервые держал в руках изданную брюссельским издательством «Жизнь с Богом» книгу «Сын Человеческий», над которой он работал, начиная с юности. Первый тираж был издан под псевдонимом «Андрей Боголюбов», придуманным издателями. Впоследствии книга прошла через пять авторских редакций. Батюшка работал над ней в течение всей своей жизни…

«Получив его первую рукопись, мы не были уверены, что она предназначалась для нас, — рассказывает о переписке с отцом Александром основательница издательства „Жизнь с Богом“ Ирина Поснова, — и запросили его о его намерениях. При этом сообщили ему, что наше издательство — католическое, совмещающее, по примеру Владимира Соловьева, верность Риму с верностью традициям Восточной Церкви и с братским сотрудничеством с православными. Последовал ответ: „Мы знаем, что вы — католики, но это нас нисколько не смущает, а наоборот, радует, ибо пришло время освободиться от конфессиональных перегородок, препятствующих исполнению воли Христовой об единстве христиан“».

Но главным делом его жизни оставались евангелизация сограждан и работа в церкви. В воспоминаниях его близких и прихожан замечательно описаны отдельные эпизоды жизни батюшки того периода.

Вспоминает отец Михаил Аксенов-Меерсон: «О. Александр был апостолом Павловского типа: он становился „всем для всех, чтобы спасти некоторых“ (1 Кор 9: 22), и поворачивался к собеседнику той стороной, которая последнего интересовала, точнее, которую тот мог воспринять. Его уникальная отзывчивость многих вводила в заблуждение: церковных диссидентов, которые ожидали, что он пойдет с ними обличать иерархию; правозащитников, тянувшихся к нему со своими петициями; самиздатчиков, вроде меня, пытавшихся втянуть его в самиздатскую полемику; сионистски настроенных христиан, которые надеялись, что он возглавит иудео-христианскую общину в Израиле, и т. д. Всех благодушно поддерживая (оказалось, что одно время Солженицын хранил у него в саду вариант своей рукописи „Архипелага Гулага“, которую о. Александр, шутя, называл

„Сардинницей“), он оставался непоколебимым в своем собственном пасторате, и сдвинуть его было невозможно.

Я занимался религиозным самиздатом более семи лет, и это начинало грозить арестом. После нескольких неудачных попыток добиться посвящения в сан в Советском Союзе я решил эмигрировать, и о. Александр, который был вообще против эмиграции, посоветовал мне ехать в Израиль и создавать там христианскую общину».

«Алик был необычайно красивым и очень живым человеком, — пишет Зинаида Миркина. — Но, пожалуй, главное впечатление было от его взгляда, от глубины глаз. Была в них та спокойная истинность, та незыблемость внутренняя, которую не смогли спугнуть и поколебать необычайная внешняя подвижность, свобода и быстрота реакции. Взгляд его вносил с собой простор, где вольно и глубоко дышалось. <…>

Мне казалось, что Церковь давно отошла от Духа и прилепилась к букве. Я считала, что Церковь и есть тот самый упроститель, исказивший безмерную истину, чтобы втиснуть ее в прокрустово ложе наших представлений. И встретить такого священнослужителя было для меня чудом. Примерно это я сказала отцу Александру и услышала в ответ: „Ну что вы, Зина, вы просто не знаете Церкви. Церковь сохранила предание, Церковь сохранила нам все духовные сокровища“. Видя перед собой такого священника, я готова была сейчас же поверить в это, отбросив всё мое знание как несущественное».

«Отец Александр разрушил наше отчужденное отношение к людям, занимающим официальные места в Церкви, — вспоминает Григорий Померанц. — Я почувствовал, что человек, будучи священнослужителем, может быть при этом естественным, живым, подлинным, чутким. Это не только мое впечатление, это впечатление моих родных и знакомых. Очень комично это выразил отец моей супруги, пригласивший отца Александра к обеду, а после обеда, когда отец Александр ушел, он сказал: „Если это поп, то мне надо креститься“».

«В облике этого священника было что-то от библейского пророка, — вспоминает Юрий Глазов. — Густая волнистая черная шевелюра. Большая окладистая борода. Красивое лицо и умные, улыбающиеся, исключительно добрые глаза. Вера в Христа была в нем

глубоко укоренена, и всё его существование произрастало из этой духовной глубины. Мне нравилась его семья — милые, прелестные дети, тихая, спокойная жена Наташа с доброй и всегда несколько загадочной улыбкой. Мне нравилось, как в минуты, когда она начинала слегка жаловаться на жизнь, он быстро обнимал ее за плечи, даже пощипывал за бок и приговаривал: „Ну, что ты, мамулка!“ В этом его заигрывании с женой, каком-то очень целомудренном, проступало большое знание жизни».

«По натуре брат был очень мягким человеком, — рассказывает Павел Мень. — Для маленького сына Миши он написал десять заповедей и проиллюстрировал каждую, только седьмую („Не прелюбодействуй“) оставил без картинки. Он всё старался разъяснить в игре. Для него юмор — ключ к пониманию вещей. Он никогда не был скучным человеком — ни в жизни, ни в проповеди. Сложное, трудное легче объяснить и понять через веселое, через простое и доступное. Люди приходили к нему со своими бедами, ужасными ситуациями. И он всегда мог найти путь к облегчению душевного состояния. У некоторых людей могло сложиться впечатление, что Александр с детства был аскетом. Это не так. Всему свое время. Он участвовал в играх, забавах. Любил праздники. Но если хотел повернуть мысли честной компании к вопросам вечности, ему это всегда удавалось. Он никогда не осуждал, так сказать, низменные вкусы — выпить, закусить. Человеку необходимо расслабиться. Размеренность, умение переключаться, не замыкаться на одном — это ему было дано».

«В шестидесятые годы, в оттепель, была очень деятельная жизнь, — рассказывает Сергей Юрский. — Я в очередной раз приехал в Москву сниматься в кино и пришел к моему близкому другу. Он мне сказал: „Заходи, заходи! У меня сидит мой товарищ“. Там сидел Александр Мень. Мы пили чай и разговаривали. Я впервые говорил со священником, но сам этот разговор был про всякие дела: про кино, про театр, меньше всего про религию, потому что мы тогда с моим другом Симоном были людьми далекими от религии. Отец Александр говорил о делах светских, но говорил каким-то странным образом: всё освещалось новым светом. Я не мог понять, что за свет от него исходит. Но такими высокими словами я не мог с ним говорить, поедая оладьи и закусывая чай селедкой. Я сказал: „Как интересно, что мы с

вами познакомились!“ Он говорит: „А хотите, продолжим наше знакомство?“ — „Да, да! Очень интересно!“ Он: „Сегодня Рождество“. А я удивился: „Как Рождество? Ведь Рождество еще через две недели!“ А было 25 декабря. Он говорит: „Сегодня Рождество у католиков и протестантов. Хотите пойти со мной в протестантский молельный дом?“ Никогда в жизни я не ходил в церковь, вообще ни в какую, хотя был внуком священника, о чем узнал очень поздно — мой отец не только не упоминал этого, но старался забыть, потому что это было опасно. Но с этим человеком! Я сказал: „Хочу! А что там будет?“ — „Что будет? Рождество будет“.

Мы вошли в помещение, где сидело человек не менее пятисот, а может, и больше. И я впервые услышал слова Евангелия по-русски. И когда прорывались вдруг знакомые слова о Рождестве, о том, как это было там, в Вифлееме, и слова, которые просто обжигали сердце: „…не было им места в гостинице“, я подумал: „Боже мой, как же я до сих пор этого не читал и в первый раз слышу: ‘…не было им места в гостинице!’ Ай, как это близко, как это понятно! Как это всё по-человечески!“ И я спросил отца Александра: „Вы ведь православный священник?“ — „Да, православный“. — „А мы сейчас в какой церкви?“ — „В протестантской. Я — православный, но люди празднуют Рождество Христово, и я хочу их поздравить, они пригласили меня, а я вот еще вас привел. А когда в ночь с 6 на 7 января будет у нас великий праздник, они придут и нас поздравят, и так должно быть“.

Так я впервые услышал то, что потом долгие годы моей жизни помнил, как смысл отношения к другим конфессиям, к другим людям, к другому человеку, и как православный священник может открывать свое сердце. Мы сидели плечом к плечу в этом громадном зале, среди множества людей, которые праздновали Рождество Того же самого Господа нашего Иисуса Христа».

«Это было в 1967 году, — вспоминает Олег Степурко. — Валера[168] привез меня в церковь в Тарасовке, где тогда служил отец. Была дневная служба, церковь полна народу, отец Александр шел к алтарю. Тогда я не знал, что священникам нельзя в храме подавать руки, и при знакомстве протянул руку, и о. Александр, не желая меня смутить, пожал ее левой рукой.

Узнав о моем намерении креститься, предложил сначала приехать к нему домой. В назначенный день Валера привез меня в Семхоз. Беседа протекала довольно странно: больше говорил я, а он слушал, вставляя редкие реплики. <…>

В разгар нашей беседы вошла Наталия Федоровна, вернувшаяся с работы. „Ты дал детям молока?“ — спросила она его, и отец, преувеличивая вину и раскаяние, как это он обычно делал, схватившись за голову, ответил, что забыл. Часто забывая о своей семье, о. Александр всё время отдавал нам. <…>

Из тарасовского периода хочется вспомнить крещение первого моего сына Антона. О. Александр приехал к нам на новую квартиру в Медведково. Тогда я был студентом консерватории, и из мебели были только кирпичи с досками, на которых лежали книги. Я сам смастерил вешалку. О. Александр пришел и тут же нарисовал на вешалке детскую картинку: крючки стали ножками симпатичных поросят, а сама вешалка превратилась в летящую сову, на крыльях которой сидели поросята».

Настоятель тарасовского храма отец Серафим (Голубцов) запомнился прихожанам своими доносами. Так, по его доносу лишили регистрации второго священника храма отца Николая, который вел хоровой кружок для верующей молодежи и никогда не говорил о политике, но был обвинен отцом Серафимом в антисоветских проповедях.

Как рассказывал отец Александр, дети отца Серафима, будучи к тому времени уже взрослыми людьми, совершенно отошли от Церкви и от веры — и вот однажды Великим постом он уговорил их прийти на исповедь. Отец Александр исповедовал их, а после службы остался с ними поговорить, дал им книги. Встречи продолжились, и дети отца Серафима постепенно стали с уважением относиться к профессии отца — в них произошла определенная перемена. Результатом же стало то, что отец Серафим так испугался, что запретил им общаться с отцом Александром, погубив тем самым драгоценные ростки пробуждающейся в них веры.

Доносы, которые настоятель писал на отца Александра, были чудовищными по содержанию и своей «убойной силе», и в конце концов подвигли батюшку задуматься о перемене места служения.

Впрочем, каждое свое «сочинение» об отце Александре настоятель заканчивал фразой: «В служебном отношении безупречен».

После очередного большого доноса настоятеля в 1969 году отец Александр подал Пимену, бывшему в то время митрополитом Крутицким и Коломенским, управляющим приходами Московской области, прошение о переводе в другой приход «ввиду сложившихся небратских отношений с настоятелем». В объяснительной записке отец Александр написал, что донос на него является клеветническим, что никогда ничего дурного настоятелю он не делал и не знает, что побудило его написать донос. Со своей стороны, отец Серафим в послании к митрополиту писал, что никаких претензий по службе к отцу Александру не имеет — лишь бы он ни с кем бы не разговаривал и не давал бы прихожанам книг.

Прошение отца Александра встретило полное понимание, и митрополит согласился перевести его на другой приход. Но когда в церкви узнали об уходе отца Александра, то прихожане написали Пимену петицию с просьбой сохранить им батюшку. В результате митрополиту пришлось отозвать свое решение и прислать на приход соответствующую телеграмму. Прихожане успокоились, но с тех пор служение с настоятелем за одним престолом стало для отца Александра еще более тяжелым испытанием.

Эта ситуация длилась почти год, пока отец Григорий[169] Крыжановский не приехал в Семхоз просить отца Александра поменяться с его вторым священником, страдавшим «некоторой слабостью», и перейти к нему в Сретенский храм поселка Новая Деревня. Познакомились они раньше, когда вместе приезжали на именины к владыке Киприану (Зёрнову) и совместно служили у него в храме Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Ордынке. (Архиепископ Киприан, в целом хорошо относившийся к отцу Александру, однажды спросил его, не диссидент ли он. Отец Александр ответил отрицательно, пояснив, что считает себя полезным человеком общества, которое, как и всякое другое, нуждается в духовных и нравственных устоях.) Отец Григорий к тому времени периодически болел, и отца Александра неоднократно приглашали из Тарасовки служить в Новую Деревню, по соседству. В итоге обмен состоялся, причем на этот раз отец Александр не объявлял о своем

уходе. Настоятеля вызвали в епархиальное управление и уведомили об указе, подписанном митрополитом.

Как рассказывал отец Александр, с переходом в Новую Деревню он целиком занялся работой: многие из прежних связей стали гаснуть и обрываться, и он перестал часто ездить в Москву. К этому времени началась «алия» — дозволенная властями еврейская эмиграция, которую при желании эмигрировать на Запад использовали некоторые диссиденты. Были и те, кому власти сами указывали этот путь, угрожая в противном случае уголовным преследованием. С этой волной уехал близкий помощник и друг отца Александра Михаил Аксенов-Меерсон, у которого к тому моменту сложилась трудная личная ситуация. Уехал и Юрий Глазов, который был изгнан с работы за участие в коллективных выступлениях в поддержку осужденных диссидентов. Уехали многие…

«А были хорошие дни, когда собирались все у Гриши Турчинова[170] (который тоже уехал), и он показывал свой кукольный спектакль с какой-то подоплекой… — вспоминал отец Александр. — Мы с Померанцем рассуждали о метафизике, триединстве по отношению к разным мистическим системам… Всё это ушло в прошлое: ночные путешествия по Беляеву-Богородскому[171], по Ленинскому проспекту, и апостольские рейды по Москве, в которых меня иногда сопровождал Желудков. Всё это ушло в прошлое, потому что я понял, что это ничего особенно не дает, кроме усталости, а людей, которых нужно, Бог сам пошлет — тем более, что людей становилось всё больше».

Вот основные вехи творческого пути, обозначенные отцом Александром в записях о тарасовском периоде его служения:

«1964

В Тарасовке было много служб и не было помещения, но народа московского сильно поприбавилось. Беседовал и общался по дороге и в Москве. Потом и дома.

Целью общения считал необходимость создания „среды“, в которой верующие чувствовали бы себя свободно. Действовал методом естественного отбора. Когда нужные отобрались, прекратил встречи дома (около 1967 года).

Московская духовная академия (1964–68 годы).

1965

Пишу греческие главы для „Магизма и Единобожия“. Разделяю „Истоки религии“ по совету Желудкова (его самого впервые прочел в 1959 году). С этого времени (61–64) переписка с Желудковым и компанией. Еще одна редакция „Сына Человеческого“.

1966

Пишу „Дионис, Логос, судьба“. Ницше, Вересаев, античная литература. Последние статьи в „Журнале Московской Патриархии“. Учу греческий.

1968

Выход „Сына Человеческого“. Общая редакция 4-х первых томов. Булгаков. Бердяев. Соловьев. Много Бергсона. Старец Силуан (читал еще раньше, в 1958 году.) Материалы по Оптиной Пустыни. Беседы о ней с Павлович. Учу иврит. Начал „Пророков“.

1969

Выходит „Небо на земле“.

Кандидатская работа „Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии“. Дружба со Старокадомским и Ветелевым. Пишу „Пророков“.

1970

Настоятель отец Серафим Голубцов, известный своими доносами, написал на меня рапорт, и я попросил митрополита Пимена (позже Патриарха Московского и всея Руси) перевести меня от него. Встретил полное понимание. Явный уход не удался из-за народа и протестов. Пришлось уходить тайком. Поменялся со священником Новой Деревни, куда давно стремился.

В Новой Деревне завершил „Пророков“ и шестой том, а также создал новые варианты „Сына Человеческого“, „Истоков религии“ и „Неба на земле“. Написал толкования к Новому Завету и краткие комментарии к Ветхому Завету. Статьи появлялись уже только в „Штимме“ (последняя в „ЖМП“ в 1966 г.).

За этот период оформились окончательно основные методы и принципы работы. Цель: создавать предпосылки для образа жизни, мысли и устоев христиан XX века, без староверства. Тогда же, в связи с литературной работой, расширились связи с учеными и писателями».

Глава 7
Сретенский храм поселка Новая Деревня

В феврале 1970 года отец Александр начал свое служение в храме Сретения Господня поселка Новая Деревня в получасе ходьбы от станции Пушкино под Москвой. Добираться до храма ему стало проще, чем в Тарасовку, — в Пушкине останавливались все электрички, следующие как из Семхоза, так и из Москвы, а от станции до Новой Деревни оказалось нетрудно доехать на такси либо на рейсовом автобусе. При переводе отец Александр был отмечен саном протоиерея и наградным крестом.

Пожилая певчая с клироса рассказывала в 70-х, как на ее памяти сретенский храм везли в Новую Деревню на дровнях и складывали по бревнышку (его перевезли со станции Пушкино, где в связи с проводимыми работами он должен был быть затоплен вместе с окрестными домами, но по просьбе красноармейцев, вернувшихся с войны и обратившихся к Калинину[172], в 1922 году его разобрали и перевезли в Новую Деревню). Она помнила, как поднимали колокол и как он ударил в первый раз.

«…Сегодня первый раз служил в новом месте, — писал отец Александр Зое Масленниковой. — Тарасовка покинута. Теперь я обитатель сверхкрохотного деревянного храма. Местечко очень глухое, но на шоссе. Чувствую огромное, давно не испытанное облегчение. Как будто жернов с шеи свалился…»

По сравнению с большим, нарядным и очень ухоженным храмом в Тарасовке новодеревенский храм был значительно меньше и очень запущен. «Как видите, Женя, ситуация кенотическая[173], — сказал батюшка Евгению Рашковскому вскоре после начала своего служения на новом месте. — Это, собственно, не храм, а молитвенное помещение… Но будем работать!» И далее, как вспоминает Евгений Рашковский, последовал свойственный отцу Александру плавный и широкий жест рукой. И, действительно, с появлением отца Александра храм и само пространство вокруг него стали преображаться.

«Храм в Новой Деревне летним утром казался насквозь пронизанным солнцем. Когда длинные лучи из яркой синевы неба

попадали внутрь, они создавали косые снопы света, падающие на вынесенную Чашу с Причастием и на лица прихожан. И на фоне этого торжества света — пространство клироса, погруженное в прохладный полумрак. Этот деревянный храм с низким потолком и большими окнами, построенный в начале XX века, чем-то напоминал старинные русские церкви, ничем не примечательные, в которых еще не было никакой помпезности и роскоши. Простота храма была близка душе отца Александра и вообще всему складу прихода в Новой Деревне.

<…> Небольшой деревянный храм смотрелся красиво и зимой. Синева куполов, что появлялась еще издалека и просвечивала сквозь заиндевевшие ветки деревьев, сливалась с синевой зимнего холодного неба. Во дворе по бокам храма и на кладбищенских могилах лежали белые сугробы. Мохнатые еловые ветви, покрытые пушистым искрящимся снегом, были видны через окна храма», — вспоминает Андрей Еремин, впоследствии много лет помогавший отцу Александру в качестве алтарника и катехизатора.

Отцу Григорию Крыжановскому, бывшему в то время настоятелем новодеревенского храма, было около восьмидесяти лет. Будучи вынужденным эмигрировать из России священником в начале 1920-х и вернувшись в Россию после трудных скитаний и служения в храмах Европы лишь в начале 1960-х годов, он обладал несомненной широтой взглядов и получил настоящее богословское образование, что позволило ему оценить глубину и открытость отца Александра, принять его методы работы с паствой и поддержать его в творчестве. Опыт и мировоззрение российской «катакомбной» церкви, в атмосфере которых вырос отец Александр, встретились с нестесненным советской властью опытом служения в автокефальных храмах русского зарубежья, носителем которого был отец Григорий. В результате на протяжении семи лет, с 1970 года и до момента ухода отца Григория на покой в 1976 году, отец Александр совершал служение под началом всемерно поддерживающего его настоятеля. Только с отцом Григорием отец Александр мог служить с открытыми Царскими вратами, что приближало службу к атмосфере ранней Церкви, когда литургия была общим делом всех молящихся.

В 1970-х годах отец Григорий уже часто болел и очень нуждался в помощи энергичного второго священника. Вскоре после перехода в Новую Деревню основная нагрузка по службе легла на плечи отца

Александра. Часто ему приходилось работать за двоих во время богослужений, когда отец Григорий уже физически не мог вести службу и только присутствовал в алтаре. При этом отец Александр всегда относился к отцу Григорию с глубокой симпатией и оберегал его, насколько это было в его силах.

Андрею Бессмертному-Анзимирову, ставшему прихожанином новодеревенского храма в начале 1970-х, так запомнился отец Григорий: «…Косая сажень в плечах, благородная и какая-то изящная осанка, даже в самые лютые морозы прогуливается по селу без шапки, шуба нараспашку, ряса в снежинках, свежий пар изо рта — не идет, а „выступает, будто пава“. Старенький, он до самой кончины своей, хоть и не имел сил служить и лишь сидел в алтаре, но всегда выходил после литургии к прихожанам: „А сейчас наш Златоуст, батюшка отец Александр, скажет вам проповедь. Внимайте достойно, вы больше нигде этого не услышите!“ И окидывает о. А. Меня взглядом, лучащимся любовью и уважением. „Наверху“, перед церковным начальством стоял за о. Александра стеной. „Пока я жив, — как-то сказал он, — я его не выдам, буду прикрывать как орлица орленка“. И не выдал».

Как и в большинстве деревенских церквей, приход новодеревенского храма состоял главным образом из пожилых женщин. С началом служения в нем отца Александра состав прихода начал меняться, в выходные и дни церковных праздников в храм стали приезжать новые люди, главным образом из Москвы — молодежь и интеллигенция. Отношения «новых» и «старых» прихожан не всегда складывались благополучно. Многие из недавних прихожан не знали, как нужно вести себя в храме — креститься, передавать свечи и прикладываться к иконам. Молодые женщины иногда появлялись в храме с непокрытой головой и в брюках, заранее будучи готовыми с вызовом дать отпор «темным» старушкам, которые позволяли себе поучать их и делать им замечания весьма бесцеремонным образом. Новый священник еврейской национальности спокойно и с юмором относился к такому вопиющему в глазах старых прихожан невежеству, часто исповедовал людей непривычно долго и много времени проводил с приезжими после службы в сторожке при храме. Его доброжелательность и терпение сразу покорили многих местных жителей, в то время как другие долго и непросто привыкали к

переменам и были к тому же очень обеспокоены национальностью нового священника. Эта часть «старых» прихожан решила, что отец Александр окружает себя своими «одноплеменниками» и что «все москвичи — евреи». Так в храме возникло «оппозиционное крыло». «Отзвонив в колокола, — вспоминает Владимир Ерохин (русский по национальности), — мы с сестрой спустились с колокольни. „Отец Александр, какие ваши ребята молодцы!“ — сказала староста. — Наши русские так не могут»[174]. Сестра Владимира, Ольга, так описывает запомнившийся ей эпизод с благоукрасительницей храма, Анной Евстигнеевной: «К нам, молодым приезжим, она была строга. Но однажды вечером подозвала меня и сказала: „Я ваш народ уважаю. У вас вера крепче“».

Год за годом отец Александр «растапливал сердца» недоброжелателей своим тактом и любовью к людям, неизменным вниманием к нуждам всех своих прихожан — как «старых», так и «новых», — и противоречия постепенно стали сглаживаться. Каждый имел возможность не раз испытать на себе силу молитвы и внимание нового батюшки — он крестил новорожденных, причащал и соборовал больных и умирающих, освящал квартиры и дома. Характерными были его неприхотливость в еде и одежде, аккуратно заштопанная ряса.

Рядом с церковью располагался маленький деревянный дом («сторожка»), где священники, алтарники и певчие готовились к службам. В случае необходимости здесь можно было переночевать, приготовить еду и попить чаю в ожидании беседы с батюшкой. Этот прицерковный дом был огромным преимуществом новодеревенского храма по сравнению с прежним местом служения отца Александра. На одной его половине жил отец Григорий и находилась комнатка старосты. Другая половина дома имела отдельный вход и состояла из кухоньки и двух комнат. В комнате размером побольше стояли обеденный стол, две кровати и диван для отдыха и ночного сна после всенощных. В другой, совсем маленькой комнатушке были печь, кровать для отца Александра, тумбочка при ней, письменный стол, два стула и этажерка с книгами. Впоследствии печь заменили на батареи центрального отопления, а на кухне установили двухконфорочную газовую плиту.

Эта комнатушка отца Александра в прицерковном доме (иногда прихожане называли ее «каморкой») стала для него, по сути, кабинетом и основным местом пастырской работы. В течение первых двух лет своего служения в Новой Деревне он вел здесь тайный семинар по патристике. Здесь же беседовал с людьми, которые зачастую приезжали издалека и терпеливо часами дожидались своей очереди в большой комнате дома-сторожки. Своей пасхальной радостью он поддерживал впавших в уныние, зажигал огонь веры в людях, совсем потерявших надежду. После беседы с ним лица людей менялись — появлялись вдохновение и свет в глазах, уходили беспокойство и уныние. «Около двери крохотного кабинета сидят плакучие ивы. Или менее поэтично: с неотвязной зубной болью к хирургу-дантисту. Выходит из кабинета совсем другой человек», — вспоминает Тамара Жирмунская.

«Я увидел необычайно красивого, мудрого и абсолютно свободного человека. Свободного в несвободной стране, — рассказывает Владимир Илюшенко. — Его эрудиция, гармоничность, переполнявшая его радость бытия завораживали. Общение с ним неизменно приводило в восторг: он заряжал вас (и надолго) духовным озоном, всё начинало как бы искриться и входить в резонанс с его настроем. Любая ваша мысль ловилась на лету и возвращалась преображенной. Не было вопроса, на который он не мог дать исчерпывающего и, казалось, окончательного ответа. Его доброжелательность и интерес к собеседнику были неподдельными. <…> Он покорял вас сразу, с маху, походя. Он занимался, я бы сказал, „выращиванием личностей“. И не было при этом никакого пафоса, ложной мистики. Бьющая из него ключом энергия охватывала вас мгновенно, как озноб, но при ознобе холодно, а здесь теплота разливалась по каждой жилке, по каждой клеточке. Я видел, как он одной репликой снимал мучительные сомнения, как он выводил людей из уныния, из депрессии. Не раз видел, как мрачно настроенный человек после исповеди или разговора с ним в домике выпархивал оттуда с просветленным лицом».

Глубоко в сердце каждого человека оставалась первая встреча с батюшкой, и как магнитом притягивались к нему те, кто уже успел услышать его «живое слово».

«Когда вспоминаешь об отце Александре Мене, то замечаешь, что приходит какая-то осветленность, почти что невесомость его образа. Обаятельная улыбка, смеющиеся глаза, затем на несколько мгновений взгляд становится серьезным, обозначая погружение вглубь разговора или обсуждаемой проблемы, и снова ясная радость необыкновенного человека, всегда видящего мир озаренным светом Божественного присутствия», — пишет священник Александр Борисов.

«Отец Александр открывался мне постепенно, — вспоминает Владимир Илюшенко. — Вначале я оценил чисто внешнюю его красоту: лепку лба, благородство облика, живые, сияющие, внимательные глаза. Одновременно я ощутил совершенно потрясающую его энергетику и непреодолимое обаяние, затем — естественность, простоту и отсутствие какой-либо позы. Я увидел, что это легкий и радостный человек, обладающий какой-то внутренней стремительностью. То, что он умен, было ясно с первого взгляда. Но довольно быстро я понял, что это больше, чем ум. Потом я увидел, что это человек огромных познаний, и это была не механическая эрудиция, а универсальное, целостное знание.

Ему была свойственна постоянная ирония, никогда не злая, но, напротив, очень мягкая. Пленяли не просто доброжелательность его и терпимость, но чуткость и огромный интерес к собеседнику, а еще — неподдельное уважение, сердечность и какая-то особая нежность. Я увидел, что он ведет непрерывный диалог с нами, и он не „вещал“ — он тебя слушал. Потом я увидел и другое — постоянный диалог его со Христом. Я понял, что главное для него — вера во Христа, и не просто вера, а жизнь по этой вере. Он хотел одного — чтобы человек всегда был повернут к Богу, надеялся только на Него. Сам он жил и светился верой, и отсюда — его величие и скромность».

«В облике отца Александра, в его речи, самой манере разговора, поведении не было абсолютно никакой стилизации под древнее Православие, что считалось модным в то время среди неофитов, да и в наши дни, к сожалению, широко распространено в „младостарческой“ среде. Отец Александр никогда не изображал из себя ни „старца“, ни „угодника“, не было в нем ничего нарочито „иконного“, „житийственного“, не складывал он особым образом ручки, не возводил очи горе́, не склонял долу скорбное чело, не пугал людей испепеляющим взглядом грозного „пророка“, не повергал в

замешательство высоким витийствованием на церковнославянском — хоть и священном, но непонятном простому человеку языке. Но каждого — и простодушного ребенка, и робкую девушку, и сомневающегося студента, и замученную заботами мать семейства, и ученого мужа, и неграмотную старушку — мог утешить, вдохновить, поддержать, разбудить сердце для духовного делания своим ясным, мудрым и точным словом, одарить лучезарной улыбкой, согреть сердечным теплом», — вспоминает Елена Кочеткова-Гейт.

«В еде батюшка был весьма сдержан, но в гостях ел всё, что ему предлагали, не привередничая, — пишет Андрей Еремин. — За столом мог выпить вина, но мог и не пить, ему это было безразлично. Вообще в его жизни почти не было развлечений, но когда он работал над книгами, часто ставил пластинки с любимыми музыкальными произведениями. Батюшка также любил кино и, поскольку времени выбраться в кинотеатр у него не было, довольствовался телевизионными программами. Он был сдержан, несмотря на тонкую внутреннюю эмоциональность. Его „затвор“ был в его душе. Он являл собой образец подлинной христианской аскезы, которой должна учить сегодня Церковь. <…>

На известных фотографиях мы часто видим отца Александра с опущенными глазами. Очень редко он смотрит прямо. Так было и в жизни. Его прямой взгляд — молниеносный, как бы заглядывающий в сердце, — всегда исключение, чаще всего его веки были опущены. Он не испытывал никого, заглядывая в душу, не заставлял человека чувствовать себя неловко. А если он смотрел человеку в глаза, то только, чтобы подбодрить, осветить своим внутренним светом. Это было „подключением“ собеседника к своему сердцу и через него — к Богу. Это было интимно и мимолетно, ясно и быстро. И ты наполнялся его радостью, становился сопричастным его свету, согревался тем теплом, которое от него исходило.

Запомнилось также, что он постоянно приносил в своей жизни маленькие жертвы: в храме брал на себя дополнительные требы, уделял время людям, которые не понимали, как он это время ценит. Вообще все очень быстро привыкали к этим его жертвам и не замечали их. Но никто и никогда не слышал от него ни слова о переутомлении или чьей-то неблагодарности. Конечно, ему нередко приходилось

разочаровываться, но его сердце оставалось открытым людям. В нем не иссякал источник человеколюбия и дар сопереживания.

Именно это привлекало к нему сельских прихожан, которые ходили в его приход вовсе не потому, что он был знаменит и известен (для интеллигенции это как раз имело значение). Они любили его, ибо он был настоящий свидетель Своего Господа. Батюшка располагал к себе людей не только умением их слушать, он входил в самую суть их житейских проблем. Он не отказывался говорить о мирском с позиций здравого смысла; мог подать совет в самых обыкновенных житейских делах, например, о строительстве дома, об учебе детей, об отношениях на работе».

«В нем был тот внутренний жар, тот внутренний огонь, который я больше ни разу не встречал в людях — ни в священниках, ни в монахах, — пишет Андрей Тавров. — Казалось, в нем жила и шумела могучая и веселая магма, выступающая на поверхность невидимым, но ощущаемым горением, избытком согревающего и не опаляющего огня, способного на чудеса. Способного — отогреть, поддержать, поднять над землей, преобразовав привычный масштаб зрения и восприятия в бесконечную и всё же очень конкретную перспективу. Этого жара не было у других людей, хотя иногда казалось — что вот же он, но через некоторое время общения я понимал, что нет, это не то, это другая природа. <…> …этого солнца, расположенного прямо в груди почти осязаемо, веселящегося и играющего, отогревающего замерзшие почти до смерти души, утешающего и всегда, всегда — восходящего, я уже больше не встречал ни у кого».

Приведем здесь несколько характерных рассказов о первых встречах с отцом Александром в 1970-е гг.

Из воспоминаний Александра Галича: «…Где-то в конце 60-х годов меня заинтересовала литература философского и религиозного содержания. Я жадно читал всё, что можно было достать, и вот среди самиздатской литературы этого толка мне попалась работа священника отца Александра (называть его фамилию я не буду, знающий догадается, для незнающих фамилия не имеет значения). И когда я читал работы этого отца Александра, мне показалось, что это не просто необыкновенно умный и талантливый человек, это человек, обладающий тем качеством, которое писатель Тынянов называл „качеством присутствия“.

Я читал, допустим, его рассказ о жизни пророка Исайи и поражался тому, как он пишет об этом. Пишет не как историк, а как свидетель, как соучастник. Он был там, в те времена, в тех городах, в которых проповедовал Исайя. Он слышал его, он шел рядом с ним по улице. И вот это удивительное „качество присутствия“, редкое качество для историка и писателя, и необыкновенно дорогое, оно отличало все работы этого священника отца Александра.

Тогда я в один прекрасный день решил просто поехать и посмотреть на него…

Я простоял службу, прослушал проповедь, а потом вместе со всеми молящимися я пошел целовать крест. И вот тут-то случилось маленькое чудо. Может быть, я тут немножко преувеличиваю, может быть, чуда и не было никакого, но мне в глубине души хочется думать, что все-таки это было чудом.

Я подошел, наклонился, поцеловал крест. Отец Александр положил руку мне на плечо и сказал: „Здравствуйте, Александр Аркадьевич. Я ведь вас так давно жду. Как хорошо, что вы приехали“. Я повторяю, что, может быть, чуда и не было. Я знаю, что он интересовался моими стихами. Но где-то в глубине души до сегодняшнего дня мне по-прежнему хочется верить в то, что это было немножко чудом».

«Я увидел его сразу, когда он, такой заметный, высокий, появился на пороге церкви, — дополняет этот рассказ отец Александр. — Он пришел с нашим общим знакомым, композитором Николаем Каретниковым… Я узнал его сразу, хотя фотографий не видел. Узнал не без удивления. Знаете, читатель часто отождествляет писателя с его героями. Так вот, для меня Александр Аркадьевич жил в его персонажах, покалеченных, униженных, протестующих, с их залихватской бравадой и болью. А передо мной был человек почти величественный, красивый, барственный. Оказалось, что записи искажали его густой баритон. Мне он сразу показался близким, напомнил мою родню — высоченных дядек, которые шутя кололи грецкие орехи ладонью. Это был артист — в высоком смысле этого слова. Потом я убедился, что его песни неотделимы от блестящей игры. Как жаль, что осталось мало кинокадров… Текст, магнитозаписи не могут всего передать. И в первом же разговоре я ощутил, что его „изгойство“ стало для поэта не маской, не позой, а огромной школой

души. Быть может, без этого мы не имели бы Галича — такого, каким он был.

Мы говорили о вере, о смысле жизни, о современной ситуации, о будущем. Меня поражали его меткие иронические суждения, то, как глубоко он понимал многие вещи».

Позднее, в эмиграции, Галич написал пронзительные строки, посвященные Новодеревенскому храму:

Когда я вернусь, я пойду в тот единственный дом,
Где с куполом синим не властно соперничать небо,
И ладана запах, как запах приютского хлеба,
Ударит меня и заплещется в сердце моем…

Вспоминает Владимир Файнберг: «…Падает снег. Сумрачное, студеное утро. Мороз. Я хожу взад-вперед у ограды церковного храма в Новой Деревне. Калитка заперта. Церковь закрыта, службы сегодня нет. В домике при храме не светится ни одно окошко.

Мне назначено на восемь. Уже скоро девять, а священник все не идет. Может, забыл, что сам передал через Олю, чтобы я приехал именно сегодня, именно к восьми утра?

Зачем же в таком случае я здесь замерзаю? Говорят, он молод, этот Александр Мень. Говорят, встречаться с ним небезопасно…

Но куда деваться, если ни у людей, которых я знаю, ни в книгах, которые мне доступны, я не могу найти ответы на мучающие уже несколько лет вопросы? Недавно, будучи в одном доме, знакомлюсь со студенткой первого курса факультета психологии МГУ. Зовут ее Оля. Она верующая. Рассказывает, что ее батюшка — замечательный человек, кладезь знаний.

Я далек от религии. Батюшка так батюшка, я как голодный, жаждущий хлеба познаний. Обстоятельства таковы, что прежнее мое мировоззрение рухнуло, новое не складывается. Никогда не думал, что это может быть так мучительно. Прошу Олю поговорить со священником, может, у него найдется время встретиться.

И вот эта встреча назначена. А его всё нет и нет.

Оля говорила, что Александр Мень красивый, величественный.

Каков бы он ни был, он необязателен. Я уже окоченел. Жду полтора часа. Почему же я не ухожу? Давно пора автобусом на станцию и в электричку, уже возвратился бы в Москву, домой.

…Падает снег. И вдруг за его пеленой возникает прохожий. Одет не по погоде. Шляпа. Пальто. Бежит. Ко мне.

Батюшка, в тот момент вы не показались ни красивым, ни тем более величественным. Я увидел перед собой тоже замерзшего, как цуцик, человека.

— Извините, ради Бога! Что-то случилось на линии. Не было тока. Час просидел в электричке. Я ведь из Семхоза, из-под Загорска.

Открывается калитка, поднимаемся на крыльцо домика, отпирается одна дверь, другая.

— Садитесь. Согревайтесь. Я сейчас.

Тесный кабинетик. Тепло. Полки, втугую уставленные книгами. Иконы. Письменный стол, два кресла. Оставшись один, озираюсь, привыкаю. Появляетесь вы в черной рясе, с большим серебряным крестом на груди. И только теперь вижу — красивый, величественный. В руках две большие чашки с крепким дымящимся чаем.

Сидим друг против друга. Ваши внимательные, веселые глаза излучают открытость.

И всё же трудно, очень трудно начать говорить. Я боюсь, что все мои вопросы будут вам непонятны, странны. <…>

В моих руках том Владимира Соловьева и книга некоего Светлова „Истоки религии“. Я, конечно, не знаю еще, что Э. Светлов — один из ваших псевдонимов.

Вы провожаете меня. Оказывается, в соседней комнате, в коридорчике, уже сидят, стоят люди, целая очередь жаждущих встретиться с отцом Александром Менем. У них свои вопросы, своя тревога, боль и надежда».

Из воспоминаний Тамары Жирмунской: «Жизнь моя сошла с рельсов, и приятельница, наблюдавшая мой внутренний раскардаш, ненавязчиво предложила:

— Почему бы вам не съездить к Меню?

— А кто это?

— Православный священник. Служит под Москвой.

— Я же некрещеная!

— Это не имеет значения: необязательно входить в церковь. Он погуляет с вами по саду, и вы всё ему расскажете.

— Всё? Незнакомому человеку?

— Этот человек — священник! Мне он многое помог понять.

<…> Я приехала поздно. Служба кончилась. Не скажу, что тесное пространство двора запрудила толпа, но было многолюдно. Все кого-то ждали. Его?.. Каждому, думаю, знакома необременительная зависть к другой, неведомой жизни, в которую нет и не будет доступа, на мгновение овладевшая мною. Я ее прогнала. Моя цель — не втираться в чужое общество, а поговорить с объективным человеком, священником, получить совет (слова „благословение“ не было в моем лексиконе). Поговорю — и уйду. А потом и уеду. Вероятно, насовсем…

<…> Я сижу в церковном дворе, а человек, ради которого я сюда приехала (отец Александр), то появляется в поле моего зрения, то исчезает. Светлая ряса и темная голова возникают попеременно на пороге домика, на пороге храма, у церковной ограды, в одной, в другой — противоположной — точке двора. Это кто-то нагрянул в Новую Деревню впервые, как и я, и священник делает с новичком круги по саду. „Метеор какой-то!“ — устаю я за ним следить.

Пытаюсь попасться „метеору“ на глаза.

— Вы ко мне? — быстрый и внимательный, я бы даже сказала, профессионально-испытующий взгляд.

И тут я теряюсь. С чего начать? Как изложить в нескольких словах драму моей жизни? Поздно уже переигрывать, поздно. Попала в черные списки. Не печатают, ничего не зарабатываю. Живем на книги, которые распродаем по спекулятивным ценам. Наша библиотека — дело жизни моего отца, та скромная роскошь, которую он себе позволял. Ради моего будущего. С детства определился мой интерес к литературе, и отец считал, что книги для меня — хлеб насущный. Так оно и оказалось. А теперь мы проедаем этот „хлеб“. Проедаем усилия и упования моего покойного отца.

— Я хотела бы поговорить… — тупо повторяю давешнюю фразу.

— Пойдемте!

Огибаем церковь по часовой стрелке, минуем несколько старых могильных оград, какие-то кусты, какие-то травянистые кочки. И тут я совершаю подмену. Ни слова о том, что нарывает! Неожиданно для себя ныряю в сферы отстраненные. Что есть вера и что суеверие?

Уживаются ли они? В каких отношениях находятся христианство и, скажем, спиритизм, астрология, хиромантия — всеми этими оккультными дисциплинами я в свое время увлекалась. Если Бог всемогущ, как примирить с Его всемогуществом разлитое в мире зло? И вот еще: свобода и предопределенность… Я не фаталистка, но часто мне кажется, что человек бывает втиснут в такие жесткие рамки, из которых не вырвешься. Как же можно считать, что он свободен?

Отец Александр не выдерживает моего невежественного натиска. Смеется:

— Вы задаете вопросы вопросов! Вернемся к этому в следующий раз.

— Да! Но… Ответьте: можно ли приблизиться к Богу, вызывая духов? Или… У знакомого короткая линия жизни на руке. Сразу на обеих ладонях. Надо ли предупредить? Ведь тем самым связываешь его волю, лишаешь его свободы, — упорствую я, как будто от немедленного ответа зависит моя жизнь. — А теософы?! Кто, как не они, провидели…

„Тихая сумасшедшая!“ — перевожу я его искрометный иронический взгляд.

Мы уже довершаем круг, и Мень вдруг задумчиво произносит:

— Всё, о чем вы говорите, — это вход в то же здание, но… с черного хода. Занимаясь спиритизмом, вы попадаете в низший астральный слой духовного мира. Зачем пускать в ход силы, которых мы не знаем и с которыми не умеем совладать? Путь от человека к Богу прям, — подводит он черту.

Я еще не понимаю смысла последней фразы. Мне, тугодумке, надо ее обмозговать.

— Как мне к вам обращаться? — спрашиваю вполне серьезно. — Извините, но у меня язык не поворачивается выговорить „отец Александр“.

Ему это странно. Но он ко всему привык.

— Называйте меня Александром Владимировичем».

Так для огромного большинства людей, поставивших перед собой вопрос о смысле жизни и приехавших с этим вопросом в Новую Деревню, встреча с отцом Александром означала начало пути к Богу, диалог со священником, который, принимая на себя боль и смятение души нового прихожанина, готов был осторожно и деликатно говорить

с ним о главном, в свете чего меркла и отходила на второй план та боль, с которой приехал этот человек… Общение с духовными детьми в условиях растущего прихода происходило у батюшки, как правило, в ущерб еде, отдыху, часто по дороге к больному, в электричке.

Приход отца Александра стремительно расширяется в эти годы не только за счет новообращенных, но и в результате новых знакомств на отдыхе, переписки по целому ряду волнующих отца Александра литературно-исторических и богословских вопросов. Вот как рассказывает о первой встрече с отцом Александром в середине 1970-х врач-психотерапевт Владимир Леви: «…в Коктебеле, на околопляжной улочке ко мне подошел светловолосый молодой человек. Представился диаконом Александром Борисовым: „С вами хотел бы познакомиться отец Александр Мень, священник. Он читал ваши книги…“ В обращении диакона была некоторая осторожность.

Странно припоминать: я не только не знал, кто такой Александр Мень, но ни одного живого священника до той поры близко не видел. Полагал, что таковые не водятся в земной жизни, а пребывают где-то в полунебытии, среди ветхих старушек и шизофреников…

Вечером, с непонятным волнением, ждал гостя.

С диаконом явился человек наружности неожиданной, но будто всю жизнь знакомой — или по какой-то другой жизни родной…

В легком летнем костюме, невысокий, но очень большой. Впечатление такое производилось не телосложением, умеренно плотным; не осанистостью или солидностью, которых совсем не было; даже не великолепной крупнотой головы с сиятельной мощью лба в окладе волнистых черных волос, тогда еще только начинавших седеть.

Величина его не занимала места, а только вмещала. Большим, безмерно большим было его существо. (Можно бы и сказать: психополе, энергополе, но это следствие.) Громадное духовное существо — как еще это назвать?.. Аккорд гармонического полнозвучия. Мягкий без подслащения баритон, с запасом ораторской властной силы. Глаза древнего разреза, крылобровые, в дивных длинных ресницах выбрасывали снопы светожизни. „Господи, да он же красив, — вдруг догадался я. — Царски красив. За такую красоту могут любить…“

С первых секунд забыл, что он священнослужитель, так просто и весело потекла беседа.

Спросил меня:

— К вам, наверное, обращаются не только с болезнями, но и с вопросами — скажем, о смысле жизни?

— Ищу сам, к кому обратиться. О смысле смерти…

— Мы тоже ищем. (Смеющийся взгляд в сторону невозмутимого диакона.) У нас, правда, есть одно справочное окошко, в него приходится долго достукиваться. По-нашему это называется молитвой. А вас, может быть, выручает какая-то философия?

— Для нас подвиг хотя бы доказать, что думающий о смысле необязательно псих.

— Если даже и психически болен, почему не подумать. Безрелигиозная психотерапия — всадник без головы. Медицина без веры — мясная фабрика. Религия и наука противопоставляются лишь темнотой, недоразвитостью; противоречат друг другу лишь в обоюдном незнании или нежелании знать. Истинная религия научна, истинная наука религиозна. Вера — сердечный нерв искусства, литературы, поэзии — даже в отрицании Бога. Человечество выживет (кажется, он сказал: „состоится“) лишь в том случае, если между всеми путями к Истине будет налажено сообщение, связь.

Вот главное, что я услышал от отца Александра в тот вечер. Теперь это кажется само собой разумеющимся».

«Многие, наверно, помнят его шутки, смеющиеся глаза, и тут же — величавость, благородство осанки, движений, посадки головы; огромный лоб, глубокий сильный голос, сверкающий взгляд, — вспоминает Андрей Еремин. — В отце Александре поражало сочетание стремительности (удивительной при его склонности к полноте) с твердой поступью, связью с землей. С людьми же он был так деликатен, так мягок и сдержан, что даже прикасался к ним (например, когда что-то передавал) не просто вежливо, но с необыкновенной бережностью. Как будто он прикасался к драгоценным и хрупким сосудам. С таким благоговением он не обращался даже со священными предметами в алтаре».

Как ему удавалось донести дух учения Христа? Почему его проповеди и беседы столь проникновенны?

Вот что пишет об этом художник Илья Семененко-Басин: «Своих духовных детей о. Александр призывал говорить Христу просто: „Я люблю Тебя — (о. Александр прижимал руку к груди), — но плохо

следую за Тобой, ковыляю, как на костылях“ (и жестами показывал неуклюжие движения). Когда ему жаловались, что молитва, читаемая по молитвослову, звучит как автоматически заученная речь, он говорил, что это не так уж и важно, „главное — чтобы в сердце была любовь к Богу“. И становилось понятнее, почему о. Александр так высоко чтил св. Серафима Саровского, св. Франциска Ассизского, св. Сергия Радонежского и еще многих, называемых „святыми любви“. В его кабинете в Новой Деревне рядом с образами названных подвижников, рядом с ликами вселенских учителей были и св. Тихон Задонский, и св. Тереза Лизьеская, и брат Шарль де Фуко, и св. Максимилиан Кольбе. А над всеми ними — Святая Троица — единство в любви…»

В своих проповедях отец Александр говорил о том, что все мы в равной мере бесконечно дороги Господу, что людей ничтожных и незначимых для Него не существует. Почувствовать Божественное присутствие и любовь может тот, кто знает, что значит любить и быть любимым другим человеком, что значит жертвовать собой для других, делиться своим временем и душевным теплом. Отец Александр обращался к тому лучшему, что есть в душе его слушателей, напоминая им, что в жизни каждого есть замечательные моменты, которые дают человеку основание уважать себя как личность.

Множество прихожан отца Александра стремились к жизни «под руководством» духовника. Но такой подход никогда не был ему близок — он всегда оставлял за человеком право выбора, никак не препятствуя свободе принятия окончательного решения и не предопределяя шагов на этом пути. В то же время он крайне внимательно относился к духовному росту каждого из своих подопечных, стараясь отделить «зерна от плевел» и стремясь развить те духовные ростки, которые видел в неокрепших еще душах. Он питал таких людей своей любовью, мудростью и теплом, но никогда не торопился с раскрытием тех духовных цветов, которые вырастали в душах его прихожан.

Поиск человеком своего уникального пути в жизни и верность своему призванию отец Александр считал крайне важным устремлением, в огромной степени формирующим внутренний образ человека.

Андрей Еремин вспоминает, что отец Александр «необыкновенно ценил время. В домике при Церкви на стене висели часы, на столе стояли подаренные кем-то японские часы-приемник; когда он стал настоятелем, электронные часы появились даже в алтаре. Он часто вспоминал слова известной советской песни: „Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь“ — и учил нас ценить этот миг, не тратить время попусту.

Он говорил, что стоит потерять даже полчаса, как все пропало… Там, где упускаешь небольшой отрезок времени, за ним проваливаются целые куски. В своем еженедельнике он планировал работу и встречи на полгода вперед, никогда не отвлекался на суетные мероприятия и потому успевал делать очень много.

Несмотря на то, что отец Александр был против бегства христиан из социальной жизни, ему нравилось, когда люди вырывались из рутинной обыденности в творчество, когда они не крутились на службе, как винтики. Свободная творческая работа требует риска и веры, позволяет почувствовать помощь Божию. Батюшка любил, чтобы люди сами распоряжались своей жизнью, а не система управляла ими. Возможность полностью себя реализовать дается человеку именно в творческой работе.

В задачах, которые ставил перед людьми отец Александр, не было ничего революционного — стать человеком, хорошо работать на своем месте, быть добрым к сослуживцам, любить свою семью и своих друзей, быть хорошими, любящими родителями, верными мужьями и женами»[175].

Во многих случаях отец Александр оказывал своим прихожанам не только духовную и моральную, но и материальную помощь. Кроме того, он любил дарить подарки и умел понять и найти именно то, что особенно порадует конкретного человека.

Вспоминает Михаил Завалов: «Приезжая в гости, отец Александр привозил еду, цветы, подарки; он дарил себя и свое с каким-то избытком. Вот однажды моя жена Оля с дочкой Катей шли с ним из Новой Деревни к станции, и он сказал: „Давайте заглянем в ‘Детский мир’, мне надо купить подарок ребенку на именины“, — собирался к кому-то в Москву. Они зашли и выбирали игрушки, а потом батюшка посмотрел на Катю и спросил: „Ну а тебе чего купить? Выбирай, что хочешь“. Маленькая Катя осмотрела игрушки и, конечно, выбрала

самую дорогую куклу. Несмотря на Олин протест: „Отец, но у нее же не именины“, — он, как балующий ребенка дедушка, эту дорогущую куклу купил.

Он любил дарить лампы — „светильники“, часы — символ времени. Подарил лампу „Совесть“ — с рожицей и качающейся на пружинке головой. Дочка с подружкой смотрели, как она неодобрительно мотает головой, в мистическом ужасе.

Иногда подкидывал денег, делая это тактично, но и настойчиво, так, что трудно было протестовать. Однажды, проходя по церковному двору, он зовет меня и быстро дает какой-то конверт, и со словами: „Это вам от Микки-Мауса“, — убегает дальше, прежде, чем я обнаруживаю, что там — деньги…»

«Помню, стою я посреди церковного двора после литургии, из храма выходит отец Александр и направляется к домику, — рассказывает Ирина Языкова. — Я подхожу под благословение, а он берет мою руку, и в ней оказываются деньги — несколько сложенных бумажек. Сумма была для меня существенной. Надо сказать, я тогда сильно нуждалась. Я пугаюсь и начинаю лепетать: „Батюшка, зачем? Это я должна давать на храм!“ А он так твердо говорит: „Берите, берите. Кто легко получает, тот легко и отдает. Вот будут у вас деньги, тогда и вы кому-то поможете“. И скрылся за дверью домика. А я так и осталась стоять, благодаря отца Александра и Господа за внезапно пришедшую помощь».

«Помню, как меня поразила такая сцена, — вспоминает Юрий Пастернак. — К батюшке подошел Сережа Бессарабский и попросил молиться, так как у его друзей сгорела квартира. Отец Александр, не знавший лично эту семью, тут же достал из-под рясы 100 рублей[176] и протянул их Сергею: „Передайте им это от меня“. Незнакомым людям такую сумму?! То, как поступил отец Александр, произвело на меня неизгладимое впечатление и стало уроком и примером для подражания на всю жизнь».

«Однажды к отцу Александру приехал польский журналист, — рассказывает Татьяна Яковлева. — Беседуя с ним, отец Александр огляделся и, увидев, что рядом с ними, кроме меня, никого не было, тотчас вручил ему деньги. Мне сказал: „Так нужно. Он в чужой стране“».

Как правило, отец Александр включал человека в круг своих постоянных подопечных, если крестил его, и в дальнейшем продолжал исповедовать и причащать этого человека и его близких, освящал его жилье, помогал строить жизнь его семьи, отношения на работе, зачастую вдохновляя его на творческие и научные свершения. Привычной для отца Александра была и помощь своим прихожанам в решении их бытовых и медицинских проблем, например, рекомендация хорошего врача. Зачастую он выступал связующим звеном между людьми, разделенными географически и множеством других обстоятельств. Вот несколько таких эпизодов из его жизни.

Рассказывает Марианна Вехова: «Однажды я ждала отца Александра в церкви. Он только что отпел покойника, и родственница этого покойника сунула в карман отцовской рясы свернутую красненькую — десять рублей. И ушла. Отец оглянулся, поискал глазами и увидел в углу совсем маленькую, сгорбленную старушку. Она поймала его взгляд и засеменила к нему, сложив ковшиком ладошки: „Благословите, батюшка“. Он ее благословил и спросил (я стояла совсем рядом, поэтому услышала):

— Ну как, не удалось спрятать пенсию? Отнял сын?

— Отнял, батюшка.

— Да что же ты не спрятала у какой-нибудь подружки? Ведь мы уговаривались.

— А как я спрячу, он ведь сын… Еще убьет спьяну… Он ведь ждал, когда пенсия придет.

— Как же ты теперь, без денег?

— Без денег, батюшка…

— На вот тебе десяточку, только сыну не показывай, тихонько у подружки поешь, что купишь…

— Не покажу, батюшка, он сразу отберет…»

«Иногда, — вспоминает Михаил Работяга, — отец Александр Мень, навещая какую-нибудь одинокую старушку, брал с собой нескольких московских прихожан, с которыми у него были совместные проекты и планы. Причем объяснял и свой приход с нами, и наши ей приношения, как ее помощь нам, в том смысле, что в ее доме мы могли бы спокойно обсудить свои дела. Старушка расцветала не только от внимания самого отца Александра, но и от нашего посильного участия. Таких старушек было много, только я знал семерых».

«От наших друзей из его прихода мы знали, — вспоминает Роза Марковна Гевенман, — что он всегда интересуется обстоятельствами нашей жизни, и даже через посылаемые нам его приветы мы ощущали: он — рядом. Его помощь нам в трудные периоды была необыкновенно реальной, необходимой и оказывалась поистине чудом. Так, во время подготовки к переезду в новую квартиру, что было связано с большими трудностями при нашем преклонном возрасте, он прислал мне открытку с припиской: „Когда нужна будет помощь — только скажите“. И тут же появился субъект, на вид худой, аскетического склада, Володя Лихачев, вскоре ставший нашим чудесным другом. А через несколько дней, с группой студентов „лихачевской бригады“, Володя начал одолевать, казалось, непреодолимые трудности — перевозка стеллажей, люстры, многих тюков с книгами; и на наших глазах уже в новой квартире со сказочной быстротой установил порядок в укреплении тех же книжных полок, стеллажей, шкафа и тому подобное».

Отец Александр в определенной степени обладал даром ясновидения, поскольку во многих ситуациях видел и чувствовал больше других людей. «Как-то после службы в одном из деревенских домов собралась небольшая группа прихожан поздравить отца Александра с днем рождения, — вспоминает Илья Корб. — За столом одна женщина спросила его: „Я вас просила причастить мою маму перед смертью, вы сказали, что придете, и не пришли. Почему?“ Отец Александр ответил: „Но она же не умерла“. Тогда другая женщина сказала, что и с ее мамой была такая же история. Я сидел рядом с отцом Александром и тоже был удивлен. „Как же так: вас приглашают причастить перед смертью, а вы не приходите?“ Был ответ: „У нас, священников, есть особое чувство, и если мы чувствуем, что последний час человека еще не пришел, то зачем его причащать перед смертью? Он не умрет, несмотря ни на какие заключения врачей. Вот и эти женщины — они ведь живы“».

Дар прозрения батюшки касался не только вопросов смерти. Протоиерей Владимир Архипов, ставший священником в новодеревенском храме после смерти отца Александра, рассказывал о том, как батюшка неоднократно дарил ему различные богослужебные книги, что вызывало недоумение, поскольку Владимир работал тогда программистом и был алтарником, не задумываясь о рукоположении…

Нонна Борисова вспоминает, как однажды отец Александр попросил ее остаться после службы, сказав, что хочет с ней поговорить. Разговор был несущественным. Она сердилась… Когда Нонна в итоге приехала на станцию, то оказалось, что пока отец Александр занимал ее разговором, там обвалилась лестница над железнодорожными путями, погибли люди…

В воспоминаниях Зои Масленниковой есть рассказ о том, как молодая супружеская пара, недавно принявшая крещение, приехала известить отца Александра о несчастье, случившемся в семье их ближайших друзей, которые тоже крестились вслед за ними. Молодая пианистка Л. готовила на газовой плите. Вдруг ее мохеровый свитер вспыхнул, и Л. мгновенно охватило пламя. Ее увезли в больницу со страшными ожогами, жизнь ее была в опасности. Отцу Александру, который был в тот момент серьезно простужен с диагнозом «воспаление легких» и, несмотря на это, продолжал служить, рекомендовали поставить банки. Женщина, которая взялась их поставить, нечаянно пролила на спину батюшки горящий одеколон, что вызвало страшную боль. Едва сбив пламя со спины, отец Александр бросился тушить начавшийся пожар. Спину облили подсолнечным маслом, присыпали содой. Немедленно вызванный врач скорой помощи сделал обезболивающий укол, сказал о невозможности участия в завтрашней службе и, велев с утра ехать к травматологу, наложил повязку на всю спину. Помощница была в слезах, и отец Александр, успокаивая ее, сказал: «Это не к вам относится. Мне за обожженную девочку надо было пострадать».

«На следующее утро он служил. Боль была так же нестерпима, как и в первую минуту ожога, но батюшка вел себя так, как будто ничего не произошло, и лишь его необычная бледность напоминала о случившемся. Вопреки всем ожиданиям, на третий день отец Александр был здоров — не только от ожогов, но и от воспаления легких, а молодую пианистку выписали через три недели из больницы», — пишет Зоя Масленникова.

Глава 8
Служение в первой половине 1970-х. Работа с паствой. Новые книги

«Отец Александр служил величественно и трепетно одновременно, — вспоминает Андрей Еремин. — В его действиях, движениях не было поспешности, но не было и стилизации. Он не затягивал и без того длинные православные службы. Но с большой болью относился ко всякому неблагоговейному поведению в храме. „Только любовь, вера и благоговение, — говорил он, — угодны Богу, и только после этого всё остальное. Поэтому молящиеся должны беречь свое сердце, чтобы оно не оскорбляло святыню“.

Особым чувством было исполнено его служение литургии. Вот где был источник сил для крестоношения — для всех тех огромных нагрузок, что он нес в своей жизни! Каждый евхаристический канон отец Александр проживал как личную Пятидесятницу. Поэтому такой болью отзывались в его сердце театральность, статичность, магический характер некоторых моментов православного богослужения. Всё то, что привнесено традицией обрядоверия. Как-то он сказал: „Я прихожу в храм на великие страдания и знаю, что не идти — нельзя“.

Непонятно, откуда у него брались силы. Как-то раз на мое предложение помочь ему поднимать детей он ответил, что когда держит ребенка на руках, то думает: „Вот таким младенцем был наш Господь на руках Своей Матери“. Это давало ему силы совершать таинство Крещения детей неформально, с благоговением, несмотря на усталость.

Когда к нему однажды приступили с претензией, что он провожает в последний путь людей, возможно, никогда не ходивших в Церковь, батюшка ответил, что „каждый священник во время похорон, во время отпевания по-разному чувствует сердцем судьбу умершего человека. И иногда, действительно, бывает до того тяжкое мучительное ощущение, что, казалось бы, остановился бы и не стал бы совершать погребение. Однако, — говорил он, — для священников в сегодняшней России отпевание — это особый вид миссионерства“».

«Он говорил мне, что на отпеваниях и похоронах он испытывает разные чувства, — вспоминает Владимир Илюшенко: — „Иной раз начинаешь отпевать — как будто камни таскаешь в гору, а в других случаях наоборот — необыкновенную легкость ощущаешь“.

Это не зависело от того, знал он покойного прежде или нет, — это зависело исключительно от „качества“ покойного, от того, какую жизнь он прожил. Сколько он их перевидал! Но я видел, как он плакал на поминках по Елене Александровне Огневой, — как Христос по Лазарю».

«Церковь была пронизана лучами солнца, народу было не очень много, и я стояла впереди, слева у алтаря, — рассказывает Наталия Габриэлян. — Отец Александр пел вместе с хором. Когда он начал петь „Отче наш“, подхватила вся церковь. Как он пел! Какое вдохновенное у него было лицо, как сияли его глаза! Люди пели самозабвенно. Я подумала: вот это, наверное, и есть „ангели поют на небесех“! Мне не забыть его лица в те мгновенья. Я видела его лицо еще не раз. Видела его задумчивым и радостным, видела его лицо, когда он отвечал на вопросы, иногда непростые — оно становилось строгим и напряженным. Но такого лица, вернее — лика, как тогда в храме, когда он со всеми вместе пел „Отче наш“, я больше не видела никогда. <…>

В конце августа я слышала проповедь об Успении Богородицы, эта проповедь была лиричной. Помню, что отец Александр сказал: „В этот день надо приносить в церковь белые лилии, это любимые цветы Богородицы“».

«Во время литургии, после того, как он заканчивал исповедовать на левом клиросе, перед „Символом веры“ его состояние менялось, — вспоминает протоиерей Владимир Архипов. — Он отрешался от забот, связанных с исповеданием, и начинал „врастать“ в атмосферу сосредоточенной евхаристической молитвы, предстояния перед Престолом. Чем ближе была Евхаристия, тем отрешеннее был отец Александр от окружающей обстановки».

Из рассказа Владимира Юликова: «…Хорошо помню. Лето. Будний день. В церкви никого. Я стою слева, где обычно теплота после причастия. Там справа Николай Мирликийский, большая икона. И еще в храме человека три. Все в отпусках. Отец Александр молится. Я стою и вдруг — раз — из окон солнечный луч, и он прямо падает перед иконой Николая Мирликийского. Богослужение заканчивается.

И я: „Батюшка! Как-то сегодня было особенно хорошо“. Он говорит: да, да. Я говорю — а вы не почувствовали, что… Он говорит: „Почувствовал“. Я говорю: „Вот, прямо перед иконой стоял кто-то“. Он: „Да; вы тоже почувствовали?“ Не знаю — ангел, сам Христос — я не видел ничего. Более того. Вот эти женщины — они же всё время ходят, подсвечники чистят; одна из женщин прошла туда — обошла и пошла назад — обошла. Этот подсвечник стоял так, что по прямой надо было пройти прямо через это место — где явно кто-то стоял. Я почувствовал присутствие кого-то, кто стоял во время литургии незримо перед этой иконой, куда падает луч света. Но я же у него спросил!»

«Начиналась литургия, — делится своими воспоминаниями Григорий Зобин. — „Благослови, владыко“, — донеслось от алтаря. „Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа!“ — слова прозвучали у отца Александра радостно, бодро, как первый весенний гром. В храме словно повеяло озоном. Я впервые видел литургию, которая шла с такой огненной радостью. Батюшка служил без дьякона. Иногда он выходил и дирижировал пением. Пели все. Люди словно заражались его светлой энергией, ощущали себя сильнее, чище».

«Когда литургию вел второй священник, а отец Александр исповедовал в правом притворе, то во время евхаристического канона он становился на колени позади всех молящихся, — вспоминает Валентин Серебряков. — И так молился до возгласа „Изрядно о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице…“. Поражало не то, что я видел священника, молящегося на коленях, — во время специальных великопостных или строгих молитвенных служб священники молятся коленопреклоненно, — и я видел это. Но они делали это на амвоне, а встать позади всех прихожан и так соучаствовать в евхаристическом каноне, так близко воспринимать и чувствовать таинство мог только человек, глубоко соединенный со Христом».

Каким запомнили его прихожане во время исповеди? Какими средствами отец Александр исцелял души, как расставлял акценты, выслушивая кающихся?

«Вот главное, — пишет Андрей Еремин, — что должен понимать кающийся, по мнению отца Александра: исповедь нужна не для того, чтобы изгонять грехи, а чтобы стать принципиально другим

человеком. „Потому что, если косить грехи, как траву, остаются не вырванными корни и сорняки опять вырастают. Но сами мы другими не становимся — для этого нам нужна сила Божия“».

«Отец Александр Мень говорил, что исповедь — открытие перед Богом души, тоскующей по встрече с Ним. Открытие заключается в видении преград между собой и Богом и признании своей ответственности за них»[177], — пишет протоиерей Владимир Архипов.

«После каждой исповеди в те начальные годы я отходил от него, как заново рожденный, летел как на крыльях, — рассказывает Александр Зорин. — „Ну, как ваши дела?“ — был его первый вопрос. Он знал дела каждого, помнил в мельчайших подробностях и включался тотчас, когда подходила твоя очередь. Первое, что ты видел, — это его улыбка и широко раскрытые глаза. Он смотрел на тебя, как на нового человека, всегда с интересом. Это был взгляд ребенка — восхищенный и ожидающий откровения. Невозможно было что-либо утаить. Не потому, что он читал твои мысли (не такие уж они сложные!), а потому, что невозможно на фоне чистого экрана оставаться незаметным черным пятном. А чистота эта — детскость и мудрость — находилась рядом.

Отец Александр: „Любить врагов — видеть в них человеческое, желать им добра и, если возможно, повернуть их к Богу. Но не впадать в компромисс“.

Я: „Страх перед завтрашним днем — ни работы, ни денег…“

Отец Александр: „Это вам дано как регулятор жизни. Если бы у вас всё было благополучно, вы были бы похожи на розу из крема. Материальную неопределенность завтрашнего дня надо терпеть. У вас две проблемы: неведомое завтра и творчество. Первое нужно терпеть, за второе — бороться…“ Он вспомнил о своей маме, цитируя Евангелие: „‘Не заботьтесь о завтрашнем дне…’ Ей ведь не сладко жилось, нужда наступала на пятки. Бывало скажет: ‘Завтра нечего есть… Ну, Бог пошлет чего-нибудь…’ Всегда была спокойна на этот счет“.

Я: „Мало занимаюсь детьми. Времени на детей не остается“.

Отец Александр: „У детей встреча с Богом — личная. Вы им сколько угодно можете рассказывать о Боге, а откроют они Его самостоятельно“.

В воскресенье, на общей исповеди: „Иной грешник думает, что наказание должно последовать за прегрешением, как будто он в трансформаторную будку залез и его сейчас током убьет. На самом деле это не так. Грех оскорбляет любящего Бога и любящее существо. Греша, мы Его и кого-то обижаем“».

«Когда я подходил к нему на исповедь, он улыбался, потом обнимал меня и говорил: „Как я рад, что вы пришли. Давайте вместе помолимся“, — пишет Владимир Илюшенко. — А дальше, прежде всяких моих слов, отец Александр говорил то, что должен был сказать я. Это не значит, что я молчал, — просто он читал во мне как в открытой книге. Так было и с другими».

«За свою жизнь я исповедовался не у одного о. Александра, — рассказывает Андрей Бессмертный-Анзимиров. — Я убежден, что есть много замечательных священников, и сам неоднократно слышал о таковых. Но вот этой „молнии“, когда всё вдруг мгновенно встает на свои места, — у меня ни с кем не бывало. Только во время исповеди у о. Александра».

«Всего несколько раз я исповедовался у отца Александра, но эти исповеди оставили глубокий след в моей душе, — вспоминает священник Михаил Залесский. — Кажется, я не забыл ничего из того, что он говорил мне. Услышав, что я часто раздражаюсь по пустякам, он сказал: „Вы знаете, что такое великодушие? Так вот, в отличие от малодушного человека великодушный — это человек с большой душой. А в мире духовном законы противоположны законам физического мира. Если в телесном, вещественном мире наиболее мелкие частицы и предметы проходят мимо всяких неоднородностей, то в мире духовном наоборот: маленькая душонка задевает за все мелкие шероховатости, а большая душа не замечает мелких препятствий, проходит, не задевая их. Так что старайтесь быть великодушнее и тогда начнете как бы подниматься. Попробуйте быть на два метра выше мелких неприятностей“».

«Нередко грань исповеди и разговора стирается, что поначалу меня несколько смущало как нарушение чистоты жанра, — вспоминает об исповеди у отца Александра Михаил Завалов. — Он говорил о работе, спрашивал о домашних, о планах на будущее, о психологических механизмах проблем. Позднее я понял, что его главный вопрос на исповеди ко мне был скорее: „Куда ты

движешься?“, а не: „Итак, что ты натворил за отчетный период?“ Потому он мог говорить о разных гранях жизни, принося и ставя их перед лицом Бога, — и они обретали иную значимость и остроту. „Когда вы входите в палату (я работал санитаром на институтской практике в летнее время), — настройте себя: вот люди, за которых умер Христос“».

«Моя мама пошла на исповедь. — рассказывает Григорий Зобин. — Было видно, что она сильно волнуется. Батюшка внимательно выслушал маму, а потом, взяв ее за руку, начал беседовать с ней. Позже мама пересказала мне этот разговор. Она говорила тогда отцу Александру, что очень трудно жить, как на вулкане, с ощущением постоянного страха за близких, когда не знаешь, что будет завтра. Батюшка улыбнулся в ответ. „Вспомните XIX век, — сказал он. — Чеховские персонажи — сытые, благополучные, спокойные. Ни событий, ни желаний… Но ведь вешались же они от такой жизни! Топились, стрелялись оттого, что ничего не происходило. А мы с вами очень счастливые люди. Мы живем в трудное, но такое прекрасное, такое интересное время!“ Когда мама отошла от него, я увидел ее спокойной и радостной. От прежней тревоги не осталось и следа.

Вслед за мамой к батюшке подошел я. „Батюшка, — сказал я ему, — сейчас наступают те времена, когда христианам особенно потребуется стойкость, а у меня ее очень мало. Как обрести бесстрашие?“ — „Не бесстрашие — мужество, — мгновенно поправил меня батюшка. — Бесстрашен осел. Он не видит опасности и прет напролом, вслепую. А мужество всегда должно быть зрячим“. — „Ничто не страшно только дураку“, — вспомнил я строки из Гейне. „Да, вот именно“, — сказал отец. „А как обрести мужество?“ — спросил я его тогда. „Только так“, — ответил батюшка и показал ладонью вверх. Его жест говорил больше любых рассуждений. „Держись за Небо“, — часто повторял он.

Мучили меня в юные годы чувственные влечения. Батюшка дал мне тогда ряд советов, как с ними бороться, сформулировав при этом главную задачу — никогда не размениваться на случайные связи, ждать настоящей любви и брачного венца. „Плоть надо держать на поводке. Сорвется — искусает“, — говорил он».

«На Петра и Павла он служил в последний раз перед отпуском, — пишет Зоя Масленикова. — Народу на исповедь пришло очень много,

поэтому я была предельно кратка. Попросила у батюшки прощения. „За что?“ — воскликнул он. — „За то, что столько тяжелого идет от меня“. — „Ну что вы! Я переживаю всё это вместе с вами, сострадаю вам, я ведь многое так же чувствую. Sancta indifferentia[178], — говорил он. — Sancta — страсть, indifferentia — высшая самоустраненность. Где-то между ними золотая середина“. — „Этот высокий идеал не для меня. Просто я не так устроена“. — „Все высокие идеалы недостижимы, а стремиться все-таки надо. Знаете что! Я вам разрешаю забыть всё прошлое. Начнем с самого начала, вернемся к истокам: к вере, надежде, любви“».

«На исповеди я рассказал отцу об искушениях: дескать, различение у меня есть, я осознаю, вижу мотив, начало движения, ситуацию тоже вижу — вот левое, вот правое, но нет сил остановить искушение, противостоять ему, — вспоминает Юрий Пастернак. — Что-то находит на меня, и ситуация затемняется. На это отец Александр ответил, что „христианство — не самовоспитание, не самоусовершенствование, не паллиатив. Необходимо возопить из глубины всего существа, нужно просить, молить о втором рождении, когда движение ‘влево’ просто невозможно. Всё становится совершенным, абсолютно верным“».

«Однажды на исповеди я пожаловалась отцу Александру на свою знакомую, — рассказывает Татьяна Яковлева. — Я говорила об одном ее недостатке, который меня сильно раздражал, причем я ожидала, что он скажет что-то вроде „на себя посмотри“, потому что нечто подобное было свойственно и мне. Но он мне ответил: „Всё видеть, всё понимать и всё прощать“».

«Однажды на исповеди я спрашивал отца Александра, не безнравственно ли отсиживаться за своим письменным столом, вместо того чтобы, подобно другим, мужественно выступить против действий властей, — рассказывает Евгений Рашковский. — На что отец Александр ответил: „На мученичество не напрашиваются, мученичества надо сподобиться“».

«Одна молодая женщина, попав в трудную житейскую ситуацию, долго боялась прийти на исповедь к отцу Александру, — вспоминает Владимир Файнберг. — Ее мотало то в Сергиеву лавру, то в Пюхтицы, то куда-то еще, где отчитывали бесноватых. От всего этого, от своей трагедии она страшно душевно устала. Нигде не находила утешения.

Отец Александр сказал ей: „Мало вам трудностей тут? Мало вокруг сумасшедших?“ Наконец она решилась. Во время исповеди, рыдая, сообщила, что ею совершен страшный грех — и теперь она беременна, на седьмом месяце.

Отец Александр развернул ее к себе, выдохнул: „Это же прекрасно! Будет ребенок!“ И тем спас от самоубийства.

<…> Один наш прихожанин сильно повздорил дома с женой. Даже ударил ее. В чем и повинился батюшке. Тот твердо сказал: „Ни мать, ни жену никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя пальцем тронуть!“

<…> Батюшка исповедует на левом клиросе. Ему трудно. Он один. Нет дьякона, никого, кто помогал бы вести службу. Мне совестно говорить о своих проблемах, своих душевных муках. Но, обняв за плечо, он прижимает меня к себе. Слушает. И, когда в конце исповеди я с отчаянием говорю, что, наверное, недостоин быть в церкви, чувствую себя повинным чуть не во всех грехах, он неожиданно прерывает: „Не думайте, будто в церквах собираются одни святые. Может быть, вот сейчас мимо храма под дождем и снегом идет никому не известный человек — чище и святее, чем все мы, вместе взятые“».

Многие прихожане Новой Деревни запомнили уникальную особенность отца Александра «стирать» из памяти содержание исповедей или бесед, не актуальных непосредственно в данную минуту. Евгений Сабуров вспоминает, как однажды он исповедовался отцу Александру, а после службы зашел к нему в комнату и продолжил разговор с того места, на котором прервался на исповеди. Отец Александр совершенно растерялся и спросил, о чем Евгений говорит, объяснив, что он сразу вытесняет из памяти всё услышанное на исповеди. (Точно так же он мгновенно «переключался» на актуальную в данную минуту тему, например, войдя в электричку и достав из портфеля незаконченную работу, он уже не воспринимал того, что происходит за окном поезда, если разговор с провожающими был закончен.)

Своим духовным детям отец Александр помогал жить в той среде, в которой они родились и выросли, строить свою жизнь «здесь и сейчас». Он говорил, что Христос учит не тому, как произошло зло (это — философия), а тому, как жить в мире, в котором есть зло. «Надо иметь духовный стержень, — говорил батюшка в разговоре с

Владимиром Ерохиным. — Представьте себе человеческое тело. Например, прекрасную девушку. Что будет, если исчезнет плоть? Останется скелет. Он по-своему красив, у него есть определенная структура. А теперь вообразим обратную картину: что скелет исчез. Что останется вместо тела? Лужица дерьма. Мы должны иметь внутренний стержень».

«…Не слышать отца Александра могло только больное сознание, — пишет Андрей Еремин, — ибо его рекомендации всегда были ясными и исполненными здравого смысла. Батюшку вообще отличали необыкновенная простота и цельность. В нем не было ни капли нарочитости. Некоторым он казался даже чересчур мирским, слишком простым. Но отец Александр на дух не переносил фальши, прежде всего фальши церковной. У него были абсолютный вкус и неприятие всякой стилизации. Внутренне он был глубоко аскетичен, хотя никогда не демонстрировал этого.

Отец Александр, кстати, считал аскезой такие простые, казалось бы, вещи, как умение вовремя ложиться спать, организовывать свою жизнь так, чтобы в ней было место и труду, и отдыху, и молитве».

Два нетипичных эпизода на исповеди у отца Александра описывает Андрей Тавров: «Однажды я был свидетелем ситуации почти комической. Я стоял в небольшой очереди на исповедь к отцу Александру, которая шла параллельно службе, и поневоле стал свидетелем того, как одна из прихожанок, которая ему исповедовалась, принялась отчитывать отца Александра, упрекая его в непонимании и разных грехах. Случай редкий, но не необычный. Необычным было то, что священник смиренно все это выслушал, словно это он пришел на исповедь к своей прихожанке, а не она к нему. Он так и стоял и слушал, не возражая ни словом, не прерывая гневную девушку ни на мгновение до тех пор, пока ее обличительный пыл не начал иссякать и терять силу. Произошло это совсем не скоро, но в конце этого периода, когда всё утихло, я снова услышал его ободряющий, низкий голос, а через некоторое время эта прихожанка сошла с клироса совершенно сияющая и, видимо, успокоившаяся.

Однажды, проснувшись рано утром в воскресенье, спросонья я выпил чашку кофе и уже потом спохватился, что собирался причаститься. На исповеди перед причастием я сказал про кофе отцу Александру в надежде, что он всё равно меня допустит. Но реакция его

была неожиданной. „Аскеза — вещь хорошая, — сказал он. — Поупражняйтесь. Будет повод лишний раз сюда приехать“, — добавил он, улыбаясь. На такой „отказ“ невозможно было обижаться, потому что это вовсе и не был отказ — это была как бы форма совещания — чудесный дар, которым, к сожалению, так мало людей владеет».

Работа отца Александра с паствой продолжалась всегда, поскольку он всегда был окружен людьми. Многие ехали к нему, как ко врачу, поскольку находились в тяжелом душевном состоянии, не говоря о кризисе духовном.

Батюшка никогда не давал понять, каково его реальное отношение к духовному уровню конкретного человека, но с особым вниманием относился к тем из своих духовных чад, чье духовное состояние особенно его тревожило, — эти люди могли покинуть Церковь, не поняв ее назначения в мире. «Для тех, кто был в „тяжелом“ состоянии, — пишет Мария Водинская, — кто имел тенденцию „выпадать“, он часто находил „задания“. А сам отмаливал их, „держа“ какое-то время или всё время на „коротком поводке“».

София Рукова вспоминает, как однажды по просьбе отца Александра печатала на машинке текст его рукописи, отредактированный одной из прихожанок, которая крайне ревностно относилась к этой работе. Однако редакторские правки были настолько не в стиле отца Александра, что София прекратила печатать текст и на следующее утро пришла с этим к батюшке. Отец Александр нахмурился. «Как же, по-вашему, я могу сдерживать ее?» — спросил он, имея в виду болезненную реакцию своей духовной дочери на любую критику ее работы[179]. Батюшка из смирения готов был принимать неблизкую ему правку своего произведения, чтобы не ранить самолюбие прихожанки, которую ценил.

Терпение отца Александра по отношению к своим духовным чадам было безграничным, он мог нести это бремя до крайней степени изнеможения, притом что люди, причинявшие ему духовные страдания, в большинстве случаев не осознавали того, что стали их причиной. Но терпение его не было всепрощением, сознание недолжного сохранялось. Он ждал обращения свободной воли человека к добру, давая возможность действовать благодати. А до тех пор терпеливое ожидание несло для него и страдание.

«Отец Александр видел в человеческой слабости не отсутствие, а лишь непроявление силы духа или действие „наоборот“, негатив, — пишет Владимир Леви. — Изломанных, больных, заблудившихся, конечно, хватало; но как раз с этим и сопрягаются обыкновенно талант, самобытность, скрытый избыток сил, душевная красота. „Отмываем жемчужины, — говорил отец Александр. — Серые среди наших — редкие птицы, они кормятся по другим местам…“

Обычное сочетание: незаурядность натуры — духовный кризис — житейская катастрофа (болезнь, одиночество, семейная драма или неразрешимый конфликт с системой). У многих — жестокие внутренние потрясения на фоне внешнего благополучия».

Как вспоминают многие прихожане новодеревенского прихода, свою паству отец Александр в шутку делил на три категории: «пациентов» (описанных, в частности, Владимиром Леви), «бегущих по волнам» (то есть неустойчивых, мечущихся в погоне за духовными благами) и, наконец, «соратников» (они же — друзья). Соратники были всегда, хотя эта категория и была самой малочисленной. Как вспоминает Марина Журинская, на друзей и соратников батюшка мог сердиться, на «пациентов» — никогда; правильные поступки друзей воспринимал как должное, «пациентов» — как подвиг.

Елена Семеновна, Вера Яковлевна и их ближайший круг из «катакомбной» церкви стали прихожанами отца Александра с самого начала его служения. Постепенно круг соратников ширился.

«Зимою 1974 года брат впервые привез меня в Новую Деревню, — вспоминает Ольга Ерохина. — Мне было 20 лет. Я слышала, что тут служит знаменитый священник. Но я заранее решилась хранить свою независимость от общего мнения.

Заснеженные улицы — домишки, заборы. Деревянный храм. Открываем дверь — густые ладанные облака, запах ладана, свечное мигание. Священника не видно, слышен львиный голос из алтаря.

И вот что произошло со мной. Это был световой шок — как от света трех прожекторов. И свет этот исходил от лиц трех старушек, стоящих в храме. И я сразу захотела тут, в этом свете, остаться. И я осталась.

Потом я узнала их имена. Одна из них, Елена Семеновна, была матерью священника. Другая, Мария Витальевна, была ее подругой с молодости. За свою принадлежность к нелегальной церкви провела в

заключении 10 лет. А третья была Мария Яковлевна, деревенская жительница.

День моего крещения, июнь. Я дожидаюсь гонца у Елены Семеновны в комнатке, которую она снимала на той же улице, где храм. За мной придут и поведут меня креститься.

Оказавшись в комнате наедине с той самой неземной женщиной, которая так поразила меня, когда я впервые вошла в наш храм, я была в обморочном от благоговения состоянии. И вот открывается дверь, и Е. С. со словами „Моя Маруся пришла!“ встает навстречу, и входит — женщина с удивительным лицом — одна из трех в храме, свет, исходящий от лиц которых решил мою судьбу.

„Моя Маруся пришла!“ И была в этом приветствии невероятная радость встречи на фоне всех разлук, когда Маруся была в заключении. Мне потом Елена Семеновна рассказывала: когда забрали Марусю, у нее внутри как бы зажглись слова: „тогда будут двое на поле… один берется, другой оставляется… две мелющие в жерновах…“

И мы пили чай, и перед тем как сесть, Елена Семеновна прочла „Отче наш“ — так глубоко, как можно прочесть только один раз в жизни. Как бы за всех нас, за всё человечество…

Когда Маруся отбыла уже свой срок в лагере и кончался срок ее ссылки, придумано было новшество: вечная ссылка для некоторых категорий заключенных. Вот ты уже думаешь о доме, и вдруг такое — точно гробовая крышка захлопнулась над всеми твоими надеждами. Были даже случаи самоубийства на этой почве. Полагалось, прочтя бумажку о вечной ссылке, расписаться внизу, что ты об этом уведомлен. „А я тогда подумала: тоже мне, нашлись распорядители вечности, — рассказывала мне Маруся, — и с легкостью необыкновенной поставила подпись… А через некоторое время Сталин умер, и ‘вечность’ кончилась“.

Много позже, когда у меня уже была дочь, я спрашивала Марусю, что она читала в детстве, на чем воспитывалась. И она прочла мне стихотворение из Библиотеки для детского чтения, которое ей запомнилось и которое она читала, поступая в гимназию.

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в несчастьях изнемог.

Чем ночь темней, тем ярче звезды.
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог.

Это стихотворение не раз потом вспоминалось ей в трудные минуты.

К Елене Семеновне я ходила раз в неделю, в определенный день. В ее комнату я входила, как в храм. Но вначале я видела ее — светом в темноте коридора, дверь открывала соседка, это была коммуналка — и она шла навстречу со словами: „Олечка пришла!“

Голос ее неспешный, праздничный, теплый — как передать это? Внутри звучит ее особое произнесенье слов, когда каждое исполнено своей глубины…

„Умолкает ныне всякое уныние и страх отчаяния исчезает…“ — Е. С. диктовала мне эти слова из молитвы. И было ясно, что она этим — жила.

В старом блокноте у меня короткая запись, чтобы не забыть: „Е. С. — преднизолон и реп. масло“. Репейное масло иногда можно было купить в аптеке. Елена Семеновна Мень просила его для лампадки. „В темноте я задыхаюсь“. Меня это поразило, и я постаралась это запомнить. В темноте я задыхаюсь. Мы все задыхаемся в темноте, думала я. Россия задыхается в темноте. Свет — чтобы дышать…

Картинка. Лето, мы идем вдоль новодеревенского шоссе „на уголок“, где автобус на станцию. Отец Александр чуть впереди, с кем-то говоря, мы с Еленой Семеновной следом. И вот она, взглядом указав мне на него, говорит: „Поседел весь… Ведь он меня должен слушаться как мать, а я его — как духовного отца“».

Во дворе перед храмом многие ожидали отца Александра для бесед и напутствий. Здесь кипела ни с чем не сравнимая жизнь…

«Этот двор перед храмом мне предстает как вселенское видение Церкви, — продолжает Ольга Ерохина. — Тут были люди разных эпох, стран — хотя я мало кого знала, но масштаб ощущался. Много позже — кажется, уже после смерти о. А., мы подружились с Клер — которую я приметила сразу, но не догадывалась, что она монахиня и француженка. Там же о. А. познакомил меня с сестрой Иоанной Рейтлингер, вернувшейся из эмиграции. А была еще монахиня в миру,

мать Феодора, местная жительница, точнее, из соседних Заветов — Новых Заветов, как мы говорили, склеив Новую Деревню и Заветы Ильича. Она помогала в алтаре, стояла с платом у причастия; в домике, где мы ожидали своей очереди перед кабинетом о. А., она всегда сидела с огромной книгой на коленях, невозмутимо читая невзирая на наше шумное присутствие. Подруга моя вспоминает, как однажды вдруг открывается дверь кабинета, о. А. выглядывает и делает выразительный знак # — мол, осторожнее говорите (у него там кто-то такой сидел). Мать Феодора приняла постриг по благословению о. А. Когда ее спрашивали, сколько ей лет, она отвечала: не помню, я еще в том веке родилась. Она овдовела во время Первой мировой войны и с тех пор замуж не выходила.

Еще была монахиня Досифея, Елена Владимировна Вержбловская. Она печатала самиздат, которым мы кормились. Елена Владимировна прошла лагерь, муж ее погиб в лагере, и она стала монахиней в тайном монастыре в Загорске. Это был тот же круг, к которому принадлежал и о. А. с самого рождения. Она нам говорила: „Учите Евангелие наизусть. Распределите по главам, кому что учить, — тогда никто его у вас не сможет отнять“. За спиной ее был лагерный срок. Она привозила отцу Александру кипы машинописи — печатала его книги, которые отдавали потом переплетчику. Тогда за самиздат можно было получить срок. В старости она совершенно ослепла. Ей было за 90, когда братья Тэзе посетили ее в Москве. Говорили по-французски, который она не забыла со своего дореволюционного детства.

И были еще лагерницы, подруги мамы о. А. — Мария Витальевна Тепнина, которую все звали Маруся, и Вера Алексеевна Корнеева. Вера присутствовала в 1922 году на суде в Политехническом институте, когда осужден был, в числе других священников и мирян, патриарх Тихон. Она, тогда еще 16-летняя девушка, с тетей, которая была монахиней в миру, носила передачу патриарху, заключенному в Донском монастыре. Однажды они передали через конвой пасху и кулич (голод, они с великими трудами достали продукты, чтобы сделать все это). Патриарх благословил их со стены монастыря (во время тюремной 20-минутной прогулки).

И была Надежда Яковлевна Мандельштам. Мой жених, студент-медик, однажды удостоился держать руку у нее на пульсе, и мне это

дорого, как живая связь.

А еще бывала там крошечного роста Роза Марковна, с вечной папироской у ограды храма, и это тоже была целая эпоха. Она крестилась в возрасте уже за 70, незадолго до меня, 20-летней. Она была из подруг мамы о. А. с юности. Когда отца Александра таскали на допросы, Маруся приходила к Розочке, они рядом жили у Кировских ворот. Молились и ждали звонка от Алика (для них он оставался с этим детским именем). Проходили часы… А потом он звонил, и это значило, что — отпустили. „Мы обнимались с Марусей“.

И мы толклись там, бесконечная молодежь. По временам нас и вообще тех, кому меньше пятидесяти, предупреждали, что пока не нужно появляться в Деревне, и это означало, что за храмом особо строго присматривают. Тогда можно было передать отцу Александру просьбу помолиться или письмо через его маму и ее подруг.

„Имея перед собой такое облако свидетелей“[180] — возникают в памяти эти слова, когда вспоминаю Новую Деревню и своих знакомых святых…»

«В праздничные дни двор перед храмом был полон народу, — рассказывает Андрей Мановцев. — Выходил из храма отец Александр в белом одеянии, так помнится, самом подходящем к нему, потому что как только выходил, все менялось. Не то, чтобы все к нему бросались, все могли оставаться стоять своими компаниями, могло быть и так, что даже совсем никто не преграждал ему путь. И тогда он тем легче не шел, а словно летел. Походка была у него такая, не то, чтобы очень быстрая, но спорая и удивительно легкая, летящая. И всё менялось, как только он появлялся, он сам был радостной вестью».

Крестить, исповедовать, благовествовать и напутствовать он продолжал и вне храма.

«Помню фразу, сказанную в домике при храме тотчас после литургии, а затем и крестин, — описывает одну из встреч с отцом Александром священник Владимир Зелинский. — „У меня температура, сейчас, наверное, за 38. Знаете, всякий раз, когда крещу, непременно заболеваю. Видно, дьяволу это очень не по душе, и он мстит“. Боюсь, что слова на бумаге не передают интонацию улыбки, небоязненной по отношению ко „мстителю“, немного смущенной — к гостю: мол, извините, долго говорить не могу».

Уже к середине 1970-х годов отец Александр имел огромный приход, рассеянный по районам Москвы и ее пригородам. Визиты к прихожанам и исполнение треб поглощали огромное количество времени и сил.

«…От нас отец поехал к Волгиным — они живут в двух-трех кварталах от нас, — вспоминает Марианна Вехова. — Между нами — моря хлябей и грязей. Отец вскочил на подножку проезжающего мимо в нужную сторону самосвала, и мы смотрели, как он удаляется, держась за открытое окно кабины и улыбаясь шоферу, как развеваются на встречном ветру фалды его светлого весеннего пиджака, а пузатый портфель в отставленной руке летит над мутными, взбаламученными водами; а ведь у отца еще несколько визитов в разных концах Москвы. Когда же он вернется домой? И будет ли в состоянии работать за столом? А завтра с утра — служба…

Когда отец Александр приезжает в гости или на требы, вместе с ним в квартиру словно входит какой-то ветер, простор. В отце столько радостной энергии, столько молодости, ясности, что он заряжает нас, как батарейки… Живой аккумулятор!»

«Когда он входил, осеняя с порога крестным знамением дом, возникало праздничное чувство, — рассказывает Людмила Улицкая. — Так приветствовали друг друга апостолы: радуйтесь! Он носил в себе радость и умел ее отдавать другим».

Отец Александр продолжал работу над книгами для взрослых и детей несмотря на то, что с ростом числа прихожан время, которое он мог посвятить литературной работе, значительно сократилось.

В брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимом Эммануил Светлов в 1970 году выходят «Истоки религии», в 1971-м — «Магизм и единобожие» и «У врат молчания», а в 1972-м — «Дионис, Логос, Судьба» и «Вестники Царства Божия». Тогда же, в 1972 году, отец Александр пишет «Памятку православного христианина», необходимую «здесь и сейчас» в его растущем приходе.

«Нельзя быть христианином, если нет внутренней убежденности в истине Христова учения, — пишет отец Александр во введении к „Памятке“. — Нельзя им также быть, если не ставишь своей задачей исполнение нравственных заповедей Евангелия. Но убежденность и мораль являются скорее лишь средством для главной цели христианской жизни — духовного Богообщения, стяжания Духа

Божия. Здесь от нас требуется непрестанный труд, который не может быть приостановлен вплоть до самого конца нашего земного пути. Подобно тому как камень, брошенный вверх, если остановится в своем полете, начнет падать, так и душа, если прекращает духовное „делание“, не стоит на месте, но двигается вспять.

Призыв Христа быть совершенным, как совершенен Отец Небесный (см. Мф. 5: 48), означает, что внутренний рост человека не имеет границ и пределов. Церковь основана Богочеловеком на земле для того, чтобы вести людей по этому пути. В догматах она выражает основы христианского учения, через наставление дает нам нравственный ориентир, но основное ее призвание — приобщение человека к благодатной жизни. Этому служат прежде всего таинства, молитва и храмовое действо (богослужение)».

В «Памятке православного христианина» отец Александр приводит молитвы, которые необходимо знать православному христианину, напоминает о значении каждого из основных таинств и рассказывает о том, как нужно вести себя в храме. Он подробно говорит в книге об исповеди и подготовке к ней, подчеркивая: «Если мы скрываем что-нибудь на исповеди, то мы грешим не против человека-священника, а против Самого Христа. В этом случае и разрешение священника и само причащение — „в суд и осуждение“». Автор «Памятки» напоминает нам о том, что исповедь и причащение — это два отдельных таинства и мы не должны приступать к Святой Чаше, не примирившись с Богом через таинство покаяния.

Таким образом, отец Александр дает в своей книге четкую систему правил церковной жизни, необходимых каждому практикующему христианину.

В итальянском издательстве «Edizioni dehoniane» под псевдонимом А. Павлов в это время выходит его первая книга для детей «Откуда явилось все это?». Эта книга была составлена отцом Александром вручную из бумажных вырезок и фотографий, помогавших ему проиллюстрировать свой рассказ о Боге и православной вере собственным детям и их ближайшему окружению. Он поместил в нее множество картинок и совсем немного текста, чтобы юным читателям было легче воспринимать содержание. Однако этот текст, как и любой текст отца Александра, очень емок. Автор в наглядной форме показывает, что всё в мире имеет свою причину, что

мир был создан Творцом. Он приводит слова великих ученых, которые лишь укреплялись в своей вере по мере исследования законов Вселенной. Отец Александр рассказывает детям о теории эволюции Дарвина, убеждая читателей в том, что эта теория не только не противоречит библейскому повествованию, но показывает «безграничную силу Создателя». И далее он рассказывает о Божественном Откровении и книгах Священного Писания, давая пояснения библейским страницам о Сотворении мира. «На самом деле теория эволюции гораздо больше соответствует христианскому понятию о величии Творца, — рассуждает отец Александр. — Ведь нужно иметь больше творческого могущества, чтобы создать законы природы и направить по ним развитие мира, чем изготовлять в отдельности каждую бактерию, каждую птицу. Создав законы, управляющие Вселенной, Творец продолжает оказывать на мир Свое непрестанное воздействие. Своей невидимой силой Он направлял развитие природы к совершенству, к появлению существа, достойного стать обладателем Разума, бессмертной души, то есть ЧЕЛОВЕКА». Отец Александр пишет о необходимости для человека быть свободным для того, чтобы быть настоящим носителем Образа Божия, и о том, что человек призван к свободному участию в мировом творчестве, к освящению и возвышению природы.

В 1973 году отец Александр работает над руководством к чтению книг Ветхого Завета «Как читать Библию». Достать Библию в России в те годы, как и в годы детства и юности отца Александра, было по-прежнему почти невозможно. Купить ее на русском языке было легче в Париже, чем в Москве, несмотря на крошечные тиражи, которые всё же выходили в нашей стране. В итоге чаще всего Библия тайно ввозилась в Россию из-за границы. Но и тогда она рассматривалась властями как «подрывная литература» и изымалась при обысках. Так выросли целые поколения, никогда не державшие в руках Книгу, которая по праву считается сокровищницей мудрости человечества. Работая над новой книгой, отец Александр видел свою задачу в том, чтобы ввести читателя в мир Библии, а попутно — в историю и географию Древнего мира и сложную систему древних образов и символов с их многообразием и поэтикой. Его умение передать свои огромные знания в ясной и доступной форме, ввести читателей и слушателей в мир незнакомых для них понятий так, чтобы у них

возникла радость совместного постижения истины, было как никогда актуально. В его новой книге живая вера органически сочетается с достижениями современной библейской науки. Отец Александр продолжает творческую традицию русской библеистики, представленной именами В. С. Соловьева, князя С. Н. Трубецкого, отца Сергия Булгакова, А. В. Карташева, епископа Кассиана (Безобразова)… Первоначально книга не включала в себя библейских текстов, отсылая читателей к нужным главам и стихам. Но практика показала, что необходимость всё время откладывать одну книгу и брать в руки другую рассеивает внимание. Поэтому впоследствии отец Александр начал работу над подготовкой нового издания своей книги — библейской антологии, включающей все тексты, на которые раньше он просто ссылался.

«Мало кто помнил, — пишет отец Александр в предисловии, — что Библия была первым произведением литературы, которое было переведено на иностранный язык, первой книгой, вышедшей из-под типографского станка (ведь и Гутенберг, и Иван Федоров, и другие первопечатники начинали свои труды именно с ее издания). Мало кто знал, что она — одна из первых в истории книг, подвергавшихся систематическому истреблению. Уже за полтора с небольшим века до н. э. списки ее разыскивали и жгли солдаты эллинистического царя Антиоха Епифана; так же поступала и полиция римского императора Диоклетиана в 300 г. н. э. Над ней глумились скептики XVIII в., ее „разоблачали“ нацистские идеологи и боевики штурмовой антирелигиозной пропаганды. Но эта же гонимая книга, вокруг которой велась напряженная борьба идей, неуклонно прокладывала себе путь по странам и континентам».

Далее отец Александр переходит непосредственно к описанию сущности книг Священного Писания: «Основой Писания является учение о Завете, или Союзе. Завет означает связь человека с Богом, связь, которая растет, крепнет, проходит ряд ступеней, чтобы завершиться в лице Сына Человеческого. Искупитель — Мессия, дарующий спасение, есть поэтому „альфа и омега“ Библии, центральный образ Писания, начиная с предчувствий, прообразов, пророчеств и кончая Его рождением во плоти среди людей.

Дохристианские священные книги называются в Церкви Древним, или Ветхим, Заветом; Евангелия же и другие писания апостолов

составляют Новый Завет. Оба Завета образуют неразрывное целое, именуемое Библией».

В своей книге отец Александр пишет о теснейшей связи всей мировой культуры с библейскими сюжетами и о важности Библии для становления и развития культуры Руси. «Принимая христианство, — объясняет отец Александр, — она (Русь) сразу же получила Книгу книг на понятном для нее церковнославянском языке. Читая Библию, грамотные люди входили в новый для них мир нравственных идей и поэзии, веры и мудрости. Знаменательно, что „Повесть временных лет“ связывает историю Руси со всемирной именно через библейские сказания». Автор проводит читателя через столетия российской истории и показывает крепнущую духовную и культурную связь России с Библией.

«Может вызвать удивление, — пишет отец Александр, — что в Библии нет единого религиозно-этического кодекса. Но ее кажущийся плюрализм обусловлен тем, что она показывает рост человеческого духа перед лицом постепенно открывающейся ему высшей тайны бытия. Каждый этап этого становления отражает определенный уровень, отмеченный чертами несовершенства. И только Евангелие возносится над всем Писанием, словно сверкающая вершина над грядой гор. К нему сходятся и через него осмысляются все основные линии обоих Заветов».

Читая эти строки, невольно поражаешься тому, с каким лаконизмом и глубиной отец Александр раскрывает нам основы основ Великой Книги. Говоря о языке Библии, он пишет: «Далеко не всё в Библии лежит на поверхности. Подобно иконе, она обладает своим условным языком, своей специфической системой образов. И как приобщение к миру иконы требует от зрителя известной подготовки, так и чтение Библии требует внутренней работы, вживания в особый библейский „космос“. Только зная основные его законы, можно увидеть, как рассеивается дымка веков, отделяющая нас от текста, и он раскрывает свою глубину. Тот, кто довольствуется беглым чтением, фабулой или простейшим смыслом афоризмов, упустит главное и часто будет спотыкаться о противоречия и неувязки».

И далее автор шаг за шагом ведет читателя по страницам Ветхого, а затем и Нового Завета, с предельной четкостью поясняя состав, методы толкования и историю создания каждой части Священного

Писания. «Библия не свод поучений, а история богопознания, история, исполненная мук и озарений, падений и взлетов, — пишет отец Александр. — Откровение давалось людям в духовной жизни многих поколений. Ветхий Завет повествует о вере, которую человек постигал постепенно в процессе своего внутреннего созревания. Подобно лучу света, проникающему в закоулки темного здания, входило Слово Божие в сознание людей. Только понимая всю сложность этого раскрытия истины и преображения ею духа, можем мы воспринять Библию как целое. В отличие от многих священных книг древности, она противоречива и драматична, как сама жизнь».

Отец Александр подчеркивает, что для христианина чтение Ветхого Завета должно происходить в свете Нового. «Евангелие, — продолжает отец Александр, — благословенная и радостная весть о Христе, которую Церковь несет миру. Оно показывает, что Богоявление было не чем-то пребывающим вне времени и пространства, а действительным событием, увенчавшим священную историю спасения». Поэтому начинать читать Библию отец Александр советует именно с Евангелия: «Разумеется, ее можно читать, как и всякую другую книгу, прямо с первой страницы. Но мне кажется, что неискушенному человеку целесообразней начинать с Евангелия. Об этой центральной части Библии многие у нас, к сожалению, имеют еще довольно смутное представление, чаще всего по отражениям в романах М. Булгакова, Ч. Айтматова, Ю. Домбровского или по рок-опере „Иисус Христос — Суперзвезда“. Но надо прямо сказать: как бы мы ни оценивали эти отражения, они не должны подменять оригинал». «Мы вряд ли до конца понимаем, — сказал однажды отец Александр Софии Руковой, взяв в руки Библию, — что держим в руках Бога».

Книга отца Александра «Как читать Библию» помогла множеству верующих открыть для себя ранее труднодоступные для понимания страницы Великой Книги и стала одним из основных пособий для изучения Священного Писания.

На протяжении всей своей жизни отец Александр придавал огромное значение молитве в жизни христианина и в 1974 году написал «Памятку о молитве», впоследствии переименованную им в «Практическое руководство к молитве». «Памятка православного христианина» и «Памятка о молитве» продолжили цикл его книг о

жизни верующих в Церкви, к которым относятся также книги «Таинство, Слово и Образ» и «Как читать Библию».

Духовные дети часто обращались к отцу Александру с просьбой научить их основным правилам молитвенной жизни в Церкви, поэтому в своем пастырском служении он не ограничился личными беседами, проповедями и лекциями, в которых говорил о значении молитвенного труда, но посвятил этой теме отдельную книгу. Книга эта немедленно стала распространяться в новодеревенском приходе и далеко за его пределами в многочисленных машинописных экземплярах.

В одной из домашних бесед, посвященных преодолению внутренней слабости человека на пути к Богу, отец Александр сказал о трех видах молитвы — прошении, покаянии и благодарении. Этим молитвам и посвятил отец Александр свою «Памятку о молитве», включив в нее также несколько молитв, составленных им самим. В этих молитвах особенно отчетливо слышен его голос, его неповторимая интонация, в них дышит его живая и горячая вера.

В работе над этой книгой отец Александр постоянно обращался к опыту Отцов Церкви, подвижников и великих молитвенников прошлого и настоящего. Рукопись «Памятки о молитве» пестрит ссылками на их труды — как правило, на дореволюционные публикации, которыми пользовался автор. Отец Александр приводит также множество ссылок на Священное Писание, вышедшее в 1973 году в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом», к которому им была написана часть комментариев. Так его литературные труды органически продолжали и дополняли друг друга.

Читателям «Памятки о молитве» отец Александр дал возможность познакомиться со всеми этапами молитвенного пути, начиная с самого простого молитвословия и кончая ее высшими формами. Автор показывает, как непрост этот путь, как много препятствий приходится преодолевать тем, кто стремится приблизиться к вершине. Но на каком бы этапе ни находился человек, какой бы простой и безыскусной ни была его беседа с Богом, Всевышний может одарить его «отблеском совершенной молитвы», нетленным светом Своей любви, дать прикоснуться к высокому миру вечности, и тогда, как пишет отец Александр, «живая вода Слова Божия, Креста Христова потечет к нам, чтобы нас восстановить, нас оживотворить и дать нам силы идти в дальнейший путь».

Особое внимание в своей книге отец Александр посвящает домашней молитве и духовному чтению. «Молитвы, содержащиеся в Молитвослове, — пишет он, — составлены по большей своей части святыми и людьми высокого духовного опыта. Читая эти молитвы, мы приобщаемся к их духовной жизни и учимся сами молиться. Молитва по книге (молитвословие) не исключает молитвы своими словами и молитвенного предстояния Богу в молчании». Отец Александр говорит о том, что любое дело должно начинаться с молитвы и что во время молитвы сами святые слова оказывают воздействие на душу и сознание молящегося. Кроме того, отец Александр убеждает нас в том, что, кроме молитв, христианину необходимо ежедневно читать Евангелие.

Остальные книги Библии он рекомендует читать с толкованиями, чтобы правильнее и глубже понимать смысл ветхозаветных книг и их соотношение с Новым Заветом. При этом, говоря о молитве, отец Александр подчеркивает, что «молитва связывает наш дух с самим Источником жизни. Ее не могут заменить ни богословские теории, ни одно лишь служение добру. И то и другое оживотворяется молитвой, которая хранит нашу веру от уклонов в отвлеченность или морализирование». В «Памятке…» отец Александр много места уделяет систематической молитве, которая «входит в жизнь как постоянная ее спутница и вдохновительница». Он подробно говорит о необходимости чтения «правила», состоящего из утренних и вечерних молитв, которые произносятся ежедневно, о внутреннем настрое человека, готовящегося к молитвословию, о времени и месте, отводимым нами для молитвы. «Человек призван быть целостным и гармоничным, и поэтому, говоря о молитвенном делании, мы должны иметь в виду участие в нем всех сфер нашего существа», — пишет отец Александр, подчеркивая важность положения тела человека и молитвенных жестов во время молитвы. Он указывает на особые психофизические механизмы, которые устанавливают обратную связь между положением тела и состоянием души и духа, а также напоминает об особенном значении поста в жизни православного христианина, о работе над сферой чувств, желаний и мыслей.

Таким образом «Памятка о молитве» стала настоящим путеводителем для тех, кто в своих духовных поисках встал на путь молитвенного общения с Богом.

В том же 1974 году отцом Александром была написана книга «Свет миру» для детей. Помимо завораживающего авторского рассказа, любого ребенка порадуют в ней красочные иллюстрации, с любовью подобранные автором. «Кто из вас — мальчиков и девочек — не любит дни, когда на елках, украшенных игрушками, зажигаются гирлянды огней? Вас ждут тогда подарки, песни и игры под зеленым новогодним деревом. Новый год — это начало первого месяца, января. Однако издавна в это зимнее время празднуют не только Новый год, но и Рождество. Первые елки зажигались в России именно в честь Рождества…» — начинает свое повествование отец Александр. Предельно доступным и выразительным языком он пересказывает для детей основные сюжеты из Евангелия. В конце книги отец Александр подводит итог: «Первых учеников Христа Спасителя было всего двенадцать человек. Сегодня перед Его именем склоняются почти полтора миллиарда жителей нашей планеты. Евангелие несет им слово добра и милосердия, веры и радости. Живой Христос остается с нами, Он очищает нас от зла и делает детьми Небесного Отца».

Глава 9
Создание малых групп

В середине 1976 года настоятель новодеревенского храма отец Григорий Крыжановский ушел на покой в связи с преклонным возрастом, и новым настоятелем был назначен протоиерей Стефан Середний.

Отец Стефан родился на Украине, говорил с легким акцентом и жил с семьей в Загорске. До перехода в Новую Деревню он служил в Химках, и поездки на столь далекие расстояния от дома были ему неудобны. Он был ровесником отца Александра, чуть ниже его ростом, так же закончил Духовную академию и на первых порах вел себя очень осторожно, никак не вмешиваясь в деятельность коллеги. Однако служить рядом с таким известным священником, богословом и исключительным проповедником отцу Стефану было непросто. Его частые проповеди о грехе зависти отчасти выдавали его внутреннее состояние. Не вызывает сомнений и то, что отец Стефан и последующие коллеги отца Александра по церковному служению были по отношению к нему гораздо более консервативны, чем отец Григорий.

Эти перемены почти совпали по времени с новым начинанием отца Александра — созданием в 1977 году малых групп (или «общений», как называл их батюшка, ибо само слово «группа» воспринималось властями как криминал) для совместного изучения Священного Писания и молитвы (катехизация в храме была в то время запрещена).

Круг прихожан Новой Деревни продолжал расти, и отец Александр понял, что, помимо личного общения, настало время работать с группами верующих, готовых к совместной молитве и взаимопомощи. Он был убежден в том, что полнота христианской жизни человека без этого невозможна. Молитва и совместное чтение Священного Писания в малых группах по его замыслу должны были стать основой обыденной жизни верующих, как это было в общинах первых христиан. При этом формирование глубоких отношений единства и взаимопонимания внутри малых групп происходило далеко

не сразу, как не бывает быстрым возникновение глубоких отношений при построении семьи.

Предполагалось, что отец Александр будет регулярно встречаться с «общением» руководителей — опытных катехизаторов прихода. Они, в свою очередь, будут опекать членов своих «общений» в Москве и бывать с ними в московских храмах, а в Новую Деревню будут приезжать раз в месяц вместе со своей малой группой. Сам отец Александр мог бы при этом навещать все группы ежесезонно. Предполагалось также, что новые прихожане будут первоначально проходить адаптацию к приходской жизни в малых группах. Это давало возможность развиваться общине и создавало определенные рамки для стихийного наплыва новых людей в Новую Деревню.

Каждая из групп, созданных отцом Александром в новодеревенском приходе, численностью обычно от семи до двенадцати человек, имела свое лицо, свой индивидуальный образ. Была группа катехизации, объединяющая людей, которые готовились принять крещение, или недавно крещенных. В других группах изучали Священное Писание и историю Церкви. В качестве учебной литературы использовались дореволюционные издания русских религиозных философов и книги отца Александра, активно тиражируемые в самиздате, а также православная литература, изданная за рубежом и тайно ввезенная в Россию. Малые группы собирались обычно раз в неделю дома у одного из участников, маскируя религиозные цели встречи дружеской вечеринкой, празднованием дней рождения или гражданских праздников. Для того чтобы не привлекать внимание посторонних, старались не приходить на встречу вместе и уходить не более чем по два-три человека, а место встреч иногда меняли. По той же причине участники «общений» не всегда одновременно бывали на богослужениях в Новой Деревне. И всё же отец Александр считал совершенно необходимым совместное причащение и участие в церковных службах несмотря ни на что. Основой жизни прихода он видел именно совместную молитву и взаимопомощь, а регулярные встречи «общений» укрепляли единство прихожан и помогали им не только вместе постигать основы Священного Писания, но и участвовать в решении насущных жизненных проблем друг друга.

«Вся катехизация могла длиться от десяти дней до трех месяцев, — вспоминает Андрей Бессмертный-Анзимиров. — Методологии были разными: одни делали центром изучения и толкования Символ веры, другие использовали традиционные рамки, подобно нижеследующей программе:

1) Что такое религия, вера? 2) Сотворение мира и грехопадение. 3) Священная история до Авраама, Исаака и Иакова включительно. 4) Моисей и Декалог. 5) Давид и Соломон. 6) Пророки. 7) Матерь Божья. 8) Св. Иоанн Креститель. 9–12) Иисус Христос (несколько занятий о разных аспектах Его служения и учения). 13) Основные догматы православия (по Символу веры). 14–15) Краткая история мировой Церкви (обычно два занятия). 15–16) История Русской Церкви (давались общие понятия о крещении Руси, об исихазме, о Сергии Радонежском, о иосифлянах и заволжских старцах, о расколе XVII в., о гонениях в советское время и т. д.).

В Новодеревенском приходе о. А. Меня существовало правило обязательного прочтения всех четырех Евангелий в течение Великого поста. Вообще для о. А. Меня центральной книгой всех правил и законов была Библия, а не Типикон. И в особенности Новый Завет. Закончив обсуждение Евангелий, переходили к Деяниям и Посланиям апостолов. Толкование спорных и непонятных мест, равно как и прочих частей текста, базировалось на комментариях Отцов Церкви. Со временем в библиотеке прихода оказалось много новейших библейских — протестантских и католических — комментариев на английском и французском языках. Следует сказать, что использование библейских комментариев, написанных авторами разных исповеданий, равно как и сличение евангельских текстов на разных языках приносит блистательные плоды: сопоставление переводов выявляет новые смыслы или нюансы, а спорное толкование какого-либо места неизбежно заставляет человека думать, рассуждать и отстаивать свое мнение. Таким образом, люди начинают облекать свой духовный опыт в слова, что очень важно для последующей проповеди в атеистической среде.

Со временем в приходе возникли и группы по изучению Ветхого Завета. Изучались обычно книги Бытия, Исхода, Второзакония, Левита, Екклезиаста, Иова, Иисуса Сына Сирахова, Ионы, Псалтирь, подробно рассматривалось значение таких библейских фигур, как

Авраам, Иаков, Иосиф, Моисей, Аарон, Давид, Соломон, Исайя, Иезекииль.

Чем дольше мирянин ходит в храм, чем глубже погружается он в традицию, тем больше возрастает потребность более основательного и правильного обучения церковно-богословским предметам. При новодеревенском приходе действовали постоянные группы и кружки по библеистике, церковному пению, изучению трудов Отцов Церкви, церковной истории. Зачастую занятия в таких кружках и семинарах проводили наиболее подготовленные и образованные прихожане».

Конспирация при встречах «малых групп» была особенно важна потому, что, помимо общей антирелигиозной атмосферы в стране, деятельностью отца Александра к этому моменту уже активно интересовался Комитет государственной безопасности. Еще в конце 1960-х годов по инициативе председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова в КГБ было образовано Пятое управление, в компетенцию которого были включены также и вопросы, связанные с контролем над религиозной жизнью граждан. В марте 1974 года Андропов направил в ЦК КПСС закрытое письмо, в котором впервые в документах данного ведомства упоминается имя отца Александра в следующем контексте: «Группа прокатолически настроенных священников, возглавляемая А. Менем (Московская область), в своих богословских трудах протаскивает идею, что идеалом церковной жизни может являться только католичество. Указанные труды, нелегально вывозимые за границу, издаются католическим издательством „Жизнь с Богом“ (Бельгия) и направляются затем для распространения в СССР». Несмотря на то, что тема католичества была в фокусе внимания «органов» по политическим соображениям того времени, тема эта была лишь предлогом обратить внимание власть предержащих на выдающегося священника, стремительно набирающего популярность в самых широких кругах. «Вряд ли Андропов внимательно проверял то, что ему писали подчиненные, — комментирует это письмо Сергей Бычков. — Иначе он вряд ли употребил бы выражение „группа прокатолически настроенных священников, возглавляемая А. Менем“. В Русской Церкви существует иерархическая структура, и священник не может возглавлять какую-либо группу без благословения правящего епископа. Отец Александр прекрасно понимал, что в случае появления

подобной группы всем бы грозило как минимум запрещение в священнослужении».

«Если между прихожанами батюшки и существовала какая-то нетерпимость, то она вытекала из разности психологических типов и душевного восприятия, — пишет Андрей Еремин. — Но сам отец Александр был совместим со всеми. Все разногласия он побеждал своей беспредельной любовью. Несмотря на широкий диапазон темпераментов и социальных различий, приходу были свойственны высокая толерантность и дух экуменизма. Практика отца Александра доказала, что большое многообразие может осуществляться не только в границах единой Церкви (имеющей стержень — структуру), но даже в рамках одного прихода, под руководством одного священника или епископа.

Некоторые боятся, что малые общины могут породить сектантские настроения и привести к расколам. Но лучшее средство от сектантства — возрастание в свободе, взаимной терпимости и открытости внешнему миру. Именно тоталитаризм и закрытость приводят к возникновению сект. Батюшка говорил, что там, где в религии торжествует форма, она обречена на вырождение.

Когда Церковь в государстве была гонима и зависела от произвола чиновников, необходимость малых групп для ее выживания не подлежала сомнению. Церковь выстояла в годы советской тирании именно благодаря катакомбным общинам вроде мечевских. Их создавали приходы, последовавшие призыву патриарха Тихона, который накануне кровавых испытаний призвал превратить приходы в общины.

Настойчиво создавая малые группы, отец Александр следовал промыслительному указанию этого патриарха. Батюшка говорил, что, если бы не было „катакомбных“ общин, его родные, скорее всего, не нашли бы путь к Церкви. С нормальным христианством они встретились именно там, а не в действующих храмах. „Что бы они могли найти в храме, в котором было тогда полторы трясущиеся старухи? И самые глухие и запуганные батюшки, которые могли только махать кадилом“.

Малые группы — домашние Церкви — поддерживали первых христиан, когда еще не было монашества и старческого руководства, когда христианство было открыто миру. В возвращении к этим формам

отец Александр видел судьбу Церкви и человечества. „Сейчас, — говорил батюшка, — дуют очень холодные ветры, и вера больше не может быть теплым убежищем от бурного неуютного мира. И это справедливо, потому что христианам дана сила жизни и сила упования, а не еще одно анестезирующее средство“.

Конечно, естественная (языческая) религиозность свойственна людям, и „множество тех, кому холодно на свете, стремятся в это тепло и представляют себе христианство в виде какого-то уютного места, где можно согреться“[181]. Но отец Александр говорил: „Если мы не докажем Марксу, что религия для нас не опиум, мы будем плохими христианами“[182]. Он надеялся, что именно малые общины сумеют противостоять всем ветрам и стать достойным ответом на вызов основателя коммунизма.

Хотя малые группы были местом встреч, радости, творческого сотрудничества, в них порой возникали конкуренция, ссоры, взаимные обиды, которые приводили к расколам. В начале священнического служения у отца Александра бывали моменты, когда „руки опускались“ и он думал, что больше не станет пытаться. Но потом решил, что создавать общины всё равно необходимо. Он размышлял так: „В святом месте сатана сильнее, потому что в месте гнусном ему и делать нечего“.

В общинах действительно открывались духовные проблемы каждого индивидуума. И трудности в отношениях между людьми были неминуемы. Значит, каждый член общины должен был ответственно работать над собой, стремиться к внутреннему самоопределению, менять строй своей души.

Батюшка говорил: „…Мы все знаем, что это трудно, потому что общность людей — это всегда общность разных характеров, это столкновение, это притирание, но такова Его воля. И Он Сам видел все те трудности во взаимоотношениях, которые были у Его учеников. Но Он никогда не сказал им: ‘Ладно, вы так плохо между собой живете, разойдитесь по одному, и пусть каждый ведет духовную жизнь в одиночестве’“.

Личность, которая не соотнесена с другими, по мнению отца Александра, находится в безвоздушном пространстве, она — только атом, оторванный от целого. „Какой бы ни был человек неповторимой личностью, все-таки все важные вещи открываются ему в

соотношении с другими людьми. Заниматься упражнениями, чтобы совершенствовать свою физическую и психическую природу, возможно одному. Но идти за Христом можно только вместе. Именно это означает слово Экклесия, Церковь“.

Отец Александр постоянно приезжал в малые группы, устанавливал в них дух единства, разрешал конфликты, укреплял авторитет лидеров. Его приезд всегда был праздником для общины.

Собрания обычно начинались с молитвы, на которой каждый мог сказать свое слово. Вслед за тем шла беседа. Обычно батюшку просили разъяснить какую-либо важную церковную тему. А после еще долго задавали вопросы. Потом начиналось обычное веселое общение за столом — шутки, экспромты, остроумные каламбуры батюшки. Он создавал вокруг себя необыкновенно теплую, дружескую атмосферу. Сидел рядом с нами, пил чай из большой кружки, говорил о проблемах Церкви, о наших задачах, и жизнь в общине получала как бы новый импульс. Это были удивительно счастливые встречи, после которых хотелось начать следующий день смелым и сильным работником для Христа.

Бог дал множество знаков, что Он благословляет малые группы. Известно, что до конца 80-х годов религиозные собрания вне культовых зданий были запрещены и преследовались по статьям уголовного кодекса. Но за многие годы нелегального существования молитвенных групп под носом у КГБ ни одна из них серьезно не пострадала».

«Создание групп несло в себе замысел, было глубоко продуманным делом, — вспоминает протоиерей Владимир Архипов. — Это было не просто изучение Священного Писания, а было изучением человеческой личности, познанием себя и других. Одной из задач была совместная молитва — искусство, опыт, умение понимать слово Писания, умение думать и задавать вопросы. Отец Александр пытался собрать вместе людей таким образом, чтобы пространство для конфликтов было минимальным, чтобы люди были близки по внутренней организации, содержанию, готовности ставить задачу перед собой как верующим, иногда — по роду занятий. Эти группы были также ориентированы на помощь нуждающимся, на помощь друг другу»[183].

Олег Степурко приводит в своих воспоминаниях слова отца Александра о малых группах: «Как-то в беседе с молодыми прихожанами он рассказал: „Однажды мне пришлось идти двадцать семь километров по пустыне, и, когда я увидел лужу с водой, то стал из нее пить, забыв про всех пауков и тараканов, которые там были. И сейчас сходная ситуация, после десятилетий духовной жажды люди готовы пить из каждой лужи. Но подчас в ней такие пауки и жуки, что они сводят на нет всю ценность воды. Сейчас как никогда важно показать ‘Церковь с человеческим лицом’, ибо идея малых групп носится в воздухе. Самые консервативные священники собирают общины и… читают на них акафисты. Вот почему нам нужно в своих общинах показать пример христианской жизни, объединившись вокруг Слова Божиего и молитвы“».

Батюшка предлагал своим духовным чадам представить себе снежную пустыню, в которой мерцают редкие огоньки, и призывал к тому, чтобы их дома и общения стали такими огоньками в пустыне.

«До сего дня существует представление о христианстве как только о храмовой религии, где человек принимает пассивное участие в службе, — цитирует слова отца Александра, сказанные в молитвенной группе, Владимир Илюшенко. — Тенденция психологической инерции и наши сложные общественные условия сомкнулись. По сути в Церкви нет общинной жизни. Но Христос основал на Земле вовсе не ритуальную корпорацию для отправления культа — для этого не надо было совершать духовного переворота в истории человечества. Первоначальная община складывалась вокруг таинства, Божественного присутствия. Молитва, милосердие и труд — три момента, составляющие церковную жизнь. Помощь всем людям — это абстракция. Реальная помощь может быть лишь в общине, где люди знают друг друга».

Отец Александр считал, что будет хорошо, если каждый член общины и даже прихода будет иметь в своем доме некий предмет как символ единства и принадлежности к одному кругу. Одно время таким символом была репродукция с картины И. Р. Веле «Они пошли за Ним», которую батюшка дарил многим прихожанам.

Александр Зорин так вспоминает о жизни приходских «общений» того времени: «Наша община (малая группа) стала собираться с 1978 года. Состав ее складывался в основном по территориальному

признаку. Нельзя не считаться с гигантскими расстояниями в Москве. И поэтому наша группа объединяла прихожан, живших либо в одном районе, либо на одной ветке метро, словом, в досягаемой близости. И только одному человеку приходилось ездить на противоположный конец Москвы: нашему руководителю, брату отца Александра Павлу Меню. Батюшка благословил нас изучать Ветхий Завет и поставил руководителем Павла, хорошо знающего иврит и Священное Писание. Малые группы воспитывали в своей среде самостоятельных христиан, способных возглавить новую общину. Так птенцы, поднявшиеся на крыло, должны улететь, чтобы вить новые гнезда.

Для нашей малой группы отец Александр придумал интересные вопросы, и в конце года мы отвечали на эти вопросы, как школьники. Малые группы занимались и практической работой. Отец был счастлив, когда мы ему предложили организовать строительную бригаду. Эта бригада помогала прихожанам в ремонте дач, крыш и т. д. Зое Афанасьевне, я помню, построили забор в один день. Это очень нас сближало, потому что мы были заняты одним делом. Отец был счастлив».

Некоторым своим прихожанам, уже прошедшим серьезный путь духовного роста, отец Александр сам предлагал стать руководителями новых «общений». Он помогал им в составлении программы работы и развития своих подопечных, снабжал необходимой литературой, которую размножали прихожане, готовил диафильмы религиозного содержания и сам по мере возможности принимал участие во встречах. «Охотнее всего — на правах рядового члена», — добавляет Зоя Масленикова.

Примечателен рассказ Андрея Черняка, предложившего отцу Александру сделать его ведущим группы катехизации через полгода после его крещения и прохождения соответствующей подготовки. Отец Александр, всегда готовый поддержать хорошую инициативу, сказал Андрею, что у него есть сейчас группа новоначальных, которым необходимо пройти вводный курс. «Давайте попробуем, а я посижу сзади», — добавил отец Александр. В течение двух недель Андрей готовился к первому занятию и составил подробный план катехизации. В назначенный день в комнате собрались 10–15 человек. Отец Александр взял слово и 40 минут рассказывал о том, что такое христианство, закончив свое выступление словами: «То, что я

сказал, — это оглавление. А дальше вести занятие будет Андрей. Он расскажет о том, что такое вера, Писание, Предание и т. д…» «Более страшного момента в жизни у меня не было, — вспоминает Андрей Черняк. — За время своего вступления отец Александр сказал то, что я планировал рассказывать в течение всего курса. Я понимал, что это — провал, и единственным моим желанием было исчезнуть. После перерыва с чаем отец Александр попросил меня приступать… А дальше случилось то, что казалось мне самым недостоверным в Евангелии, где сказано о том, что „Дух Отца вашего будет говорить в вас“ (Мф. 10: 19). Я говорил час и постепенно убеждался в том, что всё то, что я рассказывал, — правда. В итоге отец Александр предложил мне назначить следующее занятие… И все последующие десятилетия происходило нечто подобное — я говорил то, что узнавал сам в момент моего повествования. И в большинстве случаев я видел, что у моих слушателей менялись лица и постепенно менялась жизнь…»[184]

Для проповеди Слова Божия отец Александр использовал любые средства. Он любил кино, но возможности делать религиозные фильмы в то время у него не было. Поэтому он с удовольствием занимался созданием диафильмов[185], каждый из которых был своего рода шедевром. Так, большой популярностью в малых группах пользовался его диафильм, сделанный на основе переведенного и интерпретированного батюшкой выдающегося фильма итальянского режиссера Франко Дзеффирелли «Иисус из Назарета», вышедшего на экраны на Западе в 1977 году. В то время было невозможно распространение самого фильма в переводе, а сделанный отцом Александром диафильм с использованием кадров с замечательными актерами этого фильма и его прекрасной музыкой, на которую накладывается сильный и энергичный голос отца Александра, производил незабываемое впечатление на зрителей. За этим диафильмом, который отец Александр назвал «Свет миру», последовали другие — «Назаретская Дева», «О добре и зле», «Апостолы», «Максимилиан Кольбе», «Тереза Калькуттская» и др. Все эти диафильмы очень помогали отцу Александру в деле катехизации в годы гонений, а когда открылись более широкие возможности, демонстрировались в больших аудиториях.

Одной из важнейших миссий малых групп отец Александр считал приведение ко Христу, обращение в православную веру как можно

большего числа людей. Как вспоминает Андрей Бессмертный-Анзимиров, ставший одним из руководителей малых групп в новодеревенском приходе, на вопрос о том, что важнее — количество или качество приведенных ко Христу людей, отец Александр ответил, что важно и то и другое. «Мы не можем себе позволить „шлифовать“ новообращенного „до кондиции“, — уточнил батюшка. — Даже духовник не должен придавать себе столь важную роль, это было бы гордыней. Это дело Бога. Чем больше людей приходит ко Христу, тем лучше». При этом отец Александр не считал возможным судить о глубине веры новообращенных, о том, является ли их вера обрядоверием или следованием духу. Он считал, что мы не знаем замыслов Бога о таких людях и не можем установить, где кончается их обрядоверие и начинается действие Божией благодати. Батюшка утверждал, что любой обрядовер самим фактом принятия обрядов, веры в них и участием в них протягивает руку Богу, даже если сам этого до конца не сознает. Конечно, если такие люди попадали именно к нему, то отец Александр пытался наставлять их не в рутинном ритуализме, а в живой вере, живой любви ко Христу и связи с Ним. В новодеревенском приходе такие люди либо переставали быть буквалистами, либо уходили к другим священникам, оставаясь в лоне Церкви.

Андрей Бессмертный-Анзимиров рассказывает, что однажды покаялся отцу Александру в том, что примешивает к общему делу «свое собственное» — борьбу с коммунизмом. В ответ отец Александр улыбнулся и мягко ответил, что не знает более антикоммунистической книги, чем Евангелие.

Батюшка был убежден в том, что христианское общение должно быть целенаправленно и структурировано. Совместная молитва, каноническая и свободная, доклад, обсуждение и общий чай в конце — для дополнительного обсуждения и обмена новостями. По его мнению, каждый член общины должен понимать, что участвовать в христианских приходских группах значит служить друг другу, Церкви и Христу. Цель — углубить собственную веру и помочь новопришедшим. Если человек получил образование, то он должен реализовать себя в обществе, ответственно трудиться на избранном поприще, служа Богу и ближним, и не тратить время на пустые разговоры.

Отец Александр часто повторял четыре правила, выполнение которых в совокупности дает человеку полноценность христианской жизни, — совместное чтение Евангелия, совместная молитва, общее участие в церковной службе и причастие, и помощь людям, дела милосердия. Эти правила он сравнивал с четырьмя ножками стола, который перестанет быть устойчивым, как только сломается хотя бы одна из ножек.

О своем участии с 1979 года в «общении», руководителем которого стал преподаватель Московского инженерно-физического института Владимир Лихачев, замечательно рассказывает Александр Андрюшин: «Раз в неделю, а иногда и два, по будням собирались, молились, читали и обсуждали Евангелие, на религиозные праздники ходили по другим храмам, делали спектакли и слайд-фильмы. <…> Группа была однородная по составу: студенты и недавно закончившие учиться, неженатые поначалу и ищущие веры, которых он отбирал сам. И Лихачева, и нас это воодушевляло, а он еще и умел наполнять жизнь других, так как сам интересовался всем и мог этим поделиться. Получилось как новая семья или как микроприход. <…>

После знакомства с отцом Александром он (В. Лихачев) перечитал многое из библиотеки отца Александра, которая была поистине громадной. Когда началась жизнь нашего общения, нам тоже стала доступна и библиотека Володи, и библиотека отца Александра. Володя с нами всем этим с удовольствием делился. Для меня открылся целый космос духовной литературы. О, как мы тогда читали! Причем читали все и всё: Соловьева, Бердяева и Сергея Булгакова, Федотова и Кюнга[186]. А были еще книги, которые написал отец Александр, которые мы читали и даже выучивали наизусть еще до всякого их издания, и „Нарния“ Льюиса. Поначалу приходилось читать по очереди за короткое время. Но самое главное, Володя делился с нами своей верой, пытался передать свой стиль практики религиозной жизни. <…> Он каждое воскресенье и по большим праздникам был в церкви, и мы тоже были там и вечером на всенощной, и утром на литургии. Он каждый раз исповедовался и причащался, и мы с ним».

Как рассказывает Александр Андрюшин, еще до того, как он прочитал книги отца Александра, до того, как услышал и увидел его — он открыл его через рассказы Владимира Лихачева, который готов был бесконечно много времени проводить вместе со своими подопечными

и с которым в любое время суток можно было поделиться любыми проблемами. «Получилось, что в первых моих разговорах о вере Володя проповедовал не только Иисуса Христа, но и отца Александра, — рассказывает Александр Андрюшин. — Он его описывал как фигуру космических масштабов, как человека, идущего впереди всего человечества, голова которого буквально упирается в небо. Про руководителей страны (Брежнева, Андропова) он твердил, что их будут вспоминать как мелких политических деятелей в эпоху отца Александра. Так как Лихачев в те начальные дни моей религиозной жизни стал для меня очень значимой фигурой, буквально „детоводителем ко Христу“, я очень проникся его восторженным взглядом на о. Александра. И когда Володя зазвал меня, вернее, буквально заманил, на встречу с о. Александром, я шел на эту встречу с ним как с апостолом из евангельских времен.

Всё приготовил Володя сам: опросил и составил от всех список вопросов для обсуждения, уговорил о. Александра выделить время, твердой рукой всех собрал. <…> Я многих из будущего общения увидел первый раз и впервые оказался среди тех, кто искал веры или даже уже веровал, и это почему-то меня очень напрягало. Я вроде уже давно искал веры сознательно, но, будучи современным человеком, боялся поверить по-настоящему. Мне упорно казалось, что, если я поверю, да еще в компании, обратной дороги уже не будет, как будто это болезнь, и я этого боялся. Когда я разговаривал с Володей о вере тет-а-тет, это было комфортно, а тут — вместе со всеми. <…>

Я очень внимательно слушал. На этой встрече отец Александр не выкладывался, как бывало на службе или на лекциях во время „Перестройки“, всё было очень тихо и приватно. Многое из того, что он говорил, я видел и чувствовал так же, но, возможно, не мог это выразить в словах, а кое-что было ново и неожиданно. Но самое главное, у меня было чувство, что всё, что он говорил, — это было мое. И, подражая Лихачеву, я мог бы воскликнуть перед всеми „Он мой, он мой!“, но постеснялся. Ни в одном его слове я не находил изъяна. Он говорил о вере и о ее внутреннем источнике, но апеллировал и к современному научному взгляду на мир, там был и отсыл к моей любимой фантастике, он говорил об Иисусе, но не забывал и о других, чьи руки тоже были обращены к небу. <…> Ну и широта, конечно, экуменизм в действии: православный священник

рекомендует католического автора. И, конечно, было Присутствие, вплоть до мурашек по коже. Что это такое было, <я> тогда четко не осознавал, а свою реакцию относил на восторженный настрой и на талант лектора. Я впервые наблюдал с некоторой оторопью это его замечательное умение, почувствовав аудиторию, отвечать на безмолвный вопрос почти каждого, причем мне казалось, что в этот момент он всегда глядел на того, кому отвечал. <…>

Я увидел основную, остро созвучную мне особенность его проповеди: он не просто делился своим духовным опытом, он делился своим осмыслением этого религиозного опыта.

И еще я впервые встретил человека, у которого вера не была похожа на заболевание, и я перестал бояться. Даже у Лихачева вера была не такая спокойная, надежная и позволяющая опереться.

И, наконец, он своим существованием за один раз примирил меня с моей верой в Бога, с православием, с необходимостью участвовать в церковной службе.

Так я повстречался с главным апостолом из той пары, которую сам Бог как бы послал проповедовать в мое селение. То, что о. Александр главный в этой паре, это поначалу я усвоил от Лихачева, но потом, после прочтения книг отца Александра „Истоки религии“, „Сын Человеческий“ и других, он прочно занял первое место не только впереди Лихачева, но и впереди всех. <…>

Основной целью общения было совместное чтение Евангелия, обсуждение по кругу и молитва. <…> Сразу возник некий порядок, обычай, обыкновение: комната, где собирались, сначала была пустынна. На столе свеча, Евангелие, какая-нибудь икона, чаша доброго вина. Комната как бы тоже готовилась к нашей встрече. Когда рассаживались, то некоторое время настраивались в молчании, потом начинали читать по очереди псалмы, отрывки из Библии и молитвы. Все мы, собравшиеся, были в состоянии религиозного поиска, но глубина этого поиска была очень разной.

Для многих поначалу было трудно принять, что это молитва. Для них Володя представлял это как психологическую настройку на дальнейший разговор о вечном. Потом кем-то читался евангельский отрывок. Отрывок выбирался заранее. Все всю неделю готовились, но ведущий особенно. И далее ведущий, поначалу это был сам Володя, говорил об историческом контексте, о смысле отрывка, о событии, с

которым он связан, и самое главное — о том, что Бог говорит ему этим отрывком. А потом и все, по очереди, говорили о том, как этот отрывок отзывается в душе. После слова каждого (из участников общения) была пауза для тишины и молитвы. Когда каждый говорил, было заведено не прерывать человека, не задавать вопросов, а попытаться его услышать. И это было трудно, это воспитывало в нас что-то очень важное.

Лихачев очень любил литанию смирения, и временами каждый ведущий приносил свою литанию смирения, ведь все мы очень разные, и от разного мы хотим избавиться в себе. Было что-то постоянное в наших встречах (чтение Евангелия и обсуждение), но было и что-то меняющееся (молитва до и после, причем после — с чашей доброго вина), но всегда содержательное, исполненное смысла. В обсуждении Евангелия мы следовали методу Марцинковского[187]. Конечно, кто хотел, мог просто молчать, но о каждом говорившем или промолчавшем все вместе коротко молились так, как хотелось ведущему.

А потом был еще круг с чашей доброго вина, но это уже выглядело либо как тост, либо как молитвенное возглашение, кто как хотел. Чаша передавалась по кругу, и каждый перед тем, как отпить, говорил. Это было намного насыщеннее, чем тосты на Новый год. Иногда этих кругов было несколько, разных по теме: поздравительный, благодарственный, просительный. Потом, в заключение, взявшись за руки, мы что-нибудь хором пели или читали. <…>

Володя очень много с нами возился, чтобы приготовиться и к большим праздничным событиям: Пасха, Рождество, Масленица, начало Великого Поста, Великий Четверг. В некоторых случаях готовились долго, с большим удовольствием, разрабатывали сюжет, делали стенгазету с фотографиями и заметками, изготавливали слайд-фильм с озвучкой и временами делали театрализованную постановку на библейские темы. Всё делали по-разному. Например, с его подачи для празднования Великого Четверга создали подробный сценарий праздничного застолья, который насытили до предела чтениями из Библии и Евангелия, связанными с Тайной Вечерей. Нам это так понравилось (сценарий Великого Четверга), что мы повторяем это каждый год. А когда появились дети, то их тоже ко всему этому привлекали. Всех уносила атмосфера праздника».

Лихачев создал и поддерживал традицию приезжать в майские праздники домой к отцу Александру всем «общением». Поводом была помощь по хозяйству (например, вскопать небольшой участок под картошку в огороде), а днем, когда отец Александр приезжал после службы, он непременно звал всех к столу и начинались беседа и совместная молитва, погружавшие участников в общую атмосферу счастья.

«И, наконец, фантастика и Царство Божие — Володя вполне готов был это обсуждать, — продолжает Александр Андрюшин. — Мы с ним очень любили фантастику. Фантастику любил и отец Александр. Мне очень грело сердце то, что мои духовные отцы любили то же, что и я. В фантастике был для нас важнейший момент: поиск преображенного мира, почти Царства Божьего. Люди придумывали миры, в которых были бы решены проблемы нашего мира. Мы часто спорили, что можно из придуманного использовать в Царстве Божьем, а что нет. Редко соглашались между собой. И, конечно, мы обсуждали задачи, стоящие перед христианством, и альтернативные пути его развития. <…>

К каждому празднику Пасхи или к Рождеству делали слайд-фильмы для внутреннего пользования. Потом, когда у всех появились дети, такие тематические христианские фильмы делали для них. Володе в Ветхом Завете очень нравился отрывок о сотворении мира. Он с большим воодушевлением мог говорить, как с научной точки зрения можно прочесть эти слова. Соответственно, и слайд-фильм был сделан на эту тему.

Несколько раз в год к нам приезжал отец Александр, проводил беседу и отвечал на вопросы. Нам даже удавалось это записывать: потом это было расшифровано и издано как домашние беседы.

Каждое лето мы снимали дачи вблизи Новой Деревни, где служил отец Александр Мень, и вся жизнь перемещалась туда. <…> Временами мы жили так близко к храму, что отец Александр заходил к нам чуть ли не после каждой службы. Такое, конечно, было только зимой, потому что летом в Новой Деревне было много мест, куда он заходил, и нам он доставался нечасто…

Эти десять лет, когда рядом с нами были отец Александр и Володя, видятся как череда непрерывных чудес. У меня сложилось тогда убеждение, что святые наибольшее число чудес совершают при

жизни. Это так легко: подойти, пожаловаться, попросить — и всё свершится. Мы очень опирались на них во всем. Это почти невозможно передать. <…>

…Володю Лихачева я прежде всего ценю как учителя веры. Следуя апостолу Павлу, я могу сказать, что он родил меня во Христе. Для меня он не учитель физики, хотя и учил ей. Другие учителя физики дали мне намного больше и намного понятнее. <…> А вот то, как он учил религиозной жизни, было понятно и доходчиво. Он примирял меня с традицией, которая меня напрягала: в том, что была не на русском языке, что богослужение было слишком длинным и пышным и каким-то уж очень нечетким. А он всё принимал. Он много и проникновенно молился — и, глядя на это, я тоже стал молиться и временами даже на церковнославянском. Он еженедельно был в храме — и я, глядя на это, постепенно там прижился. Он вчитывался, и вдумывался, и вживался в Писание — и я теперь просто не могу жить без такого же погружения в Слово Божие.

<…> Мимо текла жизнь страны, застой с Брежневым, завинчивание гаек с Андроповым, неожиданная и чудная „Перестройка“ с Горбачевым. А у нас этапами было совсем другое: написание о. Александром очередной книги, празднование 9 мая в его доме в Семхозе, его посещение нашего общения, его лекции, которые с 1988 года наполнили всю Москву. Отец Александр Володей, а потом и нами, воспринимался как святой. Вера отца Александра, его понимание Евангелия, его жизнь открывали и прокладывали пути и для нашей веры, понимания жизни».

Это свидетельство о жизни и духе «общения» многое открывает в понимании замысла отца Александра. Сплочение верующих происходило посредством совместной молитвы и той взаимопомощи, без которой мертва любая вера…

Глава 10
Новые условия жизни в приходе. Литературно-богословские труды на рубеже 1970–1980-х годов

После смерти отца Григория Крыжановского в 1977 году отец Стефан начал вступать в права настоятеля. Когда ввиду приближающейся Олимпиады 1980 года власти порекомендовали ему благоустроить церковь, стоящую на излюбленной туристами дороге в Загорск, он активно взялся за ремонт и реконструкцию храма. Была проведена большая работа, в результате которой к алтарю были пристроены ризница и кладовая, а к церкви — придел без алтаря. Вход в храм был расширен и обшит тесом. Отец Александр не навязывал своего участия настоятелю, предложив лишь украсить крыльцо храма «кокошником», что и было выполнено.

Инициативность отца Стефана распространилась затем и на внутрицерковную жизнь. В первую очередь он уволил алтарника, который славился необязательностью и халатностью по отношению к своим обязанностям. Затем из молодых прихожан отца Александра настоятель создал дополнительный хор (до тех пор церковный хор в Новой Деревне состоял в основном из старушек).

«Когда мы с братом только-только начали петь со старушками (еще не было молодежного „хора им. Романа Сладкопевца“, как его называл отец), это было как великая привилегия, хотя школа была суровой, — вспоминает Ольга Ерохина. — Регентша, свирепая Ольга Михайловна, точным и незаметным быстрым движением пихала тебя в бок, если зазеваешься и запоешь „не туда“. Со временем я перестала огорчаться, но вначале это было нелегко. Конечно, я всё сносила молча, но, видно, лицо меня выдавало, потому что однажды тихая безымянная старушка шепнула мне на ухо: „Уклонися от зла и сотвори благо“. Я запомнила это на всю жизнь и много спустя узнала эту фразу, услыхав ее в псалме. <…>

„И нашу нищету посети…“ — бормоталось, пелось внутри, когда отец Александр входил в убогую избушку, которую мы, тогда молодые

певчие, снимали невдалеке от храма, — и ярче начинал гореть огонь в камине (в который мы преобразовали печку), и воцарялось таинственное веселье вперемежку с твоим тайным, заранее знакомым подныванием сердца: ведь неизбежно настанет миг, когда он попрощается и уйдет, закроется калитка и дом померкнет…

Мне вспоминается пронзительная зимняя ночь, колкая от мороза. Рождество. Новая Деревня. Год? Примерно 1977–1978. Колкие звезды, небо черно.

…Наутро храм: мы поем вперемежку со старушками, мы слева, они справа, переглядываясь, понимая с полувзгляда — кому петь. Праздничная бодрость ответственности (когда поешь „пополам“ — это как-то особенно, если еще вспомнить наших волшебных старушек…). Отец Александр — лучи праздничного тепла, и какие-то им посылаемы лично тебе. Счастье. Московский народ прибывает и прибывает, густота лиц, шуб, морозные облака с каждым распахиванием двери. Кадильные облака.

Горячо любимый мною старушечий хор. Тетя Клава большая, Клава маленькая. Неистовая регентша Ольга Михайловна. Маня, Маруся, Анна. Мужчины: Евгений из Загорска, с рокочущим басом, рокочущий же Тимофей — он пел вибрато, если так можно выразиться. Иногда вставал к нам Федор Кузьмич, строгий и праведный алтарник. Кузьма Обрамыч — прежде он звонил в колокола, я не застала этого, при мне он уже ходил с палочкой, его как бы клонило к земле.

В конце вечерни (служили вечерню, а после, сразу, литургию) оба хора сходились вместе у праздничной иконы. В середине — отец Александр. Пение — столь разные голоса — полнило воздух храма, делало его сложным, это было как бы веществом воздуха, какой-то особой плотностью пребывания. Как передать?..

Очень я это любила. А потом, днем, быстро превращавшимся в сумерки, — в тот год или другой, не помню, — приходил к нам в избушку отец Александр, смотрел в огонь, говорил с нами. О чем — этого я передать не смогу, помню ощущение переполняющего счастья… Делал нам глинтвейн на огне».

«Неистовая регентша Ольга Михайловна» начала писать доносы на отца Александра, поскольку именно его считала основателем второго хора, который называла «еврейским». В своих доносах она

обвиняла отца Александра в намерении создать в Новой Деревне «не то греческую, не то еврейскую церковь». Досталось и старосте, которая стеной стояла за отца Александра. Начались вызовы в Совет по делам религий и к церковному начальству.

«Как раз в ту пору о. Александр рассказывал об алабинском периоде своей жизни и упомянул о добрых отношениях с местными властями, — вспоминает Зоя Масленикова о теме разговоров церковного начальства второй половины 70-х годов с отцом Александром.

— Ну вот, умели же вы с каждым найти общий язык. Что же с отцом Стефаном не нашли?

— Так ведь если я сидел и выпивал с милиционером, всё было легко и просто: передо мной хороший человек, и нет никаких преград, нас ничто не разделяет. А это сумасшедший. Никогда нельзя знать, что от него ожидать. Только что побеседовали с ним, договорились о чем-то, а при следующей встрече он ведет себя так, как будто никакой договоренности не было. Это непредсказуемое, неуправляемое поведение. От болезни, конечно. Тут полная несовместимость. Единственное остается — не обращать внимания, если не мешает».

Но отец Стефан все больше стремился проявить свою власть. В Загорске он получал немало антисемитской литературы наподобие «Протоколов сионских мудрецов» и все больше проникался мыслью о том, что русское православие губят сионисты и жидомасоны, проникшие в Церковь под видом священников и псевдобогословов. Отношение паствы отца Александра к настоятелю тоже не внушало радости отцу Стефану — по большей части им пренебрегали. В результате настоятель категорически запретил отцу Александру принимать свою паству в прицерковном домике и стал регулярно менять расписание служб, так что чада отца Александра, приезжавшие к нему на исповедь, часто попадали к отцу Стефану. По каждому ничтожному поводу настоятель резко выговаривал коллеге и писал на него доносы.

«Отец Стефан Средний, — плотный, долдонистый, дубоватый, чрезвычайно сварливый человек с тяжелым совиным взглядом и заплетенной сзади седоватой косичкой, — был как раз из тех, кто верил в мировой сионистский заговор, — вспоминает Владимир Илюшенко. — И как не поверить, если отец Александр, объект его

многолетней мучительной зависти, обвинялся в бесчисленных погромных изданиях, а особенно в распространявшемся среди духовенства анонимном „Письме священнику Александру Меню“[188], в том, что он — сионист, агент иудаизма, разлагающий нашу Православную Церковь изнутри, дабы заменить ее „Вселенской Церковью“, которая признает „истинным Христом израильского лжемессию — антихриста“. О. Стефан ухватился за эту дичь как за якорь спасения, и натравил наиболее темную часть местных прихожанок на отца Александра, организуя коллективные доносы на него во все мыслимые инстанции — от патриархии до КГБ. Отец не отвечал ему злом и все эти безобразия терпел».

В клеветнических материалах, которые стали появляться со второй половины 70-х, отца Александра называли «постовым сионизма» или «прокатолически настроенным» священником. И поэтому одна из любимых формулировок доносчиков состояла в том, что отец Александр «превращает церковь в синагогу».

«Не без помощи „добрых людей“ отцу Стефану попало в руки письмо анонима, — рассказывает Сергей Бычков. — Оно произвело на него впечатление разорвавшейся бомбы. В одной из проповедей летом 1981 года он обрушился на отца Александра с обличениями. Автор этих строк слышал эту проповедь — в ней смешалось всё: жиды, масоны, сионисты, разрушение Церкви, а вдохновителем всей этой „черной гвардии“ оказался отец Александр. Ясно было, что отец Стефан не понял длинного и мудреного письма, но ухватил суть — отец Александр разрушает Православие и не где-нибудь, на просторах необъятной России, а в новодеревенском приходе, под самым носом протоиерея Стефана Середнего! Меня эта проповедь возмутила. После литургии я подошел к отцу Александру и поставил его в известность, что намерен поехать к митрополиту Ювеналию[189] и просить его образумить настоятеля. <…>

Митрополит Ювеналий принял меня любезно, расспрашивал о проблемах прихода, внимательно и сочувственно выслушал мой рассказ о происшедшем. Я даже удивился подобной сердечности. Митрополит спросил меня — не могу ли я письменно изложить то, что рассказал ему. Я тут же сел и описал обличительную проповедь отца Стефана и мою реакцию на нее. С легким сердцем я вернулся домой. Но то, что ожидало меня на следующей литургии, вызвало шок. <…>

Придя в храм на литургию и поисповедовавшись, я отправился к причастию. Служил в то воскресенье отец Стефан. Когда я подошел к чаше, он не стал причащать меня, а попросил отойти в сторону и подождать. Когда он причастил всех, то подозвал меня на солею и объяснил, что причащать меня не будет, поскольку я жаловался на него митрополиту. Я не стал спорить, поскольку был ошеломлен — мне в голову не приходило, что священник может использовать причастие как орудие мести».

По воспоминаниям многих прихожан, служение с психически неуравновешенным отцом Стефаном было для отца Александра тяжелейшим испытанием. Мелочные придирки отца Стефана отравляли отцу Александру саму возможность погружения в службу, принося бескровную жертву во время литургического чина. Последние два года отец Стефан старался не пропустить ни одной службы отца Александра и находился на клиросе в то время, как отец Александр облачался в алтаре. Когда отец Александр подавал возглас из алтаря, то в этот момент в алтарь мог вбежать взбешенный отец Стефан и начать кричать, упрекая отца Александра в том, что он подал возглас, не надев поручи. Отец Александр, в поручах и епитрахили, вынужден был спокойно дожидаться, пока отец Стефан не выплеснет свое раздражение.

«Мы невольно сравнивали двух священников, — вспоминает Александр Зорин. — И результаты наших сравнений были неосторожны, если не сказать — бестактны. Например, проповеди отца Стефана мало кто слушал из москвичей, разговаривали, ходили по храму. Это обстоятельство не могло не уязвить оратора, который был старше чином и совершенно неконкурентоспособен. Или, например, в большие праздники выносили причастникам две чаши. Из одной окормлял отец Стефан, из второй — отец Александр. Почти весь приход тянулся ко второй чаше. И трудно, и стыдно было потом убеждать своих духовных сестер и братьев, что Христос в обеих чашах и что своим выбором мы вводим в соблазн настоятеля, а может быть, и ожесточаем его…»

А история с хором получила такое продолжение. «Конечно, ни бабушки, ни мы ничего за это пение не получали, — продолжает свой рассказ Ольга Ерохина, — И вдруг отец Стефан, который бывал на наших спевках и иногда сам их проводил, предлагает нам стать

„правым“, платным хором, чтобы старушки, наши учителя, стали „левым“, не основным, любительским. Мы, конечно, отказались. И что же вышло в результате нашей деликатности? Отец Стефан нанял за деньги хор из Загорска, совершенно жуткий, с напыщенным оперным репертуаром, с резкими, как звук ножа по сковородке, визгливыми голосами, уж совсем это пение было не молитвенное, для нас, прихожан, просто искусительное. <…> Но и мы по-другому поступить не могли: это было бы вопиющей бестактностью по отношению к старушкам, нашим наставницам. Вот так и оказалось, что нашему молодежному хору из числа прихожан, приезжавших к отцу Александру, не нашлось места».

Характерен эпизод в Семхозе, описанный Владимиром Юликовым, зятем отца Александра, и относящийся к этому периоду: «Однажды я приехал вечером, как обычно, домой и поднимаюсь по лестнице. Там, в простеночке, шкаф и коробочка с медикаментами. Стоит отец Александр. Лампочка под потолком. Достает таблетку, смотрит, что написано на упаковке, и забрасывает в рот. Потом другую. На третий раз я говорю: „Батюшка!“ Он говорит: „Ничего-ничего, организм сам выберет“. С Наташей обсуждаем: „Вот, суставы у него распухли, — да и температура 40, оказывается, с лишним, он померил“. А он говорит: „Жалко, бутадион кончился“. Я на всю жизнь запомнил это лекарство. Потому что утром вскочил — у меня рабочий день начинался в 7.30. Я рванул с утра пораньше, прилетел на работу, отпросился. Тут же купил — я же на машине — несусь назад. Мимо Новой Деревни еду. Внутренний голос говорит: поезжай в церковь. А я думаю: а чего ж туда ехать, его ж там нет — 40 температура, это же раннее утро, ну, сколько часов прошло — не может он там быть. Фюйть — мимо Новой Деревни. В Семхоз прилетаю. Опять интуиция: я подъезжаю, еще ворота не открыл, чувствую — дома никого нет. Захожу в калитку, вижу Ангелину Петровну. Она говорит: „Володя! Вы бы ему сказали это! Наташа уехала на работу, он встал, оделся, вышел на крыльцо, — не видит, что я с раннего утра в огороде вожусь, — взял грабли и, опираясь на них, дошел до калитки. Поставил грабли, закрыл калитку и дальше так и пошел“. Ну, развернулся, сел в машину. Будний день, шоссе пустое, двадцать пять минут у меня заняла езда. Вхожу. Литургия кончилась, ясно, в храм что идти? — в домик! Захожу, батюшка сидит как ни в чем не бывало, с кем-то беседует за столом. И

он мне сразу: „Вы привезли?“ Я протягиваю этот бутадион ему и говорю: „Но ведь 40 температура!“ Он говорит: „Но отец же Стефан болен“. А было известно, что отец Стефан уже две недели не служит (они же неделю один, неделю другой — в будние дни; в воскресенье вместе). А он служил две недели подряд, потому что у отца Стефана ОРЗ. Нельзя служить. Я говорю: „Да, но он две недели тому назад заболел, и у него ОРЗ“ (тогда всегда ОРЗ: давали такое заключение). А он говорит: „Да, но у него же больничный лист“. Но тут я уже не выдержал, и все присутствовавшие расхохотались тоже…»

«При о. Стефане, — вспоминает Александр Зорин, — батюшку стали исподволь отстранять от стола. Когда кухней ведала тетя Маруся, а старостой была Ольга, которая выделяла маленькую сумму на кормежку второго священника, отец Александр имел минимум пищи. А ему и надо минимум. Но вот „ушли“ из старост Ольгу, оттеснили от хозяйства тетю Марусю, и отец Александр остался без обеда. Иногда ему предлагали со стола о. Стефана, но чаще он довольствовался сухим пайком, который привозил с собой».

После запрета настоятеля принимать прихожан в доме при церкви отец Александр перенес большую часть работы с паствой за пределы церковной ограды. Теперь люди дожидались батюшку после каждой службы в доме неподалеку, который снимала его прихожанка. Он приходил бодрым и радостным, несмотря на все предшествующие труды, и каждому старался уделить время, беседуя с ним за перегородкой. Остальные терпеливо ожидали отца Александра за чаем или книгой. Здесь проходили оглашения и крестины, домашние беседы за общим столом и показы слайд-фильмов с последующим обсуждением. Здесь радостно отмечали церковные праздники и разговлялись после долгих постных дней. Но и этот дом через несколько лет стал объектом слежки, поскольку многолюдность и необычный уклад жизни в нем не остались незамеченными недоброжелателями. Для того чтобы не ставить под удар хозяев дома, отец Александр принял решение не устраивать столь многолюдных собраний в одном месте и дальнейшие встречи с прихожанами проводил уже в разных домах и квартирах в Москве и в Пушкине, а также на дачах в окрестностях Новой Деревни, которые в летний период охотно снимали москвичи и приезжие из других городов.

Травля настоятеля продолжалась несколько лет и довела отца Александра до того, что он обдумывал возможность перевода в Ленинградскую Духовную академию. Но известия о «небратских» действиях отца Стефана в конце концов привели к тому, что в 1983 году распоряжением митрополита Ювеналия отец Стефан был переведен в подмосковный Реутов.

Примерно в этот период отец Александр ответил на вопросы анкеты, которая в конце XIX века была предложена Афанасию Фету и Владимиру Соловьеву[190]:

Главная черта вашего характера? — Устремленность.

Какую цель преследуете в жизни? — Служение делу Божию.

В чем счастье? — В исполнении этого служения.

В чем несчастье? — Не выполнить его.

Самая счастливая минута в вашей жизни? — Их много.

Самая тяжелая минута в вашей жизни? — Тоже немало.

Чем или кем желали бы вы быть? — Самим собой, но имеющим больше сил и возможностей.

Где бы вы желали жить? — Где хочет Бог.

К какому народу желали бы вы принадлежать? — Пока доволен тем, что есть.

Ваше любимое занятие? — То же, что и у Маркса (копаться в книгах).

Ваше любимое удовольствие? — Получить новую хорошую книгу.

Долго ли вы хотели бы жить? — Пока не выполню всех планов.

К какой добродетели вы относитесь с большим уважением? — К широте и терпению.

Ваша главная привычка? — Писать.

К чему вы чувствуете наибольшее сострадание? — К старикам.

К какому пороку относитесь наиболее снисходительно? — Не знаю.

Что вы больше всего цените в мужчине? — Чувство ответственности.

В женщине? — Женственность и чуткость.

Ваше мнение о современной молодежи? — Разное.

О девушках? — Тоже.

Верите ли вы в любовь с первого взгляда? — Да.

Можно ли любить несколько раз в жизни? — Сомневаюсь, но, может быть, да.

Сколько раз были влюблены? — Не считал, очень мало.

Ваше мнение о женском вопросе? — Женщинам нужно дать сокращенный рабочий день с той же зарплатой.

Ваше мнение о браке и супружеской жизни? — Высокое.

Каких лет следует вступать в брак? — Всё равно, но лучше раньше.

Какое историческое событие вызывает ваше наибольшее сочувствие? — Все случаи геноцида.

Ваш любимый писатель? — Трудно сказать.

Поэт? — Пушкин, Данте, не знаю.

Любимый герой? — Не знаю.

Героиня? — Ундина.

Ваше любимое стихотворение? — Кое-что из Пушкина, Волошина, Лонгфелло.

Художник? — Боттичелли.

Картина? — Не знаю.

Композитор? — Не знаю.

Произведение музыкальное? — Реквиемы Моцарта и Дворжака, «Чистилище» Листа.

Каково настроение ваше сейчас? — Нормальное.

Ваше любимое изречение? — Суета сует.

Поговорка? — Все там будем.

Всегда ли следует быть откровенным? — Нет.

Самое выдающееся событие вашей жизни? — Их много.

Отец Александр не раз говорил о том, что свою работу над книгами видит продолжением служения Христу. В период с 1978 по 1980 год им были написаны комментарии к Евангелиям и Апокалипсису, впоследствии вошедшие в изданную в Брюсселе в первой половине 1980-х годов «полную» Библию. В эти же годы по частным просьбам соискателей кандидатской степени в Московской духовной академии отец Александр написал несколько диссертаций об эпохе Иисуса Навина, о ранних Отцах Церкви и др. С одной стороны, эти труды позволяли ему материально поддержать семью, поскольку оплачивались заказчиками. С другой стороны, они полностью

соответствовали последовательно проводимой им линии духовного просвещения.

В это же время батюшка работает над книгой об апостолах, которая первоначально планировалась им как начало новой просветительской серии «Лики святых», но впоследствии вошла в его труд «Исторические пути христианства». В этой книге отец Александр рассказывает о миссионерской деятельности апостолов, учеников Иисуса Христа, и о взаимоотношениях христианской Церкви и государства. Это книга о жизни апостолов и первых христиан, истории святых Стефана и Филиппа, апостола Варнавы, призвавшего Павла к проповеди в Сирии и на Кипре, и об испытаниях, которые выпадали на их долю.

И снова — труды в храме и в приходе, а по возможности — и за письменным столом, и всегда — во славу Божию… Вот как в одном из писем отец Александр описывает свой типичный день, названный им «одним днем из жизни сельского священника»: «…Встал он, болезный, рано утром, в пять, когда еще полумрак среди деревьев, и зашагал по тропке к поезду. А в блаженно пустой электричке дочитывал правило, молился по четкам и изучал кое-что, касающееся „дней древних“. А потом дорога к храму, и солнце, восходящее над полями и лесом. А потом полумрак и тишина и исповедь полтора часа: печали, грехи, сомнения, трудности житейские и внутренние. Всё может отнять лишь божественный огонь литургии, который расплавляет земную кору. Два-три слова в конце о празднуемой святой (Марии Магдалине), затем требы: панихида, молебны, крестины. Не успел покрестить, как везут покойника. Вокруг гроба вся семья: похожие и разные. Унесли гроб, робко приходит пожилая чета: хотят повенчаться на склоне дней. „Очень хорошо!“ — отвечает им и, пропуская неуместные слова (о чадах и прочем), совершает таинство, напоминая им о том, что теперь на них благословение Божие, хотя они и всегда были мужем и женой. Потом чужие заботы, проблемы и пр. А время идет, и уже вторая половина дня. Дорогу обратно по традиции нужно использовать для закупки корма. И блаженное возвращение в сад. Пока еще не холодно, садится бедный кюре за стол и вновь погружается в „дни древние“, во времена Хасмонеев и Иродов. А потом — проверять английский у сына, пилить дрова, поглядывая за забор, в даль, где виднеются золотые купола Лавры. Преподобный

всегда с нами. Потом все за стол, а перед сном, если есть что хорошее, смотрят все телевизор или читают. Правда, далеко не всегда бывают дни такие безмятежные. Бывают и черные, бывает и трудно. Но мы же должны благодарить за каждый день, отпущенный нам».

«Скажите, отец Александр, что является для вас главным: служение священника или литературная работа?» — спросили его в интервью. «Я это не могу разделить, — ответил отец Александр. — Всё, о чем мне приходится писать, тесно связано с моей деятельностью как священника. В частности, в своих книгах я стараюсь помочь начинающим христианам, пытаясь раскрыть на современном языке основные аспекты евангельского жизнепонимания и учения. Наша дореволюционная литература, к сожалению, не всегда понятна нынешним читателям, а иностранные книги обращены к людям с психологией и опытом иными, нежели наши. Поэтому постоянно существует нужда в новых отечественных книгах. Особенно для тех, кто недавно вступил на путь веры».

И отец Александр использовал малейшую возможность для того, чтобы писать, и был предельно требователен к своей литературной работе. «Я сжег десять тысяч собственных машинописных страниц, — говорил он. — Десять тысяч. Сжег. У меня есть такое сжигалище — „геенна“ домашняя на улице, я там жгу. Вот написал книгу одну — я ее сжег через месяц после того, как написал всю. Сел и начал писать заново. Что касается того, что у меня было, то я не удовлетворен очень многим. Очень многим… И именно из-за этого мне пришлось две книги заново переписать от начала до конца, хотя они уже выходили большим тиражом».

В конце 1970-х Александром Менем был переведен, а в середине 80-х озвучен и записан на магнитофонную пленку роман английского писателя Грэма Грина «Сила и слава». Почему отец Александр взялся за такое несвойственное ему до тех пор дело, как перевод романа? Почему его выбор пал именно на это произведение малоизвестного тогда в нашей стране писателя?

Отчасти дело здесь в том, что этот роман дает прямую историческую аналогию между отношением к верующим в России после октябрьского переворота и в Мексике начала XX века после антифеодальной революции. Новая власть в этой латиноамериканской стране поставила католическую церковь, а вместе с ней всех христиан,

в столь же тяжелое положение, как и то, в котором оказались верующие в нашей стране после прихода большевиков к власти. Но жестокие гонения, описанные в романе, не являются центром повествования. В центре книги — отношения человека и Бога. Посредством художественного перевода отец Александр стремился передать борьбу христианских и антихристовых сил в романе.

Главный герой книги — католический священник, который, несмотря на запрет властей, остается со своей паствой. Под страхом расстрела он тайно служит мессы, крестит, исповедует и причащает. При этом он отнюдь не являет собой вершину добродетели. Когда-то он был вполне благополучным человеком, но в романе предстает перед читателем «пьющим падре», ставшим таким от отчаяния и слабости. И всё же главный мотив в его жизни — это служение Христу и стремление к святости. Когда, преодолев горный хребет и множество испытаний, он пребывает в относительной безопасности в соседнем штате, он всё же отказывается от благополучного служения в местной церкви, а получив известие о том, что умирающий в горах хочет причаститься, отправляется назад исполнить свой долг и попадает в засаду. Священника расстреливают, но его смерть приводит к вере мальчика, бывшего свидетелем последнего пути священника.

Второй ключевой образ в романе — безымянный лейтенант полиции, вполне благополучный и борющийся за справедливость и равенство. Перед лейтенантом стоит задача «уничтожить последнего священника в штате» (вспомните слова Н. С. Хрущева: «Скоро я покажу вам последнего попа!»). Сама мысль о том, что остались еще в штате люди, верующие в милосердного и любящего Бога, приводит лейтенанта в бешенство. Его религия — это революция. На протяжении всего романа читателя сопровождает незримый диалог полицейского и священника, подобный вечному противоборству земного и небесного в душе каждого человека.

В переводе отца Александра к авторскому тексту прибавляются его мягкий юмор и собственный неповторимый голос; сохранившаяся аудиозапись, на которой он читает свой перевод, передает портрет и характер каждого героя романа таким, каким видит его переводчик. По сути, батюшка записал на аудиопленку моноспектакль по мотивам этого романа в обстановке своего дома, и бой часов, периодически звучащий на фоне его речи, напоминает нам о его домашнем укладе.

Обладая удивительным даром перевоплощения и вживаясь в образ каждого героя, отец Александр многократно усиливает глубинный смысл романа, донося до читателя главное — силу веры, живущей в душах людей несмотря ни на какие испытания, ибо, по словам Христа, «сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12: 9)…

На рубеже 1970–1980-х годов отец Александр пишет два фундаментальных труда — курс по изучению Ветхого Завета, получивший впоследствии название «Исагогика», и последний, шестой том истории религии, названный автором «На пороге Нового Завета».

Московская Духовная академия обратилась к отцу Александру с просьбой написать учебник «Опыт изложения основ ветхозаветной исагогики в свете работ русской библейско-исторической школы и новейших исследований». Выполняя этот заказ, отец Александр подготовил исследование ветхозаветных книг и ряда апокрифов на основе богословия Отцов Церкви и данных библейской науки, описывающее авторство, литературные особенности, обстоятельства и эпоху создания этих библейских текстов. В своем труде отец Александр принял Священную историю как канву для изучения библейских книг. В предисловии он поясняет, что «задача православной науки о Священном Писании состоит в органическом соединении историко-критического подхода с подходом к Библии как божественному Откровению. В силу различных причин этот двуединый метод, впервые примененный Б. А. Тураевым и другими православными исследователями, не получил еще должного развития в отечественной библеистике». И поэтому отец Александр преследует цель «хотя бы отчасти восполнить этот пробел и тем самым воздать должное „первопроходцам русской библейской критики“». «Исагогика», посвященная методике современного преподавания Ветхого Завета в духовных школах, написана с учетом новейших исследований западных библеистов, а также специфики русской православной школы, что особо подчеркивает отец Александр, ссылаясь на ректора Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже Алексея Князева. По мере прочтения «Исагогики» у читателя возникает целостная картина композиции библейских книг, составляющих Ветхий Завет, выстраивается внутренняя логика этой композиции.

Автор последовательно рассказывает о том, как Ветхий Завет был принят христианской Церковью, о значении слова «Библия», об отличии Откровения от открытий естественного разума и библейского понятия о Боге от других верований и о том, в чем заключена сущность Завета, показывая, что «библейская религия есть богочеловеческая, и венцом ее становится Богочеловек».

«Ветхий Завет — это не „Жития святых“ и не просто свод поучений, — пишет отец Александр, — а история богопознания, история, исполненная не только веры, озарений и взлетов, но мук, падений и измен. Ибо таков человек в своем падшем состоянии. Вот почему, в отличие от многих священных книг древности, Библия противоречива и драматична, как сама жизнь».

Одной из замечательных особенностей книги является то, что, несмотря на разделение глав на тематические параграфы, характерное для учебного пособия, вся книга в целом читается как единое захватывающее повествование. Она воссоздает живую картину ветхозаветной истории еврейского народа и показывает исторический фон событий, описываемых в Библии. Так же, как и любая другая книга отца Александра, «Исагогика» не оставит равнодушным даже читателя без специальной подготовки — настолько доступно и выразительно она написана.

Учебник не был принят ученым советом Московской Духовной академии, и даже спустя десятки лет «Исагогика» лишь неформально рекомендуется студентам отдельными преподавателями духовных семинарий и академий. Причину такого положения вещей, вероятно, лучше всего объяснил сам отец Александр в домашней беседе о роли Церкви в современном мире[191]: «Живые силы в Русской Церкви были постоянно. Об этом говорят сонмы святых, подвижников, богословов, проповедников, писателей. Но мы должны признаться, что жизнь их была исключительно трудной. Когда мы говорим „Оптина пустынь“, мы всегда упускаем, что оптинские старцы были гонимы от архиереев, высылались оттуда, считались людьми, состоящими в прелести, чудаками. Мы знаем, что лучшие религиозные философы и писатели запрещались в XIX веке к публикованию: Хомяков и Леонтьев, Владимир Соловьев и Чаадаев — все запрещались. И кого бы мы ни взяли: правого или левого, Леонтьева или того же Чаадаева, — все они

были как бы в оппозиции, все они были неугодны, потому что имели собственное мнение, имели собственные мысли».

Последний том истории религии, названный автором «На пороге Нового Завета», описывает историю религиозных поисков человечества на протяжении последних четырех столетий до Рождества Христова и, таким образом, завершает картину подготовки мира к появлению Сына Человеческого.

«Пусть нам не дано до конца проникнуть в тайны божественных замыслов, — пишет отец Александр, — но нельзя ли найти в самой истории духа объяснение тому факту, что хронологическая дистанция, отделявшая первых людей от Богочеловека, была столь огромной? Мир услышал Благую Весть в „последние дни“, то есть на исходе этого необозримого периода; а это значит, что на всем его протяжении род человеческий еще не был готов встретить Воплощенного лицом к лицу».

Если первые пять томов отца Александра, посвященные истории религии, повествовали о духовных поисках людей в отдельных географических регионах и в лоне конкретных культур, то в шестом томе автор рассказывает о том, в каком состоянии человечество в различных частях света подошло к появлению Христа: «Вместо своекорыстной магии явилось мистическое созерцание и доверие к благости Божества. Индия и Греция искали путей к Нему через экстаз, умозрение и отрешенность, Иран и Израиль — через волевую и сердечную преданность Творцу». Наступила эпоха, несравнимая по значению с эпохой появления основателей религий и великих учений, но колоссально значимая для перехода на качественно новый уровень религиозного сознания. «Отныне Индия не увидит уже человека, равного Будде, не родится второй Заратустра или Сократ. Завершился путь классической метафизики греков и израильского профетизма. Эллинистический мир становится той средой, где наследие реформаторов вступает в стадию распространения. Это пора эпигонов, популяризаторов, миссионеров» — так характеризует эту эпоху отец Александр.

При этом, как пишет отец Александр, «великая одиссея духа продолжалась. Новая волна религиозных исканий свидетельствует, что в человеке не угасла жажда истины, свободы и спасения. Принесет же их миру Тот, Кто сказал: „Я — Путь, Истина и Жизнь“».

Автор рассказывает о том, как в последние века до Рождества Христова продолжали распространяться мировые религии — о триумфе и кризисе буддизма в Индии, о расцвете духа просветительства в Греции после завоеваний Александра Македонского и распространении эллинизма по всему Средиземноморью, о ветхозаветных мудрецах Израиля, которые в этот период уже решительно отказывались примириться с узким пониманием принципов Торы и побуждали соотечественников по-новому взглянуть на себя и свои убеждения.

По мнению отца Александра, в этот период проявились сила и слабость существовавших к тому времени мировых религий, что придало импульс к поискам нового в духовной жизни людей. В частности, автор указывает на слияние во II веке до н. э. двух исторических источников: Библии и греческой философии: «Живя среди египтян, евреи и греки впервые как бы открыли друг друга. Знакомство с эллинской мыслью произвело в иудействе своего рода умственный переворот, который стал прологом к проповеди единобожия среди язычников и к эллинизации иудаизма». Таким образом, складывались предпосылки для восприятия Библейского Откровения западноевропейским миром.

Во второй части книги читатель встречается с миром древнеримской культуры. «Лишь незадолго до эпохи Александра римляне начинают входить в силу, а затем в какие-нибудь век-полтора превращаются в повелителей Средиземноморья, — пишет отец Александр. — Мало того, созданная ими империя простояла дольше всех, когда-либо существовавших на земле». Читателю постепенно открывается причина становления Рима центром западного христианства, городом апостолов и мучеников, и причина возникновения на римской почве наиболее жизнеспособных из первых христианских общин. За несколько десятков лет до прихода Спасителя в религиозной жизни римлян происходили важные изменения. «Если раньше римляне видели смысл жизни в исполнении гражданских обязанностей, то теперь такой взгляд перестал их удовлетворять. Человек как бы обретал наконец самого себя, все чаще задумываясь над собственной судьбой и ее значением. Откуда я пришел, для чего я живу, куда иду, что ждет меня после смерти? Вот вопросы, которые порождало новое мироощущение индивида.

Религиозные поиски в греко-римском мире означали, что личность ощутила свою силу и призвание, возвысившись над родовым началом. В религии уже не хотели видеть лишь средство для поддержания государства. К ней обращались за ответом на высшие запросы духа», — повествует отец Александр.

Тем временем иудейская диаспора со всей серьезностью осознала свое религиозное призвание и выдвинула множество миссионеров из своих рядов. По словам отца Александра, «соединение веры в единого Творца со строгой этикой и обетованием спасения как никогда отвечало чаяниям эпохи. Старый политеизм выдыхался, но при этом нарастала мистическая тревога, духовный голод, ожидание чуда и какой-то очистительной грозы…».

Наконец автор вводит читателя в мир Предтечи и Девы Марии, будущих апостолов и евангелистов — тот мир, в котором родился Спаситель и который стал местом зарождения новозаветной Церкви. «В мир, обуреваемый слепыми страстями, в царство духовного и физического рабства, обманутых толп, демагогии, распутства и бесчеловечности пришла Божественная Любовь».

Завершая это путешествие по вехам духовных исканий человечества, отец Александр как бы подводит итог: «Как белый цвет поглощает спектр, так Евангелие объемлет веру пророков, буддийскую жажду спасения, динамизм Заратустры и человечность Конфуция. Оно освящает всё лучшее, что было в этике античных философов и в мистике индийских мудрецов… К нему сходятся все дороги, им измеряется и судится прошлое, настоящее и будущее. Любой порыв к свету богообщения есть порыв ко Христу, хотя зачастую и неосознанный».

Книга «На пороге Нового Завета» вышла в издательстве «Жизнь с Богом» в 1983 году под псевдонимом Эммануил Светлов.

Глава 11
Мировоззрение и принципы пастырства отца Александра

Книги отца Александра Меня, его проповеди и письма, интервью, лекции и домашние беседы открывают во всей полноте картину его мировоззрения и понимания своей миссии в мире, а многочисленные воспоминания его прихожан помогают воссоздать и сформулировать основные принципы его пастырской деятельности.

Мировоззрение отца Александра сложилось еще в юные годы. На вопрос интервьюера: «Кто из богословов и писателей оказал на вас наибольшее влияние?» в 1975 году — отец Александр ответил следующее: «На первом месте я должен назвать Вл. Соловьева. Хотя многие его воззрения я не разделял, но он был моим настоящим учителем. А уже после него я изучал труды представителей русской религиозной философии. Бердяеву, Флоренскому, Булгакову, Франку, Лосскому и др. я очень многим обязан. Из западных авторов в начале моих занятий наибольшее влияние на меня оказали европейские философы докантовского периода, а также Бергсон и Кр. Доусон. Впоследствии, познакомившись с трудами Тейяра де Шардена, я обнаружил в его идеях много для меня близкого. Среди Отцов Церкви излюбленными остаются Апологеты, Климент Александрийский и Григорий Богослов»[192].

Портрет Владимира Соловьева всегда висел в кабинете отца Александра, и многие идеи этого замечательного мыслителя и философа были приняты им и в значительной степени развиты. Как это уже упоминалось ранее, замысел Владимира Соловьева о реконструкции истории духовных поисков человечества, развития религиозной мысли на разных континентах и в лоне различных культур был полностью реализован отцом Александром в его шеститомной монографии «В поисках Пути, Истины и Жизни». «Ни одно звено религиозно-исторического процесса в концепции Соловьева не исключается полностью, а все они обретают свое место в последнем синтезе дохристианского мира, когда происходит встреча

Ветхого Завета с восточной и античной мыслью (александрийская философия). Полнота же восприятия человеком Безусловного как Личности осуществляется в центральном событии истории — явлении Богочеловека», — пишет отец Александр в статье «Христоцентрическая интерпретация»[193].

В ответ на просьбу Зои Маслениковой рассказать о своем духовном пути отец Александр написал следующее: «…я плохо понимаю резкое деление на „светское“ и „религиозное“. Для меня это термины в высшей степени условные. Хотя в детстве мне объясняли, что есть „особенные“ предметы и темы, но это скорей вытекало из условий жизни среди чуждых по духу людей. Постепенно это деление почти потеряло смысл, поскольку всё стало на свой лад „особенным“. Любая сторона жизни, любая проблема и переживание оказались непосредственно связанными с Высшим.

Жить так, чтобы „религия“ оставалась каким-то изолированным сектором, стало немыслимым. Поэтому я часто говорю, что для меня нет, например, „светской литературы“. Всякая хорошая литература — художественная, философская, научная, — описывающая природу, общество, познание и человеческие страсти, повествует нам об одном, о „едином на потребу“. И вообще нет жизни „самой по себе“, которая могла бы быть независимой от веры. С юных лет всё для меня вращалось вокруг главного Центра. Отсекать что-либо (кроме греха) кажется мне неблагодарностью к Богу, неоправданным ущерблением, обеднением христианства, которое призвано пронизывать жизнь и даровать „жизнь с избытком“.

Мне всегда хотелось быть христианином не „при свечах“, а при ярком солнечном свете. Меня не привлекала духовность, питающаяся ночным сознанием, имеющая оккультный привкус (хотя и под православной оболочкой). Я всегда ощущал, что „вне“ Бога — смерть, рядом с Ним и перед Ним — жизнь. Он говорил со мной всегда и всюду. Собственно, это редко выражалось в каких-то „знамениях“, да я и не искал их. Всё было знамением: события, встречи, книги, люди. Именно поэтому я мог и любил молиться, где угодно, чувствуя присутствие Божие в самой, казалось бы, неподходящей обстановке. Помню, однажды такое чувство особенно сильно вспыхнуло во мне, когда сидел в саду напротив Большого театра (и таких случаев было много).

Но если уж говорить о каких-то моментах особого подъема, то они связаны с Евхаристией, природой и творчеством. Впрочем, для меня эти три элемента нераздельны. Литургию всегда переживаю космически и как высшее осуществление даров, данных человеку (то есть творчества и благодати).

О природе я упомянул не случайно. Созерцание ее с детства стало моей „теологиа прима“. В лес или палеонтологический музей я входил, словно в храм. И до сих пор ветка с листьями или летящая птица значат для меня больше сотни икон.

Тем не менее мне никогда не был свойственен пантеизм[194] как тип религиозной психологии. Бог явственно воспринимался личностно, как Тот, Кто обращен ко мне. Во многом это связано с тем, что первые сознательные уроки веры (в пять лет) я получил, знакомясь с Евангелием. С тех пор я обрел во Христе Бога, ведущего с нами непрерывный диалог»[195].

Таким образом, Христос — центр жизни отца Александра с детства, и служение Ему не прекращалось никогда — в работе священника, написании книг, общении с любой аудиторией, в семье и в быту.

«Еще раз повторю: все вращалось вокруг одного стержня, — продолжает отец Александр. — Я не желал оглядываться назад, поскольку рука уже лежала на плуге. Бог помогал мне явным и неприметным образом. В багаж для будущей работы шло всё: занятия искусством, наукой, литературой, общественные дела. Даже трудности и испытания оказывались промыслительными.

Хотя со стороны могло показаться, что молодой человек просто имеет большой диапазон интересов, но на деле они были подчинены единой цели. Некоторые юноши в этом возрасте, живя церковной жизнью, нередко склонны отрясать прах всего „светского“. Быть может, и я переболел такой болезнью, но не помню этого. <…>

Многие наставники моей юности были связаны с Оптиной пустынью и с „маросейским“ приходом отцов Мечевых. В этой традиции больше всего меня привлекала открытость к миру и его проблемам. Настойчивый голос твердил мне, что, если люди уходят в себя, не несут свидетельства, глухи к окружающему, — они изменяют христианскому призванию. Я узнал силу молитвы, но узнал также, что сила эта дается для того, чтобы употреблять ее, действуя „в миру“.

Принятие сана (в 1958 году) не переживалось мной как переломный момент, а было органическим продолжением пути. Новым стала Литургия…

С теневыми сторонами церковной жизни наших дней я столкнулся рано, но они меня не „соблазняли“. Я принимал их как упрек, обращенный ко всем нам. Как побуждение трудиться. Харизмы „обличительства“ у меня никогда не было. Однако обывательское, бытовое, обрядовое православие огорчало. Стилизация, елейность, „вещание“, полугипнотические приемы иных людей представлялись мне недостойным фарсом или потворством „старушечьей“ психологии, желанию укрыться от свободы и ответственности.

Было бы ошибкой думать, что меня миновал соблазн „закрытого“, самоуспокоенного христианства, обитающего в „келье под елью“, что мои установки целиком продиктованы характером. Напротив, мне не раз приходилось преодолевать себя, повинуясь внутреннему зову.

Мне неоднократно была явлена реальность светлых и темных сил, но при этом я оставался чужд „мистического“, или, точнее, оккультного любопытства.

Я слишком хорошо сознаю, что служу только орудием, что всё успешное — от Бога. Но, пожалуй, нет для человека большей радости, чем быть инструментом в Его руках, соучастником Его замыслов»[196].

Основу своего мировоззрения, свое кредо, отец Александр изложил в другом письме Зое Масленниковой. В нем он пишет о том, что вера, которую он исповедует, есть христианство как динамическая сила, объемлющая все стороны жизни, открытая ко всему, что создал Бог в природе и человеке. Христианство воспринимается отцом Александром не столько как религия, которая существовала в течение двадцати столетий минувшего, а как Путь в грядущее, Путь, который видит в вере не теоретическое убеждение, а доверие к Богу. В своем «Кредо» отец Александр снова и снова говорит о том, что любовь к Богу и людям первична, в то время как обрядовые формы благочестия важны, но вторичны. Он утверждает, что подлинное христианство не боится критически смотреть на прошлое Церкви и расценивает все бесчеловечные эксцессы христианского прошлого и настоящего как измену евангельскому духу и фактическое отпадение от Церкви. Христианство исповедует свободу как один из важнейших законов духа, рассматривая при этом грех как форму рабства. Христианство

«аскетично» не столько тенденцией бегства от мира, сколько духом самоотвержения, борьбой с «рабством плоти», признанием господства непреходящих ценностей. По мысли отца Александра, христианское призвание человека реализуемо во всем: в молитве, труде, созидании, действенном служении и нравственной дисциплине. Свое «Кредо» он называет в письме лишь одним из преломлений христианства изначального, древнего и, по слову Златоуста, «присно обновляющегося».

Несмотря на то, что здесь приведены лишь некоторые важнейшие черты христианства, сформулированные отцом Александром в его «Кредо», они явственно выражают то главное, чему он посвятил всю свою жизнь.

Противостояние магизма и единобожия, исследованию которого отец Александр посвятил второй том своей «Истории религии», по его мнению, продолжается и в наши дни, поскольку язычество часто проявляет себя на бытовом уровне у людей даже, казалось бы, воцерковленных: «…Скажу только кратко о магическом отношении к культу, о попытке „заработать“ у Бога при помощи произнесения какого-то количества молитв или совершении каких-то внешних действий. Вот молящийся говорит: „Я же тебе делал то-то и то-то, Господи, а что ж Ты мне в ответ ничего не даешь?“ — это отношение к Богу порой становилось грубым. Человек мог думать, что с крестом можно идти в агрессивный поход, кого-то сжигать, уничтожать города, что можно таким образом, например, отвоевывать Гроб Господень»[197]. Вот однозначный ответ отца Александра на подобные проявления язычества: «Язычество нам всегда легче, естественная религиозность всегда проще. Она свойственна людям. И часто то, что люди выдают за православие или другую христианскую религию, есть просто естественная религиозность, которая является своего рода опиумом для народа. Она работает как вид духовной анестезии, является типом приспособления человека к окружающей среде. И тогда над всем этим миром можно выставить лозунг: „Блажен, кто верует, тепло ему на свете“»[198].

Свое отношение к магии отец Александр четко выразил в книге «Истоки религии»: «Магия исходит из мысли, что всё в мире, в том числе и Божественное, связано жесткой причинно-следственной

связью, что определенные ритуалы могут дать в руки человека рычаг управления природой и богами».

Таким же однозначным является отношение отца Александра к теософии: «Теософия всех видов претендует на создание некоей панрелигии, которая якобы соединяет все религии в себе. Я считаю, что это самообман. Все теософские доктрины оказывались современной модификацией, как бы подновлением современных индийских доктрин, почти все они целиком связаны с Индией. Если вы хотите познакомиться с индийскими великими учениями, я рекомендую вам читать „Бхагавадгиту“, Упанишады, а не эти, так сказать, „переделки“»[199].

Позиция отца Александра по отношению к эзотерике и оккультизму выражена, например, в таком его отзыве о Рудольфе Штейнере: «Штейнеру не удалось приблизить теософию к христианству, потому что для него в его видениях Христос стал Богом, исходящим с Солнца, солнечным Божеством. Это, так сказать, локальное планетарное явление, конечно, не может быть сопоставимо с тем, что мы открываем в Евангелии»[200].

Проповеди и лекции отца Александра были всегда нацелены на конкретную аудиторию. Поистине, «глаголом» он «жег сердца» людей. У него был удивительно теплый и волнующий голос, никого не оставлявший равнодушным. Существует музыкальный анализ интонационного построения проповедей отца Александра, выполненный композитором Олегом Степурко. Он указывает на музыкальность его фраз, на их сравнимость с музыкой Мусоргского. В его интонациях были заключены огонь и биение сердца. «Во время проповедей батюшки на наших глазах совершалось чудо непосредственного обогащения Церковного Предания, — вспоминает Андрей Еремин. — Ибо отец Александр излагал вечные евангельские истины на языке нашей эпохи. При этом батюшка передавал свою веру не просто словами, но всей своей жизненной силой, которая шла от него, как электрический ток, по невидимым проводам к душе каждого слушателя. Как-то он сказал мне, что именно ощущение этих невидимых „нитей“, идущих от сердца проповедника к сердцам слушателей, является важнейшим условием настоящей проповеди, условием куда более значимым, чем знание законов психологии и ораторского искусства»[201].

Стилистика его выступлений перед интеллектуалами и перед деревенскими старушками отличалась лишь потому, что отец Александр всегда ставил перед собой цель быть максимально понятным и донести Слово Божие до каждого. Его выступления были образцом мастерского владения словом, речь была наполнена глубоким философским содержанием, богата образами, заимствованными из мировой литературы, ссылками на полотна прекрасных художников. Но также легко он мог использовать в своей речи и простонародные и даже сленговые выражения, чтобы быть лучше понятым теми людьми, которые слушали его в данный момент. Именно этим объясняется значительно более простой и доступный для восприятия самыми простыми людьми язык его проповедей и общих исповедей, произнесенных в храме, по сравнению с языком, которым написаны его книги, адресованные более образованным людям.

«Его проповеди всегда были потоком — не потоком сознания, а потоком духовной лавы, которая горит, но имеет берега, — пишет Владимир Илюшенко. — Когда он возглашал: „Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа!“, его голос звенел, как голос древнего пророка, и вы сразу переносились из мира обыденности в иной мир, „где нет болезни, печали и воздыхания“».

Но главными особенностями проповедей отца Александра были проникновенность чувства, сердечное тепло и сопричастность Христу — об этом вспоминают почти все его прихожане.

Какой глубокой поэтикой наполнена, например, его проповедь в день Благовещения Пресвятой Богородицы и как сильно проникают его слова в душу каждого:

«Какое прекрасное слово — Благовещение! Оно означает самую суть, самое существо нашей веры — Благую Весть, Радостную Весть. Все вы знаете, что в любом храме на царских вратах всегда можно увидеть изображение Благовещения: Матерь Божию и Архангела Гавриила.

В то самое благословенное утро (возможно, это была ночь, а может быть — полдень — мы не знаем), когда Дева Мария находилась одна, Ей открылась тайна Ее материнства. Среди вас многие — матери, многие носили детей под сердцем. И все вы помните, что в это время были и тревоги, и ожидания, и молитвы, и радость. И вот подумайте,

что пережила Пречистая Дева Мария, когда Ей было суждено дать жизнь Господу Иисусу, Спасителю всех нас».

Отец Александр не скрывал своего еврейского происхождения, но также никогда не подчеркивал его. Отвечая на вопросы слушателей после одной из лекций, он сказал: «Я совершенно чужд национальных предрассудков, я люблю все народы. Но я никогда не отрекаюсь от своего национального происхождения, и то, что в моих жилах течет кровь Христа Спасителя и апостолов, доставляет мне только радость. Это для меня просто честь»[202].

На вопрос об отношении к другим христианским вероисповеданиям отец Александр ответил следующее: «Отношение мое сложилось не сразу. Но путем долгих размышлений, контактов и исследований я пришел к убеждению, что Церковь по существу едина и разделили христиан главным образом их ограниченность, узость, грехи. Этот печальный факт стал одной из главных причин кризисов в христианстве. Только на пути братского единения и уважения к многообразным формам церковной жизни можем мы надеяться вновь обрести силу, мир и благословение Божие»[203]. При этом под экуменизмом отец Александр понимал возможность открытого контакта и диалога различных христианских вероисповеданий: православия, католичества и протестантизма, а никак не слияние их в одну мировую религию[204]. «Научи нас видеть братьев в тех, кто мыслит иначе, чем мы, в иноверцах и неверующих», — молил он Господа[205]. В своем «Письме об экуменизме» от писал: «Как быть, если видишь у инославных христиан нечто воистину достойное и прекрасное (горячую веру, живую молитву, чистоту жизни, общинность)? Ответ один: благодарить Бога за этих людей и молиться о том, чтобы и мы умножали в своей среде эти черты и дарования». В то же время отец Александр всегда говорил о том, что его подлинным идеалом является православие «с человеческим лицом», и когда кто-то сказал ему о своем раздражении по отношению к православию, батюшка ответил: «Но ведь православие — это мы с вами»[206].

Отец Александр неоднократно говорил о том, что идти за Христом возможно только *вместе*, потому что «духовное развитие человечества должно существовать не как частное дело только отдельных индивидуумов, а как нечто, соединяющее людей»[207]. В этом, по убеждению отца Александра, состоит главная цель существования

Церкви: «Церковь является инструментом Христа, инструментом христианства. Она обязана проповедовать то, что Христос нам дает. Она должна продолжать Его жизнь на земле — проповедь, служение и воплощение — через таинства, то есть ее присутствие должно быть присутствием Христа в мире»[208].

Батюшка обращал особое внимание на грех осуждения других людей. «Отец Александр — единственный человек на моей памяти, который точно следовал заповеди „Не судите“ (Мф. 7: 1–2) и исполнял эти слова Христа, — вспоминает Андрей Еремин. — Я никогда не слышал от него ничего осудительного даже тогда, когда приходилось говорить о людях, причиняющих ему зло.

Я знаю человека, который буквально вел войну против батюшки, плел интриги, но когда я стал вслух осуждать его, то батюшка так посмотрел на меня, что я устыдился своих слов».

Как вспоминают многие прихожане Новой Деревни, отец Александр умел не видеть зла в человеке и принципиально отказывался анализировать своих друзей и знакомых. В результате многие его подводили, но такая позиция позволяла избегать самой возможности осуждения. Батюшка знал, что человек не способен подставить свои раны под исцеляющие лучи благодати, если он осуждает кого-либо.

«Осуждение, — говорил батюшка, — есть затор на пути к очищению сердца. И вот всегда надо помнить, что если дорогу перегородить, то не сможет пройти никакой транспорт; если постоянно осуждать, то твоя дорога в Царство Божие закрыта».

На вопрос Юлии Николаевны Рейтлингер о посмертной судьбе ее любимой собаки отец Александр ответил в письме так: «Нам это не открыто, но разум может подсказывать разные идеи. Кое-кто полагает, что у животных есть бессмертная коллективная душа (для всех живых существ или видов). Другие думают, что человек, любящий собаку, может наделить ее душу чертами бессмертия. Я думаю, что бессмертным (в каком-то плане) становится всё, что втягивает человек в свою духовную сферу, в том числе, м. б., и произведения искусства. Где-то, быть может, создаются миры вечной красоты и вечной жизни, которые сплетаются из ростков, поднявшихся на земле».

Отец Александр не занимался политической деятельностью, считая, что прямое вмешательство в политическую жизнь в стране

уводит от главного дела, которому он посвятил себя, — служения Христу и катехизаторской работы. Он также не поддерживал участия Церкви в политической борьбе: «Церковь — это союз духовный, а политика — это нечто совсем иное»[209]. Поэтому те, кто искал в приходской жизни новодеревенского храма политики и диссидентства, не задерживались в приходе надолго.

Однако, не будучи диссидентом и не поддерживая диссидентские настроения в своем приходе, отец Александр духовно окормлял и поддерживал многих несогласных с существующим политическим режимом людей. Так, в конце 60-х он хранил у себя труды Солженицына, в связи с чем в его доме не раз проводились обыски. Более того, когда после смерти академика Сахарова[210] в декабре 1989 года Андрей Еремин оказался во время службы с отцом Александром вдвоем в алтаре и спросил его, не надо ли ему теперь стать на место Сахарова, чтобы «консолидировать демократически настроенных людей», то был поражен, услышав от него задумчивое: «Да, может быть, мне придется это сделать». Отец Александр считал, что внутренние политические проблемы в стране часто неотделимы от проблем нравственных. «Свобода совести, — говорил батюшка, — это проблема еще и нравственная, и мы всегда ее защищаем так же, как защищаем и демократические принципы».

Очень важным для Церкви отец Александр считал появление как можно большего числа хороших православных священников. В середине 1970-х годов он считал, например, что отец Дмитрий Дудко открыто проповедует монархизм, что являет собой не религию, а политику, но с другим знаком. «А России нужны просто хорошие честные священники-труженики. Чтобы они могли просветить народ. Без идей-фикс. Просто учащие людей православию, приводящие их ко Христу. И ничего более», — приводит слова отца Александра Андрей Бессмертный-Анзимиров.

Однако отец Александр имел четкую позицию в отношении современной ему политики властей, а также правителей прошлого. В частности, сталинский «культ личности», по мнению отца Александра, стал возможен только в условиях духовного вакуума в стране: «Об исторических религиях можно иметь разные суждения и оценивать их по-разному, но в отношении культа Сталина двух мнений быть не должно, если мы не хотим снова вернуться в кровавый хаос. Пусть

даже остаются теперь люди, которые напоминают нам, как бойцы шли в атаку с именем Сталина; очевидно, что они имели в виду вовсе не реального Иосифа Джугашвили, а политический фантом, суррогат извечной идеи божества»[211].

Говоря об истории Церкви в России, отец Александр отмечал, что и в более далеком прошлом Россия являла собой трагический пример подчинения Церкви государству: «Русская Православная Церковь с XVIII века находится под пятой самодержавного государства, которое делает все для того, чтобы эту Церковь растлить, унизить, сделать своим ручным псом, отравить ее. Главой Церкви объявляется император. Екатерина II пишет, что отныне она является главой Церкви. Священники становятся платными чиновниками государства, тайна исповеди разрушается: священники обязаны доносить о том, что им говорят на исповеди, если это касается государства. Дети духовенства не допускаются ни в какие учебные заведения, кроме семинарий. Разрушается вера, потому что она насаждается насильно»[212].

«Он не был политиком, — пишет Владимир Илюшенко, — но смотрел гораздо дальше политиков и видел то, что им было недоступно. Он очень точно оценивал социальную ситуацию. Его анализ был кратким, исчерпывающим и безошибочным. Все его предсказания сбывались. Христианский взгляд на мир позволял ему рассматривать земную жизнь как мистерию, как грандиозную битву Добра и Зла. Он как никто осознавал глубокое извращение человеческой природы, вытекающее из попрания духовного начала.

По своим убеждениям отец Александр безусловно был демократом, однако он не мыслил себе демократии без опоры на духовно-нравственный идеал. Именно поэтому он чрезвычайно высоко оценивал деятельность Андрея Дмитриевича Сахарова. Однажды он сказал: „Для меня Сахаров — знамение надежды. Наш мир и страна спасутся потому, что праведники есть. Они и спасают нашу страну и всю нашу Землю от гибели“»[213].

По мнению отца Александра, государство и Церковь должны существовать отдельно, однако Церковь должна иметь право голоса в моральной оценке конкретных действий правительства: «…Есть ли противоядие, способное предотвратить рецидивы „культа“? Думается, оно связано с честным и последовательным принятием принципа

секулярного государства, которое служит интересам граждан независимо от их вероисповедания».

Отец Александр был непреложно уверен в том, что эпоха христианства только начинается в современном мире и что в христианской вере есть много новых, еще не открытых нами возможностей: «Христианство похоже не на печку теплую, а на какой-нибудь ядерный реактор, внутри которого происходят непостижимые для человека реакции, которые стимулируют огромные процессы, зависящие от этого ядра. Значит, такая цель — найти в себе истинное христианство; я подчеркиваю: найти в себе»[214]. Он верил в поступательный процесс эволюции веры человека: «…Для меня религиозное мировоззрение иначе не мыслится, как в плане эволюции»[215].

В этом отношении взгляды отца Александра очень близки к теории христианского эволюционизма Тейяра де Шардена, в котором, по собственному признанию, отец Александр нашел «родственную душу»: «Сосредоточивая свое внимание на будущем человека и Вселенной, Тейяр отнюдь не был отвлеченным мыслителем. Его подлинно христианский оптимизм заражен неистощимой созидательной энергией. Его доверие к бытию, доверие к Богу вдохновляет и вселяет надежду. Всё прекрасное, творческое, пронизанное любовью, что осуществляется на Земле, есть для Тейяра „знамение времени“, предвестие грядущего преображения. Он пророк прогресса, но не ложного, чисто внешнего, а устремленного к Царству Божию. Он видит эволюцию и развитие человечества глазами веры»[216]. При этом отец Александр неоднократно подчеркивал, что разум и способность к духовным поискам и творчеству даны человеку как дар, а не как результат эволюции: «На человеке печать эволюции, его кровной связи с природой. Он проходит всю эволюцию в эмбриональном состоянии. <…> „Образ и подобие“ Творца — это способность человека к творчеству, его свободная воля, разум, личностное начало, самосознание — то, что дано человеку как дар, а не является результатом природной эволюции»[217].

Отец Александр предлагает следующее толкование первородного греха: «…Человек на своей животной стадии находился в тесной связи с природой, он был органической частью природы, какой является любое другое живое существо. И вот, когда в нем проснулось духовное

начало, когда в нем проснулся его разум, когда в нем проснулись человеческие свойства, они его отторгли от природы. <…> Отсюда и возникает то, что мы на языке богословия называем *грехом.* <…> …На самом деле объяснение это упрощенное и недостаточное. Дело в том, что если бы речь шла только об отрыве от природы, нарушения больше бы касались нашего физического состояния. Дело в его духовном состоянии. И для нас ответ древней библейской мудрости совершенно ясен: человек оторвался не только от природы и не *во-первых* от природы — он оторвался от самого Источника жизни, от духовного Источника жизни. Болезнь поразила его духовное существо. Это то, что мы называем первородным грехом человека, или грехопадением. С этим человек живет (любой из нас), как он живет с данными своей наследственности, как он живет со своей причастностью к роду человеческому. И он воюет в себе с этим, воюет в окружающем мире и призван это одолевать. Сам, с помощью свыше, но сам! В этом величие человека, в этом его положение как царя природы»[218].

При этом так же, как и Владимир Соловьев, под Адамом отец Александр понимает, в сущности, весь человеческий род: «Сущность Грехопадения — не в чьей-то отдельной вине, а во всеобщем человеческом отпадении, ибо, как говорит апостол Павел, в нем (то есть Адаме) „все согрешили“ (Рим. 5: 12). Именно поэтому мы несем на себе печать трагического разрыва бытия и можем сознавать себя участниками Грехопадения. Оно совершилось на уровне, превышающем индивидуальное сознание, но охватывающем весь вид в целом. Поэтому каждый рождающийся в мир человек причастен греху, будучи „клеткой“ общечеловеческого духовного организма»[219].

«Память смертная» была одной из центральных тем проповедей и катехизаторских бесед отца Александра, и в его словах на эту тему всегда звучала надежда на те удивительные возможности, которые скрыты за гранью земного: «…Учение о бессмертии является важным движущим фактором той ответственности, которую человек несет за себя, за других, за свои деяния, за свои слова. И даже мысли. В человеке спрятаны, скрыты, закодированы величайшие возможности, огромные, превосходящие вообще всю нашу земную жизнь. Поэтому раскрытие этих возможностей ожидается лишь в процессе бесконечной эволюции, бесконечного становления духа. А бесконечное становление здесь, на земле, невозможно»[220].

При этом, по словам отца Александра, «вера в бессмертие помогает личности искать нравственной реализации, целеустремленно развивать в себе открытость и силы действенного добра»[221].

Отец Александр считал, что христианину свойственно верить не столько в бессмертие души, сколько во всеобщее воскресение: «Верим же мы не столько в бессмертие (по Платону и др.), сколько в воскресение (о нем говорит „Символ веры“). Это чаяние — одно из самых грандиозных и захватывающих и в то же время — самых трудных в христианстве. Трудность его в том, что бессмертие в какой-то мере раскрывается в умозрении и опыте, а воскресение — чудо. Об этом писал еще во II веке Афинагор. Проблема заключается в том, как научиться по-новому говорить об этой тайне»[222].

Особое значение отец Александр придавал готовности человека к смерти, состоянию, в котором человек подходит к черте, разделяющей его земную и будущую жизнь: «…надо человеку говорить о приближающейся смерти. Но если вы видите, что человек настолько хрупок, что он не выдержит этой правды, надо не обманывать его, а надо сказать ему по-другому. Как Сократ, когда люди плакали перед его смертью, говорил: „Что же вы плачете, разве вы не знаете, что я и раньше был приговорен к смерти, что все мы умрем рано или поздно?“

Значит, надо сказать, что жизнь земная кончается, но для тебя это не кончится, поэтому надо быть готовым, как раньше говорили люди, „привести в порядок свои дела“. У одного святого есть даже рекомендации: раз в году устраивать себе подготовку к смерти — исключительно полезно. Надо считать, что вот этот пост — это твой последний пост в жизни. Что надо сделать? Отдать долги, выполнить то, что не выполнил, помириться с тем, с кем находишься в конфликте, сделать так, как будто у тебя еще есть время, но оно уже ограничено. <…>

Когда средневековый человек научился культуре смерти, он, конечно, достиг очень многого. Когда к умирающему приходили дети, родные и он при чтении молитв, при зажженных свечах торжественно прощался с ними, он понимал священность и важность этой минуты».

Последние два года жизни Вера Яковлевна Василевская в беспамятстве провела в больнице. «В каком-то смысле она ушла из жизни — до смерти, — пишет о последнем периоде ее жизни отец Александр в письме Юлии Николаевне Рейтлингер. — Я бы сказал, что

она, не расставаясь с телом, прошла через чистилище. Быть может, это даже легче, чем по ту сторону. Не случайно, что никому из близких она почти не снилась. Я убежден, что это связано с ее быстрым „восхождением“ в иные измерения. Она была подобна воздушному шару, который только трос удерживает от полета». Отец Александр не только чувствовал душу уходящего человека, но был убежден в том, что даже под покровом разрушенной психики в глубине сохраняется ядро личности.

Когда в 1979 году умирала его мама, Елена Семеновна, он читал над ней отходную и не выпускал ее головы до последнего вздоха. «Ее жизнь была цельной на редкость, вся отданная Христу… сколь многим я ей обязан, — писал отец Александр Юлии Николаевне Рейтлингер. — У нас была общая жизнь, общий дух…» После смерти Елены Семеновны он один был беспечален. «Ее душа была в моих руках. Понимаешь?» — почти ликуя, сказал он в тот день Ольге Ерохиной.

Огромное значение отец Александр придавал развитию творческого начала в человеке и влиянию культуры на духовный рост личности. Он часто сам открывал, «прозревал» новые творческие способности своих прихожан, стараясь всячески их развивать, делая все возможное для того, чтобы человек реализовал свое дарование. Батюшка был убежден в том, что такая реализация внутреннего потенциала придает мощный импульс духовному росту человека и Господь принимает участие в его творческом самовыражении. Рядом с отцом Александром люди начинали писать книги и иконы, сочинять стихи… Так, поэт и киносценарист Владимир Файнберг, будучи постоянно вдохновляемым отцом Александром, написал роман, который много лет в «зачаточном состоянии» лежал в его столе, и впоследствии до конца своей жизни продолжал писать интереснейшую прозу, а программист Наталия Ермакова стала замечательным иконописцем после того, как отец Александр открыл в ней дар художника.

Лев Покровский так рассказывает об отношении отца Александра к науке: «Я высказывал ему сомнения — очень распространенные: что вообще наукой не надо заниматься, что все это мудрование, от лукавого. <…> Отец Александр никогда ничего подобного не говорил. Он всегда поощрял научное творчество и ссылался на Сергия

Радонежского, который всегда был сторонником того, чтобы люди обучались, то есть занимались наукой, всякими знаниями. Я ему говорил про Иоанна Кронштадтского, к которому у отца Александра и его семьи особое отношение — оно известно, и который прямо осуждал занятия наукой. Но он всегда меня поддерживал».

«Он всячески поощрял творческий рост, считая, что в этой жизни человек должен стремиться к максимальному развитию своей души, своих дарований. Сам обладая огромным духовным и душевным богатством, он умел искренне радоваться способностям и успехам других людей. Причем он радовался за них так, как они сами за себя не радовались», — вспоминает об отце Александре Андрей Еремин.

Говоря о культуре, отец Александр в первую очередь задавался вопросом о том духовном влиянии, которое она оказывает на человека: «Когда мы говорим о началах любой культуры, мы должны прежде всего задать себе вопрос не о том, какие материальные формы ее куют, а о том, какой дух лежит в ее основе. <…> Вот поэтому мы с вами сегодня хотим заглянуть в историю духовности, в прошлое цивилизации нашей страны и всего мира не из праздного любопытства („а как это было раньше?“), а для того чтобы понять глубинную и нерасторжимую связь культуры и веры, ту связь, которая была забыта, отброшена, которая сознательно отрицалась»[223].

«Всякий кинофильм, ставящий вечные вопросы, может быть отнесен к категории религиозного кинематографа»[224], — говорил отец Александр, подчеркивая огромную важность «нравственного заряда», который призвано нести искусство. «Даже если на картине есть надпись „Дева Мария“, но картина написана неодухотворенно, если в ней есть что-то пошлое и плоское, она совсем не имеет отношения к духовности. И очень важно знать, что нет литературы духовной и светской. А есть литература хорошая и плохая, духовная и бездуховная. Истинно хорошая литература всегда может быть соотнесена с вечными проблемами»[225], — сказал отец Александр на одной из лекций.

Встречаясь с проявлениями неприятия «мирского» искусства якобы ради изучения духовной литературы, отец Александр был всегда готов поднять свой голос в защиту культуры: «Когда мне какой-нибудь псевдоправославный „ортодокс“ говорит: „Ну что вы читаете светскую литературу! Надо читать Святых Отцов!“ — обычно эти персонажи

Святых Отцов не читают. Если бы они читали, тогда бы они знали, скажем, хотя бы книгу святого Василия Великого, одного из величайших наших Отцов, имя которого носит литургия! Специальная книга написана им о пользе для юношества чтения языческих сочинений, языческих авторов. Значит, Василий Великий думает так, а они, ссылаясь на Святых Отцов, думают совершенно иначе. И этим прикрывается не только косность мысли, этим прикрывается язычество, глубоко живущее внутри каждого из нас. Язычество в нас живет»[226].

В своих выступлениях и беседах отец Александр часто говорил о колоссальном влиянии христианства на развитие мировой культуры.

Так, рассказывая о Библии и апокрифах древности и средневековья, отец Александр сказал: «В мировую литературу всегда оказываются вовлечены самые важные, наиболее волнующие людей темы, сюжеты и образы. Поэтому неудивительно, что искусство и литература многократно обращались к Священному Писанию»[227].

Рассказывая о храмовой архитектуре, отец Александр показывает преемственность христианских традиций и в западной Европе, и в России: «Храмы с древнейших времен составляли неотъемлемую часть панорамы города. Как невозможно себе представить Афины без Парфенона или древний Рим без Капитолия, так трудно было бы вообразить Париж без Нотр-Дам, Лондон без Вестминстерского аббатства, а Москву без кремлевских соборов. Храм в городе — это пророк, говорящий о вечности, чей зов раздается среди шума современной цивилизации. <…> Облик христианского храма создавался веками, приобретая в каждой стране и в каждую эпоху свой неповторимый характер»[228].

Духовная связь отца Александра со святыми и подвижниками была несомненной и глубокой. Вот как он ответил на вопрос о том, что входит в понятие святости: «Когда человек всем сердцем посвятил себя Богу, тогда он святой. Конечно, он может пасть, он может быть грешником, но он посвящен: его сердце отдано Богу. Бывает, что человек может быть порядочным во всех отношениях, но быть не святым, а изрядным негодяем. Это святость фарисея, которая описана в Евангелии. Он же был праведник! Он пришел и сказал Богу: „Господи, не убивал, не крал, церковные взносы даю — во всем хорош!“ А кто оказался перед Богом прав? Мытарь, который сознавал

свои грехи. Значит, чистым перед Богом быть нельзя. А святость есть любовь к Богу, такая, чтобы Он был центром твоей жизни. И тогда вы увидите, где счастье»[229].

На вопрос о том, зачем молиться святым, отец Александр ответил, используя наглядные примеры: «Когда ты отправляешься в дорогу, ты просишь, чтобы родные тебя помнили, чтобы близкие и друзья за тебя молились. Эта молитва поднимает человека выше обыденности, и мы оказываемся в том мире, где уже не действуют одни слепые законы. Поэтому мы все, в частности люди моего прихода, мы все молимся друг за друга ежедневно и знаем силу этой молитвы. И даже тогда, когда некоторые из нас покидают этот мир, мы знаем, что эта связь сохраняется. Мы обращаемся к ним как к нашим друзьям, как к нашим невидимым помощникам, как к людям, которые с нами духовно связаны. Мы знаем, что все святые живы, что мы — одна семья. Но у них больше духовных сил, и они наши незримые помощники».

В своих книгах и проповедях отец Александр неоднократно обращался к особо почитаемой им Пресвятой Богородице. Вот как, в частности, он ответил на вопрос о значении Девы Марии: «Каждый человек в какой-то степени несет на себе печать своей матери. И телесно, и душевно. Если бы мы с вами ничего не знали о Деве Марии, то уже один тот факт, что эта женщина Его родила, что Она передала Ему черты Своего лица и характера, что Она учила Его первым словам, что Она была Его Матерью, ставит Ее перед нами на бесконечную высоту. <…>

Быть может, глаза Его, и волосы, и голос, и походка были похожи на Нее. Она держала Его на руках Младенцем, Она стояла у Его креста, когда Он истекал кровью. Вместе с учениками Она радовалась, когда Он явился победителем смерти. И сегодня Она простирает омофор над нами, потому что из всех святых Она самая дорогая Господу и нам с вами. Из всех святых Она — самая дорогая. „В молитвах не усыпающая“ — называет Ее церковное песнопение. И мы к Ней взываем: „Пресвятая Богородица, Заступница усердная, Матерь Бога нашего, молись о нас, грешных!“»[230].

«Он говорил, — пишет об отце Александре Андрей Еремин, — что мы можем молиться Богоматери и святым, потому что такая молитва — не столько ходатайство, сколько обращение к людям более сильного духа. Это молитва связи, которая питает духовную жизнь.

Обращаясь к святым (на земле они или на небе), мы в любом случае заряжаемся их светоносной энергией. „Бог ради того, чтобы мы могли ощущать Его присутствие, — говорил батюшка, — послал Сына Человеческого; так и дальше Он посылает нам святых, чтобы в них мы могли осязать Его божественность, воздействие благодати на человека, чтобы мы продолжали видеть Христа среди людей не только духовно, но и конкретно“»[231].

Отец Александр не видел необходимости в борьбе с атеизмом, считая гораздо более важной задачей борьбу христиан с собственными грехами: «…Я считаю, что одна из главных установок сегодняшних христиан есть не борьба с атеизмом. С атеизмом боролись много. Я недавно читал стенограмму диспутов двадцатых годов. Очень хорошо там Александр Введенский поносил, прекрасно разбивал Луначарского и т. д. Это была борьба с атеизмом. Но это внешняя вещь. Внешняя. А нам нужно гораздо больше бороться с лжехристианством внутри каждого из нас. Это будет гораздо более важно. Потому что атеизм приходит как продукт нашего недостоинства»[232].

Более того, отец Александр подчеркивал личную ответственность каждого христианина за его поступки, поскольку о христианстве судят по тому, как проявляют себя христиане: «Цель Христа — сделать нас причастными Себе. Приняв крещение, мы становимся Его инструментом. Он должен действовать в нас, и наша трагедия в том, что мы еще недостаточно достойны. Люди безрелигиозные или антирелигиозные правы, когда судят о нашей вере по нам самим, потому что Христос хочет, чтобы мы являли Его, представляли Его и воплощали Его во всем своем облике»[233].

«Позиция гонимого священника, в которой всегда находился отец Александр, привлекала к нему многих антисоветски настроенных людей, — пишет Андрей Еремин. — Они приходили к батюшке, ожидая увидеть в нем одного из лидеров оппозиции, а встречали человека, который говорил с ними о добросовестном труде на своем „советском“ месте, о высокой профессиональной ответственности христиан. Батюшка объяснял им простые вещи: человек морально деградирует, если плохо работает. И это в то время, когда „хорошим тоном“ среди православных считалось бросить свою основную профессию и уйти в сторожа какого-либо храма. Таким людям взгляды батюшки представлялись конформизмом»[234].

Однако отец Александр был убежден в том, что христиане должны быть образцом ответственного выполнения своего профессионального долга — так же, как долга родительского и человеческого.

Пастырское служение отца Александра было основой его деятельности — этот путь он осознал в юности как отчетливый призыв Господа и как призвание, которому впоследствии посвятил более тридцати лет с момента своего рукоположения до конца жизни.

«Литературный, ораторский, душевный, интеллектуальный и все другие его дары служили одной цели — привести человека ко Христу, помочь ему вырасти в меру зрелой духовности, дабы он мог созидать живую церковную общину. <…> Своей жизнью он доказывал реальность евангельских слов: „блаженнее давать, нежели принимать“ (Деян. 20: 35). Он был одним из тех, кто свято служил Христу, исполняя его завет: „Идите и научите все народы…“ (Мф. 28: 19)», — вспоминает протоиерей Владимир Архипов[235].

Свои богословские и литературные труды он рассматривал как еще один способ донести Слово Божие до людей, как часть своего пастырского служения. «Будучи пастырем и историком религий, отец Александр надеялся, что богословскую работу продолжат его ученики, — пишет Андрей Еремин. — В одном интервью он говорил: „У нас люди в основном требуют хлеба, простой пищи. И я работаю в этой пекарне. После меня придут те, кто будет изготовлять пирожные, но моя задача делать хлеб…“ Батюшка всегда шел туда, где нужен был хлеб, „Хлеб жизни“»[236].

«Школа его пастырства давала практические уроки благодарности, мужества, трезвения, любви к слову Божию, конкретного воплощения веры в делах любви. С первых минут общения с ним приходило понимание, что он, ведущий за собой людей, хорошо знает, что такое человек, каков реальный мир, лежащий во зле, прекрасно понимает силу и власть греха, но также знает еще большую побеждающую силу благодати. <…>

…Его пастырство включало в себя: труд рыбаря — он всю жизнь закидывал сети; труд подвижника — негде было главы преклонить; труд молитвенника — непрестанная молитва в любых ситуациях. Это было неизменное состояние благодарности; радостный труд верного раба первого часа, перенесшего зной всего дня; преданность

послушного и любящего сына, исполняющего любое повеление Христа не из страха или награды ради, но по любви; несокрушимая готовность следовать словам Христа, а не человека, каким бы великим он ни был», — пишет отец Владимир Архипов.

Влияние отца Александра на своих духовных чад было огромно, а его слово и книги имеют непреходящую ценность и важны для всех, кто ищет ответ на вопрос о смысле жизни. Уникальность пастырства отца Александра, по мнению большинства его духовных чад, состоит в первую очередь в достоверности его личных отношений с Иисусом Христом, что наложило совершенно особую печать на его пастырскую деятельность.

«Благодаря личным отношениям со Христом отец Александр совершенно особым образом смотрел на людей, и его видение поднимало в человеке те горизонты, о которых сам человек часто и не подозревал, — продолжает рассказ об отце Александре протоиерей Владимир Архипов. — Это особенность его пастырства — поднять из глубин человека жемчуг, чудо, тайну Божественного присутствия и помочь ему развить то драгоценное, что в нем есть, отказавшись от скепсиса, недооценки и переоценки».

Внутренняя свобода, которую отмечали все прихожане отца Александра и которая также отчетливо видна при прочтении его книг и выступлений, помогала ему проявить любовь своих прихожан и слушателей к свободе как необходимому свойству отношений человека с Богом, открыть в каждом из них потенциал настоящей любви.

«Свобода — нелегкий дар, — писал отец Александр, — ее называли даже даром страшным, но без нее невозможно осуществление подлинного человека»[237].

«Эта свобода, в частности, дает человеку возможность воспринимать слова Писания не дерзко, а дерзновенно смело — как бы имея благословение от Того, с кем он только недавно беседовал в молитве. Эта смелость не похожа на самонадеянность и самоуверенность, поскольку окрашена в тональность благоговения и доверительности», — рассказывает отец Владимир Архипов.

«…Батюшка считал, что для обретения истинного чувства свободы совершенно бессмысленно эмигрировать, — вспоминает Андрей Еремин. — Он говорил: „Христианин должен бурить землю на месте, на котором поставлен Богом“. Внутреннюю свободу мы можем

обрести уже здесь, сегодня, для этого нужна только настоящая „метанойя“ (обращение). А эмиграция создает лишь новые проблемы — материальные, языковые и прочие. Батюшка хотел видеть нас свободными не от обязанностей, а от сознания советской „коллективной среды“, чтобы нас не тянуло в сказочные заграницы и мы ощущали себя счастливыми на своей Родине. Он знал, что это счастье возможно только рядом с Иисусом. И ставил себе задачу — создать своим прихожанам условия для встречи с Христом, помочь каждому реализовать себя во всей полноте, не теряя драгоценного времени на адаптацию к непривычным условиям жизни»[238].

Широта в восприятии опыта мировой духовности помогала отцу Александру услышать голос Христа в любом человеке, ищущем истину, открыть человеку высший смысл его жизни, помочь ему стать учеником Христовым. Если Бердяев считал, что «правда духовной жизни невместима в жизнь природную», что «христианского государства, христианского хозяйства, христианской семьи, христианской науки, христианского быта никогда не было и быть не может», то «у отца Александра был другой опыт, и он учил как раз обратному — тому, что все сферы жизни должны стать христианскими, — рассказывает Андрей Еремин. — Ибо для того и приблизилось к нам Царство Божие, для того исполнились Обетования. С момента Воскресения Христос продолжает жить и действовать как в истории, так и в каждой человеческой судьбе».

В отдельных случаях отец Александр предлагал своим прихожанам воспринять опыт других конфессий, в чем проявлялось его доверие и уважение к своим духовным чадам. «Верить в свою конфессию, любить ее — естественно. Но это не должно вооружать нас против других, потому что все, кто верует во Христа, принадлежат только Ему. Значит, разделения человеческие, исторические, психологические — условны», — пишет Андрей Еремин об отношении отца Александра к другим конфессиям.

Отец Александр проповедовал открытое и радостное христианство. «Наши перегородки, к счастью, не доходят до неба», — часто повторял батюшка в ответ на вопросы о разделении церквей. Для него всегда было очевидно, что боль от этого разделения более всего испытывает Христос, поскольку Церковь — это Его Тело. Григорий Померанц вспоминает такие слова отца Александра: «Выбор религии

— это всё равно что выбор жены. Ты выбираешь одну и остаешься ей верен. Но это не значит, что надо хулить других женщин».

Состав прихода отца Александра был невероятно широк и разнообразен — люди отличались по своему душевному устройству, наличию или отсутствию внутренней гармонии, уровню образования и степени устремленности к Истине. Но отец Александр находил возможность предлагать каждому прихожанину то, что этот конкретный человек был в состоянии воспринять. «Такое видение и такое тонкое и четкое понимание каждого человека посылается свыше, — рассказывает протоиерей Владимир Архипов. — И понимание своих пасомых отцом Александром также рождалось от его личных отношений со Христом. Он показывал прихожанам возможность преобразовать их человеческие качества в перспективе: неуверенность — в смирение, бережливость — в щедрость и так далее. Он указывал на возможность преображения человека».

«Самым главным отец Александр считал внутренний духовный опыт встречи человека с Христом, чтобы он чувствовал касание миров иных, чтобы он не погружался до конца в этот мир и чувствовал Благодать Божию, — дополняет этот рассказ Андрей Еремин. — Он всегда говорил о том, что спасение человека здесь, на земле, а не после смерти. Это меняет состояние души, сердцевину человеческой личности. Тогда мысли и поступки человека определяются этим состоянием, человек становится таким, которым задумал его Христос». Отец Александр был убежден в том, что такой духовный опыт приходит только через чувство благоговения и благодарности Богу. «И, конечно, необходимо, чтобы человек хотел этой встречи, жаждал ее всей душой, — продолжает Андрей Еремин. — В Евангелии сказано о том, что человек, нашедший в поле жемчужину, продает всё, чтобы купить эту жемчужину. Жемчужина — это Царство Божие или встреча со Христом».

По убеждению отца Александра, путь спасения для человека — это постоянное возрастание к своему первообразу, к соединению со Христом, что приводит к постепенному преображению человека силой Святого Духа.

Батюшка всегда признавал ценность традиции, передаваемой лично, от человека к человеку. Монахине Иоанне (Юлии Николаевне Рейтлингер), бывшей духовной дочерью отца Сергия Булгакова в 30-е

годы XX века, он писал: «Вы продолжаете делать то, что Вам было завещано о. Сергием (Булгаковым), и служите связующим звеном… между лучшими традициями того поколения и — новыми…» Евгений Рашковский, следуя терминологии Анри Бергсона, относит отца Александра к «открытым душам», то есть душам, способным обостренно и тонко чувствовать как слагавшиеся веками традиции и потребности своего непосредственного окружения, своих ближних, так и дыхание и динамику огромного мира: «О. Александр угадывал в тварном — „сиянье“ Божественного, а в Боге — нечто интимное, подчас неуловимое, но жизненно необходимое для каждого из людей»[239].

Часто новообращенные прихожане просили отца Александра о крещении вскоре после первых встреч с ним, оказавшись под большим впечатлением от его личности и харизмы, но отец Александр никогда не спешил с крещением, внимательно наблюдая за внутренним процессом постижения человеком основ духовной жизни и степенью его открытости в отношениях с Богом. «Если люди развернутся к моей личности, то, значит, я как священник полностью потерпел фиаско, — вспоминает слова брата Павел Мень. — Они должны развернуться к Богу, и я им только помогаю в этом».

Одной из настольных книг новообращенных, настоятельно рекомендуемых отцом Александром, были «Духовные основы жизни» Владимира Соловьева — обсуждению глав этой книги с прихожанами, шаг за шагом, он посвящал многие часы своего времени. Батюшка говорил, что в своем развитии новоначальные проходят три стадии: человек — джентльмен — христианин, но что все мы еще остаемся «неандертальцами духа».

Отец Александр старался, чтобы день крещения стал настоящим праздником для новокрещаемого. «В такой день, — вспоминает Илья Корб, — он говорил крещаемому: „Это ваш день, целиком ваш“. Крещение отец Александр проводил не механически и крестил не только по нашему желанию. Он говорил: „Если вы хотите быстрее креститься, то пойдите в любой другой храм, и вас окрестят“. Он нас готовил, и лишь когда он, со свойственным ему чутьем, понимал, что мы готовы, проводил крещение». «Посмотрите на этот крест, — сказал отец Александр, готовясь надеть крестик на Евгения Рашковского в день его крещения. — С одной стороны — теплое дерево, а с другой —

твердый металл. Будьте таким же теплым и таким же твердым в вашей вере».

Из воспоминаний Андрея Бессмертного-Анзимирова: «В день моего крещения о. Александр дал мне почитать „Духовные основы жизни“ Вл. Соловьева, из которых я узнал о трех краеугольных камнях духовной жизни верующего — молитвы, поста (победы духа над телом) и милостыни (творение бескорыстного добра ближним). Вернув книгу отцу А., я спросил его, равноценны ли все три пункта, и он ответил, что да, равноценны, но молитва — главное оружие веры, пост особенно необходим в условиях смущения и неопределенности (помимо годового круга), а милостыня — следствие, т. к. вера без дел мертва. „Но здесь есть и еще одна деталь, — добавил он сразу. — И очень значительная. Вы должны постоянно, ежедневно читать Евангелие. Начните с Матфея — и до конца“».

«Батюшка говорил: „Раз единение человека с Богом — предельный смысл человеческой жизни, то, конечно, частое причастие является положительным фактором“, — рассказывает Андрей Еремин. — Поначалу он устанавливал для своих прихожан правило Серафима Саровского — причащаться один раз в месяц. Если его потом просили о более частом причастии, он благословлял приступать к таинствам раз в три недели, и так далее вплоть до еженедельного причащения и даже до разрешения подходить к Чаше на каждой Литургии, на которой присутствуешь»[240].

«Заметьте, — говорил отец Александр в одной из проповедей, — что таинство Своего любящего присутствия с нами Он облек в форму трапезы. Святая Чаша, хлеб и вино означают пищу человеческую, без которой мы не можем жить. Ведь человек поддерживает свою жизнь пищей. И Господь этим хочет сказать, что Он дает нам Свое Сердце в виде трапезы, что Он — наша вечная пища!

<…> Нам важно это почувствовать, важно пережить, важно понять, что Господь идет к нам… И очень важно потом открыть Ему свое сердце, чтобы оно было потрясено тем, что Господь к нам приходит»[241].

После крещения своих прихожан отец Александр стремился поддержать и развить начавшееся духовное возрастание человека, чтобы помочь реализовать божественный Замысел о нем. Он был убежден в том, что после обращения человек не может жить, как

раньше, не должен допускать в себе состояния «теплохладности», а должен все свои душевные и физические силы посвятить внутреннему перерождению.

«Для этого, — рассказывает о методах работы отца Александра с паствой Андрей Еремин, — необходимы молитва, изучение Священного Писания и общинная жизнь. В малых группах может произойти индивидуализация молитвенного опыта. Если в церкви мы собираемся совместно, то в малой группе каждый начинает чувствовать себя индивидуумом, что дает определенный духовный рост. В процессе коллективного богослужения человек далек от собственной христианской ответственности перед миром. А в общине на каждом лежит ответственность, все к нему обращены. Тогда человек действительно несет людям Христа, несет им любовь».

Совместная молитва была одной из важнейших практик отца Александра. Для того чтобы приучить новоначальных к молитве, отец Александр часто молился вместе с ними, не только будучи рядом физически, но и заочно. «Часто я просыпалась ранним утром с чувством полноты жизни и с удивлением обнаруживала, что вопрос, мучивший меня, исчез и не существует более. Это случалось в те ранние часы, когда отец вставал и ехал на службу, в часы его внутренних молитв о своих духовных чадах», — рассказывает Мария Водинская.

«…Выберите молитву или те строки из Евангелия, которые вам наиболее дороги, — вспоминает Григорий Зобин советы отца Александра, — разбейте их по стиху на неделю и каждый день, минут по пять-десять, размышляйте о них. Внимательно вслушивайтесь в каждое слово, вглядывайтесь в него со всех сторон, осмысляйте его связь с жизнью, с вашим внутренним миром. Во время размышления сделайте акцент на одном слове, пропустите его через сердце, через глубину сознания… В случаях, когда в молитве мешает что-то постороннее, не смущайтесь, не останавливайтесь, продолжайте идти вперед. Идите, как танк, как лошадь. Лошадь, когда пашет, на нее часто садятся слепни, а она не останавливается. Встряхнется — и идет дальше…»

О ближних и прихожанах отец Александр часто молился в электричке, мысленно представляя себе людей, о которых он молится,

сидящими перед собой, а ушедших в мир иной — сидящими позади себя.

«Человек может пребывать в трех состояниях: молиться, отдыхать или трудиться. Можно молиться и собирать грибы. А четвертое — это от лукавого, — цитирует отца Александра Владимир Шишкарев. — И еще три правила. Первое — „Правило дельфина“. Мы посланы сюда по воле Божьей, мы должны жить здесь. Но нам, как дельфину, нужно взять дыхание — каждый должен понять сам, где его взять, в какую минуту, когда — и потом снова погрузиться в воды моря житейского. Второе — „Правило открытой руки“. То есть блаженнее давать, чем брать. Постарайся выслушать человека, отдать ему свое время, поделись. Никогда не жалей денег — трать их сколько угодно, если ты считаешь, что это на дело. И последнее — „Правило скульптора“. У Родена спросили: „Как вы делаете скульптуру?“ Он ответил: „Очень просто. Я смотрю на камень и всё лишнее убираю“. Ничего лишнего не делайте в жизни, ничего! Не прибавляйте проблем!»

«У отца Александра была полная идентификация себя с приходом, со своей паствой, — вспоминает Андрей Еремин. — Он даже говорил в проповедях не „вы“, а „мы“. Мог сказать: „В нас искажен образ Божий“, объединяя себя и своих учеников. Батюшка переживал грехи и трагедии каждого прихожанина как свои собственные. Несчастья, с которыми к нему ежедневно приходили десятки людей, не становились для него повседневной рутиной, не делали его сердце черствым. Он не привыкал к человеческой беде и горю. Иногда можно было догадаться о его переживаниях по тяжкому вздоху, даже стону, однако, что стояло за этим, он, как правило, держал при себе. Но однажды, когда в такой момент я был рядом и спросил его, что случилось, он рассказал мне о причине своего переживания, и это было на самом деле непереносимое страдание. Он не просто поделился со мной своим горем, но дал мне почувствовать боль своего сердца. И этот крест был не по моим силам… Я тогда подумал: как же он всё это несет на своих плечах — все беды и тревоги своих духовных детей, которых многие сотни? Для меня это тайна и по сей день. Но, несомненно, он знал, каково Христу, Который с нами и в нас сострадает нашим страданиям».

Михаил Юровицкий рассказывает, как однажды приехал к отцу Александру в мрачном настроении и батюшка пригласил его

прогуляться. Он подвел Михаила к яблоне, в которую ударила молния и основной ствол которой был надломлен. Но из боковой ветки этой яблони рос новый ствол, и отец Александр, указав на дерево, мягко заметил, что жизнь способна возродиться и продолжиться даже на изломе.

«Отец Александр был очень строг к себе и бесконечно мягок к другим, — дополняет этот рассказ Владимир Шнейдер. — Он никогда не использовал свой авторитет для наложения внешних уз на своих прихожан, в смысле: как часто нужно причащаться или исповедоваться, обязательно ли быть на всенощной в субботу накануне литургии, какое молитвенное правило читать, можно ли, опоздав на литургию, причаститься. Он нередко избегал прямых ответов на эти вопросы. Говорил: я сам предпочитаю делать так-то и так-то, однако это совсем не исключает и не умаляет других путей… Он знал, что любовь Бога безгранична и что Бог любит человека таким, какой он есть. Он не уставал повторять: „У христиан есть только одно оружие — прощение и любовь“».

Главный принцип своего пастырского служения отец Александр выражал словами молитвы: «Люблю тебя, Господи, больше всего на свете. Ради Тебя люблю ближнего своего как самого себя». А строку из Псалтыри «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей!» (Пс. 113: 9) можно назвать девизом служения и всей жизни отца Александра.

Часть третья
Стрела на натянутой тетиве

Глава 1
Перемены в Новой Деревне. Вызовы в КГБ

К началу 1980-х годов усилиями председателя КГБ Юрия Андропова и его подчиненных диссидентское движение в СССР было фактически разгромлено. Однако, по мнению «органов», часть несогласных с режимом в стране к тому времени оставалась в церковной среде. Еще до назначения в 1982 году Андропова генеральным секретарем ЦК КПСС, когда Комитет госбезопасности фактически стал основной структурой власти в стране, была выбрана линия усиления борьбы властей с диссидентами в среде верующих. Сотрудники госбезопасности развернули широкомасштабную операцию, называемую ими «социальной профилактикой». Основной задачей в рамках этой операции было уничтожение всех неофициально действующих религиозных групп в СССР — не только православных, но и католических, протестантских, экуменических, теософских, кришнаитских и т. д. У чекистов был широкий набор средств воздействия, но чаще всего они арестовывали руководителей, а остальных запугивали угрозами ареста, обысками, допросами, письмами на работу и увольнениями.

В рамках «социальной профилактики» в ноябре 1979 года по обвинению в антисоветской агитации был арестован Глеб Якунин, бывший к тому моменту одним из соучредителей общественного «Христианского комитета защиты прав верующих в СССР», а в январе 1980 года по аналогичному обвинению был арестован священник Дмитрий Дудко.

После десятимесячного заключения в Лефортовской тюрьме состоялся суд над Глебом Якуниным, который наотрез отказался сотрудничать со следствием. Первоначально приговор Якунину стремились подвести под уголовную статью, вменяя ему в вину якобы имевшие место спекуляцию иконами и сбыт валюты. Но все попытки найти свидетелей и весомые доказательства этих «преступлений» окончились провалом. Отец Глеб не признал себя виновным ни по одному из описанных следствием эпизодов. В результате он был осужден по обвинению в антисоветской агитации, несмотря на то что,

по словам нескольких допрошенных свидетелей, Якунин неоднократно призывал своих коллег по комитету избегать антисоветских высказываний. «Никаких просьб к суду не имею, — сказал он в своем выступлении. — Благодарю Бога за ту судьбу, которую Он мне подарил». Всю свою жизнь он оставался бесстрашным борцом несмотря ни на что. Суд приговорил Г. Якунина к пяти годам лагерей строгого режима и пяти годам ссылки.

Отец Дмитрий Дудко в 1981 году под давлением следователей КГБ выступил на телевидении и в газете «Известия» с покаянием в антисоветской деятельности. Он заявил, что «поддался влиянию пропагандистских голосов», расценил «свою борьбу с так называемым безбожием как борьбу с советской властью», отрекся от изготовленных им «клеветнических книг и статей» и как автор запретил их дальнейшую публикацию. Он также сообщил в своем подсказанном чекистами заявлении, что с помощью архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина)[242] передавал на Запад клеветнические материалы, которые «использовались во враждебной пропаганде против нашего государства», хотя эти показания не соответствовали истине и были отместкой КГБ за телеграмму, ранее направленную архиепископом Василием председателю Президиума Верховного Совета СССР Леониду Брежневу в защиту отца Дмитрия. Свое покаяние отец Дмитрий завершил обращением к «бывшим единомышленникам» с призывом: «Когда есть опасность извне, нам всем нужно объединиться и делать одно дело со своей властью и своим народом, которые даны нам Богом». Уголовное дело против отца Дмитрия было закрыто, но большинство его многочисленных прихожан отвернулись от него. Вступив на путь компромисса с властью, отец Дмитрий нанес тяжелый удар не только себе, но многим верующим и в первую очередь своим ученикам и последователям. Своей предыдущей проповеднической деятельностью и своими книгами отец Дмитрий показывал, что есть путь, отличный от того, по которому идет официальная Церковь, и что этот путь более полезен для Церкви и верующих. Однако полностью отрекшись от всего, что он делал и писал, отец Дмитрий, по сути, показал, что его путь утопичен, а путь Патриархии если и не вполне правилен, то единственно возможен. Такова была трагическая судьба этого замечательного священника, сломленного чекистами.

Примерно с этого времени Комитет государственной безопасности усилил наблюдение за деятельностью отца Александра Меня. Организованные им малые группы для евангелизации и совместной молитвы, распространение религиозной литературы, его огромная популярность в кругах интеллигенции и публикации на Западе стали для властей источником растущего беспокойства. Очевидно, что целью КГБ в этот период была попытка скомпрометировать отца Александра аналогично тому, как был скомпрометирован отец Дмитрий Дудко, и уничтожить его авторитет.

Тем временем новодеревенский приход жил полной жизнью. Благодаря установившимся связям с западными христианскими организациями в Новую Деревню поступало значительное количество экземпляров Библии, Нового Завета и различных молитвословов. В то время бóльшая часть такого рода книг была размером с ладонь; напечатаны они были на очень тонкой бумаге, поэтому их было легче носить с собой или прятать. Многие давние прихожане храма до сих пор хранят те книги «карманного» формата как реликвии. Их экземпляры раздавали новым членам прихода и катехизируемым членам малых групп. Остальные расходились по друзьям, родственникам и знакомым, интересующимся христианством и стремящимся к самообразованию. Андрей Бессмертный-Анзимиров, прихожанин новодеревенского храма с середины 1970-х и ведущий одной из малых групп, вспоминает, что возможности распространения этих книг с какого-то момента существенно увеличились. Таким образом, обеспечение верующих и сочувствующих им религиозной литературой было одним из важнейших направлений деятельности прихода.

В Новой Деревне постепенно сформировалось собрание книг русских и зарубежных авторов — не только православного вероисповедания, но также католиков и протестантов. Духовные дети отца Александра и их друзья сделали первые переводы на русский язык «Хроник Нарнии» и других христианских произведений замечательного английского писателя Клайва Льюиса, отдельных произведений Честертона и Тейяра де Шардена. По инициативе отца Александра филолог Валентина Кузнецова перевела с греческого языка роман Никоса Казандзакиса «Братоубийцы» и впоследствии начала работу по переводу с древнегреческого на современный русский язык

писем апостола Павла и всех четырех Евангелий. Широкое хождение в приходе имело «Введение в благочестивую жизнь» святого Франциска Сальского, переведенное на русский язык Верой Яковлевной Василевской. В сокровищницу переводов мирового литературного наследия вошли не только блестящие переводы Льюиса и Честертона, сделанные Натальей Трауберг, но и целый ряд переводов историко-философских и поэтических книг, выполненных бывающими у отца Александра и находящимися с ним в переписке мастерами. Наиболее яркие примеры таких произведений — это «Улисс» Джойса, переведенный и прокомментированный Виктором Хинкисом и Сергеем Хоружим, и «Рубайят» Омара Хайяма, переведенный Германом Плисецким. Целый ряд христианских статей, переведенных прихожанами Новой Деревни на русский язык, был опубликован впоследствии в зарубежном культурно-философском ежегоднике «Логос» и журнале христианской культуры «Символ». Эти издания, будучи по преимуществу католическими, соглашались из братских чувств публиковать русскоязычные переводы православной духовной литературы.

Поскольку среди прихожан Новой Деревни было множество творчески одаренных журналистов и литераторов, из-под их пера стало появляться множество статей и произведений религиозного характера. Так, в 1970-е и в первой половине 1980-х годов авторами многих публикаций во французском русскоязычном философско-религиозном журнале «Вестник Русского Христианского Движения» под редакцией Никиты Струве[243] были духовные дети отца Александра Меня. В частности, на страницах журнала, в основном под псевдонимами, публиковались Е. Барабанов, А. Бессмертный-Анзимиров, А. Борисов, С. Бычков, В. Зелинский, А. Зорин, Я. Кротов, А. Куземский, С. Маркус, Б. Михайлов, Е. Сабуров. «Мы не только в значительной степени стали постоянными авторами влиятельного „Вестника РХД“, — вспоминает Андрей Бессмертный-Анзимиров, — но и сами ощущали себя частью общего христианского, православного и российского делания». Если раньше журнал публиковал главным образом тексты из наследия прошлых столетий и работы русских религиозных философов, то начиная с 1974 года на его страницах регулярно помещались статьи о жизни Церкви и антирелигиозной политике в СССР, а также тексты, опубликованные в СССР как

самиздат. Отец Александр одним из первых в стране начал постоянное сотрудничество с «Вестником РХД», направив в него в 1970 году под псевдонимом Аркадьев биографии Николая Эшлимана и Глеба Якунина, бывших в то время в опале. Обе биографии были тогда же опубликованы в «Вестнике».

В 1974 году в Париже издательством ИМКА-пресс на русском языке был выпущен сборник статей живших в СССР авторов «Из-под глыб» о настоящем и возможном будущем России; сборник этот впоследствии нелегально распространялся в СССР. Некоторые из авторов были прихожанами Новой Деревни либо встречались и были в переписке с отцом Александром.

Власти не разрешали публичных религиозных обрядов, но отец Александр заочно (в отсутствие гроба с покойным) отпевал неугодных властям людей, среди которых были Василий Шульгин[244], Варлам Шаламов, Владимир Высоцкий. Помимо этих тайных «заочных отпеваний», отец Александр никогда не отказывался исповедовать и причащать на дому тяжелобольных. Так, в марте 1981 года он исповедовал и причащал перед смертью известного генетика Николая Тимофеева-Ресовского.

Близкий друг отца Александра со времен учебы в «Клубе юных биологов» и Пушно-меховом институте Виктор Андреев составил посвященный церковной жизни фотоальбом «Москва златоглавая», который был опубликован в Париже и впоследствии продолжал пополняться. В альбоме были описания и фотографии всех московских храмов и монастырей — как сохранившихся, так и взорванных большевиками.

Высоко чтивший отца Александра религиозный писатель и публицист отец Владимир Зелинский издал за рубежом множество религиозно-публицистических статей и быстро ставшую популярной книгу «Приходящие в Церковь» о возрождении христианства в России.

Не оставались без внимания и дети прихожан. Детская группа, руководимая Сергеем Бычковым, создала иллюстрации к молитвеннику для детей, впоследствии изданному в США, и посылала множество материалов в православный детский журнал «Трезвон», также издаваемый в США. Сергеем Бычковым и Олегом Степурко были написаны рождественская мистерия, опера «Действо о преподобном Сергии» и мистерия «Святой Франциск Ассизский» для

детей. Их постановки осуществлялись в квартирах прихожан, что было серьезным риском в те годы.

София Рукова вспоминает такой эпизод, относящийся к концу 1982 года:

«Отец однажды попросил меня написать „Ветхозаветную историю“ для детей и сам составил ее план. Пока я писала, мы вместе проживали-переживали каждую главу, каждый эпизод. Когда книга была закончена, отец очень лестно отозвался о ней, сказав мне „на ушко“: „Это — лучшее из всего, что написано для детей по Ветхому Завету“.

Ободренная его похвалой, я спросила:

— А можно мне теперь написать Новый Завет для детей?

Почти уверенная в его согласии, натыкаюсь („спотыкаюсь“) на молчаливую паузу. Подняв глаза, вижу детское смущение и слышу почти робкое просительное:

— Вообще-то я сам хотел его написать.

Он словно испрашивает моего согласия, а мне и стыдно, и радостно:

— Господи, ну конечно же, отец!

И тогда он предлагает новое:

— А вы начинайте писать жития святых. Для детей. Это очень важно. Ведь почти все жития состоят из описания мук и казней, а как рождается душа для Бога, способная их перенести… каким образом обычный слабый человек достигает святости… — этого нет».

Одной из ярких творческих инициатив отца Александра в начале 1982 года стали перевод и последующая магнитофонная запись постановки спектакля по книге шотландского писателя Арчибальда Кронина «Ключи Царства». Главный герой романа Фрэнсис Чисхолм — католический священник-монах, чистый сердцем и глубоко одинокий в омертвелой бюрократической среде местного духовенства в Англии. Его старший друг по учебе в семинарии, епископ Макнэбб, пытаясь понять проблемы Чисхолма, а затем спасти глубоко симпатичного ему молодого священника от окружающего лицемерия, предлагает ему отправиться в Китай в качестве миссионера (а по сути, вручает ему «ключи от Царства Небесного»). Несмотря на тяжелейшие условия, в которых работает в чужой стране отец Чисхолм, он преображает запустевшую христианскую жизнь маленькой общины в

Китае и тридцать с лишним лет поддерживает миссию. В книге показан жизненный путь отца Чисхолма с юности до глубокой старости, и вся его жизнь — это триумф духа.

Перевод романа был сделан прихожанкой Новой Деревни Натальей Протопоповой по предложению отца Александра, увидевшего в этой глубоко философской книге много общего с теми обстоятельствами, в которых находились верующие в СССР. Несомненно, многие изречения главных героев романа были особенно близки отцу Александру. Вот юный Фрэнсис Чисхолм записывает в дневнике размышления о поиске пути в жизни: «Я должен сказать о том ощущении своей неотвратимой принадлежности к Богу, которое пронзает меня сквозь тьму, о глубоком убеждении, что в этой размеренно, согласованно, неумолимо движущейся вселенной человек не возникает из ничего и не исчезает в ничто». А вот епископ Макнэбб, благословляя Чисхолма на служение в далеком Китае, говорит ему: «…ты принадлежишь Церкви, хотя ты и не пара тем, которые никогда не отступают от общеизвестных правил. Для меня ты отнюдь не неудачник, а напротив — громадный успех. <…> В тебе есть пытливость и нежность. Ты понимаешь различие между мыслью и сомнением. <…> А самое лучшее в тебе, мой дорогой мальчик, — это то, что в тебе совершенно нет надменной самоуверенности, которая вытекает скорее из догматизма, чем из веры». И вот, наконец, монолог старого китайца, который когда-то готов был принять крещение как формальность, что было неприемлемо для Фрэнсиса, и пришел к Чисхолму в последний день перед его отбытием из Китая: «Однажды, много лет тому назад, когда вы вылечили моего сына, я действительно был несерьезен. Но тогда я еще не знал о том, какую жизнь вы ведете… Я не знал о вашем терпении, спокойствии, мужестве… Ценность религии лучше всего определяется качествами ее последователей. Друг мой… вы покорили меня своим примером».

Отец Александр считал необходимым, чтобы прихожане Новой Деревни имели возможность познакомиться не только с печатной версией этого замечательного произведения зарубежной литературы XX века, но также и с его аудиопостановкой.

Батюшка, очень тепло относившийся к Юне Вертман — замечательному театральному режиссеру, но некрещеному и к тому времени уже смертельно больному человеку, предложил ей подумать о

создании сценария для спектакля по роману Кронина. Несомненно, что с его стороны это было попыткой приблизить Юну к крещению. «При ощутимой, глубоко затаенной боли, при трагическом мирочувствии, которое она нередко прикрывала иронией, шутливостью, ее горечь не создавала черного фона, — говорил о Юне Вертман отец Александр. — Напротив, она искрилась добротой, отзывчивостью, готовностью послужить людям. <…> Как режиссер она, конечно, должна была не раз задумываться над изгибами человеческой психики, над анатомией души, над всем тем, что порой приводит человека в состояние меланхолии. Но у нее это не рождало внутренней мизантропии, отталкивания, а наоборот, укрепляло ее открытость к человеку. Это я видел вскользь, наблюдая, как она работала с людьми, делая спектакль, как вся она светилась пониманием, доброжелательством, мудростью». Сценарий был создан, а весной 1983 года Юна записала по нему аудиопостановку. Запись проходила в квартире звукооператора Лидии Мурановой, где давно уже была оборудована студия и где к тому времени были созданы фонограммы более двадцати замечательных слайд-фильмов отца Александра на ветхозаветные и евангельские сюжеты. Спектакль был полностью смонтирован только осенью, когда Юны уже не стало.

Главную роль в спектакле сыграл актер Театра Ермоловой Владимир Павлов, которого за несколько лет до этого отец Александр вернул к жизни после пережитой Владимиром личной трагедии. «Я почувствовал, как после смерти моей дочери отец Александр взял на себя всю мою боль, — вспоминает Владимир Павлов. — Когда спустя пять лет Юна Давыдовна позвала меня в спектакль „Ключи Царства“, я воспринял это как перст судьбы. И дело не в том, что мне была предложена главная роль, а в том, что предложение это исходило от отца Александра, которому я обязан своим духовным возрождением. В спектакле он играл моего учителя, рыжего Мака. Наверное, основная трудность была в соответствии моих собственных внутренних качеств качествам моего героя. Ведь главный герой — человек абсолютной, кристальной чистоты, к чему мы все стремимся и ради чего отец Александр взял этот роман. В процессе работы мы все испытали радость от общения с близкими по духу людьми. И, конечно, все работали бескорыстно — ни о каких деньгах и речи быть не могло»[245].

«Я не думаю, чтобы Юна взялась за инсценировку этого романа по собственной инициативе, — вспоминает близкий друг Юны Вертман Василий Косенко, читающий в спектакле текст от автора. — Вряд ли она показалась бы ей осуществимой. Но всё пришло в движение, когда в процесс включился отец Александр и привлек в работу значительную часть прихода».

Силами нескольких профессиональных актеров Театра Ермоловой, которые согласились помочь Юне в этой работе, было бы невозможно осуществить постановку с десятками ролей. Участие в проекте большого количества непрофессионалов спасло проект. Все детские роли в спектакле были озвучены детьми прихожан либо их близких друзей. (В частности, в постановке приняли участие сын диссидента Анатолия Марченко[246] и внуки Бориса Пастернака и Юлия Даниэля[247].) Как всегда, отец Александр стремился открыть в людях новые творческие грани их личностей, если для этого предоставлялись возможности.

Каждый из участников постановки работал с высочайшей отдачей. Владимир Павлов вспоминает о том, как однажды во время перерыва в записи услышал стоны мучившейся болями Юны из ванной комнаты: «Юна, прекрати! Юна, ты можешь терпеть!»

Подпольная запись спектакля религиозной тематики в андроповские времена была связана с серьезным риском. Если бы о проекте узнали «компетентные органы» и делу была бы придана общественная огласка, это грозило бы участникам в лучшем случае серьезными неприятностями на работе и в учебных заведениях, а в худшем — арестом. «Я полагаю, — говорит Василий Косенко, — что все участники спектакля, в том числе и дети, были прекрасно осведомлены о тех результатах, которые могли воспоследовать из этого сюжета, если власти захотели бы его раскрутить в выгодном для себя направлении»[248]. Но, к счастью, никто не пострадал.

В начале 1980-х кассеты с записью спектакля передавались только самым надежным людям, но в наши дни запись постановки Юны Вертман широко доступна. Интересно, что на памятнике Арчибальду Кронину, написавшему за свою жизнь множество ярких произведений, выбита единственная надпись: «Автору „Ключей Царства“».

Сотрудникам КГБ вскоре представилась возможность опробовать выбранную ими тактику в отношении отца Александра.

Еще в середине 1970-х годов в приходе новодеревенского храма появились супруги Никифоровы. Владимир Никифоров был высокообразованным и ярким человеком с несомненной харизмой лидера. Он стал ведущим нескольких малых групп и способствовал приходу в церковь большого числа людей, а его жена Тамара вела религиозные занятия с детьми прихожан. Владимир часто прислуживал отцу Александру в алтаре и, пользуясь этим, приносил в алтарь свой портфель с находящимся в нем магнитофоном, оставляя его открытым. Таким образом, Никифоров первым начал записывать проповеди отца Александра, что впоследствии было продолжено многими прихожанами новодеревенского храма. Кроме того, Владимир вел занятия по катехизации. За его необычайную активность и продуктивную деятельность отец Александр иногда шутливо называл его «канцлером». Эрудированный и пунктуальный, хорошо разбиравшийся в людях, Владимир действительно был для него ценным помощником и в алтаре, и в организационной работе. Никифоров хотел стать священником и пытался поступить в семинарию, но у него, православного еврея, окончившего механико-математический факультет МГУ, даже не приняли документы. Через некоторое время Владимир пришел к выводу, что в современных реалиях необходимы тайные приходы и тайные священники. Эта позиция резко противоречила точке зрения отца Александра, всегда стремившегося к открытой проповеди христианства и не хотевшего обвинений в тайной религиозной деятельности. Однако попытки отца Александра остановить Никифорова ни к чему не привели. Владимир покинул новодеревенский приход, а впоследствии без благословения отца Александра принял тайное рукоположение в греко-католическом приходе в Словакии.

«В. ревновал „своих“, т. е. захваченных им в свою орбиту, очарованных им людей к о. А., — пишет о Никифорове Марианна Вехова. — Он их потихоньку отодвигал от отца…» «В конце 70-х годов я почувствовал, что, несмотря на то, что значительная часть группы составлена из православных, от Володи стала исходить неприязнь к православию и его неприятие, — пишет Григорий Литинский, ставший впоследствии прихожанином подпольного католического прихода святых Кирилла и Мефодия, в котором начал служить Владимир Никифоров. — Это, при ближайшем рассмотрении,

оказалось не столько богословской концепцией, сколько соперничеством с отцом Александром. Соперничество это было вызвано не только завистью, но и нежеланием чувствовать рядом с собой церковный авторитет. Володя хотел быть единственным авторитетом в приходе, „солнцем“, а не „луной“. Рядом с отцом Александром быть „солнцем“ было невозможно».

«Его уход не был внезапным, — рассказывает Александр Зорин. — Я стал замечать, что В. Н. не упускает случая скомпрометировать отца Александра и даже больно поддеть. Исподволь внушал, что человек, которым все восхищаются, не может пребывать в смирении, не может не возгордиться.

<…> После ухода Никифорова из прихода отец Александр сокрушенно воскликнул: „О, я вывел в жизнь столько чудовищ! Его уход — это нож в спину!“»[249]. Отец Александр продолжал чувствовать свою ответственность за случившееся. Но основную трагедию он видел в том вреде, который его духовный сын нанес своей собственной душе.

Условием присоединения к католичеству, согласно Никифорову, стало ритуальное произнесение во время мессы формулы: «Только в Римско-Католической Церкви — полнота Церкви Христа». Очевидно, что этой формулировкой Никифоров предлагал своим единоверцам и последователям полностью отмежеваться от Православия, отказаться признавать Православие Церковью. Молодой отец Владимир служил по разным квартирам, открыто поддерживая связь с капелланом американского посольства, что не могло не привлечь внимания КГБ. Гостями его прихода бывали иностранцы из Европы и Америки, что также усиливало внимание к нему со стороны органов безопасности. «Думаю, что большая часть моих исповедей, проходивших на Володиной кухне, была известна КГБ, так как „органы“ оснастили микрофонами этот импровизированный конфессионал», — пишет Григорий Литинский.

В результате Владимир был задержан при перевозке большого числа богословских книг. После допроса в КГБ в начале 1983 года Никифорова посадили в тюрьму, где он провел девять месяцев. В процессе следствия чекисты использовали свои излюбленные методы психологического воздействия на человека. Никифорову, в частности, было сказано, что в ближайшее время будет арестована и предана суду

его жена, занимавшаяся религиозным воспитанием детей в приходе и потому заслужившая особенно суровое наказание.

«На следствии Володя рассказал всё о приходе и всех прихожанах, — вспоминает Григорий Литинский. — Но не только. Целью КГБ, видимо, была если не вся религия в стране, то по крайней мере, определенные направления в ней — в первую очередь им был нужен компромат на отца Александра Меня и на экуменических христиан во главе с Сандром Ригой[250], ну и на наш приход, конечно, тоже, причем особенный интерес представляли знакомства с иностранными миссионерами». По воспоминаниям Андрея Бессмертного-Анзимирова, Никифоров назвал на следствии всех без исключения, чтобы продемонстрировать, что христианское движение в стране настолько мощно и разветвлено, что контролировать его невозможно. Он дал показания не только на своих прихожан, но и на отца Александра Меня и близких ему людей.

Начались обыски и многочасовые допросы отца Александра и наиболее активных прихожан Новой Деревни. Первый допрос отца Александра в КГБ состоялся 20 декабря 1983 года. В результате всех проведенных обысков сотрудники КГБ нашли совсем немного. Огромное количество литературы и множительной техники хранилось у других, никак не скомпрометированных людей, часто даже далеких от религии, но готовых помочь тем, кого преследуют власти. Отцу Александру пришлось приостановить деятельность некоторых малых групп, но он продолжал служить, проповедовать и приводить ко Христу множество людей даже в таких невероятных условиях.

Вышеописанные события примерно совпали по времени с назначением в 1983 году в новодеревенский храм нового настоятеля — отца Иоанна Клименко. Он оказался не менее лоялен КГБ, чем предыдущий настоятель отец Стефан Середний.

Вот как описывает нового настоятеля Александр Зорин: «Отец Иоанн Клименко своей неприязни к нам не скрывал. Отца Александра и его паству называл не иначе как „Али-Баба и сорок разбойников“. Перед проповедью батюшки он выходил из алтаря и глазами обшныривал каждого, кто стоял впереди. Искал магнитофон — криминальный материал для своих донесений наверх. Но мы приспосабливались: магнитофон прятали в сумку, а микрофончик за чью-нибудь спину.

Он был важный, неторопливый, передвигался по храму плавающей походкой. Тотчас, как заступил на приход, наладил правый хор, водрузив туда свою дородную жену, а сноху поставив регентшей. <…>

Приходская касса сельского храма небогатая. А он заставлял платить всем хористам по десятке за службу. Тогда это была непозволительно большая плата. Службу о. Иоанн вел не очень аккуратно. Бывало, что и сокращал против правила. Старухи его недолюбливали. И окрестили за его котоватый вальяжный вид котом. В конце концов он чем-то им крепко досадил. Они жаловались на него епископу, но реакции не последовало. Тогда чуть было не расправились самосудом, да вступился наш батюшка — спас бедолагу.

Было это на Светлой неделе. Я приехал раненько, поспел к проскомидии, чтобы одному из первых исповедаться у батюшки. А застал картину весьма удручающую. Храм был полон разъяренных женщин, которые не хотели, чтобы о. Иоанн служил обедню. Они возмущались, двигались плотной массой туда и сюда и были похожи на стаю стрижей в небе, дружно атакующую коршуна. А коршун мечется: то спрячется в алтарь, то опять выйдет с увещеванием, что еще сильнее разжигает атакующую сторону. И никуда бы коршуну не деться, того и гляди посыплются перышки, как вдруг из левого притвора появился отец Александр и густым умиротворяющим голосом запел: „Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!“ Смолкли крики. Сначала робко, потом дружнее подхватили рассерженные женщины живительный пасхальный тропарь, и вскоре служба пошла своим чередом».

Прихожан еврейского происхождения отец Иоанн откровенно недолюбливал. Одной из таких прихожанок была регент второго хора София Рукова. Она вспоминает: «Новый настоятель о. Иоанн, сменивший прежнего, во время чтения шестопсалмия дал мне знак следовать за ним. Приведя в „сторожку“ (так мы называли церковный домик), грозно спросил (а был вдвое выше меня): „До каких пор ты будешь стоять у меня поперек дороги?!“ (Дело, кстати, происходило в субботу вечером, накануне Прощеного воскресенья.) Я на миг потеряла дар речи, потом сказала: „О чем вы, отец Иоанн, как я могу стоять у вас поперек дороги? Вам не нравится, что я регентую на левом клиросе? Так вы вольны меня заменить. Но представьте себе,

как на это посмотрит народ — ведь я здесь уже около 10 лет…“ А к тому времени и все певчие, и прихожане — как москвичи, так и местные, — очень благоволили ко мне. „Сколько тебе тут платят?!“ — снова грозно спросил он. „Ничего не платят. Я же работаю, и у меня вполне достаточная зарплата. Только на именины дарят 10–15 рублей да после отпевания дают иногда один рубль на такси до станции“ (это было правдой). Он замолчал, не зная, что еще сказать, но я добавила: „Я только прошу вас — если вы замените меня кем-то другим, то позвольте мне просто петь хотя бы в самом последнем ряду среди певчих“. Он ничего не сказал, и мы вернулись в храм, где как раз кончилось чтение шестопсалмия и о. Александр уже произносил ектению. На следующий день он просил у меня прощения, как и было положено. Я полагала, что инцидент исчерпан. Но… Прошло сколько-то дней. И одна из девушек правого хора, Ю., рассказала мне, что о. Иоанн посылал ее в Патриархию к епископу, чтобы тот благословил Ю. заменить меня на левом клиросе, как того требует настоятель о. Иоанн. Епископ спросил ее: „А кто та, кого вы должны заменить?“ — „Духовная дочь о. Александра“. — „Ну тогда и будет так, как скажет о. Александр“. Ю. обо всем рассказала моему отцу, он посмеялся в усы, и я осталась на своем месте».

Еще несколько эпизодов, связанных с отцом Иоанном Клименко, описывает Владимир Ерохин: «В то время настоятелем у нас в Новой Деревне был отец Иоанн (Пер Жан, как называл его на французский манер о. Александр Мень). На Пасху Пер Жан, обведя затихший полутемный храм десницей, произнес такую проповедь: „Есть два греха: пьянство и прелюбодеяние. Все согрешили, и ни один не покаялся“. Однажды Шишкарев попал к нему на исповедь. Отец Иван не очень внимательно слушал, его мучила какая-то мысль. Наконец он перебил: „А зачем ты сюда ходишь?“ — „Как зачем? — опешил Володя. — Я православный христианин, хожу в церковь…“ — „Но ты же русский человек!“— простонал Пер Жан. „Во Христе мы все евреи“, — напомнил Шишкарев. Настоятель глубоко задумался и сказал (как раз звучала Херувимская): „Как говорил товарищ Сталин, ты ни Богу свечка, ни черту кочерга“»[251].

Свое отношение к отцу Александру Меню отец Иоанн Клименко красноречиво описал впоследствии на одном из допросов (авторский

стиль, орфография и пунктуация приведены в полном соответствии с протоколом):

«Священник А. Мень был обычным, рядовым сереньким и средненьким служителем Церкви. Музыкальных данных не имел, слуха не имел, голос сильный, громкий, но неприятный. Его речами и беседами бывали очень довольны москвичи и приезжающие иногородние. Местные люди (г. Пушкино и Новая Деревня) не обращали на него внимания. Священник А. Мень был более внимателен к прихожанам, приезжающим из Москвы и других городов. А если смотреть с точки зрения национальности, то его внимание было сосредоточено на прихожанах еврейской национальности и на тех прихожанах, у которых один из родителей еврей. <…> Образование священника А. Мень выглядит так, что не поверишь, что он окончил 10 классов, а если и окончил, то был плохим учеником. Его богословское образование очень и очень слабое. Что может получить заочник Семинарии и тем более заочник Академии, посещавший учебное заведение 10–14 дней в учебном году, а дома нет книг, кроме конспектов? Заочное обучение существует для того, чтобы священники без образования получили что-либо. О. А. Мень был священник, учащийся заочно. Кому-то представляется возможность верить в то, что книжицы, подписанные А. Мень, принадлежали ему, а я их читал. Все они богословски очень слабы и незначительны и не принадлежат ему».

Примечательно то, что сам отец Александр крайне бережно и деликатно относился к своему коллеге и не только спасал его от гнева местных прихожанок, как это описал Александр Зорин, но и берег его самолюбие, регулярно направляя всех членов своей семьи к нему на исповедь и советуясь с ним по личным и хозяйственным вопросам, что также сообщает в своем отзыве отец Иоанн.

С подачи Владимира Никифорова в начале 1984 года был арестован прихожанин новодеревенского храма искусствовед Сергей Маркус. Кроме того, Сандр Рига, не имевший отношения к приходу отца Александра, но хорошо с ним знакомый, был помещен по сфабрикованному диагнозу на «бессрочное лечение в специальную лечебницу закрытого типа» в Благовещенске, то есть в психбольницу.

Во время обыска при аресте Сергея Маркуса в январе 1984 года у него были изъяты книги религиозного содержания, кассеты с

религиозными песнопениями, иконы и машинопись книги А. Солженицына «В круге первом». Немалую роль сыграла неосторожность, с которой Сергей взаимодействовал с иностранными христианскими организациями, готовыми помогать православным в СССР[252]. Основными свидетелями по делу Маркуса стали люди, у которых была найдена полученная от него религиозная литература и которые при этом оказались готовы публично подтвердить, что Маркус высказывался «антисоветски», говорил об отсутствии в СССР свободы вероисповедания, одобрял деятельность «Солидарности» в Польше[253] и т. п.

В процессе следствия Сергея Маркуса запугивали, пытаясь принудить к даче показаний против его духовного отца Александра Меня и многих друзей. Маркус не признал себя виновным, а в последнем слове на суде зачитал тексты своих писем, перехваченных из тюрьмы чекистами, в доказательство того, что в них нет ничего, кроме правды. В итоге решением суда Сергей Маркус был приговорен к трем годам лагерей общего режима по статье 190 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй») и отбывал заключение в Туве, а религиозную литературу, упомянутую в приговоре, было постановлено сжечь. Таким образом, на протяжении следствия Сергей Маркус вел себя достаточно последовательно. Метаморфоза произошла позднее. При отбывании срока он раскаялся и в 1986 году публично выступил с призывом «отказаться от религиозного диссидентства и участвовать в „Перестройке“ на условиях диалога Церкви и государства». Как вспоминает Александр Зорин, «С. М. незадолго до своего освобождения из лагеря переслал через кого-то батюшке письмо. Большое, на 20 страницах, датированное 8 ноября… А на очередном допросе отцу А. предложили с письмом — ксерокопией — ознакомиться: „Оно адресовано вам“. Оно адресовано нам, прихожанам Новой Деревни, и потому батюшка дал мне его прочитать.

Автор сначала, как формулу приличия, приносит свои покаяния и тут же переходит к „общим“ ошибкам, общим его и его духовника. Осуждает „малые группы“, „антисоветизм“. Называет приход „нелегальной организацией“ и „подпольной церковью“. Все эти „плямбы“ он вешал на „мы“ — на себя и на адресата. Рассуждает об

антиномии Духа и материи, антиномии Церкви и государства, социализме 80-х годов. Анализирует наше отношение к социализму… Словом, демагогическая инспирированная чепуха. Инспирированная собственной трусостью. В конце призыв: наложите на свою АНТИ (всякого рода) деятельность мораторий. В противном случае — идут угрозы, предупреждения.

Один из пунктов письма — попытка осмысления марксизма как передовой системы взглядов современного „рабочего“ интеллекта. Системы „прогрессивной и жизнетворной“. Марксизм-де, усваиваясь странами „третьего мира“, „оздоровляет политическую атмосферу и завоевывает пространство“. У нас была „неверная ориентация на размножение литературы, распространение Библий, катехизацию, связь с иностранцами и т. д.“. Это все ослабляет внутреннюю духовную жизнь. И в конце письма — маленькая невинная просьбишка: „Дайте это письмо прочитать Елене Владимировне“. Елена Владимировна[254] прошла сталинские лагеря и тюрьмы, почти совсем потеряла зрение, ей уже за восемьдесят. Что означает этот крючочек? Что ИМ сейчас-то от нее нужно?..

В Фомину субботу С. М. пожаловал к батюшке собственной персоной. И запел ту же песню: „Наш приход — среда скрытого антисоветизма, в нашем приходе осели бывшие друзья Солженицына“. — „Но знаете ли вы хотя бы одного друга Солженицына в нашем приходе?“ — спросил батюшка. „Нет, — сознался С. М., — но в нашем приходе гуляют антисоветские тексты“. — „Но где они, видели вы хотя бы один?“ — „Здесь не видел, но у меня дома были…“ <…>

„Можно ли мне по-прежнему считать себя вашим прихожанином?“ — спросил С. М. Отец А. примирительно, но однозначно ответил: „Видимо, я недостаточно убедителен был для вас в прошлом, это привело к печальным результатам. Вам нужен другой духовник“».

Не вызывает сомнений то, что ни у Никифорова, ни у Маркуса не было каких-либо заданных предпосылок к совершению злодеяний по отношению к своему духовнику и прихожанам его храма. Однако методы воздействия на подследственных, применяемые сотрудниками КГБ, мало кто смог бы вынести без последствий для окружающих. Андрей Черняк вспоминает в этой связи ответ отца Александра на

вопрос о мотивах «раскаяния» священника Дмитрия Дудко: «Нас с вами там не было. Мы не знаем, как сами повели бы себя в этой ситуации. А он сидел еще при Сталине».

Во время следствия по делу Маркуса на отца Александра, Андрея Бессмертного и нескольких других прихожан Новой Деревни оказывалось давление. В частности, отцу Александру во время допросов угрожали запретом служения в московских и подмосковных приходах, многократно повторяли, что в ближайшее время будут арестованы его ближайшие последователи — Александр Борисов, Андрей Бессмертный и др.

В какой-то момент у отца Александра на фоне переживаний за приход возникло воспаление суставов, и он часто не мог спать ночами от боли. Сергей Бычков вспоминает о том, как однажды отец Александр сказал ему, что бессонными ночами обычно работает над составлением Библейского словаря. «Я в это время читал испанского писателя Мигеля де Унамуно и процитировал отцу Александру запомнившуюся мне фразу этого писателя: „У меня болит Испания“, — рассказывает Сергей Бычков. „А у меня болит Новая Деревня“, — мгновенно отреагировал отец Александр». Конечно же, он имел в виду своих прихожан, которые «попали под удар» в результате сложившейся ситуации, когда силы зла пытались сокрушить приход. Сам отец Александр стоически переносил эти испытания и «принимал удар на себя» всегда, когда это было возможно. Он свято следовал словам Христа о том, что «пастырь добрый полагает душу свою за овец своих».

«Я ни разу не видел его в плохом настроении, — вспоминает сын отца Александра Михаил. — Отец настолько был человеком жизнерадостным (и это было основано на глубоком христианском понимании мира), что даже в начале 80-х, когда происходили и обыски, и вызовы на Лубянку для допросов, — он об этих событиях, о которых можно было тогда только с содроганием рассказывать, говорил, — чтобы оградить семью, успокоить мать, — в шутливом тоне. И действительно, было ощущение, что он и из этих серьезных неприятностей, и из каких-то других ситуаций выходил победителем…»

С конца 1983-го до сентября 1986 года отца Александра регулярно вызывали на допросы в Совет по делам религий, где с ним подолгу

беседовали сотрудники КГБ. «„Вызывают на допрос. В Совет по делам религий“, — описывает обычный для тех лет диалог с отцом Александром Владимир Файнберг. — „Почему не в КГБ?“ — „Наверное, так им удобнее. Так сказать, под религиозной сенью… Вернее — антирелигиозной“. Палит солнце. Рядом рокочет Садовое кольцо. В запахе гари гонит оно бесконечный поток автомашин. Под чахлыми липами идут прохожие. Почти каждому из них всего через полтора-два года станет известно имя человека, которого сейчас допрашивают. Оттуда отъезжают „волги“ с зашторенными задними стеклами. Может быть, в одной из них вас увозят на Лубянку или в Лефортово…»[255]

В первой половине 1980-х прихожане Новой Деревни ждали арестов. Обыски стали обычным делом. Молились за отца Александра. Старались не собираться в сторожке, не задерживаться в храме и рядом с ним. Было известно, что из домика напротив храма ведется видеосъемка всех входящих и выходящих. Но отец Александр оставался спокоен и радостен, говоря: «Если мы нужны Господу, Он удержит нас и на ниточке». Когда в 1984 году Александр Кунин спросил батюшку, о чем сейчас важно молиться, то отец Александр попросил его молиться о нем, процитировав слова из Евангелия: «Поражу пастыря, и рассеются овцы».

Однажды Владимир и Евгения Архиповы получили конверт с краткой запиской от отца Александра. Их поразило то, что в записке было указано время ее написания с точностью до минут, что не было характерно для батюшки. Впоследствии выяснилось, что отец Александр писал эту записку по дороге на допрос. Андрей Тавров вспоминает, как спросил отца Александра, не страшно ли ему. «Нет, — ответил отец Александр, — не страшно. Просто каждый раз, когда я туда еду, я не знаю, вернусь я назад или нет».

Для уединенных бесед в эти годы отец Александр часто предлагал своим прихожанам совместную прогулку на кладбище неподалеку от храма, к могилам Елены Семеновны и Веры Яковлевны. После молитвы об упокоении усопших обсуждались дела и ближайшие планы. «Был яркий солнечный день, собралась довольно большая группа жаждущих поговорить с батюшкой, — вспоминает священник Михаил Залесский. — Отец Александр вышел за ограду и направился в сторону кладбища, сказав: „Ну, пойдём, армия Трясогузки!“ Он был в

белой рясе, сияющей на ярком солнце неземным светом. Картина шествия была впечатляющей. Отец Александр привел нас на могилу своей матери, Елены Семеновны, и начал беседовать со всеми по очереди. Одна из ожидавших разговора с ним сказала: „Вот, Елена Семеновна и после смерти собирает нас у себя“ — и стала вспоминать, как раньше они собирались на даче, которую Елена Семеновна снимала для таких бесед. Подошла моя очередь. Недолго, но достаточно детально обсудили мы структурные особенности библейских текстов».

Отношение отца Александра к кладбищам было позитивным. «Здесь хорошо. Здесь всё — правда. Все погоны и чины остались позади. Здесь всё, как оно есть», — говорил он. Но даже на кладбище батюшка вынужден был сохранять бдительность — на Ярославском шоссе, проходящем невдалеке, время от времени останавливались незнакомые машины, слежка не прекращалась. Даже в Коктебель, куда отец Александр ездил в отпуск, Комитет госбезопасности направлял своих «следопытов». В отсутствие батюшки его дом «навещали», вещи просматривали и с большой вероятностью фотографировали рукописи. Евгений Пастернак вспоминает о том, что в саду рядом с домом, где они с женой снимали комнату в Коктебеле, как выяснилось позднее, под дощатым столом, за которым они обедали, было установлено записывающее устройство с микрофоном, поскольку за этим столом они периодически встречались с отцом Александром, жившим тем летом в соседней комнате. Хозяйка дома, которая очень тепло относилась к своим постояльцам, со слезами на глазах рассказывала о том, что ей угрожали сотрудники КГБ и она ничего не могла поделать в этой ситуации[256].

В КГБ отчетливо понимали, насколько опасен для властей человек, встреча с которым буквально переворачивает сознание людей и превращает в труху призывы правительства стремиться к победе коммунизма. Внутренняя свобода и талант отца Александра, его свидетельство о живом Христе вызывали резкое неприятие властей предержащих. В КГБ отцу Александру был присвоен псевдоним «Миссионер», что очень точно отражает призвание их «подопечного». В соответствующих отчетах его называли «ДОН» — долговременный объект наблюдения. Таким образом, за отцом Александром была установлена многолетняя слежка, что подтверждает и рассекреченное

со временем письмо генерала КГБ А. Олейникова, в котором он упоминает стукачей, внедренных КГБ в новодеревенский приход.

Евгений Рашковский запомнил вопрос, с которым в тот период обратился к нему «кум»[257] при попытке вербовки в осведомители о ситуации в новодеревенском приходе: «Вы не хотели бы как-то ярче проявить свою гражданскую позицию?» — «Моя позиция — это мой труд», — ответил Евгений.

Многочисленные допросы в КГБ имели целью добиться от отца Александра «раскаяния» за его публикации на Западе, организацию малых групп и особенно — религиозное воспитание детей. При обыске, как рассказывают, вошедшие говорили: «Оружие, наркотики, религиозную литературу для детей — на стол!» «Сказал мне следователь: „Дотронетесь до детей — р-р-руки отобьем!“» — заметил однажды отец Александр в разговоре с Владимиром Юликовым. В вину отцу Александру вменялось также крещение людей без регистрации, в то время как предъявление паспорта новокрещаемыми, если они имели официальную работу, представляло серьезный риск потери этой работы. Любые публикации на религиозно-церковную тематику в западных журналах и альманахах типа «Вестника РХД», издававшегося в Париже, также приравнивались к преступлению в глазах властей, а число таких публикаций в 1980-х годах росло. Если авторы подобных статей, по информации КГБ, были прихожанами отца Александра, то его начинали еженедельно вызывать на допросы. При этом отец Александр четко понимал, какие испытания по силам тому или иному его прихожанину, и в случае прямого вопроса от КГБ считал вполне приемлемым признание человеком своего авторства той или иной статьи с оговоркой о том, что статья передавалась друзьям и знакомым в рукописи, а способ ее попадания на Запад автору неизвестен.

Публикации на Западе собственных книг и статей отца Александра вызывали особую ярость КГБ — все псевдонимы автора были к тому времени уже давно расшифрованы чекистами. По этой причине отдельные тома «Истории религии», вышедшие в Брюсселе, датированы более ранним годом издания по сравнению с фактической публикацией, что позволяло несколько отодвинуть в прошлое актуальность события. В частности, при издании в 1983 году последнего тома шеститомника «На пороге Нового Завета» под

авторским псевдонимом Эммануил Светлов издательство «Жизнь с Богом» в качестве года издания указало 1972-й, в том числе и для того, чтобы избежать проблем, связанных с подписанием СССР конвенции об авторских правах. Выход этого издания вызвал шквал угроз со стороны следователей КГБ, которые предупредили автора о том, что следующая книга станет формальным поводом для тюремного заключения или как минимум прекращения служения. И всё же в следующем, 1984 году в брюссельском журнале «Логос» состоялась публикация статьи отца Александра «Введение в христианскую веру и жизнь (в помощь катехизатору)».

В некоторых случаях перед началом допроса отец Александр ехал к своему правящему епископу, митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию, чтобы согласовать с ним очередной вариант так называемого «покаянного» письма. И каждый раз в Совете по делам религий ему говорили о том, что не видят раскаяния в предложенном им тексте, в то время как целью работы «органов» было именно выступление отца Александра в прессе с раскаянием. От него также требовали назвать активных прихожан, чтобы стало возможным «обезглавить» приход, скомпрометировав или арестовав одновременно батюшку и ключевых ведущих малых групп. Эта процедура повторялась снова и снова, с незначительными изменениями сценария, в течение многих месяцев. А в одной из московских квартир во время каждого допроса заветного телефонного звонка от Алика ждали Розочка и Маруся (Роза Марковна Гевенман и Мария Витальевна Тепнина), готовые, как и полвека назад, к возможному аресту дорогого им человека; они вместе молились за него и крепко обнимались, услышав наконец его голос в телефонной трубке. Когда однажды Сергей Бычков спросил отца Александра о том, чего же добиваются от него «органы», отец Александр ответил: «Они хотят меня дудкизировать»[258].

В другой раз, когда он вышел из КГБ после жесткого допроса, кто-то спросил его, было ли ему трудно. «Вы забываете, что я священник, — ответил отец Александр. — Я могу разговаривать с кем угодно, мне это никогда не трудно».

«Я никогда специально не старался, в отличие, скажем, от о. Дмитрия Дудко, чтобы меня посадили, — цитирует Михаил Завалов размышления отца Александра в свете возможного скорого ареста. —

Но сейчас в их плане работы я стою на первом месте, поскольку всех священников-диссидентов уже пересажали, а им надо работать. Сейчас Мень — как пень. Так вот, друзья мои, если что-то со мной случится, я бы очень хотел, чтобы ваша жизнь продолжалась, как это было и при мне: чтобы вы продолжали встречаться, делать те же дела…»

«Если меня возьмут, не смущайтесь, — вспоминает Евгений Рашковский слова батюшки перед поездкой на допрос. — Господь вам найдет своих пастырей».

Ив Аман, атташе французского посольства в Москве по культуре в те годы, приводит написанный иносказательно ответ отца Александра на вопрос о его мнении по поводу возможности отъезда из страны в свете грядущего ареста: «Моя болезнь, развивающаяся угрожающе быстро, — лишь часть общей эпидемии. От этого не существует лекарств. Перебраться в незараженный район невозможно, да у меня и нет особого на то желания. Остается лишь верить, надеяться и продолжать работать».

По воспоминаниям Александра Зорина, последний допрос отца Александра вел Генрих Михайлов, автор атеистических брошюр. Основная масса сведений о приходе, которыми к тому времени располагали органы госбезопасности, была основана на показаниях Никифорова. Сведения эти касались структуры и деятельности прихода, в то время как двадцатистраничное письмо Маркуса более позднего времени добавляло масла в огонь, трактуя цели существования малых групп как прокатолические. И снова отцу Александру угрожали лишением сана и возбуждением дела. В качестве непосредственной улики на этот раз ему был предъявлен проект катехизации по «Символу веры», который, по словам отца Александра, представлял собой план его будущей, ненаписанной книги. «К 88-му году[259] они хотят очистить Церковь, — цитирует Александр Зорин пояснения отца Александра по итогам допроса. — Одного священника выслали, одного посадили, со мной пока не знают, что делать, но вроде бы гнут на покаяние. Письмо, которое я им написал, не удовлетворило, требуют другого варианта. В пятницу еду к митрополиту с новым письмом, вместе отредактируем, поправим, и я отнесу. Просили доставить лично. Митрополит настроен доброжелательно, обещал сделать всё от него зависящее. А что от него зависит?.. Всё решается на других уровнях, в иных сферах…»

Митрополит Ювеналий, в 1977 году назначенный митрополитом Крутицким и Коломенским, правящим архиереем Московской епархии (в границах Московской области, за исключением города Москвы), во многих случаях поддерживал отца Александра. Познакомившись с ним, отец Александр сказал брату: «Ты будешь смеяться, но митрополит оказался верующим». «Дело в том, что мы выросли в „катакомбной“ церкви, — поясняет Павел Мень, — и мы прекрасно знали, что в епископате одни идут на компромиссы, а другие идут совсем другим путем, и Александр достаточно хорошо понимал всю ситуацию».

Впрочем, отец Иоанн Клименко имел свою точку зрения на взаимоотношения епископа и второго священника вверенного ему храма: «Митрополит Ювеналий объяснял свои взаимоотношения с о. А. Менем чуткими по той причине, что за А. Мень внимательно смотрят за границей. И если у митрополита будут плохие отношения с о. А. Мень, это будет значить, что у нас гонения на духовенство. Во избежание такого недоразумения Митрополиту пришлось быть в хороших отношениях с А. Мень. Все Митрополиты и Епископы, члены Св. Синода и другие (кроме ректора Московской духовной академии, там Мень уделялось много внимания), смотрели на о. А. Мень как на обычного бездарного священника и никто не имел к нему никаких претензий. О. А. Мень был для них недоразумением. Все знали, что его студенческие способности и священнические и проповеднические — во всем он был незначительным сельским священником, на которого не обращали внимания» (авторский стиль, орфография и пунктуация приведены в полном соответствии со свидетельскими показаниями отца Иоанна Клименко).

Весной 1986 года КГБ предпринял очередную акцию по отношению к отцу Александру и новодеревенскому приходу в рамках «социальной профилактики». В конце марта 1986 года в ЦК КПСС был направлен отчет Пятого управления КГБ, «курировавшего» религиозную жизнь граждан СССР, в котором было сказано следующее: «По нашим материалам корреспондентом газеты „Труд“ Н. Домбковским подготовлена статья „Крест на совести“, которая готовится к печати».

Указанная статья вышла в двух номерах газеты «Труд» за 10–11 апреля 1986 года. Священник Александр Мень представлен в ней

кратко: «Организовал религиозный кружок. Нелегально распространял магнитофонные записи лекций сомнительного содержания». В публикации идет речь о тайной встрече в московской квартире на «Речном вокзале» американского священника и члена редколлегии «Вестника РХД» отца Иоанна Мейендорфа с отцом Александром Менем, Глебом Якуниным и несколькими их последователями, на которой якобы обсуждалась идея рукоположения в США выходцев из СССР иерархами американской православной церкви и последующего создания ими у себя на родине тайных приходов. «Чтобы упростить задачу подготовки подпольных священников, решить проблему „кадров“, — пишет Домбковский, — участники встречи предложили открыть в СССР заочный сектор Свято-Владимирской духовной академии, находящейся в Нью-Йорке. Ну а если кто-нибудь попытается помешать реализовать эти планы, „борцы“ готовы предоставить мировой общественности „полную информацию о гонениях за веру“». Между делом автор останавливается более подробно на описании участников встречи: «Александра Вольфовича Меня голыми руками не возьмешь. Лукав отец Александр!» И хотя первоначально прямая речь отца Александра в статье приведена достаточно корректно: «Никто меня никогда не преследовал. Служил и служу — уже двадцать семь лет на одном и том же месте, в Подмосковье», его ответ на провокационный вопрос, поднятый Домбковским: «Вас на Западе хорошо знают — вот сколько книг вы там издали», передан уже явно утрированно: «Сам не знаю, как они там оказываются! Я так, для себя заметочки делаю, ну, друзьям даю почитать. Вот кто-то и передал на Запад. Лично я — ни-ни. Я вообще, сколько помнится, ни с одним иностранцем не встречался. Ну, разве только кто зайдет на службу — так ведь храм для всех открыт. Мое дело — проповедовать смирение и божьи заповеди…» И далее автор статьи весьма одиозно трактует деятельность и мотивацию батюшки: «Этот материал уже готовился к печати, когда Александр Мень направил в Совет по делам религий при Совете Министров СССР официальное письмо, протестуя против использования его имени в антисоветской пропаганде. На это у него хватило духу, а вот о прочих своих деяниях он не написал ни слова. Видно, память подвела. Много чего не помнит Александр Вольфович. И незаконных религиозных утренников, и лично им озвученных слайд-фильмов религиозно-

пропагандистского характера, которые нелегально распространял среди верующих, и встречи на „Речном вокзале“. Такую забывчивость, впрочем, несложно объяснить — всю жизнь стремился батюшка устроиться получше, и вспоминать неприятное ему ни к чему. <…> Кривая дорожка все дальше уводила Меня от нормального жизненного пути, приведя в конце концов в ряды „оппозиционеров“».

«Помню, как в апреле 86-го года я сидела на вечере В. Непомнящего и получила записку от Жени Березиной[260] о том, что сегодня в газете статья об отце, — вспоминает Наталья Трауберг. — А я еще утром, идя по Тверской, увидела на стенде эту мерзейшую статью в газете „Труд“. Я стала копаться в сумочке и нашла записку, написанную отцом Александром зеленым карандашом еще лет десять назад. Там написано: „Не бойся, червь Иаков, малодушный Израиль. Я Господь Бог твой, держу тебя за правую руку и говорю, не бойся, Я помогаю тебе“ (Ис. 41: 14). А на другой стороне: „И до старости вашей Я тот же буду, и до седины вашей Я буду водить вас и укреплять вас“. Я вынула эту записку и послала Жене, потому что она написана прямо к этому случаю»[261].

«Я играл концерт в одном закрытом институте и был поражен, увидев на стенде „Происки империализма“ рядом с карикатурами на толстых буржуев и империалистов в котелках и с бомбами в руках статью „Крест на совести“. Она была увеличена фотоспособом метр на метр!» — вспоминает Олег Степурко.

«Обычно такие публикации были прелюдией к аресту, — рассказывает Владимир Илюшенко. — Прочтя статью, я дал отцу телеграмму и поехал в Семхоз. Хотелось как-то подбодрить его. Вопреки ожиданиям, он не был не только подавлен, но даже сколько-нибудь расстроен. Он был, как всегда, бодр, деятелен и абсолютно спокоен. Настроение у него было хорошим (у меня — гораздо хуже). Тогда я еще раз убедился, насколько он полагается на волю Божию, насколько он свободен от суда земного. Он даже не хотел говорить об этой статье, отделался двумя словами и заговорил о другом».

Таким образом, в самом начале смены общественных парадигм на заре «Перестройки» в СССР официозная газета «Труд», выходившая тиражом 17 миллионов экземпляров, громогласно выступила с обвинениями отца Александра в организации религиозных кружков, нелегальном распространении магнитофонных записей лекций и

участии в организации подготовки подпольных священников. Предполагалось, очевидно, что эта публикация станет последним аккордом перед арестом опального священника, но случилось так, что она стала последним открытым выступлением КГБ против батюшки (сомнений в том, какая организация стоит за именем Н. Домбковского, ни у кого из прихожан Новой Деревни не возникло), поскольку атмосфера в стране в это время уже начинала стремительно меняться. Несмотря на то, что допросы отца Александра длились вплоть до начала сентября 1986 года, ареста не последовало. «Однажды прямо с Лубянки он пришел ко мне, однако не усталый, не измученный, а полный кипящей энергии, бодрый и даже довольный тем, как он провел „беседу“, — продолжает Владимир Илюшенко. — Он не уклонялся от разговоров с ними. Он пользовался случаем, чтобы даже этих людей наставить на путь добра, и они это чувствовали. Они читали его книги. По некоторым беглым деталям я понял, что он вызывал у них не просто уважение, но даже некий пиетет. Им как бы хотелось оправдаться перед ним». В конце концов чекисты вынуждены были принять предложенную батюшкой версию «покаяния», которое в виде письма в редакцию было опубликовано 21 сентября 1986 года в той же газете «Труд»:

«Сознаю, что, сам того не желая, допустил нарушения законодательства о культах. Так, некоторые мои незавершенные рукописи и магнитозаписи вышли из-под моего контроля и получили хождение. Мое общение с прихожанами храма, вопреки моим намерениям, привело к прискорбным для меня фактам. Некоторые из моих прихожан оказались виновными в противообщественных поступках или на грани нарушения закона. Считаю, что несу за них определенную моральную ответственность. Кроме того, публикация моих богословских работ в западном католическом издательстве „Жизнь с богом“ была использована западной прессой для причисления меня к „оппозиционерам“. В настоящее время я более строго взвешиваю мои действия».

Как всегда, батюшка «принял огонь на себя», взвалив на свои плечи то, в чем Комитет госбезопасности обвинял его прихожан. Ни малейших пагубных последствий для паствы отца Александра и его дальнейшей деятельности это письмо не имело.

Из рассказа Валентины Кузнецовой: «В то время, когда в газете „Труд“ появилась мерзопакостная и стопроцентно лживая статейка под названием „Крест на совести“ и отца Александра через день таскали в КГБ, так что мы с ужасом ждали его ареста, вдруг наступило молчание… Как его понять? Затишье перед бурей?

И вот однажды отец Александр мне говорит:

— Знаете, кажется, что-то изменилось, ветер подул в другую сторону. Со мной N поздоровался.

А было это так: отец Александр приехал по делам в Патриархию, открыл одну дверь, увидел, что там какое-то собрание, и дверь закрыл. Но вдруг из дверей выскакивает этот самый N и сердечно с ним здоровается.

— А вы с ним знакомы? — спрашиваю я.

— А как же! Мы с ним друзьями были.

— И он перестал с вами здороваться?

— Ну, как перестал… Просто, когда я шел, он начинал с кем-то увлеченно разговаривать, или за окном его что-то заинтересовало… Что-то меняется! А что не здоровался… Понимаете, он сибарит, собственный комфорт ему всего дороже.

Позже я узнала, что у N была кличка Флюгерок…»

По воспоминаниям Андрея Еремина, семья Горбачевых с большим уважением относилась к академику Д. С. Лихачеву[262], который однажды передал жене Горбачева Раисе Максимовне шеститомную «Историю религии» с указанным на ней именем автора: «Э. Светлов». Книги Раисе Максимовне очень понравились. Через некоторое время после публикации в газете «Труд» Д. С. Лихачев раскрыл Раисе Горбачевой настоящее имя автора впечатлившего ее шеститомника, добавив, что в настоящее время отцу Александру Меню грозит арест[263]. Допросы батюшки в КГБ с тех пор не возобновлялись.

«Четыре с лишним года в начале 1980-х оказались такими трудными, словно нас, как тех цыплят, придавили утюгом. Отец держался, — пишет Наталья Трауберг об отце Александре. — Мы писали друг другу короткие записки. Одной из темнейших зим я обозначила номера стихов „Сторож, сколько ночи? Сторож, сколько ночи?“, и отец ответил тоже одними номерами: „Приближается утро, но еще ночь“[264]».

Марианна Вехова в этот период спрашивала отца Александра о том, как погасить в себе неприязнь и желание отомстить тем, от кого невозможно уйти, как не попасться в ловушки обиды. Он ответил, что надо думать не об обидчике, а об Иисусе Христе. Чаще смотреть на облака, на звезды, устанавливать в себе такую тишину, как там, в вышине. А на обстоятельства смотреть как бы издали и сверху, словно вы умерли и просматриваете свою жизнь из другого мира…

«Как-то утром мы с ним прикалывали к стене карту Святой Земли, — рассказывает Владимир Ерохин. — Отец был утомлен — вчера таскали на допрос. Согнулась железная кнопка. Я выкинул ее в корзину со словами: „Если кнопка согнулась, ее уже не разогнуть“. — „Ибо кнопка подобна человеку“, — добавил отец Александр. Согнуть его было невозможно — только убить».

Впоследствии, отвечая на вопрос о «неприятностях» с КГБ, отец Александр так сформулировал свое отношение к этой теме: «Да, у меня были и трудности, и неприятности. И не мало. Но говорить об этом я не хочу. Когда меня об этом спрашивают, я всегда отвечаю, что мои духовные наставники десятки лет сидели в тюрьмах и лагерях. В сравнении с этим угрожающие письма, обыски, допросы, выпады в прессе — не такое уж тяжелое испытание. И вообще, в те годы многим доставалось. Я не был исключением — только и всего. На компромиссы мне идти не приходилось. Но за это я благодарю только Бога…» В разговоре с Ириной Макаровой-Вышеславской он уточнил: «В конце концов, неприятности в КГБ — это норма жизни для порядочного человека в России. Даже стыдно прожить без этого».

Глава 2
Мосты над бездной

Уже начиная с 1960-х годов в окружении отца Александра стали появляться люди, которые фактически становились мостом между православным миром в советской России и христианским Западом и участие которых в жизни отца Александра и новодеревенского прихода имело большое значение.

Ранее мы упоминали об Асе Дуровой, с помощью которой попали на Запад первые копии машинописных книг отца Александра и которую друзья называли «ангелом самиздата». Расскажем немного подробнее об этом удивительном человеке.

Ася Дурова родилась в 1908 году в Луге под Петербургом и происходила из типичной для России начала XX века образованной и демократичной дворянской семьи. Род Дуровых стал известен в России в XIX веке благодаря «кавалерист-девице», героине Отечественной войны 1812 года Надежде Дуровой, а в XX веке — благодаря представителям династии знаменитых дрессировщиков Дуровых. Отец Аси, Борис Дуров, был офицером, и вся семья была вынуждена кочевать вслед за ним, переезжая из Киева в Брест-Литовск, Нижний Новгород, затем, накануне революции 1917 года, — на Кавказ, в Новороссийск, и, наконец, — в эмиграцию во Францию. Примечательно, что после переезда в Париж отец Аси стал одним из учредителей, а затем и директором русской гимназии, в которой впоследствии работал будущий митрополит Сурожский Антоний.

Вот как Анастасия Дурова рассказывает о первой встрече с Богом, которая произошла у нее в возрасте четырех лет: «…Я поняла, что это Он, Бог, бесконечно личностный и бесконечно реальный, и что я составляю с Ним единое целое. <… > Это тесное общение с тех пор никогда не прерывалось»[265]. Во Франции Ася стала первой русской православной ученицей колледжа Пресвятой Девы Марии, основанного Мадлен Даниелу[266]. Ася с детства любила православное богослужение, и, по ее воспоминаниям, в колледже никто не принуждал к католичеству. Но ей «хотелось как можно чаще приступать к причастию», а это было возможно только в католической

Церкви, где с начала XX века существовала практика частого причащения. Поэтому в колледже она «не без горечи» приняла решение перейти в католичество, что вызвало долгий период отчуждения между Асей и ее семьей. Несмотря на переход в католичество, Ася на всю жизнь сохранила глубокое знание православной и литургической культуры и любовь к православной Церкви. В 22-летнем возрасте она дала обет безбрачия. «Я чувствовала, что Господь хочет, чтобы я отдала Ему свою жизнь ради России, — вспоминает Ася. — Если Россия когда-нибудь откроет свои границы, я смогу вернуться туда». Бабушка Аси, оставшаяся в Петербурге и впоследствии погибшая во время блокады, писала ей во Францию: «Не мечтай о России: ее попрали люди и покинул Бог. <…> Избави тебя Бог увидеть, во что превратился родной тебе народ». Но вектор пути Аси Дуровой был уже определен, а ее надежду на возвращение в Россию разделяла в те годы вся русская эмиграция.

В 1937 году Анастасия принесла окончательные монашеские обеты в Апостольской общине святого Франциска Ксаверия, став монахиней в миру. Она преподавала в школе для детей рабочих, работала сестрой милосердия в больнице для бездомных, изучала русский язык и культуру в Институте восточных языков и принимала участие в католическом экуменическом движении. В 1939 году Ася закончила курсы медицинских сестер при школе Союза французских женщин и стала одним из организаторов диспансера в Курбевуа под Парижем, в котором служила во время Второй мировой войны и после нее. В 1959 году Ася впервые приехала в Россию в составе туристической группы. Взволнованная до слез увиденным в первые дни своей поездки, она записывает: «Россия, бедная Россия, ты променяла свою прошлую бедность на еще более суровую нищету! Ты потеряла радость». Тогда же Ася встречается с Борисом Пастернаком, к которому у нее было поручение из посольства в связи с публикацией во Франции «Доктора Живаго». Разговор с ним потряс Асю. «Мне безразлично, — сказал ей Пастернак, — сошлют меня или посадят; свободы у меня никогда не смогут отнять. Не заботьтесь о моей безопасности: я всё предал в руки Господа. Политический режим в СССР основан на лжи. Здесь больше не живут. Здесь существуют!»

В следующие поездки Ася приезжала в Россию как переводчик и встречалась с Андреем Синявским[267], которому рассказала о

ситуации с изданием его статей во Франции, и с семьей Бориса Пастернака. «С ее помощью, — рассказывает об Асе Дуровой внук Б. Л. Пастернака Петр, — в Оксфорд к Лидии Леонидовне[268] после копирования были переправлены дневники Ольги Михайловны Фрейденберг[269] (папа боялся, что они могут попасть в КГБ). Почти каждый свой приезд Ася появлялась у нас, все были ей рады. Она снабжала родителей „писалками“ (табличками, на которых можно было одним движением стирать написанный палочкой текст)». В этот период Ася Дурова постепенно сформулировала для себя свою миссию служения России как служение делу правды и свободы вероисповедания вопреки лживой коммунистической идеологии. В 1964 году она приехала в Москву уже в качестве начальника бюро по внешним связям французского посольства. На эту должность требовался человек, который бы свободно владел русским и французским языками, знал все правила этикета и умел бы вести приемы, поскольку действующий французский посол был вдовцом. Анастасия Борисовна была именно таким человеком.

В 1966 году Евгений Барабанов познакомил Асю с отцом Александром Менем. «Отцу Александру тридцать с небольшим, он невысок и черноволос, с правильными чертами лица и коротко подстриженной, ухоженной бородой, — записывает Ася в своем дневнике. — Его живые черные глаза искрятся умом». Они говорили о трагическом положении Церкви, об антиканонических положениях Собора 1961 года, о растущем интересе молодежи к религии и строгом запрете на ввоз в страну религиозной и философской литературы. Ася передала тогда отцу Александру для его прихожан все свои книги, а затем продолжила это делать, получая религиозную литературу из Франции с дипломатической почтой.

Прочитав сочинения отца Александра, ходившие в самиздате, Ася немедленно оценила их уровень и силу воздействия на людей, жаждущих духовного обновления. Связавшись с основателем издательства «Жизнь с Богом» в Брюсселе Ириной Посновой[270], Ася отправила ей машинописную версию книги «Сын Человеческий», и в 1968 году книга была издана под псевдонимом А. Боголюбов. Это было только начало многолетнего сотрудничества, в результате которого в издательстве «Жизнь с Богом» впоследствии были изданы все основные работы отца Александра. В то же время его духовные

дети — Евгений Барабанов, Михаил Аксенов-Меерсон и другие — начали благодаря Асе тесно взаимодействовать с «Вестником РХД» и его главным редактором Никитой Струве.

Тем временем Ася Дурова тайно отправляла на Запад множество трудов, которые по цензурным соображениям не могли быть опубликованы их авторами в СССР.

Александр Солженицын знал, что у отца Александра Меня есть связь с Западом, и просил его о помощи в передаче туда своих материалов. «Он готовно и очень уверенно сказал: „Да, конечно, пока мой канал не засорился“. И он — взял. И — выполнил», — вспоминал Солженицын свой разговор с отцом Александром.

Отец Александр вел тогда неофициальные семинары в молодежной среде, а главным организатором в приходе в те годы был Евгений Барабанов. Через двоих посредников, включая Евгения Барабанова, материалы передавались от Солженицына во французское посольства человеку, которого Солженицын не знал и которого условно называли «Вася» (много позже Солженицын узнал, что «Вася» — это *она*, и притом монахиня). Эта цепочка действовала безотказно три года, начиная с передачи машинописи «Августа четырнадцатого» в издательство «ИМКА-пресс» в 1971 году, и ни разу не была выслежена КГБ.

«Все подробности об этой легендарной „Васе“ мы стали узнавать только уже на Западе, а весной 1975-го в Париже познакомились и с нею самой, — вспоминал А. И. Солженицын. — Католичка, монахиня, — это оказалось верно, но — я воображал ее хрупким ангелом — вошла в наш гостиничный номер этакая русская провинциальная добрая толстуха, без сомнения превосходная хозяйка (легче всего представить ее, как она угощает соленьями-печеньями многочисленных гостей), с русским выговором не только полностью сохраненным, как уже мало сбереглось в эмиграции, но — аппетитнейшим, но сочным, как уже и в Советском Союзе подавили, не умеют говорить так».

Бойкая и смелая, быстро-расчетливая и вместе с тем сердечная, Ася свободно освоилась в советских реалиях, сочетая твердость и приветливость в общении с советской администрацией и рабочими, — и оказалась настолько к месту, что и последующие послы с удовольствием продолжали с ней работать. Будучи вынужденной

общаться с сотрудниками КГБ, периодически навещавшими ее и пытавшимися ее завербовать, посулив материальные блага (к которым Ася была совершенно равнодушна), она все же нашла способ сохранить с ними приемлемые отношения и снять подозрения. Одновременно Ася всё больше знакомилась с диссидентами и людьми высокой культуры, включая Синявского и Даниэля, Марию Юдину и Надежду Мандельштам, священников Александра Меня и Дмитрия Дудко, у многих бывала дома и даже крестила детей Евгения Барабанова.

«То, что была Ася Дурова — особенное сочетание хозяйственности, находчивости, сметки, смелости и обезоруживающей доброты-простоты, позволило ей годами вести напряженный, может быть, главный, нелегальный канал из России на Запад, даже не имея дипломатического иммунитета, — такое вести, на что не отваживались защищенные (но служебно-карьерные) дипломаты, — продолжает А. И. Солженицын. — Она обычно и посылала — не через дипломатов, а так, с разными случайными людьми, то — со знакомыми по старой парижской жизни, по колледжам, чаще и не говоря, что повезут криминал. „Второстепенное всегда берут легче…“ „Какое-то чутье“, с кем можно, с кем нельзя, — никогда не подводило. Так, через несколько звеньев, были подключены к ней и мы — с осени 1968-го, с первой передачи пленки Дмитрия Панина[271]. В феврале 1971-го она согласилась взять „Август“ в виде рукописи — а ведь никакого плана не было, никакой решенной возможности. Но ехал в Париж случайный французский полицейский — и хозяйственная Ася, вечно и занятая цветами, пирогами, тортами, чем же другим? — попросила его о такой любезности: отвезти большую коробку конфет для больной монахини. Галантный полицейский и взял безо всякого сомнения, повез без всякого душевного стеснения. Так выехал „Август“».

Много лет спустя Ася Дурова иначе рассказала эту историю Андрею Еремину. Некоторые сотрудники КГБ, охранявшие посольство, симпатизировали ей как женщине, поскольку доброй и приятной в общении она была со всеми без исключения. И вот один такой сотрудник однажды зашел в ее комнату и тихо сказал Асе, что отправляется в командировку в Париж (тоже в качестве охранника) и мог бы передать от нее небольшую посылку во Францию для ее родственников. Ася сердечно поблагодарила его и сказала, что хотела

бы передать своим родственникам коробку московского шоколада, намного превосходящего по качеству французский. Она купила в магазине и принесла в посольство коробку конфет, вложила в нее рукопись Солженицына на папиросной бумаге и отдала коробку сотруднику КГБ. Он и доставил «Август» во Францию. Действительно, трудно представить себе в Москве того времени французского полицейского с дипломатическим иммунитетом…[272]

«А в мае 1971-го еще с какой-то случайной пассажиркой (но знавшей, что везет серьезное) Ася отослала и главный мой груз, всё мое освобождение — набор пленок „Сейф“, — завершает свой рассказ А. И. Солженицын. — На аэродроме в Орли ту пассажирку встретил Никита Струве с семьей, они пошли в кафе на семейное чаепитие и поставили на полу рядом сумки, чтобы потом „перепутать“ их, взять чужую. (Дети нервничали: какая-то дама поблизости очень уж пристально следила за всеми ними.)

Да что!.. — Ася же придумала и осуществила совсем невероятное: в сентябре 1970-го встречу в Варшаве — Жени Барабанова (советская „делегация декоративного искусства“) и Никиты Струве (парижский турист). Варшавской встречей этой был преобразован „Вестник РСХД“ на большой объем и широкую программу, включающую авторов из Союза. (По сути, включение такое уже и шло, и встреча не особенно была нужна, больше риску, — но замысел! Для того потребовались еще хитрые условные звонки в Париж, в Варшаву, которые Ася осуществила с легкостью.)

Она сейчас вспоминает всё нисколько не с гордостью, очень просто, как об удавшемся пироге, но уже на прошлой неделе доеденном»[273].

Еще одним человеком, поистине ставшим мостом над бездной, разделявшей верующих в СССР и на Западе, «паромщиком» между Новой Деревней и западными христианами, стала монахиня Клер Латур.

Она родилась в 1932 году на востоке Франции в городе Бон, который считается столицей бургундских вин. Родители и предки Клер, как и многие жители Бона, выращивали виноград и изготавливали вина. В годы войны, на которые пришлось детство Клер, ее отец помогал беженцам, спасающимся от фашистов. Неподалеку от дома, в котором жила семья Клер, проходила граница

зоны оккупации. Пересечь ее нелегально на поезде было невозможно, поскольку все станции контролировались оккупантами. Отец Клер обычно давал свой велосипед беглецу и объяснял ему, как пересечь границу горными тропами. Оказавшись на свободной от оккупации территории, спасенный отправлял хозяину велосипед с обратным поездом. Так было спасено немало жизней, и это был главный урок милосердия, полученный Клер в детские годы.

В старшем школьном возрасте Клер узнала о жизни монаха и отшельника Шарля де Фуко, оставившего военную карьеру ради миссионерства в африканской Сахаре и впоследствии погибшего во время восстания племени туарегов, среди которых он жил. «Он не столько проповедовал Евангелие словом, — писал о нем отец Александр Мень, — сколько свидетельствовал о Христе самой своей жизнью. Образцом для брата Шарля были те годы безвестности, которые Христос провел в Назарете до своего выхода на проповедь. Это был не просто путь бедности и труда, но прежде всего путь любви. Любви, не знающей границ. Шарль де Фуко не случайно избрал полем своей деятельности земли иноверцев-мусульман. Он хотел показать, что евангельское милосердие не знает „своих“ и „чужих“».

Духовные сочинения Шарля де Фуко стали основой для создания в 30-х годах XX века католических орденов. Так, в 1939 году Магдаленой Ютен (1898–1989) по уставу Шарля де Фуко была основана Конгрегация малых сестер Иисуса для тех, кто хочет, подобно Спасителю, жить в монашеской общине в бедности и простоте. «Малые сестры» не находятся в строгом затворе, а участвуют в общественной жизни, помогая бедным и обездоленным людям. Девиз Конгрегации — «Иисус — Любовь». Свою миссию они видят в том, чтобы жить общей жизнью с самыми нуждающимися людьми в разных странах, свидетельствуя этим, как и Шарль де Фуко, о своей вере. После окончания школы Клер откликнулась на этот призыв и выбрала путь смиренного служения в качестве «малой сестры Иисуса». После установленного периода для прохождения новициата Клер была направлена в Бразилию, а потом и в другие страны.

В течение многих лет «малые сестры Иисуса» стремились попасть в Россию, но до 1964 года, когда в СССР начали допускать туристов из-за рубежа, такой возможности не было. Сестра Магдалена

знала о гонениях на Церковь в Советском Союзе и при первой возможности сестры отправились в СССР в небольшом фургоне, в котором побывали уже во многих странах. «В открытых православных храмах, — пишет сестра Магдалена о своих первых впечатлениях от этой поездки, — мы с восхищением видим благочестивых христиан, чья жизнь тяжела, полна опасностей и преследований из-за веры». С тех пор «малые сестры Иисуса» приезжали в СССР каждый год. Это были краткие визиты под видом туристических, но благодаря своему фургону «малые сестры» могли гораздо свободнее встречаться и беседовать с людьми, чем это делали иностранцы, живущие в гостиницах под неусыпным наблюдением КГБ.

Однако Клер хотела поселиться в России, чтобы быть рядом с теми, кто не только беден, но обделен духовно, а возможно, — подвергся репрессиям властей за веру и нуждается в поддержке. По благословению сестры Магдалены Клер начала учить русский язык в Сорбонне и, впервые приехав в московский Институт русского языка на стажировку, поняла, что ее место в России. Для этого была необходима какая-либо работа, но иностранке найти ее в те годы было практически невозможно.

И вот спустя некоторое время Ася Дурова, уже работавшая во французском посольстве в Москве, сообщила сестре Магдалене о том, что один дипломат, направленный для работы в Москву, ищет няню для своей дочери. Вероятно, это предложение было единственным шансом для Клер поселиться в России, и она приняла его не раздумывая. Так Клер Латур попала в семью Ива и Сюзанны Аман и стала няней их двух дочерей.

Ив Аман работал во французском посольстве в должности атташе по культуре. К тому времени он закончил Тулузский университет, где изучал русскую филологию, и защитил в парижском Институте политических исследований диссертацию по теме «Советская власть и русская идентичность». Сферой его интересов были национальные и религиозные проблемы в России, и к моменту приезда в СССР Клер он был уже хорошо знаком с отцом Александром Менем, первую биографию которого он впоследствии написал для западных читателей. Ив был прекрасно осведомлен о делах в новодеревенском приходе и знал многих его прихожан, привозил им Библии и другую религиозную литературу, помогал жизненно важными продуктами,

которые были дефицитом в те времена в СССР. «Через него осуществлялась связь отца Александра и многих других с внешним миром, он привозил сюда книги, увозил рукописи, был одним из тех, кто приближал своим самоотверженным трудом падение коммунистического тоталитаризма и атеистической эры, — пишет об Иве Амане священник Георгий Чистяков. — Ив умел уходить от „хвостов“, перебегая в метро из вагона в вагон, и был блестяще знаком со всеми особенностями советской жизни». Несмотря на то, что Ив не посвящал няню своих детей в специфику своей работы и взаимоотношений с местными жителями, он чувствовал к ней доверие.

Около года Клер была вынуждена вести закрытый образ жизни, ограничиваясь выполнением своих обязанностей, поскольку, как и любой иностранец, находилась под внимательным присмотром со стороны КГБ. При этом, даже зная русский язык, она не могла запросто знакомиться с местными жителями. Но она молилась, чтобы Бог послал ей возможность помочь нуждающимся и встретиться в Москве с верующими. И через год такая возможность представилась.

«Я приехала в Москву в 1974 году, — рассказывает Клер, — но из-за политической ситуации в стране я не могла встречаться ни с кем из русских, потому что это было очень для них опасно. Человек, в доме которого я работала, сказал мне: „В течение года нельзя ни с кем встречаться, чтобы быть уверенной, что за тобой не следят и никого из-за тебя не посадят в тюрьму“. Но неожиданно в конце 1975 года между двумя праздниками Рождества (католическим и православным) моя хозяйка попросила меня привезти сухое молоко для маленькой новорожденной девочки, поскольку у ее матери молока не было. Для меня это было совершенно чрезвычайное событие, потому что в первый раз за год я покидала Москву, и я должна была посетить русскую семью».

Клер была счастлива такому поручению. Так она впервые отправилась в Пушкино и нашла по указанному адресу деревянный дом, освящать который в этот день пришел отец Александр. Клер была уверена в том, что случилось чудо. Когда она увидела открытый и доброжелательный взгляд православного священника, у нее вдруг возникла твердая уверенность в том, что она может сказать ему о том, что она — «малая сестра Иисуса». «До тех пор это было тайной, — вспоминает Клер. — И представьте мое изумление, когда он ответил:

„Отец Шарль де Фуко? Да, я знаю, кто это“». Клер была потрясена тем, что в 75-м году, вдали от западного мира, в закрытом «железным занавесом» Советском Союзе нашелся человек, который читал труды Шарля де Фуко и слышал о «малых сестрах Иисуса».

Отец Александр пригласил Клер вечером того же дня прийти на экуменическую встречу, которую он организовал. И несмотря на беспокойство сестер в связи с дальней поездкой Клер за город, после внутренней молитвы она согласилась прийти на встречу, поскольку почувствовала, что отказаться от этого значило бы потерять что-то очень важное. Вечером на встречу приехали несколько молодых людей. Среди них были один католик, два протестанта и православная молодежь. Отец Александр говорил на этой встрече о том, как он видит единство христиан. «Для меня это событие также стало откровением, — завершает Клер свой рассказ о первой встрече с отцом Александром, — потому что я увидела, что отец Александр происходит из единой неразделенной Церкви и Вселенской Церкви Христа, а в основе этого было Евангелие Иисуса Христа». В его кабинетике Клер увидела фотографию Шарля де Фуко в красном углу, среди святых. Домой она уезжала переполненная впечатлениями от этой встречи и личности отца Александра, от ощущения духовного родства с ним, и с тех пор стала постоянной прихожанкой новодеревенского храма, а отец Александр стал духовником «малых сестер Иисуса» в России[274]. Когда Ив Аман некоторое время спустя пригласил Клер на крестины к друзьям и подвел ее к отцу Александру, чтобы их познакомить, то, к его изумлению, оказалось, что они давно знакомы.

«Есть люди, о которых мы говорим с восторгом, порой не умея объяснить не знавшим их, что они для нас значат, — рассказывала впоследствии Клер. — Отчасти это относится к отцу Александру. Всё, что можно пересказать, — его проповеди, литургии в Новой Деревне или где-то еще, разговоры за трапезой в Семхозе или у друзей, поездки в машине — никогда не передаст особую легкость, которой были наполнены встречи с отцом Александром. Так, без сомнения, думают почти все, кто его знал. Кроме того, все замечали то особое внимание, которое отец Александр уделял каждому человеку, — как если бы тот был единственным и самым важным для него человеком на Земле.

Что касается нас, можно сказать, что он любил Братство. Он принял в свое сердце брата Шарля еще до знакомства с нами. Каким чудом получил он первый перевод книги брата Шарля на русский язык, изданной в Брюсселе в то время, когда границы были на замке? Он говорил об о. Шарле де Фуко: „В жизни человека, как в айсберге, главное не то, что видишь на поверхности воды, но то, что скрыто. И нужно очень стараться укреплять эту невидимую для других жизнь. Как это делал брат Шарль“.

О. Александру была дорога мысль о закваске, поднимающей даже тяжелое тесто, и он хорошо понимал малую сестру Мадлен[275], когда она именно так объясняла суть Братства. Он говорил с юмором: „В глубине души всем нам стоило бы стать малыми сестрами, то есть просто нормальными христианами“».

Со временем круг знакомств Клер в приходе значительно расширился. Своим новым друзьям она привозила необходимые книги, лекарства и продукты, а главное, она снова разделяла свою жизнь с теми, кто был преследуем властями или обделен и нуждался в ее помощи и за кого она молилась. Конечно, слежка за ней со стороны КГБ не исчезла, но Клер верила в защиту Спасителя и продолжала свое служение[276].

Служению в России Клер посвятила более тридцати лет своей жизни. Она помогла огромному множеству людей, среди которых была и монахиня Досифея — Елена Владимировна Вержбловская, совсем ослепшая в старости, но сильная духом, с ясным умом и всегда в последние годы жизни окруженная любовью и вниманием «малых сестер Иисуса». Клер оставалась рядом с детьми, больными и одинокими людьми, умственно отсталыми и немощными.

«Она всегда не просто улыбалась, а светилась, — вспоминает о сестре Клер Ирина Языкова. — Причем этот свет загорался именно тебе навстречу. С первого знакомства она общалась так, будто мы знаем друг друга уже много лет и она очень хорошо чувствует и понимает твои проблемы. В проблемы она вникала сразу, запоминала имена родственников и друзей, о которых ее просили молиться, и, действительно, молилась. А потом еще и спрашивала: а как живет такой-то, о ком мы говорили с тобой в прошлый раз? Я всегда удивлялась, как она всё и всех помнит?! В моей христианской

молодости Клер стала для меня эталоном, именно она показала мне, что значит быть христианкой».

Были за пределами СССР и другие замечательные люди, которых во многих отношениях можно назвать единомышленниками отца Александра и деятельность которых также была направлена на религиозное просвещение и наведение мостов между верующими в СССР и христианским Западом. К числу таких людей можно отнести отца Рене Маришаля — директора Центра святого Георгия и Славянской библиотеки в Медоне под Парижем, основателя и издателя журнала христианской культуры «Символ», переводчика на французский язык книги отца Александра Меня «Истоки религии». Как вспоминал впоследствии отец Рене Маришаль, он увидел, что «для о. Александра слово Божие и хранящее его Евангелие не было собственностью православия, которому, впрочем, он принадлежал без остатка. Отец Александр был выше конфессиональных ограничений, и, несомненно, именно это привлекало к нему столь широкую аудиторию в его стране».

В отдельных случаях отец Александр направлял своих духовных детей за границей к митрополиту Сурожскому Антонию (Блюму)[277] и священникам Православной церкви в Америке отцам Александру Шмеману[278] и Иоанну Мейндорфу[279]. Несомненная молитвенная связь существовала у отца Александра с братом Роже Шютцем[280] и кардиналом Жаном-Мари Люстиже[281]. Батюшка также переписывался с издателем Никитой Струве и председателем РСХД Кириллом Ельчаниновым[282]. «Отец Александр Мень был настоящий апостол наших дней, — пишет Н. А. Струве. — В те времена почти единственный апостол. Его труды… <…> являются попыткой передать благовестие так, чтобы оно было понято уже в нехристианском обществе. Это настоящий подвиг и одновременно путь, который он указывает всем нам».

Однако все эти годы Комитет государственной безопасности продолжал контролировать Церковь. За отцом Александром велась непрекращающаяся слежка. В Московскую патриархию исправно приходили подготовленные КГБ фальшивые письма от «верующих», доносивших о якобы «неканонических» действиях отца Александра во время служб и о «порочащих его связях». Сотрудников КГБ активно интересовали связи отца Александра и его прихожан с

представителями Православной церкви в Америке и с католиками. Любое взаимодействие отца Александра и людей его круга с Западом воспринималось как подрывная деятельность, направленная против советского строя. Поэтому одним из важных обвинений против отца Александра в глазах представителей КГБ была его близость к западным христианам. Его регулярная переписка с учеными, богословами и священниками на Западе по множеству возникающих по ходу его работы над книгами вопросов раздражала КГБ, и в докладных записках на имя Андропова часто указывалось, что контакты Александра Меня подрывают советскую государственность.

Глава 3
Начало «перестройки» в СССР. Работа над «Словарем по библиологии»

Михаил Горбачев, ставший в 1985 году генеральным секретарем ЦК КПСС, вскоре обозначил необходимость реформ и новой идеологии руководства страны, получивших название «Перестройка». Несмотря на то, что у власти по-прежнему находилась Коммунистическая партия, с осени 1986 года дышать в стране стало легче. Люди зачитывались материалами в газете «Московские новости», журнале «Огонек» и других изданиях, где впервые стали появляться публикации о подлинной истории страны. Громкие политические разоблачения чередовались в них с воспоминаниями узников советских лагерей, а колонки, посвященные современным событиям, всё более смело описывали факты существующей порочной системы в самых разных отраслях экономики. «Из газет читаю „Семью“, „Московские новости“, „Книжное обозрение“ и нахожу там много интересного, — ответил отец Александр на вопрос о чтении прессы того времени. — Прежде, признаюсь Вам, я газет почти не читал. Всё было заранее известно».

8 декабря 1986 года в тюрьме из-за четырехмесячной голодовки с требованием освободить политзаключенных умер известный правозащитник Анатолий Марченко. Его смерть получила широкий резонанс не только в диссидентской среде СССР, но и в зарубежной прессе, что подтолкнуло власти к решительным действиям. Через десять дней после смерти Марченко академику Сахарову, находившемуся в ссылке в городе Горьком, установили в квартире телефон, и в тот же день ему позвонил Горбачев. Горбачев сообщил о том, что решением правительства Сахарову разрешено вернуться в Москву и продолжать научную работу. Сахаров, со своей стороны, задал Горбачеву вопрос о судьбе политзаключенных в СССР, об освобождении которых он ранее просил руководство страны. Горбачев ответил, что вопрос рассматривается и что часть заключенных уже на свободе.

В 1987 году была объявлена амнистия, которая коснулась осужденных диссидентов и тех, кто был заключен или сослан за религиозную деятельность. В том же году был амнистирован и восстановлен Московской патриархией в священническом служении Глеб Якунин. Сандр Рига был также освобожден и вернулся в Москву.

Борьба с религией перестала считаться актуальной, и на этом фоне началось взаимодействие чиновников с религиозными лидерами. Благодаря проводимой политике открытости стали укрепляться связи с иностранными государствами, которые настаивали на том, чтобы власть отказалась от атеистической пропаганды.

С этого времени начался значительный рост числа приходов в стране. Оптина пустынь и древний Толгский женский монастырь решением правительства были переданы Церкви. В центральных газетах стали появляться статьи, в которых утверждалось, что Православной церкви отводится главенствующая роль в духовном возрождении страны.

В 1986 году отец Александр впервые официально через Московскую патриархию отправил за рубеж написанные им тезисы доклада об апостоле Павле для Лувенского университета в Бельгии.

В декабре того же года он написал письмо митрополиту Ювеналию. Отец Александр сообщал о том, что два года назад начал работать над «Словарем по библиологии», который хотел бы предложить в качестве юбилейного дара Московской Духовной академии к празднику тысячелетия Крещения Руси. «Разумеется, мне хотелось бы показать Вам свою работу, — писал отец Александр, — но откладывал это до ее завершения. Однако, ознакомившись с прекрасным 27-ым сборником Богословских трудов, где предложено присылать свои замечания к Богословскому словарю, я решил написать Вам сейчас. Быть может, что-то из моего справочника окажется полезным для Издательского Отдела. Словарь состоит из 7 томов, по 300 страниц машинописи каждый. В настоящее время я дописываю 6-ой том. Три передано Владыке Ректору; на днях собираюсь передать 4-ый. Весь Словарь включает свыше 2000 статей и около 400 портретов и фотографий…»

Итак, в период самых ожесточенных преследований со стороны КГБ отцом Александром в одиночку была начата и в значительной степени проделана колоссальная работа по созданию многотомного

«Словаря по библиологии» — работа, масштаб которой соответствует деятельности целого коллектива ученых. «Как-то он обмолвился, — пишет Андрей Тавров, — что начал писать словарь по библеистике потому, что ожидал ареста и большую вещь затевать было не с руки. А короткие статьи можно было писать между делом, в электричке, где он работал, подкладывая под листки свой толстый портфель».

«Словарь» содержит около 1800 статей, посвященных каноническим и неканоническим книгам Библии, апокрифам, различным разделам и дисциплинам библейской науки, важнейшим аспектам библейского богословия, культурам, служившим историческим фоном Писанию, комментаторам Библии, ее переводчикам и исследователям всех времен и народов, а также основным проблемам их исследований. В этом труде можно выделить около тридцати тематических направлений — таких как отрасли библейской науки (герменевтика, текстуальная критика и т. д.), возникавшие в этой науке гипотезы, интерпретация Библии в литературе и изобразительном искусстве; значение Библии в музыке, кинематографе и театре; связь Священной истории с историей и культурой античности; жизнеописания писателей и художников, чье творчество связано с библейской тематикой и т. д.

Исследовательский и творческий интерес к Библии не ослабевал у отца Александра никогда, начиная с ранней юности. «Однажды утром (отец Александр) мне рассказал, что в сновидении только что прочитал одну из пока не написанных статей своего Библейского словаря. В виде свежеправленой верстки ему ее вручил не кто-нибудь, а гениальный мыслитель Владимир Соловьев, чей портрет заглядывал в его рукописи с левой стороны стола», — описывает Владимир Леви эпизод своего пребывания в гостях у отца Александра в начале 80-х.

«У меня дома хранится машинописная копия одного из томов Словаря с самой короткой дарственной надписью рукой отца: „Соучастнику“, — вспоминает София Рукова. — Вручая мне после службы этот неожиданный подарок, отец сказал: „Я сознательно не писал Ваше имя, из соображений … — Он показал взглядом на потолок (где-то там находилось подслушивающее устройство). — Но когда-нибудь мы всё откроем…“

Так вот, о работе отца Александра и моем „соучастии“. В самом начале 80-х гг. отец Александр обратился ко мне с вопросом: „Я

задумал написать большой словарь по библиологии. Как, по-вашему, сколько мне потребуется времени?“ К тому времени я уже около 15 лет работала старшим научным редактором в издательстве „Советская энциклопедия“ и хорошо представляла всю сложность задуманного отцом предприятия. Поэтому вопрос меня не удивил. „Во сколько томов Вы хотите уложить его?“ — спросила я. Разумеется, имелись в виду машинописные тома. „В три“, — ответил он. Зная уже неуемную трудоспособность отца, я возразила: „Значит, не менее пяти. А сколько человек будет писать? Один Вы?“ — „Да“. Я прикинула вслух: „Мы уже около 15 лет работаем над 5-томной математической энциклопедией. 5 человек, куча авторов да всевозможные редакции — иллюстраций, библиографии и прочее. И нам еще понадобится лет пять (позднее это подтвердилось). Значит, Вам потребуется не менее 10 лет“. — „Не годится. Мне надо быстрее“. — „Но отец! А словник? Это же тоже немалое время“. — „Уже составляется…“ — „Ну, тогда… у меня нет слов“.

Этот диалог я воспроизвела почти дословно — слишком часто я вспоминала его, наблюдая за работой отца».

Отец Александр считал, что необходимо восстановить уничтоженное в нашей стране направление библеистики. Современная православная библеистика, развивавшаяся главным образом в русской, греческой и болгарской традициях, стоит, по убеждению отца Александра, перед задачей критического изучения мировой библиологической мысли и дифференцированного подхода к этому материалу, с тем чтобы отделить в нем приемлемое для православного сознания от неприемлемого. По различным причинам эта работа в русской православной традиции была почти приостановлена на долгие десятилетия. Еще в первой половине XX века представители Свято-Сергиевского института[283] в Париже пытались адаптировать для Православной церкви ту библеистику, которая существовала на протяжении полутора столетий, но оставалась во многом чужой для православной традиции. В «Словаре по библиологии» отец Александр решил эту задачу и ввел в оборот множество новых для православной традиции текстов. Основная задача, которую он ставил перед собой, — это не утверждение каких-либо новых концепций, а обобщение многовекового наследия мировой библиологии, введение изучающих науку о Священном Писании в сложный и порой противоречивый мир

экзегетики, исагогики, текстологии, сравнительно-исторического изучения Библии. «Словарь» поражает не только количеством персоналий всех основных христианских конфессий, но и спектром понятий, которые в нем рассматриваются. Автор стремится познакомить читателя с различными толкованиями и их авторами, конфессиональными и светскими интерпретациями Библии, указывая на основные отличия православного подхода к Писанию и в необходимых случаях давая краткую критику альтернативных концепций. Особое внимание в «Словаре» уделяется историческому контексту библейских ветхозаветных и новозаветных книг.

«Словарь по библиологии» стал огромным вкладом Александра Меня в восстановление традиций научной библеистики. В нем можно найти обильный материал о путях развития западной и российской (дореволюционной) библеистики. Особенно подробно освещена в «Словаре» русская православная библеистика, что к моменту его завершения не имело научных аналогов. «Этим трудом о. Александр восстанавливает русскую библеистику в ее достоинстве, ставя ее на заслуженное место в мировой библейской науке, — пишет протоиерей Михаил Аксенов-Меерсон. — Словарь этот — монументальное произведение, по существу даже не словарь, а энциклопедия библиологии, составленная одним человеком и пронизанная одним духом. <…> Видение Христа как центра Библии выпукло выступает в Библиологическом словаре, где вся библеистика, от древнейших патристических авторов до наших дней, включая и резко критическую, агностическую и прямо атеистическую критику, обозревается в свете православного христоцентризма»[284]. Этим трудом отец Александр вернул русской библейской науке ее законное место в общей картине библиологии христианского мира.

В процессе этой работы отец Александр скрупулезно работал с архивами Московской Духовной академии, которые стали основным источником материалов для «Словаря», а также просил множество друзей, живущих или бывающих за границей, помочь ему с недоступными в СССР книгами и иллюстрациями. «Он сказал мне когда-то: „Если бы у меня были в распоряжении библиотеки Парижа, Рима или Бонна…“» — приводит протоиерей Генрих Папроцкий один из разговоров с отцом Александром тех лет по поводу библиологического словаря.

«Переснимание материала, — продолжает София Рукова, — осуществлялось самыми кустарными средствами: фотоаппарат „Зенит“ со съемным объективом (около 1 кг весом), набор колец к нему (для съемки очень маленьких фото или иллюстраций), лампа в 500 ватт с держателем, который можно прикрепить к столу, стулу или полке. Все снимки на выдержке в 1/30 сек. Для печати — огромный увеличитель „Крокус“, который мне приобрели по просьбе отца.

Но как отец Александр доставал этот материал, чтобы проиллюстрировать Словарь „картинками“! Он придавал большое значение иллюстрациям. Художник по натуре, он неутомимо искал и находил то, что считал наиболее удачным для данного текста, — в старых и новых книгах, журналах, справочниках. Использовал все свои знакомства, связи, собственную огромную библиотеку.

Сколько раз, смущаясь, он обращался ко мне с такого рода просьбами: „Мне тут привезли книгу из Сорбонны (из Праги, из Канады и т. д.). Там очень нужный портрет (или: там такая картинка!..). Да вот беда — эту книгу надо вернуть через три дня (пять дней, через неделю и т. п.)“. — „Сделаем, отец“. И мы делали. В другой раз: „Мне тут один портрет принесли… с Лубянки. Это — фотокопия с какой-то, наверно, десятой фотокопии. Может, получится?.. Вернуть надо поскорее…“ Передо мной смутный лик какого-то священника, погибшего в лагерях. За каждым портретом следует несколько фраз о том, кто он… как о близком, давно знакомом…

В другой раз приносит затрепанный, зачитанный журнал, типа „Техника молодежи“, и показывает на последнюю, совсем „лохматую“, страницу обложки: „Тут я нашел портрет N., который где только не искал!.. Вдруг получится…“ И получалось (а лицо там с ноготь!). Его молитвами.

В последние годы (с 1986 г.) я часто приезжала к отцу Александру в Семхоз по его просьбе: „Если Вам не трудно … Я там нашел очень интересный материал, но — в очень больших и тяжелых книгах. Даже в портфель не умещаются…“ Я приезжала. На полу, стульях, на столе — целые штабеля книг (нынешнего кабинета еще не было). Он доставал огромные фолианты, не позволяя мне их поднимать, и мгновенно, без всяких закладок, открывал нужные страницы, с восторгом показывая то, что надо переснять.

<…> Готовые фотографии („переснимки“) мы распределяли по конвертам, надписывая на них название статьи или темы. Все отпечатки делались в 10 экземплярах. Потом, уже дома, отец сам наклеивал их в нужное место отпечатанной статьи. Говорил, что отдыхал за этим занятием. Иногда, не находя портрета, он описывал художнику (давал карандашный набросок), как должен выглядеть человек. И затем, когда рисунок его удовлетворял, я переснимала его».

Над «Словарем» отец Александр работал около шести лет. В конце 80-х он отправил свою монографию в Ленинградскую Духовную академию на соискание степени магистра богословия. Однако, как и в случае с «Исагогикой», его труд не нашел понимания и приятия в ректорате. Один из рецензентов, указывая на громадный объем материала в области библеистики, приведенного в «Словаре», задает в своей рецензии риторический вопрос: возможно ли одному человеку ознакомиться хотя бы с основными работами (минимум 1500–2000 книг) для создания соответствующего справочника? На взгляд рецензентов, в случае «Словаря по библиологии» имеет место противоречие: добротная энциклопедия не может быть новым словом в науке, а новое слово в науке не есть компиляция научных фактов. По итогам состоявшейся дискуссии совет ЛДАиС (принимая во внимание отзывы рецензентов) большинством голосов счел невозможным принять работу протоиерея Александра Меня к рассмотрению в качестве диссертации на соискание ученой степени[285].

Из дневника Зои Масленниковой: «15 марта 1987. Немилость властей к батюшке сменяется фавором. Владыка Ювеналий часто приглашает его, и они подолгу беседуют. О. Александр делает разработки разных богословских проблем для Синода (например, о роли женщин в Церкви), а я их редактирую и перевожу для этой работы разные материалы. Батюшку будут публиковать в „Богословских трудах“. Всё это представляется почти невероятным! Еще и года не прошло после статьи в „Труде“…»

В 1987 году впервые за двадцать с лишним лет в официальном издании Русской Православной церкви, каким является научно-богословский альманах высших духовных школ «Богословские труды», была опубликована статья отца Александра «О русской православной библеистике». Эту статью можно назвать введением к «Словарю по библиологии», работу над которым отец Александр вел к

тому времени уже несколько лет. В своей работе отец Александр последовательно восстанавливает российские традиции научной библеистики, а также помогает читателю разглядеть лик Христов в Ветхом Завете, показывая, что весь путь человечества вел к воплощению Христа как главному событию в истории.

В конце сентября 1987 года отец Александр при личной встрече ознакомил митрополита Ювеналия с кратким очерком по истории Русской Православной церкви, написанным им к тысячелетию Крещения Руси. После внимательного прочтения очерка митрополит посоветовал показать его заместителю председателя Совета по делам религий Генриху Михайлову, с которым отец Александр был хорошо знаком по недавним допросам. Тогда же Ювеналий сообщил отцу Александру о том, что своим указом сместил с поста настоятеля новодеревенского храма отца Иоанна Клименко и назначил новым настоятелем протоиерея Владимира Ильчука.

Вскоре после разговора с митрополитом состоялась встреча отца Александра с Михайловым. Отец Александр был удивлен тем, с каким необычайным вниманием и показным дружелюбием Михайлов встретил его в этот раз. Чиновник немедленно прочел и одобрил очерк отца Александра, а также задал вопрос об отношении к нему в «Журнале Московской Патриархии» и пообещал поговорить с митрополитом Питиримом (Нечаевым), главным редактором «Журнала…», на предмет публикации очерка. Но отец Александр ответил, что для него гораздо важнее судьба семитомного «Словаря по библиологии», работа над которым подходит к концу. В Совете по делам религий уже слышали о «Словаре», но конкретных предложений относительно его публикации у ведомства не оказалось.

В заключение Михайлов неожиданно высказал мнение о том, что необходимо законодательно закрепить катехизацию детей, поскольку в правительстве готовятся изменения в законодательстве о религиозных культах. Это было тем более поразительно, что совсем недавно в стенах этого же кабинета от отца Александра требовали написать покаянное письмо и обвиняли его в распространении религиозной литературы для детей. Поистине, «Перестройка» коснулась даже самых косных структур в стране.

В конце 1987 года в ответ на просьбу недавно рукоположенного священника дать ему несколько советов и наставлений в пастырском

служении отец Александр написал краткую, но насыщенную глубоким смыслом «Памятку начинающему священнику». В первом ее разделе он пишет о том, что почти во всех дохристианских и нехристианских религиях «необходимость в жреце, как в особом человеке, близком к богам, диктовалась языческим сознанием дистанции между человеком и небом, которое требовало посредника, „посвященного“. Чувство этой дистанции было и в Ветхом Завете». Однако с Воплощением («Слово стало плотию и обитало с нами», Ин. 1: 14) дистанция между Богом и людьми была преодолена, и единственным посредником стал Христос. «Тем самым, — пишет отец Александр, — „жречество“ окончательно упразднено. Христианский священник не жрец, а пастырь». Принципиальное различие между священником и жрецом состоит в том, что жрец совершает религиозный ритуал, служит народным языческим запросам, а не свидетельствует о Христе.

Автор подчеркивает, что священник должен быть лишь инструментом, необходимым при обращении к Богу собравшихся в церкви людей. Однако имея власть отпускать грехи, священник также имеет благословение и власть быть пастырем и руководить духовной жизнью своих пасомых, ибо сказано в Евангелии: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» (Мф. 18: 18). При этом, как пишет отец Александр, «эта власть должна по завету Христову исключать насилие, владычество, духовный деспотизм».

Во втором разделе «Памятки» отец Александр говорит о литургической практике и необходимости разъяснять верующим центральное значение литургии по сравнению с церковными молитвами (акафистами, водосвятиями и т. д.), поскольку «Евхаристия заповедована нам Самим Господом». И хотя, как пишет отец Александр, людям нередко кажется, что главный момент службы — это «Херувимская песнь», но это неверно, поскольку основное значение имеет Евхаристический канон, прелюдией к которому и является вся предшествующая ему часть литургии.

Третий раздел «Памятки» посвящен проповеди как одной из важнейших сторон пастырства. Отец Александр пишет о том, что «священник должен знать своих прихожан: их жизнь, уровень и представления. Проповедь, игнорирующая конкретную аудиторию, не дойдет до слушателей». И только горячая вера священника, которая

«должна быть средоточием его жизни, мыслей, интересов», сможет пробудить «теплохладных» людей, которых всегда так много.

Очевидно, что в своем пастырском служении отец Александр всегда руководствовался этими принципами, но оставленное им в виде «Памятки» резюме имеет непреходящее значение для любого человека, задумавшегося о пути священства.

Протоиерей Владимир Архипов вспоминает, как отец Александр твердо сказал о том, что в отношении выбора пути священства или монастырского служения нужно быть, прежде всего, принципиально честным перед самим собой, чтобы этот выбор не был иллюстрацией известной поговорки «На тебе, Боже, что мне негоже». Отец Александр был убежден в том, что приступать к священническому служению следует не с пораженческой позиции (когда, например, выгнали с работы и развелся с женой), а с вершины успеха человека в «светской» жизни[286].

Каким запомнили отца Александра прихожане и близкие в середине 1980-х годов?

«Долгожданный телефонный звонок. „Доктор? Здравствуй. Это я, Алик… здесь, недалеко. Будешь дома? Выезжаю… Горячая вода у тебя есть?“

Приходило живое Счастье, — вспоминает Владимир Леви. — В шляпе, при бороде, с портфелем, всегда туго набитым книгами и бумагами, — Счастье, сразу бравшееся за телефон, полное забот о ком и о чем угодно, но не о себе, меньше всего беспокоившееся об условностях (какой духовный отец назовет себя чаду своим детским домашним именем?), — Счастье, которое можно было обнять, усадить за стол, накормить, освежить душем, уложить расслабиться, помассировать (иной раз добирался умученный, отдувающийся, с болями…)

<…> По городу ездил в шляпе, скрывавшей царственный купол лба, в помятом пальто или мешковатом костюме, с большим портфелем, до отказа набитым книгами и бумагами, иногда в очках, съезжающих на нос, и в этом ансамбле похож был то ли на неопознанного поэта, то ли на заблудившегося профессора. Седеющая черная борода смотрелась сбоку-припеку. Но стоило обнажить голову — открывалась могучая красота апостольского, библейского облика.

В своем литургическом облачении был торжественно-величествен, как древний владыка, огромен — не ростом, а существом, сутью-статью — величиной, места не занимающей, а вмещающей. Крылобровые глаза древнего разреза, в дивных длинных ресницах излучали снопы светожизни…»

«Вот еще эпизод, похожий на притчу, — рассказывает Михаил Завалов. — Мы с ним едем от церкви к станции на такси (которое он прозвал „машиной времени“, кстати). Он просит шофера поспешить. Дорога прямо смотрит на станцию — в трехстах метрах уже останавливается электричка в нужном направлении, к Семхозу. (Естественная моя реакция — мы опоздали.) О. А., уже расплачиваясь, шоферу: „Прибавьте ходу, пожалуйста“. Выскакиваем — к тому моменту уже все пассажиры зашли в электричку. Бежим, о. А. прихрамывает. Невероятным образом — но успеваем вскочить, и двери тут же закрываются. Отдыхиваясь, о. А. говорит: „Ну, разве не прекрасна жизнь иногда, в такие моменты?“

<…> И никогда я не видел, чтобы неуспех, крушение планов, его обескураживали: моментально он, с благодарностью и азартом, начинал думать о новых возможностях, которые дает ситуация.

Однажды я жаловался на нехватку сил, а он сказал: „А не надо себя жалеть и считать силы. Жить так, как будто силы есть, и делать свое дело. Ну а когда силы кончатся — вы просто упадете на землю“».

Владимир Файнберг вспоминает о том, с каким мужеством отец Александр преодолевал свои физические недомогания. Периодически у него начиналось нагноение врожденной кисты позвоночника. Однажды в ситуации резкого обострения Владимир привез отца Александра к хирургу, который под местной анестезией вскрыл воспаленный очаг, настоятельно рекомендовав больному остаться в клинике до утренней перевязки. Через полчаса отец Александр встряхнул градусник, чтобы продемонстрировать своему другу нормальную температуру, и собрался домой. «И я сдаюсь, — рассказывает Владимир Файнберг, обращаясь в своих воспоминаниях к отцу Александру. — Забрав лекарства, выходим из больницы. Поддерживаю вас, несу ваш тяжелый портфель. И слышу смех. Вы хохочете до слез, хотя даже смеяться вам очень больно. „В чем дело, батюшка?“ — „Посмотреть со стороны — два дервиша. Один еле тащится, другой хромает. Хорошенькая пара!“». Владимир Файнберг

был одним из очень немногих людей, для которых отец Александр был не только духовником, но и близким другом, и который не уставал заботиться о своем батюшке, проводить с ним совместный отдых, увозя его для восстановления сил из Москвы к морю и в Центральную Азию — Самарканд, Бухару и Хиву.

Но даже будучи нездоровым или в состоянии крайней усталости, отец Александр полностью преображался перед тем, как войти в дом, где его ждали, и снова излучал свет… Сама возможность оказаться рядом с ним воспринималась как счастье. Слова «и в тот день вы не спросите Меня ни о чем»[287] как выражение крайней степени духовного подъема и радости явственно читаются на большинстве фотографий людей, оказавшихся рядом с батюшкой… Однажды, когда отца Александра прямо со службы увезли на допрос и нужно было в иносказательной форме сообщить об этом в дом, где батюшку ждали, один из прихожан позвонил туда по телефону и сказал: «Сегодня я без шампанского».

При всей напряженности своего графика отец Александр оставался в курсе событий культурной жизни, читал стихи, отмечал появлявшиеся в середине 1980-х годов новые публикации в области литературы и музыки. Он очень любил модерн в архитектуре и мог бы водить экскурсии «по Москве эпохи модерна». Помимо старого модерна, в котором, как говорил батюшка, «есть что-то бионическое», он отмечал готику с ее устремленностью ввысь: по его мнению, эти два архитектурных стиля не повторялись никогда и нигде в мире. Однажды он провел параллель между видообразованием в живой природе (которое называл «черешковым» периодом) и стилеобразованием в архитектуре, литературе, живописи — ведь в большинстве случаев невозможно назвать конкретного человека, ставшего родоначальником нового стиля.

Самым любимым образом Христа в мировом искусстве было для отца Александра надгробие К. А. Ясюнинского[288] работы скульптора Н. А. Андреева в некрополе Донского монастыря. Образ Спасителя со строгим, аскетичным лицом, воплощенный в виде фигуры в длинной одежде с опущенными вдоль тела руками на фоне широкого четырехконечного креста черного камня, был бесконечно дорог батюшке. Каждый год он приходил к этой статуе как паломник.

Отец Александр восхищался музыкой Малера. Пока жива была Мария Степановна Волошина, батюшка навещал ее, бывая в Коктебеле, — Максимилиан Волошин, как и Александр Блок, был в числе его любимых поэтов. Он часто наизусть цитировал Пушкина, Данте, Мильтона, Пастернака (особенно «На Страстной», «Магдалину»), любил державинскую оду «Бог». Однажды в Коктебеле в 70-е годы он устроил вечер Евгения Пастернака, посвященный творчеству Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака. Это было очень характерно для батюшки — там, где находился отец Александр, жизнь начинала бить ключом.

Он любил и перечитывал раннего Маяковского. «Убежден, при всем богоборчестве он в душе — глубоко религиозен, пусть неосознанно. Нечто вроде библейского Иова, спорящего с Богом», — приводит Владимир Файнберг слова отца Александра о Маяковском. О прозе Андрея Белого батюшка говорил, что «в ней движется речь, а в прозе Пушкина — сама жизнь». С современной беллетристикой отец Александр также был прекрасно знаком и давал точные и глубокие характеристики отдельных героев из книг Грэма Грина, Жоржа Бернаноса, Мигеля Отеро Сильвы, Михаила Булгакова, Чингиза Айтматова, Юрия Домбровского. Например, в булгаковском Воланде отец Александр отказывался видеть сатану, считая совершенно нормальными его нравственные понятия.

Батюшка высоко ценил и часто рекомендовал прихожанам роман Жоржа Бернаноса «Дневник сельского священника», показывающий борьбу святости и пошлости в мире, окружающем священника, который стремится сделать жизнь своего прихода истинно христианской.

Отец Александр считал гениальными ранние произведения братьев Стругацких «Пикник на обочине» и «Улитка на склоне» и особенно любил зарубежную фантастику. «Фантастика раскрепощает ум, открывает огромные горизонты, позволяет в символической форме осмыслять большие философские и даже богословские проблемы, — писал он. — Возьмите, например, роман А. Азимова (человека нерелигиозного) „Конец вечности“. Он ведь направлен против притязаний человека заменить Промысл Божий. Или „Возвращение со звезд“ С. Лема. Там необычайно ярко описано „счастливое“ общество,

где зло устранено механически. Без нравственных усилий людей. Вывод может сделать сам читатель…»

Детективную литературу отец Александр также читал для отдыха, но любил ее гораздо меньше, чем фантастику. «Я каждый раз оказываюсь на стороне преступника», — говорил он. Исключением в этом жанре были для батюшки любимые им рассказы Честертона о патере Брауне.

Александру Кунину после его крещения отец Александр рекомендовал прочесть рассказ Герберта Уэллса «Дверь в стене». Это трогательный философский рассказ о том, как в потоке дел и погоне за сиюминутным человек теряет вечное. Впоследствии батюшка сказал об Уэллсе, что все свои лучшие произведения он создал до 1917 года, когда заметно разбогател.

«Несколько раз мы говорили с ним о Данииле Андрееве, — вспоминает Владимир Илюшенко. — Когда я впервые упомянул „Розу мира“, он с улыбкой произнес: „Шаданакар“, „Олирна“, „Звента — Свентана“ (любимые андреевские термины). Отец считал, что Андрееву было дано подлинное откровение, но он восполнил недостающее своей фантазией и привнес в свои видения много субъективного, искусственного, наносного, ложного. Вообще же он хорошо относился к Даниилу Андрееву, но рассматривал его в основном как поэта. В „Розе мира“, полагал он, все-таки больше поэтической фантазии, чем ясновидения».

В одной из домашних бесед отец Александр заметил, что даже великим писателям не удалось подняться до уровня евангелистов, поскольку всё дело в том, с Кого они писали. Как некоторое исключение, батюшка высоко ставил «Хроники Нарнии», уточняя при этом, что «Льюис писал по модели». Именно отец Александр предложил Наталье Трауберг в тяжелый для нее период перевести «Хроники Нарнии» на русский язык и тем самым открыл российским читателям возможность знакомства с «Хрониками». «Лев Аслан из Нарнии — лучший портрет Христа в мировой литературе», — говорил батюшка.

Из рассказа Владимира Лихачева об отце Александре: «Он меня просто подключил к своей психике напрямую, просто „закоротил“. Мы так тесно были связаны, что я даже видел его сны и с удовольствием всем рассказывал самый плохой сон отца Александра. Я и ему его

рассказал. При полной „подключке“ психики такое бывает. Отец Александр был книжником, а доставать книжки было очень трудно. И вот заходит он в „Лавку писателя“, что на Кузнецком. Там стеклянные двери, входишь — здесь два стеклянных прилавка. Он идет к левому. За прилавком продавец в виде приятной колышущейся белой массы. Он смотрит за стеклом книги и видит „Путями Каина“ Максимилиана Волошина; его не издавали. Колышущийся продавец поднимается, достает книжку. Отец Александр ее берет, переворачивает — и вот тут его перекашивает — там написано: „200 рублей“. Это по тем временам сумасшедшие деньги. Зарплата инженера была 120 рублей. Вот эта досада, которую он испытал от того, что он не может купить хорошую книгу, это было самое плохое, что я у него видел, даже не наяву, а во сне».

Отец Александр любил кино, но не любил ходить в театр, считая себя мало восприимчивым к театральному «лицедейству». Высоко отзывался о фильме Дзеффирелли «Иисус из Назарета», фрагменты которого широко использовал в одном из своих диафильмов. В ряде своих лекций отец Александр привел глубокий анализ творчества Андрея Тарковского, с которым учился в одной школе. Его фильмы «Андрей Рублев» и «Солярис» были очень близки батюшке, а фильм Тарковского «Зеркало» отец Александр считал своим самым любимым фильмом во всем мировом кинематографе.

Любимыми его художниками были Боттичелли, Джотто, Микеланджело, Каспар Фридрих, Поленов. Выше остального он ставил иконопись, и среди его паствы было немало иконописцев. Отец Александр близко дружил с замечательным иконописцем и реставратором Адольфом Овчинниковым[289] и на выставке «100 шедевров из российских музеев», проходившей в 1990 году в Ватикане, представил его как «великого мастера и великого реставратора», у которого «многому можно научиться». «Икона не хочет подражать натуре. Она передает внутреннюю сущность явлений духа», — говорил батюшка. В молодости, еще до принятия священного сана, Александр учился иконописи у Елены Браславской — репатриантки, жены А. В. Ведерникова, подруги матери Марии (Скобцовой) и Юлии Николаевны Рейтлингер. Именно в доме Ведерникова и Браславской Александр почувствовал нераздельность веры и культуры.

Летом 1979 года в Коктебеле отец Александр несколько раз позировал по просьбе скульптора Ариадны Арендт, ученицы Мухиной и Фаворского, которая создала его скульптурный портрет. Примечательно, что в процессе таких сеансов отец Александр тоже лепил из глины небольшие фигурки, в основном животных. «Поражали пластическая выразительность и полное знание изображаемого, — вспоминает об этих эпизодах сын художницы Юрий Арендт. — Здесь были лев, морской лев с мячом, неандерталец, какой-то хищник, кенгуру. Почему-то среди них оказался коктебельский домовой. Очень выразительными получились шимпанзе и особенно — несколько архаический кабан, достойный музейной экспозиции»[290].

«На 50-летие отца Александра мы подарили ему маленький приемничек под названием „Невский“, — рассказывает Наталья Еремина. — А поскольку покровитель батюшки — Александр Невский, то отец Александр взял приемник в руки и сказал, поднеся его к себе: „Шеф, ты нас слышишь? Мы все собрались! Перехожу на прием!“».

«Однажды в день рождения отца Александра я не понимала, во-первых, будут ли отмечать, и во-вторых, звана ли я, — вспоминает Елена Тареева. — И не знала, уходить мне или оставаться. Была зима, мороз, а я всё топталась во дворе… В это время выходит из храма отец Александр, и у него в руке — пачка индийского чая. Он оглядывается, видит меня и протягивает чай: „Будешь там чай заваривать“. И вот я заварила этот чай, начала разливать, и все разливала и разливала, и снова заливала кипятком, и чай был очень крепким и не становился менее крепким. Это был удивительный чай…»

«Однажды Таня, жена моя, встретила отца Александра на автобусной остановке в Семхозе, где он, экономя минуты, ждал автобуса: электричка в Загорск уходила позже, — вспоминает Александр Зорин. — Таня с сумками, тяжелыми, конечно, тащится на дачу, и у перекрестка с Хотьковской дорогой — тут же и остановка — одна сумка у нее обрывается: не выдержала лямка, и все содержимое сыплется на землю. Подъехал автобус. Отец Александр, видя Таню, бросается на помощь. Оба они подбирают просыпанное. Автобус ушел. И следующий будет не скоро… Отец Александр, считавший минуты, забывал о времени, когда возникал призыв о помощи. Сколько

таких призывов оттаскивало его от письменного стола, где он безупречно точным словом тоже помогал людям!»

Был ли отец Александр пастырем исключительно для интеллигенции? Приведем здесь еще один сюжет того времени, рассказанный Наталией Большаковой. Неграмотная Мария Гавриловна была прихожанкой храма Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Черкизово (станция Тарасовская) Пушкинского района. Когда в 1970 году отец Александр был переведен оттуда в Сретенский храм поселка Новая Деревня, Мария Гавриловна продала избу, оставила хозяйство и последовала за батюшкой. На новом месте она нашла съемное жилье, а потом даже получила однокомнатную квартиру со всеми удобствами. «Как же я без него? — объяснила свой решительный поступок Мария Гавриловна Наталии, остановившейся у нее на ночь по благословению отца Александра. — Он мне любовь Божью несет, свет. Я ведь неграмотная была, а он меня грамоте научил, занимался со мной, читать меня учил. И теперь я могу Библию, Евангелие, Псалтирь читать. Зрение стало слабеть, так батюшка мне достал Новый Завет с большими буквами. Отец Александр для меня — всё. Мне его Бог послал, как же я без него могла остаться? С ним я ничего не боюсь. Заболею, — он меня навестит, причастит. Да и так заходит, продукты приносит, заботится обо мне, поговорим, чаю попьем, и не один приходит, вот и вас прислал. И умереть не страшно — отпоют в церкви, о. Александр молиться обо мне будет».

Во всем, что не касалось помощи конкретному человеку, каждая минута у отца Александра была на счету. Если от Пушкина в сторону Семхоза шли две электрички с разницей в четыре-пять минут, первая из которых, идущая до Александрова, была переполненной людьми, а вторая, идущая до Загорска, была полупустой, то отец Александр, не задумываясь, выбирал первую. Его аргументация была железной: «За четыре минуты можно прочитать 20 страниц, или написать одну страницу, или ответить на письмо». «Время надо лепить, — говорил он. — Как скульптор из вязкой глины лепит задуманную форму, так и время поддается обработке: уплотнению, усекновению, лепке».

Новый настоятель отец Владимир Ильчук не оставил заметного следа в жизни прихода новодеревенской церкви. Существенным было лишь то, что он никак не мешал отцу Александру и не писал на него

доносов. Скорее, относился к нему с уважением. Какие-либо сведения о его сотрудничестве с КГБ отсутствуют.

Глава 4
Время широкой проповеди и общественной деятельности

В юбилейном 1988 году, когда страна широко отмечала тысячелетие Крещения Руси, во взаимоотношениях между Церковью и государством произошли радикальные изменения. На волне проводимых в стране демократических реформ Церковь стала постепенно освобождаться от жесткого контроля КГБ и государственного аппарата — она получила гораздо бо́льшую самостоятельность в вопросах собственности, проповеди, духовного образования и просвещения, кадровой политики и сотрудничества с внешним миром.

В феврале 1988 года отец Александр Мень был удостоен патриархом Пименом награждения митрой «за усердные труды на благо Церкви Христовой».

В апреле того же года в Екатерининском зале Кремля состоялась встреча патриарха и постоянных членов Синода с Михаилом Горбачевым. Трагические события периода «культа личности», отметил Горбачев, не обошли Церковь, но правительство приступило к исправлению ошибок и готовит закон о свободе совести. Он сказал также, что благодаря «Перестройке» стало возможным более активное участие религиозных деятелей в жизни общества. В ответ на это Пимен выразил «провозвестнику нового политического мышления» «всецелую поддержку», «искреннюю благодарность» и благословил Горбачева на продолжение начатых дел. В том же году пленум Верховного суда СССР отменил как незаконные множество приговоров по политическим процессам периода Большого террора, положив тем самым начало массовой реабилитации репрессированных в сталинские годы. Тысячелетний юбилей введения христианства на Руси был признан ЮНЕСКО[291] выдающимся событием в истории мировой культуры. Сенсацией стало разрешение властей на строительство в столице нового храма в честь тысячелетия Крещения Руси, о чем была достигнута договоренность на встрече Михаила

Горбачева с иерархами. За несколько дней до начала юбилейных торжеств Церкви была возвращена часть Киево-Печерской лавры, в пещерах которой находятся мощи многих святителей Русской земли.

Поместный собор 1988 года принял решение о внесении изменений в Устав Русской Православной церкви, возвращавших духовенству право участвовать в распоряжении финансово-хозяйственной деятельностью приходов. Тогда же были созданы формальные предпосылки для изменения государственного законодательства в отношении религии и принятия нового российского и союзного законов о свободе вероисповеданий.

Коммунистический режим агонизировал. На вопрос Юрия Беленького о будущем коммунистической власти, заданный в этот период, отец Александр ответил: «У них нет будущего. Они сами, задыхаясь, приподняли эту плиту, но… не удержат, и она же их и прихлопнет…»

В апреле 1988 года молодежному творческому объединению при Октябрьском райкоме ВЛКСМ[292] города Москвы было поручено провести «вечер отдыха молодежи, посвященный тысячелетию Крещения Руси». Большинству молодых людей при этом было не вполне ясно, что означает тысячелетие Крещения Руси и как именно его следует праздновать. Поэтому Октябрьский райком комсомола решил организовать вечер, на котором выступили бы научные атеисты, православный священник и кто-либо из популярных в молодежной среде людей, чтобы собрать на мероприятие публику. Для этого руководителям творческого объединения нужно было срочно найти православного священника, который согласился бы у них выступить.

«Отец Александр казался мне идеальной кандидатурой, — рассказывает Александр Кравецкий, которого его бывшие одноклассники из упомянутого творческого объединения попросили помочь им найти священника. — Его проповеди и книги, изданные в Брюсселе, были адресованы людям, получившим советское антирелигиозное воспитание»[293]. Однако, по мнению организаторов вечера, вышедшая двумя годами раньше статья «Крест на совести» в газете «Труд», в которой отец Александр был представлен как ярый антисоветчик, могла стать серьезным препятствием для его выступления. Появление такой статьи означало, что над человеком нависла угроза ареста и публичные мероприятия с его участием,

казалось бы, невозможны по определению. «Но в конце 80-х — начале 90-х годов чудеса случались часто, — вспоминает Александр Кравецкий. — Я рассказал своим друзьям про эту ситуацию, и мы решили, что поскольку райком поручил им искать священника, а не составлять на него досье, они не будут ничего рассказывать своему начальству. На том и порешили. Отец Александр выступить согласился, однако сказал, что для оправдания перед соответствующими органами ему необходимо официальное письмо». Стандартное письмо с приглашением отца Александра было оформлено на бланке райкома комсомола с изображением Ленина. При этом никому из вышестоящих сотрудников райкома имя Александра Меня ничего не говорило — они лишь с трудом представляли себе ситуацию, при которой на сцену с бюстом Ленина вдруг выйдет человек в облачении священника. Руководители райкома нервничали по этому поводу и на всякий случай «засекретили» мероприятие: объявлений о вечере не было, а билеты на него могли заказывать лишь комсомольские организации Октябрьского района. Таким образом, о предстоящем мероприятии никто не знал, имя священника нигде не звучало, и запрещать его выступление оснований не было.

«Правда, в какой-то момент кому-то из райкомовского начальства захотелось предварительно побеседовать со священником, — продолжает Александр Кравецкий. — Меня попросили передать эту просьбу, я отмалчивался несколько дней, а затем соврал, что дозвониться за город сложно и передать просьбу не получается. Так что отец Александр так и не узнал, что его ждали в райкоме комсомола для разговора „по душам“».

Когда до начала вечера оставались сутки, а из 1200 билетов было распродано около ста (которые заказала комсомольская организация учреждения, где работал один из прихожан отца Александра), райком обеспокоился возможной критикой в связи с убыточностью мероприятия. Поэтому было решено, что перед началом «вечера отдыха молодежи» билеты будут продавать всем желающим. Но заполнить зал за сутки при отсутствии какой-либо рекламы было, конечно, невозможно. «В итоге я весь день обзванивал всех своих знакомых и малознакомых, — вспоминает Александр Кравецкий, — сообщая им, что завтра будет вечер, на котором будет выступать отец Александр Мень, что билеты покупаются перед началом и что имеет

смысл задавать ему вопросы про соотношение религии и науки, религиозные взгляды ученых и обо всем том, о чем он писал в книге „Истоки религии“. Сарафанное радио сработало, и 11 мая 1988 года зал Дома культуры Института стали и сплавов был заполнен. Я встретил отца Александра у метро и вручил ему пригласительный билет, в котором было написано примерно следующее: „Дорогой друг! Октябрьский райком ВЛКСМ приглашает тебя на вечер отдыха молодежи, посвященный тысячелетию крещения Руси. Перед тобой выступят выдающиеся специалисты в области религии и атеизма, священнослужитель, фокусник-иллюзионист, писатель-сатирик и вокально-инструментальный ансамбль“. Прочитав это, отец Александр сказал: „Я выйду на сцену, достану из-за щеки шарик (я умею) и скажу: ‘А сейчас — дискотека!’“.

Сказать, что мне было плохо, — ничего не сказать. Было ощущение, что всё это мероприятие организовано таким образом, что отца Александра сейчас публично заклюют и что никаких шансов на успех нет. Я довел его до зала, сдал на руки организаторам и сбежал. Формально у меня был благородный повод — мы жили неподалеку, и я успевал перехватить детей и отпустить на вечер жену. Но на самом деле мне просто не хотелось присутствовать при унижении, которому из-за меня будет подвергнут уважаемый мной священник».

Однако все опасения были напрасны — отец Александр всегда был готов к проповеди Слова Божия перед широкой аудиторией. После кратких выступлений батюшки и его оппонентов начались ответы на вопросы из зала. Люди спрашивали про веру и науку, религию и гуманизм, роль Церкви в истории, канонизацию святых, приуроченную к тысячелетию Крещения Руси и т. д. Отец Александр, уже давно ответивший в своих книгах на большинство подобных вопросов, теперь блестяще отвечал на них заново. И это происходило в стенах государственного учебного заведения и под эгидой райкома комсомола! Последний раз перед этим подобные публичные диспуты проводились между лидером обновленческого раскола Александром Введенским и первым наркомом просвещения РСФСР Анатолием Луначарским в 1925 году!

Оппоненты отца Александра оказались элементарно не готовы вести дискуссию на том же интеллектуальном уровне, и материалистическое мировоззрение потерпело сокрушительное

поражение. Когда же кто-то из докладчиков-марксистов попробовал перейти от содержательных аргументов к политическим, то зал начал хлопать и не дал ему говорить. Победа отца Александра была очевидной. На выступление вокально-инструментального ансамбля во второй части вечера почти никто из переполненных впечатлениями людей не остался.

«Мои райкомовские одноклассники, — заканчивает свой рассказ Александр Кравецкий, — рассказывали мне, что в течение нескольких дней после выступления им постоянно звонило всякое начальство и интересовалось этим мероприятием. Не обвиняло, а именно интересовалось. Даже участковый милиционер приходил и спрашивал, кто это здесь организовал выступление Александра Меня. Но, поскольку буква закона нарушена не была, обошлось без неприятностей и оргвыводов».

Публичное выступление отца Александра Меня создало прецедент, ссылаясь на который, стало возможным приглашать отца Александра для выступлений и в других местах. Приглашения не заставили себя долго ждать. С этого момента начался новый этап в жизни отца Александра — открытая проповедь Евангелия Христова, широкая просветительская деятельность, борьба за духовную свободу в сознании советских людей, против косности и предубеждений, переплетенных с атеистическими вымыслами. «Отношение к Церкви и религии в обществе меняется быстро, почти стремительно, — отмечал отец Александр. — Это ясно чувствуют все верующие. Мы хотим надеяться, что этот процесс будет продолжаться. Люди должны, однако, свободно определять свое отношение к Богу, к бессмертию, к Библии и Церкви. Никакое принуждение — в ту или иную сторону — здесь не допустимо. Несвободный человек всегда будет иметь изуродованную психику». За следующие два с половиной года он прочитал множество лекций на темы, связанные с Библией, христианством, религией, философией и искусством.

«Весной 1987 года я говорил ему о своих терзаниях в связи с тем, что в обществе нашем такой голод по настоящей Правде, а мы, христиане, молчим, — вспоминает Александр Белавин. — А он ответил: „Когда нам будет что сказать, Господь даст нам кафедру, даст телевидение“. И вот, Господь дал.

<…> Помню однажды, это было летним днем 1986 года в саду чьей-то дачи в Пушкино, кто-то спросил его, как он относится ко всему происходящему, т. е. к Гласности и т. д. Он ответил, что относится к происходящему положительно, потому что, пока охотники охотятся друг за другом, зайчик может попрыгать на свободе»[294].

Отец Александр считал, что открывшиеся в период «Перестройки» возможности нужно использовать для того, чтобы строить общину, поскольку главной задачей христианина он видел не просто жизнь по совести и дела милосердия, но построение жизни таким образом, чтобы стать соработником Бога на земле, для чего необходима Встреча с Ним через Иисуса Христа.

Батюшка трезво понимал, что возможность для открытой проповеди Евангелия может оказаться краткой по времени. «Субмарина всплыла, — говорил он, — но ведь в любой момент она снова может опуститься. Всю жизнь меня держали на коротком поводке. Неужели я могу не использовать появившиеся возможности?» И он принял новую ситуацию в стране как Божий Промысел, как новый вызов, которому он должен соответствовать, чтобы любой ценой нести людям Слово. «Чем силен дятел? — говорил батюшка. — Головой. Потому что головой он бьет в одну точку».

Отец Александр начал читать регулярные лекции в московских клубах и домах культуры. Его популярность росла лавинообразно. Если в первый раз, когда он выступил в Доме культуры Института стали и сплавов, за сутки без рекламы, исключительно за счет «сарафанного радио», набралось более тысячи желающих послушать его выступление, то теперь о его лекциях оповещали средства массовой информации, а на стендах объявлений перед залами, где он выступал, заблаговременно висели красочные афиши.

«Отец Александр не цитировал — он делился собственным опытом, — пишет Андрей Тавров. — Он свидетельствовал. Кавычки с евангельских цитат, которые он приводил, были сняты, потому что он осуществил „невозможное“ в своей жизни. Самое большое чудо, которое настигало меня в его присутствии, заключалось в том, что евангельские призывы выполнимы. Что они не невозможны. Я видел перед собой человека, который взял их и воплотил в своей жизни. Он исцелял больных, никогда никого не критиковал и не обвинял, был смирен, обладал огромной духовной силой, сдвигал горы дел, проблем,

но самое главное — светился любовью. <…> Одно его присутствие было важнее тысячи цитат из Евангелия. Оно само по себе было проповедью».

Масштаб его аудитории стремительно рос, и отец Александр никогда не отказывался от новых выступлений, если предоставлялась хотя бы малейшая возможность для этого в его графике. Как вспоминает Ирина Букринская, она спросила отца Александра о том, сможет ли он выступить перед небольшой (100–200 человек) аудиторией академического Института русского языка имени В. В. Виноградова, в котором она работала. «Конечно, Ира, это — Клондайк! — ответил отец Александр. — Интеллигенция — это самая неокормленная часть общества! — Я езжу везде, куда меня зовут». Кроме академических институтов и домов культуры, отец Александр прочитал лекции во многих библиотеках, на выставке «Метасимволизм» творческого объединения «Колесо», в Московском доме техники и даже в Театре «На досках».

Большинство слушателей, привыкших к тому, что в залах читают выступления исключительно «по бумажке», были восхищены его четко построенной, свободной речью. Его обширные знания не только в области богословия и истории религии, но также в истории литературы и поэзии, биологии и антропологии, казалось, не знали границ. «Неудобных» тем для него не было — он был готов отвечать на любые вопросы и беседовать с аудиторией любого уровня. «Отец Александр посвятил первые сорок минут или час рассказу о христианстве, — рассказывает Мария Батова об организованной ею лекции в своем музыкальном училище. — Из зала прислали записку: „Как Церковь относится к проблемам секса?“ Зал расхохотался. Отец Александр, смеясь вместе со всеми, сказал: „Да, конечно, секс — это великое дело. Но…“ Дальше он сказал о христианском браке, о верности, о любви, о рождении и воспитании детей, о семье как образе Церкви. Никто больше не смеялся, слушали спокойно и внимательно. <…> От той встречи у меня осталась драгоценная реликвия — афиша. На ней — портрет и слова: „Протоиерей Александр Мень“. К слову „протоиерей“ кто-то приписал сверху букву „в“, получилось — „протоиеврей“».

В этот период батюшка впервые выехал за границу. «Летит время, — пишет Владимир Файнберг, обращаясь в своих

воспоминаниях к отцу Александру. — Вас впервые выпускают за границу — в Польшу. „Батюшка, если будет возможность, побывайте в Кракове. Говорят, замечательный город“. По возвращении вы объясняете, что всё время ушло на работу в библиотеках — изучали материалы к своему словарю по библеистике. Было не до поездок». И все же отец Александр успел посмотреть, как работают в Польше воскресные школы и христианские издательства, а также преклонить колени на могиле ксендза Ежи Попелушко[295], убитого сотрудниками госбезопасности за его бескомпромиссную антикоммунистическую позицию. Планировалось, что отпуск отца Александра продлится месяц, но уже через восемь дней он вернулся. Как запомнили прихожане, он говорил, что сделать нужно много, а времени для этого очень мало.

19 октября 1988 года отец Александр впервые выступил в московской школе. Преподаватель этой школы (№ 67), литературовед Эдуард Безносов, хорошо знакомый с отцом Александром, вспоминает, что ему пришла в голову идея пригласить его рассказать детям о Библии и христианстве, и батюшка немедленно согласился, поскольку относился к этому как к своей просветительской задаче. В газете «Известия» тогда же вышла маленькая заметка под названием «Священник приходит в школу», опубликованная при содействии работавшей в издательстве «Известий» мамы одной из учениц. На следующий день после выступления в кабинете директора школы № 67 раздался звонок из районного управления КГБ: «Что у вас там происходит?» Директор, человек не робкий, спокойно ответил: «Ничего особенного. Пришел священник, чтобы рассказать детям о христианстве». На этом расспросы закончились[296].

«Я была в те годы учителем русского языка и литературы (школа № 67), где работало еще несколько ведущих педагогов, — вспоминает Каринэ Черняк, — и наш директор Е. С. Топалер решил в 1988 году пригласить в школу к детям отца Александра Меня. Это была революция! Об этом событии писали едва ли не все центральные советские газеты и некоторые зарубежные СМИ. Действительно, это было что-то, что невозможно было себе представить на протяжении 70 лет. Священник вообще-то не имел права появляться в рясе, тем более проповедовать, в публичном месте, да еще детям. А тут — свободный, радостный священник шел по нашим школьным коридорам, дети

высыпали к нему навстречу. В одном из старших классов отец Александр беседовал с ребятами, отвечал на их многочисленные вопросы, отвечал серьезно, не снижая уровня разговора, но в то же время живо и свободно. Не помню деталей, но помню, что у школьников (которых набился полный класс) и учителей было ощущение большого праздника, уникального события. <…> Самое важное — это то, что многие из ребят, которые слушали тогда отца Александра, обретя веру в Бога, пришли в Церковь»[297].

В итальянском католическом журнале «Famiglia cristiana» также вскоре вышла статья, освещавшая факт первого в России посещения советской школы православным священником. В зарубежной периодической печати с этой публикации стали появляться цветные фотографии отца Александра в хорошем качестве.

Впоследствии выступления отца Александра в школе № 67 и других школах стали традицией. Несмотря на свою постоянную занятость, отец Александр в течение учебного года еженедельно приезжал в 67-ю школу и читал в ней цикл лекций «Библия и мировая литература», показывая привезенные им слайды в качестве иллюстраций к библейским и евангельским сюжетам в литературе. Первоначально занятия проходили в учебном классе, но впоследствии желающих послушать его лекции стало настолько много, что местом их проведения стал актовый зал школы. На эти лекции собирались ученики всех профилей, и зал быстро заполнялся. Однажды отец Александр опоздал на занятие на полтора часа из-за того, что, как выяснилось впоследствии, он должен был срочно ехать соборовать своего прихожанина. Как вспоминает Эдуард Безносов, через полчаса после назначенного времени начала лекции он вышел к собравшимся и сказал, что не знает причин отсутствия отца Александра, но школьники дружно ответили, что будут его ждать. Ожидание оказалось не напрасным, и лекция была прочитана.

За первым выступлением в московской школе последовала первая публикация в светском издании — журнал «Горизонт» в номере 10 за 1988 год напечатал статью-интервью с отцом Александром «Не сводить счеты, а начать свободный диалог». В течение следующих двух лет в различных периодических изданиях было опубликовано около тридцати его статей.

Теперь в Сретенский храм регулярно приезжали гости из-за рубежа — корреспонденты печатных изданий, представители эмигрантских кругов, деятели Церкви. Режиссеры и кинооператоры готовили материал специально под выступления отца Александра, ему предлагали сотрудничество в работе над подготовкой сценариев для религиозных фильмов либо консультирование при написании подобных сценариев.

Кроме огромного количества вопросов по теме лекций, признаний в перевороте сознания, исповедальных писем, ему приходили записки другого рода. Вот пример: «Еврей-христианин — самый большой позор для еврея. Ведь вы чужой и для христиан, и для иудеев». — «Это неверно, — спокойно отвечал отец Александр. — Христианство создано в лоне Израиля. Матерь Божия, Которую почитают миллионы христиан, была дочерью Израиля, которая любила свой народ так же, как каждая прекрасная женщина любит свой народ. Апостол Павел, величайший учитель всего христианства, был евреем. Поэтому принадлежность христианина, тем более пастыря, к этому древнему роду, имеющему четыре тысячи лет, является не недостатком, а чудесным ощущением, что ты тоже причастен к Священной истории». Такие вопросы не радовали, но оставлять их без внимания было бы неправильно — как священник отец Александр давно привык к борьбе темных и светлых сил во всех сферах жизни.

Общая цель выступлений отца Александра оставалась неизменной — он продолжал евангелизацию больной страны… «Церковь и религия могут немало послужить обществу в духовном оздоровлении людей, в укреплении нравственных сил, — ответил он на вопрос в этой связи. — Она поможет углубить любовь к культурному, художественному наследию народов нашей страны, а значит, будет содействовать залечиванию тех ран, которые были нанесены годами нигилизма и беззакония». Тематика лекций отца Александра была необычайно широкой. Менее чем за два с половиной года с начала широкой проповеди он прочитал лекции о русских религиозных философах XIX — XX веков Соловьеве, Булгакове, Флоренском, Бердяеве, Федотове и других; о мировых религиях и культурах; о Никео-Царьградском Символе веры; о библейской истории и истории Церкви; о Библии и русской литературе X — XX веков; о Вселенских соборах; об Отцах Церкви; о связи христианства и

русской культуры; о древнерусском Ренессансе; о Великом посте; о литургии и храмовом действе; о проблемах детской катехизации и многие-многие другие.

С марта 1989 года отец Александр дважды в месяц вел часовую передачу на радио на тему «Книга книг — Библия и культура». Той же весной им был написан сценарий радиопьесы «Моисей», в которой отец Александр озвучил главного героя.

Удивительным на первый взгляд кажется вхождение отца Александра в состав редколлегии первого независимого частного издания в стране — газеты «Совершенно секретно», основанной в 1989 году Юлианом Семеновым[298]. В действительности, к его предложению о сотрудничестве отец Александр отнесся как к возможности выступить с проповедью перед новой аудиторией. Первый номер издания, направленностью которого стали расследования, вышел тогда тиражом в несколько тысяч экземпляров и быстро завоевал популярность.

В субботний день 6 мая 1989 года французский кардинал Жан-Мари Люстиже, направлявшийся из Москвы в Троице-Сергиеву лавру, попросил сопровождавших его лиц из Московской патриархии остановить машину в Новой Деревне. Кардинал знал о том, что в этот день отец Александр будет в своем приходе, но возможности заранее предупредить его об этом визите не было. Шла Пасхальная неделя по православному календарю, и во всех действующих церквях служилась Божественная литургия. Гости прибыли к концу литургии, когда настоятель храма говорил проповедь. Кардинал и его спутники оставались в глубине храма, но отец Александр заметил гостей, подошел к коллеге, и они сказали друг другу несколько фраз по-английски. После того как настоятель (отец Владимир) закончил проповедь, он пригласил кардинала Люстиже сказать несколько слов пастве и благословить ее.

«Потом французский архиерей поднялся в алтарь и поцеловал престол со Святыми Дарами, — вспоминает Андрей Еремин, который в тот день прислуживал в храме. — Когда он вошел, какая-то властная сила буквально прижала меня к стене, алтарь наполнился плотным светом, даже дышать стало трудно…

А кардинал вышел на амвон, сказал через переводчика несколько слов собравшимся людям и, попрощавшись, уехал. Спустя несколько

минут отец Александр вошел в алтарь, и я рассказал ему о своем неожиданном переживании. Он почему-то этому порадовался и тут же передал мне свой краткий разговор с Ж.-М. Люстиже.

Оказывается, отец Александр спросил его, когда они смогут в следующий раз увидеться, а кардинал ответил: „Теперь это будет только на небесах“. Меня это тогда поразило: ведь наступило время, когда отец Александр уже мог свободно выезжать за границу. И, казалось, не было никаких препятствий для их встречи в дальнейшем…»

У кардинала был плотный распорядок. Однако к возможности встречи с отцом Александром он отнесся как к дару свыше.

«Нам нужно было очень многое сказать друг другу, — рассказал впоследствии Жан-Мари Люстиже. — И хотя мы никогда не виделись прежде, у меня было такое чувство, что мы можем не успеть. Память моя хранит образ встречи сильной и прекрасной в тайне страдавшего и воскресшего Мессии. Мы обменялись самым главным и укрепили друг друга больше, чем могли бы это сделать любые слова.

С этого самого дня я пытаюсь исследовать ценность смысла этой встречи и не могу его постичь до конца. Но прежде всего нам было очевидно — я говорю „мы“ не будучи убежденным, что имею право говорить от имени отца А. Меня, а лишь по интуиции, которую я сохранил, — очевидно, что братство наших вер, союз во Христе, был как знак предвосхищения (то, что святой Павел, говоря о дарах Духа, называет „задаток“ и „знак“), предвкушение полного общения в любви и взаимном уважении для Московской Патриархии и Римской Церкви. <…> И потом радость Пасхальной недели, которая озаряла бедную паству, среди которой отец Александр и я обменялись всего лишь несколькими фразами, была словно озарена сиянием тайны Креста — угрозой бессильной, но неминуемой смерти».

Спустя несколько лет, при встрече во Франции, кардинал Люстиже сказал Андрею Еремину о том, что встреча с отцом Александром произвела на него очень сильное впечатление. Он понял, что жизнь отца Александра наполнена Евангелием еще в большей степени, чем его собственная, а это неминуемо становится знаком…

В конце октября 1989 года состоялась поездка отца Александра в Италию. В начале ноября в Бергамо проходил международный симпозиум на тему «Культурная идентичность России и

западноевропейская традиция. Анализ открытой проблемы». В симпозиуме приняли участие крупные итальянские и российские ученые. Участие в нем отца Александра удалось организовать в последний момент стараниями профессора Витторио Страды[299]. Его выступление было посвящено основаниям культурного единства Востока и Запада. Отец Александр подчеркнул, что величайшей ценностью человечества является персонализм, поскольку человек — это Образ и Подобие Божие. Поэтому, по его мнению, Восток и Запад найдут общий язык тогда, когда персонализму будет дано настоящее право развития. «Сегодня мы пожинаем плоды того, что было прежде, — плоды духовности, — сказал отец Александр. — <…> Без духа, без веры, без корневого нравственного религиозного стержня развитие человечества обречено».

Так случилось, что в период пребывания отца Александра в Бергамо, 6 ноября 1989 года, ушла из жизни основательница Конгрегации «малых сестер Иисуса» Магдалена Ютен, с которой он уже много лет поддерживал молитвенную связь. «Инициатива встреч с о. Александром шла свыше, даже если нужно было выверять даты и проявлять большую осторожность, — вспоминает Клер Латур. — Вот почему его звонок в Тре Фонтане[300] в Рим накануне похорон малой сестры Мадлен можно считать чудом. Мы очень хотели, чтобы рядом с Греческой, Мельхитской, Украинской Церквями, которые уже молились над гробом, присутствовала и Русская Православная Церковь. Но это было немыслимо! И особенно немыслимо, чтобы представителем от РПЦ был о. Александр! У него было предчувствие, что остались считаные дни, чтобы нести Благую Весть через средства массовой информации, предоставленные ему после стольких лет запрета на Слово! И он, дорожа каждой минутой, не хотел уезжать из страны. И вдруг итальянцы выдают ему билет и визу на симпозиум в Бергамо! И он едет! И оказывается в Риме, в Руссикуме[301], именно в тот момент, когда туда попадают священники, вернувшиеся из Тре Фонтане после панихиды по малой сестре Мадлен. Это произошло вечером 8 ноября 1989 г. А в июле того же года о. Александр еще встречался с матушкой Мадлен в Москве… Он тут же позвонил, очень взволнованный: для него, приехавшего в Рим неожиданно, ничего не знавшего об уходе Мадлен, было ясно, что это — знак Божьей Воли.

Что здесь не обошлось без горячего желания матушки Мадлен, чтобы он приехал проститься с ней.

На следующий день, 9 ноября, мы везли его из Руссикума на отпевание в Тре Фонтане. По дороге мы показывали разные памятники, катакомбы, римские дороги… Но он знал наизусть весь план Рима, и, вероятно, лучше, чем мы.

После отпевания он смог поприветствовать некоторых из полусотни священников, которые были там: о. Вуайома и малых братьев, трех кардиналов, братьев из Тэзе и сестер из Граншампа, о. Феодоровича из Лашки, представителей Константинопольской и других восточных Церквей… А когда закончилась трапеза, он отслужил панихиду на церковнославянском языке в часовне.

На следующий день о. Александр снова вернулся в Тре Фонтане, чтобы увидеть и глубже почувствовать жизнь нашей общины. Его поразил рассказ о неожиданной и внешне бесславной смерти брата Шарля. Он увидел фотографии о. де Фуко, иконы и рисунки, сделанные его рукой, словари, составленные им для общения с туарегами. Выходя из маленького музея, очень бедного и больше похожего на барак, о. Александр повторял и повторял по-итальянски: „Miracolo!“[302] И это действительно было чудо. Чудо зерна, упавшего в исламскую землю и давшего столько плодов!»

Памяти сестры Магдалены отец Александр вскоре после возвращения из Италии посвятил проникновенную статью, опубликованную на страницах одной из ведущих московских газет. Он, в частности, писал: «Ее отпевание было волнующим. Двор перед церковью заполнили сподвижницы умершей сестры Магдалены, съехавшиеся с разных концов мира. Среди них было много смуглых, чернокожих представительниц всех рас и многих народов в скромной орденской одежде: синяя косынка, перепоясанная туника, крест на груди. <…> Долгие годы сестра Магдалена была душой и руководительницей всемирной общины Малых сестер, которые всецело посвятили себя „униженным и оскорбленным“, беднякам и изгоям.

Подобно движению матери Терезы из Калькутты, Малые сестры — живое доказательство того, что в век войн, национальных конфликтов и геноцида не умер дух любви, открытости и взаимопомощи.

Когда я смотрел на просветленные лица сестер, произносивших молитвы на языках Европы, Азии и Африки (звучали и русские слова), я невольно думал о неистребимой силе добра. Перед ним рушатся барьеры, разделяющие материки и культуры. Поистине, у современного мира, уставшего от ненависти, есть надежда, если он имеет таких самоотверженных служителей милосердия».

При напряженной приходской работе число лекций, запланированных отцом Александром, доходило до тридцати в месяц, а общее количество лекций, прочитанных им в этот период, превысило двести. При этом ожидания большинства прихожан Новой Деревни не менялись, несмотря на изменение ритма жизни батюшки, — люди по-прежнему жаждали его внимания и духовного просвещения. И особенно большой помощью для отца Александра стали малые группы, руководители которых включали в круг своих подопечных всё большее число людей и занимались с ними ускоренной катехизацией и подготовкой к крещению. На Пасху 1989 года отец Александр крестил многих слушателей своих лекций, прошедших подготовку в таких группах.

Время отца Александра было расписано по минутам: ранний подъем, служба, исполнение треб, беседы с людьми, поездки в Москву на лекции, возвращение домой, ответы на письма, работа допоздна над «Словарем по библиологии» и новыми статьями. При всей этой многократно возросшей нагрузке у отца Александра по-прежнему не было ни постоянной машины, ни водителя для преодоления расстояния от Новой Деревни до Москвы и Семхоза. Конечно, те из прихожан, у кого была своя машина, старались возить батюшку в Москву на выступления и по нескольким адресам для посещений больных, но такая возможность была не всегда. Электричка оставалась для него основным и наиболее надежным видом транспорта…

И всё же новый регламент касался главным образом тех людей, которые, забывая об окружающих и об обстоятельствах жизни батюшки, могли часами рассказывать ему о своих проблемах. «Изредка я посещаю один дом, где отец Александр бывал часто, — вспоминает Ольга Ерохина. — Там за стеклом книжного шкафа его летящим почерком записка: „В 16.00 настойчиво постучитесь ко мне“. Хозяйка рассказала мне историю этой записки. Она ждала разговора у его кабинета, где кто-то очень долго сидел и не выходил. Вдруг

распахивается дверь, отец Александр протягивает ей эту бумажку, и дверь снова закрывается. Выждав до 16.00, она стучит в дверь, отец говорит посетителю: „Ну вот, мне пора…“». (Случай комический, но как по-иному читается сегодня его: «…настойчиво постучитесь ко мне», как обнадеживающе звучит!)

В то же время ни у кого из прихожан ни на минуту не возникало чувство покинутости. Отец Александр при любой степени занятости продолжал заботиться о своих духовных детях и поддерживать евангельские группы, бывая в каждой из них минимум раз в год. Количество оглашаемых и крещаемых в Новой Деревне людей также возросло в несколько раз, но подготовка к крещению каждого из чад шла своим чередом. В этот период отец Александр начал подготовку к строительству крестильни рядом с храмом, в которой планировалось разместить лекционный зал и помещение для воскресной школы.

«Однажды мы шли через подмосковную рощицу, направляясь на дачу к одному из прихожан, — вспоминает Андрей Тавров. — Я оказался рядом с отцом Александром. Я обрадовался — побыть с ним наедине становилось большой редкостью, он был осаждаем людьми. Он увидел мою радость и, видимо, быстро понял мое состояние. „Вы можете думать, Андрюша, что если мы с вами стали реже видеться, то я о вас не думаю или не помню. Но это не так. Вы у меня все и всегда вот здесь. — И он положил обе ладони себе на грудь. — Всегда, каждую минуту, все до одного“».

В этот период, используя открывшиеся возможности, отец Александр инициировал множество проектов, направленных на пробуждение в людях милосердия и интереса к культуре родной страны.

«В конце августа 1988 года отец попросил меня остаться после службы, — рассказывает Владимир Илюшенко. — Мы зашли в его комнату в домике, и он впервые изложил мне идею культурного возрождения, из которой вытекала необходимость создания общества „Культурное возрождение“. Он сказал, что октябрьский переворот привел к гигантской интеллектуально-культурной регрессии, поэтому прежней культуры уже нет, нет ее живых носителей. Я спросил: „Дерево срублено?“ — „Дерево срублено, но из пня растут веточки. И мы должны помочь тому, чтобы эти веточки превратились в новые деревья, чтобы зашумел лес“, — ответил отец Александр»[303].

Задача, обозначенная отцом Александром, была не реставраторской, а творческой. Батюшка понимал, что прежде всего нужно сохранить то, что возможно, но на старой основе необходимо создавать новые «ростки» культуры. По сути, речь шла не столько о культурном, сколько о духовном возрождении. Отец Александр осознавал, что процесс будет долгим и трудным, но считал, что важно встать на этот путь. Его план состоял в том, чтобы создать добровольное надконфессиональное общество, опирающееся на духовные основы культуры. Это общество должно было объединить как верующих, так и неверующих людей и привести в движение совместные конструктивные усилия интеллигенции. Основу этого общества, по мысли отца Александра, должны были составить интеллигенты-христиане. Создание такого общества батюшка считал жизненной потребностью.

И общество «Культурное возрождение» было учреждено. Возглавить его отец Александр предложил Владимиру Илюшенко. Но тот ответил, что было бы гораздо лучше, чтобы это сделал сам отец Александр как автор идеи и программы деятельности общества. На это отец Александр возразил: «Еще не время. Мне пока не стоит этого делать, это только помешает. Потом будет видно». «Я стал отказываться, — вспоминает Владимир Илюшенко, — и сказал, что было бы целесообразнее, чтобы председателем общества был человек с именем. Я назвал Вячеслава Всеволодовича Ива́нова[304]. Принуждать человека было не в правилах отца, но он огорчился. Тем не менее, увидев, что я говорю искренне, он согласился, но попросил меня стать первым заместителем и возглавить общество де-факто». Через некоторое время Владимир Илюшенко возглавил общество не только де-факто, но и де-юре. Он написал проект устава и начал готовить учредительную конференцию, которая состоялась 2 ноября 1988 года в юношеской библиотеке имени А. Грина. Присутствовало около 100 участников, в том числе поэты-барды Булат Окуджава и Юлий Ким, директор Музея изобразительных искусств Ирина Антонова, филолог Михаил Гаспаров, заместитель директора Библиотеки иностранной литературы Екатерина Гениева, политолог Виктория Чаликова, директор школы Евгений Ямбург и другие участники, среди которых было немало прихожан Новой Деревни.

Свои приветствия конференции направили академик Д. Лихачев и литературовед А. Аникст.

В своей вступительной речи Владимир Илюшенко говорил о том, что общество должно содействовать возрождению утраченных духовных ценностей, быть открытым для диалога со всеми религиями, культурными и здравомыслящими социальными силами и в то же время противостоять националистическому и шовинистическому духу ненависти и вражды, подрывающему мир и устойчивость страны. Он сказал о необходимости привлечь к активной работе в этом направлении учителей и педагогов.

Вячеслав Ива́нов упомянул о том, что, по его ощущению, культура гибнет именно сейчас, на фоне социального подъема. «Мы еще можем спасти культуру, — сказал он, — но делать это надо ежеминутно. Культура воспитывается с детства, поэтому школы — это главное, на что нужно обратить внимание. Особая трудность заключается в том, что мы сами несем в себе след прошлых лет, которые пришлись на эпоху сталинизма и застоя».

После оживленной дискуссии был утвержден устав общества и избран его совет. Отец Александр, не присутствовавший на конференции, внимательно следил за развитием событий вокруг создания «Культурного возрождения». Однажды он выступил на православной секции общества, сказав о том, что понятие помощи всему человечеству — это абстракция. Реальная помощь может быть лишь в общине, где люди знают друг друга. «Сегодня мы уже не гонимые, хотя для Церкви гонения — это норма, — сказал отец Александр. — Сейчас самый важный момент — занавес отдернули и сказали: „Можете делать что хотите“. Есть великий риск обнаружить нашу недееспособность и все человеческие слабости. Не уверен, что у нас найдется многое, что предложить людям. Сейчас для нашей Церкви наступил почти Страшный Суд. И поэтому мы должны почувствовать свою ответственность. Важнейшие вопросы — помощь конкретным людям, внехрамовая молитва, воскресная школа». Отец Александр сказал в тот день о необходимости помогать больным детям и старикам, о необходимости единой духовной семьи в церковной жизни, о том, что теперь наступило время для совместной молитвы и совместного деяния. Он напомнил о том, что миряне должны соучаствовать в деле милосердия и в деле христианского воспитания

детей, и о том, что для христиан важно не бежать от мира, а работать в нем, осознавая христианский смысл своих профессий.

В конце 1980-х годов супруги Эдуард Безносов и Ирина Букринская жили в двух комнатах коммунальной квартиры на Остоженке. В одной из этих комнат проходили регулярные собрания энтузиастов общества «Культурное возрождение». В них, кроме отца Александра, участвовали Владимир Илюшенко, Екатерина Гениева, Натан Эйдельман, Евгений Ямбург и еще несколько человек этого круга. Обсуждались дальнейшие планы деятельности общества, возможности издания книг, тематика будущих лекций и т. д. В отличие от большинства своих духовных детей отец Александр был далек от эйфории и подчеркивал, что деятельность «Культурного возрождения» должна противостоять нарастающему мракобесию в стране (тогда появилось пресловутое общество «Память»). «В поле зрения наблюдается общее снижение уровня: поправение христианской интеллигенции, равнодушие среди духовенства, умственный разброд среди неофитов. Но почва продолжает оставаться многообещающей», — писал батюшка в это время. Степень вовлеченности интеллигенции в дело «Культурного возрождения» была очень высокой, как и общий интерес к любым мероприятиям общества, на которые собирались многие, в том числе и малознакомые между собой люди. Ирина Букринская, лингвист по специальности, вспоминает, как отец Александр с присущим ему чувством юмора представлял ее другим участникам одного из таких мероприятий: «Это Ира, жена Эдика… И сама по себе…»

Летом 1988 года Екатерина Гениева по рекомендации отца Александра стала исполнять обязанности директора ВГБИЛ[305], что также было важным шагом в развитии идеи общества «Культурное возрождение». Ирина Букринская вспоминает: «Когда по причине загруженности Катя была вынуждена меньше времени уделять семье и стала приезжать на дачу только поздно вечером, наши дети посвятили ей капустник со словами: „Помогите Даше Беленькой[306] / Перед вами — жертва Возрожденья!“ — на что присутствовавший среди зрителей отец Александр немедленно отреагировал: „Посмотрите, хливкие шорьки выросли!“»[307]. При всей своей занятости он оставался очень внимателен к подросткам в своей пастве[308].

Когда Евгений Рейн в 1989 году задумал к десятилетию первого альманаха «Метрополь»[309] издать альманах «Метрополь-2» и обратился к Эдуарду Безносову с просьбой по возможности собрать прежних авторов, отец Александр с готовностью откликнулся на предложение написать предисловие к новому альманаху. В своей заметке, названной им «О бесовском авангарде», отец Александр пишет о том, что после отступления казенного искусства времен тоталитаризма люди потянулись к плодам, которые совсем недавно были запретными: «Этот процесс начался еще в 50-х годах и далеко опередил перемены, которые наметились сегодня в других сферах культуры. Можно понять, почему в нем видны и поспешность, и некритичность, и безвкусица. Ведь развитие шло не естественным путем, а по принципу реакции на табу. Вот тогда-то и замелькало в полемике слово „авангард“». И далее отец Александр проводит параллель между «авангардом» в литературе и искусстве с «авангардными» явлениями в церковной жизни, в раннехристианской поэзии и церковных песнопениях, показывая, что сегодняшний «классицизм» когда-то тоже считался «авангардом». «Дело не в формах, пусть и непривычных, и странных, а в том духе, который они выражают, — подводит итог отец Александр. — Далекие от нас негритянские „спиричуэлс“ могут оказаться более евангельскими по сути, чем иные „концерты“, которые подчас можно слышать в наших храмах. И, пожалуй, одного вкуса здесь недостаточно. Нужно проникновение в дух»[310].

«Мы познакомились в конце 80-х годов, — вспоминает об отце Александре педагог Евгений Ямбург. — Тогда возникло общество „Культурное Возрождение“. И, помимо различных вещей, оно занималось просвещением педагогов. Надо вспомнить, что в те годы не было книг тех авторов, которых сегодня можно встретить в любом магазине, например, Булгакова, Федотова, Бердяева. И учителя в этом отношении были чудовищно необразованными. Мне, как педагогу, очень захотелось познакомиться с отцом Александром, но я робел, потому что понимал его роль в обществе и в культуре. Я приехал, представился как директор школы, педагог. И когда он подал руку и сказал: „Мень-пельмень“, то мгновенно снял мое напряжение. Он был блестящим психологом. И затем началось наше серьезное взаимодействие. Официально руководителем этого общества был

Вячеслав Всеволодович Ива́нов, лауреат всяческих премий, молодой друг Пастернака и т. д., а реальным мотором был, конечно, отец Александр. Меня сразу потрясло сочетание в нем глубокой религиозности и психического здоровья, да еще с потрясающим чувством юмора. Я был поражен какой-то внутренней бодростью этого человека, потому что я поймал себя на том, что рядом с ним я постоянно улыбаюсь, хотя те проблемы и истории, о которых я рассказывал отцу Александру, были очень невеселыми. Отец Александр часто выступал и в школах и никогда не путал школу и церковь. В школах он действительно читал лекции, а не проповеди — он понимал, где находится, и не хотел, в частности, поставить в неловкое положение директора школы, поскольку закона о свободе совести еще не было. Проповедь в школе могла вызвать в то время серьезный скандал со всеми последствиями. И эту грань отец Александр никогда не переходил, понимая, кто перед ним и чего от него ожидают. Когда я водил на его лекции своих молодых коллег, я говорил: „Обратите внимание не только на то, что он говорит, но какое обилие методических приемов используется!“ Это была феерия педагогического мастерства!

Безусловно, отец Александр был природным психотерапевтом. И когда у меня в школе появлялся ребенок, склонный к самоубийству, я, понимая всю чрезмерную занятость отца Александра, направлял этого ребенка к нему, не сомневаясь, что мой ученик будет спасен.

Однажды в конце 80-х мы привезли в школу контейнер с Библиями из Парижа. Встал вопрос о контрабанде запрещенной литературы. Я сказал об этом отцу Александру. Его реакция была замечательной: „Помните, что когда волка нет, то и овца как-то вяло ходит. А когда волк рядом, то и овца подтягивается“.

В нашей школе одно время преподавал человек, которого я называл „таинственный монах“. Мы затеяли в школе ряд новых курсов — таких, например, как „Великие книги человечества“, „Библия“, „Коран“, специальный факультатив о русской религиозной философии и т. д. Но читать их учителя не были готовы. И отец Александр порекомендовал мне своего ученика, монаха. Его высшей характеристикой были слова: „Дело знает“. „Таинственный монах“ преподавал у нас в штатском до тех пор, пока в России не начался

„религиозный ренессанс“ и его не направили настоятелем в храм на Бородинском поле»[311].

В 1989 году отец Александр Мень с несколькими добровольцами — костяком будущей Группы милосердия — впервые появился в Республиканской детской клинической больнице (РДКБ) в Москве. Об этой больнице отец Александр узнал от одного из прихожан, больничного медбрата, который работал в отделении пересадки почки и рассказал, как ужасно страдают дети, находящиеся на гемодиализе[312]. В больницах не хватало медикаментов, оборудования, одноразовых шприцов. Получить даже элементарные медицинские услуги было невозможно, пересадка органов велась чуть ли не по группе крови, не было детского диализа, смертность была крайне высока. «Когда решили помогать именно этой больнице, не все и не сразу согласились с выбором отца Александра, — рассказывает Лина Салтыкова, руководитель Группы милосердия. — Но батюшка поехал туда, а с ним и мы».

Приехав на место, батюшка и прихожане новодеревенского храма увидели огромную недостроенную детскую больницу на юго-западной окраине Москвы. Вокруг больницы — двор, пустырь и сваленные груды железа. «Пейзаж после Сталинградской битвы», — грустно пошутил отец Александр. Внутри больницы царили мрак и безысходность на фоне страшной реальности — частых детских смертей. Больница для детей с тяжелыми заболеваниями, приехавших со всех уголков страны, рассчитана на тысячу койкомест. Многие дети были направлены в эту больницу потому, что им не могли поставить правильный диагноз, методы лечения были неизвестны, а порой было уже очевидно, что дни ребенка сочтены. Большинство родителей ночевали в подвалах и коридорах. Денег на покупку еды у них, как правило, не было.

Бывало и так, что дети лежали здесь годами. У некоторых из них не было родственников, но большинство находились в больнице вместе с матерями, оставившими дома семьи и других детей. Отца Александра и его сопровождающих встретили заплаканные лица матерей и дети, у которых давно не было игрушек. Трудно себе представить те физические и духовные страдания, которые претерпевали эти дети и их матери. Как и во всяком советском учреждении, система отношений в больнице напоминала казарму.

И вот появились добровольцы из церкви. Никто, начиная с администрации больницы, не знал, как относиться к такому новшеству как приход священника, что можно и чего нельзя разрешать его помощникам, как с ними взаимодействовать. За 70 лет советской власти в стране были полностью разрушены основы церковной благотворительности. Врачи откровенно не видели смысла в появлении в больнице священника и команды его волонтеров, все эти люди казались им лишними.

Но отец Александр начал действовать — он регулярно приезжал в РДКБ, чтобы крестить детей и их родителей (до этого момента крещеных детей в отделении не было, и отец Александр окрестил всех), причащать их и беседовать с детьми и их родителями. «Мы, его помощники, — продолжает Лина Салтыкова, — очень старались приносить пользу, хотя поначалу и не представляли, что именно делать. Не зная, с чего начать, мы готовы были выполнять любую работу — мыть полы, стирать детские вещи… Но оказалось, что особой нужды в этом нет — всё это делали мамы, лежавшие в больнице вместе с детьми. Зато постоянно требовались мужские руки — наши молодые люди чинили замки и тумбочки, заделывали щели в окнах, возили детей в театры, а заболевших мам — во взрослые больницы»[313].

«Однажды после литургии я услышал, как отец Александр Мень обратился к народу: нужны люди помогать в детской больнице, — вспоминает Петр Коротаев, тогда молодой гидрогеолог. — И вот с небольшой группой прихожан мы туда и отправились — некоторые, в том числе Лина Салтыкова, уже не в первый раз. Поначалу нас было человек пять-шесть. Из этих людей и выросла потом Группа милосердия. Приходили мы раза два в неделю. Занимались в ту пору только одним отделением — пересадки почки и гемодиализа. Дети там лежали тяжелые. Тогда мы впервые пережили смерть ребенка. Я очень хорошо запомнил мальчика, который первый умер при мне, — Алеша Терехин. А умирали тогда очень часто, многих лекарств в больнице еще просто не было, да и в стране тоже. Очень тяжело. Особенно когда подружишься с детьми, узнаешь поближе… В общем, постепенно я втянулся, а потом и вовсе оставил светскую работу, стал заниматься только больницей. Помогал, когда священники причащали детей, — поначалу прямо в палатах, храм ведь появился гораздо позже. Ну и,

конечно, больница — не только боль и слезы, но и радость. Самое радостное, и это долго помнишь, — как мы провожали домой поправившихся детей. В больнице многие умирали, но и излечивались многие, это важно помнить…

Знаете, больница — это особый мир со своими законами, там горе и радость как-то иначе воспринимаются, чем на „материке“. Я работал на Севере и знаю, что такое быть отрезанным от мира. И в больнице у меня было точно такое же чувство: точно Москва и весь остальной мир далеко, за тридевять земель, хотя на самом деле они тут, рядом, за забором».

«В 1989 году отец Александр подбирал людей, которые могли бы мужественно вынести атмосферу больницы, в которой лежали тяжело больные и умирающие дети, и это требовало от него тонкой психологической оценки, — вспоминает Владимир Архипов, ставший вскоре после этого священником и продолживший в течение многих лет посещать отделения онкогематологии и неврологии в РДКБ вместе с прихожанами из Новой Деревни. — Помню, как я служил первую литургию в детской игровой комнате РДКБ, как беседовал в отделении неврологии с мамами больных детей. Каждый раз, приезжая туда, открываешь дверь в некоторой неопределенности, когда еще нет готовых слов, которые нужно сказать при встрече с детьми… Но когда переступаешь порог палаты и садишься к ребенку, то общение постепенно выстраивается, слова и жесты появляются сами, и ты понимаешь, что мать и ребенок приняли тебя… Я очень благодарен Богу и отцу Александру за этот важный этап моей жизни»[314].

Добровольцев из храма отец Александр называл «больничными ангелами». Они рисовали, пели и читали с детьми, гуляли с теми, кому разрешалось выходить на улицу. Сначала конкретной программы не существовало, и члены группы милосердия просто нащупывали «болевые точки» и старались помочь, где возможно. Больницу посещали по расписанию — каждый в свой день недели. Вместе приходили в храм в Новой Деревне, вместе ездили и в больницу. Так церковная жизнь продолжалась и в совместном делании за церковной оградой. «Больничные ангелы» приносили из дома еду, вещи, игрушки и книжки. Многое собирали в приходе Новой Деревни, затем стали приходить партии гуманитарной помощи из благополучных стран. Все добровольцы работали или учились, у большинства были семьи, но это

служение постепенно стало для них необходимостью, они полюбили своих подопечных и их матерей и не представляли без них своей жизни.

«Проповедь. О. Александр рассказывает об онкологических детях из Российской детской клинической больницы, — вспоминает Анна Борзенко. — Об умирающих детях и их мамах. Кто может приходить к ним и быть рядом, приходите и будьте. Его слова пронзают меня, но я не хочу туда! Не хочу к умирающим детям, их страдающим мамам! Тогда для меня самое страшное — потерять ребенка. И, подойдя к кресту, я говорю о. Александру: „Вы же понимаете, у меня четверо маленьких детей, и я, конечно, не смогу ходить. Но я могла бы им посылать апельсины“. Дело в том, что апельсины были тогда большой редкостью, и мне казалось, добывая их и посылая детям, я сделаю что-нибудь хорошее для них. Если честно, откуплюсь. О. Александр сказал очень строго и почти раздраженно: „Не нужны им твои апельсины. У них всё есть. Им нужна ты“. Я отошла, оторопев от такой реакции. Потом вспомнила притчу о богатом юноше. Так вот, когда убили отца, я сразу пошла в больницу».

«Артемка, хоть и был слаб, к приходу отца Александра сидел на кровати, — рассказывает Андрей Г., отец маленького пациента. — Отец Александр положил мальчику руку на голову и долго о чем-то с ним говорил. Удивительно, что Артем, такой скромный и застенчивый ребенок, так свободно и уверенно чувствовал себя рядом с этим человеком. После ухода отца Александра в отделении воцарились радость и покой. Никто не кричал, не капризничал, и врачи как-то оттаяли.

В очередной свой приезд в больницу я увидел отца Александра в отделении. Его „обход“ уже завершался, он шел по коридору в окружении детей, врачей и родителей. Моя жена пришла в палату и рассказала: отец Александр обещал, что постарается помочь Артему и ей с выездом за границу! У нее появилась надежда. И еще она мне сказала, что решила отдать Артему свою почку.

Как мы узнали позднее, отец Александр описал своим прихожанам всю безвыходность Артемкиного положения и попросил помочь. В результате нас пригласили в „Сердечный центр“ Западного Берлина на бесплатную операцию на сердце».

Уже в первые годы работы Группе милосердия удалось отправить лечиться за границу нескольких погибающих детей из РДКБ — это спасло им жизнь. Тогда добровольцам казалось, что они прошибли каменную стену. Через некоторое время эта практика стала обычной.

«В тот первый год работы Группы мы познавали новую реальность, — завершает свой рассказ Лина Салтыкова, — такое, с чем никогда прежде не сталкивались. Мы только-только начинали понимать, как себя вести в этих нечеловеческих обстоятельствах — страдание ребенка, умирание ребенка… И как самому не сгорать на этом страшном огне. Где найти силы, чтобы помогать и самому не разрушаться от горя и сопереживания? Отец Александр понимал это гораздо лучше нас».

Свет веры, любви и надежды был принесен отцом Александром и его помощниками в РДКБ. «Там, где хуже всего и где нет никакой помощи, — там мы», — говорил он.

Осенью 1989 года отец Александр Мень встретился с приехавшим в Москву французским основателем общин-поселений для умственно отсталых людей Жаном Ванье[315], и между ними в новодеревенской «сторожке» при храме состоялась длинная беседа. Присутствовавший при ней Владимир Архипов вспоминает о том, что разговор отца Александра с гостем носил сущностный, стратегический характер, и по состоянию отца Александра, его интонациям было ясно, что собеседники очень хорошо понимают друг друга в плане служения «малым сим». Жан Ванье рассказывал о принципах построения экуменических общин «Вера и Свет» во Франции, и этот рассказ помог отцу Александру уточнить план развития движения «Вера и Свет» в Москве. «Встреча с Жаном Ванье была для меня неслучайной, — рассказывает Владимир Архипов, который, став священником, начал окормлять семьи, входящие в движение „Вера и Свет“. — Форма восприятия жизни людей, испытывающих страдания и близость смерти, является чрезвычайной школой понимания того, что есть человек и, в частности, священник. Я вижу здесь прямую связь с последующим благословением отца Александра на путь моего священства»[316].

Во время своего визита в Москву Жан Ванье провел несколько встреч с родителями особых детей. «Заберите нас и наших детей во Францию», — обращались к нему некоторые из родителей, поскольку

никто из них не верил в то, что подобные общины могут возникнуть и в России. Но вскоре после этого визита в Москве с благословения отца Александра появились первые общины «Веры и Света». Эти общины были основаны участниками малых молитвенных групп, созданных отцом Александром, и главная идея этих общин состояла в том, чтобы встречаться с умственно отсталыми людьми, их семьями и друзьями, проводить с ними время в благоприятной для общения обстановке, невзирая на отсутствие навыков общения. На каждой встрече члены группы находят что-то новое для себя в отношениях друг с другом. Такие встречи — свидетельство того, что отчуждение и депрессия, вызванные тяжелым заболеванием и многолетней борьбой с ним, могут быть преодолены. Встречи тщательно готовятся, чтобы на них гармонично сочетались общение, игры, пение, спектакли и другие занятия, интересные и посильные всем участникам. Между встречами члены общины тоже встречаются, ходят друг к другу в гости. Летом группы выезжают в летние лагеря.

Главная идея Жана Ванье заключается в том, что люди с нарушениями развития имеют какую-то совершенно особую миссию, какой-то дар Божий. Они показывают нечто важное этому миру. При этом участие в их жизни всем дает очень много. Например, умственно отсталый человек с трудом может воспринять богословские истины, зато он легко может показать самую главную истину христианства — любовь. В подавляющем большинстве случаев человек с синдромом Дауна готов сердечно принять каждого. «В связи с этим я могу рассказать небольшую историю, — говорит волонтер движения „Вера и Свет“ Анастасия Бельтюкова. — У нас в общине есть прекрасный молодой человек по имени Лев. У него довольно серьезные нарушения развития, он не смог учиться в обычной школе, но при этом умеет и любит читать, а еще всю жизнь мечтает стать священником. И хотя он ясно понимает, что никогда не станет священником, он очень любит Церковь и находит способы ей послужить. Например, он с радостью участвует в богослужении. А поскольку из-за речевых нарушений он не может читать понятно для всех, он с готовностью держит книги для церковного хора. Из-за моторных нарушений ему трудно держать свечу, но настоятель храма доверяет ему эту задачу, несмотря на то, что в результате он закапает воском весь пол»[317].

Группы «Веры и Света» готовы принять людей любого возраста. Единственным условием членства в группе для семьи и друзей движения представляется толерантное отношение друг к другу, готовность строить отношения, принимать чужую точку зрения, уважать и видеть личность в каждом. Часто участие в жизни такой группы подталкивает людей к развитию, к поиску новых путей борьбы с недугом. Доверительная и дружественная обстановка помогает сохранять надежду и не бояться трудностей[318].

«Я легко могу себе представить отца Александра в окружении глупых людей, с которыми не будешь разговаривать о Библии или философии, — говорит участник движения „Вера и Свет“ Михаил Завалов. — У нас в Новой Деревне была прихожанка по имени Зинуля из „особых“ людей. Увидев отца Александра, она всегда бежала к нему со словами: „Батюшка мой!“, — и он неизменно принимал ее в свои широкие объятия. Для меня это — картинка из будущего»[319].

Таким образом, «Вера и Свет» несет в себе радость взаимоотношений и дает умственно отсталым людям возможность раскрывать свои дары. По конфессиональной принадлежности российские общины состоят в основном из православных, но не только: например, в петербургской общине много католиков. Движение поддерживает родителей в их трудностях, помогает им лучше понять своих детей и оценить их внутреннюю красоту. Некоторые из родителей, в свою очередь, становятся источником силы и поддержки для других родителей, сломленных страданиями, с которыми им приходится сталкиваться каждый день. Благодаря умственно отсталым людям друзья начинают понимать, что существует другой мир, не похожий на мир конкуренции, денег и материальных удовольствий; слабые и обездоленные приглашают их в мир, где тебя слушают, в мир нежности, преданности и веры.

Глава 5
Последний период жизни

В ноябре 1989 года отец Александр Мень был назначен настоятелем новодеревенского храма. К этому времени он стал уже совсем седым и его лицо, всегда красивое, приобрело подлинно библейские черты. «Женя, Вы видите, как мы с Вами поседели, — пошутил он однажды с приехавшим к нему на исповедь Евгением Рашковским. — Мы с Вами стали похожи на Маркса и Энгельса после того, как они развалили свой Первый интернационал»[320].

Батюшка продолжал успевать всё намеченное в его графике, уплотняя время до предела. Когда его спрашивали о том, как ему удается успевать делать так много, он отвечал, что у него есть договор с Господом, которому он отдает всё, что имеет, и всё свое время, а ему также по мере сил дается всё успевать. «Я чувствую себя подобно стреле, которую долго держали на натянутой тетиве», — говорил он. Он воспринимал время как вызов, всегда помня о том, сколько упущенных возможностей послужить Христу осталось уже позади.

6 ноября 1989 года отец Александр выступил по первой программе Центрального телевидения СССР. Ему дали 10 минут времени на «Воскресную нравственную проповедь» с условием ни разу не произносить слово «Бог». Появление православного священника на телевидении было настолько непривычно, что слово «протоиерей» редакторы программы написали с ошибкой.

Свое первое выступление на телевидении отец Александр назвал «Мысли о Вечном». Он выполнил условие, ни разу не произнес слово «Бог», но сказал то главное, что можно было сказать за отведенное время: «Нет ничего случайного во Вселенной. И то, что мы задаемся вопросом о смысле жизни, о цели жизни, о ее назначении, свидетельствует об удивительной тайне, которая присуща только человеку, об удивительном даре — даре духовности. <…> Кто ты, человек? Для чего ты существуешь на земле? Над этим надо задуматься. <…> Вечность отражается в нас. Как солнце отражается в капельках тумана, образуя радугу, — так Вечность отображается в каждой душе человека. Это и есть наша глубина, это и есть то, что

может открыть человеку не только смысл его жизни, но и помочь ему найти свой долг, помочь ему найти главное — свое счастье!»

С тех пор, когда батюшка выступал с лекциями, в том числе на радио, люди звонили друг другу, чтобы не упустить шанс услышать его выступление. Прицерковный домик в Новой Деревне стал объектом частых визитов журналистов, которые приглашали отца Александра выступать на радио и телевидении и просили его написать эксклюзивные статьи для газет и журналов. Но одновременно со стремительным ростом его известности и признания в стране и в мире росло раздражение против него тех мрачных черносотенных сил, которые всегда его ненавидели.

«Вспоминаю 1988 год, — рассказывает староста новодеревенского храма Георгий Шиловский[321]. — Когда отец Александр служил и выходил из алтаря, клирос был наполнен старыми бабушками-коммунистками. И порой они ризы с него срывали при выходе, — так они выражали свое отношение к нему — еврею… Он всё терпел, всё молчал… Была на клиросе одна женщина по имени Зинаида. Вот ее слова: „пока отца Александра не выживу, жива не буду!“ И вдруг через два-три дня после этого она внезапно умирает!» Подобных эпизодов в жизни отца Александра было множество, его и его духовных детей часто поносили завистливые и невежественные люди, и самыми частыми поводами для этого были его национальность и веротерпимость.

В среде церковного руководства всегда было достаточно людей, относившихся к отцу Александру с открытой или плохо скрываемой ненавистью. Из воспоминаний Владимира Илюшенко: «Однажды (это было в июле 1988 года) он позвонил мне и спросил, хочу ли я пойти с ним на празднование 1000-летия Крещения Руси[322]. Разумеется, хочу. <…> Казалось, сюда съехалось всё московское и подмосковное священство, все епископы и митрополиты. Когда мы вошли в зал, он был почти заполнен. Мы сели сбоку, недалеко от сцены. Основной доклад был выдержан в осторожных, дипломатичных тонах — о зверствах режима по отношению к Церкви тогда еще не решались говорить открыто.

Неожиданно я ощутил какое-то беспокойство. Я оглянулся вокруг, потом взглянул на сцену. Сидевший за столом президиума импозантный и осанистый почитатель Иосифа Волоцкого[323] смотрел

на нас. Но как смотрел! Никогда в жизни я не видел взгляда, исполненного такой прочувствованной, такой сосредоточенной, такой испепеляющей ненависти. Он обладал как бы физической тяжестью. Разумеется, он предназначался не мне, а отцу Александру. Для него это, конечно, не было в новинку, но я содрогнулся. Это была ненависть Сальери к Моцарту.

Вельможный пан заметил, что его сигнал принят, но взгляда не отвел — по-прежнему холодно, давяще, мрачно он сверлил отца своими оловянными глазами. Это были антиподы, живое воплощение света и тьмы.

Я наклонился к отцу и сказал вполголоса: „Старик Державин нас заметил“. Он кивнул».

Те же силы, которые жестоко поносили и критиковали отца Александра при его жизни, продолжили свое черное дело и после его смерти. Критики отца Александра во многих случаях сознательно пытаются очернить его имя, намеренно вырывая из контекста сказанное и написанное им. За рядом исключений настоятели православных храмов и монастырей в течение многих лет не благословляли продавать его книги в церковных лавках, а в отдельных случаях книги Александра Меня сжигали с одобрения правящих архиереев. Так, 5 мая 1998 года по распоряжению епископа Екатеринбургского и Верхотурского Никона из библиотеки и у студентов епархиального Духовного училища были изъяты книги протопресвитеров Александра Шмемана, Иоанна Мейендорфа, Николая Афанасьева[324] и протоиерея Александра Меня и… сожжены во дворе училища. После этого трем священникам епархии было предложено проклясть «ереси» вышеупомянутых авторов, закрепив это присягой перед Крестом и Евангелием. Двое из них это сделали, а третий, отец Олег Вохмянин, отказался, вследствие чего был запрещен в служении «за недвусмысленно высказанное перед лицом Правящего Архиерея и членов Духовной Консистории упорное нежелание способствовать развенчанию опасных и еретических заблуждений»[325]. Ответить на это можно лишь словами самого отца Александра: «Надежды мои чисто мистические, потому что я всё равно верю в победу светлых сил. Я убежден, что сила зла базируется на нашей трусости и тупости, но то, что на протяжении эры беззаконий всегда находились стойкие люди, праведники,

мученики… — утешает, это залог того, что дух непобедим и черные призраки всё равно рассеются рано или поздно». Есть и евангельский ответ: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах…» (Мф. 3: 11–12).

Осенью 1989 года по благословению отца Александра в Москве была открыта негосударственная средняя общеобразовательная «Пироговская школа». Первоначально она занимала в здании один этаж. Учителями были в основном духовные чада отца Александра Меня. «Собираясь создавать школу, — рассказывает ее директор Михаил Смола, — я, несмотря на то, что я музыкант по образованию, понимал, что у школы должна быть какая-то идея. С этим вопросом я обратился к отцу Александру, и он сразу предложил мне почитать Пирогова[326]. Я купил томик Пирогова из какой-то педагогической серии и в тот же вечер засел за эту книжку. Концепция Пирогова зиждилась на необходимости гуманитаризации образования и на сближении семьи и школы. То есть вопросами воспитания ребенка должны заниматься и школа, и семья.

Пирогов писал, что крепкая гуманитарная база необходима для человека любой профессии. Недополученные в детстве гуманитарные знания впоследствии получить очень тяжело. Так вот, прочитав Пирогова, я спросил у отца Александра, как бы назвать нашу школу. Он предложил назвать ее Пироговской. Так школа и получила свое имя».

Почему отец Александр немедленно поддержал идею создания школы нового типа? В воспитании и, в частности, духовном воспитании детей батюшка видел тайну… Он был глубоко убежден в том, что педагог должен быть прежде всего носителем духовности, что воспитание духовных качеств в педагогических училищах и институтах имеет несомненный приоритет перед той «суммой знаний», которую стремятся передать студентам педагогических специальностей за время их обучения. «У нас не должно быть уверенности в том, что мы абсолютно понимаем детей, — говорил отец Александр. — Ребенок, как и всякий человек, носит внутри тайну, которая не есть область темноты; и тот, кто привычно говорит детям „я вижу вас насквозь“, на самом деле, увы, не видит в них ничего».

Батюшка считал, что драма школы — это лишь часть общей драмы общества, отказавшегося от важнейших духовных ценностей, которые человечество имело на протяжении многих столетий и тысячелетий. В современном обществе душевная, духовная жизнь человека, как правило, считается чем-то вторичным, в то время как на первое место поставлены некие политические, экономические факторы. Отказавшись от человека, общество получает абстрактное, роботоподобное существо.

«Школьная структура патологически уродлива, — говорил отец Александр в передаче, посвященной его размышлениям о педагогике. — Паллиативными мерами здесь нельзя ограничиться. Надо глобально менять структуру на основании плюрализма школы, как во всем мире. Во всем мире тоже есть трудности, есть слабые преподаватели. Но человек, который хочет дать нормальное воспитание детям, имеет выбор. Он может определить его в такую школу, которая соответствовала бы данному ребенку, его кругу интересов».

По мнению отца Александра, современный учитель во многих случаях становится просто передатчиком информации, которого без труда может заменить компьютер, проверяющий ученика и сообщающий ему сумму знаний. Многие считают, что преподавание в школе — это главным образом передача информации, а если к этой предпосылке добавляют «еще и воспитание», то обычно это — пустой штамп.

«Надо научить мыслить, научить чувствовать и научить любить, — призывал отец Александр. — Но что для этого нужно? Надо, во-первых, самому мыслить, чувствовать и любить… Очевидно, педагогика — это прежде всего духовный подвиг людей. <…> Педагогический институт должен быть местом, где происходит духовное становление молодых людей, студентов. Я убежден, что воспитание духовных качеств в педагогических училищах и институтах — это первостепенной важности задача, гораздо более важная, чем наполнить их просто каким-то набором информации».

В своих размышлениях о педагогике отец Александр задается вопросом о том, как разобраться, есть ли у человека дар быть педагогом с большой буквы, человеком, который отдаст детям частичку своей души. Если человек любит детей и существует

обратная связь между педагогом и учениками, то это — исходная посылка для педагогического таланта. Создатели школы должны находить и принимать на работу людей с таким талантом, людей, имеющих дар любви и понимания ребенка. По мнению отца Александра, религия в школе не должна быть навязана, но важно помочь ребенку открыться навстречу духовной сфере так же, как научить его мыслить, любить, работать, слышать слово Божье[327].

«Наша школа была благословлена как светская, — продолжает Михаил Смола. — Мы должны показать детям мир во всей его широте, а они уже сами для себя всё выберут. Если преподаватель отказывает ученику в помощи, говоря: „Это — его проблемы“, я просто зверею. А что меня радует? Радует искренняя любовь детей к школе. Любовь к школе родителей и учителей, даже охранников и поваров. Радует, что иногда ребенок, впервые попав в нашу школу, даже летом, когда ремонт и нет детей, говорит, неизвестно почему: „Я хочу остаться в этой школе“. Школа живет только благодаря любви и доверию детей».

Уместно в этой связи привести слова отца Александра о его принципах воспитания собственных детей. На вопрос о том, нашел ли он взаимопонимание с ними, отец Александр ответил вполне однозначно: «Да. Думаю, что нашел. Я им всё объяснял с самого начала. И ситуацию в стране объяснял. Говорил им о правде, о Боге, о жизни. В школе всё было другое. Верить или не верить — они сделали свой выбор… Они верующие люди»[328].

В конце 1989 года режиссер Каринэ Диланян[329] вела съемки фильма «Будет ли коммунизм?», выпущенного студией «Центрнаучфильм» лишь через два года. Материалом для фильма стали исторические документы и кадры кинохроники. Наряду с политиками и общественными деятелями одним из героев фильма стал отец Александр Мень, проповедь которого и ответы на вопросы были записаны съемочной группой. В этом фильме отец Александр снова говорит со зрителями о вечных вопросах: «Человек состоит не только из плоти и крови — в нем есть дух, совесть, мысль, чувство, вера, любовь, надежда. Нельзя это положить в могилу, нельзя засыпать это песком и землей. Мы, люди, — единственные на земле существа, которые отвечают за свои мысли, слова и поступки. Христос говорит нам, что блаженнее давать, нежели брать. Сколько мы отдали своего терпения и любви, столько мы приобрели для Вечности. <…> У Бога

нет мертвых, все живы». Свое отношение к основной теме фильма отец Александр раскрыл в одной из частных бесед, и его слова можно считать девизом для будущего развития страны: «Демократия зиждется на смирении, когда человек способен услышать мнение другого человека, понять позицию другого человека, быть открытым к вкусам и мнениям другого. Если человек духовно растет, „склонность к тоталитаризму“ уменьшается. Если же он примитивен, он склонен к тоталитаризму. Нам надо вы́носить яйцо свободного духа и передать его следующим за нами».

Фильм «Будет ли коммунизм?» стал уникальным документом переломной эпохи в России, и вдохновенный голос отца Александра, звучащий на фоне документальных кадров, показывающих разрушение храмов и уничтожение икон, заставляет зрителя по-новому взглянуть на трагическую историю нашей страны.

Ответы батюшки на множество вопросов, заданных ему в эти годы, были впоследствии изданы. Книга «Отец Александр Мень отвечает на вопросы» для многих стала настольной — ни один ответ, приведенный в ней, не устарел и сегодня, всё актуально еще в большей степени, чем десятки лет назад. В этой книге он предельно кратко, но исчерпывающе полно говорит о духовности человека, о толковании добра и зла, о христианстве, любви и браке, межнациональной розни и других главных вопросах человечества. Эта книга — духовный компас христианина.

При активном участии отца Александра в 1990 году впервые после октябрьского переворота 1917 года возобновило свою деятельность Российское библейское общество (РБО) — христианская внеконфессиональная организация, занимающаяся распространением и переводом Библии, а также отдельных книг Ветхого Завета и Нового Завета на территории России.

Учредительное собрание РБО проходило 17 января 1990 года в зале Библиотеки иностранной литературы. «Я раздобыл номер телефона Александра Вольфовича и пригласил его в качестве участника, — рассказывает исполнительный директор РБО Анатолий Руденко. — Он сразу согласился, приехал и принял участие. До этого мы договорились с ним о том, что он станет первым Президентом РБО. Но в процессе учредительного собрания, непосредственно перед тем, как избирать Президента, он неожиданно сказал мне: „Нет, я не могу“.

Я был очень удивлен и спросил: „Но как же так, мы с Вами договорились…“ А он ответил мне: „Толя, Вы не знаете, что вокруг меня сейчас происходит“. И тогда мы попросили стать Президентом РБО С. С. Аверинцева, и он был избран вместо Александра Меня. С отцом Александром мы после этого общались как с членом Правления РБО»[330].

Причиной отказа отца Александра от ведущей роли как в Российском библейском обществе, так и в обществе «Культурное возрождение», была не только его огромная общественная нагрузка наряду со служебными обязанностями в храме, но также и скрытое противодействие многим его инициативам, усиления которого он не мог не чувствовать… Всё чаще он получал записки с угрозами, которые немедленно сжигал на костре в своем огороде, всё чаще в доме раздавались анонимные звонки, не сулившие ничего доброго.

«Большинства записок с угрозами, приходящих к нему из зала, никто не видел, потому что отец Александр их никому не показывал, — рассказывает Андрей Бессмертный-Анзимиров, — но часть из них мы все-таки читали, потому что несколько человек помогали ему на сцене и предварительно сортировали записки по содержанию. Так вот, некоторые записки содержали угрозы самого грубого свойства»[331].

«В доме культуры на Красной Пресне где-то за полтора месяца до убийства я случайно заметила, что женщина в соседнем кресле пишет отцу Александру в записке какую-то антисемитскую пакость, — пишет Алена Галич. — Я ее выгнала немедленно из зала, пригрозив позвать милицию, о чем после лекции и сообщила отцу Александру, подойдя под благословение: „Я заставила уйти одну ненормальную“. Он устало так, грустно улыбнулся: „Вот именно, что одну“. Юмор у него был потрясающий. Помню, я сказала ему, смущаясь, что очень его люблю и что боюсь его выступлений, что они привлекают провокаторов. Записок с угрозами было достаточно. Но он ответил, что от провокаторов никуда не денешься, а он должен проповедовать, потому что времени осталось мало».

«Утром он, как всегда в одно и то же время, приехал на службу, — вспоминает Георгий Шиловский. — И в этот день, как всегда, его ждала корреспонденция, которую он, не читая, рвал и бросал в мусор: „Всё это мои враги“. Потом вышел из кабинета, начал со мной

разговаривать: „Вчера я был в самом логове зверя, который с нами борется, в редакции газеты ‘Правда’. Читал лекции на религиозные темы. Лица у всех были нахмурены, темные взгляды в мою сторону. Недружелюбны. Может, хоть одно зерно даст ростки. Надо сеять на всяком месте!“».

«С августа 1989 года я начал ощущать нарастающую тревогу за отца Александра, — пишет Владимир Леви. — Он продолжал уплотнять свой график, нагрузки — сверх всякой меры. Можно было заметить признаки утомления: набухшие темные мешки под глазами, иногда несвойственную ему тяжесть в движениях. Резко прибавилось седины.

Во время одной из наших встреч показалось, что какая-то сизая тень зависла над его головой — опустилась, на мгновение заслонив лицо, — и исчезла.

Он стоял в этот миг на ступеньках прихрамового новодеревенского домика. Стоял в облачении, с непокрытою головой, неподвижно, как бы о чем-то вспоминая… Фигура и лицо в профиль чеканно ложились на небесную голубизну. Кругом во дворе храма толпились ожидавшие его. Странно, однако: никто, против обыкновения, не приближался, не подходил — непонятной силой людей словно отдунуло за невидимую черту. Такого непроницаемого пространства вокруг отца Александра никогда не бывало — наоборот, была всегда недействительность расстояния, никакой отделенности. <…>

Я написал ему письмо, где в довольно резких морализирующих выражениях обосновывал необходимость приостановиться, меньше растрачиваться на публике, больше уединяться и отдыхать… Упрекал его в соблазненности суетой. Вот его ответ:

„Дорогой мой Доктор! Долго и тщетно пытался к тебе прозвониться. Очень был тронут твоим письмом. Так хотелось встретиться, но, увы. <…> Я, в общем, всегда был одним и тем же. Для меня форма — условность. Я могу выполнять свое — и в плавках, и в халате (хотя его не ношу). <…> Я всегда таким же образом систематически общался с людьми. Изменилось лишь количественное соотношение. Бывало человек 30, а теперь 300 и более. Но суть одна. Цели одни. Формы — тоже. <…> В моей практике это было давней системой. И на уединение, ‘тет-а-тет’ с Богом и с собой пока хватало

времени. <…> Я не готовлюсь специально, а говорю что Бог на душу положит. И конечно, людям я не могу открывать сразу всё, что хочу. Нужны этапы. Но таблица умножения не упраздняет высшей математики. Всему свой час и свой черед. На публике же я, повторяю, не чаще, чем в годы застоя, лишь число слушателей больше. <…> Если я сейчас не сделаю того, что нужно, потом буду жалеть об упущенном времени. <…> Не так просто понять того, кто десятилетиями был посажен на короткую цепь (я не ропщу — и на этой цепи Бог давал возможность что-то сделать). <…> Я сейчас живу под большим бременем, прессом. Был недавно в Зап. Берлине, но вскоре же сбежал: думаю, что я тут прохлаждаюсь? Не интересно и не нужно. <…> Я ведь работаю, как и работал, при большом противном ветре. Это не так удобно, как порой кажется. А сейчас он (особенно со стороны черносотенцев) явно крепчает. Приходится стоять прочно, расставив ноги, чтобы не сдуло. Словом, не тревожься за меня (хотя меня это действительно тронуло). Я ведь только инструмент, который нужен Ему пока. А там — что Бог даст…

Обнимаю тебя. Твой…“».

В марте 1990 года была подписана в печать книга Георгия Федотова «Святые Древней Руси», которая вышла в издательстве «Московский рабочий» с предисловиями академика Д. С. Лихачева и отца Александра Меня. Это замечательное исследование, посвященное древнерусским житиям святых, никогда не издавалось в Советском Союзе. После подробного рассказа о жизненном пути автора отец Александр подчеркнул уникальность книги: Федотов первым дал целостную картину истории русских святых, которая не тонет в деталях и сочетает широкую историософскую перспективу с научной критикой. «Этот очерк, — писал отец Александр, — стал как бы духовным завещанием Георгия Петровича Федотова. <…> Он верил, что никакие темные силы не смогут остановить потока, который течет к нам из первохристианства и воспринявшей его идеалы Святой Руси».

Сергей Бычков вспоминает о том, что после выхода «Святых Древней Руси» главный редактор «Московского рабочего» обратился к отцу Александру с просьбой крестить его внука. После крестин, когда все сели за стол и батюшке предложили выпить, отец Александр ответил: «Я пьян жизнью»[332].

В апреле, после Пасхи, отец Александр в ослепительно белом одеянии выступил с пасхальным поздравлением перед многотысячной аудиторией в спорткомплексе «Олимпийский». Батюшка говорил о том, что Христос оставил людям Себя Самого: «Его сердце пребывает с момента Воскресения в недрах человеческого бытия, только надо услышать Его, вглядеться в Него». Видеозапись запечатлела глубоко потрясенные лица слушателей и абсолютную тишину, в которой звучат вдохновенные слова священника. Это выступление было организовано руководством баптистской церкви, которое обратилось в Московскую патриархию с предложением совместно принять участие в пасхальных торжествах. Единственным откликнувшимся на приглашение священником Московской патриархии был отец Александр Мень.

В это время в стране и за ее пределами начинался активный диалог с Западом по самому широкому кругу вопросов. И здесь отец Александр также увидел возможность для проповеди Слова Божия. В том же месяце он выступил с докладом на советско-американском симпозиуме, посвященном правам и достоинству человека в христианстве и иудаизме: «Человек в библейской аксиологии». «Достоинство и высшее призвание человека Библия выводит не из самой его природы (ибо природа — просто феномен, лишенный однозначного аксиологического[333] содержания), а из соотношения между человеком и Вечностью», — говорит отец Александр, доказывая это утверждение путем подробного толкования библейских антропологических тезисов.

В мае 1990 года батюшка принял участие в российско-германском Вайнгартенском симпозиуме «Индивидуальное и массовое сознание». В своем выступлении отец Александр снова поднял вопрос о важности духовного персонализма, который «…открывает нам, что в каждой личности отражается вечное. Христос говорит, что Богу дорога каждая душа, а не масса или народ. Это не позитивный или естественнонаучный факт. Это откровение. Его невозможно добыть с помощью научных методов. Но, утверждая абсолютную ценность человеческой личности, Бог до Христа открывает нам и другое: подлинная жизнь личности — в открытости другим личностям, в служении другим личностям. В этой отдаче самих себя, в этом персонализме утверждается тайна любви и тайна служения. Только на

таком основании возможна будущая экуменическая модель мира. Конкретная задача здесь — научить людей этой открытости».

Отец Александр часто говорил о духовном персонализме как основе развития христианина. Одному из своих духовных детей он напомнил фразу из гоголевского «Ревизора», в которой Бобчинский просит у Хлестакова, чтобы тот, приехав в Петербург, сообщил вельможам и, если придется, государю, что вот «живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский». Батюшка подчеркнул в этой связи, что, действительно, очень важно почувствовать себя личностью и как-то это выразить. Личность человека, по его глубокому убеждению, имеет абсолютную духовную ценность и является первичной творческой реальностью. Можно с уверенностью утверждать то, что эта позиция отца Александра лежала в основе его философских взглядов.

После выступления на Вайнгартенском симпозиуме отец Александр успел принять участие также в международном симпозиуме «Церкви в контексте многообразия культур. На пути в третье тысячелетие», проходившем в середине мая 1990 года в замке Тутцинг неподалеку от Мюнхена. «Я был к тому времени назначен директором Российского Библейского Общества и в этом качестве меня тоже направили в Тутцинг, — вспоминает Анатолий Руденко. — Это была статусная конференция, в которой принимали участие иерархи, митрополиты и крупные ученые, и я чувствовал себя в этом обществе очень молодым и нестатусным. Я стоял возле озера, когда меня окликнул Александр Вольфович: „Толя, Вы здесь? Как Вы?“ Я был очень этому рад, после чего все три дня, которые длилась конференция, мы провели с ним практически вместе — сидели за одним столом, были соседями по комнатам в гостинице. Мы всё время держались вместе, и он представил меня всем иерархам — там были, в частности, митрополиты Владимир (Сабодан) и Питирим»[334].

Одним из основных вопросов повестки конференции в Тутцинге был вопрос о необходимости перевода Священного Писания на русский язык. Как вспоминает Анатолий Руденко, представитель от Патриархии игумен Иннокентий (Павлов)[335] и другие ученые достаточно нерешительно высказывали свои точки зрения. Что же касается отца Александра, то он выступил с четкой позицией о необходимости такого перевода «в возможно короткие сроки».

Фактически эта работа началась уже в середине 1980-х годов по благословению отца Александра, мечтавшего о русском переводе Священного Писания, понятном самому широкому кругу людей, как верующих, так и тех, кто ищет путь к Богу. К переводу Нового Завета приступила тогда Валентина Кузнецова — прихожанка новодеревенского храма, филолог-классик. Впоследствии этот труд был продолжен и завершен в рамках ее сотрудничества с Российским библейским обществом. «В этом переводе присутствует дух, ясность, живость и веселость отца Александра», — уверен Анатолий Руденко.

Тогда же отец Александр стал одним из основателей журнала «Мир Библии» — иллюстрированного периодического издания Российского библейского общества, где впервые в истории СССР начали публиковаться статьи на тему библеистики, фрагменты новых переводов Библии, а также интерпретации библейских текстов в различных культурах.

В промежутке времени между двумя симпозиумами в Германии отец Александр принял решение съездить в Брюссель, чтобы встретиться с самоотверженными сотрудниками издательства «Жизнь с Богом», в котором издавались его книги с конца 1960-х годов, и выразить им свою сердечную благодарность. «Мы все родились из брюссельской капусты», — давно шутили вновь крещаемые прихожане Новой Деревни, прошедшие курс катехизации по изданным в Брюсселе книгам отца Александра. Поездка батюшки была отчасти авантюрной, поскольку бельгийской визы у отца Александра не было. Но живущие в Германии друзья помогли ему пересечь границу на машине с немецкими номерами, и подозрений у пограничников не возникло. По воспоминаниям Юрия Рассамакина, сопровождавшего отца Александра в этой поездке, батюшка легко ориентировался в картах, выполняя функции штурмана, чем очень облегчил водителю перемещения по странам Европы.

Встреча отца Александра с Ириной Михайловной Посновой была краткой и трогательной. «Ирина Михайловна маялась болезнью, которая через несколько лет свела ее в могилу, — рассказывает Екатерина Гениева, — и сказала с грустью: „Я Вас, наверное, уже никогда не увижу“. Отец Александр ответил: „Да, и я Вас больше никогда не увижу“, — он предчувствовал, если не предвидел, свою скорую мученическую кончину».

Вскоре после возвращения из Германии отец Александр также съездил в короткий отпуск в Италию, где в то время жила его дочь[336].

Из своих заграничных поездок отец Александр вернулся совсем не отдохнувшим и снова включился в режим сверхнагрузок.

В эти годы открылись небывалые раньше возможности для путешествий, в том числе за границу, и начались паломничества в самые разные уголки страны и мира — в Польшу, Армению, Пюхтицы… «По благословению отца Александра мы ездили в Литву, к отцу Станиславу Добровольскису[337], — пишет Ольга Ерохина. — В деревянном костеле под потолком угадывались в деревянных вензелях ангелы. Отец Станислав служил по-латыни, пел григорианские гимны, время от времени поднимался наверх, чтобы аккомпанировать себе на органе, потом вновь появлялся у алтаря. Показывал старые фотографии — он в арестантском бушлате, в ушанке. Перед отъездом о. Станислав подарил нам деревянную фигурку — „Христос в темнице“. И еще он дарил „солнышки“, которые сам делал — кованые настенные подсвечники, где в средоточии лучей угадывался крест».

Наталья Попова навсегда запомнила благословение отца Александра на ее поездку в Польшу, с тем чтобы увидеть, как воспитывают детей и катехизируют в этой стране. «Я видела, что и для отца Александра было очень важным показать, как происходит укрепление семьи, прорастают христианские корни, — рассказывает Наталья. — В те годы он несколько раз просил меня устраивать на праздники христианские мистерии, домашние спектакли. После одного из них ко мне подошли родители ребенка-инвалида и попросили показать мистерию для инвалидов. Это положило начало моему новому служению, не прекращающемуся по сей день. Не без участия отца Александра жизнь детей-инвалидов становится более творческой, активной в условиях их ограниченности»[338]. Батюшка организовал встречу молодых людей, готовых участвовать в этом проекте, чтобы рассказать им о любви и служении ближнему. Так возник первый в России реабилитационный центр для детей-инвалидов с культурно-эстетическим направлением.

Ирина Букринская рассказывает о том, как отец Александр выслушал ее рассказ после возвращения из очередной поездки и сказал: «Паломничество — это хорошо, но христианин должен твердо стоять и свидетельствовать на своем месте».

В конце 80-х помощники отца Александра предложили ему создать на основе фактически существующего лектория воскресный православный университет. Отец Александр первоначально относился к этой идее с юмором, называя лекторий «воскресными курсами для домохозяек», но со временем привлек к чтению лекций нескольких прихожан новодеревенского храма — Леонида Василенко, Якова Кротова, Сергея Бычкова и других. 1 сентября 1990 года лекторий действительно получил формальный статус университета, и последняя лекция, прочитанная отцом Александром 8 сентября 1990 года, была по сути открытием нового учебного заведения. В 1991 году воскресный православный университет был переименован в Общедоступный православный университет, основанный отцом Александром Менем (ОПУ), а в 1993 году университет был зарегистрирован Департаментом общественных и политических связей правительства Москвы. Его создание и принципы работы горячо поддержали такие выдающиеся священнослужители, как митрополит Антоний Сурожский, архиепископ Михаил (Мудьюгин) и другие. Университет обучает навыкам мышления и мировоззренческим принципам, которые, как правило, не преподаются в традиционных светских вузах. Таким образом, люди любых возрастов имеют возможность получить бесплатное дополнительное образование и соединить свое профессиональное призвание с решением главных жизненных вопросов, понять место христианства в современной европейской цивилизации. Преподаватели университета работают на благотворительной основе. «Мы не претендуем на то, чтобы готовить священнослужителей или преподавателей, — говорит ректор ОПУ отец Владимир Лапшин. — У нас нет экзаменов, мы принимаем всех желающих, хотя читаем вполне серьезные предметы. Если человек хочет получить свидетельство об окончании университета, он сдает зачеты, не хочет — может не сдавать. Ведь большинство приходит узнать что-то нужное и важное для себя лично». Студенты Общедоступного православного университета обучаются на факультете религиоведения и в рамках стандартного курса изучают библеистику и богословие, философию, историю Церкви и древние языки. Выпускники получают диплом государственного образца по специальности «Религиоведение» либо свидетельство о прослушанных курсах.

Целями ОПУ является, среди прочего, диалог с миром светской культуры, борьба с использованием православия в политических и националистических целях, противостояние религиозному экстремизму, фанатизму и суевериям. «Мы приглашаем к сотрудничеству не только преподавателей, но и студентов других исповеданий, ибо не только мы мало знаем о них, но и они крайне слабо, поверхностно, а зачастую и вульгарно представляют себе, что такое православие, — сказал священник Георгий Чистяков, много лет преподававший в ОПУ. — К сожалению, мы до сих пор живем мифами о других конфессиях. Если каждый из нас из глубины своего опыта откроется духовному опыту других, то мы увидим не разделения, а те чрезвычайно важные моменты, которые нас объединяют».

Таким образом, университет и сегодня продолжает традицию отца Александра Меня — традицию образования и просветительства в области гуманитарного знания.

«Я погружен в свои обычные труды, Вам известные: храм, писание, школа, воскресная школа, Библейское общество, издательские дела и пр., — пишет отец Александр Раисе Колесниковой летом 1990 года. — Теперь меня спокойно публикуют в разных органах — „Огонек“, „Наше наследие“, „Знание — сила“, „Наука и жизнь“, „Лат. Америка“ и т. д., включая газеты. За всё слава Богу. От лекций отдыхаю до 1 сентября… Веду постоянные передачи по радио. Приходят сотни писем, даже из тюрем. Сам не пойму, как успеваю отвечать хотя бы на часть».

«Однажды я спросил его: „Как Вы это выдерживаете? Где Вы берете силы?“ Он ответил: „Силы мне дает Евхаристия. Без нее не выдержал бы. Она удесятеряет силы“», — вспоминает Владимир Илюшенко.

Понимая, насколько важны воспитание детей в вере и приобщение их к церковной традиции, отец Александр всегда мечтал о создании полноценной воскресной школы при храме. Им давно была написана книга «Свет миру» — по сути, детское Евангелие, а София Рукова написала «Ветхозаветную историю для детей». В приходе к концу 80-х существовало уже множество христианских опер, мистерий, спектаклей, стихов и песен. В августе 1990 года отец Александр благословил Валентина Серебрякова на служение в качестве директора воскресной школы. «Начните с рассказов о

праздниках, — благословлял батюшка Софию Рукову на преподавание в школе. — Пусть учатся петь праздничные тропари — родители, которые поют с Вами, помогут; рассказывайте о богослужении… Через неделю и начинайте. Пока по квартирам, „в гостях“, — помните, что уголовная статья еще действует. А там будет видно…»

Было решено первоначально принять в школу до пятнадцати детей из семей, проживающих в Пушкине и в Москве и записавших своих детей для участия в занятиях. И вот 2 сентября 1990 года торжественным молебном воскресная школа открылась. Отец Александр подходил к каждому ученику, спрашивал его имя и класс и, прикоснувшись к голове, благословлял. Затем он рассказал детям, по какой программе они будут учиться в этой школе и почему это важно, и представил им преподавателей из числа прихожан храма. «Мы будем говорить с вами о самом важном в жизни, — сказал отец Александр. — Хотя все вы юны, вы знаете, что каждому из нас суждено умереть. Христианская вера дает откровение на вопрос о том, что это значит для человека, и говорит о том, что человек, который строит свою жизнь так, как заповедовал ему Господь, на самом деле не умирает, а уходит в вечность».

Первым учебным материалом, с которым познакомились дети на занятии, был диафильм отца Александра «Человек. Вселенная. Творец». Впоследствии маленькая воскресная школа при храме Сретения Господня в Новой Деревне стала своеобразным культурным центром, где, начиная с первых месяцев после ее открытия, прихожане храма вели с детьми беседы о Ветхом Завете и церковном пении, церковных праздниках и их отражении в иконографии, учили их церковнославянскому языку. «Семнадцать лет я рассказывала детям о Боге, о Священном Писании и богослужении, о пророках и святых, но всегда мне казалось, что это дети и их родители помогали мне глубже понимать, воспринимать то, о чем я им говорила, да и саму жизнь. Словно не меня отец посылал к взрослым и детям, а их — ко мне, чтобы глубже понимать Путь, Истину и Жизнь», — рассказывает София Рукова. «Я вспоминаю годы, проведенные в Воскресной школе, как самые плотные, насыщенные, плодотворные годы из всех прожитых мною лет. Вся моя семья включилась в эту работу, и можно сказать, что Воскресная школа и была наша жизнь», — написал впоследствии Валентин Серебряков.

Из письма отца Александра Наталии Большаковой, отправленного в августе 1990 года: «Дорогая Наташа! Призываю Божие благословение на Вашу семью, на Ваши замыслы, на братство и все доброе. Действительно, Господь богат чудесами и милосердием… Всегда буду рад Вам помочь, как смогу. Пишите обо всем, включая самое сокровенное. Надеюсь также, что Вы сможете приехать в обозримое время.

Что касается наших дел, то у меня всё идет медленно, т. к. у меня договор на две книги и сценарий. И всё это надо сделать скоро. А сделаны лишь первые шаги. Поездки взяли много времени. Кроме того, идут систематические передачи по радио и начинаются по ТВ. <…> Храни Вас Господь. [прот. А. Мень]».

Будучи полон творческих планов, отец Александр постоянно жил ощущением скоротечности времени и возможности резкого разворота в политике страны в обратном направлении. Трудно однозначно утверждать, что он предчувствовал свой скорый трагический конец, хотя ему поступали анонимные звонки и записки с угрозами, и он, несомненно, понимал опасность, исходящую от его недоброжелателей.

Историк Олег Устинов[339] приводит свидетельство Олега Карпова[340], рассказавшего о странной встрече с отцом Александром в сентябре 1990 года. Первый раз они увиделись в Историко-архивном институте, где отец Александр читал лекции. В первых числах сентября Карпов приехал в Семхоз к своему знакомому и на дорожке, ведущей от станции электрички к дому отца Александра, заметил впереди фигуру священника. Олег Карпов решил догнать его, чтобы поздороваться, но как только приблизился, отец Александр резко отошел в сторону и инстинктивно закрыл себя портфелем. Казалось, будто он ожидал нападения. Олег Карпов растерялся от такой встречи, поздоровался и быстро пошел дальше.

Бывшие «афганцы»[341], которых крестил отец Александр, предлагали ему охрану, но он отказался. Он также категорически воспротивился предложению близких людей из числа прихожан об организации его сопровождения своими силами[342]. При этом многим духовным чадам отца Александра запомнились его исключительные по своей силе и значению для их последующей жизни слова и поступки, относящиеся к концу августа и началу сентября 1990 года. Запомнились и грустные шутки батюшки по поводу собственной

смерти. Очевидно, что в эти дни отец Александр стремился дать своим духовным чадам напутствие на их последующую жизнь, довершить незавершенное в той мере, в которой это было возможно…

28 августа на исповеди во время Успенской литургии в ответ на слова Евгения Рашковского о том, что его оскорбляют грубость и нечувствие окружающих людей, отец Александр сказал то, что врезалось Евгению в память на всю жизнь: «Женя, то, что Вы сказали — естественно. Но естественное кончилось. Исчерпало себя. Будем надеяться на сверхъестественное».

«На Успенской литургии в нем чувствовалась некоторая суровость и отстраненность, — вспоминает Мария Рашковская свою исповедь отцу Александру в тот день. — Мне даже показалось, что слова мои не были ему важны. Фактически прервав меня, он сказал мне эмоционально внушительно, что я должна учиться воспринимать всё *перед лицом смерти*».

В субботу 1 сентября прихожане поздравили отца Александра с тридцатилетием со дня его рукоположения во священника, хор спел «Многая лета». Подходя к кресту, прихожане дарили батюшке цветы, а одна из хористок преподнесла ему написанный ею портрет отца Александра. Его реакция обескуражила дарительницу. «Вы мне это на гроб положите», — сказал батюшка[343].

5 сентября давняя прихожанка Сретенского храма детский врач Ада Тимофеева приехала в Новую Деревню вместе с мужем, чтобы присутствовать на венчании своих молодых друзей. Когда венчание закончилось, отец Александр сказал, что теперь обвенчает Аду с ее мужем, и незамедлительно сделал это, что было полной неожиданностью для супругов, проживших в браке уже 50 лет.

В тот же день отец Александр дал интервью корреспонденту испанской газеты «Эль Паис» Пилар Бонет, в котором сказал о соединении русского фашизма с русским клерикализмом и расцвете антисемитизма в современном российском обществе и, в частности, в Церкви.

Владимиру Илюшенко, который дожидался его после интервью, отец Александр со словами «Memento mori»[344] подарил книгу с «Руководством к благочестивой жизни» Франциска Сальского и несколькими приложениями, в том числе «О приготовлении себя к смерти» и «Подготовительными к смерти молитвами». Батюшка часто

говорил прихожанам храма о том, что смертная память помогает людям правильно жить, помня о том, что в любой момент человек может быть призван к ответу. «На прощание он порывисто обнял меня и поцеловал, — вспоминает Владимир Илюшенко. — Я пошел к двери. Но он неожиданно вернул меня и вновь обнял, очень крепко, и вновь поцеловал».

Тогда же Владимиру Илюшенко позвонила его близкая знакомая. Она была смертельно больна и просила поговорить с отцом Александром о ее крещении. Предварительная договоренность с батюшкой уже была, и теперь женщина окончательно созрела для этого шага. На следующий день отец Александр позвонил Владимиру, но в ответ на его просьбу неожиданно резко сказал: «Нет времени», — и предложил обратиться к кому-либо из знакомых священников.

6 сентября он причащал детей в отделении гематологии Республиканской детской больницы. «Отец Александр был в нашей больнице в свой последний четверг на Земле, — вспоминает Наталия Мехонцева, работавшая тогда в больнице. — Он приехал немного уставший, но очень сильный внутренне, как всегда улыбавшийся. Сначала он причащал в отделении искусственной почки, потом зашел в игровую комнату и сказал, что хочет поговорить с детьми. Я не могу с точностью передать его слова, но могу лишь сказать, что он говорил то, что важно было услышать каждому ребенку. А потом все-таки детям пришлось уйти, потому что мамы очень просили утешения. Когда он стал говорить, то мамы плакали. Он говорил о смерти. Для нас это не было странно, потому что все понимали, что многие дети у нас погибают, ведь рак крови — это очень серьезно. И каждая мама понимает, что ее ребенка может ждать такая же судьба. Отец Александр говорил о том, что нужно быть готовым в каждый момент уйти, если позовут. „Может быть, я сам очень скоро уйду, но я молюсь, и я спокойно думаю об этом“, — сказал он. Он говорил о страданиях Христа, и лейтмотивом его проповеди были слова о страданиях земных и о жизни небесной. В конце проповеди напряжение среди присутствующих сменилось умиротворением и покоем. Когда мы вышли из игровой комнаты, он посмотрел на часы — ему пора было идти. Его спросили: „Отец Александр, почему Вы не купите себе машину, не заведете шофера?“, на что он ответил: „Да мне уже катафалк, скорее всего, нужен“. В холле стоял телевизор, по которому

показывали православную передачу о Даниловском монастыре. И в этот момент необычайно красиво зазвонили колокола. Он вдруг обернулся к нам, и в его глазах было удивительное сияние, выражение радости. „Вот, уже зазвонили“, — сказал он»[345].

В тот день отцу Александру позвонила вдова отца Сергия Хохлова Вера, которая хотела приехать в Новую Деревню для причастия 9 сентября. Но батюшка отсоветовал, сказав, что в воскресенье «ничего здесь не будет», а через день после этого будет «большое торжество» и что тогда ей и надо бы приехать. Вера подумала, что он имеет в виду свои именины, день Александра Невского, но они приходятся на 12 сентября.

«В конце его жизни, когда на него обрушился поток дел и людей, я однажды зашел к нему в сторожку, — пишет Андрей Тавров. — Он поглядел на меня и улыбнулся, а руки беспомощно и вслепую шарили по столу в поисках ручки, которая куда-то закатилась. И в этом жесте были невероятная боль и предчувствие беды. Потому что с его руками такого никогда не случалось. Не должно было случаться. В него словно вошла трещина усталости. Основной его жест был — привлекающий. Обнять за плечо. Сжать дружески руку во время трудной исповеди. Привлечь к себе. Ободрить».

В пятницу 7 сентября ближе к вечеру отец Александр приехал в Библиотеку иностранной литературы. В большом зале библиотеки начинался его новый курс лекций. «Он пришел раньше, что совсем не типично для него, — вспоминает Дарья Беленькая. — Зашел в кабинет мамы и сказал, что он писал, писал все эти дни и хочет еще успеть поработать до лекции. „Что-нибудь Вам принести?“ — Батюшка встал, и такая радость была на лице. Он остановился, взглянул и спросил: „А что есть? Мне теперь всё можно…“» Дарья ответила, что есть ветчина и сыр, и батюшка согласился на предложенную еду, хотя до того дня всегда строго соблюдал постные дни… Он сказал Дарье, что пишет «очень, очень важное» и что очень много работал в эти дни. Выпив чаю и съев бутерброд, отец Александр пошел читать лекцию. Как всегда, после выступления батюшке задавали вопросы, три из которых особенно запомнились Дарье Беленькой. Отца Александра спрашивали о том, можно ли убить комара (!), можно ли убить священника (!!) и боится ли он смерти… Он ответил только на последний вопрос: «Всё в руках Божиих».

После лекции, закончив чаепитие, отец Александр с Екатериной и Дарьей вышел на улицу, чтобы направиться на Ярославский вокзал, — им было по пути. По словам Екатерины, это был единственный раз в ее жизни, когда отец Александр задал вопрос о том, нет ли у нее в этот день служебной машины. Так получилось, что служебной машины не было. Внимание Екатерины привлекла одиноко стоявшая напротив входа обшарпанная машина с сидящими в ней четырьмя «крепкими ребятами». «Запишите номер, — посоветовал отец Александр. — Вдруг они охотятся за книгами Никиты Струве» (грузовик с книгами «ИМКА-пресс» незадолго до этого прибыл в библиотеку). «Мы шли по Радищевской в сторону метро, — рассказывает Дарья Беленькая. — Мама и батюшка обсуждали общие дела и планы, которых было много. У меня была не очень легкая сумка. У батюшки тоже был не очень легкий портфель, и я не могла понять: то ли сумка такая неудобная, то ли я неправильно иду, так как всё время на пути к метро я оказывалась то между мамой и батюшкой, то батюшка меня подвигал ближе к себе. <…> Я только помню, что эта дорога к метро была для о. Александра неприятной. Он будто нас с мамой от кого-то закрывал… И когда мы вошли в метро, он успокоился. <…>

Вот мы около Пушкино, нам надо пробираться к дверям. Обернувшись, я увидела за собой батюшку. Я повернулась к нему для благословения. Он положил руку мне на голову, поцеловал и сказал: „Расти, Дашенька, ты такая красивая!“».

Когда на следующее утро Екатерина спросила дежурного милиционера о той машине, он отрапортовал о том, что машина уехала сразу после того, как они со священником ушли из библиотеки.

Наталия Большакова поехала в Новую Деревню в субботу 8 сентября, узнав о том, что отец Александр служит в этот день литургию. Было Сретение Владимирской иконы Пресвятой Богородицы и день памяти святых мучеников Адриана и Натальи. «То, что отец Александр сказал мне тогда, руководит моей жизнью с тех пор постоянно, — пишет Наталия. — Были решены главные вопросы моей жизни. <…> Я успела подумать: „Какая странная исповедь. Я только начинаю говорить, он прерывает меня, словно спешит, а отвечает так, как будто я все сказала и даже больше…“ Он скоро возвращается быстрый, радостный, я продолжаю свое, он опять прерывает меня и говорит такие слова, которые тогда мне как будто не

были важны, — я ведь о другом пришла говорить, — а теперь важнее всех прочих. О, как он знал, что очень скоро они мне понадобятся! Что они станут камнем моей веры! И не для меня одной он их говорил. Вот эти слова, окруженные сегодня венцом Славы Прославившего его: „Никому не верьте, кто будет говорить, что наша Церковь не свята. О том, что Церкви конец, сокрушались еще в IV веке, вспомните Иоанна Златоуста. Церковь жива не нами, грешными, а Господом нашим Иисусом Христом. А Он всегда здесь с нами в Своей Церкви. Здесь — продолжение воплощения в истории Иисуса Христа, здесь Его Царство, Оно уже пришло, и врата адовы не одолеют Его“. И он тихо и счастливо, я бы сказала, победно засмеялся и посмотрел на меня».

После службы батюшка говорил с Наталией Большаковой о будущем христианском журнале, который он ее благословил возглавить, обещая в каждый номер давать свои статьи и лекции. «И вдруг среди всего этого творческого радостного обсуждения, — вспоминает Наталия, — он меняется и говорит, глядя мне прямо в глаза: „Вы должны знать, что скоро Вам будет очень трудно. Ваш владыка Леонид[346] скоро умрет, и Вам будет очень трудно!“». Эти слова поразили Наталию, поскольку были для нее полной неожиданностью.

Затем отец Александр увел в свой кабинет Софию Рукову, которая только накануне вернулась из паломнической поездки: «Мы так ждали Вас!.. так скучали… Как хорошо, что Вы снова здесь!» «Эти слова он повторяет снова и снова, — вспоминает София Рукова. — Он обнимает меня, прижимая к себе, словно пытается забрать из меня всю неутихающую боль после потери мужа четыре месяца назад, касается губами лба. Я только едва проговариваю: „Отец! Дорогой! Если бы Вы знали, какое это счастье, что Вы — есть!“ Внезапно он отталкивает меня — лицо серьезно, руки кладет мне на плечи, взгляд — и в меня, и куда-то внутрь себя: „Ничего… ничего…“ Что-то странное звучит в этом „ничего“, но он не дает мне задуматься — вновь прижимает к себе и снова радостно улыбается. <…> От этого повторяющегося „ничего“, от этого взгляда „в никуда“ мне становится не по себе, но отец не дает мне задуматься над этим: „Как Вы нужны здесь!.. Приступайте же! Приступайте… Мы уже открыли школу. Завтра — Ваш урок“. Я понимаю — речь идет о воскресной школе, о которой мы столько говорили в течение года, но я возражаю: „Но я еще не

готова…“ Отец будто не слышит: „Завтра — в школу… Приступайте, приступайте… Как хорошо, что Вы приехали…“ <…> А спустя какое-то время он протискивается ко мне (я стою у самой стены, стараясь быть незаметной) сквозь множество жаждущих общения с ним (а его уже ждет машина, чтобы везти в Москву на лекцию), касается моего плеча и — как заклинание: „Завтра — к детям! К детям!.. Постепенно Вы всё расскажете… А пока — к детям“».

Михаил Смола также дожидался отца Александра в тот день после службы — поиски помещения для школы давались трудно, на каждом шагу чувствовалось противодействие бюрократического аппарата. «„Отец Александр, я в отчаянии, ничего не получается“, — приводит Михаил свои слова священнику. — И тогда он своим привычным жестом положил мне руку на плечо и сказал: „Мишенька, запомните, отчаяние — самый страшный грех! Пусть *они* отчаиваются, а мы должны медленно, но верно идти к своей цели“».

Около двух часов дня отец Александр вместе с Наталией Большаковой выехал в Москву, где он должен был читать лекцию. «По дороге я расспрашивала его о поездке в Италию этим летом, — продолжает Наталия Большакова, — а он показал мне извещение на получение груза из Италии. „Что это?“ — спросила я. „В понедельник я должен поехать в Шереметьево-2 и получить миллион одноразовых шприцов. Я познакомился в Италии с одним человеком, он миллионер, спрашивал, чем он может помочь, я ему рассказал о детской больнице. И вот он прислал. Представляете, какой это подарок для Республиканской детской больницы!“».

Они прибыли в Дом науки и техники на Волхонке, и отец Александр с необычайным духовным подъемом прочитал лекцию о христианстве: «Мы подошли к вершине, к тому самому сверкающему горному леднику, в котором отражается солнце, которое называется христианством. <…> И если мы зададим себе вопрос: в чем же заключается сущность христианства, — мы должны будем ответить: это — Богочеловечество, соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным; это — освящение плоти. Ибо с того момента, когда Сын Человеческий принял наши немощи и наши болезни, наши радости и страдания, наше созидание, нашу любовь, наш труд, принял нашу судьбу человеческую, — с тех пор природа, мир, всё, в чем Он находился, в чем Он родился как

человек и Богочеловек, не отброшено, не унижено, а возведено на новую ступень, освящено. Христианство есть освящение мира, победа над злом, над тьмой. Она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир». Эта лекция содержала в себе квинтэссенцию мировоззрения отца Александра, его кредо, и множество слушателей говорили впоследствии о необычайной внутренней силе, наполнившей их во время лекции.

После окончания лекции Наталию поразила перемена в состоянии отца Александра: «При моем всё еще блаженном состоянии этого дня я испугалась, видя его постаревшее больное лицо. „Что с Вами, батюшка? Вам плохо?“ — „Я не спал ночь“. На что я глупо лепечу: „Почему?.. ночью надо спать…“ — „Не мог заснуть“. <…> Я выразила радость по поводу недавно вышедшей в издательстве „Московский рабочий“ книги Георгия Федотова „Святые Древней Руси“. Но на мои слова батюшка мрачно ответил: — „Вот этого они мне и не могут простить!“

<…> Выйдя из Дома, идя по Волхонке, мы спокойно говорили о книге „Таинство, Слово и образ“, — ее набор уже делался у нас в Риге, и в следующий мой приезд я должна была привезти о. Александру гранки книги. Но когда мы дошли до машины, на которой батюшка должен был уехать на Ярославский вокзал, и, прощаясь, я стояла перед ним, ожидая пастырского благословения, отец Александр пронзительно глянул мне в глаза и, обняв за плечи, на мгновение прижал меня к себе, как отец. „А теперь идите в метро. Храни Господь“».

Поздно вечером отец Александр вернулся домой.

Глава 6
Убийство и его расследование

В воскресенье 9 сентября 1990 года около 6.40 утра по московскому времени отец Александр Мень был убит. Его бездыханное тело было обнаружено неподалеку от дома, где он жил, близ платформы Семхоз Загорского района Московской области. Врачи констатировали смерть от потери крови после нанесенного удара по голове.

События того утра были реконструированы на основе следственных показаний нескольких допрошенных людей и независимого расследования, проведенного Сергеем Бычковым[347].

Как обычно по воскресеньям, отец Александр вышел из дома в 6.30 утра, чтобы успеть на электричку в сторону Пушкина и прибыть в Новую Деревню до начала литургии. Из-за плотного утреннего тумана трудно было разглядеть что-либо дальше асфальтированной дорожки от дома к станции на несколько шагов вперед. Преступник ждал батюшку около трех старых дубов, растущих рядом с дорожкой. Как только священник в шляпе и с портфелем поравнялся с ним, убийца зашел сзади и стал нагонять отца Александра[348]. Нападение было совершено в месте изгиба дорожки, что в совокупности с утренним туманом позволило убийце остаться незамеченным. Убийца нанес удар по затылочно-теменной области через головной убор топориком или остро наточенной саперной лопаткой. Впоследствии специалист судебно-медицинской экспертизы В. В. Емелин подтвердил высшую степень профессионализма убийцы — удар был нанесен в область распределения основных кровеносных потоков, были разрублены кости черепа и повреждена мозговая оболочка, что практически не оставляло шанса на выживание. Емелин также показал в процессе следствия фотографии, свидетельствующие о том, что изгиб саперной лопатки практически совпадает с характером раны на голове отца Александра. Несмотря на то, что заведующий медико-криминалистической лабораторией Ю. Г. Артамонов выразил мнение, что жизнь отца Александра возможно было бы спасти, если бы немедленно, в течение первых минут после удара было остановлено

венозное кровотечение[349], сам отец Александр, видимо, понимал, что всё кончено. После нанесенного ему удара он жил менее тридцати минут… Обливаясь кровью, отец Александр упал в траву неподалеку от трех дубов. Нанеся удар, убийца поднял с земли упавший портфель и спрятал в своей одежде орудие убийства. На обочине остались окровавленные очки и шляпа, как будто разрезанная острой бритвой. Позади в тумане уже слышались шаги и голоса людей, спешивших на подходящую электричку. Вероятно, убийце не составило труда успеть на эту электричку…

Однако вскоре отец Александр поднялся и попытался найти свой портфель. Поняв, что это бесполезно, и не обращая внимания на струящуюся из раны кровь, он направился к станции.

В это время к подходящей электричке шли женщины, которые увидели окровавленного человека и узнали в нем живущего неподалеку от них священника. «Кто это Вас? Вам помочь? Может, „скорую помощь“ вызвать?» — спросила одна из женщин. «Я сам», — ответил отец Александр.

Как перекликается этот ответ с евангельским «Я есмь…» («Это я, я сам»), означающим в том числе и согласие на жертву, предание себя Воле Божьей, самопожертвование!

Обливаясь кровью и изнемогая от боли, отец Александр побрел в сторону дома. Из окна соседнего дома видели, как батюшка шел, зажимая рукой затылок… Он дошел до калитки своего дома, взялся руками за перекладины забора и медленно сполз по ним на землю… Собаки не залаяли. Воцарилась тишина, изредка прерываемая стонами батюшки…

Жена отца Александра, находившаяся дома, услышала стоны и вышла. Но через широкий штакетник забора не было видно, кто стонет у ворот. Испугавшись, она вызвала «скорую помощь». Позже она вспоминала: «В семь часов я проснулась от стонов и всхлипываний. Окно комнаты, где я сплю, выходит на улицу, и мне всё было слышно. Какое-то время я не решалась выйти, затем оделась и подошла к калитке. За ней лежал окровавленный мужчина. Узнать, кто это, было невозможно. По телефону вызвала „скорую“ и до тех пор, пока не приехала милиция и не попросила подойти к убитому, не знала, что это мой муж». Подойдя к нему, Наталья Федоровна сначала не узнала в убитом своего мужа, потому что отец Александр был в сером пиджаке,

а на лежащем перед ней человеке пиджак был черным. И лишь когда ей предложили посмотреть на ноги, она узнала носки, поняла и лишилась чувств… Пиджак стал черным от крови.

Наталья Федоровна рассказала впоследствии о том, что, придя домой накануне вечером, отец Александр был взволнован. Он сразу поднялся на второй этаж, всюду включил свет и лишь потом разделся. Очень вероятно, что в тот день он получил отчетливый сигнал о готовящемся преступлении или почувствовал надвигающуюся опасность и хотел отвести ее от близких. Разбитые в тот вечер фонари поблизости от дома отца Александра также красноречиво дополняли картину. В собственном графике он, однако, не стал ничего менять.

София Рукова приводит эпизод лета 1986 года: «В электричке отец (мы ехали с ним к нему домой, в Семхоз, чтобы поснимать его маленького внука) обращается ко мне: „У Вас будет немного пленки… заснять дорогу от станции к дому?“ — „Да. Конечно“. — „Это ведь особая дорога… (отец смотрит мне прямо в глаза). Она вообще — особая… Меня можно не снимать, главное — дорогу…“».

Ксения Покровская, бывшая прихожанкой и другом отца Александра еще с «тарасовского» периода его служения, говорила ему: «Алик, тебя убьют». По ее словам, он отвечал ей: «Я готов. Я делаю всё, что я должен делать». «Ведь убьют, убьют!» — сокрушенно говорила в период широкой проповеди отца Александра Наталия Ермакова. «Будет мученик», — ответила ей Ксения Покровская.

…Машина «скорой помощи» приехала через полчаса после телефонного звонка Натальи Григоренко-Мень. Рассказывает дежурный врач П. В. Чернышов: «9 сентября в 7 часов 12 минут наш диспетчер Хомутова приняла вызов по телефону. Звонившая женщина сообщила, что у калитки ее дома лежит окровавленный мужчина. Мы быстро собрались и через пятнадцать минут я, фельдшер Э. Киселева и водитель Е. Глинчиков въезжали в поселок совхоза „Конкурсный“, что около станции Семхоз.

Одинокий мужчина махнул рукой вправо, указывая направление. На тихой безлюдной улице около калитки нужного нам дома лицом вниз лежал пожилой мужчина. Руки протянуты вперед, полусогнуты, на голове рана сантиметров 8–9.

Ощущение такое, что он из последних сил шел к дому, а перед калиткой силы его оставили и пострадавший сначала опустился на

колени, а затем упал на грудь. Услышав шум машины „скорой помощи“, залаяли собаки, и из дома вышли две женщины. Мы находились по другую сторону забора. Я спросил, не их ли это родственник или знакомый. Они ответили, что не знают его, и тут же ушли в дом. Дальше работали по схеме — зафиксировали смерть и по рации через станцию „скорой помощи“ вызвали милицию. Они прибыли минут через пятнадцать».

Впоследствии соседи отца Александра вспомнили, что видели около его дома двух неизвестных людей поздно вечером, за день до убийства, но их спугнула патрульная милицейская машина — возможно, нападение планировалось на вечер 8 сентября.

Однажды отец Александр сказал, что хотел бы умереть один… Так и случилось — он умер один, под небом, погиб из-за кровопотери. У ворот его дома образовалась огромная лужа крови… «Это венозная кровь, темная. Я не мог смотреть, как по ней ходили милиционеры, топтали ее ботинками, — рассказывает Владимир Юликов. — Я собрал ее в большой целлофановый пакет, она была, как студень — кровь свертывается. Мы вылили ее на дно могилы». Крови было так много, что ее пытались засыпать песком, но она всё равно выступала. «Кровавая эта земля должна быть зашита в антиминс, мы могли бы служить на ней литургию, — пишет Ольга Ерохина. — Литургия на крови. Спас на Крови. Листья, окрашенные кровью. Кровью помазанный косяк калитки (может быть, тянулся к звонку — сползающий след пальцев). Чтобы ангел смерти не поразил первенца… Жертвенный агнец, жертва. <…> Седой волос его, в окровавленной земле. Запах крови шел от земли. Мы собирали ее с детьми, и две собаки — свидетели его умирания — глядели на нас».

Несколько прихожан Новой Деревни, не дождавшись отца Александра, поехали в Семхоз, а оттуда, узнав о трагедии, — в загорский морг. «Ужас от его гибели был ни с чем не сравнимый, мистический, связанный не просто с его кончиной, но с непереносимым сознанием, что жизнь, которая была явлена в отце Александре, могла быть убита, — вспоминает Андрей Еремин. — Смерть батюшки вызывала яростный протест против этой гибели любви, добра, света».

На следующий день тело было перевезено в Сретенский храм Новой Деревни и находилось там вплоть до 11 сентября. 11-го, в день

усекновения главы Иоанна Предтечи, были похороны. Все священнослужители были облачены в белые ризы, символизирующие Божественный Свет. В этот прохладный и пасмурный день как будто природа скорбела вместе с прихожанами Сретенского храма. Всё пространство церковного двора, и рядом за его пределами, и даже на крыше — было заполнено людьми. Несколько молодых людей стояли на звоннице с зажженными свечами. Стояли молча, почти без движения в течение нескольких часов. Митрополит Ювеналий, служивший литургию, разрешил вынести гроб из храма и поставить его во дворе, чтобы все могли проститься с батюшкой. Решено было дать слово каждому, кто захочет сказать. Люди молча выстроились в очередь и стали постепенно подходить ко гробу.

Здесь были все, кто смог, кто успел вернуться из отпуска, прилететь из Крыма, из других городов и стран… Фазиль Искандер[350], бывший очень близким для батюшки человеком, с которым совсем недавно они вместе были в заграничной поездке; Марк Розовский[351], в театре которого отец Александр читал лекции… Здесь стоял давний друг отца Александра Григорий Померанц[352], который скажет впоследствии о потере батюшки: «Убийство о. Александра сперва просто ударило по лбу. Это было почти физическое чувство, поэтому я точно помню место удара. Потом, на похоронах, спокойно и печально заработало сознание, и я вдруг увидел, что мы вступаем в новое время мучеников»[353]. Владимир Лихачев, обнимая свою молодежь, повторял: «Осиротели мы, совсем осиротели…» И здесь же находились приверженцы общества «Память» (Осташвили[354] наблюдал похороны с крыши), сотрудники силовых ведомств, теле- и радиоканалов, телеведущие программы «Взгляд» — Александр Любимов, Дмитрий Захаров, Александр Политковский.

И вдруг неожиданно над головами сотен собравшихся, над раскрытой могилой зазвучала проповедь отца Александра о том, как важно человеку всегда быть наготове, быть в таком душевном состоянии, как будто сегодня или завтра может пробить его последний час и он предстанет пред Господом. «Когда при отпевании отца вынесли на улицу перед храмом, все вышли следом, и осталась Мария Витальевна в пустом, залитом светом храме, в котором гремел, заполняя всё пространство, голос отца, — рассказывает Наталия

Ермакова. — Кажется, это была его проповедь о Воскресении, и слова были в точности о нем самом!»

Вспоминает Ольга Ерохина: «…Похороны. Эта митра, надвинутая на измученную голову, — которая так не шла ему и при жизни казалась терновым венком, чем-то безобразным, насильно нахлобученным на прекрасный лоб. Невольник православных обычаев, варварства, терпящий их при жизни, обречен был на такие проводы. Закрыт лик — а любопытные шептали: „Что? Почему лицо закрыто? Изрублено лицо?“ А мы знали, и те, кто ночью был в церкви при гробе, видели: лик его был прекрасен, как свет, — очень бледен, но живой, с чуть рассеченным у брови лбом — вероятно, от падения. Сияющее лицо единственным источником света в сгустившейся черноте».

«Черно-белые кадры, в которых нет чувств, — описывает похороны отца Александра Анна Дробинская. — Новая Деревня, пятитысячная толпа. Вереница людей подходит к гробу прощаться; парни-афганцы, взявшись за руки, держат коридор. Подхожу к гробу с ожиданием ужаса, взрыва отчаяния, слез — кадры в памяти становятся цветными, ощущаю сноп белого света, бьющий из гроба. Прикладываюсь к руке, лежащей на покрывале, и чувствую, что она живая, живее, чем я, чем всё вокруг меня, чувствую любовь, идущую от нее».

Из книги Ольги Ерохиной: «Звонок вечером в день похорон: „Ты прикладывалась к руке?“ — „Да“. — „Она была теплая?“ — „Теплая. Я еще удивилась“. — „Да, и Ася тоже говорит: такая теплая и пушистая рука, живая“. Меня пронзает: „А вдруг ошибка? И он живой?“ — „Нет, я о другом. Дух ведь дышит, где хочет? И он послал его в руку — нам в утешение — теплом. Ошибки быть не могло, ведь было же вскрытие, судебная экспертиза. Это он для нас, нам — последнее тепло. Понимаешь — вопреки естеству…“»[355].

«Я верю, что Господь за тот подвиг, который пронес через свою жизнь отец Александр, примет его в Свои Небесные обители, где нет уже ни болезней, ни печали, ни воздыхания, но где пребывает жизнь бесконечная», — сказал митрополит Ювеналий на отпевании. Перед тем как опустить крышку гроба, он подошел ко гробу и приоткрыл лицо отца Александра. Оно было совершенно белым, вся кровь была потеряна в день убийства… «Но, поразительное дело, когда открыли

гроб, все увидели, что он улыбается, — вспоминает Евгений Ямбург. — Что вполне закономерно для верующего человека. Ибо блаженны пострадавшие правды ради. Для таких по-настоящему верующих людей погибнуть за веру — высшая награда».

С вершин прицерковных деревьев тем временем спускались птицы. «Соединившись, они покрыли мелькающей сетью всё небо, а потом стали косо планировать над гробом, над нашими головами и — вверх, в голубой колодец осеннего неба между деревьями, — вспоминает Ариадна Ардашникова. — И опять — над гробом и — вверх! И в третий раз, и — исчезли… Они прощались с отцом».

Могила была вырыта близ алтарной части храма Сретения, в котором прошло двадцать лет его служения… Когда был насыпан могильный холм, то цветы прихожан полностью сокрыли землю… Отец Александр упокоился слева от престола, ближе к северной части алтаря (если смотреть прямо на иконостас) — там, где расположен жертвенник. Он как будто незримо присутствует с тех пор на каждой совершаемой в храме литургии. Присутствует своими плотью и кровью как жертва…

Когда рядом с могилой почти никого не осталось, тишину прорезала скорбная мелодия трубы. Музыкант Олег Степурко исполнял блюзовую песню «Больница святого Джеймса», полную горя и невыразимого отчаяния, и казалось, что вся природа, весь мир оплакивают батюшку.

Вскоре после убийства отца Александра расследование этого преступления взяли под личный контроль президент СССР Михаил Горбачев и председатель Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин. Однако следствие с самого начала приняло странный характер.

На следующий день после смерти отца Александра солдаты прочесали весь окружающий лес в радиусе двух километров и железнодорожные пути, обыскали платформы… Они искали орудие убийства, или, как сказано в заключении экспертов, «рубящий предмет». Оперативники тем временем пытались установить тех, кто в то утро ожидал электричку, опрашивали жителей Семхоза и окрестных сел. Особое внимание уделялось лицам без определенного места жительства, безработным, судимым и приезжим… Уже на третий день после убийства был арестован сосед отца Александра по дому — уголовник Геннадий Бобков, который легко сознался в совершенном

преступлении: «Мотивы убийства — бытовые. Орудие убийства — топор». Портфель и топор Бобков будто бы бросил в семхозский пруд. Однако и после того, как был спущен пруд, портфель и топор найдены не были.

Затем предполагаемый убийца начал менять показания и рассказал совсем другую историю, согласно которой к нему за десять дней до убийства приходил «человек в черном», подговоривший убить отца Александра Меня, а преступление помог совершить собутыльник Бобкова. «Человек в черном» в показаниях Бобкова постепенно превратился в жителя поселка Семхоз, сотрудника Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии архимандрита Иосифа (Александра Пустоутова), а его сообщник — в старосту церкви в поселке Удельная Михаила Рогачева. «Этот черный человек мне сказал: „Ты русский или не русский?“ Я сказал: „Русский“. Затем этот человек говорит: „Как ты думаешь, как надо убить священника, который по национальности еврей?“ Ну, и Бобков говорит: „Надо подумать…“» — вспоминал показания Бобкова следователь Генпрокуратуры Владимир Соловьев.

Отец Иосиф был в доме у отца Александра лишь однажды. Мотивов для убийства не прослеживалось. С Бобковым отец Иосиф знаком не был.

Проведенный впоследствии анализ показал, что причастность Бобкова к данному преступлению была целенаправленно сфальсифицирована. Наиболее вероятной причиной, заставившей Бобкова взять на себя вину за убийство А. Меня, было психологическое и физическое воздействие на него со стороны сотрудников милиции. Этот вывод был подтвержден результатами полиграфа («детектора лжи»), а кроме того, результаты судебно-психиатрической экспертизы показали, что Бобков нездоров. «Его после ареста избивали в СИЗО, он рассказывал, что его пропускали „через строй“ и били, пришлось признаться. Следователи обошли после убийства все дома, расспрашивали, кто, мол, по вашему мнению, мог убить? Ну, и топоры забирали», — рассказывают соседи Бобкова.

Тем временем провели следственный эксперимент — вывезли Бобкова на место преступления. Эксперимент снимался видеокамерой. На обратной дороге в Москву кассета исчезла. Против следственной группы было тотчас возбуждено служебное расследование.

Спустя четыре месяца, 26 декабря 1990 года, в своей квартире был убит игумен Лазарь (Солнышко), секретарь митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Корреспондент газеты «Известия» Сергей Мостовщиков в своей статье связал убийство отца Лазаря с убийством отца Александра, предположив, что игумен Лазарь был членом церковной комиссии по расследованию убийства священника Александра Меня.

Руководитель следственной группы Анатолий Дзюба установил личности всех, кто находился на платформе утром 9 сентября 1990 года, за исключением двоих мужчин возраста тридцати — тридцати пяти лет. Мать местного жителя Николая Силаева (позже также попавшего в число подозреваемых) рассказывала: «Люди ехали на работу в то утро. Многие видели, как эти двое сидели на скамье на платформе и пили вино». Однако, вопреки стандартной процедуре, «фотороботы» предполагаемых убийц составлены и опубликованы не были.

После того как в ночь с 1 на 2 февраля 1991 года в московской квартире был убит игумен Серафим (Шлыков), руководителем группы назначили следователя по особо важным делам Московской областной прокуратуры Ивана Лещенкова. Следователями разрабатывалась версия, в соответствии с которой все три убийства взаимосвязаны.

Лещенков неоднократно заявлял в прессе о том, что расследование убийства священника Александра Меня близко к завершению. Однако каждый раз выяснялось, что следственная группа пошла по ложному следу. Возникало ощущение причастности к такому развитию событий некоего могущественного внешнего участника.

В итоге следствие ограничилось четырьмя версиями: уголовной, сионистской, антисионистской и политической. Уголовная версия отпала после признания неадекватными показаний Бобкова. В своей книге «Хроника нераскрытого убийства» Сергей Бычков рассказывает о том, что беседовал с одним из сотрудников КГБ в конце 1991 года, от которого получил информацию о том, что по своим каналам КГБ проверил все возможные варианты бытовой версии, поскольку почти в каждой преступной группировке есть информаторы госбезопасности. Через них стало известно, что уголовный мир не причастен к убийству православного священника.

Сионистская версия заключается в том, что отца Александра якобы убили сионисты, потому что он не благословлял на отъезд из СССР своих прихожан-евреев, стремившихся выехать в Израиль. Действительно, отец Александр считал, что массовый отъезд христиан-интеллигентов «обескровит» Россию. Но в каждом случае он подходил к этому вопросу индивидуально и некоторым людям настоятельно советовал покинуть страну — в частности, тем, кому грозил арест и кому КГБ предоставлял выбор — либо арест, либо отъезд, как это было с А. Э. Красновым-Левитиным.

Арестованный по обвинению в убийстве игумена Лазаря Михаил Потемкин заявил, что убийство игумена Лазаря — дело рук сионистских боевиков и что игумен был связным между отцом Александром Менем и его зарубежными покровителями. Более того, Потемкин утверждал, что письма и деньги, которые пересылались отцу Александру с Запада, попадали сначала к игумену Лазарю, а он передавал их Меню. Причину убийства отца Александра Потемкин видел в том, что Мень препятствовал эмиграции евреев из России. А сионисты якобы получали немалые деньги за каждого еврея, который покидал пределы СССР. Однако с начала 80-х годов Михаил Потемкин был известен как провокатор КГБ, и предложенная им версия постепенно была также квалифицирована как провокационная.

В пользу антисионистской версии говорило имевшее широкое хождение в самиздате в конце 1970-х годов анонимное «Письмо священнику Александру Меню», которое, конечно, читал и отец Александр. «Важнейшей задачей сионизма, — указывается в письме, — является борьба с христианством и, прежде всего, с Православием как наиболее верным хранителем евангельской истины. <…> Поэтому сионизм особенно заинтересован иметь в Православной Церкви своих „постовых“, которые встречали бы людей, искренне идущих к истине, и провожали бы далеко от нее, стараясь, однако, уверить, что ведут их верно, именно к Православию. <…> Таким „постовым“ сионизма в Православии и являетесь Вы, отец Александр». Через несколько лет после смерти в 1986 году известного богослова, митрополита Ленинградского и Новгородского Антония (Мельникова), это письмо было опубликовано в интернете на ряде сайтов от имени митрополита Антония. Однако бывший референт Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии, близко

знавший митрополита Антония и рукоположенный им в священный сан игумен Иннокентий (Павлов) сообщил о том, что авторство митрополита Антония в данном случае является подлогом. По словам игумена Иннокентия, подложным является не только содержание, но и сам жанр «открытого письма», поскольку в советское время «не было такого СМИ, где его было возможно „открыть“».

Лидер национально-патриотического фронта «Память» Дмитрий Васильев открыто заявлял, что Александр Мень — еретик и что как проповедник он «не только приносит вред, но и очень опасен». В этой связи группа Лещенкова подробно прорабатывала версии, инспирированные «церковным» отделом КГБ и изложенные в газетных публикациях о «еврейском заговоре» внутри общины отца Александра, который якобы существовал для разрушения РПЦ изнутри. Следователи группы Лещенкова выясняли, в частности, «является ли богоизбранность евреев по рождению выражением расовой теории», а также «каким образом относились к о. А. Меню люди, традиционно воспитанные в иудаизме». Также Ивана Лещенкова интересовала тема ритуальных убийств, якобы практикуемых в талмудическом иудаизме, поднимавшаяся еще в начале XX века на следствии по делу Бейлиса. Эта тема возникла в попытке проследить взаимосвязь трех вышеупомянутых убийств священников. Но погибшие вскоре после отца Александра служители церкви были убиты дома, и, как выяснилось, причина их смерти не связана с его смертью. С игуменом Лазарем (Солнышко) отец Александр был знаком лишь постольку, поскольку, обращаясь к митрополиту, он был вынужден общаться с его секретарем. С отцом Серафимом (Шлыковым) вообще знаком не был.

Основная «антисионистская» версия сводилась к тому, что убийство отца Александра — дело рук православных архиереев. Так, в публикации еженедельника «Аргументы и факты» (№ 39 за 1991 год) указывалось, что «бывший сотрудник церковного отдела КГБ» сообщал о том, что отец Александр перед смертью якобы получил «материалы, компрометирующие высшее церковное, партийно-государственное и чекистское руководство». Известно, что никто из представителей Русской Православной церкви не принес своих соболезнований вдове отца Александра до момента его похорон, за исключением митрополита Ювеналия, служившего панихиду на его

могиле. В послании, которое было направлено в день похорон отца Александра патриархом Алексием II, было указано: «В своем богословском дерзновении отец Александр иногда высказывал суждения, которые без специального рассмотрения нельзя охарактеризовать как безусловно разделяемые всей Полнотой Церкви». Позже русско-американский журнал «Вестник» опубликовал гипотезу бывшего сотрудника журнала «Совершенно секретно» Вадима Молодого, в которой утверждается, что отец Александр Мень имел информацию о сотрудничестве очень высокопоставленных чинов РПЦ с КГБ и записал интервью с соответствующими разоблачениями.

Однако эта гипотеза не соответствует той парадигме, в которой жил и работал батюшка. Ведь на любые предложения заниматься политикой отец Александр всегда отвечал отказом. Даже когда в эпоху «Перестройки» у него появились широкие возможности поддержать демократические преобразования в стране, он неизменно говорил о том, что нужно спешить донести людям Слово Божие. «Я помню одну из бесед с отцом Александром, когда он с глубоким восторгом говорил о тех возможностях, которые открылись сегодня для Церкви, — рассказал митрополит Ювеналий в памятный день похорон отца Александра. — И я спросил его тогда: „Вы популярный человек. Почему же не баллотировались в народные депутаты?“ И он мне ответил со свойственной ему искренностью и детской простотой: „Владыко! Когда нам заниматься политикой? Сегодня мы имеем возможность день и ночь Слово Божие проповедовать, и я полностью отдал себя этому“». Журналист парижской газеты «Русская мысль» Александр Тарасов писал в этой связи следующее: «Александр Мень с редким упорством отказывался поддержать попытки „радикалов“ подтолкнуть политические процессы в стране, отстаивая идею медленного мирного эволюционного пути и — в первую очередь — сознания»[356]. Родственники отца Александра не верят в то, что он держал у себя какой-то компромат, поскольку он резко отрицательно относился к подобным вещам, а знакомым священникам советовал не использовать, а сжигать такие материалы.

Ольга Чайковская в «Литературной газете» так описывала стиль работы группы следователей под руководством Лещенкова: «Пространные рассуждения следователей вопреки закону не содержат ни единой ссылки на листы дела, то есть никаких доказательств».

Действительно, никаких подтверждений участия сионистских или антисионистских сил в убийстве священника найдено не было — налицо было затягивание следствия. Очевидный провал работы Лещенков камуфлировал рапортами о раскрытии других уголовных дел в процессе данного следствия.

В 1994 году следователь Московской областной прокуратуры Вячеслав Калинин сменил на посту главы следственной группы Ивана Лещенкова, продолжавшего прорабатывать различные варианты сионистской и антисионистской версий убийства. С подачи нового следователя 2 декабря 1994 года появилось заявление о том, что убийца отца Александра Меня арестован и признал свою вину. На этот раз убийцей священника объявили Игоря Бушнева, ранее судимого и пьющего. История с Бобковым повторилась в новой модификации.

По версии следствия москвич Бушнев со своей невестой Галиной Аникейчик 8 сентября отправились в Хотьково, где проживала теща Бушнева. Они были пьяными, и в электричке у Бушнева произошел конфликт с людьми, которые выставили его из вагона за несколько станций до Хотькова, а Галину оставили в вагоне. Бушнев дождался следующей электрички, после чего поехал к матери Аникейчик, но там Галины не было. Ее тело нашли на рельсах у станции Семхоз в ночь с 8 на 9 сентября — Галина Аникейчик погибла, попав под электричку. Бушнев об этом не знал, переночевал у ее матери, а утром с похмелья взял топор и поехал искать обидчиков, но из-за того, что голова была мутной, сел не в ту сторону. Поняв это, на станции Семхоз он сошел и увидел человека, похожего на одного из тех, что выставили его из электрички, после чего убил его топором. Как и Бобков несколькими годами раньше, он «чистосердечно» признал свою вину, но был оправдан летом 1996 года, поскольку была доказана его невиновность.

Политическую версию убийства отца Александра одновременно выдвинули два депутата Верховного Совета РСФСР, близкие друзья отца Александра — священники Глеб Якунин и Алексей Злобин[357]. Эта версия состоит в том, что стремительно растущая известность отца Александра категорически не устраивала КГБ, влияние которого в стране всегда было значительным. Власть постепенно начала осознавать, что выход на передний план духовного лица, проповедующего подлинное христианство, полностью противоречит ее намерениям. А намерения КГБ, еще в бытность Андропова его

главой, состояли в том, чтобы заменить рассыпающуюся на глазах коммунистическую идеологию на некое «государственное православие» — православие без Христа, подобное тому, за которое ратовало общество «Память». Для власти была бы выгодной трансформация «коммунистической морали» в «управляемое православие», но такой духовный лидер, как Александр Мень, проповедовал совсем иные ценности, и КГБ необходимо было его ликвидировать.

«Я убежден в том, что КГБ непосредственно виновен в его убийстве, — говорит Глеб Якунин. — Скорее всего, они использовали свою агентуру или нашли убийцу из тех ненавистников, которых и сейчас в Лавре много, или из тех мракобесов, которых много в церкви — крайних радикальных консерваторов (он ведь был евреем и реформатором). Ведь он мог начать постоянную широкую проповедь на телевидении, что имело огромную силу… Но главным, на мой взгляд, было то, что, когда церковь перестала вмещать всех желающих услышать его слово, он начал создавать свои „десятки“ (малые группы), чтобы те, кто подготовлен, вел кружки христианизации. Вот это, я считаю, для чекистов явилось самым страшным. И это стало причиной того, что они решили его ликвидировать. Понятно, что в алтаре и за ящиком полно стукачей и там всё контролируется. Но попасть в квартиру к людям, которые никак не относятся к церковной иерархии, для них было невозможно. Они посчитали, что это — граница, которую он перешел. После убийства КГБ и Прокуратура вели игру „холодно-горячо“. Если следователи областной прокуратуры шли по правильному пути, то КГБ „бил им по рукам“, чтобы они прекратили отрабатывать этот вариант, т. е. КГБ специально загонял следствие в тупик. Это является косвенным свидетельством того, что убийство отца Александра было совершено по распоряжению Госбезопасности. <…> Еще немного, и он вышел бы на широкую проповедь на центральном телевидении, и он бы в любом случае погиб, как Иоанн Креститель. Судьба подлинных пророков быть гонимыми и даже убитыми своими врагами»[358].

Не вызывает сомнений, что сотрудники КГБ следили за отцом Александром до последнего дня его жизни. Как рассказал историк Олег Устинов, еще в августе 1976 года председатель поселкового Совета Семхоза Михаил Остренок встретил недалеко от дома отца

Александра, на тропинке, ведущей от станции, двух вышедших из-за деревьев молодых мужчин в серых костюмах, которые предъявили ему красные удостоверения КГБ СССР и долго расспрашивали о том, что он знает об отце Александре Мене и его семье. Их интересовало всё до мельчайших деталей. «Вы знаете, зачем мы здесь? — задал вопрос Михаилу один из них. — Мы здесь для того, чтобы за трое суток до приезда к отцу Александру гостя из Америки и в течение трех суток после его отъезда наблюдать за всеми, кто идет по этой тропинке в его дом, и знать даже цвет пробегающего здесь кота».

Мария Витальевна Тепнина, на три года пережившая своего воспитанника, с безошибочной интуицией человека, прошедшего лагеря и ссылки, четко определила: «Это КГБ». Павел Мень считает, что КГБ убил отца Александра из мести после долгих лет безрезультатных преследований. В пользу этой версии говорит и тот факт, что все записи последних телевизионных выступлений отца Александра оказались размагниченными либо исчезли. «Видимо, „они“ не могли допустить и того, что в следующую пятницу, 14 сентября 1990 г., должен был открыться христианский канал на всесоюзном ТВ, и именно о. Александр возглавил бы его, — пишет Наталия Большакова. — Вечером 14 сентября в эфир должна была выйти его передача „Библейские беседы“. Все видеозаписи бесед отца Александра, сделанные журналистами и операторами этого канала, после убийства пропали бесследно».

«За какой-нибудь год о. Александр благодаря телевидению стал первым проповедником страны, — пишет Григорий Померанц. — Режиссеры, привлекавшие его, не сознавали, какую бурю зависти, раздражения и ненависти — до скрежета зубовного — они вызвали. Раздражал самый облик о. Александра, благородные черты его библейского лица, открывшегося десяткам миллионов с экрана телевизора. Всем своим обликом Александр Мень разгонял мрачные призраки, созданные черносотенным воображением. И это не могло пройти даром».

«Следствие по этому делу меня поразило, — рассказывает Павел Мень. — Я даже не представлял, что в гибели брата может быть замешан КГБ. В первый раз меня вызывали как понятого, при мне просматривали все вещи в кабинете Александра при храме. И в дальнейшем я всё время присутствовал при расследовании.

Разговаривая с простыми милиционерами, пытался им сочувствовать, мол, как вам трудно расследовать, на что они мне отвечали, что „мы здесь отдыхаем, ничего не расследуем, всё решается наверху“. Когда меня в очередной раз вызвал следователь и начал задавать какие-то вопросы, совершенно не относящиеся к делу, я не удержался, спросил его: „Почему вы ничего не ищете, ведь уже месяц прошел?“ На что он цинично улыбнулся и ответил: „Что вы, мы уже девять томов дела ‘нашили’“.

Через полгода я встретился с человеком, бывшим милиционером, из первого частного сыскного агентства „Алекс“. Это агентство нанял Заславский — председатель исполкома Октябрьского района города Москвы. Он рассказал мне, что, когда они пришли в милицию для расследования убийства Александра, им ясно объяснили, что никаких материалов дела им не дадут. Дошли до заместителя министра МВД, который также не разрешил выдать им никаких документов. Таким образом, милиционеры еще тогда намекали, что убийство Александра Меня — дело рук КГБ».

«Общественное мнение свой приговор по этому делу давно вынесло: отец Александр убит по наущению КГБ. Бессмысленно упрекать общественное мнение: по отношению к Лубянке презумпция невиновности отсутствует», — пишет на своем сайте священник Яков Кротов.

В интервью изданию «Афиша-город»[359] Вячеслав Иванов привел устное свидетельство последнего руководителя КГБ СССР: «Я был близок со священником Александром Менем, убитым в 1990 году, по-видимому, сотрудниками КГБ — во всяком случае, мне это подтверждал в личном разговоре Бакатин[360], когда он стал министром на короткое время».

Следователь по особо важным делам Генпрокуратуры РФ Владимир Соловьев в интервью 5-му телеканалу упомянул, что следствием проверялась версия причастности к убийству Александра Меня спецслужб, но проверка ни к чему не привела. Это неудивительно, поскольку многотомное дело Александра Меня в архивах КГБ остается строго засекреченным. Глеб Якунин в период его депутатства в Государственной думе I созыва с 1993 по 1995 год и сын Александра Меня Михаил[361] в период его работы на высоких государственных должностях Российской Федерации с 1999 по 2020

год не смогли получить никаких существенных материалов КГБ, относящихся к последнему десятилетию жизни отца Александра. Краткую информацию в этой связи предоставил полковник КГБ Владимир Сычев, курировавший новодеревенский приход, в протоколе допроса от 18 мая 1992 года: «Мень попал в поле нашего зрения как человек, осуществлявший связь с иностранными гражданами, представителями капиталистических государств. Нас интересовало содержание и характер встреч». Была также опубликована одна из докладных записок Сычева вышестоящему руководству середины 80-х годов: «По объекту ДОН Миссионер через агентуры продолжалась работа по изучению оперативной обстановки, складывающейся в связи с выступлением по ЦТ Маркуса. Агент Никитин маршрутизировался в Загорский район к Миссионеру, где провел с ним ряд бесед. По этому вопросу получена информация, заслуживающая внимания органов КГБ. Сычев». Очевидно, что эта информация нейтральна по отношению к теме убийства. Несмотря на то, что Сычев подтвердил факт «внедрения» в приход двоих сотрудников КГБ, эти люди допрошены не были и их подлинные фамилии остались засекречены.

От внимательного взгляда историка и исследователя не может ускользнуть еще один крайне важный факт. Неудавшийся военно-экстремистский государственный переворот августа 1991 года[362], в результате которого члены самопровозглашенного Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) заявили о том, что вся власть в стране переходит в их руки, первоначально планировался на сентябрь 1990 года. В рядах путчистов были влиятельные политики и руководители армии, КГБ и МВД. 8 сентября 1990 года командующим Воздушно-десантными войсками генерал-полковником В. А. Ачаловым был отдан приказ командирам Тульской, Псковской, Белградской, Каунасской и Кировабадской воздушно-десантных дивизий выдвинуться в Москву «в состоянии повышенной боевой готовности»[363]. Однако вскоре организаторы изменили свою тактику и закамуфлировали готовящийся переворот. 11 сентября на заседании Верховного Совета СССР Борис Ельцин выступил с заявлением, что к Москве двигаются десантные армейские части. «Нам пытаются доказать, — говорил он, — что это мирное мероприятие, связанное с подготовкой к параду, однако есть сильное сомнение в этом». В ответ с немедленным опровержением выступил в «Известиях» генерал-

полковник Ачалов, заявивший, что войска прибыли в Москву для подготовки к параду, а другие воинские части десантников направлены для… уборки картошки. Параллельно с этим была успешно проведена операция по уничтожению документов. Генерал Подколзин, тогда начальник штаба Воздушно-десантных войск, позже вспоминал в интервью газете «Аргументы и факты», что ему лично пришлось уничтожать приказы о передвижении войск в Москву.

Не стало ли убийство отца Александра акцией, запланированной организаторами путча с целью устранения человека, в значительной степени поддерживавшего демократические перемены в стране и обладавшего большим духовным авторитетом?

На панихиде по отцу Александру протоиерей Александр Борисов сказал о том, что его гибель несет в себе огромную духовную загадку: «Бог словно бы хочет сказать нам что-то очень важное — каждому сердцу: что началась битва за Россию, за народ, и в этой битве всегда есть те, кто падают первыми, те, кто идут впереди».

По итогам многолетнего безрезультатного расследования специалисты МВД и Генпрокуратуры сделали заключительный вывод о том, что убийство готовилось не один день, было тщательно спланировано и выполнено высокопрофессионально, с полным отсутствием улик. 9 сентября 2000 года следствие по делу об убийстве отца Александра Меня было приостановлено «в связи с полной исчерпанностью всех возможных следственных действий»[364]. Об этом остается только сожалеть и надеяться на то, что со временем «всё тайное станет явным» и убийцы будут названы.

Глава 7
Жизнь после смерти

Смерть отца Александра потрясла Россию и весь христианский мир. В глазах огромного числа людей он был духовным лидером страны. Его нравственный авторитет в какой-то момент оказался сильнее власти. Те, кто задумал и осуществил его убийство, хорошо это понимали. Его убили именно тогда, когда он получил возможность проповедовать миллионам людей, а не узкому кругу рафинированных интеллигентов или деревенских жителей. В этом смысле масштаб его личности был оценен и воспринят его врагами раньше, чем его близкими и почитателями. Отец Александр знал и чувствовал, что силы зла сгущаются над его головой по мере стремительного роста его популярности и выхода на телевидение с возможностью проповеди для огромной аудитории. Однако он ни на йоту не изменил свой график, отказался от какой-бы то ни было защиты или сопровождения, не умерил интенсивности своих выступлений. Однажды отца Александра спросили, боится ли он смерти. Он ответил, что смерти не боится, а боится многого не успеть. А на одной из лекций сказал, что хотел бы дать слушателям как можно больше, пока работают микрофон и голос… Это было его единственной реакцией на сгущающиеся сумерки.

Для учеников отца Александра и прихожан Новой Деревни, всех, кто попал в его орбиту, в сентябре 1990 года жизнь разломилась надвое: до и после его смерти. «С годами этот рубеж всё явственней проступает некоей осью, средоточием жизни и смерти, к которому и от которого стремятся нити наших судеб, вплетенные в простое полотно истории», — пишет Ольга Ерохина.

Страшным представляется свое недостоинство, несоответствие тому высокому образу, который оставил нам батюшка… «Когда я спросил отца Александра, чем могу помочь ему, — вспоминает Олег Степурко, — отец Александр сказал: „Ничего не надо, лишь бы вы были на высоте, вы и все мои духовные дети. Это самая большая помощь“». Быть на высоте, не изменять своему нравственному долгу,

как бы ни было трудно — это и есть тот завет, который оставил отец Александр всем своим последователям…

Мог ли отец Александр избежать такой трагичной, насильственной смерти? Да, мог, если бы он отказался от широкой проповеди последних лет и вместо свидетельства о живом Христе, достоинстве и свободе стал бы вести себя как обычный сельский священник, исполняющий требы и говорящий на проповеди то, что «положено», что никого не задевает и принимается людьми как само собой разумеющееся. Но отец Александр не мог изменить себе. В том, что отец Александр остался верен себе и призыву Спасителя, заключается главная его победа.

Эта смерть имела глубокий духовный и провиденциальный смысл. «Мученическая кончина является лучшим завершением святой жизни», — уверен архиепископ Михаил (Мудьюгин), с большим теплом относившийся к отцу Александру. Как истинного апостола, в конце жизни отца Александра ждал мученический венец. Христианский мученик своей кровью свидетельствует о верности Христу и несет весть о Его воскресении. «Отдать себя до конца — это и есть евангельский подвиг. Только этим спасается мир», — сказал отец Александр о матери Марии (Скобцовой) за несколько дней до своей смерти. Слова эти в полной мере можно отнести к его собственной жизни и смерти…

Он пришел в мир, чтобы выполнить свою труднейшую миссию в безбожной стране, в тяжело больном обществе, лучшие представители которого истреблялись собственным государством и войнами на протяжении нескольких десятков лет. И всё же он был счастливым человеком в несчастной стране, потому что его сердце, душа и помыслы всегда были со Христом, ради Которого он любил ближнего как самого себя и нес окружающим слово любви и надежды. Всю свою жизнь отец Александр посвятил христианизации России. Эта миссия была сопряжена с тяжелейшими испытаниями и бременами, с погружением в бездну грехов колоссального числа его духовных детей, что требовало невероятных душевных сил. Эти силы были даны ему свыше, и маленький сельский храм, в котором он служил двадцать лет, стал духовным центром огромной страны.

Все свои дары — писательский, философский и художнический, как и дар глубочайшего психолога и провидца, — он принес на алтарь

служения Господу, избрав священнический путь. Говоря об истоках тоталитаризма и культа личности Сталина в нашей стране, отец Александр отмечал: «В каком-то смысле катастрофа была предопределена нравственным и духовным разбродом в интеллигентской среде начала века». Поэтому он всегда уделял особое внимание работе с интеллигенцией, помогая ей обрести твердую нравственную почву под ногами. Однако батюшка был не только «миссионером для племени интеллигентов», по меткому слову Сергея Аверинцева[365], но был исповедником и духовным просветителем для огромного количества, в том числе, самых простых людей, не знавших Христа до встречи с отцом Александром и до тех пор зачастую остававшихся в плену полуязыческих предрассудков. Его служение стало спасительным и для многих его прихожан еврейского происхождения, не унаследовавших веры прародителей и пребывавших в неверии и поиске, но помнивших «памятью предков» многочисленные еврейские погромы начала XX века — те самые погромы, которые начинались крестными ходами с православными священниками и несением хоругвей… И многие евреи новых поколений, проживавшие в Москве и области, приходили рядом с отцом Александром от своего неверия к вере во Христа. В приходе, где сам православный священник — еврей, их не встречали при первом посещении храма антисемитские отповеди, как это бывает в иных православных приходах. Харизма и удивительный внутренний свет отца Александра давали всем этим людям веру в свои силы и ощущение Божественного присутствия в своей жизни.

Вся жизнь отца Александра была направлена к одной цели — привести человека ко Христу, помочь ему духовно вырасти и стать членом живой церкви. Его творческий дух, горящее и полное любви к людям сердце, мудрость пророка и невероятная трудоспособность были всецело отданы этому служению.

«Подлинная история Церкви — это история ее святых, тех, кто так или иначе стремился осуществить в конкретной реальной жизни евангельский идеал, который светит миру, светит сейчас и будет светить всегда, покуда стоит мир», — сказал отец Александр в одной из своих духовных бесед. По свидетельствам множества современников, жизнь самого отца Александра явила собой этот евангельский идеал и потому навсегда войдет в историю Церкви.

Духовное просвещение людей и пробуждение в них творческих сил стало для отца Александра радостным ответом на призыв Господа «сотворить и научить»[366]. Отец Александр осмыслил и изложил духовный путь и историю религиозной мысли человечества, реализовав мечту любимого им философа Владимира Соловьева. Он сделал вывод о том, что именно христианство стало ответом на религиозные чаяния всех веков и народов. Своей жизнью отец Александр показал, что христианство приводит человека в непосредственное соприкосновение с Богом. «В христианстве есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом», — сказал он на лекции в последний день своей жизни, и смерть его стала подтверждением истинности этих слов, победой над злом и мраком этого мира. Отец Александр и сегодня продолжает говорить с людьми о вере и смысле жизни на понятном им языке и призывать к возрождению нравственных ценностей на духовной, религиозной основе вопреки существующему в мире злу и хаосу.

За отпущенные ему 55 лет жизни отец Александр провел колоссальную пастырскую и миссионерскую работу, приведя ко Христу и окормляя тысячи людей. Он создал уникальные для нашей страны группы для совместной молитвы, изучения Священного Писания и помощи людям, крестил огромное количество людей, многие из которых были подготовлены им или благодаря ему к осознанному воцерковлению, написал множество книг и статей, глубоко, но доступно рассказывающих о Христе и духовных поисках человечества; провел сотни домашних бесед; произнес множество проповедей, наполненных любовью к людям; прочитал сотни лекций об истории религиозно-философской мысли и ее основных действующих лицах, о Евангелии и Библии, о множестве замечательных деятелей Церкви, литературы и культуры; сделал аудиопостановки и слайд-фильмы о Христе и подлинных христианах различных эпох; воскресил жанр православной мистерии; положил начало деятельности первых в стране групп милосердия в детских больницах, общин, поддерживающих людей с особенностями в развитии… И всё же главное — та любовь, которой всегда было полно его сердце, то тепло, без которого он непредставим, та радость, которой оказывался заряжен каждый человек, попадающий в его поле…

«Воздавая должное его книгам, решимся сказать: то, в каких условиях всё это было написано, больше самих книг, — пишет об отце Александре Сергей Аверинцев. — Придут другие люди, напишут другие книги; дай им Бог. Но за о. Александром останется несравненная заслуга: с самого начала не поддаться гипнозу ломавшей и сильных „исторической необходимости“. Без героической позы, не отказываясь быть осторожным, но запретив себе даже тень капитулянтства, ни на миг не покладая рук, он сделал невозможное возможным. Он проторил дорогу. Теперь по ней пойдут другие, и на уровне „споров о мнениях“ они не всегда будут с ним единомысленны. Но пусть и они не забывают того, кто вышел сеять, не дожидаясь рассвета, неторной, заросшей тропой».

«Это сейчас мы являемся свидетелями возрождения всех традиционных направлений общественного служения Церкви. А в те годы священник был строго ограничен в своей деятельности стенами храма. Выйти за эту, установленную советским законодательством, границу было настоящим геройством, требовавшим мужества», — сказал митрополит Ювеналий, считающий, что жизнь отца Александра сегодня является для нас живой проповедью[367].

«Такова привилегия великих душ, — сказал отец Александр об отце Сергии Булгакове, — уходя из этого мира, продолжать воздействовать на него, продолжать участвовать в становлении Царства Божьего на Земле». Теперь и сам батюшка стал нашим предстоятелем в Царствии Небесном, продолжая свой великий труд христианского просвещения в нашем земном мире.

Отец Александр успел благословить на священническое служение, поддержать и наставить нескольких глубоких и высокообразованных священнослужителей. Руководимые ими приходы храмов в России и за ее пределами — это прямое продолжение дела отца Александра в масштабах, о которых ему трудно было мечтать в 80-е годы XX столетия.

В Новой Деревне, рядом с храмом Сретения, возвышается новый храм, построенный во имя святого благоверного князя Александра Невского и освященный митрополитом Ювеналием. В прилегающих к храму помещениях разместились крестильня с купелью для крещения взрослых, воскресная школа с классами, иконописная мастерская, библиотека, трапезная, зал для проведения приходских мероприятий.

Таким образом, мечта отца Александра была осуществлена вскоре после его смерти.

Маленькая комната в «сторожке», деревянном одноэтажном домике при Сретенской церкви в Новой Деревне, которая служила отцу Александру кабинетом, до сих пор хранит тепло его рук, сам воздух в ней насыщен его молитвой. В восточном углу этой комнаты расположена икона Святой Троицы. С трех сторон ее окружают любимые отцом Александром изображения Ангела Хранителя, а также иконы благоверного князя Александра Невского и мученицы Наталии, икона трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, творения которых так высоко ставил отец Александр. Над Троицей — иконы Спасителя, Божией Матери и Иоанна Крестителя, а в самом верху — небольшое медное распятие.

Ниже на стенах разместились иконы и фотографии любимых отцом Александром современных подвижников, которые при его жизни еще не были прославлены Церковью, но были причислены к лику святых после гибели отца Александра: епископ Афанасий (Сахаров), бывший главой «катакомбной» церкви 30–40-х годов XX века; мать Мария (Скобцова), добровольно обменявшаяся куртками с лагерными номерами с приговоренной к смерти молодой женщиной и пошедшая вместо нее в газовую камеру; военный хирург и архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), спасший тысячи своим врачебным искусством и ни при каких обстоятельствах не отрекшийся от веры; мать Тереза Калькуттская, посвятившая всю свою жизнь служению бедным и больным… С этими и многими другими святыми и подвижниками, близкими ему по духу, отец Александр вел непрерывный диалог, как бы сверяя с ними направление движения.

Глубоко символично то, что тропу, по которой отец Александр ходил от дома к электричке и на которой был убит, в народе называют тропой преподобного Сергия. По преданию, это та дорога, которая связывала Троицкую обитель и Хотьковский монастырь. «Кровь праведника XX века пролилась там, где ступала нога подвижника XIV столетия, оставившего нам великий завет любви, единства и духовного преображения, — рассказывает Ирина Языкова. — В этом мне видится глубокая связь времен: связь великой древнерусской культуры и подлинной духовности нашего времени».

На месте убиения батюшки в Семхозе был поставлен крест — скромная божница с неугасимой лампадой, куда стали приезжать духовные дети и почитатели отца Александра. Через несколько лет было решено рядом с божницей построить часовню во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, поскольку в день, празднуемый церковью в память об этом событии, отпевали отца Александра. Позже часовню перестроили и переосвятили в храм. Затем и храм оказался мал, и в 2001 году по благословению митрополита Ювеналия рядом был заложен новый храм во имя преподобного Сергия Радонежского. В этот храм, расписанный архимандритом Зиноном[368] в традициях древнерусской иконописи XV — начала XVI века, так же как и в Новую Деревню, приезжают теперь люди со всех концов страны и мира.

В первозданном виде сохранен и рабочий кабинет отца Александра в доме, где он жил в поселке Семхоз. Над его кроватью и сейчас висит большая фотография Елены Семеновны, над письменным столом — портрет любимого им философа Владимира Соловьева, рядом — скульптура Данте, «Божественную комедию» которого так часто цитировал отец Александр. Эти образы и великое множество книг, к которым он возвращался в любых обстоятельствах, и сейчас передают ту неповторимую атмосферу, в которой жил и работал батюшка. В сентябре 2021 года в доме отца Александра в Семхозе открылся посвященный ему музей.

Общий тираж книг отца Александра, изданных после его смерти на разных языках, превысил 9 миллионов экземпляров. Особенно велик тираж его изданий в Европе и Америке. «Я не обращаю, я свидетельствую», — говорил отец Александр. Это свидетельство о живом Христе продолжает действовать, потому что множество людей приходят к вере после прочтения этих книг.

Благодаря одному из российских издательств, выпустившему «Сына Человеческого» огромным тиражом, духовные дети отца Александра отправили существенную часть тиража заключенным, переписка с которыми стала с тех пор одним из важных направлений работы групп милосердия. И во многих случаях прочтение этой книги вызвало в людях внутренний переворот и желание креститься!

Отношение правящих иерархов Русской Православной церкви к отцу Александру и его творческому наследию после его трагической

кончины стало постепенно меняться в лучшую сторону. В 2015 году патриарх Кирилл благословил издание 15-томного собрания сочинений отца Александра Меня «в едином корпусе» в издательстве Московской патриархии.

Проходят конференции и Меневские чтения, вечера памяти, семинары и круглые столы, посвященные различным аспектам творчества отца Александра. Правящий епископ отца Александра, митрополит Ювеналий, вплоть до ухода на покой в 2021 году, каждый год служил заупокойную литию в Новой Деревне. В сентябре 1997 года архиепископ Можайский Григорий[369] сказал о том, что отец Александр связал прошлое и настоящее христианства, став провозвестником нового времени, новой эпохи. Об этой новой эпохе сам отец Александр говорил так: «Христианство только начинается, друзья мои!» Эти слова православное братство Западной Европы выбрало девизом своего X конгресса, собравшегося в 1999 году. Православная француженка, богослов Элизабет Бер-Сижель, так прокомментировала этот девиз: «Мы исходим из видения отца Александра Меня о динамичном, творческом христианстве, интегрирующем историю и выходящем за нее, о христианстве, солидарном с человеческими деяниями и стремящемся к их довершению в божественной вечности»[370].

О жизни и творчестве пастыря написаны десятки книг.

Народное почитание отца Александра, столь ярко выраженное при его жизни, продолжает расти после его смерти. «Последний раз я видела Марию Гавриловну, кажется, в 1992 г., в сентябре, в церковном дворе, — вспоминает Наталия Большакова о той самой духовной дочери батюшки, которую он научил читать. — Я услышала ее голос, она с трудом шла к могиле, еле передвигая больные ноги, и говорила отцу Александру: „Дорогой батюшка, я иду к тебе, видишь, яблочки тебе несу…“ Положив яблоки на могилу о. Александра, она продолжала с ним разговаривать». «На его могиле происходят разные удивительные вещи, — пишет Андрей Тавров. — И странно, если бы они не происходили. <…> Смерть не овладела учеником Христовым. Многие общаются с ним до сих пор. Многие чувствуют его жизнь, его живого, радостного, великолепно свободного на месте надгробия. Я слышал там пение ангелов. Я просто пришел туда и просто его услышал. И это было необычно и прекрасно».

У венесуэльского священника, отца Карлоса Торреса, внезапно было обнаружено тяжелое онкологическое заболевание, причем, по мнению врачей, уже на неизлечимой стадии. В горе он обратился к отцу Александру Меню, моля его заступиться перед Господом и вымолить для него исцеление. И исцеление наступило, поразив врачей, которые записали в его историю болезни краткое заключение: «полное выздоровление». «А почему вы обратились именно к отцу Александру Меню? — спрашивает интервьюирующий отца Карлоса итальянский журналист. — И что вы знали о нем, будучи католическим священником и латиноамериканцем, таким, казалось бы, далеким от него во всех отношениях?» «Я знал, что он — мученик за Христа, — отвечает отец Карлос. — Его убили за его христианскую веру. Всю свою жизнь он был свидетелем. Он свидетельствовал о Боге в мире, где была провозглашена ненависть к Богу. Он жил, зная, что каждый день может стать последним днем жизни. Я считаю его святым, и к нему я обратился, моля о заступничестве. Я не имел счастья знать его при жизни, но прочитал о нем всё, что было написано на доступных мне языках. Мне кажется, что он стал как бы символом, надеждой той „катакомбной“ Церкви, Церкви мучеников, которая в девяностые годы вновь получила возможность свободно молиться; и мне кажется также, что фактически он стал духовным главой Русской Православной церкви. После 70 лет атеистического коммунизма он первым по-настоящему заговорил о Боге, о Христе. За это его и ненавидели все его прежние враги; за это и убили»[371].

«Из всех живших на Земле в наше время людей Христос с наибольшей полнотой отобразился в отце Александре», — убежден Владимир Илюшенко. На одной из панихид на месте гибели отца Александра Меня его ближайший друг и последователь протоиерей Александр Борисов сказал о том, что есть святые, уже прославленные Церковью, а есть еще не прославленные, к которым и относится отец Александр Мень.

Апостольская миссия, принятая отцом Александром, намного превзошла по длительности его краткую жизнь. Его проповедь, огненное слово о живом Христе обращены не только к современникам, но и к будущим поколениям. «Есть люди, которые наполняют историю светлым духом творчества, — убежден протоиерей Владимир Архипов. — Они видят свое призвание в познании и открытии

красоты и мудрости сотворенного мира, в верности высшему приоритету — ценности человеческой личности. И хотя они не определяют политику и экономику, но являются истинными творцами истории. <…> Отец Александр вошел в это малое число избранных, которые и определяли дух времени».

Несмотря на крайне сложный период, в который вступила наша страна в «постперестроечное» время, отец Александр считал, что Господь сохранит нас от наихудших сценариев развития ситуации. Незадолго до смерти он сказал следующее: «Сегодня, когда напряженность в обществе достигла точки почти критической, я не хотел бы давать людям никаких поводов полагать, что у меня есть иллюзии, — я человек без иллюзий, — но я верю, что Промысел Божий не даст нам погибнуть, и всех, у кого есть искра Божия в сердце, я призываю к тому, чтобы твердо стоять и не поддаваться ужасу и панике: мы пройдем через все эти полосы в конце концов». Прошедшие после смерти отца Александра десятилетия показали, что он был прав, и хотя политическая и общественная ситуация в стране и в мире остается крайне неспокойной, его слова снова и снова дают нам надежду. Основа этой надежды — духовное возрождение нашей страны. «Без духа, без веры, без корневого нравственного стержня развитие человечества обречено. Таково мое убеждение. Оно не просто догматическое, а результат внимательного наблюдения над тем, что происходит в нашей стране, что происходит в мире, к чему мы идем сегодня», — сказал отец Александр на своем выступлении в Бергамо. Даже будучи человеком, далеким от политики, своей проповедью он внес огромный вклад в крушение тоталитарного режима и начало демократических перемен в нашей стране.

«У меня на столе книжка „Смертию смерть поправ“, — рассказывает Зинаида Миркина. — На обложке — портрет Александра Владимировича. Одна улыбка. Во всё лицо. Во всю душу. <…> Посмотришь — и толчок в сердце: боль, радость, любовь — вместе. Это улыбка совершенно живого человека. Отважившегося быть живым в любой обстановке — в лапах Кощея или когда вокруг так смердит, что и дышать, кажется, нечем. Улыбка эта как свидетельство, что есть что-то большее, чем все Кощеи, что над всем этим самодовольством тьмы можно так полно рассмеяться. Есть такие духовные просторы, куда всей тяжести земной вход заказан. Она кончается, исчерпывается,

а они — просторы эти — бесконечны. Отсвет бесконечности — вот что в этой улыбке…»

Голос отца Александра, сила его проповеди возвращают нас к непреходящему, к источнику наших душевных сил, к точке опоры. Мы имеем могучего заступника на небесах и здесь, совсем рядом. «Теперь отец Александр уже не через тусклое стекло, а лицом к Лицу созерцает Спасителя, и не одной своей любовью, как бы она ни была пронизана Божиим Светом, а Любовью Божией обращен к миру, к родной Церкви, ко всем своим духовным чадам, к каждому из них неповторимым образом! Отец Александр не умер, а приобщился к Жизни Божественной, остался для своих — знаемых и незнаемых — Пастырем добрым, молитвенником, ходатаем, заступником!» — сказал об отце Александре митрополит Антоний Сурожский.

Осознание нами масштаба личности отца Александра будет только расти со временем — в его проповедях каждый может вдруг услышать что-то, относящееся лично к себе… «Чудо состоит в том, что можно этим делиться, одаривать друг друга, — пишет Ольга Ерохина. — И наше родство расширено — оказалось, что повсюду в мире есть люди, узнавшие его уже за смертной гранью, — и уже они рассказывают нам о своем опыте встречи с ним — через его книги, многочисленные записи его голоса, немногие уцелевшие видеоматериалы. Через свидетельство его жизни и смерти».

Песня, написанная прихожанином Новой Деревни Владимиром Шишкаревым, стала бессмертным гимном памяти отца Александра, предвестником новой встречи с ним в Царствии Небесном:

С тобой обрывая связь,
Теряя видимый твой след,
Возьмем за руки друг друга
И раздробим пшеничный хлеб.
Господь нас соединил,
Нас смерть пыталась разлучить,
Но вновь голос вдохновенный
Во снах и наяву звучит.
А он шел, теряя кровь,
К Тому, Кто мир от смерти спас,
Его теплые ладони

Коснулись каждого из нас.
Сентябрь обрывал листву, —
Так вот какой назначен срок…
И пал на алтарь священный
Багряный жертвенный листок.

Будем помнить о том, что отец Александр, праведник российской земли, отдал свою жизнь за Христа и во имя спасения нас от царства тьмы. Но он остается с нами, участвует в нашей жизни и наших печалях, а молитвенное общение с ним не прерывается. Стрелка оставленного им духовного компаса всегда указывает путь, как бы далеко мы ни отклонялись от заданного направления. Образ отца Александра и свет, который он нес людям, неугасимы.

Даты жизни и служения отца Александра Меня

1935, 22 января — в Москве у Владимира и Елены Мень родился сын Александр.

1943–1953 — учеба в 554-й московской школе.

1947–1950 — написаны первые литературные работы.

1953 — поступил в Московский пушно-меховой институт.

1954 — закончен 1-й том работы «Исторические пути христианства. Древняя Церковь».

1955 — переезд вместе с институтом в Иркутск и продолжение учебы в Иркутском сельскохозяйственном институте.

1956 — женился на Наталье Григоренко, с которой познакомился в институте.

1957 — родилась дочь Елена. В это же время закончен 2-й том работы «Исторические пути христианства. Церковь Средних веков».

1958 — закончена первая редакция книг «Сын Человеческий» и «О чем говорит и чему учит нас Библия».

Май — отчислен из института из-за религиозных убеждений.

1 июня — рукоположен в диаконы и направлен на приход в подмосковный храм Покрова села Акулова Одинцовского района Московской области.

1958–1960 — заочная учеба в духовной семинарии в Ленинграде.

1959–1966 — публикация статей в «Журнале Московской Патриархии».

1960, 1 сентября — рукоположен в священники и назначен вторым священником в храм Покрова в поселке Алабино. Вскоре назначен настоятелем храма.

Родился сын Михаил.

Начал писать многотомную историю религии «В поисках Пути, Истины и Жизни». Берет уроки иконописи.

1963 — первая публикация в «Stimme der Orthodoxie» («Голос православия», орган Западно-Европейского экзархата РПЦ).

1964, 23 (27) июля — по доносу была опубликована издевательская и клеветническая статья в газете «Ленинское знамя».

Первый обыск. В результате — перевод в Тарасовку, в храм Покрова (село Черкизово) вторым священником.

1964–1968 — учеба в Московской духовной академии. Защита кандидатской диссертации по теме «Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии».

Переезд в Семхоз в дом родителей жены.

1965 — принимает участие в съемках фильма М. Калика «Любить».

1966 — знакомство с Асей Дуровой — эмигранткой из Франции, через которую рукописи отца Александра будут передаваться на Запад.

1968 — книга «Сын Человеческий» была впервые опубликована в брюссельском издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимом Андрей Боголюбов.

1969 — в издательстве «Жизнь с Богом» в Брюсселе выходит книга «Небо на земле».

1970 — по личной просьбе переведен вторым священником в церковь Сретения в Новой Деревне (станция Пушкино), где настоятелем был протоиерей Григорий Крыжановский.

В издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимом Эммануил Светлов выходит книга «Истоки религии».

1971 — редакция шеститомника. В издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимом Эммануил Светлов выходят книги «Магизм и Единобожие», «У врат молчания».

1972 — написана «Памятка православного христианина».

В издательстве «Edizioni dehoniane» (Италия) под псевдонимом А. Павлов выходит книга для детей «Откуда явилось всё это?».

Завершение книг «Вестники Царства Божия», «Дионис, Логос, Судьба» и выход их в издательстве «Жизнь с Богом» под псевдонимом Эммануил Светлов.

1973 — работа над книгой «Как читать Библию» (руководство к чтению книг Ветхого Завета).

1974 — написаны «Памятка о молитве» (1-я редакция «Практического руководства к молитве») и детская книга «Свет миру».

1975 — написаны комментарии к Ветхому Завету. В Брюсселе выходит 2-е издание «Сына Человеческого». Сценарии и подборка слайдов к диафильмам: «Свет миру», «Назаретская дева», «О добре и зле», «Апостолы», «Максимильян Кольбе», «Тереза Калькуттская».

1976, середина года — уходит на покой протоиерей Григорий Крыжановский; настоятелем назначен протоиерей Стефан Средний.

1977, конец года — создаются малые группы для совместного изучения Священного Писания и молитвы.

1978–1980 — написаны комментарии к Евангелиям и Апокалипсису. Переведен роман Грэма Грина «Сила и слава», сделан диафильм о Туринской плащанице.

За эти годы (по частным просьбам соискателей кандидатской степени в МДА) написаны работы об эпохе Иисуса Навина, о ранних Отцах Церкви и др.

1981 — в Брюсселе издана монография «Как читать Библию».

1982–1983 — работа над учебником «Опыт изложения основ ветхозаветной исагогики в свете работ русской библейско-исторической школы и новейших исследований», или «Исагогика». Работа не принята ученым советом Московской духовной академии.

1983 — начало работы над словарем по библиологии. Опубликована книга «На пороге Нового Завета» под псевдонимом Эммануил Светлов.

Весна — назначение в Сретенский храм Новой Деревни нового настоятеля — протоиерея Иоанна Клименко вместо протоиерея Стефана Среднего.

20 декабря — допрос в КГБ.

1984 — публикация статьи «Введение в христианскую веру и жизнь» (в помощь катехизатору) в журнале «Логос», № 41–44 (Брюссель). Вызовы на допросы по делу Сергея Маркуса.

1985, 9 сентября — вызов в Совет по делам религий на допрос с требованиями назвать активных прихожан и выступить в прессе с раскаянием.

1986 — написаны тезисы доклада об апостоле Павле для Лувенского университета (Бельгия), которые впервые официально через Московскую патриархию отправлены за рубеж.

10 и 11 апреля — публикация в газете «Труд» статей с обвинениями в организации религиозных кружков, нелегальном распространении магнитофонных записей лекций.

1987 — первый выезд за границу: поездка в Польшу по частному приглашению.

Публикация в «Богословских трудах» статьи «О русской православной библеистике» (первая публикация после 1966 года в официальном издании Русской Православной церкви).

1988, 2 февраля — награждение митрой.

11 мая — первая публичная лекция в Доме культуры Московского института стали и сплавов.

19 октября — первое выступление в школе.

Первая публикация в светском издании (журнал «Горизонт», № 10) статьи «Не сводить счеты, а начать свободный диалог».

Завершена первая редакция семитомного «Словаря по библиологии».

1989, январь — создание группы милосердия в Республиканской детской клинической больнице.

Март — два раза в месяц ведет часовую передачу на радио на тему «Книга книг — Библия и культура».

Написан сценарий радиопьесы «Моисей», где отец Александр озвучивает Моисея.

Октябрь — поездка на конференцию в Италию. Выступление с докладом в Бергамо. На пути от Милана до Рима читает лекции и проповеди.

Ноябрь — протоиерей Александр Мень назначен настоятелем Сретенского храма в Новой Деревне.

26 ноября — первое выступление по телевидению.

Участие в съемках фильма режиссера Карине Диланян «Будет ли коммунизм?».

Декабрь — принят в Московский историко-архивный институт преподавателем для чтения лекций по библеистике (почасовиком).

1989–1990 — опубликовано в периодических изданиях около 30 статей.

1990, апрель — пасхальное выступление в спорткомплексе «Олимпийский».

Доклад на советско-американском симпозиуме, посвященном правам и достоинству человека в христианстве и иудаизме «Человек в библейской аксиологии».

Май — поездка в Германию, выступление на российско-германском Вайнгартенском симпозиуме «Индивидуальное и массовое сознание». Поездка в Брюссель, личное знакомство с директором

издательства «Жизнь с Богом» Ириной Михайловной Посновой и отцом Антонием Ильцем.

Весна и лето — один из инициаторов воссоздания Российского библейского общества, президентом которого по предложению отца Александра стал С. С. Аверинцев.

Основаны Общедоступный православный университет и общество «Культурное возрождение». Сформирована редакция журнала «Мир Библии».

Передан в журнал «Смена» сокращенный вариант «Сына Человеческого» с просьбой перечислить гонорар на строительство церкви-крестильни в Новой Деревне.

Подготовлен новый вариант книги «Как читать Библию» с включенными в нее библейскими текстами. Идут переговоры о ее издании в Риге.

Подготовлен новый вариант детской книжки «Свет миру», переданный в издательство «Малыш».

Подготовлен сборник статей «Трудный путь к диалогу» с предисловием митрополита Антония Сурожского и передан в издательство «Радуга».

Закончена работа над «Библиологическим словарем» с подборкой 700 иллюстраций.

Идет работа по созданию воскресной школы.

Осуществлена серия религиозных передач для детей на радио.

Участие в нескольких телевизионных передачах.

Объявлен цикл лекций «Читаем Библию» в ДК «Серп и Молот» (начало цикла было запланировано на 16 сентября).

2 сентября — открытие воскресной школы при храме в Новой Деревне.

8 сентября — открытие Общедоступного православного университета. Первая лекция в Доме науки и техники — «Христианство».

9 сентября — убит недалеко от своего дома в поселке Семхоз по дороге на службу в Сретенский храм.

11 сентября — отпевание в Сретенском храме совершили правящий архиерей Московской епархии — митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков) и 16 священников. Патриарх

Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер) передал послание, которое было зачитано на отпевании.

Похоронен в ограде храма Сретения в Новой Деревне.

Краткая библиография

Перечень основных трудов протоиерея Александра Меня

Прижизненные издания

Боголюбов А. Сын Человеческий. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969.

Небо на земле. Брюссель: Жизнь с Богом, 1969 [Без указания имени автора].

Светлов Э. В поисках Пути, Истины и Жизни. I: Истоки религии. Брюссель: Жизнь с Богом, 1970.

Светлов Э. В поисках Пути, Истины и Жизни. II: Магизм и Единобожие: Религиозный путь человечества до эпохи великих учителей. Брюссель: Жизнь с Богом, 1971.

Светлов Э. В поисках Пути, Истины и Жизни. III: У врат молчания: Духовная жизнь Китая и Индии в середине первого тысячелетия до нашей эры. Брюссель: Жизнь с Богом, 1971.

Павлов А. Откуда явилось всё это? Napoli: Edizioni dehoniane, 1972.

Светлов Э. В поисках Пути, Истины и Жизни. IV: Дионис, Логос, Судьба: Греческая религия и философия от эпохи колонизации до Александра. Брюссель: Жизнь с Богом, 1972.

Светлов Э. В поисках Пути, Истины и Жизни. V: Вестники Царства Божия: Библейские пророки от Амоса до Реставрации (VIII–IV вв. до н. э.). Брюссель: Жизнь с Богом, 1972.

Таинство, Слово и образ: Богослужение Восточной Церкви / Предисл. архиеп. Иоанна [Шаховского]. Брюссель: Жизнь с Богом, 1980 [На основе книги «Небо на земле»].

Как читать Библию: Руководство к чтению книг Ветхого Завета. Брюссель: Жизнь с Богом, 1981.

В поисках Пути, Истины и Жизни. VI: На пороге Нового Завета: От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя. Брюссель: Жизнь с Богом, 1983.

Мир Библии М.: Книжная палата, 1990.

(Псевдонимы: Андрей Боголюбов, Эммануил Светлов, А. Павлов.)

Посмертные издания. Книги

(составленные по рукописям, статьям, по фонограммам проповедей, лекций, выступлений, бесед)

Практическое руководство к молитве. Рига: Фонд им. Александра Меня, 1991.

Проповеди протоиерея Александра Меня: Двунадесятые праздники и евангельские чтения. М.: ГИС, 1991.

Проповеди протоиерея Александра Меня: Пасхальный цикл. М.: РПЦ «Внешторгиздат», 1991.

Радостная весть: Лекции: Вып. 1. М.: Вита-Центр, 1991.

Свет во тьме светит: Проповеди. М.: Вита-Центр, 1991.

Свет миру. Евангельская история: Пересказ для детей. М.: Агентство печати им. Сабашниковых, худож. агентство «Тоза» и НПФ «Синектика», 1991.

Слово Александра Меня: Евангелие — радостная весть. М.: ТПО «Русь-фильм», 1991.

Культура и духовное восхождение. М.: Искусство, 1992.

Свет миру. М.: Малыш, 1992.

Тайна жизни и смерти. М.: Знание, 1992.

Трудный путь к диалогу. М.: Радуга, 1992.

Быть христианином: Интервью и последняя лекция. М.: Протестант, 1994.

Сказка о происхождении человека: «Урод». М.: Фонд им. А. Меня, 1994.

Домашние беседы о Христе и Церкви. М.: Изд-во Агентства «Яхтсмен», 1995.

Мировая духовная культура. Христианство. Церковь: Лекции и беседы. М.: Фонд им. А. Меня; Нижний Новгород: Нижегород. ярмарка, 1995.

Библейские предания. СПб.: Респекс, 1996.

Магия. Оккультизм. Христианство. М.: Фонд им. А. Меня, 1996.

Первые апостолы. М.: Фонд им. А. Меня, 1998.

Отец Александр Мень отвечает на вопросы слушателей. М.: Фонд им. А. Меня, 1999.

Исагогика: Курс по изучению Священного Писания: Ветхий Завет. М.: Фонд им. А. Меня; Общедоступный православный университет, 2000.

Читая Апокалипсис: Беседы об Откровении святого Иоанна Богослова. М.: Фонд им. А. Меня, 2000.

Верую… Беседы о Никео-Цареградском Символе веры. М.: Фонд им. А. Меня, 2001.

Библиологический словарь. В 3 т. М.: Фонд им. А. Меня, 2002.

Библия и литература: Лекции. М.: Фонд им. А. Меня, 2002.

О Христе и Церкви: Беседы и лекции. М.: Фонд им. А. Меня, 2002.

Умное небо: Переписка протоиерея Александра Меня с монахиней Иоанной (Ю. Н. Рейтлингер). М.: Фонд им. А. Меня, 2002.

Из современных проблем Церкви. М.: Фонд им. А. Меня, 2004.

Прости нас, грешных. Слово перед исповедью. М.: Фонд им. А. Меня, 2004.

О себе… Воспоминания, интервью, беседы, письма. М.: Жизнь с Богом, 2007.

Благослови молитву мою. Собрание молитв. М.: Фонд им. А. Меня, 2007.

Восстань, спящий! Проповеди. М.: Жизнь с Богом, 2007.

О вечном и временном. Проповеди. М.: Жизнь с Богом, 2007.

От рабства к свободе. Лекции по Ветхому Завету. М.: Жизнь с Богом, 2008.

Русская религиозная философия. М.: Жизнь с Богом, 2008.

Библия и литература. Лекции. М.: Жизнь с Богом, 2009.

Навстречу Христу. Сборник статей. М.: Жизнь с Богом, 2009.

О Христе и церкви. Домашние беседы. М.: Жизнь с Богом, 2010.

О проведении Великого поста. М.: Жизнь с Богом, 2011.

Книга надежды. Лекции о Библии. М.: Жизнь с Богом, 2011.

Церковь и мы. М.: Жизнь с Богом, 2012.

Пути Церкви. М.: Жизнь с Богом, 2013.

Радость служения. М.: Жизнь с Богом, 2013.

Любить Бога и любить человека. Домашние беседы. М.: Жизнь с Богом, 2013.

Исторические пути христианства. История религии. М.: Жизнь с Богом, 2015.

Почему нам трудно поверить в Бога. М.: Жизнь с Богом, 2016.
О чем говорит и чему учит Евангелие. М.: Жизнь с Богом, 2020.

Книги об отце Александре Мене

AEQUINOX. Сборник памяти о. Александра Меня. М.: Carte Blanche, 1991.

Аман Ив. Александр Мень — свидетель своего времени. М.: Рудомино, 1994.

Аман Ив. Отец А. Мень: Люди ждут Слова. М.: Рудомино, 2003.

Ардашникова А. Об отце Александре Мене. Храм свв. бессребреников Космы и Дамиана в Шубине, 2017.

Архипов В. Слово об отце Александре. М.: Православный телеканал «Благовест», 2008.

Борисов А. Побелевшие нивы. Размышления о Русской Православной Церкви. М.: Лига — Фолиант. Издательское предприятие, 1994.

Борисов А. Надежда. Первый сборник. М.: Совместно с Центром «Путь, Истина и Жизнь», 2009.

Бычков С. Дело Церкви — дело Божие (Беседы с отцом Александром Менем) // Путь. 1993. № 4.

Бычков С. Хроника нераскрытого убийства. М.: Русское рекламное издательство, 1996.

Василевская В. Я. Воспоминания (Катакомбы XX века). М.: Фонд им. А. Меня, 2001.

Виньковецкая Д. Ваш о. Александр: Переписка с отцом Александром Менем. СПб.: Изд-во Фонда рус. поэзии, при участии альманаха «Петрополь», 1999.

Вокруг имени отца Александра. Сборник статей. М.: Общество «Культурное возрождение» имени Александра Меня, 1993.

Волшебный фонарь. Альманах 1. М.: Волшебный фонарь, 2012.

Дар и крест. Памяти Натальи Трауберг. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.

Двадцать лет без отца Александра. И с ним. М.: Центр книги Рудомино, 2010.

Домбровская С. Пастырь. Повесть об отце Александре Мене. Рига: Фонд им. А. Меня, 2004.

Еремин А. Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков. М.: Carte Blanche, 2001.

Еремин А. Молитва и малые группы. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.

Ерохин В. Вожделенное отечество. М.: Laterna Magica, 1997.

Зелинский В. Наречение имени. Киев: Дух и литера, 2008.

Зорин А. Ангел-чернорабочий. М.: АО Издательская группа «Прогресс», 1993.

И было утро. Воспоминания об отце Александре. М.: АО «ВИТА-ЦЕНТР», 1992.

Илюшенко В. Отец Александр Мень: Жизнь и смерть во Христе. М.: Независимое издательство «Пик», 2000.

Илюшенко В. Отец Александр Мень: Жизнь. Смерть. Бессмертие. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010.

Илюшенко В. Религиозный гений отец Александр Мень. М.: Эксмо, 2021.

Каретников Н. Темы с вариациями. М.: Астрель: CORPUS, 2011.

Масленикова З. Жизнь отца Александра Меня. М.: Присцельс, Русслит, 1995.

Мень Е. С. Мой путь (Катакомбы XX века). М.: Фонд им. А. Меня, 2001.

Митрополит Антоний Сурожский. Биография в свидетельствах современников. М.: Издательский дом «Никея», 2015.

На пороге бессмертия. Последние встречи с отцом Александром Менем. Свидетельства. М.: Центр книги им. М. В. Рудомино, 2015.

Памяти протоиерея Александра Меня. М.: Рудомино, 1991.

«Посмотрим, кто кого переупрямит…» Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М.: АСТ, 2015.

Предеин Д. Протоиерей Александр Мень как выдающийся православный катехизатор и миссионер второй половины XX века. Одесса: Астропринт, 2015.

Рашковский Е. Философская планета Арбат. М.: Новый Хронограф, 2019.

Рукова С. Отец Александр Мень. Рига: Фонд им. А. Меня, 2000.

Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 12.

Тавров А. Сын человеческий: Об отце Александре Мене. М.: Эксмо, 2014.

Трауберг Н. Невидимая кошка. Сборник статей. М.; СПб.: Летний сад, 2006.

Трауберг Н. Сама жизнь. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2008.

Трауберг Н. Домашние тетради. СПб.: Мастерская «Сеанс», 2013.

Улицкая Л. Священный мусор. М.: Астрель, 2012.

Файнберг В. Словарь для Ники и 45 историй. М., 2005.

Фортунатова Н. Мой огненный ангел. М.: Дом Надежды, 2009.

Цветочки Александра Меня. Подлинные истории о жизни доброго пастыря, собранные Юрием Пастернаком. М.: АСТ, 2018.

Чистяков Г. Путь, что ведет нас к Богу. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010.

Об авторах цитат, использованных в книге

Аверинцев Сергей Сергеевич (1937–2004) — филолог, академик РАН.

Аксенов-Меерсон Михаил Григорьевич — священник Православной церкви в Америке, доктор богословия, историк.

Аллилуева Светлана Иосифовна (1926–2011) — дочь И. В. Сталина, переводчица, филолог.

Андреев Виктор Васильевич — биолог и фотограф.

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) — председатель КГБ (1967–1982), генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984).

Андрюшин Александр Игоревич — физик-теоретик.

Ардашникова Ариадна Львовна — актриса, художник.

Арендт Юрий Андреевич — палеонтолог, реставратор.

Архипов Владимир Михайлович — православный священник Сретенской церкви в Новой Деревне.

Батова Мария Павловна — певица, музыковед.

Безносов Эдуард Львович — литературовед, преподаватель.

Белавин Александр Абрамович — физик-теоретик, член-корреспондент РАН.

Беленькая Дарья Юрьевна — дочь Е. Ю. Гениевой.

Бельтюкова Анастасия Александровна — волонтер движения «Вера и Свет».

Бессмертный-Анзимиров Андрей Романович — публицист, кинокритик, переводчик, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Бибикова Валентина Викторовна (1934–2007) — биолог, однокурсница о. Александра Меня.

Блум Андрей Борисович (1914–2003) — митрополит Антоний Сурожский, епископ Русской Православной церкви.

Большакова Наталия Ивановна — литературовед, президент Международного благотворительного фонда имени Александра Меня (Рига, Латвия); главный редактор альманаха «Христианос».

Борзенко Анна Феликсовна — преподаватель французского языка, участник движения «Вера и Свет».

Борисов Александр Ильич — православный священник, настоятель храма Святых бессребреников Космы и Дамиана в Шубине.

Борисова Нонна Ивановна — супруга протоиерея Александра Борисова.

Букринская Ирина Анатольевна — лингвист, преподаватель русского языка.

Бычков Сергей Сергеевич — историк Церкви, публицист, автор книг об о. Александре Мене.

Ванье Жан — канадский педагог, основатель Международной гуманитарной организации «Ковчег».

Василевская Вера Яковлевна (1902–1975) — педагог, тетя о. Александра Меня, автор книги «Катакомбы XX века».

Вержбловская Елена Владимировна (1904–2000) — монахиня Досифея.

Вехова Марианна Базильевна (1937–2013) — писатель, сценарист, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Водинская Мария Владимировна — художник, арт-терапевт.

Волкова Елена Васильевна — доктор культурологии, биограф Глеба Якунина.

Габриэлян Наталия Давидовна — биолог, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Гагина-Скалон Татьяна Николаевна — доктор биологических наук, профессор.

Галич Александр Аркадьевич (1918–1977) — поэт, драматург, автор-исполнитель собственных песен.

Гевенман Роза Марковна (1903–2000) — историк искусств, преподаватель, автор воспоминаний об о. Александре Мене и его близких.

Гениева Екатерина Юрьевна (1946–2015) — филолог, директор Библиотеки иностранной литературы.

Глазов Юрий Яковлевич (1929–1998) — филолог, востоковед, переводчик, советский диссидент.

Григоренко-Мень Наталья Федоровна (1934–2021) — жена о. Александра Меня.

Долгополова Светлана Андреевна — литературовед, сотрудник музея «Мураново».

Дробинская Анна Олеговна — детский врач-психиатр.

Еремин Андрей Алексеевич — психолог, писатель, автор книги об о. Александре Мене, служил алтарником в церкви Сретения в Новой Деревне.

Еремина Наталья Александровна — библиотекарь.

Ермакова Наталия Петровна (1938–2021) — иконописец.

Ерохин Владимир Петрович — литератор, издатель, журналист.

Ерохина Ольга Петровна — журналист, участник движения «Вера и Свет».

Желновакова Мария Сергеевна — дочь писателя С. И. Фуделя.

Желудков Сергей Алексеевич (1909–1984) — церковный писатель, священник.

Жирмунская Тамара Александровна — поэт, переводчик, литературовед, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Журинская Марина Андреевна (1941–2013) — филолог, редактор православного журнала «Альфа и Омега», автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Завалов Михаил Игоревич — врач-психотерапевт, участник движения «Вера и Свет», автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Залесский Михаил Юрьевич (1945–2008) — православный священник, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Захарова Елена Викторовна — врач, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Зобин Григорий Соломонович — поэт, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Зорин Александр Иванович — поэт, прозаик, автор книг об отце Александре Мене.

Иванов Вячеслав Всеволодович (1929–2017) — лингвист, семиотик, антрополог, академик РАН.

Иванова Прасковья Матвеевна (1918–2007) — духовная дочь архимандрита Серафима (Битюкова).

Илюшенко Владимир Ильич — историк, писатель, автор книг об о. Александре Мене.

Каретников Николай Николаевич (1930–1994) — композитор.

Корб Илья Давидович — инженер.

Корнеева Вера Алексеевна (1906–1999) — прихожанка «солянского» храма в начале 1920-х годов, впоследствии — прихожанка Новой Деревни.

Корнилова Анна Владимировна — доктор искусствоведения, профессор.

Коротаев Петр Владиславович — православный священник.

Косенко Василий Александрович — программист, преподаватель.

Кочеткова-Гейт Елена Егоровна — музыкант, педагог.

Кравецкий Александр Геннадьевич — филолог, лингвист, историк, литургист, публицист.

Кротов Яков Гаврилович — православный священник, историк, журналист.

Кузнецов Борис Александрович (1906–1979) — териолог, охотовед, зоогеограф.

Кузнецова Валентина Николаевна — филолог-классик, магистр богословия, библеист.

Кунин Александр Петрович — программист, редактор.

Лапшин Владимир Николаевич — православный священник.

Латышев Владимир Михайлович — биолог, однокурсник о. Александра Меня.

Латур Клер (1932–2013) — монахиня, «малая сестра Иисуса».

Леви Владимир Львович — врач-психотерапевт, писатель, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Литинский Григорий Исаевич (1950–1997) — программист, издатель.

Лихачев Владимир Николаевич (1939–2020) — физик-теоретик, катехизатор.

Люстиже Жан-Мари (1926–2007) — французский кардинал, архиепископ Парижский.

Мановцев Андрей Анатольевич — математик, преподаватель.

Маришаль Рене (1929–2020) — иеромонах, директор Центра русских исследований Святого Георгия (Медон, Франция).

Масленикова Зоя Афанасьевна (1923–2008) — скульптор, писатель, поэт, автор книг об о. Александре Мене.

Мень Елена Семеновна (1908–1979) — мать о. Александра.

Мень Мариам Павловна — певица, племянница о. Александра.

Мень Михаил Александрович — родной сын о. Александра Меня.

Мень Павел Вольфович — сопредседатель Фонда имени Александра Меня, выпускающий редактор Издательского дома «Жизнь с Богом», родной брат о. Александра.

Мехонцева Наталия Никитична — педагог.

Миркина Зинаида Александровна (1926–2018) — поэт, переводчик.

Павлов Владимир Всеволодович — актер театра и кино, заслуженный артист РФ.

Папроцкий Генрих — доктор богословия, настоятель храма в Варшаве.

Пастернак Петр Евгеньевич — художник.

Пастернак Юрий Викторович — композитор, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Попова Наталья Тимофеевна — руководитель реабилитационного центра для детей-инвалидов.

Померанц Григорий Соломонович (1918–2013) — философ, культуролог, писатель, эссеист.

Пратусевич Роальд Маркович — инженер, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Работяга Михаил Тимофеевич (1947–2021) — директор общества «Культурное возрождение».

Рашковский Евгений Борисович — философ, доктор исторических наук.

Рашковская Мария Аркадьевна — филолог.

Руденко Анатолий Александрович — директор Российского библейского общества.

Рукова София Алексеевна — регент, фотограф, редактор.

Семененко-Басин Илья Викторович — историк, поэт, художник.

Серебряков Валентин Михайлович — директор воскресной школы храма Сретения Новой Деревни.

Смола Михаил Васильевич — директор Пироговской школы в Москве.

Степурко Олег Михайлович — композитор.

Тавров Андрей Михайлович — поэт, прозаик, журналист, автор воспоминаний и книг об о. Александре Мене.

Тареева Елена Игоревна — врач.

Тепнина Мария Витальевна (1904–1993) — врач, наставница о. Александра Меня с детских лет.

Трапани Нина Владимировна (1911–1986) — прихожанка «катакомбной» церкви.

Трауберг Наталья Леонидовна (1928–2009) — переводчик и эссеист, мемуарист.

Туманян Инесса Суреновна (1929–2005) — советский и армянский кинорежиссер, сценарист.

Улицкая Людмила Евгеньевна — биолог, писательница.

Файнберг Владимир Львович (1930–2010) — поэт, писатель, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Фрейдин Юрий Львович — врач-психиатр, литературовед.

Черняк Андрей Иосифович — физик, катехизатор, библеист.

Черняк Каринэ Асафовна — филолог, руководитель христианского клуба «Встреча».

Четвериков Анатолий Григорьевич — доктор биологических наук, однокурсник о. Александра Меня.

Чистяков Георгий Петрович (1953–2007) — филолог, православный священник.

Шишкарев Владимир Федорович — композитор, автор воспоминаний об о. Александре Мене.

Шкловская-Корди Варвара Викторовна — физик, родственница Ю. Олеши и О. Мандельштама.

Шкловский-Корди Никита Ефимович — кандидат биологических наук, физиолог.

Ювеналий (Поярков Владимир Кириллович) — архиерей Русской Православной церкви на покое. С 1977 по 2021 — митрополит Крутицкий и Коломенский, патриарший наместник Московской епархии, постоянный член Священного синода РПЦ.

Юликов Александр Михайлович — художник-авангардист, оформитель книг о. Александра Меня.

Юликов Владимир Михайлович — зять о. Александра, издатель христианской литературы.

Юровицкий Михаил Семенович — врач.

Юрский Сергей Юрьевич — актер и режиссер театра и кино, народный артист РСФСР.

Языкова Ирина Константиновна — искусствовед и общественный деятель, кандидат культурологии.

Яковлева Татьяна Владимировна — филолог, преподаватель русского языка и литературы.

Якунин Глеб Павлович (1934–2014) — религиозный, общественный и политический деятель, диссидент, член московской Хельсинкской группы.

Ямбург Евгений Александрович — педагог и общественный деятель, директор школы.

---

notes

Примечания

1

Мень А. В. О себе… М.: Жизнь с Богом, 2007.

2

Владимиром Григорьевичем его начали называть еще в 1930-е годы, когда он работал инженером на текстильной фабрике. Очевидно, что для рабочих такое произношение было гораздо привычнее. Когда перед самой войной Вольф Гершлейбович был арестован, в документах дела уже фигурировало написание «Владимир Григорьевич». Оба его сына были при рождении зарегистрированы в актах гражданского состояния с отчеством «Вольфович», которое осталось для них официальным. Но обращаясь к ним, чаще использовали более привычное отчество «Владимирович».

З

Вера Яковлевна Василевская (1902–1975) — двоюродная сестра Е. С. Мень, научный работник, специалист по педагогике и детской дефектологии. Окончила психологическое отделение философского факультета Московского университета и Институт иностранных языков. Училась в университете у философов И. А. Ильина (приверженца принципа непримиримости в борьбе с коммунизмом) и Г. И. Челпанова (идеалиста и основателя Психологического института им. Л. Г. Щукиной). Автор ряда работ, часть из которых опубликована. Главная из них — «Понимание учебного материала учащимися вспомогательной школы», издание Академии наук РСФСР (М., 1960).

4

Здесь и далее приведены цитаты из книги Е. С. Мень «Мой путь» (М.: Жизнь с Богом, 2017).

5

Племянница П. А. Флоренского.

6

Здесь и далее приведены цитаты из книги В. Я. Василевской «Катакомбы XX века» (М.: Фонд имени Александра Меня, 2000).

7

В следственном деле архимандрита Серафима (ГА РФ Д.П — 37387) везде фигурирует его личная подпись с написанием фамилии «Битюков». В дальнейшем это написание изменялось в различных источниках — возможно, по ошибке либо в целях конспирации.

8

Отец Дмитрий Делекторский служил в храме Вознесения до самого его закрытия. Оттуда он перешел в церковь Рождества Иоанна Предтечи (на Пресне), где и служил до самой смерти (1970). Будучи уже глубоким старцем, о. Дмитрий с благодарностью вспоминал о. Сергия (Серафима), ибо был уверен, что в селе, куда его назначили, он был бы арестован или убит. (В храме на Пресне по благословению схиигумении Марии в 1950-е годы прислуживал Александр Мень.)

9

Как уже упоминалось, о. Серафим в 1928 году перешел на нелегальное служение.

10

В. А. Корнеева. Воспоминания о храме свв. бесср. Кира и Иоанна на Солянке.

11

Святой праведный протоиерей Алексий (1859–1923) и его сын священномученик протоиерей Сергий (1892–1941) Мечевы канонизированы в 2000 году. Оба служили в храме Святителя Николая на Маросейке. Подробнее о них см. в книге: Маросейка. М., 2001.

12

В завещательном распоряжении патриарха Тихона от 25 декабря 1924 года митрополит Кирилл (Смирнов) был назван первым, к кому временно переходят «патриаршие права и обязанности» в случае кончины патриарха. Однако в связи с нахождением митрополита Кирилла (и второго кандидата — митрополита Агафангела) в ссылке в управление Патриархией по смерти патриарха, последовавшей 7 апреля 1925 года, вступил митрополит Петр (Полянский). После ареста последнего 10 декабря 1925 года заместителем местоблюстителя стал, на основании завещательного распоряжения митрополита Петра (Полянского) от 23 ноября 1925 года, митрополит Сергий (Страгородский).

13

М. В. Тепнина. Из воспоминаний-интервью.

14

Дом 29 по улице Пархоменко в Загорске.

15

В этом заключается краткое молитвенное правило преподобного Серафима Саровского.

16

Ныне улица Новый Арбат.

17

Кашрут — в иудаизме свод правил, касающихся питания. Пища, приготовленная в соответствии с этими правилами, называется кошерной. В переводе с иврита слово «кошерный» означает «пригодный» с точки зрения галахи — совокупности законов, содержащихся в Торе, Талмуде и более поздней раввинистической литературе.

18

Мария Витальевна Тепнина.

19

Ныне Большой и Малый Знаменские переулки.

20

Марии Витальевне Тепниной.

21

Ксении Ивановне — одной из монахинь, в доме которых жил о. Серафим.

22

Вероятно, речь идет о знакомой Веры Яковлевны Наталье Середе.

23

В те годы о. Павел Флоренский как инженер принимал участие в разработке плана ГОЭЛРО.

24

Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986) — революционер, государственный и партийный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 годах.

25

Так о. Александр Мень в своих воспоминаниях отозвался об атмосфере этих мест.

26

Митрополит Петр (в миру Петр Федорович Полянский; 1862–1937) — епископ Русской Православной церкви, митрополит Крутицкий; патриарший местоблюститель с 1925 года до ложного сообщения о его кончине (конец 1936 года). На самом деле он был расстрелян 10 октября 1937 года.

27

Схиигумения Мария в течение долгого времени была духовной наставницей многих людей, приходивших к ней и живших с нею (умерла в Загорске на 81-м году жизни в 1961 году).

28

О. Павел Флоренский был арестован в 1933 году и отбывал срок на Соловках. С 1937 года ему было отказано в праве на переписку. В момент, когда Алик Мень с матерью говорили о его судьбе, его уже не было в живых — он был расстрелян в 1937 году, но сведения об этом родные получили лишь в 1989 году.

29

Миша (отец автора этой книги) — младший сын Розы Марковны Гевенман.

30

Марию.

31

Бог милосердия (*лат.*).

32

Павел Иванович Мельников (псевдоним: Андрей Печерский, 1818–1883) — русский писатель-реалист.

33

Марен — от французского marraine (крестная мать).

34

Из книги Е. В. Вержбловской «Близнец» (М.: Центр книги, 2009).

35

Отец Серафим говорил своим духовным детям: «Пока жив владыка Афанасий, у вас есть свой епископ».

36

Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Издательство Крутицкого Подворья; Общество любителей церковной истории, 2005. С. 252.

37

Из книги Александра Зорина «Ангел-чернорабочий».

38

Татьяна Ивановна Куприянова (1900–1954) училась с В. Я. Василевской на философском факультете Московского университета, была духовной дочерью о. Алексия Мечева.

39

Священник Борис Александрович Васильев (1899–1976) после о. Николая Голубцова был духовником о. Александра. Его книга «Духовный путь Пушкина» была опубликована в Москве в 1994 году. Кроме того, о. Борис — составитель книги «Мечев Алексей. Проповеди, письма, воспоминания о нем» (издана в Париже в 1989 году). Рукопись в начале 1970-х годов была переправлена в Париж о. Александром.

40

Из книги Александра Зорина «Ангел-чернорабочий».

41

Первая теология.

42

Пантеи` зм — философское учение, объединяющее и иногда отождествляющее Бога и природу.

43

Священник Сергий Мансуров (1890–1929), окончил философское отделение историко-филологического факультета МГУ (поступил в 1908 году). В 1926 году рукоположен во священники. Автор ряда исторических и философских сочинений, в том числе «Иоанн Грозный как деятель западного типа», «Очерки из истории Церкви».

44

Анатолий Васильевич Ведерников (1901–1992) — церковный публицист, журналист. В 1920-е годы окончил Институт слова, основанный Н. А. Бердяевым. В 1944 году был назначен инспектором Богословского института и пастырских курсов (открылись 14 июня 1944 года; в 1946 году Богословский институт был преобразован в Московскую духовную академию), в 1947 году утвержден в звании доцента Московской духовной академии. Ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии». Преподавал историю русской религиозной мысли, уделял большое внимание характеристике религиозных взглядов русских писателей и ученых. В 1970–1980-е годы был референтом митрополита Алексия, впоследствии патриарха.

45

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) — поэт, художник и публицист, богослов, философ, основоположник славянофильства. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1856).

46

Митрополит Филарет (в миру Кирилл Варфоломеевич Вахромеев; 1935–2021) — митрополит Русской Православной церкви, почетный Патриарший экзарх всея Белоруссии. С 1990 по 2013 год являлся предстоятелем Белорусской Православной церкви.

47

Архиепископ Варлаам (Ряшенцев) (1878–1942), русский православный богослов. Речь идет о его работе «Ренан и его „Жизнь Иисуса“» (Полтава, 3-е издание, 1908).

48

Протоиерей Андрей Расторгуев (1893–1970). В 1923 году ушел в обновленческий раскол. В 1943 году после принесения покаяния был поставлен настоятелем Воскресенского храма в Сокольниках. С 1951 по 1954 год служил в Берлинской епархии.

49

Краснов-Левитин А. Э. Дела и Дни (издательство «Поиски», 1990).

50

Николай Евграфович Пестов (1892–1982) — доктор химических наук. Его труды изданы в трех томах под общим названием «Современная практика православного благочестия» (СПб.: Сатис, 1994–1995). Подробнее о нем см. в книге: «Серафимово благословение» (М., 2002).

51

Тереза из Лизье (1873–1897) — французская монахиня-кармелитка. В XX веке широкую известность получила ее духовная автобиография «История одной души» (1898).

52

Петр Петрович Смолин (1896–1975) — натуралист, педагог, зоолог, поэт. Воспитатель целого поколения отечественных биологов, географов, экологов и деятелей охраны природы.

53

КЮН — Клуб юных натуралистов.

54

Из книги А. Зорина «Ангел-чернорабочий».

55

Вадим Вадимович Трофимов (1912–1981) — советский художник-анималист, скульптор, график, член Союза художников СССР, заслуженный художник РСФСР (1981), участник Великой Отечественной войны, кавалер ордена Красной Звезды. Основатель секции анималистики при Союзе художников Москвы.

56

Благодаря Виктору Андрееву, с детства увлекающемуся фотографией, сохранилось множество фотографий отца Александра начиная с 1950-х годов.

57

Елена Александровна Огнева (1925–1985) — искусствовед, многие годы прихожанка храма, где служил о. Александр.

58

Протоиерей Павел Светлов (1861–1945) — профессор, доктор богословия, преподаватель Киевского университета Св. Владимира.

59

Фредерик Фаррар (1831–1903) — англиканский богослов и писатель. Многие его труды переведены на русский язык.

60

Флорентий Федорович Павленков (1839–1900) — российский книгоиздатель. Издавал серию «Жизнь замечательных людей» (200 биографий); издательство существовало до 1917 года.

61

Имеется в виду книга Л. М. Лопатина «Философские характеристики и речи» (М., 1911).

62

Джеймс Джордж Фрэзер (1854–1941) — английский историк культуры и религиовед.

63

«Магизм и Единобожие. Религиозный путь человечества до эпохи великих Учителей» — второй том шеститомной «Истории религии» о. Александра Меня.

64

Якоб Беме (1575–1624) — немецкий протестантский мыслитель. Основной труд — «Аврора, или Утренняя заря в восхождении».

65

Иоганн Экхарт (1260–1327) — иеромонах, немецкий католический богослов и мистик.

66

Эрнест Ренан (1823–1892) — французский писатель, историк и библеист. Речь идет о его книге «История израильского народа» в пяти томах, изданной в русском переводе в 1907 году.

67

Рудольф Киттель (1853–1929) — немецкий богослов. Речь идет о книге «История израильского народа».

68

Борис Ильич Гладков (1847–1921) — духовный писатель и общественный деятель. Его труд «Толкование Евангелия», изданный в 1903 году, за десять лет выдержал четыре издания.

69

После этого о. Александр практически стихов не писал.

70

Адольф фон Гарнак (1851–1930) — немецкий историк Церкви, богослов.

71

«Сверхсознание» — первая часть трилогии русского духовного писателя М. В. Лодыженского. Вторая часть — «Свет незримый», третья — «Темная сила».

72

Полное имя корреспондентки о. Александра Меня не приведено в источнике.

73

«Столп и утверждение истины» о. Павла Флоренского.

74

Сохранившаяся рукопись вошла во 2-й том шеститомника «История религии».

75

Яков Яковлевич Рогинский (1895–1986) — антрополог, доктор биологических наук, профессор МГУ; основные работы относятся к антропогенезу и морфологии человека.

76

Святой Франциск де Саль (1567–1622) — с 1602 года епископ Женевы. Речь идет о его рукописи «Руководство к благочестивой жизни». Впоследствии ее перевела В. Я. Василевская, а о. Александр отправил перевод в Брюссель.

77

Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин (1915–1991) — русский писатель-мемуарист, публицист, участник диссидентского движения в СССР. В 1933–1946 годах участник обновленческого раскола, в дальнейшем — историк обновленчества.

78

«Путешествие на „Кон-Тики“» или «Экспедиция „Кон-Тики“» — книга норвежского путешественника Тура Хейердала.

79

Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) — философ-идеалист и психолог, профессор Московского университета, много лет был председателем Московского психологического общества и редактором журнала «Вопросы философии и психологии». С раннего детства ближайший друг и оппонент В. С. Соловьева. Создатель первой в России системы теоретической философии.

80

Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) — представитель русской религиозной философии, один из основателей направления интуитивизма в философии.

81

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — писатель, поэт, литературный критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель.

82

Юлиус Велльгаузен (1844–1918) — немецкий востоковед и исследователь Библии. Его книга «Введение в историю Израиля» (1878) вышла в русском переводе в 1909 году.

83

Речь идет о трех статьях Евгения Николаевича Трубецкого «Умозрение в красках».

84

Митрополит Киприан (ок. 1330–1406) — митрополит Киевский, Русский и Литовский (1375–1380), митрополит Малой Руси и Литвы (1380–1389), митрополит Киевский и всея Руси (1389–1406), писатель, редактор, переводчик и книгописец. Почитается в Русской Православной церкви в лике святителей. Речь идет о книге архимандрита Киприана Керна «Антропология св. Григория Паламы» (Париж, 1950).

85

*Григорий Палам**а*** (1296–1359) — архиепископ Фессалоникийский, христианский мистик, византийский богослов и философ, систематизатор и создатель философского обоснования практики исихазма, отец и учитель Церкви. Прославлен Православной церковью в лике святителей.

86

Кристофер Доусон (1889–1979) — английский культуролог, католический мыслитель.

87

Александр Иванович Введенский (1889–1946) — российский и советский религиозный деятель, один из идеологов и лидеров обновленческого раскола. Постоянный член обновленческого Священного синода (до его «самоликвидации» весной 1935 года). Ректор Московской богословской академии (открыта в октябре 1923 года); с 10 октября 1941 года «Первоиерарх Православных церквей в СССР». Проповедник и христианский апологет. Именовал себя «митрополитом-Апологетом-Благовестником». В 1920-е годы имел репутацию непревзойденного оратора благодаря своим выступлениям на публичных диспутах с «антирелигиозниками» (в 1929 году подобные диспуты были запрещены в связи с изменениями в 4-й статье Конституции).

88

Имеются в виду камусовые лыжи. К*а*мус — шкура с голени животных, принадлежащих в основном семейству оленевых, которая обладает более коротким и прочным мехом и используется для изготовления специальной противоскользящей подкладки на нижнюю поверхность охотничьих лыж для уменьшения отдачи при движении, особенно в гору.

89

Василий Николаевич Скалон (1903–1976) — доктор биологических наук, профессор, зоолог, охотовед, краевед, основатель факультета охотоведения ИСХИ.

90

Наталья Михайловна Соболева (1922–2001) окончила исторический факультет МГУ. До момента ареста о. Иоанна Крестьянкина в 1950 году была его активной помощницей и прихожанкой храма. После своего ареста о. Иоанн благословил ее все духовные вопросы разрешать у о. Николая Голубцова. Впоследствии — сотрудница иностранного отдела Московской патриархии. После выхода на пенсию — преподаватель русского языка и литературы в Московской духовной семинарии. Затем — монахиня.

91

Екатерина Александровна Крашенинникова (1918–1997) — историк, библиограф, друг и корреспондент Б. Л. Пастернака и А. А. Тарковского. Приняла предсмертную исповедь Б. Л. Пастернака, передав ее потом священнику. «Ярче всего звучит в моей памяти ее голос на отпевании моего отца ночью 1 июня 1960 года, в той маленькой темной комнате, где мы теснились. Она была живым воплощением горя, превозмогаемого усилием веры», — вспоминал о ней сын поэта Е. Б. Пастернак.

92

Митрополит Николай (в миру Борис Дорофеевич Ярушевич; 1891–1961) — митрополит Крутицкий и Коломенский. Проповедник и богослов, педагог. Первый председатель новообразованного отдела внешних церковных сношений Московского патриархата (с апреля 1946 года). В конце 1950-х годов публично выступал с критикой государственной политики материализма и атеизма. В последний год жизни ему было фактически запрещено служить.

93

Из устных воспоминаний о. Александра Меня, рассказанных Зое Масленикововй.

94

Архиепископ Макарий (в миру Сергей Константинович Даев; 1888–1960) — был избран епископом Можайским, викарием Московской епархии, с оставлением настоятелем Ризоположенской церкви. Являлся ближайшим помощником митрополита Николая (Ярушевича), часто сопровождал его в заграничных поездках.

95

Факсимиле этого прошения от 24 апреля 1958 года: *Мень А.* О себе… С. 74.

96

Александр Викторович Ельчанинов (1881–1934) — священник, церковный историк, литератор. В 1921 году эмигрировал из России. Был одним из руководителей Русского студенческого христианского движения (РСХД). Протоиерей Сергий Булгаков писал о нем как о священнике: «…он представлял собой явление необычайное и исключительное, ибо воплощал в себе органическую слиянность смиренной преданности православию и простоты детской веры со всей утонченностью русского культурного предания».

97

Архимандрит Киприан (в миру Константин Эдуардович Керн; 1899–1960) — священнослужитель Сербской Православной церкви, Русской Зарубежной Церкви (РПЦЗ); с 1936 года в Западноевропейском экзархате русских приходов (Константинопольский патриархат). Богослов, церковный историк. Доктор церковных наук (1945; тема диссертации: «Антропология святого Григория Паламы»).

98

Митрополит Антоний (в миру Анатолий Сергеевич Мельников; 1924–1986) — епископ Русской Православной церкви; с 1978 года митрополит Ленинградский и Новгородский, постоянный член Священного синода, богослов.

99

Владимир Дмитриевич Коншин (1903–1970) — окончил Институт востоковедения, был духовным чадом о. Сергия Мечева. Провел три года в ссылке по обвинению в «участии в антисоветской группе священника Мечева и антисоветской пропаганде» (Москва, 1929 год). Учился в рыбохозяйственном институте и защитил кандидатскую диссертацию по гидрохимии озер.

100

Прошение диакона А. Меня было написано 26 ноября 1958 года: Архив СПбПДА. Л/д: священник Александр Мень. Д. 111. Л. 13, 14.

101

Епископ Стефан (в миру Сергей Алексеевич Никитин; 1895–1963) — епископ Русской Православной церкви, епископ Можайский, временно управляющий Калужской епархией. До момента тайного рукоположения в 1935 году епископом Афанасием (Сахаровым) работал врачом, был прихожанином, а затем председателем приходского совета прихода храма Святого Николая в Кленниках на Маросейке у отцов Мечевых, был арестован и осужден (1931–1934) за активную церковную деятельность. В апреле 1960 года хиротонисан во епископа Можайского. Скончался во время воскресной проповеди в кафедральном соборе, в которой призывал прихожан любить Господа, как любили Его жены-мироносицы. Похоронен в селе Акулове Московской области.

102

Серафим Александрович Голубцов (1908–1981) — брат о. Николая Голубцова. Был рукоположен в 1946 году, в 1964–1970 годах — настоятель Покровской церкви в поселке Тарасовка Московской области.

103

Митрополит Питирим (Свиридов) (1887–1963), с 1960 года — митрополит Крутицкий и Коломенский.

104

Здесь и далее по тексту приведены цитаты и использованы материалы из книги «О себе…», в которой собраны рассказы отца Александра Меня о своей жизни и служении.

105

Имеется в виду митрополит Сурожский Антоний (Блум) (1914–2003), выступавший с проповедями по английскому радиовещанию на Россию.

106

18 апреля 1961 года под жестким давлением Совета по делам РПЦ Священный синод принял решение об отстранении священнослужителей от хозяйственных дел в приходах, которое было утверждено на Архиерейском соборе 18 июля 1961 года.

107

Для регистрации требовалось участие не менее двадцати человек.

108

Собор 1945 года был созван в связи со смертью патриарха Сергия. Архиерейский собор 1961 года внес изменения в четвертый раздел «Положения об управлении Русской Православной Церковью», принятого в 1945 году. Изменение это облегчило процедуру закрытия храмов, и если на 1 января 1961 года в стране действовало 11 616 церквей, то на 21 августа 1963 года — лишь 8314.

109

Архиепископ Ермоген (Голубев) (1896–1978) — с 1953 года епископ Ташкентский и Среднеазиатский. В начале 1957-го выстроил в Ташкенте большой храм. В 1963–1965 годах архиепископ Калужский и Боровский. О его выступлении летом 1965 года против постановления 1961 года и предшествующей «диссидентской» деятельности см.: *Костенко Н., Кузовкин Г., Лукашевский С.* Трудное житие архиепископа Ермогена // Христианство в истории. 1965. № 6 (IV).

110

Святитель архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) (1877–1961), архиепископ Симферопольский и Крымский с 1946 года.

111

Николай Николаевич Эшлиман (1928–1985) был рукоположен во диакона в 1959 году в Костроме, во священника в 1961 году митрополитом Пименом (Извековым); последнее место служения — московский храм Покрова Пресвятой Богородицы в Лыщиковом переулке. 25 ноября 1965 года вместе с Глебом Якуниным направил Алексию I открытое письмо, которое подробно рисовало картину противозаконного подавления органами государственной власти СССР прав и свобод верующих граждан страны. В мае 1966 года определением Святейшего патриарха Алексия священники Николай Эшлиман и Глеб Якунин «за вредную для Церкви и соблазнительную деятельность» были уволены в заштат «с запрещением в священнослужении, до полного раскаяния». После этого работал по своей светской профессии художником.

112

Глеб Павлович Якунин (1934–2014) окончил Пушно-меховой институт в Иркутске, учился в Московской духовной семинарии, из которой через год был исключен по обвинению в присвоении из семинарской библиотеки запретной для студентов книги Н. А. Бердяева «Философия свободы» (хотя вернул книгу по первому требованию). В 1962 году рукоположен во священника. С 1965 года активно участвовал в правозащитном движении. Арестован в 1979 году. Освобожден в 1987 году. Избирался народным депутатом Верховного Совета и Государственной думы. 1 ноября 1993 года Г. П. Якунин лишен священнического сана Священным синодом РПЦ за отказ подчиниться требованию о неучастии православных клириков в парламентских выборах. Позднее решение Священного синода было одобрено Архиерейским собором РПЦ, пригрозившим Г. П. Якунину отлучением от Церкви в том случае, если он не перестанет «самочинно носить священнические одежды и иерейский крест». Один из создателей в 1995 году и председатель Общественного комитета защиты свободы совести (город Москва), который занимается защитой прав верующих. 19 февраля 1997 года на Архиерейском соборе Русской Православной церкви отлучен от Церкви. Впоследствии Г. П. Якунин был принят в юрисдикцию УПЦ-КП в священническом сане, а затем перешел в Русскую Истинно-Православную (Катакомбную) церковь. В 2000 году на ее основе было сформировано Движение за Возрождение Российского Православия, а затем и «Апостольская Православная Церковь Возрождения», где Г. П. Якунин имел сан протопресвитера.

113

Евгений Викторович Барабанов (род. 1943) — искусствовед, историк русской философии и литературы, теолог, почетный доктор теологии Тюбингенского университета. В 1970-е годы участник правозащитного движения.

114

*Пол Джексон П**о**ллок* (1912–1956) — американский художник, известный своей техникой разбрызгивания жидкой бытовой краски на горизонтальную поверхность («техника капельного орошения»), которая позволяла ему просматривать и рисовать свои полотна со всех сторон.

115

Из интервью Натальи Комаровой Лидии Мурановой. Ноябрь 2006 года.

116

Мария Николаевна Соколова (монахиня Иулиания) (1899–1981) — иконописец, реставратор и преподаватель Московских духовных школ. С 1946 года до своей кончины практически руководила всеми реставрационными работами в Троице-Сергиевой лавре.

117

Борис Иванович Мухин (1912–1985) — живописец, портретист, иконописец. Учился в Рязанском художественном училище. С середины 1930-х работал в Рязанском театре художником. В Вене служил художником в штабе маршала Конева. Был незаконно репрессирован. В Москве и Загорске создал портреты патриархов и полотна на библейские сюжеты. Работы Мухина хранятся в музеях и частных коллекциях.

118

Архиепископ Киприан (в миру Михаил Викентьевич Зёрнов; 1911–1987) — в 1961 году хиротонисан во епископа Подольского, в 1964 году стал архиепископом Берлинским и Среднеевропейским, но вскоре был отозван в Россию и остаток жизни провел настоятелем храма Иконы Всех Скорбящих Радость на Большой Ордынке в Москве. В начале 1960-х годов его считали одним из самых влиятельных членов Священного синода Русской Православной церкви. Входил в ближайшее окружение патриарха Алексия. Приложил немало усилий, чтобы уберечь храмы от закрытия и разрушения.

119

Митрополит Леонид (в миру Лев Львович Поляков; 1913–1990) — епископ Русской Православной церкви, митрополит Рижский и Латвийский. С 1957 по 1959 год в сане архимандрита был инспектором Московских духовных семинарий и академии, преподавал гомилетику.

120

Митрополит Питирим (в миру Константин Владимирович Нечаев; 1926–2003) — епископ Русской Православной церкви, митрополит Волоколамский и Юрьевский. С 1963 по 1994 год возглавлял Издательский отдел Московской патриархии. После провала ГКЧП в августе 1991 года священник Глеб Якунин, по ознакомлении с некоторыми документами в архиве КГБ СССР, опубликовал выписки из отчетов 5-го Управления КГБ о работе с агентами-сотрудниками Московской патриархии, в частности с агентом «Аббат», которого он отождествил с Питиримом Нечаевым.

121

Эту цитату отец Александр привел в разговоре с Зоей Масленниковой.

122

Князь Давид Назаров, выехавший в XVIII веке из Грузии с царем Вахтангом в Россию.

123

Павел Иванович Якунин и Клавдия Иосифовна Здановская — родители Г. П. Якунина.

124

Волкова Е. Глыба Глеба. СПб.: Дом Галича, 2021.

125

Сергей Алексеевич Желудков (1909–1984) — церковный писатель, священник Русской Православной церкви, богословский модернист, сторонник богослужебных реформ, участник правозащитного движения.

126

Павел Федорович Дарманский (1928–2002) — в 1946 году возглавлял баптистскую общину. В 1955 году окончил Ленинградскую духовную академию, кандидат богословия. До 1958 года служил в церкви Праведного Иова на Волковом кладбище в Ленинграде. 11 февраля 1958 года написал заявление уполномоченному Совета по делам РПЦ об «окончательном разрыве» с Церковью. 22 февраля в «Комсомольской правде» было опубликовано его антирелигиозное письмо. Выступал с атеистическими лекциями.

127

«Почему Вы порвали с религией?» Открытое письмо священника Сергия Желудкова бывшему священнику П. Дарманскому. ЦГА СПб. Ф. 9324. Оп. 2. Д. 74. Л. 165–174.

128

Из выступления о. Александра Меня на вечере памяти о. Сергия Желудкова 5 марта 1989 года.

129

Наука и религия. 1962. № 12.

130

Журнал Московской Патриархии. 1962. № 1.

131

Евграф Каленьевич Дулуман (1928–2013) — выпускник МДА. Его первая антирелигиозная брошюра «Почему я перестал верить в Бога. Рассказ бывшего кандидата богословия» (М., 1957) активно популяризировалась в России и была переведена на многие языки.

132

Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) — иеромонах, французский католический мыслитель, ученый-палеонтолог.

133

Василий Васильевич Болотов (1853–1900) — православный богослов и историк Церкви.

134

Карл Густав Адольф фон Гарнак (1851–1930) — немецкий лютеранский теолог либерального направления, церковный историк, автор фундаментальных трудов по истории раннехристианской литературы и истории догматов.

135

Луи Дюшен (1843–1922) — священник, французский католический историк древней Церкви.

136

Имеется в виду дачный участок семьи Меней в районе станции Отдых.

137

Лев Алексеевич Лебедев (1935–1998) — историк, православный священник. В 1962 году окончил исторический факультет МГУ, работал в музее (1962–1964), в 1968 году рукоположен во священника, с 1990 года перешел в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей.

138

Александр Ильич Клибанов (1910–1994) много печатался при большевиках. Специализировался на поиске социализма и протестантизма в русской народной религиозности. В 1932–1934 годах заведующий отделом агитации и пропаганды ленинградского отделения Союза воинствующих безбожников, ответственный редактор и уполномоченный по Ленинграду Государственного антирелигиозного издательства.

139

Роман Андреевич Руденко (1907–1981) — советский государственный деятель, Генеральный прокурор СССР (1953–1981). Входил в состав особой тройки НКВД СССР. Занимая прокурорские должности, принимал участие в массовых репрессиях.

140

Малыгин Иван. Фальшивый крест // Ленинское знамя. 1964. № 172. 23 июля. В статье Клибанов ошибочно назван Колобыниным. Статья критиковала и директора музея Д. В. Петкова.

141

Имеется в виду следующая книга шеститомника — «Дионис. Логос. Судьба».

142

О. Сергий Хохлов.

143

Алексей Алексеевич Трушин, в 1960-е годы уполномоченный по делам религии при исполкоме Мособлсовета.

144

Из интервью Натальи Трауберг, размещенного на ютуб-канале: https://www.youtube.com/watch?v=PiUQ57yhOwc.

145

Семхоз (Семенное хозяйство) — станция по Ярославской железной дороге (последняя перед Сергиевым Посадом). На станции Семхоз в годы войны, когда еще не было здесь ни этого дома, ни поселка, Елена Семеновна Мень, возвращаясь из Загорска в Москву, выходила, чтобы собрать хворост — топить таган у себя в коммунальной кухне на Серпуховке (после смерти о. Серафима она с мальчиками вернулась в московский дом, но их долго не прописывали, и за хлебом — выкупать по карточкам — она ездила через день в Загорск).

146

Фрагмент из интервью Владимира Юликова Ольге Ерохиной.

147

Протоиерей Всеволод Шпиллер (1902–1984), репатриант, в то время настоятель храма Святителя Николая в Кузнецкой слободе. Его духовными чадами были многие представители интеллигенции.

148

Феликс Владимирович Карелин (1925–1992) — диссидент и религиозный публицист.

149

В фонозаписи воспоминаний отца Александра следует пропуск и, видимо, значительный: не сохранилось ничего о сочинении письма. Однако из контекста видно, что о. Александр считал Карелина его фактическим автором. Об истории письма 1965 года сам Карелин писал в самиздатском журнале (Рубикон перейден // Слово. 1988. № 1): «Священник Глеб Якунин „Открытое письмо“ не писал. Он торопился подписать бумагу, наскоро состряпанную А. Э. Левитиным. С этим и пришел к о. Николаю. Однако, когда о. Николай прочел левитинский „документ“, он категорически заявил: „Эту цидульку я подписывать не буду“. После этого началась серьезная и продолжительная работа над составлением „Открытого письма“. В этой работе мне пришлось принять самое активное участие. Однако мое участие сводилось в основном к работе литературной. Что же касается духа „Открытого письма“, то он почти всецело определялся личностью о. Николая».

150

Впоследствии — патриарх Алексий II (Ридигер). Письмо было подано 15 декабря 1965 года.

151

В доме первосвященника Иудеи Каиафы, сказавшего: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11: 46–53), была решена судьба Иисуса Христа.

152

Аналогичные заявления были также направлены на имя председателя Совмина СССР А. Н. Косыгина и генпрокурора СССР Р. А. Руденко.

153

Русская служба Би-би-си (англ. BBC Russian Service) — британская русскоязычная общественная служба новостей.

154

Мень А. Несколько слов о деле двух московских священников // Вестник русского христианского студенческого движения. 1970. № 95–96. С. 99–106. Опубликовано под псевдонимом «Аркадьев».

155

С октября 1963 года — митрополит Крутицкий и Коломенский.

156

Митрополит Никодим (в миру Борис Георгиевич Ротов; 1929–1978) — иерарх Русской Православной церкви; с 1963 года митрополит Ленинградский и Ладожский. Председатель Отдела внешних церковных сношений Московской патриархии (1960–1972), Патриарший экзарх Западной Европы (1974–1978).

157

Виктор Афанасьевич Капитанчук (род. 1945) — реставратор икон, участник правозащитного движения, секретарь Христианского комитета защиты прав верующих в СССР.

158

Лев Львович Регельсон (род. 1939) — диссидент и публицист, автор книги «Трагедия Русской Церкви». С 2000-х годов активист неканонической Апостольской православной церкви, а впоследствии клирик, член Синода и Председатель Синодальной комиссии АПЦ по вопросам вероучения и церковного устройства.

159

Мэлиб (Мелик) Самуилович Агурский (1933–1991) — к моменту их встречи кибернетик; впоследствии диссидент, отказник, историк, политолог, публицист, один из авторов сборника «Из-под глыб». Под его фамилией о. Александр сдал в печать (1965) рассказ «Виноградник Навуфея» в сборник «Вавилонская башня и другие библейские предания» (М., 1990).

160

Метод философствования, созданный Сократом и заключавшийся в раскрытии понятий путем последовательных вопросов, через «испытание». В ходе диалога Сократ вместо того, чтобы утверждать ту или иную истину, задает последовательно вопросы, отвечая на которые, его собеседник сам формулирует дотоле неизвестные ему утверждения («рождает истину»).

161

Мария Вениаминовна Юдина (1899–1970) — пианистка, религиозный мыслитель. В юности, помимо музыкальных занятий, посещала в родном Невеле философский кружок, участником которого был философ и филолог Михаил Бахтин. В 1919 году приняла крещение. В круг ее общения входили многие выдающиеся люди, такие как о. Павел Флоренский, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Владимир Фаворский.

162

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) — ученый, писатель и переводчик. Археолог, востоковед и географ, историк, этнолог, философ. Создатель пассионарной теории этногенеза. Сын Николая Гумилева и Анны Ахматовой.

163

Издана под псевдонимом: *Павлов А.* Откуда явилось все это? Napoli: Edizioni Dehoniane, 1972.

164

Михаил Калик. Фильм «Любить» (Молдова-фильм, 1968).

165

Инесса Суреновна Туманян (1929–2005) — советский и армянский кинорежиссер, сценарист. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации (2000).

166

Туманян И. Пейзаж после меня // Искусство кино. 2006. № 9. Сентябрь.

167

Алексей Владимирович Романов (1908–1998) — советский государственный деятель. Кандидат в члены ЦК КПСС в 1961–1986 годах. С 1965 по 1972 год председатель Комитета по кинематографии при Совмине СССР.

168

Валерий Петрович Ушаков (род. 1940) — композитор, регент, хормейстер, певец и продюсер.

169

Протоиерей Григорий Крыжановский (1890–1977), до 1929 года жил в Чехословакии, с 1950-го в Албании, в 1962 году вернулся в Россию.

170

Григорий Турчин, писатель. Эмигрировал в Израиль.

171

В Беляеве-Богородском жил, в частности, М. Агурский.

172

Михаил Иванович Калинин (1875–1946) — российский революционный, советский государственный и партийный деятель. С 1919 года председатель ВЦИКа.

173

Кенозис представляет собой концепцию, полагающую «уничижение» собственной воли и всецелое послушание совершенной воле Бога.

174

Ерохин В. П. Вожделенное отечество. М.: Волшебный фонарь, 2019.

175

Еремин А. Отец Александр Мень: Пастырь на рубеже веков. М.: Carte Blanche, 2001.

176

В то время примерно месячная зарплата выпускника московского вуза.

177

Архипов Владимир, прот. Слово об отце Александре. М.: Благовест, 2008. С. 14.

178

Святое равнодушие (*лат.*).

179

Из стенограммы беседы автора с Софией Руковой. Июль 2021 года.

180

Из Послания к Евреям (гл. 12, ст. 1).

181

Мень А. Мировая духовная культура, христианство, Церковь. Лекции и беседы. М., 1995. С. 622.

182

Мень А. Мировая духовная культура, христианство, Церковь. Лекции и беседы. М., 1995. С. 607.

183

О. Владимир Архипов о пастырстве Александра Меня. Из стенограммы телепередачи.

184

Из стенограммы интервью А. И. Черняка автору. Апрель 2021 года.

185

Диафильмы представляли собой последовательность слайдов, которые сменяли на проекторе по сигналу на фонограмме.

186

Ханс Кюнг (1928–2021) — швейцарский теолог, католический священник и писатель.

187

Владимир Филимонович Марцинковский (1884–1971) — христианский мыслитель, публицист, богослов и общественный деятель. Исповедовал недогматическое, неконфессиональное христианство, в котором живой опыт стоит выше догмы.

188

Имеется в виду анонимное «Открытое письмо Александру Меню», по всей видимости, инициированное КГБ и получившее хождение в конце 1970-х годов. В этом письме отец Александр называется «постовым сионизма».

189

Митрополит Ювеналий (в миру — Владимир Кириллович Поярков; род. 1935) — епископ Русской Православной церкви. С 1977 до 2021 года — митрополит Крутицкий и Коломенский, патриарший наместник Московской епархии. Постоянный член Священного синода РПЦ (с 1972 до 2021 года).

190

Имеется в виду «Альбом признаний Надежды Петровны Остроуховой, урожденной Боткиной». Он хранится в собрании художника И. С. Остроухова. Такой же альбом был и у Татьяны Львовны Сухотиной, старшей дочери Л. Н. Толстого.

191

Мень А. О Христе и Церкви. Домашние беседы. М.: Жизнь с Богом, 2010.

192

Мень А., прот. Интервью на случай ареста // *Мень А.* О себе… С. 214.

193

Мень А., прот. Трудный путь к диалогу. С. 214.

194

Пантеизм — философское учение, объединяющее и иногда отождествляющее божество и мир.

195

Мень А. О себе… С. 222.

196

Мень А. О себе… С. 226–227.

197

Мень А., прот. Церковь и мы. С. 106–107.

198

Мень А., прот. Церковь и мы. С. 106–107.

199

Отец Александр Мень отвечает на вопросы. С. 139–140.

200

Мень А., прот. Магия, оккультизм, христианство. С. 126.

201

Из книги А. Еремина «Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков».

202

Отец Александр Мень отвечает на вопросы. С. 290.

203

Мень А., прот. Интервью на случай ареста. С. 217.

204

Отец Александр Мень отвечает на вопросы. С. 301.

205

Мень А. Практическое руководство к молитве… С. 172.

206

Из интервью Елены Захаровой Лидии Мурановой. Февраль 2008 года.

207

Мень А. Почему нам трудно поверить в Бога? С. 184–185.

208

Мень А. О Христе и Церкви… С. 74.

209

Отец Александр Мень отвечает на вопросы. С. 252.

210

Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) — советский физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Общественный деятель, диссидент и правозащитник.

211

Мень А. Трудный путь к диалогу. С. 132–133.

212

Мень А. О Христе и Церкви… С. 186–187.

213

Из книги В. Илюшенко «Отец Александр Мень. Жизнь, смерть, бессмертие».

214

Мень А. О Христе и Церкви… С. 119.

215

Мень А. Быть христианином… С. 28.

216

Мень А. Истоки религии. С. 338.

217

Мень А. Почему нам трудно поверить в Бога. С. 166–167.

218

Мень А., прот. Магия, оккультизм, христианство… С. 179–180.

219

Мень А., прот. Истоки религии… С. 232–233.

220

Мень А., прот. Магия, оккультизм, христианство… С. 46.

221

Мень А., прот. Трудный путь к диалогу… С. 157.

222

Мень А., прот. Из современных проблем Церкви… С. 70–71.

223

Мень А., прот. Мировая духовная культура. С. 18–20.

224

Мень А., прот. Любить Бога и любить человека. С. 267.

225

Мень А. Радостная весть. М., 1991. С. 316.

226

Мень А., прот. О Христе и Церкви: Домашние беседы. С. 115.

227

Мень А. Библия и литература. С. 7.

228

Мень А. Таинство, Слово и Образ. С. 15.

229

Отец Александр Мень отвечает на вопросы. С. 322.

230

Отец Александр Мень отвечает на вопросы. С. 331–332.

231

Из книги А. Еремина «Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков».

232

Мень А., прот. О Христе и Церкви: Домашние беседы. С. 61.

233

Отец Александр Мень отвечает на вопросы. С. 263.

234

Из книги А. Еремина «Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков».

235

Здесь и далее приведены фрагменты из книги протоиерея Владимира Архипова «Слово об отце Александре» (М.: Благовест, 2008), а также из его выступления, посвященного пастырскому опыту о. Александра Меня, на youtube канале.

236

Из книги А. Еремина «Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков».

237

Мень А. У врат молчания. М., 1992. С. 194.

238

Здесь и далее цитируются фрагменты из книги А. Еремина «Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков», а также из его выступления, посвященного пастырскому опыту о. Александра Меня, на youtube канале.

239

Рашковский Е. Б. История и свобода. О. Александр Мень и культурные горизонты России конца XX века // Приходские вести храма святых бессребреников Космы и Дамиана в Шубине. М., 2005. № 13. С. 9.

240

Из книги А. Еремина «Отец Александр Мень. Пастырь на рубеже веков».

241

Мень А. Радостная весть. М., 1991. С. 255.

242

Архиепископ Василий (в миру Всеволод Александрович Кривошеин; 1900–1985) — епископ Русской Церкви, проживавший в Западной Европе; с 31 мая 1960 года — архиепископ Брюссельский и Бельгийский. Ученый-патролог. В 1980 году направил телеграмму Л. И. Брежневу, в которой выразил протест по поводу ареста священника Дмитрия Дудко. Высказывал в бельгийской прессе свое решительное неприятие арестов священников Глеба Якунина и Дмитрия Дудко.

243

Никита Алексеевич Струве (1931–2016) — издатель и переводчик, публицист, исследователь проблем русской эмиграции и культуры России. Начиная с 1970 года — ответственный редактор журнала «Вестник РХД» в Париже. С 1978 года — глава издательства русской книги YMCA-press.

244

Василий Витальевич Шульгин (1878–1976) — русский политический и общественный деятель, публицист. Депутат Второй, Третьей и Четвертой Государственных дум, во время Февральской революции принявший отречение из рук Николая II. Один из организаторов и идеологов Белого движения. Русский националист и монархист.

245

Из интервью Владимира Павлова автору. Март 2021 года.

246

Анатолий Тихонович Марченко (1938–1986) — правозащитник, известный советский диссидент и политзаключенный, писатель.

247

Юлий Маркович Даниэль (псевдоним Николай Аржак; 1925–1988) — русский прозаик и поэт, переводчик, диссидент.

248

Из интервью Василия Косенко Лидии Мурановой. Январь 2008 года.

249

Из книги Александра Зорина «Ангел-чернорабочий».

250

Сандр Рига (настоящее имя — Александр Ротбергс) родился в Риге в 1939 году. Учился в рижской школе прикладного искусства. Работал художником, санитаром, спасателем. С 1964 года жил в Москве, изучал философию, многие религиозные учения. В тридцатилетнем возрасте пережил внутренний кризис и обратился к христианству. В начале 1970-х вместе со своими единомышленниками создал первую экуменическую группу. В 1984 году стал узником совести, направлен на принудительное лечение в психбольницу тюремного типа.

251

Из романа В. Ерохина «Вожделенное отечество».

252

Так, Андрей Черняк вспоминает эпизод, когда Маркус без благословения о. Александра самостоятельно принял предлагаемую западными христианами помощь в виде портативной типографии и заказал ее доставку непосредственно на дом к о. Александру, после чего батюшка без секундных колебаний попросил немедленно ее убрать (из стенограммы беседы автора с А. Черняком, апрель 2021 года).

253

«Борющаяся солидарность» — польская антикоммунистическая организация 1980-х годов. Возникла в подполье в период военного положения. Занимала наиболее радикальные позиции, вела активную уличную борьбу с режимом Польской объединенной рабочей партии. «Солидарность» первой в Восточной Европе сформулировала программу свержения коммунистического режима.

254

Имеется в виду Елена Владимировна Вержбловская, монахиня Досифея.

255

Файнберг В. Л. Отец Александр, Александр Владимирович, Саша.

256

Из интервью Евгения Пастернака Лидии Мурановой, записанного в ноябре 2006 года.

257

Сотрудник КГБ.

258

То есть добиться заявления, аналогичного тому, с которым выступил священник Дмитрий Дудко.

259

1988-й — это год тысячелетия Крещения Руси, подготовка к которому получила общественный статус.

260

Прихожанка новодеревенского храма, редактор.

261

Из интервью Натальи Трауберг Лидии Мурановой. Ноябрь 2006 года.

262

Дмитрий Сергеевич Лихачев (1906–1999) — советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, доктор филологических наук, профессор, академик АН СССР. Председатель правления Российского (Советского до 1991 года) фонда культуры (1986–1993).

263

Из устного рассказа Андрея Еремина автору: «В середине 80-х годов в Новую Деревню приехал академик Дмитрий Лихачев. Один прихожанин подвел меня к сидящему на лавочке невысокому, скромному седому человеку и познакомил: „Андрей, это Дмитрий Сергеевич Лихачев. А это, Дмитрий Сергеевич, наш алтарник Андрей“. Летом 1990 года я был на службе с отцом Александром в церкви в будний день. В храме почти никого еще не было, обедня еще не началась. Батюшка готовился к ней. Мы были в алтаре одни. Отец Александр повернулся ко мне и сказал: „Андрюша, мне сообщили, что Дмитрий Сергеевич очень болен. Лежит в больнице по поводу пневмонии. Ему делали уколы антибиотиков, видимо, вкололи грязную иглу и заразили сепсисом. Сейчас он умирает. Давайте с вами помолимся“. Он стал на колени перед алтарем, я тоже. И так в течение 10 минут мы молча молились. Потом батюшка поднялся и стал служить литургию. Очень скоро мы узнали, что Д. С. Лихачев выздоровел и выписался из больницы. Для меня очевидно, что они много переписывались, между ними была постоянная духовная связь».

264

Ис. 21: 11–12.

265

Дурова А. Россия — очищение огнем. М.: Рудомино, 1999.

266

Мадлен Даниелу в 1906 году основала католический педагогический институт и несколько католических средних школ для девушек, основой воспитания в которых стало духовное учение Игнатия Лойолы.

267

Андрей Донатович Синявский (литературный псевдоним — Абрам Терц; 1925–1997) — русский писатель, литературовед и критик, советский диссидент, политзаключенный.

268

Лидия Леонидовна Пастернак — сестра Б. Л. Пастернака.

269

Ольга Михайловна Фрейденберг (1890–1955) — филолог-классик, антиковед, культуролог-фольклорист. Двоюродная сестра Бориса Пастернака.

270

Ирина Михайловна Поснова (1914–1997) — издательница, переводчица, деятель русского католичества XX века в эмиграции, участник «Русского апостолата» — миссии католической церкви в рамках греко-католической традиции, обращенной на Россию — СССР и русское зарубежье. Доктор филологии. Наиболее известна как основательница католического издательства «Жизнь с Богом» и одноименного экуменического журнала. Одной из лучших публикаций издательства в1980-х стала так называемая «брюссельская» Библия на русском языке с введением, комментариями и примечаниями, в работе над которыми о. Александр Мень принял самое активное участие. Шеститомник о. Александра «В поисках Пути, Истины и Жизни» был к тому времени уже полностью издан в «Жизни с Богом» под псевдонимом Эммануил Светлов.

271

Дмитрий Михайлович Панин (1911–1987) — философ и публицист, инженер, политический заключенный. Изображен Солженицыным под фамилией Сологдин в романе «В круге первом».

272

Из стенограммы интервью Андрея Еремина автору. Сентябрь 2021 года.

273

Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом. М.: Согласие, 1996.

274

Клер получила на это благословение своего епископа, Шарля де Прованшэра (1904–1984), ответственного за Конгрегацию малых сестер Иисуса. В данном случае католический епископ дал, по сути, благословение на интеркоммунион (англ. intercommunion — «тесное общение, взаимодействие») — совместное участие в таинстве Евхаристии (что допускалось в соответствии с решениями Второго Ватиканского собора).

275

Магдалена Ютен (1898–1989) — основательница Конгрегации малых сестер Иисуса.

276

Клер и другие «малые сестры Иисуса» были высланы из СССР без права возвращения после получения КГБ подробной информации о приходе о. Александра и его духовных детях от В. Никифорова. Вскоре после этого в журнале «Октябрь» появилась статья, в которой Клер изображалась агентом Ватикана и ЦРУ. Высылка из страны стала для Клер огромной трагедией. Вернуться в Россию она смогла только после гибели о. Александра.

277

Митрополит Антоний (в миру Андрей Борисович Блум; 1914–2003) — епископ Русской Православной церкви, митрополит Сурожский. В 1965–1974 годах — Патриарший экзарх Западной Европы. Автор многочисленных книг, мемуаров и статей о духовной жизни и православной духовности. Один из наиболее популярных православных проповедников XX века; его проповеди и выступления на радио вызвали значительный интерес как у православных читателей (главным образом в странах бывшего СССР), так и в инославной среде.

278

Александр Дмитриевич Шмеман (1921–1983) — священнослужитель Православной церкви в Америке, протопресвитер; богослов, автор ряда работ по православному богословию и истории. Доктор богословия, профессор. Еженедельно вел беседы о русской духовной культуре на радиостанции «Свобода», возглавлял Комитет по защите прав верующих в Америке.

279

Иван (Иоанн) Феофилович Мейендорф (1926–1992) — протопресвитер Православной церкви в Америке, богослов, патролог, византинист и церковный историк. До 1992 года работал деканом Свято-Владимирской духовной семинарии в предместье Крествуд, Йонкерс, штат Нью-Йорк.

280

Роже Луи Шютц-Марсош (1915–2005) — франко-швейцарский христианский монах, основатель и первый глава экуменической общины Тэзе в Бургундии, Франция.

281

Жан-Мари Люстиже (1926–2007) — французский кардинал. Епископ Орлеана с 1979 по 1981 год. Архиепископ Парижа с 1981 по 2005 год. Автор теологических трудов.

282

Кирилл Александрович Ельчанинов (1923–2001) — сын священника Александра Ельчанинова. Окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, где позднее преподавал философию и апологетику, профессор. С 1952 года — генеральный секретарь Русского студенческого христианского движения (РСХД), а с 1978 года — председатель РСХД во Франции. Руководитель благотворительной организации «Помощь верующим в России» («L'aide au croyants»).

283

Свято-Сергиевский православный богословский институт — французское частное высшее учебное заведение в юрисдикции Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе (Московский патриархат). Располагается на территории Сергиевского подворья в Париже.

284

Аксенов-Меерсон Михаил, прот. Отец Александр Мень и возрождение русской библеистики // Альманах Христианос XIX. Рига, 2010.

285

Архив СПбПДА. Л/д: священник Александр Мень. Д. 111. Л. 135.

286

Из стенограммы разговора протоиерея Владимира Архипова с автором. Март 2021 года.

287

Ин. 16: 23.

288

Константин Арсеньевич Ясюнинский (1863–1907) — общественный и государственный деятель, русский промышленник, купец первой гильдии, инженер-механик, член Государственного совета Российской империи.

289

Адольф Николаевич Овчинников (1931–2021) — художник-реставратор высшей квалификации древнерусской и поствизантийской темперной живописи, икон и фресок, специалист по христианской символике, эксперт-исследователь технологии средневековой живописи, копиист средневековых памятников, педагог, сотрудник Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. академика И. Э. Грабаря.

290

Истина и жизнь. 2000. № 1. С. 32–33.

291

ЮНЕСКО — специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.

292

Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи, «кадровый резерв» КПСС.

293

Здесь и далее приведены цитаты из статьи А. Кравецкого «Как отец Александр Мень впервые выступил на вечере райкома», опубликованной на интернет-портале pravmir.ru.

294

Белавин А. А. Четвертая позиция. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 1999.

295

Ежи Александер Попелушко (1947–1984) — польский римско-католический священник, активный сторонник профсоюза «Солидарность» и капеллан его варшавского отделения. Был последовательным антикоммунистом. Проповеди Попелушко регулярно транслировались по радио «Свобода», поэтому он стал известен по всей Польше своей бескомпромиссной позицией против режима. Его убийство сотрудниками Службы безопасности МВД Польской Народной Республики вызвало большой резонанс в мире.

296

Из стенограммы разговора Э. Л. Безносова с автором. Апрель 2021 года.

297

Из доклада К. А. Черняк «Наследие протоиерея Александра Меня в работе молодежного христианского клуба „Осанна“». IV Меневские чтения. 2009.

298

Юлиан Семенович Семенов (настоящая фамилия Ля́ндрес; 1931–1993) — русский советский писатель, сценарист и прозаик, публицист, поэт, педагог, журналист. Основатель журнала «Детектив и политика» и газеты «Совершенно секретно». Один из пионеров жанра «журналистские расследования» в советской периодике.

299

Витторио Страда (1929–2018) — итальянский литературовед и переводчик-славист, историк русской литературы, научной и общественной мысли.

300

Тре Фонтане — основной дом «малых сестер Иисуса», расположенный в Риме на улице Лауринтина, где, по преданию, апостол Павел принял свой мученический венец. Этот дом, расположенный в эвкалиптовом лесу, был отдан «малым сестрам» траппистами из Тре Фонтане.

301

Руссикум — семинария восточного обряда, которая готовит священников для Восточной Европы.

302

Это чудо! (*ит.*).

303

Из выступления В. И. Илюшенко на конференции памяти прот. Александра Меня «Христианская вера и культура» в сентябре 2017 года.

304

*Вячеслав Всеволодович Ив**а**нов* (1929–2017) — советский и российский лингвист, переводчик, семиотик и антрополог. Доктор филологических наук, академик РАН. Директор Института мировой культуры МГУ и Русской антропологической школы РГГУ.

305

Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы.

306

Дарья Беленькая — дочь Екатерины Гениевой.

307

Имеется в виду отсыл к стихотворению Льюиса Кэрролла, входящего в повесть-сказку «Алиса в Зазеркалье».

308

Из стенограммы беседы Э. Л. Безносова и И. А. Букринской с автором. Апрель 2021 года.

309

Альманах «Метрополь» — сборник неподцензурных текстов известных литераторов (участники — Владимир Высоцкий, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Юз Алешковский, Евгений Рейн, Генрих Сапгир, Юрий Карабчиевский, Юрий Кублановский и др.), а также авторов, не допускавшихся в «эпоху застоя» к официальной печати. «Метрополь» был издан тиражом 12 экземпляров в Москве в декабре 1978 года самиздатовским способом — в виде машинописи. Один из экземпляров альманаха был нелегально вывезен в США и в 1979 году опубликован там издательством «Ardis Publishing» — сначала репринтным способом, а впоследствии в новом наборе. После издания альманаха его авторы подверглись разного вида гонениям в СССР.

310

«Метрополь-2» не увидел свет по техническим причинам. Заметка о. А. Меня была опубликована в журнале «Вышгород», Таллин (№ 1–2 за 2007 год).

311

Фрагмент из интервью Евгения Ямбурга Лидии Мурановой. Ноябрь 2006 года.

312

Гемодиализ — метод внепочечного очищения крови при острой и хронической почечной недостаточности. Во время гемодиализа происходят удаление из организма токсических продуктов обмена веществ, нормализация нарушений водного и электролитного балансов.

313

По материалам сайта Регионального общественного благотворительного фонда помощи тяжелобольным и обездоленным детям «Дети. мск. ру».

314

Из стенограммы разговора протоиерея Владимира Архипова с автором. Март 2021 года.

315

Жан Ванье (1928–2019) — канадский и французский основатель общин-поселений для умственно отсталых людей, называемых «Ковчег», а также движения «Вера и Свет» — общин, в которые входят особые люди, их родители и их друзья.

316

Из стенограммы разговора протоиерея Владимира Архипова с автором. Март 2021 года.

317

По материалам интервью с Анастасией Бельтюковой (Православное образование. 2016. 19 июня).

318

По материалам сайта российской общины «Вера и Свет» https://www.vera-i-svet.ru/

319

Из выступления Михаила Завалова на конференции памяти отца Александра Меня 12.09.2017.

320

Первый интернационал — первая массовая международная организация рабочего класса, учрежденная К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1864 году в Лондоне. Объединяла ячейки из 13 европейских стран и США. Эта организация прекратила свое существование в 1876 году после раскола, произошедшего в 1872 году.

321

Из интервью Георгия Шиловского Лидии Мурановой. Ноябрь 2006 года.

322

Это мероприятие проходило в Колонном зале Дома союзов.

323

Обличитель ереси жидовствующих Иосиф Волоцкий (1439–1515) призывал светские власти преследовать и казнить отступников от православия и тех еретиков, кто «прельщает» православных еретическими учениями.

324

Николай Николаевич Афанасьев (1893–1966) — протопресвитер Архиепископии православных церквей русской традиции в Западной Европе Константинопольского патриархата, богослов-экклезиолог, профессор Свято-Сергиевского института в Париже. Участник многочисленных экуменических встреч.

325

Шевченко М. В Екатеринбурге сжигают книги русских богословов // Независимая газета. 1998. 29 мая. С. 1.

326

Николай Иванович Пирогов (1810–1881) — русский хирург и ученый-анатом, естествоиспытатель и педагог. Официальному курсу образования противопоставил идею общечеловеческого воспитания, предполагающего подготовку к жизни в обществе высоконравственного человека, имеющего широкий умственный кругозор.

327

Мень А. Размышления о педагогике. Использованы фрагменты стенограммы телевизионной передачи, 1990 год. Опубликовано в газете «Первое сентября». 2008. № 13.

328

Мень А. О себе… С. 268.

329

Каринэ Диланян (род. 1953) — кинорежиссер, сценарист, член Союза кинематографистов СССР (ныне — РФ), лауреат многих международных и всесоюзных кинофестивалей.

330

Из выступления Анатолия Руденко на вечере памяти отца Александра Меня в ВГБИЛ 22 января 2020 года.

331

Из передачи на youtube канале «Жизнь и смерть отца Александра Меня и глобальный кризис консерватизма».

332

Из интервью Сергея Бычкова Лидии Мурановой. Ноябрь 2006 года.

333

Ценностного.

334

Из выступления Анатолия Руденко на вечере памяти о. Александра Меня в ВГБИЛ 22 января 2020 года. Митрополит Владимир (в миру Виктор Маркианович Сабодан; 1935–2014) — епископ Русской Православной церкви; с 1992 по 2014 год — Предстоятель Украинской Православной церкви (Московского патриархата) с титулом Блаженнейший Митрополит Киевский и всея Украины; постоянный член Священного синода Русской Православной церкви.

335

Игумен Иннокентий (в миру Сергей Николаевич Павлов; 1952–2020) — советский и российский религиозный деятель, исследователь истории раннего христианства, библеист, церковный историк, переводчик, публицист. Кандидат богословия. Член правления Российского библейского общества. Игумен и заштатный клирик Русской Православной церкви.

336

Отъезд Елены в Италию незадолго до описываемых событий стал тяжелым известием для о. Александра. Он допускал, что никогда больше не увидит ее.

337

О. Станисловас Добровольскис (в миру Альгирдас Миколас Добровольскис; 1918–2005) — францисканский монах, настоятель храма и единственный священник в поселке Пабярже, Литва. Родился в Радвилишкисе в семье железнодорожного служащего. По окончании начальной школы мальчика отдали в иезуитскую гимназию в Каунасе. Гимназистов водили в трущобы Каунаса, чтобы показать, как страшны нищета и бедность, и Альгирдас Миколас начал задумываться о том, чтобы посвятить жизнь обездоленным. В 1936 году юноша решается принять обет нестяжания и уезжает в монастырь капуцинов в Плунге. Там он становится меньшим братом Станисловасом. Рукоположен во священники в 1944 году. В 1948 году был уведен в тюрьму в монашеской рясе, другой одежды у него не было. Освобожден в 1956 году. «Почему он стал так известен? — размышляет Наталья Трауберг. — „Не может укрыться город, стоящий на верху горы“. Литва тогда искала очень духовного человека, была в нем потребность. Помню, молочник, простая душа, сказал: „Что наши ксендзы! Я в костел-то и не хожу. Но у нас есть Добровольский!“ То есть он в народном сознании был носителем чистейшей францисканской — бескорыстной, бессребренической — духовности».

338

Из интервью Натальи Поповой Лидии Мурановой. Ноябрь 2006 года.

339

Олег Александрович Устинов (род. 1982) — историк, кандидат философских наук, руководитель научно-просветительского отдела КПЦ «Дубрава» имени Александра Меня, лектор Народного университета им. А. С. Горловского.

340

Олег Брониславович Карпов — историк. В 1990 году — руководитель исторического кружка Загорского дома пионеров и школьников.

341

Так называли бывших военнослужащих Советской армии, воевавших в Афганистане в период военного конфликта (1979–1989).

342

Об этом вспоминает прихожанин Новой Деревни Марк Вайнер.

343

Этот эпизод вспоминает Зоя Масленикова в книге «Жизнь отца Александра Меня» (М.: Присцельс, Русслит, 1995).

344

Помни о смерти (*лат.*).

345

Использован рассказ Наталии Мехонцевой из фильма «Крест отца Александра», созданного в 1991 году на Киевской киностудии научно-популярных фильмов.

346

Митрополит Леонид (в миру Лев Львович Поляков; 1913–1990) — епископ Русской Православной церкви, митрополит Рижский и Латвийский. Умер в этот день, 8 сентября.

347

Использованы материалы публикаций средств массовой информации и книги С. Бычкова «Хроника нераскрытого убийства» (М.: Русское рекламное издательство, 1996).

348

Возможно, что убийц было двое и один из них сначала остановил о. Александра и протянул ему некий текст для прочтения, в то время как другой нанес удар сзади. В пользу этой версии говорят найденные рядом со шляпой окровавленные очки отца Александра, которые он надевал только для чтения.

349

По материалам фильма «Хроника нераскрытого убийства»: https://www.youtube.com/watch?v=uc4SWPgD-0Q.

350

Фазиль Абдулович Искандер (1929–2016) — советский, абхазский и русский прозаик, журналист, поэт и сценарист, общественный деятель.

351

Марк Григорьевич Розовский (род. 1937) — советский, затем российский театральный режиссер, драматург и сценарист, композитор, прозаик, поэт, художественный руководитель театра «У Никитских ворот».

352

Григорий Соломонович Померанц (1918–2013) — российский философ, культуролог, писатель, эссеист.

353

Памяти протоиерея Александра Меня. М.: Рудомино, 1991. С. 43–44.

354

Константин Владимирович Смирнов-Осташвили (1936–1991) — политический и общественный деятель, русский националист; антисемит. Один из лидеров общества «Память».

355

Из книги О. П. Ерохиной «На земле живых» (рукопись).

356

Русская мысль. № 3864.

357

Митрофорный протоиерей Алексий Злобин (род. 1935) окончил Московскую духовную семинарию. В 1955 году рукоположен во священника. В 1955–1974 годах — настоятель храма Михаила Архангела в селе Красном Торжокского района Калининской области, с 1974 года — настоятель Церкви Рождества Богородицы в селе Городня-на-Волге Конаковского района. С 1990 по 1993 год — народный депутат России, член Верховного Совета РСФСР, секретарь Комитета по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности, член Комиссии по вопросам депутатской этики, член Конституционной комиссии.

358

Из интервью Глеба Якунина Лидии Мурановой. Февраль 2008 года.

359

Публикация от 6 февраля 2012 года.

360

Вадим Викторович Бакатин (род. 1937) — советский партийный и государственный деятель, либеральный реформатор органов госбезопасности. Первый секретарь Кировского и Кемеровского обкомов КПСС (1985–1988), министр внутренних дел СССР (1988–1990), кандидат на выборах президента РСФСР (1991), последний руководитель КГБ СССР (МСБ СССР) (1991–1992).

361

Михаил Александрович Мень (род. 1960) — российский государственный деятель, аудитор Счетной палаты Российской Федерации с 20 июня 2018 года. Министр строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (2013–2018), вице-губернатор Московской области (1999–2002), заместитель мэра Москвы (2002–2005), глава администрации (губернатор) Ивановской области (2005–2013).

362

Августовский путч (Августовский кризис) — события 18–21 августа 1991 года в Советском Союзе, получившие оценку со стороны официальных лиц и органов государственной власти в СССР как заговор, государственный переворот и антиконституционный захват власти.

363

Данный факт подробно описан в книге А. И. Лебедя «За державу обидно» (М.: Редакция газеты «Московская правда», 1995). *Александр Иванович Лебедь* (1950–2002) — советский и российский государственный и военный деятель, военачальник, гвардии генерал-лейтенант.

364

Выдержка из решения Центра информации и общественных связей Генеральной прокуратуры РФ.

365

Аверинцев Сергей. Миссионер для племени интеллигентов // Литературная газета. 1991. 4 сентября.

366

Мф. 5: 19.

367

Из приветственного слова митрополита Ювеналия к X Меневским чтениям, 2015 год.

368

Архимандрит Зинон (в миру Владимир Михайлович Теодор; род. 1953) — священнослужитель Русской Православной церкви, крупный художник-иконописец, теоретик церковного искусства, педагог.

369

Архиепископ Григорий (1942–2018) — епископ Русской Православной церкви, архиепископ Можайский, викарий Московской епархии (1987–2018).

370

Behr-Sigel Élisabeth. Pour un témoignage chrétien renouvelé // Contacts. 2000. № 189.

371

Из интервью, взятого у о. Карлоса Торреса журналистом Ренцо Аллегри. Полная версия интервью опубликована в газете «Русская мысль» (№ 4202, 18–24 декабря 1997 г. С. 7).